

ЦЕРКОВНАЯ
ИСТОРИЯ
ЭРМІЯ СОЗОМЕНА САЛАМИНСКАГО.

—

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ФИШЕРА.

1851.

КРАТКОЕ СВѢДѢНІЕ ОБЪ ЭРМІИ СОЗОМЕНЪ

И
ЕГО ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРИИ.

Эрміи Созоменъ, подобно Сократу, у Фотія называется схоластикомъ ¹⁾; слѣдовательно, по роду гражданскихъ своихъ занятій, онъ принадлежалъ также къ сословію адвокатовъ, или стряпчихъ. Мѣстомъ его рожденія было селеніе Веилія, лежавшее недалеко отъ Газы палестинской. По крайней мѣрѣ, въ этомъ селеніи дѣдъ Созомена, первый изъ своего рода, принявъ Христіанство и между окрестными Христіанами славился просвѣщеннымъ своимъ умомъ, знаніемъ божественныхъ Писаній и способностію объяснить казавшіяся темными мѣста ихъ ²⁾. Притомъ Созоменъ былъ личнымъ свидѣтелемъ святой жизни Зенона ³⁾, занимавшаго епископскій престолъ въ Маіумѣ близъ Газы, слѣдовательно и самъ долженъ былъ жить въ тѣхъ мѣстахъ. Никифоръ, вмѣстѣ съ другими писателями, несправедливо утверждаетъ, будто отечествомъ Созомена надобно почитать Саламинъ — городъ на островѣ Кипрѣ. Поводомъ къ его догадкѣ служитъ только то, что Эрміи Созоменъ называется также саламинскимъ, или правильнѣе, саламанскимъ: по это названіе, по всей вѣроятности, было семейное, а не отечественное, какъ можно заключать изъ слѣдующихъ обстоятельствъ. Въ пятой книгѣ Церковной Исторіи Созоменъ говоритъ, что дѣдъ его подвигнутъ былъ

¹⁾ Phot. Cod. 30. p. 17. ²⁾ Sozom. L. V. c. 15. ³⁾ Sozom. L. VII. c. 28.

Печатать позволяется. С. Петербургъ. 8 Декабря
1850 года.

Цензоръ *Архимандритъ Іоаннъ.*

къ принятію христіанской вѣры чудеснымъ исцѣленіемъ одного своего родственника Алафіона, надъ которымъ до того времени напрасно истощаемы были всѣ средства врачебной науки, и котораго однимъ призываніемъ имени Божія исцѣдилъ нѣкто монахъ Иларіонъ, изгнавъ изъ него демона. Дѣти и внуки этого Алафіона отличались святостію жизни, нищелюбіемъ и другими добродѣтелями, строили также въ окрестностяхъ Газы монастыри и церкви. Позднѣйшіе изъ нихъ, наставленные вышеупомянутымъ Иларіономъ и избравшіе по-видимому родъ жизни монашеской, извѣстны были лично самому писателю Исторіи; ибо съ ними онъ обращался еще въ своемъ дѣтствѣ и этихъ родственниковъ называетъ братьями—Саламаномъ, Фускономъ, Малхіономъ и Криспіономъ ¹⁾). Первый между ими, Саламанъ, вѣроятно былъ родоначальникомъ отдѣльнаго дома Саламанскихъ, къ которому принадлежалъ и Созоменъ. Обращеніемъ Созомена съ этими любителями подвижнической жизни и воспитаніемъ въ ихъ обществѣ, какъ увидимъ послѣ, хорошо объясняются и нѣкоторыя особенности написанной имъ Исторіи. Получивъ начальное воспитаніе подъ руководствомъ своихъ родственниковъ, Созоменъ предположилъ потомъ изучить судебное законовѣденіе и для этой цѣли переѣхалъ въ пограничный съ его отечествомъ, финикійскій городъ Беритъ ²⁾, въ которомъ процвѣтало знаменитое въ то время училище правовѣденія, въ исторіи церковныхъ событій памятное намъ, между прочимъ, и изъ жизни мученика Апфіана ³⁾). Неизвѣстно, сколько времени оставался онъ въ Беритѣ; но

¹⁾ *Sozom.* L. V. c. 32.

²⁾ *Vales.* de vit. et script. Socratis atque Sozomeni. p. XV.

³⁾ *Ессва.* II. О палестинскихъ мученикахъ. гл. 4.

послѣ того жилъ уже въ Константинополѣ, гдѣ приобрѣтенныя изъ науки познанія прилагалъ къ дѣлу, и занимался адвокатствомъ ¹⁾).

Первымъ опытомъ собственно литературныхъ трудовъ Созомена было—сокращеніе Церковной Исторіи отъ Рождества Христова до низверженія Ликинія ²⁾): но это сочиненіе его до насъ не дошло. Потомъ онъ написалъ Церковную Исторію другаго періода времени, долженствовавшую служить продолженіемъ его Сокращенія и предлагаемую нынѣ читателямъ въ русскомъ переводѣ. По предназначенію писателя ³⁾, она должна была обнимать событія Церкви отъ третьяго консульства кесарей Криспа и Константина до семнадцатаго консульства Θεодосія Младшаго, то-есть, отъ 324 до 439 года; но на самомъ дѣлѣ этотъ трудъ оканчивается 415 годомъ. Изъ этого видно, что Созоменъ не совсѣмъ выполнилъ свое предназначеніе, и предпринятое сочиненіе довести до конца, вѣроятно, не позволила ему смерть. Нѣкоторыя обстоятельства даютъ также основаніе для догадки, въ которое именно время Созоменъ писалъ свою Исторію. Онъ посвящаетъ ее Θεодосію Младшему и, въ своемъ посвященіи восхваляя царя, говоритъ, что Θεодосій, во время похода въ Ираклію понтійскую, палимый зноемъ и засыпаемый пылью, не хотѣлъ принять подносимый ему прохладительный напитокъ, размышляя, что въ его войскѣ никто не отказался бы утолить свою жажду подобною жидкостію, и однакожъ войны лишены этого удовольствія. Приводимое здѣсь обстоятельство въ похвалу Θεодосія относится, какъ извѣстно, къ 443 году; слѣдовательно Созоменъ началъ писать свою Исторію послѣ сего времени. А продолжался его трудъ далѣе 446

¹⁾ *Sozom.* L. II. c. 3. ²⁾ *Ibid.* L. I. c. 1. ³⁾ *Ibid.* proleg.

года; потому что въ послѣдней книгѣ онъ упоминаетъ о константинопольскомъ епископѣ Проклѣ, какъ объ архипастырѣ уже умершемъ; но Проклъ умеръ въ 446 году.

Излагая Исторію Церкви, Созоменъ, по всей вѣроятности, имѣлъ предъ глазами Церковную Исторію Сократа и заимствовалъ изъ ней особенно описаніе тѣхъ лицъ и событій, которыя относились къ новаціанской сектѣ. Это видно изъ похвалъ, расточаемыхъ въ его сочиненіи новаціанскимъ епископамъ. Но личнаго пристрастія къ ученію сихъ еретиковъ онъ конечно не имѣлъ, потому что во многихъ случаяхъ порицаетъ жестокосердіе новаціанъ къ согрѣшившимъ¹⁾. Притомъ, его Исторія вездѣ сохраняетъ свой особенный характеръ, котораго отличительныя черты видны частію въ духѣ и направленіи повѣствованія, частію въ предпочтительномъ развитіи извѣстныхъ историческихъ предметовъ. Въ томъ и другомъ отношеніи трудъ Созомена надобно понимать, какъ необходимое и весьма важное дополненіе сочиненія Сократова. Воспитанный подъ руководствомъ благочестивыхъ подвижниковъ, Созоменъ на всѣ—даже внѣшнія происшествія постоянно смотритъ съ правдивой и религіозной точки зрѣнія и съ особенною полнотою излагаетъ тѣ историческія событія, которыя касались египетскихъ, сирскихъ, палестинскихъ, понтійскихъ, арменскихъ и озроенскихъ пустынниковъ, чего у Сократа почти вовсе нѣтъ. Но съ другой стороны, превосходя Сократа обширностію и разнообразіемъ матеріаловъ, онъ, по суду Фотія²⁾, уступаетъ ему въ строгости сужденія. Тоже почти надобно сказать и о языкѣ Созомена. Языкъ Исторіи Созоменовой наряднѣе, чѣмъ языкъ Сократа; но за то ему недостаетъ простоты и точности языка Сократова.

¹⁾ *Sozom. L. I. c. 22. L. VII. c. 16.* ²⁾ *Phot. Cod. 30. p. 17.*

ЭРМІЯ СОЗОМЕНА САЛАМИНСКАГО

слово царю Феодосію.

и

СОДЕРЖАНІЕ ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРИИ.

Говорятъ, что у древнихъ самодержцевъ бывалъ (всегда) какой нибудь предметъ заботы: кто любилъ украшенія, — у тѣхъ порфира, въенецъ и тому подобное; кто заботился о краснорѣчіи, — у тѣхъ какое нибудь баснословное стихотвореніе или очаровательная повѣсть; кто упражнялся въ воинскомъ дѣлѣ, — тѣ старались мѣтко пускать стрѣлу, повергать звѣря, бросать коньё или всакивать на коня. И ко двору представлялся всякій, могшій доставить повелителю, что было ему любезно: одинъ приносилъ рѣдкій камень, другой предлагалъ блистательнѣйшую краску для порфиры; тотъ посвящалъ стихотвореніе или повѣсть; этотъ открывалъ новый и необыкновенный способъ вооруженія. Величайшимъ же и царскимъ (сокровищемъ) считалось, если повелитель всѣхъ пріобрѣталъ хотя одну частицу общественной добродѣтели. А о благочестіи, истинномъ украшеніи царствованія, ни у кого тогда не было заботы. Напротивъ ты

державный царь Осодосій, говоря кратко, при помощи Божіей, стяжалъ всякую добродѣтель. Для зрителей облакаясь въ порфиру и вънѣцъ—символы (твоего) достоинства, внутренно ты всегда облакаешься истиннымъ украшеніемъ царствованія—благочестіемъ и челоуколюбіемъ. Посему поэты, повѣствователи, многіе изъ твоихъ градоначальниковъ и другіе подданные непрестанно трудятся надъ прославленіемъ тебя и твоихъ дѣйствій. И ты, какъ верховный судія и цѣнитель словесныхъ произведеній, не обманываешься въ сужденіи какимъ-нибудь высокопарнымъ словомъ или вѣщностію, но произнесши мнѣніе вѣрно, обращая вниманіе и на сообразность языка съ предметомъ сочиненія, и на форму рѣчи, и на части, и на порядокъ, и на согласіе, и на выраженіе, и на связность, и на доказательства, и на мысли, и на исторію. А награждаешь сочинителей и своимъ сужденіемъ, и рукописками, и золотыми изображениями, и выставкою ихъ статуй, и дарами, и разнообразными почестями. Въ отношеніи къ сочинителямъ ты являешься такимъ, какими не были ни древніе Критяне въ отношеніи къ тому пресловутому Гомеру, ни Алевады въ отношеніи къ Симониду, ни сицилійскій тиранъ Діонисій въ отношеніи къ Платону, другу Соократову, ни Филиппъ македонскій въ отношеніи къ лѣтописцу Теоному, ни кесарь Северъ въ отношеніи къ Оппіану, описавшему въ сти-

хахъ роды рыбъ, ихъ свойства и ловлю. Ибо Критяне, наградивъ Гомера за краснорѣчіе тысячею монетъ и хвалясь этимъ, будто чрезвычайною щедростію, предали ее памяти потомства на публичномъ столбѣ. Алевады, равно какъ Діонисій и Филиппъ, были бы не молчаливѣе Критяне, уважаемыхъ за мирный и философскій порядокъ жизни, и, по подражанію, не замедлили бы поставить такой же столбъ, еслибы подобнымъ даромъ не боялись унижить себя. А Северъ, за каждый стихъ посредственной поэмы Оппіана, подарилъ ему по золотой монетѣ и до того изумилъ всѣхъ этою щедростію, что Оппіановы стихи еще до нынѣ у многихъ называются золотыми. Таковы были дары древнихъ любителей науки и словесности. Что же касается до тебя, Государь, то въ награжденіи за словесныя произведенія, ты не уступаешь никому изъ бывшихъ когда-либо награждателей и, мнѣ кажется, дѣлаешь это не безъ цѣли; ибо, стараясь побѣдить всѣхъ добродѣтелями, ведешь себя къ усовершенію и для сего между прочимъ выискаешь въ исторію древнихъ происшествій у Грековъ и Римлянъ. Говорятъ, что днемъ ты занимаешься оружіемъ, упражняешь тѣло и распоряжаешься дѣлами подданныхъ, производя судъ, предписывая, что слѣдуетъ, разсматривая обязанности частныя и общественныя, а ночью читаешь книги и, для чтенія ихъ, какъ поется слухъ, пользуешься такою лампа-

дою, которая посредствомъ какого-то механизма сама собою подливаетъ масло въ свѣтильню,— чтобы никому изъ придворныхъ не нужно было озабочиваться твоими трудами и насиловать природу борьбою со сномъ. Такъ ты человѣколюбивъ, такъ кротокъ и къ приближеннымъ, и ко всемъ, подражая твоему заступнику, небесному Царю, Которому благоугодно дождить на праведныхъ и неправедныхъ, сіять своимъ солнцемъ (для всѣхъ) и доставлять безъ скупости все всемъ. Вѣроятно, чрезъ такое-то многоученіе узналъ ты, какъ слышно, и свойство камней, и силы корней, и дѣйствія лекарствъ,— не менѣе мудрѣйшаго Соломона, сына Давидова. А добродѣтелями и его превосходишь; ибо, сдѣлавшись рабомъ удовольствій, онъ не до конца сохранилъ благочестіе,— причину своихъ благъ и мудрости; а ты, державный, сластолюбію противопоставивъ воздержный помысль, по справедливости считаешься самодержцемъ не только людей, но и страстей души и тѣла. И если уже надобно сказать даже объ этомъ, то я узналъ, что ты побѣждаешь всякую прихоть въ пицѣ и питіи, и ни сладкія фиги, говоря поэтически, ни другой какой плодъ не могутъ плѣнить тебя. Много, что ты коснешься ихъ и отвѣдаешь, благословивъ напередъ Творца вселенскихъ. Привыкши господствовать надъ жаждою, зносомъ и холодомъ въ ежедневныхъ подвигахъ, ты воздержаніе, кажется, обратилъ въ свою природу. Недавно

еще, спѣша видѣть въ Понтѣ городъ Ираклею и возстановить въ немъ все, что пострадало отъ времени, ты предпринималъ лѣтнее путешествіе по Вионніи. И когда, во время полуденнаго солнечнаго зноя, одинъ изъ коньеносцевъ, увидѣвъ тебя, покрытаго пылью и обливаемаго потомъ, поспѣшилъ доставить (тебѣ) удовольствіе,—поднесъ тебѣ ярко отражавшую лучи солнца чашу съ какимъ-то пріятнымъ напиткомъ, разведеннымъ холодною водою: то ты, державный, хотя и принялъ ее и похвалилъ того человѣка за усердіе, давая знать, что скоро облагодѣтельствуешь его съ царскою щедростію; но такъ какъ всѣ воины съ жадностію смотрѣли на чашу и того почитали счастливымъ, кто станетъ пить изъ ней, то великодушно возвратилъ ему напитокъ и приказалъ употребить его, какъ угодно. Поэтому, мнѣ кажется несомнѣннымъ, что своими добродѣтелями ты побѣдилъ даже Александра Филиппова. Почитатели его говорятъ, что, когда онъ путешествовалъ съ Македонянами по безводному мѣсту,—одинъ усердный воинъ, нашедши воду, зачерпнулъ ее и принесъ своему государю; но принесенной онъ воды самъ хотя и не сталъ пить, однакожь вылилъ ее. Кратко сказать, мы вправѣ назвать тебя, по выраженію Гомера, царемъ царственнѣ твоихъ предшественниковъ: ибо иные изъ нихъ, какъ извѣстно, не приобрѣли ничего достойнаго удивленія; а другіе прославили свое царствованіе развѣ однимъ или

двумя подвигами. Напротивъ ты, державный, соедини всѣ добродѣтели, всѣхъ превзошелъ и благочестіемъ, и челоуѣколюбіемъ, и мужествомъ, и воздержаніемъ, и правдою, и щедротою, и свойственнымъ царскому достоинству великодушіемъ. Твое только управленіе, изъ всѣхъ когда-либо бывшихъ въ продолженіе цѣлаго вѣка, прославляется какъ безкровное и не запятанное убійствами. Ты съ удовольствіемъ учишь подданныхъ всему доброму и внушаешь имъ—усердіе къ тебѣ и къ обществу доказывать благожеланіемъ и почтеніемъ. По всѣмъ этимъ причинамъ, приступая къ изложенію церковной исторіи, я счелъ нужнымъ посвятить ее тебѣ; ибо кому съ бѣльшимъ приличіемъ могъ бы я поднести свой трудъ, намѣреваясь изобразить добродѣтели многихъ и Богоподобныхъ мужей, описать событія вселенской Церкви и показать, сколько встрѣчала она враговъ и какъ всегда находила покровительство у тебя и твоихъ предковъ? Ты, знаешь все и украшаешься всѣми добродѣтелями, а особенно благочестіемъ, которое, по слову Божію, есть начало премудрости. Прими же отъ меня это сочиненіе, размотри его и, по указанію вѣрнаго твоего взгляда, сдѣлавъ прибавки и исключенія, сообщи ему своими трудами надлежащую чистоту; ибо что покажется хорошимъ тебѣ, то будетъ полезно и превосходно для всѣхъ читателей. Никто не наложитъ перста на то, что искушено тобою. Мос

сочиненіе идетъ отъ третьяго консульства кесарей Криспа и Константина до пятнадцатаго твоего. А раздѣлить всю свою исторію мнѣ показалось хорошимъ на девять частей. Первыя двѣ книги будутъ обнимать церковныя событія при Константиѣ; третія и четвертая—при сыновьяхъ его; пятая и шестая—при племянникѣ сыновей Константина Великаго Юліанѣ, также при Ювіанѣ, Валентианѣ и Валентѣ; седьмая и осьмая покажутъ намъ событія при братьяхъ Граціанѣ и Валентианѣ—до возшествія на престолъ божественнаго твоего дѣда Θεодосія. Здѣсь же будетъ разсказано и о томъ, державный Государь, какъ славный вашъ отецъ Аркадій, вмѣстѣ съ благочестивѣйшимъ твоимъ дядею Гоноріемъ, наслѣдовалъ власть родителя и получилъ въ управленіе римскую имперію. А девятую книгу я отложилъ для описанія Христолюбивыхъ и благочестивыхъ подвиговъ Вашего Величества, которое да хранитъ Богъ всегда въ нерушимомъ благоденствіи, да одолеваетъ оно враговъ и попрастъ ихъ подъ ногами, и благочестивое свое царство да передаетъ въ роды родовъ, по благоволенію Христа, чрезъ Котораго и съ Которымъ слава Богу и Отцу со Святымъ Духомъ во вѣки. Аминь.

ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРИИ

ЭРМИЯ СОЗОМЕНА САЛАМИЦСКАГО

КНИГА ПЕРВАЯ.

ГЛАВА I.

Предисловіе къ книгѣ, въ которой историкъ разсуждаетъ объ іудейско-мъ народѣ; воспоминаетъ о тѣхъ, которые до сего времени предпринимали подобный трудъ, и говоритъ, какъ и изъ чего излезъ она своя исторія, какимъ образомъ будетъ заботиться объ истинѣ, и что еще войдетъ въ содержаніе ея исторіи.

Нѣкогда мнѣ приходило на мысль, отъ чего-бы это у другихъ людей вѣра въ Бога-Слово возбуждалась скорѣе, а Евреи съ трудомъ принимали ее, тогда какъ они издревль привыкли чтить божественное и, еще до пришествія Христа, знали отъ пророковъ о Его пришествіи, каково оно будетъ. Ибо Авраамъ, бывший первоположникомъ ихъ рода и обрѣзанія, удостоился лично видѣть здѣсь и угостить Сына Божія. Сынъ его, Исаакъ, получилъ честь предображателя крестной жертвы, когда отецъ привелъ его въ узахъ къ жертвеннику,—обстоятельство бывшее и съ Христомъ, какъ говорятъ прилжно занимающіеся священнымъ Писаніемъ. А Иаковъ предвозвѣстилъ исполнившееся нынѣ на

Христѣ чашіе языковъ и время Его пришествія, когда сказалъ: оскудѣютъ князья еврейскіе отъ рода Іуды, начальника племени, — чѣмъ означилъ онъ владычество Ирода, который, по отцу бывъ Идумеянинъ, а по матери Аравитянинъ, отъ римскаго сената и кесаря Августа получилъ въ свою власть народъ іудейскій. Да и изъ прочихъ пророковъ—одни предвозвѣстили рожденіе Христа и неказанное зачатіе Его,—то, что мать и по рожденіи осталась дѣвою, также родъ Его и отечество; другіе пророчественно описали божественныя и дивныя дѣла Его; а еще другіе предначертали страданіе и воскресеніе Его изъ мертвыхъ, и возшествіе на небеса, и обстоятельства каждаго изъ этихъ событий. Кто доселѣ не зналъ этого; тотъ, читая священныя книги, узнаетъ безъ труда. Да и Матѳіевъ священникъ Іосифъ, мужъ знаменитѣйшій какъ между Іудеями, такъ и между Римлянами, можетъ быть достовѣрнымъ свидѣтелемъ истинны о Христѣ: ибо онъ недоумѣваетъ, назвать ли Христа человекомъ, когда сей человекъ совершалъ такіа чудныя дѣла и преподавалъ столь истинное ученіе,—даже прямо называетъ Его Христомъ и знаетъ, что Онъ былъ осужденъ на крестъ, но чрезъ три дня оказался живымъ, и что божественные пророки предсказали о немъ весьма много и другихъ дивныхъ дѣлъ. Іосифъ свидѣтельствуесть также, что многіе Эллины и Іудеи, которыхъ привлекъ Онъ, оста-

ются привязанными къ нему, и что общество, названное по Его имени, не исчезло. Миѣ кажется, повѣствуя объ этомъ и смотря на дѣла, онъ готовъ былъ воскликнуть, что Христосъ есть Богъ; но пораженный необычайностію такой мысли, прошелъ какъ бы срединою,—ни въ чемъ не укорилъ увѣровавшихъ въ Него, или даже соглашался съ ними. Когда я размышляю объ этомъ, то миѣ дѣйствительно представляется страннымъ, что Евреи не предварили и не перешли прежде другихъ къ Христіанству. Правда, и Сивилла и нѣкоторые оракулы предъозначили также, что имѣло случиться съ Христомъ: но по этому всѣхъ Эллиновъ еще нельзя укорять въ невѣріи; ибо немногіе изъ нихъ, по видимому отличавшіеся образованіемъ, понимали тѣ, болѣею частию стихотворныя предсказанія, изреченныя народу въ выраженіяхъ возвышенныхъ. И это, какъ миѣ кажется, было дѣломъ всевышняго промысла,—для единомыслія грядущихъ племенъ провозглашать о будущемъ не только чрезъ своихъ, но отъ части и чрезъ нпоземныхъ пророковъ, подобно тому, какъ если бы какой-нибудь пѣвецъ, по требованію необыкновенной мелодіи, ударялъ плектромъ по особымъ струнамъ, или къ существующимъ прибавилъ другія. Итакъ удовлетворительно сказано, что Евреи, пользуясь болѣшими и легчайшими пророчествами касательно явленія Христа, въ отношеніи къ вѣрѣ въ Него стали по-

зади Эллиновъ; а посему не безразсудною кажется мысль, что Церковь особенно возрасла у другихъ народовъ. Причина во-первыхъ та, что въ божественныхъ и величайшихъ дѣлахъ Богъ любить совершать превращенія неожиданно; во-вторыхъ та, что богопочтеніе имѣло нужду не въ маловажныхъ какихъ-нибудь добродѣтеляхъ первоначальныхъ своихъ представителей. Если эти представители и не обладали языкомъ говорливымъ, или даромъ выражаться красиво,—если и не могли они убѣждать читателей рѣчами, либо математическими доказательствами; то, по крайней мѣрѣ, отъ этого дѣла ихъ производилось не хуже: оставляя имущества и пренебрегая собственность, бывъ распинаемы и принимая многія и тяжкія муки,—какъ будто жили въ чужихъ тѣлахъ, не обольщаясь по городамъ лестію народовъ и правителей и не страшась ихъ угрозъ, они всемъ ясно показали, что этотъ подвигъ совершаютъ для награды величайшихъ, такъ что съ ихъ стороны уже не требовалось словеснаго убѣжденія, когда самыя дѣла, и домашнія и общественныя, безъ труда заставляли людей вѣрить тому, о чемъ прежде они никогда не слыхивали. Теперь, когда во вселенной произошло столь дивное и благотворное превращеніе, что прежисе богослуженіе и отеческіе обычаи подверглись презрѣнію,—теперь странно представлять, какъ калидонскій кабанъ, марафонскій волъ и другія подобныя

по областямъ и городамъ вымышленныя вещи могли до того занимать вниманіе, что многіе, между Эллинами славнѣйшіе люди, обладая прекрасною способностію писать, трудились надъ описаніемъ тѣхъ предметовъ. Что же касается до меня, то, приступая къ изложенію Церковной Исторіи, я не насловалъ своей природы; ибо увѣренъ былъ, что, — такъ какъ эта Исторія, по своему предмету, есть дѣло не человѣческое, — Богу не трудно будетъ явить меня писателемъ ея даже сверхъ чаянія. Сперва я рѣшился — было вести это сочиненіе съ самаго начала: но сообразивъ, что и другіе дѣлали уже опыты описанія церковныхъ событій, каждый до своего времени, именно — мужи мудрые, Климентъ и Егезиппъ, преемственно слѣдовавшіе за Апостолами, также лѣтописецъ Африканъ и Евсевій, по прозванію Памфиловъ, человѣкъ многоученнѣйшій, знатокъ божественныхъ Писаній, равно какъ греческихъ поэтовъ и историковъ, — сообразивъ это, я изъ дошедшихъ до насъ памятниковъ о церковныхъ событіяхъ, со времени возшествія Христа на небо до низверженія Дикинія, сдѣлалъ сокращеніе, и разеказъ о всемъ, дотолѣ бывшемъ, заключилъ въ двухъ книгахъ; а теперь, съ Божіею помощію, попытаюсь изложить, что произошло послѣ того времени. Буду говорить о событіяхъ нашего и предшествующаго намъ вѣка, при которыхъ самъ присутствовалъ и о которыхъ слышалъ

отъ самовидцевъ, либо отъ людей, знавшихъ тѣ событія. Объ отдаленнѣйшихъ же получилъ я свѣденіе изъ постановленныхъ касательно богопочтенія законовъ, изъ бывшихъ по временамъ Соборовъ, изъ нововведеній и изъ царскихъ, либо священнослужительскихъ посланій, которыя частію еще донныѣ хранятся во дворцахъ и церквахъ, а частію ходятъ по рукамъ любителей словесныхъ произведеній. Нерѣдко думалъ я внести въ свое сочиненіе самыя ихъ выраженія, но боясь, что отъ этого объемъ моей Исторіи будетъ слишкомъ великъ, счелъ за лучшее — кратко излагать заключающіяся въ посланіяхъ мысли, кромѣ развѣ тѣхъ случаевъ, въ которыхъ встрѣтитея что-либо двусмысленное, о чемъ многіе разногласятъ. Тогда, — если буду имѣть подъ руками чью-нибудь рукопись, — въ подтвержденіе истины, тотчасъ приведу ее. Но, чтобы кто, по незнанію дѣла, не укорилъ нашего сочиненія въ лживости, когда случайно прочтетъ какія-либо несогласныя съ нимъ писанія, — да будетъ извѣстно, что по поводу Аріевыхъ и послѣ Арія возникавшихъ умствованій, начальники Церквей, разноглася между собою, писывали къ своимъ единомышленникамъ именно то, что было предметомъ ихъ заботливости, и, составляя отдѣльныя Соборы, рѣшали, что хотѣли, мыслившихъ же напротивъ часто осуждали заочно, а современныхъ себѣ царей, равно какъ приближенныхъ къ нимъ вельможъ, сколько

могли, преслѣдовали убѣжденіями и склонили къ своимъ мнѣніямъ. Потому для доказательства, что въ извѣстномъ обществѣ благочестіе понимается правильно, члены этого общества старались собирать въ одинъ составъ все посланія, написанныя въ пользу собственнаго ихъ вѣроисповѣданія, противныя же имъ оставляли, отъ чего изслѣдованіе относящихся къ этому событію сдѣлалось для насъ весьма труднымъ. Посему, такъ какъ, для достовѣрности Исторіи, нужно особенно заботиться объ истинѣ,—миѣ показалось необходимымъ, сколько возможно болѣе разслѣдовать эти письменные памятники. Итакъ, если я буду касаться самаго спора церковныхъ лицъ—напримѣръ за предстательство, либо за предпочтеніе извѣстнаго вѣроисповѣданія,—пусть не думаютъ, что мое повѣствованіе объ этомъ основывается на истеричности или злонамѣренности: ибо, во-первыхъ, повѣствователь, какъ сказано, долженъ ставить все ниже истины; во-вторыхъ, ученіе вселенской Церкви является самымъ несомнѣннымъ особенно тогда, когда бываетъ искушено кознями людей противнаго образа мыслей. Дѣйствіемъ Божіа всемогущества возстановляя въ то время собственную свою силу, оно привлекаетъ къ своей истинѣ все Церкви и народы. Размышляя я также, должно ли миѣ описывать извѣстныя церковныя событія только въ вѣдрѣ римской имперіи,—и разсудилъ, что хорошо будетъ, по

мѣрѣ возможности, разсказать также о религіозныхъ происшествіяхъ между Персами и Варварами. Равнымъ образомъ не менѣе относится къ Церковной Исторіи—упомянуть и о томъ, какіе гдѣ были отцы и учредители такъ называемаго монашества, и кто, сколько дошло до нашего слуха, составлялъ рядъ славнѣйшихъ ихъ преемниковъ. Изъ этого будетъ видно, что мы не неблагодарны къ нимъ и не забыли ихъ добродѣтели, но знаемъ исторію ихъ жизни. Чрезъ это мы оставимъ образецъ поведенія и для тѣхъ вышеупомянутыхъ, которые избрали тотъ же способъ любомудрія, чтобы, пользуясь симъ образцомъ, они достигли блаженнѣйшаго и счастливѣйшаго конца. Но объ этомъ, сколько можно, будетъ сказано впереди. Призвавъ въ помощь милосердіе Божіе, обратимся къ изложенію событія. Предполагаемое сочиненіе начнется съ слѣдующаго.

ГЛАВА 2.

Кто были епископами большихъ городовъ въ царствованіе Константина Великаго, и какъ при Ликинѣ востокъ до самой Ливіи христіанствовавъ осторожно, а западъ при Константинѣ исповѣдалъ Христіанство свободно.

Въ консульство кесарей Криспа и Константина, римскою Церковію управлялъ Сильвестръ, александрійскою — Александръ, іерусалимскою — Макарій; а въ антиохійской, что при Оронть, послѣ Романа еще никто не былъ поставленъ — вѣроятно отъ того, что гоненіе не

позволяло совершить рукоположенія. Однакожь чрезъ нѣсколько времени собравшіеся въ Никеѣ (отцы), дивясь жизни и словамъ Евстація, почли его достойнымъ занимать апостольскій престолъ и, такъ какъ онъ былъ уже епископомъ еоеѣдней Берин, перевели его въ Антіохію. Между тѣмъ какъ Христіане, жившіе на востокѣ до предѣловъ Египта и Ливіи, не осмѣливались тогда открыто дѣлать церковныя собранія, потому что Ликійскій перемѣнился въ благоволеніи къ нимъ, — Эллины, Македоняне и Иллирійцы, населявшіе западъ, исповѣдывали вѣру свободно, ибо тамошними Римлянами управлялъ Константинъ.

глава 3.

О томъ, что Константинъ привлеченъ въ Христіанство видѣніемъ креста и послѣдствъ Христовыхъ, и что онъ поставленъ былъ въ благочестіи нашими.

Мы знаемъ, что къ принятію христіанскаго ученія располагали Константина и другія многія причины, но особенно направило его къ этому явленіе божественнаго знаменія; ибо, намѣреваясь идти войною на Максентія, онъ вѣроятно размышлялъ самъ съ собою, какой будетъ конецъ сраженія и кто подастъ ему помощь. Обезпокоившись такими мыслями, увидѣлъ онъ во снѣ, будто на небѣ блистаетъ крестное знаменіе. Между тѣмъ какъ это поразило его, божественные Ангелы предстали предъ

нимъ и сказали: «снѣ побѣждай, Константинъ!»—Говорятъ также, что и самъ Христосъ явился ему и, показавъ символъ креста, заповѣдалъ устроить подобіе его и во время войнъ видѣть въ немъ поборника и подателя побѣды. А Евсевій Памфиловъ утверждаетъ, что онъ слышалъ, какъ самъ царь говорилъ и клялся, будто около полудня, когда солнце начало уже склоняться, знаменіе креста, составившееся изъ свѣта и имѣвшее надпись «побѣждай», видѣно было имъ и его войсками на небѣ. Это чудо совершилось, когда онъ былъ въ пути и шель куда-то съ войскомъ. Въ размышленіи о томъ, что оно значить, Константина застигла почъ. Во время сна явился ему Христосъ съ видѣннымъ на небѣ знаменіемъ и повелѣлъ сдѣлать подобіе его и пользоваться имъ, какъ помощію въ сраженіи съ врагами. Такъ какъ истолкованія на это не требовалось, и царю ясно показано было, какимъ образомъ должно мыслить о Богѣ; то, съ наступленіемъ дня, онъ созвалъ священниковъ Христовыхъ и началъ спрашивать ихъ объ ученіи. А они привесли священныя книги, возвѣстили все, относящееся къ Христу, и доказали изъ пророковъ, что объ этихъ событіяхъ ясно предречено было еще прежде, чѣмъ онъ совершились. Что же касается до явившагося ему знаменія, то они называли его символомъ побѣды надъ адомъ, которую Христосъ одержалъ, пришедши къ человѣкамъ, когда (то-есть)

былъ раснять, умеръ и въ третій день воскресъ. На этомъ-то, говорили, основывается наша надежда, что, по освобожденіи отъ здѣшней жизни въ концѣ настоящаго вѣка, всѣ люди воскреснутъ и будутъ безсмертны: одни—для награды за то, что совершили здѣсь хорошо, а другіе—для наказанія за то, что сдѣлали худо. Впрочемъ и проводившіе настоящую жизнь во грѣхахъ имѣютъ еще случай къ спасенію и очищенію себя отъ грѣховъ, то-есть не освященные могутъ быть еще освящены по закону Церкви—съ тѣмъ, чтобы, принявъ освященіе, уже не грѣшить. А такъ какъ совершенно исполнять это возможно не многимъ и божественнымъ мужамъ: то постановлено, учили они, и второе очищеніе—посредствомъ покаянія: ибо Богъ человеколюбивъ, Онъ проститъ падшихъ, если они покаются и свое покаяніе будутъ доказывать добрыми дѣлами.

ГЛАВА 4.

О томъ, что знаменіе креста повелѣлъ онъ носить при войскахъ; также дивное сказаніе о посетителяхъ этого крестнаго знаменія.

Когда священники раскрыли это, царь удивился пророчествамъ о Христѣ и приказалъ искуснымъ людямъ украсить золотомъ и драгоценными камнями и сдѣлать въ формѣ креста такъ называемый у Римлянъ *Лаборумъ*¹⁾. Это

¹⁾ Слово *Лаборумъ* происходитъ отъ латинскаго *labor*—трудъ. Этимъ именемъ называлось воинское знамя—вѣроятно потому, что оно предносимо было трудящемуся войску и тяжесть трудовъ облегчало своею помощію.

воинское знамя было почетнѣе другихъ, ибо всегда сопровождало царя,—и войска, говорятъ, склонялись предъ нимъ. Я думаю, что важнѣйшій символъ римскаго владычества *Константиъ* приказалъ передѣлать въ знаменіе Христово—особенно для того, чтобы подданные, постоянно созерцая и чтя его, оставляли отеческіе обычаи и Богомъ признавали только *Того*, Кого чтить и на Кого взирать, какъ на вожда и сподобника противъ враговъ, самъ царь. Это знамя носимо было всегда впереди собственныхъ его полковъ: но когда какой-нибудь отрядъ въ сраженіи ослабѣвалъ, приказываемо было приближать его къ этому отряду, и для сего учреждены были особые копейщики, которымъ вмѣнялось въ обязанность попеременно держать упомянутое знамя на плечахъ и съ нимъ обходить ряды непріятельскіе. Рассказываютъ, что однажды несшій его воинъ испугался внезапнаго нападенія непріятелей и, передавъ свою пошу другому, самъ удалился съ поля битвы. Но когда онъ находился уже внѣ полета стрѣлъ, мгновенно былъ пораженъ на смерть и палъ; а тотъ, который принялъ божественное знамя, хотя и многіе метли въ него, остался не уязвленнымъ; ибо непріятельскія стрѣлы, дивно, будто направляемыя божественною силою, воззались въ знамя, отъ носившаго же, не смотря на то, что онъ находился среди опасностей, отлетали. Говорятъ также, что ни одинъ воинъ, служив-

шій когда-либо этому знамени, не подвергался на войнѣ подобно всеѣмъ другимъ, неблагопріятной участи,—не бывалъ раненъ и не попадался въ плѣнъ.

ГЛАВА 5.

Возраженіе противъ тѣхъ, которые говорятъ, что Константинъ принялъ Христіанство въ слѣдствіе умерщвленія сына его Криспа.

Не безызвѣстно мнѣ и то, что говорятъ язычники, будто Константинъ, умертвивъ нѣкоторыхъ изъ ближайшихъ родственниковъ и содѣйствовавъ къ умерщвленію своего сына Криспа, раскаялся и, съ цѣлю получить очищеніе, началъ сношаться съ философомъ Сопатромъ, который въ то время былъ начальникомъ Плотиновой школы. Когда же Сопатръ отвѣчалъ, что для такихъ грѣховъ очищеніе не существуетъ; то царь этимъ отказомъ будто бы приведенъ былъ въ уныніе и обратился къ епископамъ, которые покаяніемъ и крещеніемъ обѣщались очистить его отъ всякаго грѣха. Такъ какъ епископы говорили согласно съ его потребностію, то онъ сочувствовалъ имъ, сталъ удивляться ихъ ученію, сдѣлался Христіаниномъ и къ тому же привелъ подданныхъ. Но мнѣ кажется, что это выдуманно людьми, старающимися поносить христіанскую вѣру; ибо Криспъ, ради котораго, сказываютъ, Константинъ нуждался въ очищеніи, умеръ въ двадцатый годъ правленія своего отца, послѣ того, какъ вмѣстѣ съ нимъ издалъ

уже много законовъ въ пользу Христіанъ и, имѣя достоинство кесаря, занималъ вторую степень въ имперіи, о чемъ и до нынѣ еще свидѣлствуютъ подписанныя подъ законами числа и имена законодателей. Что же касается до Сопатра, то во первыхъ невѣроятно, чтобы онъ приходилъ бесѣдовать съ Константиномъ, когда Константинъ управлялъ еще только одною страпою между Океаномъ и Рейномъ: ибо, вслѣдствіе несогласія его съ Максентіемъ, жившимъ въ Италіи, Римляне волновались, и тогда путешествовать къ Галатамъ, Британцамъ и жителямъ тѣхъ странъ было неудобно; а между тѣмъ извѣстно, что Константинъ принималъ христіанскую вѣру, управляя еще тѣми народами, прежде то-есть войны съ Максентіемъ, до перехода въ Римъ и къ Италійцамъ. Свидѣтели этого опять—хроники и законы, изданные имъ касательно богопочтенія. Во вторыхъ, если какъ-нибудь и согласимся, что царь дѣйствительно бесѣдовалъ съ Сопатромъ, или, о чемъ хотѣлъ, освѣдомлялся отъ него посредствомъ письма;—все-таки невѣроятно, какъ этотъ философъ не зналъ, что Геркулесъ сынъ Алкмены, совершивъ дѣтоубійство и коварно умертвивъ гостя и друга своего Ифита, былъ очищенъ въ Аоннахъ таинствами Димитры. Изъ этого видно, что язычники обѣщали очищеніе подобныхъ грѣховъ, и что выдумавшіе, будто Сопатръ отвѣчалъ противное, ясно обличаются во лжи. Я никакъ не

могу сказать, чтобы язычникъ, по учености въ то время знаменитѣйшій, не зналъ этого.

ГЛАВА 6.

*О томъ, что и отецъ Константина допускалъ распространиться имени Христову; а Константинъ Великій сдѣлалъ то, что оно про-
никло всюду.*

Итакъ въ странахъ имперіи, управляемыхъ Константиномъ, Церкви удостоивались благодѣній внимательнаго и единовѣрнаго государя и, наслаждаясь миромъ, ежедневно распространялись. Впрочемъ отъ гоненій и смятенія Богъ охранялъ ихъ и прежде этого, только инымъ образомъ; ибо, тогда какъ въ прочей вселенной онъ были гонимы, одинъ отецъ Константина, Констанцій, позволялъ Христіанамъ безбоязненно исповѣдывать свою вѣру. Въ самомъ дѣлѣ, я узналъ, что онъ сдѣлалъ нѣчто удивительное и достойное исторіи. Желая испытать, кто изъ придворныхъ Христіанъ былъ добръ и благонадеженъ, онъ созвалъ всѣхъ ихъ и объявилъ, что, если они рѣшатся принести жертвы и служить Богу вмѣстѣ съ нимъ, то останутся при немъ и будутъ состоять въ томъ же достоинствѣ; а когда откажутся, то выйдутъ изъ дворца, благодаря и за то, что не подверглись еще наказанію. Послѣ сего Христіане раздѣлились надвое, — одни измѣнили вѣрѣ, а другіе настоящему предпочли божественное. Узнавъ это, послѣднихъ, пребывшихъ вѣрными Всеблагому, сталъ онъ по-

читать своими друзьями и совѣтниками, а отъ первыхъ, какъ отъ людей малодушныхъ и льстецовъ, отворотился и лишилъ ихъ своей бесѣды; ибо понималъ, что тѣ никогда не могутъ быть преданными царю, которые съ такою готовностію измѣнили Богу. Отсюда видно, что въ областяхъ за предѣлами Италіи, то-есть у Галатовъ, Британцевъ и жителей около горъ Пиринейскихъ къ западу до Океана, исповѣдывать Христіанство не почиталось дѣломъ незаконнымъ еще при Констанціѣ. А когда эту самую часть имперіи наследовалъ Константинъ, дѣла Церкви въ ней возвеличились и того болѣе. Ибо, какъ скоро Максентій, сынъ Геркула, былъ умерщвленъ, и участокъ его перешелъ къ Константину, — всѣ тамошніе жители начали служить Богу безбоязненно, и благочестіе распространилось около рѣкъ Тибра и Эридана, который у туземцевъ называется Падомъ, также около Аквилы, въ которую, по разсказамъ, перетянуть былъ и спасся въ морѣ тирренскомъ корабль Арго. Известно, что Аргонавты, убѣгая отъ Аэты, на обратномъ пути плыли не тѣми же мѣстами, но, переѣхавъ скиѣское море, по тамошнимъ рѣкамъ прибыли въ предѣлы италійскіе и, перезимовавъ здѣсь, построили городъ, прозванный Гемонемъ. Когда же настало лѣто, они, при содѣйствіи туземцевъ и посредствомъ машины, тянули Арго по землѣ чрезъ сорокъ стадій и потомъ спустили его въ рѣку Аквилу, которая сли-

вается съ Эриданомъ, а Эриданъ впадаетъ въ море италійское. Вообще, послѣ сраженія при Кивалахъ, Дарданцы, Македоняне и жители цорѣкъ Истру, также вся Эллада и Иллирія поступили подъ власть Константина.

ГЛАВА 7.

О раздоръ между Константиномъ и злѣмъ его Ликинѣмъ изъ-за Христіанъ, и о томъ, какъ Ликиній, разбитый наголову, пошѣлъ.

Ликиній прежде покровительствовалъ Христіанамъ, но пораженій при Кивалахъ, переѣхавъ въ образъ мыслей, сталъ дѣлать много зла бывшимъ подъ его властію іереямъ, и наносилъ обиды не малому числу людей изъ другихъ сословій, особенно же изъ воинскаго; ибо по случаю ссоры съ Константиномъ, сильно враждовалъ противъ Христіанъ, думая досадить ему угнетеніемъ богопочтенія, и вмѣстѣ предполагая, что Церкви и молятся и стараются о томъ, какъ бы быть подъ властію одного Константина. Притомъ, намѣревался снова вступитъ въ борьбу съ Константиномъ, чего и надлежало ожидать, онъ приготовлялся къ преднамѣреваемой войнѣ жертвами и гаданіями и, обольщаемый какимъ-то обещаніемъ побѣды, обратился къ язычеству. Въ самомъ дѣлѣ, и язычники говорятъ, что онъ тогда совѣтовался съ оракуломъ Аполлона дидимейскаго въ Милетѣ, и что на вопросъ его о войнѣ, духъ воспользовался слѣдующими Гомеровыми стихами:

О старецъ! тебя молодые воители сильно стѣсняютъ:
Твоя разстроена жизнь, и жребій твой—горькая старость.

Такимъ образомъ и изъ другихъ многихъ обстоятельствъ, и не менѣе изъ тогдашнихъ событій видно, что христіанское ученіе установлено и достигло столь великаго успѣха Божіимъ промысломъ; ибо въ то время, какъ Ликиній рѣшился уже преслѣдовать всѣхъ подъ властію его Церкви, въ Визоніи возгорѣлась война, которую онъ велъ съ Константиномъ въ послѣдній разъ. И Константинъ пользовался такою Божіею помощію, что одолевъ противниковъ на сушѣ и на морѣ: а Ликиній, потерявъ и пѣшую и морскую силу, ушелъ въ Пикомидію и, проживъ нѣсколько времени въ Оссалоникѣ, какъ частный человекъ, былъ тамъ умерщвленъ. Вотъ до чего дошелъ правитель, въ началѣ правленія искуснѣйшій въ воинскомъ и другихъ дѣлахъ и удостоившійся брака съ сестрою Константина!

ГЛАВА 8.

Исчисленіе добрыхъ дѣлъ, которыя совершилъ Константинъ, давъ Христіанамъ свободу, построивъ имъ храмы и исполнивъ другія общественныя предпріятія.

Когда же власть надъ римскою имперією соединилась въ одномъ Константинѣ, онъ торжественною грамотою объявилъ живущимъ на востокѣ подданнымъ, чтобы они чтили христіанскую Вѣру и служили Богу усердно, а

Богомъ признавали только того, кто—дѣйстви-
тельно Богъ и во всякое время обладаетъ вели-
кою силою: ибо ревнующимъ объ этомъ Онъ лю-
битъ подавать въ обиліи все блага; такъ что ка-
кое бы ни было ихъ предпріятіе, они всегда ожи-
вляются благими надеждами, тогда какъ согрѣ-
шающіе противъ Всеблагаго, вообще и въ частно-
сти, въ военное и въ мирное время, подвергаются
великимъ бѣдственнымъ случайностямъ. Констан-
тинъ не изъ тщеславія, а по чувству благодар-
ности утверждалъ, что Богъ, сподобивъ его
быть способнымъ слугсю Своей воли, отъ моря
британскаго провелъ до странъ восточныхъ,
чтобы христіанская вѣра возрастала и тѣ, ко-
торые ради служенія Богу пребыли твердыми
въ своемъ исповѣданіи и мученичествахъ, тор-
жественно приняли почести. Объявивъ это и
рассказавъ множество другихъ причинъ, кото-
рыми думалъ привести подданныхъ къ вѣрѣ,
онъ отмѣнилъ все, что было опредѣлено или
сдѣлано касательно богопочтенія при гонителяхъ
Церкви, и особымъ закономъ далъ свободу
тѣмъ, кто за исповѣданіе Христа присужденъ
былъ къ переселенію либо на острова, либо въ
другія мѣста противъ желанія, кому назначено
было трудиться въ рудоконняхъ, при обществен-
ныхъ постройкахъ, въ гинекеяхъ, прядильняхъ,
или кто причисленъ къ судебнымъ домамъ, гдѣ
прежде не служилъ. Лишенныхъ же чести из-
бавилъ онъ отъ безчестія и исключеннымъ изъ

какого-нибудь воинскаго отряда отдалъ на про-
изволь—или возвратиться къ тому званію, въ
которомъ кто былъ, или вести жизнь безъ дол-
жностей, въ почетной отставкѣ. А возвративъ
всѣмъ прежнюю свободу и обычныя достоин-
ства, онъ возвратилъ также и имущество. Но
если имущество взято было послѣ лицъ, осу-
жденныхъ на смерть, то право наслѣдія прика-
залъ онъ перенести на ближайшихъ въ родѣ; гдѣ
же таковыхъ не окажется,—наслѣдовать мѣстной
церкви и, частный ли человекъ владѣть чѣмъ-
либо изъ этого имѣнія, или общество;—вещи
обладаемая отдать, а о тѣхъ, которые либо купи-
ли ихъ, либо получили въ даръ отъ казны, онъ
общалъ, сколько возможно и какъ слѣдуетъ,
озаботиться. Это-то, сказали мы, угодно было
царю, утверждено закономъ и немедленно при-
ведено въ надлежащее исполненіе. Съ того вре-
мени Христіане какъ-бы совершенно овладѣли
правительственными должностями римской им-
періи; а язычникамъ запрещено было приносить
жертвы, обращаться къ оракуламъ и таинствамъ,
поставлять идоловъ и совершать языческія
празднества. Измѣнились также и многіе древ-
нѣйшіе по городамъ обычаи: напримѣръ, у Егип-
тянъ нилометръ, которымъ означается возвы-
шеніе нильскихъ водъ, съ того времени вносимъ
былъ уже не въ извѣстные языческіе храмы, а въ
христіанскія церкви. Равнымъ образомъ у Рим-
лянъ тогда въ первый разъ запрещено было

зрѣлице единоборства; а у Финикійцѣ, жившихъ въ Ливанѣ и Иліополисѣ, прекратилось обыкновеніе безчестить дѣвъ, прежде чѣмъ онѣ совокунятся съ мужьями, съ которыми—бывало сочетавались законнымъ бракомъ по испытаніи первоначально беззаконнаго смѣшенія. Что же касается до молитвенныхъ домовъ, то одни изъ нихъ, имѣвшіе достаточную величину, были исправлены, другіе превосходно отдѣланы и распространены въ высоту и широту, а гдѣ ихъ вовсе не было, тамъ они построены съ основаніемъ. Издержки на это доставлялъ царь изъ царскихъ сокровищницъ, панисавъ епископамъ городовъ и правителямъ областей, чтобы одни приказывали, что имъ будетъ угодно, а другіе слушались и усердно служили священникамъ. При благоденствіи имперіи, возрастала и вѣра. Послѣ войны съ Ликиніемъ, Константинъ имѣлъ такой успѣхъ въ войнахъ съ иноплемениками, что одолѣлъ и Савроматовъ, и такъ называемыхъ Готовъ, которымъ наконецъ, въ видѣ милости, даровалъ миръ. Этотъ народъ обиталъ въ то время за рѣкою Истромъ. Бывъ самъ воинственъ, какъ по многочисленности, такъ и по рослости тѣлесной, онъ всегда упражнялся въ искусствѣ владѣть оружіемъ и, побѣдивъ другихъ Варваровъ, только въ Римлянахъ нашелъ себѣ противниковъ. Говорятъ, и въ этой войнѣ, посредствомъ знаменій и сповѣдній, Богъ удостоилъ Константина особеннаго

своего промысленія. За то, одерживая побѣды во всѣхъ случавшихся тогда войнахъ, онъ, какъ бы состязаясь въ щедрости съ Христомъ, платилъ за нихъ усердіемъ къ вѣрѣ и внушалъ подданнымъ одну се чтить и признавать спасительною. Отдѣливъ отъ податной земли каждаго города определенную часть, онъ повелѣлъ сборъ съ нея отдавать мѣстнымъ церквамъ и клирамъ, и узаконилъ, чтобы этотъ даръ имѣлъ силу во все время. Приучая воиновъ чтить Бога, какъ чтить Его самъ, онъ отнѣтилъ оружіе ихъ символомъ креста, во дворцѣ устроилъ молитвенный домъ и возилъ съ собою сдѣланную на подобіе церкви палатку, когда выступалъ съ войскомъ противъ враговъ; такъ что даже во время пребыванія въ пустынѣ ни самъ онъ, ни его войска не оставались безъ священнаго дома, въ которомъ надлежитъ славословить Бога, молиться Ему и пріобщаться св. Таинъ; ибо за нимъ слѣдовали и священники, и діаканы, приписанные къ походной церкви, и почину церковному исполняли свои обязанности. Съ того времени и римскіе легіоны, которые теперь называются *вирѣри* (числами), устроили каждый собственную свою палатку и получили особыхъ священниковъ и діаконъ. Въ день, называемый Господнимъ, который Евреи почитаютъ первымъ днемъ седмицы, а язычники посвящаютъ солнцу, также въ день предъ субботою, узаконилъ онъ—закрывать судебныя мѣ-

ста, оставлять всё занятія и служить Богу посредствомъ молитвъ въ общественныхъ молитвенныхъ собраніяхъ. День Господень Константинъ чтить потому, что онъ былъ днемъ воскресенія Христова изъ мертвыхъ, а другой потому, что онъ былъ днемъ Христова распятія; ибо къ божественному кресту хранилъ царь великое благоговѣніе, какъ по причинѣ сдѣйствія, оказаннаго ему крестомъ въ сраженіяхъ съ врагами, такъ и по причинѣ даннаго ему касательно креста божественнаго знаменія. Въ самомъ дѣлѣ, онъ даже издалъ законъ, которымъ отмѣнялась въ судахъ бывшая прежде въ употребленіи у Римлянъ крестная казнь, и когда чеканилась монета, либо писались его изображенія, повелѣлъ неизмѣнно означать на нихъ и помѣщать этотъ божественный символъ, о чемъ и донынѣ свидѣтельствуютъ его портреты, съ образомъ креста. Константинъ старался служить Богу всѣмъ, а особенно издаваніемъ законовъ. Видно, напримѣръ, что онъ запретилъ распутство и развратныя связи, которыя до того времени не были преслѣдуемы наказаніемъ, что всякій, если захочетъ обратить вниманіе, замѣтитъ изъ постановленныхъ касательно сего порока законовъ. Разсматриваніе подобнаго предмета вполне здѣсь кажется было бы неумѣстно: теперь, кромѣ сказаннаго, необходимо упомянуть о законахъ относительно достоинства и твердости вѣры, такъ какъ это

составляетъ часть Церковной Исторіи. Начнемъ же говорить объ этомъ.

ГЛАВА 9.

О томъ, что Константинъ издалъ законъ касательно двѣстосенниковъ и клириковъ.

У Римлянъ былъ древній законъ, который запрещалъ безбрачныхъ, отъ двадцатипятилѣтняго ихъ возраста, допускать къ одинаковымъ правамъ съ брачными, относительно какъ другихъ выгодъ, такъ и наслѣдія,—чтобы т. е. они по завѣщанію родственниковъ, не довольно близкихъ, ничего не пріобрѣтали,—а у бездѣтныхъ отнималъ половину того, что имъ было оставлено. Древніе Римляне постановили это въ надеждѣ, что Римъ и его провинціи сдѣлаются многолюднѣе, такъ какъ незадолго до изданія сего закона случилось имъ потерять много народу въ междоусобныхъ войнахъ. Но царь, видя, что отъ этого потерпѣть зло подвизающіеся въ дѣвствѣ и безчадіи ради Бога, почелъ безразсуднымъ думать, будто человѣческой родъ можетъ умножаться чрезъ заботливость и стараніе людей, тогда какъ природа уменьшается и размножается испремѣнно въ мѣрѣ, назначаемой свыше,—и обнародовалъ законъ; чтобы безбрачные и бездѣтные пользовались тѣми-же правами, какими и всё другіе. Для живущихъ воздержно и дѣвственно онъ постановилъ даже нѣчто болѣе: какъ мужчинамъ такъ женщинамъ,

вопреки господствовавшему у Римлянъ обычаю, дать право дѣлать завѣщанія, хотябы они были еще въ первой молодости; ибо хорошо разсуждаютъ обо всемъ тѣ, думалъ онъ, у которыхъ всегдашнее дѣло—угождать Божеству и упражняться въ любомудрїи. Посему-то и древнїе Римляне узаконили, чтобы дѣвы-весталки свободно дѣлали завѣщанія, хотябы онѣ были шестилѣтнїя. И то служило величайшимъ доказательствомъ царскаго благоговѣнїя къ вѣрѣ. Сверхъ того, особымъ закономъ Константинъ повсюду освободилъ отъ подати и клириковъ; также позволилъ тяжущимся, еслибы они охотно отказывались отъ гражданскихъ начальниковъ, требовать суда епископскаго,—и приговоръ епископовъ надлежало почитать рѣшительнымъ, поставлять его выше приговора другихъ судей, такъ какъ-бы онъ произнесенъ былъ самимъ царемъ; исполнителями же его должны были быть правители и подчиненныя имъ войска; притомъ опредѣленїя Соборовъ надобно было признавать неизмѣнными. Доведши свое сочненїе до этого, я нахожу достойными упоминанїя законы Константина и въ пользу освобождаемыхъ Церковїю. Такъ какъ, по строгости законовъ, не смотря даже на несогласїе людей крѣпостныхъ, весьма трудно было получить драгоценную свободу, называемую римскимъ гражданствомъ; то онъ постановилъ три закона, которыми предписывалось, чтобы все освобождаемые въ цер-

квахъ, при свидѣтельствѣ священниковъ, получали право римскаго гражданства. Указанїя на столь благочестивое установленїе есть еще и въ наше время; ибо донынѣ сохраняется обычай—законы объ этомъ вписывать въ грамоты отпущенниковъ. Такъ вотъ что узаконилъ Константинъ, и такъ-то своими узаконенїями болѣе всего старался возвысить богопочтенїе. Впрочемъ оно и само по себѣ было славно добродѣтелями тѣхъ, которые тогда принимали его.

глава 10.

О осликахъ исповѣдникахъ, какіе еще остаются въ живыхъ.

Ибо тогда было много добрыхъ Христіанъ; и такъ какъ гоненїя едва прекратились, то въ живыхъ оставалось еще много и исповѣдниковъ, служившихъ украшенїемъ Церквей своихъ, именно: Осїя епископъ кардовскїй, Амфіонъ епископъ Епифанїи, что въ Киликіи, Максимъ, послѣ Макарія управлявшїй Церковїю іерусалимскою, и Пафнутїй изъ Египта, чрезъ котораго, Богъ, говорятъ, совершилъ весьма много чудесъ и которому даровалъ власть изгонять демоновъ и исцѣлять различные недуги. Этотъ Пафнутїй и выше упомянутый Максимъ были изъ числа тѣхъ исповѣдниковъ, которыхъ Максиминъ осудилъ на работы въ рудокопнїяхъ, вырвавъ у нихъ по правому глазу и изувѣчивъ по лѣвой голени.

ГЛАВА II.

Повествованіе о святомъ Спиридонѣ, о его смиренномудрїи и твердости.

Есть сказаніе, что около этого же времени, жилъ и Спиридонъ тримифунтскій, епископъ кипрскій, котораго добродѣтель достаточно, думаю, доказывается продолжающеюся и донынѣ молвою о немъ. Изъ совершенныхъ имъ при помощи Божіей дѣлъ весьма многіе, должно быть, извѣстны туземцамъ; а я не скрою только того, что до насъ дошло. Онъ былъ поселенникъ, имѣлъ жену и дѣтей, но отъ этого не сталъ хуже въ дѣлахъ божественныхъ. Говорятъ, однажды ночью зашли въ его овчарню злые люди и, вознамѣрившись похитить овецъ, вдругъ оказались связанными, когда никто не вѣдалъ ихъ. Съ наступленіемъ дня, Спиридонъ пришелъ и, нашедши ихъ связанными, разрѣшилъ отъ невидимыхъ узъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и побранилъ, что, имѣя возможность попросить и получить, чего хотѣлось, они рѣшились лучше похитить и въ продолженіе ночи столько пострадали. Сжалевшись однако надъ ними, или правильнѣе, поучая ихъ обратиться къ лучшей жизни, наконецъ онъ сказалъ: «возьмите этого овна и ступайте; вѣдь вы утомились отъ бодрствованія, и должны выйти изъ моего двора, не жалуясь на труды.» Этому по всей справедливости можно удивляться; но не менѣе удиви-

тельно и слѣдующее: Его дочери, двѣицѣ, по имени Прииѣ, одинъ изъ знакомыхъ вѣрилъ что-то для сохраненія. Взявъ и желая вѣрно сберечь вещь, она закопала ее дома. Но случилось, что отроковица умерла, ничего ни сказавши. Тогда упомянутый человѣкъ пришелъ и требовалъ назадъ залога. Такъ какъ Спиридонъ не зналъ, что сказать, и обыскавши весь домъ, ничего не нашелъ; то тотъ началъ плакать, рвалъ на себѣ волосы и, казалось, готовъ былъ умертвить себя. Подвигнутый къ жалости, Спиридонъ пришелъ на могилу и назвалъ отроковицу по имени: когда же она отозвалась, спросилъ ее о залогѣ и, узнавши, возвратился, нашелъ некую вещь, какъ она показала, и отдалъ ее человѣку. Но если уже до того дошло, то не неумѣстно будетъ прибавить и слѣдующее: У Спиридона былъ обычай—изъ имѣвшихся плодовъ одну часть раздѣлять бѣднымъ, а другую давать желающимъ въ займы безъ прибыли. Но самъ онъ лично и не давалъ, и не принималъ назадъ, а только показывалъ кладовую и позволялъ приходившимъ уносить, сколько имъ было нужно, потомъ опять возвращать, сколько, по ихъ счету, они взяли. И вотъ некто, занявшій такимъ образомъ, пришелъ какъ будто съ тѣмъ, чтобы отдать; но когда по обычаю позволено было ему самому отнести въ кладовую, сколько занималъ, онъ отважился на несправедливость: думая укрыться, не отдалъ долгу,

а только показалъ видъ, будто отдалъ, и ушелъ, какъ расплатившійся. Однакожь это не надолго утайлось. Спустя нѣсколько времени, онъ снова долженъ былъ занять. Спиридонъ послалъ его въ кладовую и далъ ему волю отмѣрять себѣ, сколько хочетъ. Но заиматель нашель клѣть пустою и сообщилъ о томъ Спиридону, который въ отвѣтъ ему сказалъ: «Удивительно однакожь, другъ мой, какъ это тебѣ одному показалось, что въ кладовой нѣтъ запасовъ? Смотри-ка; бравъ займы когда нибудь, возвратилъ ли ты прежній долгъ? Не будь этой причины,—ты конечно не встрѣтишь недостатка въ томъ, что тебѣ нужно. Ступай-же опять смѣло и съ увѣренностію, что найдешь.» Пойманный такимъ образомъ, онъ признался въ своемъ грѣхѣ. Стоить также подивиться степенности этого святаго мужа, — съ какою точностію соблюдалъ онъ постановленія Церкви. Разказываютъ, что, спустя нѣсколько времени, епископы Кипра, по какой-то нуждѣ, сошлись въ одно мѣсто. Съ ними былъ и этотъ Спиридонъ, и ледрійскій епископъ Трифилій, человекъ вообще знаменитый и жившій долго въ Беритѣ для изученія законовъ. По окончаніи Собора, Трифилія упростили сказать поученіе къ народу,—и когда ему надлежало привести слова: «*возми одръ твой и ходи,*» онъ, вмѣсто слова «*одръ*» (*κραββατον*), употребилъ слово «*ложе*» (*σκιρπος*). Спиридонъ, вознегодовавъ на это, сказалъ: «ужели ты лучше

Того, кто произнесъ: *одръ*, что стыдишься употребить Его выраженіе? И, сказавъ это, сошелъ съ священническаго сѣдалища, въ виду народа, внушая симъ скромность тому, кто тщеславился своею рѣчью. А Спиридонъ способенъ былъ пристыдить, какъ человекъ уважаемый и весьма славившійся своими дѣлами; да и по возрасту, и по священному сану былъ онъ старше Трифилія. Надобно знать и то, какъ онъ принималъ странниковъ. Нѣкто зашелъ къ нему съ пути уже по наступленіи четырехдесятицы, когда онъ съ домашними обыкновенно держалъ постъ и вкушалъ пищу только въ опредѣленный день, а въ прочіе оставался безъ пищи. Видя, что странникъ очень усталъ, онъ сказалъ дочери: «обмой - ка ноги этому человеку, да предложи ему покушать». Когда-же дѣвица отвѣчала, что нѣтъ ни хлѣба, ни муки; ибо зналъ этого, по причинѣ поста, былъ бы излишенъ; онъ сперва помолился и попросилъ прощенія, а потомъ приказалъ дочери изжарить случившагося въ домѣ соленого свиного мяса. И какъ скоро оно изжарилось, Спиридонъ, посадивъ вмѣстѣ съ собою странника, началъ ѣсть предложенное мясо, и убѣждалъ того человека подражать себѣ. Когда-же послѣдній, называя себя Христіаниномъ, отказывался,—тотъ прибавилъ: тѣмъ менѣе надобно отказываться; ибо Слово Божіе изрекло: *вся гиста гистымъ* (Тит. 1, 15). Это о Спиридонѣ.

ГЛАВА 12.

Объ образъ монашеской жизни; откуда онъ получилъ начало и кто были его учредителями?

Но не менѣ прославляли Церковь и свои добродѣтелями поддерживали ея ученіе мужи, принявшіе монашескій образъ жизни; ибо такое любомудріе есть самое полезное дѣло, низшедшее отъ Бога къ человѣкамъ. Оно не заботится о многомъ ученіи и діалектической искусственности рѣчи, какъ о дѣлѣ излишнемъ, которое только отнимаетъ время у занятій лучшихъ, а жить правильно несколько не помогаетъ; напротивъ, однимъ естественнымъ и безыскусственнымъ смысломъ научаетъ тому, чѣмъ совершенно уничтожается, или по крайней мѣрѣ уменьшается зло, и середины между зломъ и добродѣтелію отнюдь не полагаетъ въ ряду благъ. Это любомудріе наслаждается только добрымъ, и кто удерживается отъ зла, но не дѣлаетъ добра, того почитаетъ худымъ; ибо оно не тщеславится добродѣтелію, но подвизается (въ ней), почитая людскую славу за ничто. Мужественно противостоя страстямъ души, оно не уступаетъ ни нуждамъ физическимъ, ни помощамъ тѣла. Стяжавъ силу божественнаго ума, оно всегда созерцаетъ Создателя всяческихъ, ночью и днемъ чтить Его и умиостивляетъ молитвами и служеніемъ. Стремясь благочестно къ вѣрѣ, чрезъ чистоту души и совершеніе добрыхъ дѣлъ, оно

презираетъ очищенія, окропленія и тому подобное, ибо сквернами почитаетъ только грѣхи. Будучи выше вѣшнихъ напастей и, такъ сказать, господствуя надъ всѣмъ, оно не отвлекается отъ своего избранія ни окружающимъ жизнь безпорядкомъ, ни нуждою. Обижаемое, оно не ослабѣваетъ, терпящее зло, не мститъ, угнетасное болѣзнію, или недостаткомъ необходимаго, не упадаетъ въ духъ; но тѣмъ-то болѣе и хвалится, что, цѣлую жизнь подвизаясь въ терпѣнн и кротости и требуя не многого, становится, сколько возможно для человѣческой природы, ближе къ Богу. Пользуясь настоящею жизнью, какъ переходомъ, оно не удручается заботами о пріобрѣтеніи вещей и не простираетъ своего попеченія о настоящемъ далѣе крайнихъ нуждъ, но всегда предпочитая простыя и удобовоспріимыя потребности здѣсь, часть блаженства тамъ и постоянно стремится къ тамошнему счастливому жребію. Всегда дыша благоугоженіемъ Богу, оно отвращается отъ безстыднаго сквернословія и, что удалило изъ своей жизни на самомъ дѣлѣ, о томъ не терпитъ даже и звука. Ограничиваясь не многими естественными потребностями и принуждая тѣло довольствоваться малымъ, оно надъ похотью владычествуеть воздержаніемъ, неправду наказываетъ правдою, ложь вразумляетъ истиною, и мѣру во всемъ опредѣляетъ благочиніемъ. Жизнь свою проводитъ оно въ единомысліи и общеніи съ ближ-

ними, печется о друзьяхъ и чуждыхъ, дѣлать собственное съ пуждающимся, занимается тѣмъ, что полезно для всякаго, не возмущаетъ радующихся и утѣшаетъ скорбящихъ. Заботясь же о всѣхъ и направляя свое попеченіе къ существенному благу, оно здравыми разсужденіями и мудрыми внушеніями научаетъ слушателей чуждаться лести и злословія. Будучи свободно отъ вражды, наемѣшливости и гнѣва, бесѣдуя съ почтеніемъ и скромностію, оно врачуетъ собесѣдниковъ этимъ, какъ бы какимъ лекарствомъ. Какъ разумное, оно отрекается отъ всякаго неразумнаго движенія и совершенно властвуетъ надъ страстями тѣла и души. Начало же сему превосходному любомудрію положили, говорятъ, Ілія пророкъ и Іоаннъ Креститель. А Филонъ пнеагореецъ въ своихъ хроникахъ повѣствуетъ, что лучшіе изъ Евреевъ для любомудрствованія отвсюду стекались въ какую-то страну на холмѣ за маретскимъ озеромъ, и жилище ихъ, пищу, жизнь изображаетъ въ такомъ видѣ, въ какомъ все это бываетъ и теперь у монаховъ египетскихъ. Онъ пишетъ, что, начиная любомудрствовать, они отдають вмѣніе родственникамъ и, отказываясь отъ общественныхъ занятій и сношеній, поселяются въ городскихъ стѣнъ по пустыннымъ полямъ и садамъ,—что у нихъ есть священныя жилища, называемыя монастырями, въ которыхъ уединившись, они совершаютъ священныя таинства, усердно прославляютъ Бога псалмами

и гимнами, и не прежде вкушаютъ пищу, какъ по захожденіи солнца, нѣкоторые же не ѣдятъ дна по три и болѣе,—что въ опредѣленные дни они лежатъ на землѣ, совершенно отказываются отъ вина и мяса, и пищею ихъ въ то время бываетъ хлѣбъ, соль и пессонъ, а пиіемъ—вода, и что съ ними живутъ женщины—престарѣлая дѣвы, по любви къ любомудрію, добровольно подвизающіяся въ безбрачїи. Описывая ихъ такимъ образомъ, Филонъ, вѣроятно, видитъ въ нихъ Евреевъ, обратившихся при немъ въ Христіанство, но продолжавшихъ еще жить болѣе по іудейски и соблюдавшихъ іудейскіе обычаи; ибо у другихъ нельзя найти подобнаго образа жизни. Изъ этого я заключаю, что у Египтянъ такое любомудріе начало процвѣтать съ того именно времени. Другіе же говорятъ, что причиною его были случившіяся по временамъ гоненія за вѣру, и что эта жизнь получила начало, когда Христіане, убѣгая отъ преслѣдованій, дѣлали себѣ жилища въ горахъ, пустыняхъ и лѣсахъ.

ГЛАВА 13.

Объ Антонїѣ Великомъ и селтомъ Павлѣ Простомъ.

Египтянами ли, или кѣмъ другимъ первоначально основано это любомудріе, но всѣ согласны, что упомянутый образъ жизни на высоту строгости и совершенства, своими правдами и приличными упражненіями, возвелъ мо-

нахъ Антоній Великій. Молва о добродѣтеляхъ этого мужа въ то время была столь велика въ египетскихъ пустыняхъ, что царь Константинъ сдѣлалъ его своимъ другомъ, почтилъ посланіями и убѣждалъ писать къ себѣ о нуждахъ. Антоній былъ по происхожденію Египтянинъ, изъ благороднаго сословія, уроженецъ селенія Комы; а это селеніе лежало близъ города Гераклея, у Египтянъ называвшейся Аркасією. Въ юности оставшись сиротою, отеческія поля подарилъ онъ своимъ односельчанамъ, а прочее имущество распродавъ, и деньги роздалъ убогимъ; ибо понималъ, что свойство усерднаго любителя мудрости—не только освободить себя отъ имущества, но и издержать его надлежащимъ образомъ. Обращаясь съ подобными себѣ подвижниками, онъ соревновалъ добродѣтелямъ всѣхъ ихъ. Извѣдавъ, что благая жизнь отъ привычки дѣлается пріятною, хотя на первый разъ бываетъ и трудна, онъ придумывалъ способы подвижничества все строже и строже, съ каждымъ днемъ становился воздержнѣе и, какъ бы всегда только начиная, придавалъ новую силу рвенію, тѣлесныя удовольствія обуздывалъ трудами, противъ страстей души вооружался Богомудрою рѣшимостью. Пищею его былъ только хлѣбъ да соль, питьею—вода, а временемъ обѣда—закатъ солнца; даже нерѣдко по два дня и больше онъ оставался безъ пищи; бодрствовалъ же, можно сказать, цѣлыя ночи, и въ

молитвахъ встрѣчалъ день, а если и вкушалъ сонъ, то на одну минуту; ложился большею частію на земль, и только землю имѣлъ своею постелью. Намазать себя масломъ, мыться и пользоваться другими удобствами онъ не хотѣлъ, такъ какъ отъ жидкостей крѣпость тѣла измѣняется въ изнѣженность. Сказываютъ даже, что онъ никогда не видѣлъ себя нагимъ; грамоты не зналъ и не уважалъ, но хвалилъ добрый умъ, какъ старшину и изобрѣтателя грамоты. Особенно же былъ онъ кротокъ, челолюбивъ, благороденъ, мужественъ, пріятель для собесѣдниковъ и мягокъ въ разговорѣ, хотя бы разговоръ былъ даже спорный; ибо какъ-то мудро, свойственными себѣ одному оборотами и умѣньемъ, укрощалъ онъ возраставшее любопытствіе, бесѣду давалъ тонъ умѣренный, а собесѣдниковъ низводилъ на низшую степень горячности, положенія ихъ поставялъ въ созвучіе. За столь великія добродѣтели исполнившіе божественнаго предвѣднія, онъ не почиталъ однако добродѣтелью знать будущее и не совѣтовалъ напрасно трудиться надъ этимъ, говоря, что и не знающій будущаго не дастъ за то отвѣта, и знающій не сдѣлается чрезъ то предметомъ зависти; потому что истинное блаженство состоитъ въ служеніи Богу и въ храненіи Его законовъ. А кому и того хочется, говорилъ онъ, тотъ пусть очищаетъ свою душу; ибо, при помощи Бога, открывающаго будущее, этимъ только

можно доставить ей прозорливость и разумные будущаго. Лѣности Антоній и въ себя не терпѣлъ, и желавшихъ хорошо жить располагалъ къ работѣ, убѣждая каждаго быть судіею самаго себя и давать себѣ отчетъ въ томъ, что дѣлалъ онъ днемъ и ночью. Если сдѣлано нѣчто не должное,—записывать это, съ намѣреніемъ впередъ беречься отъ грѣховъ, стыдись самаго себя, когда бы записаннаго нашлось много, или боясь, какъ-бы записки не похитили, и дурные поступки не сдѣлались извѣстными другимъ. Этого мало; онъ съ большею ревностію, чѣмъ кто-нибудь, заботился также и о защищеніи обижаемыхъ, и ради таковыхъ часто отправлялся въ города; потому что многіе, жалуясь ему, усиленно просили его ходатайствовать за нихъ предъ властями и городскими чинами. А видѣть его, слушать его рѣчи и повиноваться его велѣніямъ каждый считалъ за великую честь; ибо, не смотря на такую свою знаменитость, онъ старался оставаться въ неизвѣстности и скрываться въ пустыняхъ. Если же, бывъ принужденъ помочь просителямъ, и приходилъ онъ когда въ городъ, то, исполнивъ, за чѣмъ приходилъ, тотчасъ опять удалялся въ пустыню; потому что рыбы, говорилъ, питаются влагою, а монахи украшаются пустынножительствомъ, и какъ первые, коснувшись суши, теряютъ жизнь, такъ и послѣдніе, приходя въ города, губятъ монашескую важность. Внимательный и обходи-

тельный со всѣми видѣвшими его, онъ старался не только не имѣть въ душѣ презрѣнія, но и не казаться презирающимъ. Я предположилъ рассказать это не многое изъ жизни Антонія—съ тою цѣлію, чтобы на рассказанное смотрѣть, какъ на примѣры, мы могли заключать о любомудріи этого мужа. У него было очень много знаменитыхъ учениковъ, изъ которыхъ одни жили въ Египтѣ и Ливіи, а другіе въ Палестинѣ, Сиріи и Аравіи. Эти ученики тамъ, гдѣ было мѣсто его жительства, проводили свое время и дѣйствовали не хуже учителя: каждый изъ нихъ многихъ училъ и приводилъ къ подобной же добродѣтели и любомудрію; такъ что, обходя города и веси, трудно было бы отыскивать друзей Антонія, или ихъ преемниковъ. Да и легко ли найти, когда въ продолженіе своей жизни они старались скрывать ревностиѣе, чѣмъ многіе изъ нынѣшнихъ людей, которые надмеваясь честолюбіемъ, кичать и домогаются знаменитости? Между извѣстными намъ учениками Антонія было много и другихъ славныхъ мужей, о которыхъ въ свое время мы напишемъ, и Павелъ, по прозванію, Простой. Бывъ поселениномъ, онъ, говорятъ, имѣлъ въ супружествѣ за собою красивую жену; но заставъ ее въ прелюбодѣяніи, тихо улыбнулся и произнесъ клятву, что больше жить съ нею не будетъ. Посему, сказавъ прелюбодѣю, «возьми ее», тотчасъ ушелъ въ пустыню къ Антонію. Говорятъ

также, что этотъ мужъ былъ въ высшей степени кротокъ и воздерженъ. Въ самомъ дѣлѣ, не смотря на старость и непривычность Павла къ монашескому терпѣнію, — ибо онъ былъ еще noviceкъ, — Антоній подвергалъ его разнообразному некусу, но ни въ чемъ не нашелъ слабымъ и, засвидѣтельствовавъ о совершенномъ его любомудрїи, позволилъ ему жить самому по себѣ, какъ вовсе не нуждающемуся въ учителѣ. И Богъ подтвердилъ свидѣтельство Антонія, доказавъ дѣлами, что это былъ мужъ знаменитѣйшій, что въ истязаніи и изгнаніи бѣсовъ онъ даже превосходилъ своего учителя.

глава 14.

О святомъ Аммонѣ и Евстахїанѣ, чюдѣ на Олимпѣ.

Около того же времени любомудрествовали и Египтянинъ Аммонъ. Говорятъ, что, когда родственники принудили его жениться, — онъ не коснулся жены, по обыкновенію мужей, но при началѣ брака, какъ женихъ, взявъ свою невѣсту въ брачный чертогъ и оставшия съ нею одинъ, сказалъ: «этотъ бракъ нашъ, жена, тѣмъ и кончился»; потомъ, растолковавъ ей изъ священныхъ Писаній, сколь велико благо — сохранить дѣвство, убѣждалъ ее жить отдѣльно. Жена, хотя и одобрила слова его о дѣвствѣ, но разойтись съ нимъ находила труднымъ. Посему онъ жилъ вмѣстѣ съ нею осьмнадцать лѣтъ, спя отдѣльно и не пренебрегая при этомъ монаше-

скихъ подвиговъ. Въ теченіе столь долгаго времени и жена, подражая добродѣтели мужа, наконецъ разочла, что несправедливо было бы ему, сдѣлавшия столь славнымъ, ради ея, скрываться дома, что имъ обоимъ надобно любомудрствовать, живя порознь, — и просила о томъ мужа. А мужъ, воздавъ благодареніе Богу за внушныя мысли жены, сказалъ ей: «пусть же этотъ домъ будетъ твой; а для себя я построю другой». — И нашедши пустое мѣсто на южной сторонѣ мареотскаго озера за Скитисомъ и такъ называемую Питрійскою горою, провель онъ тамъ въ любомудрїи двадцать два года; жену же свою видѣлъ два раза каждый годъ. У этого святаго основателя тамошнихъ монастырей было много достопримѣчательныхъ учениковъ, какъ покажетъ преемство ихъ, и много дивнаго случилось съ нимъ въ его жизни, о чемъ особенно любили говорить египетскіе монахи, считавшіе важнымъ дѣломъ — чрезъ преемство неписаннаго преданія тщательно хранить память о добродѣтеляхъ древнѣйшихъ подвижниковъ. Изъ дошедшихъ до насъ свѣденій я расскажу слѣдующее: Нужно было ему и ученику его Теодору, когда они куда-то шли, перейти потокъ, называемый Ликось. Чтобы не видѣть имъ другъ друга нагимъ, Аммонъ приказалъ Теодору отойти въ сторону. Но такъ какъ и самъ онъ стыдился видѣть себя нагимъ, то мгновенно подъятый божественною силою, перенесенъ былъ на про-

тивоположный берегъ. Потомъ перешель и Теодоръ, и увидѣвъ что одежда и ноги Аммона нисколько не мокры, сталъ докучать старцу, чтобы онъ открылъ причину этого. Старець отказывался, а ученикъ утверждалъ, что не отстанеть, пока не узнаеть. Тогда Аммонъ, обязавъ Теодора никому не сказывать при его жизни, признался въ случившемся. Упомянутому чуду подобно и слѣдующее: Неправедные родители привели къ Аммону своего сына, котораго укусила бѣшеная собака и который былъ едва живъ. Терзая на себѣ волосы, они просили исцѣлить его. Но Аммонъ сказалъ имъ: «сынъ вашъ вовсе не нуждается въ исцѣленіи отъ меня; если вы согласитесь отдать хозяевамъ вола, котораго похитили, — онъ тотчасъ исцѣлѣеть». Такъ и случилось: едва волъ былъ отданъ,—недугъ оставилъ отрока. Когда же этотъ Аммонъ скончался, Антоній, говорятъ, видѣлъ, какъ божественныя силы съ исалмонѣніями сопровождали душу его на небо, и по случаю вопроса бывшихъ при немъ людей, не скрылъ причины своего изумленія; да и ясно было, что онъ внимательно всматривался въ воздухъ и пораженъ былъ видѣніемъ страннаго чуда. А между тѣмъ и нѣкоторые люди, прибывшіе послѣ сего изъ скита, возвѣстили часъ кончины Аммона, и этимъ подтвердили истину предсказанія Антоніева. Тогда всѣ начали ублажать обонхъ: одного, какъ мужа, совершившаго столько добрыхъ дѣлъ и теперь

преставившагося отъ здѣшней жизни; а другаго, какъ мужа, который удостоился столь дивнаго видѣнія и получилъ его отъ Бога на столь великомъ разстояніи, ибо разстояніе мѣсть ихъ жительства требовало многихъ дней пути. Такъ рассказываютъ лица, обращавшіяся съ Антоніемъ и Аммономъ. При томъ-же царѣ, слышалъ я, славно подвизался въ любомудріи и Евтихіанъ, обитавшій въ Внѣиніи близъ Олимпа. Принадлежа къ обществу новаціанъ, онъ сдѣлался причастникомъ божественной благодати, и до того былъ знаменитъ даромъ исцѣленія недуговъ и дивными дѣлами, что чрезъ добродѣтельную свою жизнь вошелъ въ короткія отношенія и дружбу съ самимъ Константиномъ. Именно,—около того времени, кто-то изъ тѣлохранителей, подозрѣваемый въ стремленіи къ тиранству, содержался въ узахъ, потомъ убѣжалъ и, найденный близъ Олимпа, былъ схваченъ. Родственники этого узника просили Евтихіана ходатайствовать за него предъ царемъ, а пока ходатайство будетъ предпринято,—позаботиться объ освобожденіи его отъ узъ, чтобы, слишкомъ крѣпко связанный, онъ не погибъ преждевременно. Говорятъ, что Евтихіанъ послалъ къ стражамъ темницы и просилъ ихъ выпустить узника; когда же они не послушались, самъ отправился въ темницу, — и при этомъ случаѣ запертыя двери растворились и узы невольника распались сами собою. Послѣ того

Евтихіанъ прибыль и къ царю, который жилъ тогда въ Византіи, и отъ царя тотчасъ же испросилъ прощеніе виновному; потому что Константинъ, питая высокое уваженіе къ этому мужу, не привыкъ отвергать его прошеній. Впрочемъ все это есть только краткій разсказъ о славномъ любомудріи тогдашнихъ монаховъ: а кто хочетъ подробностей о нихъ; тотъ пусть ищетъ и конечно найдетъ искомое въ письменныхъ сказаніяхъ о жизни многихъ подвижниковъ.

ГЛАВА 15.

О ереси Аріи, откуда она получила начало и кто увлекли; также о возгорѣвшемся изъ за нея между епископами раздорѣ.

Но хотя чрезъ это и чрезъ все другое вѣра процвѣтала; однакожъ Церкви были возмущаемы,—и причина состояла въ спорныхъ разсужденіяхъ: подъ видомъ, то-есть, благочестія и совершеннаго раскрытія понятій о Богѣ, Христіане дѣлали предметомъ изслѣдованія то, чего прежде не изслѣдывали. Эти разсужденія начались въ египетской Александріи пресвитеръ Аріи. Считавшійся нѣкогда ревностнымъ въ дѣлѣ вѣроученія и помогая Мелетію въ его нововведеніяхъ, онъ потомъ оставилъ Мелетія, и александрійскимъ епископомъ Петромъ рукоположенъ былъ въ діакона, а вскорѣ опять изверженъ имъ изъ Церкви за то, что, когда Петръ отлучалъ приверженцевъ Мелетія и не допускалъ ихъ крещенія, онъ порицалъ эти дѣйствія

и не хотѣлъ успокоиться. Впослѣдствіи Петръ принялъ мученическую смерть,—и Аріи, испросивъ прощеніе у Ахилла, снова получилъ позволеніе діаконствовать, даже удостоенъ пресвитерства. Послѣ сего имѣлъ о немъ хорошее мнѣніе и Александръ. Сильно любя діалектику,—ибо не чуждъ былъ, говорятъ, и этихъ знаній,—Аріи просказывалъ нелѣпыя выраженія, такъ что дерзнулъ изречь въ Церкви слѣдующую, никѣмъ прежде не высказанную мысль: «Сынъ Божій произошелъ изъ несущаго, и было время, когда Его не было. По самопроизволенію Онъ способенъ къ злу и добродѣтели. Онъ есть созданіе и тварь». Вѣроятно, много и другаго говорилъ Аріи, когда подтверждалъ свои мнѣнія и разсуждалъ о каждомъ изъ этихъ вопросовъ. Нѣкоторые, слыша подобныя выраженія, начали порицать Александра, за чѣмъ онъ, вопреки долгу, терпѣть нововведенія въ догматѣ. Александръ, признавъ за лучшее въ дѣлѣ сомнительномъ дать волю говорить той и другой сторонѣ, чтобы устранить мысль о принужденіи и примирить спорящихъ убѣжденіемъ, сѣлъ, какъ судья, вмѣстѣ съ клириками, и ввелъ обѣ стороны въ состязаніе. Но въ словесныхъ спорахъ обыкновенно всякій старается одержать побѣду. Аріи защищалъ высказанныя имъ положенія; а прочіе доказывали, что Сынъ единосущенъ и совѣченъ Отцу. Было и другое засѣданіе, и разсуждали о тѣхъ-же вопросахъ:

но спорившіе опять не сошлись между собою. Такъ какъ разсматриваемый предметъ казался еще сомнительнымъ; то сперва колебался нѣсколько и Александръ, похваля иногда однихъ, иногда другихъ: но наконецъ, присоединившись къ сторонѣ тѣхъ, которые утверждали, что Сынъ единосущенъ и совѣченъ Отцу, онъ приказалъ, чтобы и Аріій, оставивъ противорѣчія, мыслить такимъ же образомъ. Однакожь Аріій не слушался, тѣмъ болѣе, что около него было уже много епископовъ и клира, которые думали, что онъ говоритъ правильно. Поэтому Александръ отлучилъ отъ Церкви какъ его самого, такъ и клириковъ, державшихъ въ догматъ его сторону. А держали его сторону въ александрийской епархіи пресвитеры: Аноала, Ахилла, Карпій, Сарматій, Аріій, и діаконы: Евзой, Маркарій, Іулій, Мина и Элладій. Къ этимъ лицамъ присоединилась также не малая часть народа, одни, думая, что такъ и должно мыслить о Богѣ, а другіе, — что и со многими случается, — сожалья о нихъ, какъ о людяхъ, обиженныхъ и безъ суда отлученныхъ отъ Церкви. При такомъ положеніи дѣлъ въ Александріи, стоявшіе за Аріія разсудили, что (имъ) нужно напередъ заискать благорасположеніе городскихъ епископовъ, и потому отправили къ нимъ посольство. Они излагали имъ письменно свою вѣру и просили ихъ, — если точно такъ должно мыслить о Богѣ, — объявить о томъ Александру, чтобы онъ не

притѣнялъ ихъ; а если не такъ, — научить, какъ надобно вѣровать. И эта мѣра не мало помогла имъ; ибо, когда упомянутое ученіе распространилось почти между всеми, — вездѣ и у всѣхъ епископовъ возникъ тотъ же самый вопросъ, и одни писали Александру, чтобы онъ не принималъ единомышленниковъ Аріія, пока они не отречутся отъ своего вѣрованія, а другіе просили его не дѣлать этого. Видя, что къ сторонѣ Аріія присоединяются весьма многія лица, почтенныя по внѣшнему образу доброй жизни и сильныя по убѣдительности слова, особенно же предстоитель никомидійской Церкви, Евсеій, мужъ ученый и уважаемый при дворѣ, Александръ написалъ ко всемъ епископамъ, чтобы не сообщались съ ними. Въ слѣдствіе сего та и другая сторона воспламенилась еще болѣе ревностію, и, какъ обыкновенно бываетъ, споръ сдѣлался сильнѣе прежняго; ибо приверженцы Евсеія, нѣсколько разъ просившіе Александра и не удовлетворенные имъ, сочли себя обиженными и, вознегодовавъ на него, еще ревностнѣе начали защищать Аріево ученіе. Они созвали соборъ въ Визонніи, и писали ко всемъ епископамъ, чтобы единомышленниковъ Аріія, какъ людей правомыслящихъ, епископы приняли въ общеніе и расположили къ тому же Александра. Но когда, не смотря на это, ихъ стараніе не имѣло вожделѣннаго успѣха, потому что Александръ не уступалъ; то Аріій обратился къ тирскому епи-

скопу Павлину, къ правителю палестинно-кесарійской Церкви Евсевію Памфилу и къ скинопольскому епископу Патрофилу, и просилъ у нихъ позволенія себѣ и своимъ приверженцамъ собирать преданный имъ народъ, такъ какъ прежде они имѣли санъ пресвитеровъ. А въ Александріи былъ, какъ и теперь есть, обычай, что пресвитеры, подъ властію одного надъ всѣми епископа, владѣли особенными церквами и собирали въ нихъ народъ отдѣльно. Упомянутые епископы, снесшись съ другими епископами Палестины, согласились на прошеніе Арія, и позволили имъ собираться, какъ прежде, съ тѣмъ однакожь, чтобы они подчинялись Александру и никогда не противились имѣть съ нимъ миръ и общеніе.

глава 16.

О томъ, что, когда до слуха Константина дошло извѣстіе о спорѣ епископовъ и безпорядочномъ празднованіи Пасхи; онъ сильно разгнѣвался и послалъ изъ Испаніи въ Александрію кордовскаго епископа Осію съ повелѣніемъ разрѣшить споръ епископовъ и окончить дѣло о Пасхѣ.

Когда же въ Египтѣ, не смотря на бывшіе по этому предмету многіе Соборы, споръ до того усилился, что слухъ о немъ дошелъ до двора; то царь Константинъ не мало огорченъ былъ этимъ, боясь, какъ-бы разномысліе касательно догматовъ, при самомъ началѣ возрастанія вѣры, не отвратило многихъ отъ Христіанства. И въ этомъ явно виновилъ онъ какъ Арія, такъ и Александра.

Въ своемъ посланіи къ нимъ онъ укорялъ ихъ за обнаруженіе такого вопроса, который могъ бы оставаться неизвѣстнымъ, и за то, что по излишней ревности къ противорѣчію, они начали спорить о такомъ предметѣ, о которомъ сперва не слѣдовало бы ни спрашивать, ни мыслить, а если уже помыслили, то надлежало бы молчать о томъ, и что имъ можно бы обоиться безъ взаимнаго раздѣленія; хотя бы, касательно нѣкоторой части ученія, они не соглашались другъ съ другомъ. Такъ на примѣръ, о божественномъ промышленіи необходимо имѣть одну и ту же вѣру; но тонкости относительно такихъ вопросовъ, хотя бы мнѣніе о нихъ было и не одинаково, должны скрываться въ умѣ. Посему Константинъ приказывалъ имъ, оставивъ пустословіе объ этомъ, хранить единомысліе между собою, и говорилъ, что это не мало огорчаетъ его и что онъ желалъ бы видѣть города востока, но по этой именно причинѣ не рѣшается. Вотъ что писалъ онъ Александру и Арію, то выговаривая имъ, то советуя. — Не менѣе прискорбно было ему слышать, что нѣкоторые совершаютъ праздникъ Пасхи не вмѣстѣ со всѣми; ибо тогда въ городахъ востока, иныя разноглася между собою касательно сего предмета, удалялись отъ взаимнаго общенія, совершали праздникъ болѣе по іудейски и разномысліемъ въ этомъ отношеніи явно вредили свѣтлости торжества. Посему онъ началъ ста-

ратся, чтобы Церковь была безмятежною въ томъ и другомъ отношеніи. Думая, что можно предотвратить зло, прежде чѣмъ оно сообщится большинству народа, онъ послалъ отъ себя мужа, знаменитаго своею вѣрою и жизнію, и еще въ прежнія времена прославившагося многими опытами исповѣданія вѣры, и поручилъ ему примирить спорившихъ въ Египтѣ касательно извѣтнаго догмата, и разногласившихъ на востокъ во времени празднованія Пасхи. Этотъ посланный былъ кордовскій епископъ Осія.

ГЛАВА 17.

О созванномъ въ Никей Соборѣ по поводу Арія.

Но такъ какъ дѣло шло вопреки надеждамъ, споры были громче голоса примиряющаго,—и посланный для водворенія мира возвратился безъ успѣха; то царь рѣшился созвать Соборъ, и всѣмъ предстоятелямъ Церквей предписалъ явиться къ опредѣленному дню въ Никеею воннскую. Въ этомъ собраніи отъ Апостольскихъ престоловъ, участвовали Макарій іерусалимскій, Евстацій, уже управлявшій Церковію Антиохіи, что при Оронть, Александръ епископъ Александріи, что при озерѣ мареотскомъ. Но римскій епископъ Юлій за старостію не пріѣхалъ: вмѣсто его присутствовали пресвитеры той же Церкви Витонъ и Викентій. Кромѣ этихъ, съѣхалось на Соборъ много и дру-

гихъ превосходныхъ и доблестныхъ мужей изъ разныхъ провинцій: одни изъ нихъ отличались способностію мышленія и краснорѣчіемъ; другіе славились знаніемъ священнаго Писанія и прочихъ наукъ; иные знамениты были добродѣтельною жизнію; а нѣкоторые пріобрѣли извѣстность тѣмъ и другимъ. Всѣхъ епископовъ на Соборѣ находилось около трехъ сотъ двадцати. Вѣроятно, не малое также число было пресвитеровъ и діаконовъ, пріѣхавшихъ вмѣстѣ съ епископами. Вмѣстѣ съ ними явились и мужи, искусные въ діалектикѣ, намѣревавшіеся помогать имъ словомъ. Многіе изъ священниковъ, какъ обыкновенно бываетъ, собрались туда будто для борьбы за собственные дѣла, и думали имѣть время — поправить то, что огорчило ихъ лично. Всякій изъ нихъ, за что-нибудь порицая другихъ, представлялъ царю прошеніе, въ которомъ излагалъ нанесенныя себѣ обиды. И такъ какъ это легко случалось каждый день; то царь повелѣлъ, чтобы къ назначенному времени всѣ объявили, въ чемъ обвиняютъ (другихъ). Когда же данный срокъ наступилъ, онъ взялъ представленные просьбы и сказалъ: «для этихъ обвиненій будетъ свое время,—день великаго суда; и будетъ судія—Богъ, имѣющій тогда судить всѣхъ: а мнѣ—человѣку, не подобаетъ брать на себя выслушваніе дѣлъ, въ которыхъ и обвиняющіе и обвиняемые суть священники; ибо они отнюдь не должны по-

ставлять себя, въ такое положеніе, чтобы подвергаться суду другаго. Итакъ, будемъ подражать божественному челоуколюбію, именно: прощая другъ друга, оставимъ эти обвиненія, примиримся между собою и постараемся лучше о вѣрѣ, ради которой мы сошли съ сюда». Сказавъ это, царь повелѣлъ рукопись каждого оставить безъ разсмотрѣнія и просьбы ежечь, и назначилъ день, въ который надлежало разрѣшить сомнѣнія касательно вѣры. Но еще прежде срока, епископы, сходясь между собою, призывали Арія и, предлагая на общее изслѣдованіе свои мысли, вступали въ разсужденія. Однакожь изслѣдованіе ихъ, какъ обыкновенно бываетъ, послужило только источникомъ къ различнымъ вопросамъ: одни совѣтовали не дѣлать нововведеній въ преданной изъ древности вѣрѣ,—и это были особенно тѣ, которымъ простота правоты внушала безхитростию принимать вѣру въ Бога; а другіе утверждали, что древнѣйшимъ мнѣніямъ не должно слѣдовать безъ погѣрки ихъ. Изъ собравшихся тогда епископовъ и находившихся при нихъ клириковъ многіе славилась, какъ люди, въ діалектикѣ сильныя, и въ бесѣдахъ такого рода опытившіе. Объ нихъ зналъ самъ царь и его приближенные. Съ этого времени и Аванасій александрійскій, бывшій тогда еще діакономъ и обращавшійся съ епископомъ Александромъ, въ помннутыхъ разсужденіяхъ началъ принимать особенное участіе.

ГЛАВА 18.

О двухъ философахъ, привлеченныхъ къ оубрѣ простотою бесѣдавшихъ съ ними старцевъ.

Мало этого;—въ нихъ участвовали даже и нѣкоторые изъ языческихъ мудрецовъ: одни, можетъ быть, потому, что старались узнать, каково это ученіе; а другіе потому, что съ недавняго времени стали замѣчать упадокъ языческой религіи и, досадуя за то на Христіанъ, хотѣли въ споры о догматахъ вмѣшивать свои вопросы, съ цѣлю—между Христіанами возбудить вражду и противорѣчіе въ мнѣніяхъ. Разсказываютъ, что, когда какой-то среди ихъ тщеславилася своимъ искусствомъ слова и на смѣхался надъ священниками,—одинъ простой старецъ, изъ числа тѣхъ, которые прославились исповѣданіями, не перенесъ его гордости. Чуждый всякихъ тонкостей и хитростей, онъ захотѣлъ вступить съ нимъ въ бесѣду. Людей дерзкихъ, знавшихъ исповѣдника, такая рѣшимость расположила къ смѣху; а въ скромныхъ возбудила опасеніе, какъ-бы, то-есть, этотъ старецъ предъ мужемъ искуснымъ въ словѣ не показался смѣшнымъ. Однакожь, когда позволили ему говорить, что хочетъ, — ибо такому мужу долго прекословить не смѣли,—онъ сказалъ: «Во имя Іисуса Христа, послушай философа: Единъ есть Богъ, Создатель неба и земли, всего видимаго и невидимаго, сотворившій все это силою Слова и утвердившій освященіемъ

святаго Своего Духа. Это-то Слово, продолжалъ онъ, которое мы называемъ Сыномъ Божиимъ, сжалившись надъ заблужденіемъ и скотекою жизнію людей, восхотѣло родиться отъ жены, обращаться съ людьми и умереть за нихъ. Оно и еще придетъ судить, что каждый сдѣлалъ въ своей жизни. Въ истину этого мы безхитростно вѣруемъ. Посему не трудись напрасно отыскивать доказательства на то, что совершается вѣрою, и—способы, которымъ это могло быть, или не быть; но отвѣчай на вопросъ: вѣруешь ли ты?»—Пораженный этимъ, философъ сказалъ: «вѣрую»,—и исповѣдавъ благодарность за (свое) пораженіе, началъ мыслить согласно съ старцемъ, да и тѣхъ, которые прежде имѣли одинакое съ нимъ направленіе, расположилъ къ единомудрствованію, клятвенно утверждая, что онъ перемѣнился не безъ воли Божіей, но обращенъ къ Христіанству какою-то несказанною силою. Говорятъ, что подобное этому чудо совершенно было и Александромъ, управлявшимъ Церковію константинопольскою. Когда Константинъ прибылъ въ Византію, нѣкоторые философы пришли къ нему съ укоризнами, что онъ вѣруетъ не такъ, какъ надобно, и дѣлаетъ нововведенія относительно вѣры, устанавливая въ государствѣ новое Богопочтеніе, вопреки узаконенному его предками и всѣми правителями, какіе когда либо были надъ Греками и Римлянами, — и просили позволенія побесѣдовать

о вѣрѣ съ епископомъ Александромъ. Александръ, какъ мужъ высокой добродѣтели, вѣроятно, главнымъ дѣломъ почитавшій непорочную жизнь, хотя и никогда не упражнялся въ подобной словесной борьбѣ, однакожъ по повелѣнію царя принималъ подвижъ. Когда философы сошлись и хотѣли-было все разговаривать, епископъ потребовалъ, чтобы они избрали одного, кого имъ угодно, и чтобы другіе во время бесѣды хранили молчаніе. Этотъ одинъ только что началъ свою рѣчь, Александръ сказалъ ему: «во имя Иисуса Христа повелѣваю тебѣ не говорить»,—и у человѣка вдругъ связались уста; онъ замолкъ. Послѣ сего нужно ли разсуждать, какое чудо больше: человѣка, и притомъ философа, съ такою легкостію лишить слова, или словомъ, посредствомъ руки, разломить камень, что иѣкоторые, какъ я слышалъ, тщеславно разсказываютъ о Юліанѣ, называемомъ Халдеемъ?—Таковы переданныя мнѣ объ этомъ свѣденія.

глава 19.

О томъ, что, когда составился Соборъ, къ нему царь говорилъ рѣчь.

Часто сходясь, епископы выводили на средипу Арія и ревностно неспытывали его положенія, ибо остерегались, какъбы, подавая мнѣніе въ пользу той или другой стороны, не сказать чего-либо опрометчиво. Когда же насталъ воскресный день, въ который опредѣлено было пресѣчь недоразумѣнія,—они сошлись во дво-

рець, такъ какъ и самодержцу благоугодно было участвовать въ ихъ совѣтѣ. Прибывъ въ залу, назначенную для собранія священниковъ, онъ прошелъ между ними къ главному мѣсту и сѣлъ на приготовленномъ для него престолѣ. Повелѣно было сѣсть и Собору; ибо по обѣимъ сторонамъ вдоль стѣнъ царской залы стояло много скамей, а та зала была самая большая, превосходяще прочихъ. Какъ скоро все сѣли, Евсевій Памфиловъ всталъ и произнесъ царю рѣчь, заключивъ ее благодарственною о царѣ пѣсню Богу. Когда же онъ кончилъ, то водворилось молчаніе, и царь сказалъ: «За все благодарю Бога, и не менѣе за то, что вижу, други, сонмъ вашъ. Собрать во едино столько священниковъ Христовыхъ случилось мнѣ сверхъ всякаго чаянія. Желалъ бы я видѣть васъ единомысленными и согласными въ мнѣніяхъ; ибо возмущенія Божіей Церкви считаю зломъ самымъ тягостнымъ. Какъ скоро довели мнѣ о томъ, чего лучше бы не слышать, душа моя сильно возмутилась: я узналъ, что вы разномыслите между собою,—вы, которыхъ, какъ служителямъ Божіимъ и раздавателямъ мира, это менѣе всего прилично. И вотъ почему созванъ мною священный Соборъ вашъ. Какъ царь и сослужитель вашъ, я прошу отъ васъ этого, общему Владыкѣ Богу угоднѣйшаго дара, который мнѣ прилично принять, а вамъ подать, именно: изложите открыто причины вашихъ недоразумѣній

и положите имъ конецъ единомысліемъ и миромъ, чтобы мнѣ вмѣстѣ съ вами воздвигнуть этотъ трофей надъ завистливымъ демономъ, который, когда чужеземцы и тираны низвергнуты, возбудилъ сію внутреннюю вражду, по зависти къ нашимъ благамъ». Царь произнесъ эти слова на латинскомъ языкѣ, а одинъ изъ предстоявшихъ перевелъ ихъ на греческій.

глава 20.

О томъ, что, выслушавъ обѣ стороны, царь осудилъ приверженцевъ Арія и приговорилъ ихъ къ ссылке.

Послѣ сего священники начали разсуждать о догматѣ. Спокойно и незлобно выслушивалъ царь слова той и другой стороны, и присоединился къ тѣмъ, которые говорили хорошо, а спорщиковъ удерживалъ отъ распри и кротко бесѣдовалъ съ каждымъ, сколько могъ понимать кого, потому что не несвѣдуецъ былъ и въ греческомъ языкѣ. Наконецъ все священники согласились между собою и рѣшили, что Сынь—единосущенъ Отцу. Говорятъ, что мнѣніе Арія сперва поддерживали только семнадцать человекъ; но векорѣ и изъ нихъ большая часть перешла къ мнѣнію общему, которое защищалъ и самъ царь, утверждая, что это согласіе всего Собора благоугодно самому Богу. Притомъ онъ объявилъ, что всякій, противящійся догматамъ вѣры, какъ нарушитель Божественныхъ опредѣленій, будетъ наказанъ ссылкой. Чтобы символъ при-

нятой тогда вѣры былъ извѣстенъ потомству и сохранился на будущее время твердымъ, я, въ пользу истины, счелъ-было необходимымъ внести сюда письменное его изложение: но люди благочестивые, дружески ко мнѣ расположенные и знающіе дѣло разсудили, что объ этомъ должны говорить и слушать только посвященные и посвящающіе, и я рѣшился послѣдовать ихъ совѣту; потому что мою книгу по всей вѣроятности будутъ читать и нѣкоторые непосвященные. Впрочемъ тайны, о которыхъ надобно молчать, я постараюсь держать сокровенными, сколько нужно, чтобы читатели не вовсе не знали о томъ, что опредѣлено Соборомъ.

глава 21.

О томъ, что постановилъ созванный противъ Арія Соборъ, какъ осудилъ онъ Аріевыхъ приверженцевъ и сжегъ Аріевы сочиненія; также объ архіереяхъ, не хотѣвшихъ согласиться съ Соборомъ, и объ установленіи Пасхи.

Надобно знать, что Соборъ призналъ Сына единосущнымъ Отцу; а тѣхъ, которые говорили, что было время, когда Его не было, что прежде, чѣмъ Онъ родился, Его не было, что Онъ произошелъ изъ несущаго, или изъ другой чюности, либо сущности, что Онъ удобопревращаемъ или измѣняемъ, — тѣхъ отлучили и объявили чуждыми вселенской Церкви. Это опредѣленіе подписали: Евсевій никомидійскій, Θεогнисъ никейскій, Марисъ халкидонскій, Патрофиль екинопольскій и Секундъ птолемаидскій изъ

Ливіи. Но Евсевій Памфиловъ сперва нѣсколько колебался, а потомъ разсмотрѣлъ его и также подписалъ. Соборъ отлучилъ Арія вмѣстѣ съ единомышленниками и положилъ не принимать его въ Александрію. Мало этого; — онъ запретилъ и тѣ самыя выраженія, въ какихъ высказывались его мнѣнія, и книгу его объ этомъ предметѣ, подъ названіемъ: *Θαλαία*. Характеръ этой *Θαλίи*, какъ я слышалъ, но не читалъ, — безсвязность, по которой она походитъ на сотадійскія пѣсни. Надобно замѣтить однакожь, что Евсевій никомидійскій и Θεогнисъ никейскій, принявъ символъ вѣры, не согласились на изложение Арія и не подписали соборнаго опредѣленія объ этомъ. Не смотря на то, царь назначилъ Арію ссылку и, какъ вѣмъ епископамъ, такъ и народу письменно повелѣлъ считать его и единомыслящихъ съ нимъ за людей нечестивыхъ и, если найдется какое либо написанное ими сочиненіе, предавать его огню, такъ чтобы о немъ и введенномъ отъ него ученіи, даже и помину не было. А кто будетъ замѣченъ въ утайкѣ, кто тотчасъ же не объявитъ и не сожжетъ; тотъ въ наказаніе подвергается смерти и уголовной казни. Разослалъ онъ по городамъ и другое посланіе противъ Арія и его единомышленниковъ. Евсевію же и Θεогнису повелѣлъ выѣхать изъ городовъ, въ которыхъ они епископствовали. А Церкви никомидійской написалъ, чтобы она держалась вѣры, преданной Соборомъ, чтобы въ

епископы избирала православныхъ и имъ повиновалась, упомянутыхъ же предала забвенію; и кто будетъ хвалить ихъ или согласно съ ними мыслить, тому угрожалъ наказаніемъ. Въ этомъ посланіи онъ обнаружилъ и другую причину своего гнѣва на Евсевія,—именно ту, что Евсевій и прежде уже держался стороны тирана, а Константию строилъ козни. Но силъ этой царской грамоты, какъ Евсевій, такъ и Оеогнисъ лишены церковей, которыми они управляли;—и никомидійскую Церковь принялъ въ свое управленіе Амфіонъ, а никейскую—Христъ. По рѣшеніи вопроса о догматѣ, Собору угодно было постановить, чтобы и праздникъ Пасхи совершался вездѣ въ одно время.

глава 22.

О томъ, что на первый Соборъ царь признавалъ и новаціанскаго епископа Акесія.

Говорятъ, что, заботясь о единомысліи всѣхъ Христіанъ, Константинъ призвалъ на Соборъ и епископа новаціанской Церкви, Акесія. Показавъ ему уже скрѣпленное подисеями епископовъ опредѣленіе о вѣрѣ и праздникѣ, царь спросилъ: согласенъ ли съ этимъ и онъ? Акесій отвѣчалъ, что Соборомъ не опредѣлено ничего новаго,—и одобрилъ соборное мнѣніе. Я и самъ, говорилъ онъ, точно такъ вѣрую и праздную, и этотъ обычай принимаю отъ древности.—А если ты мыслишь оди-

наково съ нами, сказалъ царь, за чѣмъ же избѣгаешь общенія? Въ отвѣтъ на это Акесій, рассказавъ о разногласіи между Новатомъ и Корнилиемъ при Декіѣ, заключилъ, что люди, послѣ крещенія впадающіе въ грѣхи, которые въ св. Писаніи называются смертными, недостойны приобщаться таинства; ибо отпущеніе ихъ грѣховъ зависитъ только отъ власти Божіей, а не отъ священниковъ. Тутъ царь прервалъ его и сказалъ: «Акесій! поставь лѣстницу и взойди на небо одинъ». Это сказано царемъ конечно не въ похвалу Акесія, а въ томъ смыслѣ, что новаціане, будучи людьми, считаютъ себя безгрѣшными.

глава 23.

О постановленныхъ Соборомъ правилахъ, и о томъ, что одинъ исповѣдникъ Пафнутій помѣшалъ Собору постановить правило, что все, пльющіе прилѣтъ санъ священства, должны вести жизнь дѣвственную.

Стараясь исправить жизнь служащихъ въ Церкви, Соборъ постановлялъ законы, называемые правилами. Когда разсуждали объ этомъ; то нѣкоторымъ хотѣлось ввести законъ, чтобы епископы и пресвитеры, діаконы и вподіаконы не раздѣляли ложа съ женами, которыхъ поили до вступленія въ духовный санъ. Но Пафнутій исповѣдникъ всталъ и началъ говорить вопреки. Называя бракъ честнымъ и сожитіе съ соборною женою—цѣломудріемъ, онъ совѣто-

валь Собору не постановлять такого закона; ибо трудно переносить это. Такой законъ и для нихъ и для женъ ихъ, можетъ быть, сдѣлается причиною не цѣломудрія. По древнему преданію Церкви, безбрачные, вступивъ въ духовное званіе, уже не должны жениться; а принявшіе духовный санъ послѣ брака, не должны удалиться отъ женъ, которыхъ имѣютъ. И это предложилъ Пафнутій, самъ никогда не испытавшій брачнаго состоянія. Соборъ одобрилъ его совѣтъ,— и въ этомъ отношеніи не постановилъ никакихъ правилъ, не связалъ никого необходимостію, и безбрачное состояніе предоставилъ волѣ каждаго. Но по другимъ предметамъ, что казалось ему хорошимъ, онъ написалъ законы, которыми Церковь должна была управляться въ своихъ дѣйствіяхъ. Эти законы, кто хочетъ, легко можетъ прочитать, потому что они есть у многихъ.

глава 24.

О дѣлѣ Мелетія, какъ хорошо святой Соборъ рассмотрѣлъ его.

Когда изслѣдованы были также событія, происшедшія въ Египтѣ подъ вліяніемъ Мелетія: тогда Соборъ присудилъ ему самому жить въ Ликѣ, нося только имя епископа, и впредь не рукополагать ни въ городѣ, ни въ селѣ. А тѣмъ, которые уже поставлены имъ, предписалъ имѣть общеніе и совершать литургію, но относительно степеней чести, занимать второе мѣсто послѣ

клириковъ въ каждой Церкви и приходѣ,—вступать также на мѣста умершихъ, если по опредѣленію народа окажутся достойными того, и будутъ утверждены епископомъ александрійской Церкви,—но самимъ не имѣть участія въ избраніи по собственному желанію, кого хотѣли бы. Соборъ призналъ это справедливымъ, размысливъ объ опрометчивости и поспѣшности Мелетія и единомышленниковъ его, въ дѣлѣ рукоположенія; ибо когда Петръ, въ послѣдствіи скончавшійся мученически, по случаю бывшаго въ то время гоненія, ушелъ изъ Александріи,—Мелетій пріевонилъ себѣ не принадлежавшее ему право рукоположенія.

глава 25.

О томъ, что царь, призвавъ Соборъ въ Константинополь и почтивъ его дарами, далъ ему общественный обѣдъ, уваживъ всѣхъ сохранять единомысліе и опредѣленія святаго Собора послалъ въ Александрію и разослалъ повсюду.

Между тѣмъ, какъ Соборъ дѣлалъ эти опредѣленія, наступило двадцатилѣтіе Константинова царствованія. У Римлянъ (былъ) обычай совершать народное торжество чрезъ каждые десять лѣтъ правленія самодержца. Посему царь счелъ благовременнымъ пригласить Соборъ на пиръ и почтить его приличными дарами. Когда же отцы Собора собирались отправляться назадъ, онъ снова созвалъ всѣхъ ихъ, совѣтовалъ имъ хранить единомысліе относительно вѣры, и имѣть

миръ между собою, чтобы впредь не было подобныхъ возмущеній. Послѣ продолжительной бесѣды объ этомъ, Константинъ просилъ ихъ усердно молиться за себя, за дѣтей и за царство, и всегда служить Богу; сказавъ же это отправлявшимся тогда въ Никею епископамъ, разстался съ ними. А чтобы постановленія Собора были извѣстны и тѣмъ, которые не присутствовали на немъ, онъ отправилъ грамоту къ Церквамъ во всѣ города, и кромѣ того особую написалъ къ Церкви александрійской, убѣждая ее оставить всякое разномысліе и единодушно исповѣдывать изложенную на Соборѣ вѣру; ибо она есть не иное что, какъ мысль Божія, объявленная Духомъ Святымъ чрезъ согласіе столь многихъ и столь великихъ архіереевъ, и утвержденная послѣ тщательнаго изслѣдованія и испытанія всѣхъ недоумѣній.

конецъ первой книги-церковной исторіи.

ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРИИ ЭРМІЯ СОЗОМЕНА САЛАМИНСКАГО

КНИГА ВТОРАЯ.

ГЛАВА I.

О обрѣтеніи освящающаго преста и священныхъ воздѣй.

Такъ окончилось все, происходившее въ Никеѣ,—и священнослужители разъѣхались по домамъ. Видя, что вся Церковь согласна касательно догмата, царь чрезвычайно радовался. Для изъявленія благодарности Богу за единодушіе епископовъ, за себя, за дѣтей и за государство, онъ призналъ своею обязанностию построить молитвенный домъ въ Иерусалимѣ, подлѣ такъ—называемаго Краіева мѣста. Около того же времени въ Иерусалимѣ для молитвы и посѣщенія тамошнихъ священныхъ мѣстъ прибыла и мать его Елена. Питая благочестивое расположеніе къ вѣрѣ христіанской, она весьма желала найти древо честнаго креста. Но найти его, равно какъ и священный гробъ, было нелегко; потому что въ древности языческіе гонители Церкви, стараясь всѣми средствами истребить едва возникавшее богопочтеніе, покрыли то мѣсто большимъ холмомъ и подыли его, между тѣмъ какъ прежде, подобно нынѣшнему своему

положенію, оно было углублено. Занявъ оградою всю площадь воскресенія и Крапіева мѣста, они украсили ее: поверхность выслали камнемъ, построили храмъ Афротидѣ и воздвигли ей статую; такъ что покланявшіеся на томъ мѣстѣ Христу, казалось, чтили Афротиду. Съ теченіемъ времени истинная причина благоговѣнія къ тому мѣсту изгладилась изъ памяти; ибо Христіане не могли безопасно посѣщать его и показывать другимъ, между тѣмъ какъ языческій храмъ и статуя пользовались уваженіемъ. Не смотря однакожь на то, означенное мѣсто было открыто, и тщательно придуманный для того обманъ избличень. Это сдѣлано, говорятъ, по указанію одного изъ живущихъ на востокѣ Евреевъ, который зналъ о томъ изъ книги, доставшейся ему отъ отца, по вѣроятію, — по указанію самаго Бога, открывающаго людямъ тайны посредствомъ знаменій и сновидѣній; ибо я не думаю, чтобы предметы божественные нуждались въ указаніи человѣческомъ, когда Богу угодно открыть ихъ. Итакъ, по приказанію царя, означенное мѣсто было очищено, — и въ глубинѣ, на одной его сторонѣ, показалась пещера воскресенія, а на другой, близъ того-же мѣста найдены три креста, и отдѣльно отъ нихъ еще древо въ видѣ бѣлой дощечки, на которой словами и письмена сврейнскими, греческими и римскими было изображено: Іисусъ Назарянинъ Царь Іудейскій. Это, какъ говоритъ священная кнѣга Евангелій,

было написано надъ главою І. Христа, по приказанію правителя Іудеи, Пилата. Но и послѣ обрѣтенія не легко было отличить (истинный) крестъ Христовъ, частію потому, что надпись была сорвана съ него и отброшена, а частію и потому, что три креста лежали въ безпорядкѣ; и порядокъ между ними былъ нарушенъ вѣроятно тогда, когда снимали съ нихъ тѣла распятыхъ. Воины, какъ повѣствуетъ исторія, сперва нашли мертвымъ на крестѣ І. Христа и, снявъ Его, отдали для погребенія; потомъ, намѣреваясь ускорить смерть распятыхъ по обѣимъ его сторонамъ разбойниковъ, перебили имъ голени, а самые кресты бросали одинъ за другимъ, какъ пощало. Да и какая была нужда воинамъ заботиться о расположеніи крестовъ въ прежнемъ порядкѣ, когда они снѣшили окончить дѣло до вечера и не считали хорошимъ заниматься крестами людей, умершихъ насильственною смертію? Между тѣмъ, какъ оставалось еще необъяснимымъ, который крестъ Христовъ, и настояла надобность въ указаніи Божескомъ, а не человѣческомъ, — случилось слѣдующее: Въ Іерусалимѣ была одна знатная женщина, страдавшая тяжелою и неизлечимою болѣзнію. Къ ней, лежавшей (на одрѣ болѣзни), пришелъ іерусалимскій епископъ Макарій, въ сопровожденіи матери царя и своихъ приближенныхъ. Сотворивъ напередъ молитву и давъ знать зрителямъ, что божественный крестъ долженъ быть тотъ, который, будучи воз-

ложенъ на женщину, исцѣлить ее отъ болѣзни, онъ началъ возлагать на нее кресты одинъ за другимъ. Когда возлагаемы были первые два, съ женою не произошло ничего важнаго и замѣчательнаго, и она находилась уже при самыхъ вратахъ смерти: но какъ скоро коснулись ея третьимъ, она вдругъ открыла глаза и, возвративъ силы, соскочила съ постели здоровая. Говорятъ, что такимъ-же образомъ былъ воскрешенъ и мертвый. Большая часть найденнаго божественнаго древа и донныя хранится въ Иерусалимѣ, въ серебряномъ ковчегѣ; а остальную царица привезла сыну своему Константину, равно какъ и гвозди, которыми было пригвождено тѣло Христово. Говорятъ, что изъ этихъ гвоздей царь приказалъ сдѣлать себѣ шлемъ и для коня узду, во исполненіе пророчества Захаріи, котораго предсказаніе указывало какъ-бы на то самое время: *въ день онъ будетъ еже во уздѣ коня свято Господу Вседержителю* (Зах. 14, 20). Такъ слово въ слово говоритъ Пророкъ. Въ древности это было предвидѣно и предсказано святыми пророками, а во времена послѣдующія, въ которыя угодно было Богу,—подтвердилось чудными событіями. И тутъ нечему удивляться, если, даже по признанію язычниковъ, сама Сивилла сказала:

О прѣблаженное древо, на которомъ распростертъ былъ Богъ.

Чего уже, пусть-бы кто и нарочито хотѣлъ про-

творѣчить, отвергнуть не въ состояніи. Итакъ древо креста и почитаніе его было предсказано. Это передали мы, какъ сами приняли—отъ мужей, которымъ упомянутое событіе совершенно извѣстно, и которые, свѣдѣнія о немъ получивъ по преемству отъ отцевъ къ дѣтямъ, по возможности описали ихъ и оставили потомкамъ.

ГЛАВА 2.

О матери царя Елены, какъ она, бывъ въ Иерусалимѣ, строила храмы и совершала другія богоугодныя дѣла; также о ея кончинѣ.

Около того времени царь, предположивъ воздвигнуть храмъ Богу, приказалъ тамошнимъ правителямъ заботиться, чтобы это зданіе было какъ можно великолѣпнѣе и драгоценнѣе. Да и мать его Елена, съ своей стороны, построила два храма: одинъ въ Виолеемѣ надъ пещерою, въ которой родился Христосъ, а другой на вершинѣ горы Елеонской, откуда вознесся Онъ на небо. Благочестіе и благоговѣніе сей жены обнаружилась какъ многими другими дѣлами, такъ и слѣдующимъ: Говорятъ, что, живя тогда во Иерусалимѣ, она призывала къ себѣ и угощала священныхъ дѣвъ, служила имъ при столѣ, подавала кушанья, наливала своими руками воду и дѣлала все прочее, что обыкновенно дѣлаютъ слуги для гостей. Потомъ, посѣщая восточные города, она почтила мѣстныя церкви приличными пожертвованіями, многихъ, лишившихся имѣнія, сдѣлала богатыми, нуждающимся щедро

раздавала необходимое, а пныхъ освобождала отъ долговременныхъ узъ, отъ заточенія и рудниковъ, и за это, кажется мнѣ, получила достойное воздаяніе; ибо настоящую жизнь провела такъ славно и знаменито, какъ нельзя болѣе: была превозглашена августѣйшею, издала золотую монету съ собственнымъ изображеніемъ и, получивъ отъ сына власть надъ государственными сокровищами, пользовалась ими по собственному усмотрѣнію. А когда должна была она покинуть эту жизнь, то имѣла также и славную кончину: бывъ около осьмидесяти лѣтъ отъ роду, оставила сына вмѣстѣ съ кесарями, съ внуками, правителемъ всей римской имперіи и, если есть въ томъ какая-нибудь польза, даже по смерти не предана забвенію; ибо, въ залогъ всегданяго о ней памятованія, будущіе вѣки имѣютъ два города, названныхъ ея именемъ,—одинъ въ Византіи, а другой въ Палестинѣ. По довольно для насъ о Еленѣ.

глава 3.

О храмахъ, построенныхъ Великимъ Константиномъ; о городѣ, названномъ по его имени, какъ онъ построился, и о находившихся внутри его зданіяхъ; также о храмѣ Архистратига Михаила въ Сосеніи ¹⁾ и о бывшихъ тамъ чудесахъ.

Царь, что ни дѣлалъ, все направлялъ къ благочестію и вездѣ воздвигалъ Богу велико-

¹⁾ Вѣроятно, здѣсь ошибкою поставлено въ Сосеніи вмѣсто: въ Эсгіяхъ; ибо самая глава не упоминаетъ о храмѣ въ Сосеніи.

лѣпнѣйшіе храмы, особенно же въ главныхъ городахъ, какъ-то, въ Никомидіи вифонской, въ Антиохіи при рѣкѣ Оронтѣ, и въ Византіи, которую сравнивалъ съ Римомъ въ правахъ и во власти. Когда все шло по его желанію, и дѣла съ иноплемениками были окончены частію войнами, частію переговорами, онъ захотѣлъ построить соименный себѣ и равночестный Риму городъ. Для сего, прибывъ на поле нліиское, близъ Геллеспонта, гдѣ—могила Аякса и гдѣ восставшіе противъ Трои Ахейцы имѣли, говорятъ, корабельную пристань и лагерь, обозначилъ тамъ форму и величину города, и на возвышенномъ мѣстѣ поставилъ ворота, которыя плавателямъ и теперь видны съ моря. Когда онъ занимался этимъ, однажды ночью явился ему Богъ и повелѣлъ искать другаго мѣста для города, указавъ на Византію оракійскую, по ту сторону Халкидона вифонскаго: тамъ приказано ему построить городъ и назвать его именемъ Константина. Царь послушался слова Божія ¹⁾ и, распространивъ прежнюю Византію, обнесъ ее огромными стѣнами. Такъ какъ, для населенія обширнаго города, туземцевъ было недостаточно; то въ разныхъ мѣстахъ по предметіямъ построилъ онъ большіе дома и, отдавъ ихъ во владѣніе знаменитѣйшимъ людямъ, поселилъ ихъ тамъ съ семействами, а

¹⁾ Это было въ 325 году по Р. Хр. въ двадцатый годъ царствованія императора Константина.

этихъ людей вызвали частію изъ древняго Рима, частію изъ другихъ мѣстъ. Назначилъ онъ также площади, изъ которыхъ одні служили для устройства и украшенія города, а другія для снабженія его жителей принасами, и доставивъ городу все прочее, отлично украсилъ его ипподромомъ, водохранилищами, портиками и другими зданіями, назвалъ свой Константинополь новымъ Римомъ и сдѣлалъ его столицею всѣхъ живущихъ на землѣ, подвластной Римлянамъ,—къ сѣверу, югу, востоку и средиземному мѣрю, начиная отъ городовъ, лежащихъ на Дунаѣ, и отъ Енидамна, что при заливѣ іонійскомъ, до Кирены и Ливіи при такъ—называемомъ мысѣ борійскомъ. Учредилъ онъ и другой верховный совѣтъ, называемый сенатомъ, и предоставилъ ему тѣже права и преимущества, какія принадлежали древнимъ Римлянамъ. Страніе его—соименный себѣ городъ сдѣлать во всемъ равнымъ Риму италійскому, не осталось безъ успѣха; ибо, при помощи Божіей, это населеніе такъ выросло, что, и по числу жителей, и по богатству, всѣмъ ставится выше (Рима). Причиною того я почитаю, съ одной стороны, боголюбезность строителя и города, съ другой, милосердіе и щедрость жителей къ нуждающимся; ибо Константинополь такъ располагаетъ всѣхъ къ Христовой Вѣрѣ, что Иудеи въ немъ—многіе, а язычники почти все перешли въ Христіанство. При-

томъ, столицею ему пришлось сдѣлаться въ такое время, когда Вѣра особенно распространилась; такъ что не оскверняли его ни третища, ни языческіе храмы, ни жертвоприношенія. Въ послѣдующее царствованіе, то-есть Юліаново, все это хотя и было на нѣсколько времени восстановлено, но скоро опять уничтожилось. Возвеличивая сей, какъ бы новозданный Христовъ и соименный себѣ городъ, Константинъ украсилъ его многими и великолѣпными молитвенными домами. Усердію царя содѣйствовало и самъ Богъ, поколику святость и спасительность построенныхъ въ этомъ городѣ молитвенныхъ домовъ подтверждали своими откровеніями. Знаменитѣйшимъ изъ нихъ, по мнѣнію какъ иностранцевъ, такъ и здѣшнихъ жителей, съ того времени почитается храмъ, находящійся въ Эстіяхъ. А это мѣсто, называемое нынѣ михайловскимъ, лежитъ на правой сторонѣ, если въ Константинополь плыть изъ Понта, и отстоять отъ него по морскому пути стадій на тридцать пять, сухимъ же путемъ, когда будешь обходить находящійся въ среднѣ заливъ,—болѣе чѣмъ на семьдесятъ. Нынѣшнее названіе оно получило потому, что здѣсь, какъ увѣряютъ, является святой Михаилъ Архангелъ. Истину этого подтверждаю и я, удостоившійся въ помянутомъ мѣстѣ великихъ благодѣяній. Да и многіе иные случаи доказываютъ, что это дѣйствительно бываетъ; ибо одинъ, подвергшись тяж-

кимъ бѣдствіямъ, или неизбежнымъ опасностямъ, другіе, впадши въ болѣзни, или неизлечимыя страданія, молились здѣсь Богу и получали избавленіе отъ несчастій. Рассказывать все порознь, какъ что случилось и съ кѣмъ, было бы долго: я считаю необходимымъ сказать только то, что случилось съ Акилиномъ, который и теперь еще проводитъ время со мною и ходитъ по дѣламъ въ однихъ и тѣхъ-же судилищахъ, и что я частію отъ него слышалъ, частію самъ видѣлъ. Онъ впалъ въ сильную горячку отъ воспаленія желчи,—и врачи дали ему выпить какое-то чистительное лѣкарство: но принятое лѣкарство возбудило въ немъ рвоту, и вмѣстѣ съ тѣмъ разлилась его желчь. Она своимъ цвѣтомъ покрыла всю поверхность его тѣла, отъ чего все съѣденное или выпитое имъ извергалось рвотою. Много прошло времени, какъ не удерживалась въ немъ никакая пища, и для исцѣленія болѣзни врачебное искусство оказалось беспильнымъ. Наконецъ, уже полумертвый, онъ приказалъ своимъ домашнимъ спести себя въ молитвенный домъ, рѣшившись или умереть тамъ, или получить исцѣленіе отъ болѣзни. Лежавшему въ храмѣ больному явилось ночью божественное существо и повелѣло ему окроплять пищу жидкостію изъ смѣси молока, вина и перцу. Эта именно смѣсь и исцѣлила его отъ болѣзни, хотя у врачей, по правиламъ ихъ искусства, разгорячительное питье въ

болѣзняхъ желчныхъ считается вреднымъ. Слышалъ я и объ одномъ придворномъ врачѣ Пробіанѣ, что, страдая тяжкою болѣзнію въ ногахъ, онъ тамъ-же освободился отъ страданій и удостоился дивнаго божественнаго видѣнія. Бывъ прежде язычникомъ, принявъ онъ Христіанство,—и прочіе догматы христіанской Вѣры почиталъ довольно правдоподобными, не допускалъ только одного, что божественный крестъ есть причина спасенія всѣхъ. Между тѣмъ какъ онъ питалъ такую мысль, явившійся ему божественный зракъ указалъ на одинъ изъ образовъ креста, лежавшихъ на жертвенникѣ тамошней церкви, и ясно произнесъ, что со времени распятія Христова, изъ всѣхъ событій, направленныхъ къ общей пользѣ человѣческаго рода, или къ частной нѣкоторыхъ людей, ничто не совершено безъ силы честнаго креста, ни святыми Ангелами, ни благочестивыми и добрыми людьми. Не имѣя времени перечислять все, по дошедшимъ до меня слухамъ, происшедшее въ упомянутомъ храмѣ, я почелъ нужнымъ рассказать только объ этомъ.

ГЛАВА 4.

О томъ, что сдѣлалъ Великій Константинъ при дубѣ маморійскомъ, и какъ построилъ (на томъ мѣстѣ) храмъ.

Необходимо рассказать и о томъ, что царю Константину благоугодно было сдѣлать при дубѣ, такъ—называемомъ мамврійскомъ. Это мѣсто,

которое теперь называют Теревиноомъ, отстоитъ отъ сосѣдняго Хеврона на пятнадцать стадій къ югу, а отъ Иерусалима стадій на двѣсти пятьдесятъ. На немъ, какъ повѣствуетъ истинная исторія, вмѣстѣ съ Ангелами, посланными къ жителямъ Содома, явился Аврааму самъ Сынъ Божій и предсказалъ ему рожденіе дитяти. Туземцы и отдаленнѣйшіе жители Палестины, Финикіане, Аравитяне, и теперь еще, во время лѣта, ежегодно совершаютъ тамъ торжественный праздникъ. Къ тому времени туда-же собираются многіе и для торговли, — продавать и покупать. Этотъ праздникъ уважается всѣми: — и Иудеями, потому что они гордятся патріархомъ Авраамомъ (какъ своимъ родоначальникомъ), и язычниками, потому что на томъ мѣстѣ было явленіе Ангеловъ, и Христіанами, потому что здѣсь явился праведнику Тотъ, Кто въ послѣдствіи пришелъ на землю для спасенія человѣчества, родившись отъ Дѣвы. И это мѣсто всѣ чтутъ согласно съ правилами своего богопочтенія: одни, — возсылая молитвы Богу всяческихъ, другіе, — призывая Ангеловъ и возливая вино, либо принося въ жертву ладонь, вола, козла, овцу, цѣтуха; ибо всякій, что изъ животныхъ есть у него лучшаго и драгоцѣннѣйшаго, откармливалъ тщательно въ теченіи цѣлаго лѣта, и по обѣту сохранялъ къ пишеству того праздника для себя и для своихъ. Изъ уваженія къ мѣсту, или изъ опа-

сенія наказанія Божія, тамъ никто не сближается съ женами, хотя въ праздникъ онѣ особенно заботятся о прикрасахъ и нарядахъ и, если нужно, выходятъ и прогуливаются; — никто также не предается распутству, хотя всѣ имѣютъ общія палатки и проводятъ ночь вмѣстѣ. То мѣсто открыто, занято пашнями и не застроено домами, исключая жилище близь дуба, въ древности принадлежавшее Аврааму, и имъ же ископанный колодезь. Во время праздника изъ этого колодезя никто не черпаетъ воды; ибо, по языческому обычаю, одни ставятъ на него зажженные свѣчи, другіе вливаютъ въ него вино, либо бросаютъ пироги, монеты, муро, пахучія вещества, — и оттого вода, смѣшиваясь съ бросаемыми въ нее веществами, естественно дѣлается негодною къ употребленію. Между тѣмъ какъ все это совершалось по сказанному, съ свойственнымъ язычникамъ веселіемъ, пріѣхала туда на богомолье мать Константиновой супруги и рассказала о томъ царю. Узнавъ это, царь сильно винилъ палестинскихъ епископовъ, что они небрегутъ о своей обязанности, — позволяютъ осквернять священное мѣсто нечистыми возлітіями и жертвоприношеніями, и выразилъ свое благочестивое негодованіе въ написанномъ по сему случаю посланіи къ епископу іерусалимскому Макарію, къ Евсевію Памфилову и къ другимъ палестинскимъ епископамъ. Онъ приказалъ имъ сойтись съ еписко-

нами финикійскими и, разрушивъ до основанія бывшій тамъ прежде жертвенникъ, а статуи предавъ огню, построить на томъ мѣстѣ церковь, достойную древности и святости самаго мѣста, и впредь заботиться, чтобы оно не осквернялось возліянiami и жертвоприношеніями, чтобы на немъ не совершалось ничего, кромѣ богослуженія по правиламъ Церкви. А кто будетъ замѣченъ въ совершеніи прежнихъ обрядовъ, о томъ пусть доносятъ епископы: онъ подвергнется тяжкому наказанію. Приказаніе, выраженное въ этомъ царскомъ посланіи, начальники и служители Христовы исполнили самымъ дѣломъ.

глава 5.

О томъ, какъ онъ разрушилъ идольскія капища и тѣмъ подданныхъ еще болѣе расположилъ къ Христіанству.

Такъ какъ многія селенія и города во всей (подвластной Константиноу) имперіи еще питали страхъ и уваженіе къ идольскимъ изображеніямъ и, отвращаясь отъ ученія христіанскаго, ревновали о древнихъ отеческихъ обычаяхъ и празднествахъ; то Константинъ почелъ необходимымъ внушить подданнымъ равнодушіе къ идолослуженію, и для удобнѣйшаго достиженія сей цѣли, напередъ пріучить ихъ къ презрѣнію капищъ и находящихся въ нихъ истукановъ. Задумавъ это, онъ не имѣлъ нужды въ воинской силѣ: желаніе его приводили въ ве-

полненіе служившіе при дворѣ Христіане, объѣзжая города съ царскими грамотами. Ибо простой народъ, опасаясь за себя, за дѣтей своихъ и женъ,—какъ бы, въ случаѣ сопротивленія, не потерѣть чего худаго, оставался спокойнымъ; а блюстители капищъ и жрецы, лишившись помощи черни, добровольно извлекали изъ неприступныхъ и сокровенныхъ убѣжищъ храма все бывшія у нихъ самыя драгоценныя и такъ—называемыя благодарванныя ¹⁾ изображенія, и выдавали ихъ. Съ того времени предметы, нѣкогда недоступныя и извѣстныя однимъ жрецамъ, для желающихъ сдѣлались доступными. Кумиры, вылитые изъ драгоценныхъ металловъ и изъ другихъ веществъ, казавшихся полезными, были расплавлены и обращены въ государственную монету; а съ особеннымъ искусствомъ вычеканенные изъ мѣди отсюду свозились въ сомнѣнный самодержавію городъ и, назначенные для его украшенія, еще доселѣ стоятъ по площадямъ, ипподрому и дворцамъ. Такова статуя Аполлона, находившаяся въ прорицалицѣ Пноіи, гелликонскія Музы, дельфійскіе треножники и знаменитый Панъ, котораго Павзаній лакедемонскій и греческіе города поставили

¹⁾ Языческіе жрецы, для обмана простаго народа, выдавали нѣкоторые кумиры за испосланные свыше отъ Бога (Διοπέτρη или οὐρανοπέτρη). Таковъ, напр., кумиръ богини Паллады, который Трояне почитали испадшимъ съ неба въ храмъ ихъ крѣпости, гдѣ онъ и хранился.

послѣ войны съ Мидянами. Изъ капищъ одиѣ лишены дверей, другія кровель, а нныя, бывъ оставлены безъ вниманія, обветшали и разрушились. Тогда-же срыты и совершенно уничтожены храмы Эскулапа въ Эгипѣ киликійской и Афротиды въ Афахѣ, при горѣ ливанской и рѣкѣ Адонисѣ. Оба они были весьма знамениты и пользовались великимъ уваженіемъ древнихъ; ибо Эгиптяне увѣряли, что въ нихъ избавляются отъ недуговъ страждущіе тѣлесными болѣзнями и что ночью является и исцѣляетъ ихъ демонъ. А въ Афахѣ, въ извѣстный день, при помощи какаго-то заклинанія, на вершинѣ Ливана показывается огонь, будто звѣзда, и погружается въ близъ текущую рѣку. Эту звѣзду называли Уранією, какъ называютъ и Афротиду. Какъ скоро это совершилось,—намереніе царя достигло своей цѣли; ибо одни, видя, что предметы прежняго ихъ благоговѣнія и страха наполнены соломою и нечистотами и брошены какъ ничтожныя, вмѣсто почтенія стали обнаруживать презрѣніе къ нимъ и своихъ предковъ упрекали въ заблужденіи; другіе, завидуя Христіанамъ въ получаемыхъ ими отъ царя почестяхъ, начали необходимымъ подражать обычаямъ государя; иные, начавъ внимательно изслѣдывать ученіе христіанской вѣры, то знаменіями и сновидѣніями, то бесѣдами епископовъ или монаховъ были приведены къ убѣжденію, что и въ самомъ дѣлѣ лучше испо-

вѣдывать Христіанство. Съ того времени жители селеній и городовъ добровольно оставляли прежнія свои понятія. Такъ приморское мѣстечко города Газы, по имени Маіума, отличавшееся суевѣріемъ и дотолѣ преданное древнимъ обычаямъ, теперь все вдругъ обратилось къ Христіанству. Въ награду за такое благочестіе, царь удостоилъ Маіумцевъ великой чести:—мѣстечку ихъ, которое прежде не было городомъ, далъ значеніе города и назвалъ его, во имя любимѣйшаго своего сына, Констанцією. По такой же причинѣ, какъ я узналъ, удостоены царскаго имени и финкійскій городъ Константина. Но описать все порознь невозможно; ибо тогда къ христіанской вѣрѣ обратилось много и другихъ городовъ: они добровольно, безъ всякаго приказанія со стороны царя, испровергли свои капища и кумиры, и построили себѣ молитвенные дома.

глава 6.

О томъ, по какому случаю при Константиинѣ Христіанство распространилось по всей аселенной.

Когда такимъ образомъ Церковь начала распространяться во всей римской имперіи, христіанская вѣра проникла и къ самымъ Варварамъ. Теперь уже приняли Христіанство и народы, жившіе при Рейхѣ, и Кельты, и обитавшіе близъ океана, отдаленные Галаты; а Готы, и сопредѣльные съ ними поколѣнія, обитавшія

по берегамъ рѣки Истра (Дунай), еще прежде исповѣдали Христову вѣру; въ настоящее же время сдѣлались болѣе кроткими и образованными. Поводомъ къ принятію христіанскаго ученія почти для всѣхъ Варваровъ служили бывшія по временамъ войны Римлянъ съ иноплемениками при Галліенѣ и слѣдовавшихъ за нимъ царяхъ: ибо, когда безчисленные толпы различныхъ народовъ, выходя изъ Оракіи, опустошали Азію, а другіе Варвары въ иныхъ мѣстахъ дѣлали тоже съ сосѣдними Римлянами; тогда попадались имъ въ плѣнъ и оставалось у нихъ много и христіанскихъ священниковъ. А такъ какъ эти плѣнники нерѣдко исцѣляли тамошнихъ больныхъ и очищали одержимыхъ демонами, произнося только имя Христово и призывая Сына Божія, притомъ вели жизнь неукоризненную и добродѣтелями побуждали (наносимыя) себѣ оскорбленія; то, удивляясь жизни и чудеснымъ дѣйствіямъ этихъ мужей, Варвары стали приходить къ благой мысли, что они умилостивятъ Бога, если будутъ подражать людямъ, казавшимся лучшими, и служить Ему такъ же, какъ эти послѣдніе. Такимъ образомъ, избирая ихъ въ руководители своихъ дѣйствій, они были научаемы, удостоивались крещенія и причислялись къ Церкви.

ГЛАВА 7.

О томъ, какъ христіанскую спру приняли Иберійцы.

Во время того-же царствованія, говорятъ,

увѣровали въ Христа и Иберійцы¹⁾. Этотъ варварскій народъ многочисленъ и весьма воинственъ; онъ обитаетъ нѣсколько къ сѣверу отъ Арменіи. Иберійцевъ къ оставленію отеческаго суевѣрія расположила одна христіанская плѣнница. Бывъ совершенно предана вѣрѣ и благочестію, она и у иноплемениковъ не оставила обыкновеннаго своего образа жизни. Любимымъ ея занятіемъ было поститься, молиться дено и ношно, и благословлять Бога. Варвары спрашивали ее, для чего ей угодно выдерживать это,—и когда она въ простотѣ сердца отвѣчала, что такъ именно надлежитъ чтить Сына Божія, то имъ показались странными—и имя чтимаго, и образъ почитанія. Между тѣмъ случилось тамъ тяжело заболѣть одному отроку,—и мать больного, перенося его изъ дома въ домъ, показывала всѣмъ. У Иберійцевъ сохранился этотъ обычай для того, не найдется ли какого-либо врача, имѣющаго возможность исцѣлить страждущаго отъ болѣзни. Когда отрокъ, не получившій ни отъ кого исцѣленія, былъ принесенъ и къ плѣнницѣ, то она сказала: я не знаю и не употребляю ни мазей, ни пластырей, но вѣрую, что Христосъ, котораго чту и исповѣдую истиннымъ и великимъ Богомъ, спа-

¹⁾ Здѣсь говорится объ Иберійцахъ азіатскихъ, которыхъ надобно отличать отъ Иберійцевъ испанскихъ, принявшихъ христіанскую вѣру еще прежде, во времена св. Ириней. Irin. Adv. Haeres. lib. 1 cap. 3.

сеть твоего сына, — и тотчас помолвившись о немъ, исцѣлила его отъ болѣзни, тогда какъ онъ находился уже при смерти. Не много спустя, подобнымъ же образомъ спасла она и жену повелителя того народа, едва не погибшую отъ неизлечимой болѣзни, и преподала ей вѣдѣніе о Христѣ, какъ о подателѣ здравія, жизни и царства, и о Господѣ вѣчныхъ. Испытавъ случившееся съ собою, она увѣровала въ истину словъ плѣнницы, приняла христіанскую вѣру и оказывала своей избавительницѣ великую честь. Царь удивился скорости и чудесности вѣры и исцѣленія и, узнавъ отъ жены о причинѣ этого, приказалъ наградить плѣнницу подарками. Но подарки, отвѣчала царица, сколь бы они драгоценны ни были, для ней ничего не значать; она выше всего ставить одно служеніе своему Богу. Посему, если мы хотимъ угодить ей и заботимся о безопасной и хорошей жизни; то должны и сами чтить Того всемогущаго Бога и Спасителя, Который по своему благоволенію сохранилъ царей на царствѣ, легко можетъ дѣлать великихъ малыми, а безславныхъ — славными, и спасать угнѣтенныхъ бѣдствіями. Такъ какъ жена благовѣствовала объ этомъ по видимому часто; то повелитель Иберіи пришелъ въ недоумѣніе, однако не совѣмъ убѣждался, представляя новостъ этого дѣла и питая уваженіе къ отеческому богопочтенію. Вскорѣ послѣ того случилось ему вмѣстѣ съ приближен-

ными быть въ лѣсу на охотѣ. Вдругъ непроходимый мракъ и густой воздухъ окружилъ ихъ со всѣхъ сторонъ и покрылъ небо и солнце; глубокая ночь и совершенная тьма распространилась по всему лѣсу. Всѣ бывшіе тамъ, каждый боясь за себя, убѣжали другъ отъ друга, — и царь, оставшись одинъ, какъ обыкновенно бываетъ съ людьми, не знающими, что дѣлать въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, вспомнилъ о Христѣ и рѣшился признать, да и впредь признавать его Богомъ, если освободится отъ настоящаго бѣдствія. Едва онъ помыслилъ объ этомъ, мракъ мгновенно разбѣялся и воздухъ получилъ прежнюю чистоту; солнечные лучи озарили лѣсъ, и царь благополучно вышелъ оттуда. Сообщивъ своей женѣ о случившемся, онъ призвалъ плѣнницу и просилъ ее объяснить, какимъ образомъ надобно чтить Христа. Когдаже она исполнила это, сколько можно было говорить и дѣлать женщинѣ; то онъ, созвавъ подданныхъ и объявивъ всенародно о случившихся съ нимъ и съ его женою божественныхъ благодѣяніяхъ, еще до посвященія своего въ тайны (Христіанства) преподалъ имъ ученіе христіанское. Оба они внушали всему народу чтить Христа, — царь мужчинамъ, а царица вмѣстѣ съ плѣнницею — женщинамъ, и вскорѣ, съ общаго согласія цѣлаго племени, ревностно приступили къ постройкѣ церкви. Но когда окружность всего храма обнесли они

оградю, и потомъ при помощи машинъ стали поднимать колонны и утверждать ихъ на основаніяхъ; то, утвердивъ первую и вторую, при постановкѣ третьей встрѣтили, говорятъ, великое затрудненіе; такъ что ни искусство знатковъ, ни сила рабочихъ не дѣйствовали, хотя людей тянувшихъ было множество. Наконецъ наступилъ вечеръ, и у Церкви осталась одна плѣнница, которая, проведши тамъ цѣлую ночь, молила Бога о благополучномъ утвержденіи колоннъ, а всѣ прочіе разошлись съ прискорбіемъ, особенно же царь; ибо колонна, поднятая до половины, осталась въ наклонномъ положеніи, и нижнимъ концемъ врывшись въ землю, сдѣлалась неподвижною. Но это, подобно чудесамъ предшествующимъ, должно было еще болѣе утвердить Иберійцевъ въ вѣрѣ; ибо на утро пришедши къ церкви, они увидѣли нѣчто удивительное, похожее на сновидѣніе: колонна, накануне бывшая неподвижною, теперь стояла прямо и висѣла въ небольшомъ разстояніи надъ своимъ основаніемъ. Тутъ всѣ изумились и Христа исповѣдали единымъ истиннымъ Богомъ. А между тѣмъ, какъ народъ продолжалъ смотреть на это чудо, колонна сама собою тихо опустилась и какъ будто искусственно приладилась къ своему основанію. Послѣ сего прочія колонны легко уже были воздвигнуты, и остальное Иберійцы докончили съ великимъ усердіемъ. Когда-же церковь была ими тщательно

устроена, они, по совѣту плѣнницы, отправили пословъ къ царю Константину и, предложивъ ему съ своей стороны оборонительный и наступательный союзъ, въ вознагражденіе за то просили его прислать своему народу священниковъ. Какъ скоро послы рассказали, что у нихъ случилось и съ какимъ усердіемъ весь народъ чтитъ Христа, римскій царь выразилъ имъ свое удовольствіе и, сдѣлавъ все по ихъ желанію, отпустилъ ихъ. Такъ-то Иберійцы, познавъ тогда Христа, и донынѣ усердно чтутъ Его.

глава 8.

О томъ, какъ пришли Христіанство Армяне и Персы.

Велѣдъ затѣмъ христіанская вѣра перешла къ племенамъ сосѣднимъ, и количество исповѣдниковъ увеличилось. Впрочемъ Армяне, какъ я узналъ, еще прежде того пришли Христіанство. Говорятъ, что повелитель этого народа Тиридатъ, послѣ какого-то дивнаго знаменія Божія, случившагося въ его домѣ, и самъ сдѣлался Христіаниномъ, и всѣмъ подданнымъ предписалъ указомъ исповѣдывать ту же вѣру. Потомъ уже христіанская вѣра перешла къ сосѣднимъ народамъ, — и количество исповѣдниковъ увеличилось. Начало Христіанства между Персами положили, думаю, тѣ изъ нихъ, которые, по случаю взаимныхъ сношеній Озройцевъ и Армянъ, вѣроятно, бесѣдовали съ тамошними

святыми мужами и опытно удостоверился въ ихъ добродѣтели.

ГЛАВА 9.

О персидскомъ царь Сапуръ, какъ онъ возставалъ противъ Христіанъ; о персидскомъ епископъ Симеонъ, и объ спускъ Усваздъ, какъ онъ совершилъ подвигъ мученичества.

Такъ какъ съ теченіемъ времени (въ Персіи) стало весьма много (увѣровавшихъ во Христа), и они начали дѣлать собранія, имѣли священниковъ и діаконовъ; то это сильно обезпокоивало маговъ, которые, какъбы какая священная каста, по преемству родовъ издревле управляли персидскимъ богослуженіемъ,—обезпокоивало также и Иудеевъ, которые, по ненависти, были какъбы природными врагами христіанской вѣры. Они клеветали тогдашнему царю Сапору на Симеона, современнаго ему архіепископа Селевкии и Ктвизифона, важнѣйшихъ городовъ въ Персіи,—будто онъ благопріятствуетъ римскому кесарю и передастъ ему о дѣлахъ персидскихъ. Повѣривъ клеветамъ, Сапуръ сперва обременилъ Христіанъ неумѣренными податями, по колѣнку зная, что многіе изъ нихъ отличаются нелюбостыжательностію, и собраніе податей поручилъ людямъ грубымъ, чтобы недостаткомъ въ деньгахъ и жестокостію сборщиковъ Христіане вынуждены были оставить свое богопочтеніе, чего онъ сильно домогался. Потомъ приказалъ онъ священниковъ и слу-

жителей Божіихъ обезглавливать, церкви разрушать, имущество конфисковать, а Симеона привести къ себѣ, какъ измѣнника персидскаго царства и богопочтенія. Въ слѣдствіе сего, маги, при содѣйствіи Иудеевъ, усердно разрушали молитвенные дома; а Симеонъ, схваченный и заключенный въ желѣзные кандалы, былъ приведенъ къ царю и при этомъ случаѣ явился мужемъ доблестнымъ и твердымъ; ибо, когда Сапуръ вознамѣрился мучить его и приказалъ ввести къ себѣ, то онъ и не убоился, и не поклонился. Царь былъ сильно разгнѣванъ этимъ и спросилъ: почему онъ теперь не поклонился, между тѣмъ какъ прежде кланялся? Потому, отвѣчалъ Симеонъ, что меня прежде не вводили къ тебѣ узникомъ для отреченія отъ истиннаго Бога, и я, нисколько не сомнѣваясь, исполнялъ подобающее царскому достоинству; а теперь мнѣ не пристойно дѣлать это, ибо я иду страдать за благочестіе и наше ученіе. Выслушавъ его слова, царь приказалъ ему поклониться солнцу и если исполнить приказаніе, обѣщалъ осыпать его дарами и почестями, а не исполнить, угрожалъ гибелью и ему, и всему христіанскому племени. Но не боясь угрозъ и не обольщаясь обещаніями, Симеонъ оставался твердымъ,—не соглашался поклониться солнцу и измѣнить своей вѣрѣ. Посему царь повелѣлъ содержать его въ узахъ, надѣясь, что онъ перемѣнитъ свой образъ мыслей. Въ то время, какъ Симеона вели

въ темницу, старецъ евнухъ, воспитатель Сапора и смотритель царскаго дома, Усоазадъ, увидѣвъ его, всталъ и поклонился; ибо случайно сидѣлъ тогда предъ воротами дворца. Но Симеонъ сдѣлалъ ему жестокой упрекъ, выразивъ свое негодованіе и, отворотившись, прошелъ мимо; потому что, бывъ Христіаниномъ, онъ не задолго предъ тѣмъ, по принужденію, поклонился солнцу. Евнухъ тотчасъ началъ слезно рыдать, снялъ съ себя свѣтлую одежду, въ которой былъ, и облекшись въ черную, какъ-бы во время сѣтованія, сѣлъ противъ царскаго дома и сталъ жалобно взывать: увы мнѣ, чего могу ожидать отъ Бога, котораго отрекся, когда и здѣсь еще прежній другъ мой Симеонъ за это не удостоилъ меня слова и отворотившись прошелъ мимо?—Узналъ объ этомъ Сапоръ и, призвавъ его къ себѣ, спрашивалъ о причинѣ плача, не случилось ли въ его домѣ какого несчастія? Въ отвѣтъ ему Усоазадъ сказалъ: Государь! въ здѣшнемъ моемъ домѣ несчастія не случилось. О, если-бы вмѣсто того, что произошло со мною, я подвергся другимъ всякаго рода несчастіямъ; то мнѣ было бы легче; а теперь я плачу о томъ, что еще живу; давно бы слѣдовало мнѣ умереть, а я и до нынѣ вижу солнце, которому поклонился наружно, изъ угожденія тебѣ, а не по собственному расположенію. Да, меня надобно лишить жизни по двумъ причинамъ, какъ отступника отъ

Христа и какъ обманщика предъ тобою. Сказавъ это, онъ поклялся Творцемъ неба и земли, что впредь никогда не измѣнитъ своему убѣжденію. Сапоръ удивился неожиданной перемѣнѣ евнуха и еще болѣе разгнѣвался на Христіанъ, думая, что они производятъ это посредствомъ волшебства. Однакожь онъ расположенъ былъ пощадить старца и, представляясь то кроткимъ, то грознымъ, всячески старался преклонить его на свою сторону. Когда же не получилъ ни какого успѣха, и Усоазадъ рѣшительно отвѣчалъ, что онъ уже не будетъ столь безразсуденъ, чтобы, вмѣсто Создателя вселенскихъ Бога, чтить Его созданіе; тогда, воспламенившись гнѣвомъ, приказалъ отсѣчь ему голову. Ведомый для сего палачами, онъ умолилъ ихъ подождать немного, какъ-бы хотѣлъ сказать нѣчто царю, и подзававъ къ себѣ одного изъ вѣрнѣйшихъ евнуховъ, просилъ его доложить Сапору слѣдующее: Какую преданность имѣлъ я съ дѣтства до настоящаго времени къ вашему дому, Государь, служа съ должнымъ усердіемъ твоему отцу и тебѣ, въ томъ, мнѣ кажется, не нужно приводить свидѣтелей; это самъ ты хорошо знаешь. Итакъ за все прежнія мои услуги вамъ награди меня однимъ воздаяніемъ: пусть невѣдающіе не думаютъ, будто я подергаюсь казни за измѣну противъ государства, или за какое нибудь другое преступленіе. А чтобы это было извѣстно, прикажи глашатаю объя-

вить всѣмъ, что Усоазаду отсѣкается голова отнюдь не за какое-нибудь государственное преступленіе, но за то, что будучи Христіаниномъ, онъ не могъ быть убѣжденъ царемъ къ отреченію отъ своего Бога. Евнухъ донесъ объ этомъ, — и Сапоръ приказалъ глашатаю объявить согласно съ просьбою Усоазады; ибо онъ надѣялся, что и прочіе Христіане скорѣе откажутся отъ Христіанства, когда увѣрятся, что царь не пощадитъ никого изъ Христіанъ, если лишитъ жизни своего стараго воспитателя и вѣрнаго слугу. А Усоазада просилъ провозгласить о причинѣ своей казни съ тою мыслію, что поклонившись солнцу изъ угожденія (царю), онъ многихъ Христіанъ привелъ тогда въ страхъ: посему, узнавъ, что умертвили его за вѣру, многіе изъ нихъ будутъ теперь подражателями его мужеству.

глава 10.

О Христіанахъ, умерщвленныхъ въ Персіи Сапоромъ.

Такимъ образомъ здѣшнюю жизнь Усоазада окончилъ славною смертію, — и Симеонъ, узнавъ объ этомъ въ своей темницѣ, воздалъ за него благодареніе Богу. На слѣдующій же день, — это былъ шестой день недѣли, въ который предъ праздникомъ воскресенія ежегодно совершалось воспоминаніе спасительнаго страданія, — царь приказалъ обезглавить и Симеона; ибо приведенный опять изъ темницы во дворецъ, онъ весьма мужественно говорилъ Сапо-

ру о (христіанскомъ) ученіи, и не хотѣлъ поклониться ни ему, ни солнцу. Въ этотъ самый день приказано умертвить и другихъ, содержавшихся въ темницѣ въ числѣ ста человекъ, а послѣ того и Симеона, чтобы онъ видѣлъ смерть всѣхъ ихъ. Между сими узниками были епископы, пресвитеры и прочіе чины церковнаго клира. Когда вели ихъ на смерть, то прибѣлъ къ нимъ великій начальникъ маговъ и спросилъ: угодно ли имъ жить и, исповѣдуя одинаковое съ царемъ богопочтеніе, поклоняться солнцу? Но на такихъ условіяхъ никто не согласился продолжать жизнь. Тогда отвели ихъ на мѣсто казни для исполненія надъ ними приговора, — и палачи принялись за свое дѣло, начали умерщвлять мучениковъ. Между тѣмъ Симеонъ стоялъ подлѣ, возбуждалъ ихъ къ мужеству, бесѣдовалъ о смерти, о воскресеніи и благочестіи, и на основаніи священнаго пречанія доказывалъ, что истинная жизнь состоитъ именно въ такой смерти и что, напротивъ, отказаться отъ Бога по страху — значить истинно умереть; ибо, спустя не много, они умрутъ и сами собою, безъ насильственной смерти: таковъ неизбѣжный конецъ всякому смертному. А то, что послѣдуетъ за этимъ — вѣчное, будетъ не одинаково въ отношеніи ко всѣмъ людямъ: они отдадутъ строгій отчетъ за здѣшнюю жизнь, какъ бы вѣсомъ, — и каждый за сдѣланныя имъ добрыя дѣла получитъ вѣч-

ную награду, а за противныя тому — вѣчное наказаніе. Самое же большее и блаженнѣйшее изъ всѣхъ добрыхъ дѣлъ состоитъ въ томъ, чтобы умереть за Бога. Слущая Симеона, когда онъ говорилъ это, будто руководитель, наставлявшій подвижниковъ совершать поприще, каждый изъ нихъ съ радостію шелъ на закланіе. Когда палачъ кончилъ убійство ста чело-вѣкъ, то въ заключеніе умертвилъ и самаго Симеона, а съ нимъ также Аведехалаа и Ананію, престарѣлыхъ пресвитеровъ его Церкви, которые вмѣстѣ съ нимъ были взяты и содержались въ узахъ.

глава II.

О начальникѣ Сапоровыхъ художниковъ Пузикъ.

Здѣсь же стоялъ тогда начальникъ всѣхъ царскихъ художниковъ, Пузикъ. Видя, что Ананія, готовясь къ смерти, трепещетъ, онъ сказалъ: недолго, старецъ; закрой свои глаза и мужайся, ибо скоро увидишь свѣтъ Христовъ. Едва онъ выговорилъ это, какъ схватили его и привели къ царю. Предъ царемъ онъ исповѣдалъ себя Христіаниномъ, и за то, что о (христіанскомъ) ученіи и мученикахъ говорилъ царю свободно, — съ непристойнымъ будто бы дерзновеніемъ, приказано умертвить его особеннымъ и жесточайшимъ образомъ. Палачи проткнули ему шею около сухой жилы, и вытянули туда языкъ его. По наущенію нѣкоторыхъ, тогда же была схвачена и умерщвлена дочь его,

дѣвица, посвященная Богу. Въ слѣдующемъ году, въ тотъ самый день, когда совершается воспоминаніе о страданіяхъ Христа и ожидается торжество воскресенія Его изъ мертвыхъ, по всей персидской землѣ разослапо было жесточайшее повелѣніе Сапора, осуждавшее на смерть всѣхъ, исповѣдающихъ себя Христіанами. Въ то время, говорятъ, умерщвлено мечемъ безчисленное множество Христіанъ; ибо маги по городамъ и селеніямъ усердно ловили скрывающихся; а нѣкоторые выдавали себя и сами, добровольно, безъ всякаго принужденія, чтобы чрезъ молчаніе не показаться отступниками отъ Христа. Тогда безпощадно были убиваемы всѣ Христіане, многіе даже изъ придворныхъ, и между ними евнухъ Азадъ, къ которому царь былъ весьма расположенъ. Узнавъ о его смерти, Сапоръ очень скорбѣлъ и послѣ сего приказалъ прекратить всеобщее умерщвленіе (Христіанъ), а убивать однихъ только учителей этого богопочтенія.

глава 12.

О сестрѣ Симеона, Тарвуль, и сл мученичествъ.

Въ то же время, по случаю болѣзни, приключившейся царицѣ, схвачена была и сестра епископа Симеона, посвященная (Богу) дѣва, по имени Тарвула, съ служанкою, провождавшею ту же жизнь, и съ еестрою, которая, по смерти мужа, отказавшись отъ (второго) брака, вела подобный образъ жизни. А схвачены онѣ по наущенію Иудеевъ,

которые обвиняли ихъ въ томъ, что будто, мстя за смерть Симеона, онѣ отравили царицу ядомъ. Царица, — такъ какъ больные обыкновенно слушаютъ все невѣроятное, — клевету приняла за истину, тѣмъ болѣе, что эта клевета происходила отъ Иудеевъ; ибо она держалась одинаковыхъ съ ними мыслей, жила по-іудейски и считала ихъ правдивыми и къ себѣ благо расположенными. Схвативъ Тарвулу и прочихъ, маги осудили ихъ на смерть и, перекинувъ на двое полою, повѣсили ихъ—съ тою цѣлю, чтобы, для отвращенія болѣзни, царица прошла среди этихъ вывѣшенныхъ частей. Говорятъ, что Тарвула была благообразна и весьма хороша на видъ, и что одинъ влюбленный въ нее магъ, желая склонить ее къ постыдной связи, тайно подсылалъ ей денегъ и, если она согласится, обѣщавъ спасти ее и бывшихъ съ нею. Но Тарвула, не обративъ и слуха къ безстыдному предложенію, осыпала укоридами и возненавидѣла распутника. Она охотнѣе согласилась умереть, чѣмъ нарушить дѣвство. Между тѣмъ, по силѣ Сапорова указа, которымъ, какъ выше сказано, предписывалось другихъ оставить, а брать однихъ только священниковъ и христіанскихъ учителей, маги и начальники маговъ, проходивъ по персидской землѣ, тщательно преслѣдовали епископовъ и пресвитеровъ, особенно же въ странѣ Адіавинской; ибо эта персидская область была наполнена Христіанами.

глава 13.

О мученичествѣ солдата Акенсима и бывшихъ съ нимъ.

Въ это время схватили они епископа Акенсиму и многихъ его клириковъ; но потомъ разсудивъ, удовольствовались задержаніемъ одного предстоятеля, а всѣхъ прочихъ отпустили, отнявъ у нихъ имѣніе. Однакожъ нѣкто пресвитеръ Іаковъ добровольно послѣдовалъ за Акенсимою и, упросивъ маговъ заключить себя въ узы вмѣстѣ съ нимъ, усердно прислуживалъ старцу, облегчалъ его страданія, сколько могъ, и врачевалъ его раны. Вскорѣ по задержаніи Акенсима, маги жестоко мучили его сырыми жилами, принуждая поклониться солнцу; но такъ какъ онъ не согласился, то опять заключили его въ узы. Въ то же время за ученіе христіанское содержались въ темницѣ и жестоко были терзаемы магами пресвитеры Аноала и Іаковъ, и діаконъ Азадапъ и Авдіеусъ. Но прошествіи долгаго времени, великій начальникъ маговъ доложилъ о нихъ Царю и, получивъ позволеніе мучить ихъ, какъ хочетъ, если не поклонятся солнцу, объявилъ узникамъ объ этомъ повелѣніи Сапора. И такъ какъ узники рѣшительно отвѣчали, что отнюдь не будутъ измѣнниками Христу и не поклонятся солнцу; то онъ подвергъ ихъ жесточайшимъ мученіямъ. Акенсима, мужественно перенося страданія за исповѣданіе вѣры, скончался,—и

нѣкоторые изъ бывшихъ въ Персіи армянскихъ заложниковъ, тайно взявъ останки его, погребли ихъ. Прочіе же, хотя и не менѣе того были мучимы, но чудеснымъ образомъ остались живы и, не измѣнивъ своей вѣрѣ, опять заключены въ узы. Въ числѣ ихъ находился и Аноала, у котораго, когда во время бичеванія онъ былъ растягиваемъ, сильнымъ растяженіемъ оторвали руки отъ плечъ, такъ что онъ висѣли безъ жизни, и уже другіе подносили пищу къ устамъ его. Во время этого царствованія, мученически окончили жизнь безчисленное множество пресвитеровъ и діакѳновъ, монаховъ и священныхъ дѣвъ, и другихъ преданныхъ вѣрѣ служителей Церкви. Епископы, о которыхъ я знаю, были: Варвасимъ и Навель, Гаддіавъ и Сабинъ, Марей и Мокій, Іоаннъ и Ормизда, Пана и Іаковъ, Рома и Мааръ, Ага и Вохръ, Авда и Авдіусъ, Іоаннъ и Авраній, Агдела и Сапоръ, Исаакъ и Давса, который былъ плѣнникомъ у Персовъ изъ страны такъ называемой Завдейской¹⁾). Въ тоже время, вмѣстѣ съ хоренскономъ Марсавдою и его клириками, умерли за вѣру около двухъ сотъ пятидесяти человекъ, взятыхъ Персами въ плѣнъ.

¹⁾ Въ царствованіе преемника Константина, Констанція, персидскій царь Сапоръ дѣлалъ частые набѣги на римскія восточныя владѣнія и между прочимъ на такъ называемую страну Завдейскую, гдѣ въ 360 году завоевалъ главный городъ Безавду и жителей его, вмѣстѣ съ епископами и клириками, отвелъ въ плѣнъ въ Персію. *Anna. Marcel. Lib. XX.*

ГЛАВА 14.

О мученичествѣ епископа Милла, о его образѣ жизни, и о томъ что Сапоръ замучилъ въ Персіи до шестидесяти тысячъ человекъ извѣстныхъ, кромѣ тѣхъ, которые неизвѣстны.

Въ тоже время претерпѣлъ мученичество и Милла, который сначала служилъ въ персидскомъ войскѣ, а потомъ, оставивъ военную службу, сталъ вести жизнь апостольскую. Говорятъ, что, бывъ рукоположенъ во епископа одного персидскаго города, онъ часто страдалъ, претерпѣвалъ удары и растяженія членовъ, но, не могши никого убѣдить къ принятію Христіанства, огорчился этимъ, подвергъ тотъ городъ проклятію и удалился оттуда. Спустя не много времени, тамошніе начальники совершили противъ царя преступленіе, — и прибывшее войско съ тремя стами слоновъ разрушило городъ и, воздѣлавъ почву его, какъ ниву, засѣяло ее сѣменами. Между тѣмъ Милла, взявшій съ собою только суму, въ которой хранилъ священную книгу Евангелій, отправился въ Іерусалимъ на богомолье, а оттуда въ Египетъ, чтобы видѣть тамошнихъ монаховъ. Какія потомъ совершилъ этотъ мужъ чудныя и божественныя дѣланія, о томъ свидѣлствуютъ ученики египетскихъ пустынниковъ, описавшіе дѣла и жизнь его: а для меня довольно, думаю, и того, что уже сказано какъ о немъ, такъ и о другихъ персид-

скихъ мученикахъ въ царствованіе Сапора. Да и кто могъ бы изчислить все, съ ними случившееся, и рассказать, кто они были и откуда, какъ совершили мученичество и какія претерпѣли страданія; ибо у Персовъ, отличающихся жестокостію, способы мученій разнообразны. Вообще говорятъ, что тогда сдѣлалось мучениками до шестидесяти тысячъ мужчинъ и женщинъ, извѣстныхъ по именамъ; а не поименованнымъ и числа нѣтъ. Поэтому пересказать ихъ названія было трудно для самыхъ жителей Персіи, Сиріи и Эдесы, которые прилагали къ тому особенную заботливость.

ГЛАВА 15.

О томъ, какъ Константинъ писалъ Сапору о прекращеніи гоненія на Христіанъ.

Когда римскій царь, Константинъ, узналъ о бѣдствіяхъ Христіанъ въ Персіи, то почувствовалъ великую скорбь и досаду. Онъ желалъ помочь имъ, но не зналъ, какъ поступить, чтобы и они жили спокойно. Случилось, что въ то время прибыли къ нему послы царя персидскаго. Соизволивъ на ихъ прошеніе и сдѣлавъ имъ угодное, онъ отпустилъ ихъ и, этотъ случай для ходатайствованія предъ Сапоромъ о персидскихъ Христіанахъ находя благопріятнымъ, написалъ къ нему письмо, въ которомъ выражалъ, что онъ получить право на величайшую и безпредѣльную его благодар-

ность, если будетъ оказывать челоуѣколюбіе къ читателямъ Христіанской вѣры въ своемъ государствѣ. Да въ образъ ихъ богопочтенія, говорилъ, и нѣтъ ничего предосудительнаго; потому что они довольствуются только безкровными молитвами для умиловленія Бога, Которому не угодно пролитіе крови, но пріятна одна чистота души, стремящейся къ добродѣтели и благочестію. Вѣрующіе такимъ образомъ даже достойны похвалы. Потомъ онъ доказывалъ, что за покровительство этой вѣрѣ, Сапоръ и самъ будетъ пользоваться милостію Божіею, и въ примѣръ приводилъ случившееся съ Валеріаномъ и съ собою; ибо за вѣру во Христа, говорилъ, получая божественную помощь свыше, онъ покорилъ подъ свою власть, начиная съ западнаго океана, всю римскую имперію, и счастливо окончилъ многія войны какъ съ иноплемменными народами, такъ и съ современными себѣ тираннами. Для сего не нужно было ему ни жертвоприношеній, ни какихъ либо гаданій: чтобы побѣдить, онъ довольствовался знаменіемъ креста впереди своихъ войскъ и молитвою, безъ крови и скверны. Даже и Валеріанъ, пока не оскорблялъ Церквей,—продолжалъ царствовать благополучно; а какъ скоро задумалъ произвести гоненіе на Христіанъ,—гнѣвъ Божій предаль его Персамъ, у которыхъ въ плѣнъ онъ бѣдственно окончилъ жизнь свою. Такъ писалъ Константинъ Сапору, стараясь вну-

шить ему благосклонность къ христіанской Вѣрѣ; ибо онъ имѣлъ великое попеченіе о всѣхъ вообще Христіанахъ, римскихъ и иноплеменныхъ.

глава 16.

О томъ, какъ послѣдователи Арій, Евсевій и Осогнисъ, дали письменное упреніе о своемъ согласіи съ Соборомъ никейскимъ и получили обратно свои престолы.

Спустя немного послѣ никейскаго Собора, Арій, сосланный въ ссылку, былъ возвращенъ, но вступить въ Александрію еще не могъ. О вступленіи его въ Египетъ, какъ будетъ сказано въ свое время, велически старались уже впоследствии. Вскорѣ также обратно получили свои церкви — Евсевій никомидійскій, изгнавъ рукоположеннаго на свое мѣсто Амфіона, и Осогнисъ никейскій, изгнавъ Христа. Они возвращены послѣ того, какъ прислали епископамъ письменное раскаяніе слѣдующаго содержанія: «Осужденные вашимъ благоговѣніемъ, мы должны-бы молчаливо переносить приговоръ святаго суда вашего: но такъ какъ молчаніемъ безразумно подавать поводъ къ клеветѣ на себя; то доносимъ, что мы сошлись (съ вами) въ вѣрѣ и, разсмотрѣвъ значеніе единосущія, ни въ чемъ не слѣдуемъ ереси,—совершенно склонились къ миру. Для безопасности Церкви, припоминая все, представлявшееся нашему уму, мы тогда же удовлетворились и, вмѣстѣ желая удовлетворить тѣмъ, которые чрезъ насъ должны были убѣдиться въ вѣрѣ, под-

писали символъ, а анафематствованія не подписали,—не потому, что осуждали вѣру, но потому что не вѣрили, будто осужденный дѣйствительно таковъ, ибо частно—изъ его къ намъ посланій и изъ личныхъ бесѣдъ съ нимъ ясно видѣли, что онъ не таковъ. Если же святой Соборъ вашъ и тогда удостовѣрился, что мы не противимся вашимъ приговорамъ, но соглашаемся съ ними; то теперь мы и письменно подтверждаемъ это согласіе, и побуждаемся къ тому не тягостію ссылки, а желаніемъ освободиться отъ подозрѣнія въ ереси: ибо какъ скоро вы удостоите нынѣ насъ свиданія съ собою, то увидите, что мы во всемъ согласны съ вашими опредѣленіями. Когда уже вашему благоеннизхожденію угодно было удостоить челоуѣколюбія и вызвать изъ ссылки того, кто былъ первый осужденъ въ этомъ; то послѣ челоуѣка, казавшагося виновнымъ, а потомъ вызваннаго и оправдавшагося въ томъ, въ чемъ онъ былъ обвиняемъ,—послѣ этого челоуѣка нельзя было-бы намъ молчать и давать поводъ къ обличенію самихъ себя. Итакъ, съ свойственнымъ вамъ христолюбивымъ благоеннизхожденіемъ, благоволите напомнить объ этомъ самому боголюбивѣйшему царю и, представивъ ему наше прошеніе, произнесите поскорѣ благоприличное вамъ о насъ сужденіе». Раскаившись такимъ образомъ, Евсевій и Осогнисъ обратно получили свои престолы.

ГЛАВА 17.

О томъ, что, по смерти Александра александрійскаго, согласно съ его избраніемъ, на епископскій престолъ восходитъ Афанасій. Разсказъ о его дѣтствѣ, и о томъ, какъ онъ самоучкою совершалъ священническія дѣйствія и былъ любимъ Вселеннымъ Антоніемъ.

Около того-же времени александрійскій епископъ Александръ, отходя отъ этой жизни, оставилъ преемникомъ своимъ Афанасія, и къ сему мѣстному приведенъ былъ, думаю, волею Божіею; ибо Афанасій, говорятъ, пытался уйти и принять епископство не-хотя, по принужденію Александра. Объ этомъ свидѣтельствуешь Аполлинарій сирійнинъ, говоря такъ: «Нечестіе не медлить враждовать и послѣ сего: сначала оно вооружилось противъ блаженнаго учителя этого мужа, которому содѣйствовалъ онъ, какъ сынъ отцу, а потомъ и противъ него самого, когда, не смотря на многократное бѣгство, ему пришлось сдѣлаться преемникомъ епископства. При помощи Божіей, онъ былъ найденъ; равно какъ, по божественному-же указанію, блаженный мужъ избралъ его, а не кого другаго, своимъ преемникомъ, когда передавалъ ему епископство. Отходя отъ сей жизни и уже кончаясь, онъ призывалъ Афанасія по имени; но Афанасій былъ въ отсутствіи. Находившійся тутъ другой сомнительный отозвался на зовъ епископа; но онъ ничего не говорилъ ему, такъ какъ не его разумѣлъ, и опять сталъ звать. Повторивъ это нѣсколько разъ, блаженный Александръ не

отвѣчалъ присутствовавшему, но обращался къ отсутствовавшему, и наконецъ пророчески сказалъ: Афанасій! ты думаешь избѣгнуть, но не избѣгнешь,—давая этимъ знать, что призывалъ его на подвиги». Такъ пишетъ Аполлинарій объ Афанасіѣ. А послѣдователи аріанской ереси говорятъ, что, по смерти Александра, единомышленники Александровы и Мелетіевы вступили во взаимное общеніе и, собравшись изъ Фиваиды и всего Египта въ числѣ пятидесяти четырехъ епископовъ, съ клятвою согласились общимъ голосомъ избрать правителя александрійской церкви; но изъ нихъ семь предстоятелей, нарушивъ клятву, вопреки мѣстному прочимъ, тайно рукоположили Афанасія,—и вотъ почему многіе изъ народа и изъ египетскихъ клириковъ не вступали съ нимъ въ общеніе. Я же увѣренъ, что этотъ мужъ, какъ человѣкъ, способный говорить, мыслить и противиться кознямъ, достигъ первосвященства не безъ Божія внушенія: то время имѣло нужду именно въ такомъ предстоятель. Онъ былъ особенно преданъ Церкви и весьма способенъ къ священству, что обнаружилъ еще въ дѣтствѣ,—такъ сказать, самоучкою; ибо, когда не достигъ еще зрѣлаго возраста, съ нимъ, говорятъ, случилось слѣдующее: Александрійцы и донинѣ всенародно и очень торжественно совершаютъ ежегодное празднество въ день мученической смерти бывшаго у нихъ епископа Петра. Празднуя этотъ день, то-

гдашній предстоятель церкви Александръ, по окончаніи литургіи, поджидалъ къ себѣ тѣхъ, которые имѣли съ нимъ обѣдать и, бывъ одинъ, смотрѣлъ на море. Въ это время вдали на берегу замѣтилъ онъ отроковъ, игравшихъ и представлявшихъ епископа и церковные обряды. Пока въ этомъ подражаніи не видѣлъ онъ ничего предосудительнаго, то забавлялся зрѣлищемъ и утѣшался дѣйствіями; но какъ скоро они начали представлять и совершеніе таинствъ, то обезпокоился и призвавъ вышихъ клириковъ, указалъ имъ на отроковъ. По приказанію Александра, отроки были взяты и приведены къ нему,—и онъ спросилъ, что это у нихъ за игра, и что въ ней говорятъ они и дѣлаютъ? Дѣти отъ страха сперва заперались; но когда онъ угрозилъ имъ наказаніемъ, то признались, что Аонасіій былъ у нихъ епископомъ и распорядителемъ, и что онъ крестилъ нѣкоторыхъ, еще непосвященныхъ дѣтей. Александръ тщательно расспросилъ ихъ, что говорилъ имъ и дѣлалъ священствовавшій въ игрѣ, и что они отвѣчали, или чему научились, — и открылъ, что ими соблюдено въ точности все церковное чиноположеніе, вмѣстѣ съ бывшими тутъ священниками разсудилъ, что дѣтей, однажды удостоившихся въ простотѣ получить божественную благодать, перекрещивать не слѣдуетъ, все же прочее, что могутъ исполнять только посвященные тайноводители, самъ онъ совершилъ надъ ними. По-

томъ Аонасіія и прочихъ дѣтей, которыя въ игрѣ представляли пресвитеровъ и діаконовъ, передалъ родителямъ ихъ, взявъ съ нихъ клятву предъ Богомъ, что они воспитаютъ ихъ для Церкви и приготовить къ тому, чему тѣ подражали. А спустя немного, Аонасіій жилъ уже у него и былъ его писмоводителемъ. Подъ благимъ руководствомъ Александра, онъ получилъ воспитаніе у грамматиковъ и риторовъ и, достигши зрѣлыхъ лѣтъ, еще до епископства являлъ себя предъ собесѣдниками мужемъ мудрымъ и краснорѣчивымъ. По смерти же Александра, который оставилъ его своимъ преемникомъ, слава Аонасіія, основанная на собственныхъ его добродѣтеляхъ и на свидѣльствѣ монаха Великаго Антонія, возрасла еще болѣе; ибо когда Аонасіій приглашалъ его, онъ повиновался, вмѣстѣ съ нимъ посѣщалъ города, обходилъ Церкви, и его ученіе о Богѣ подтверждалъ собственнымъ мнѣніемъ, во всемъ былъ ему другомъ и отвращался отъ его враговъ и несправедливыхъ.

глава 18.

О томъ, что Аонасіій сдѣлалъ славнымъ аріане и мелетіане, также в Ессавіи, какъ онъ побуждалъ Аонасіія принять Арія, и в словѣ «единосущный» какъ в немъ больше всего спорили Ессавій Иамфиловъ и Ессавій интіохійскій.

Но особенно славнымъ сдѣлалъ его единомышленники Арія и Мелетія, поколику непре-

станио строили ему козни и никогда не могли справедливо обвинить его. Сперва писалъ къ нему Евсевій и въ своихъ письмахъ старался расположить его къ принятію послѣдователей Арія; если же не послушается, то грозился неписьменно сдѣлать ему зло. Но (Ананасій) не соглашался на это, утверждал, что изобрѣтатели ереси для искаженія истины, — люди, низверженные никейскимъ Соборомъ, приняты быть не могутъ. Тогда никомидійскій епископъ старался убѣдить самаго царя и чрезъ него открыть Арію доступъ (въ Церковь). Впрочемъ, какъ это происходило, я скажу нѣсколько ниже. Въ то же время епископы снова начали спорить между собою о смыслѣ слова «единосущный»: одни порицали принимавшихъ его, поклону единосущники какъ будто отвергали самостоятельное бытіе Сына и мыслили одинаково съ Монтаномъ и Савелліемъ; а другіе отвращались отъ первыхъ, какъ отъ язычниковъ, и обвиняли ихъ въ многобожїи. Но больше всѣхъ спорили объ этомъ Евсевій Памфиловъ и Евстаоій антиохійскій. Оба они допускали личность сына Божїя, и однакожь, не понимая сами себя, обвиняли другъ друга: Евстаоій винилъ Евсевія въ искаженіи никейскаго ученія объ упомянутомъ догматѣ; а Евсевій утверждалъ, что онъ одобряетъ это ученіе, и приписывалъ Евстаоію мнѣніе Савеллія.

ГЛАВА 19.

Объ Антиохійскомъ Соборѣ и о томъ, какъ несправедливо низложено было Евстаоій, а Евфроній занялъ его престолъ, и что Великій Константинъ писалъ Собору и Евсевію Памфилову, когда послѣдній отказался отъ антиохійскаго престола.

На Соборѣ, составленномъ въ Антиохіи, Евстаоій лишенъ антиохійскаго престола, — на самомъ дѣлѣ, какъ многіе говорятъ, за то, что онъ одобрялъ никейскую Вѣру, а отъ приверженцевъ Евсевіевыхъ, епископа тирскаго Павлина и скионопольскаго Патрофила, которыхъ мнѣнію слѣдовали епископы востока, какъ отъ единомышленниковъ Арія, отвращался и явно порицалъ ихъ. Но предлогъ былъ тотъ, что будто бы онъ посрамилъ свое священство непристойными дѣлами. По случаю его низложенія, въ Антиохіи произошло величайшее возмущеніе; такъ что чернь едва не взялась за оружіе и не подвергла опасности цѣлаго города. Это самое много повредило Евстаоію въ глазахъ царя; ибо узнавъ о случившемся и о томъ, что антиохійскіе Христіане раздѣлились на двѣ партїи, царь весьма разгнѣвался и подозрѣвалъ, что виновникъ возмущенія былъ онъ. Впрочемъ, посылалъ туда одного изъ отличныхъ своихъ военачальниковъ, Константинъ приказалъ ему только пострадать простой народъ и потушить возмущеніе безъ тревоги и вреда. Между тѣмъ епископы, собравшіеся въ Антиохію для низложенія Евстаоія, ра-

считывали, что если предстоятелем тамошней Церкви сдѣлають они кого-либо изъ своихъ единомышленниковъ, который былъ бы извѣстенъ царю и славился ученостію; то къ нимъ легко присоединятся и все прочіе. По этой причинѣ они признали за благо ввѣрить антиохійскій престолъ Евсевію Памфилу, и написали о томъ царю, донося, что это будетъ весьма пріятно и народу; ибо такого именно избранія требуютъ изъ клира и народа, которые враждовали противъ Евстагія. Но Евсевій, посредствомъ собственнаго посланія къ царю, отказался отъ предлагаемаго ему престола,—и царь одобрилъ отказъ его; потому что лицу, сдѣланному предстоятелемъ одной Церкви, церковное правило запрещало переходить на другую епископію. Въ отвѣтномъ письмѣ къ Евсевію Константинъ принялъ его мнѣніе, а самаго называлъ блаженнымъ, достойнымъ епископства не въ одномъ только городѣ, но во всей вселенной. Писалъ онъ и къ народу антиохійской Церкви—о единодушіи, и о томъ, что не должно избирать епископа, управляющаго другими; ибо не хорошо желать чужаго. Кромѣ этихъ писемъ, царь послалъ особое и къ Собору, въ которомъ удивлялся отказу Евсевія, равно какъ и въ письмѣ къ самому Евсевію, и зная о кашадокійскомъ пресвитерѣ Евфроніѣ и ареузскомъ Георгіѣ, какъ о мужахъ, по вѣрѣ отличныхъ, приказалъ рукоположить въ предстоятеля антиохійской Церкви либо изъ нихъ, кого

заблагоразсудять, либо другаго достойнаго. Получивъ посланіе царя, епископы рукоположили Евфронія. А Евстагію, сколько я знаю, спокойно перенесъ это оскорбленіе—въ совершенной увѣренности, что такъ будетъ лучше. Онъ былъ мужъ, сколько добрый и отличный во всемъ другомъ, столько же удивительный и по своему краснорѣчію, что можно видѣть и изъ оставшихся послѣ него сочиненій, отличающихся древнею важностію выраженія, цѣломудренностію мыслей, изяществомъ словъ и благостію проповѣди.

глава 20.

О Максимѣ, преемникѣ Макарія на Іерусалимскомъ престолѣ.

Около тогоже времени, на римскій престолъ послѣ Марка, который не долго былъ преемникомъ Сильвестра, вступилъ Юлій, а на іерусалимскій послѣ Макарія, Максимъ. Говорятъ, что онъ былъ рукоположенъ Макаріемъ въ епископа Церкви діосполнесской; но жители Іерусалима удержали его, потому что, какъ исповѣдникъ и мужъ во всемъ превосходный, онъ одобрительнымъ приговоромъ народа предназначенъ былъ, по смерти Макарія, занять тамошнюю епископію. Такъ какъ народъ не хотѣлъ лишиться того, коего добродѣтели были ему извѣстны, и угрожалъ возмущеніемъ; то признано за благо—для діосполитянъ избрать другаго епископа, а Максима оставить въ Іерусалимѣ, чтобы онъ

священствоваль вмѣстѣ съ Макаріемъ, и послѣ его смерти вступилъ въ управленіе тамошнею Церковію. Впрочемъ, надобно замѣтить, что это постановлено, поколику домогательство народа было по мысли Макарія; ибо разсказываютъ, что рукоположивъ Максима, онъ раскаялся,—зачѣмъ такого мужа, который правильно мыслилъ о Богѣ и за свое исповѣданіе угоденъ народу, не сберегъ въ преемники самому себѣ. Макарій опасался, какъ бы арианствующіе приверженцы Евсевія и Патрофила, по смерти его, не воспользовались случаемъ возвестъ на іерусалимскій престолъ своего единомышленника,—тѣмъ болѣе, что и при его жизни они рѣшались уже на нововведенія, но, бывъ отлучены имъ, оставались въ покоѣ.

ГЛАВА 21.

О мелетіанахъ и аріанахъ, какъ они взаимно соединились, также о Евсевіи и Феотисѣ, какъ они опять стали распространять аріанскую ересь.

Между тѣмъ у Египтянъ прежніе споры еще не прекратились: ибо хотя на никейскомъ Соборѣ, аріанская ересь совершенно низвержена, а единомышленники Мелетія, на вышесказанныхъ условіяхъ, приняты, и Мелетій, по возвращеніи Александра въ Египеть, сдалъ ему все церкви, которая противозаконно присвоилъ себѣ, а самъ проживалъ въ Ликѣ; однакожь спустя, немного времени, предъ концемъ

своей жизни, вопреки опредѣленію никейскаго Собора, онъ поставилъ вмѣсто себя одного изъ своихъ приближенныхъ, Іоанна, и такимъ образомъ сдѣлался опять виновникомъ безпорядка въ управленіи Церквами. Видя нововведенія мелетіанъ, и аріане стали возмущать Церкви,—и, какъ при подобныхъ смятеніяхъ обыкновенно бываетъ,—одни удивлялись ученію Арія, а другіе, считая справедливымъ, чтобы и рукоположенные Мелетіемъ предстоятели вѣствовали въ Церквахъ, присоединились къ нимъ. Тѣ и другіе сперва находились во взаимномъ несогласіи, но когда увидѣли привязанность народа къ священникамъ католической Церкви; то начали завидовать имъ, примирились между собою и стали питать общую вражду къ александрійскому клиру. Разговаривая съ кѣмъ-либо, они не различались въ высказываніи обвиненій и оправданій себя, такъ что, съ теченіемъ времени, въ Египтѣ многіе послѣдователей Арія называли мелетіанами, хотя мелетіане разногласили съ католическою Церковію только предствительствомъ, а аріане—Аріевымъ ученіемъ о Богѣ. Правда, собственно говоря, они несогласны были и между собою, и согласились только въ общеніи вражды: но каждая сторона свои убѣжденія относительно другой тщательно скрывала и чрезъ то надѣялась удобнѣе достигнуть своихъ цѣлей. Вѣроятно, уже впослѣдствіи, чрезъ частое собесѣдованіе о подобныхъ предметахъ, заняли они отъ аріанъ

самое ихъ ученіе и стали одинаково съ ними мыслить даже о Богѣ. Такимъ образомъ аріанство снова сдѣлалось причиною смятеній: народъ и клиръ начали прерывать взаимное общеніе, — и вражда за Аріевы мнѣнія возгорѣлась не только въ Александрію, но и въ другихъ городахъ, особенно же въ Византію, Геллеспонтъ и Константинополь. Говорятъ, что Евсевій, епископъ никомидійскій и Феогнисъ никейскій, подкупивъ того, кому царь ввѣрилъ для храненія акты никейскаго Собора, изгладили въ нихъ свои подписи и стали открыто утверждать, что Сына не должно признавать единосущнымъ Отцу. Когда Евсевій подвергся за это обвиненію; то, представъ предъ царя, обнаружилъ, говорятъ, великое дерзновеніе и, указывая на какую-то часть своей одежды, сказалъ: еслибы эта одежда теперь же при моихъ глазахъ раздѣлилась на двѣ части, — я и тутъ не сталъ-бы утверждать, что онъ одного и того-же существа. Царь выслушалъ это съ особеннымъ негодованіемъ, ибо думалъ, что послѣ никейскаго Собора изслѣдованія подобнаго рода оставлены, а теперь сверхъ чаянія увидѣлъ, что онѣ снова возникаютъ. Евсевій и Феогнисъ не менѣе оскорбили его и тѣмъ, что вступили въ общеніе съ нѣкоторыми Александрійцами, которымъ, какъ неправомыслящимъ, Соборъ предписалъ покаяніе, и которыхъ, какъ виновниковъ разномыслія, повелѣлъ изгнать изъ отечества и отправить въ ссылку. За это-то, го-

ворятъ, разгнѣвался царь на Евсевія и Феогниса и осудилъ ихъ на изгнаніе. Впрочемъ объ этомъ я писалъ и выше, что слышалъ отъ людей, которымъ сіи событія подробно извѣстны.

ГЛАВА 22.

О томъ, какіи возни противъ святца Афанасія безуспѣшно строили аріане и мелетіане.

Онц первые были виновниками всѣхъ бѣдствій, которымъ подвергался Афанасій; ибо, имѣя величайшее дерзновеніе и силу предъ царемъ, старались единомышленника и друга своего Арія ввести въ Александрію, а противившагося имъ Афанасія изгнать изъ Церкви. Съ этою-то цѣлію начали они клеветать Константину, будто Афанасій — причина всѣхъ безпокойствъ и смятеній въ обществѣ вѣрующихъ, потому что онъ отвергаетъ желающихъ вступить въ Церковь; между тѣмъ какъ, еслибы это было дозволено, — всѣ пришли-бы къ единомыслію. Истину такой клеветы на него подтверждали равнымъ образомъ многіе изъ епископовъ и клириковъ (пресмника Мелетіева) Іоанна. Часто приходя къ царю, себя выдавали они за православныхъ, а Афанасія и его епископовъ обвиняли въ убійствахъ, узахъ, несправедливыхъ побояхъ, ранахъ, и сожженіи церквей. Когда же и Афанасій съ своей стороны представилъ царю объясненіе, въ которомъ сообщниковъ Іоанна обвинялъ въ противозаконныхъ рукоположеніяхъ, въ искаженіи никей-

скихъ опредѣленій, въ неправой вѣрѣ, въ возмущеніяхъ и оскорбленіи людей, право мыслящихъ о Богѣ; то Константинъ пришелъ въ недоумѣніе,—кому вѣрить. Между тѣмъ какъ они такимъ образомъ обвиняли другъ друга и множество обвинителей съ обѣихъ сторонъ толпилось у царя то и дѣло,—онъ, сильно подвижимый заботливостію о единомысліи народовъ, письменно повелѣлъ Аонасію ни для кого не заключать церкви: если же и послѣ сего будетъ донесено ему объ этомъ, то грозилъ немедленно послать челоуѣка,—съ приказаніемъ изгнать Аонасіа изъ Александріи. А кому угодно прочесть самое посланіе царя, для того предлагаемъ слѣдующій изъ него отрывокъ: «Имѣя доказательство моей воли, позволяй безпрепятственно вступать въ Церковь всѣмъ, кто желаетъ вступить въ нее. Если же узнаю, что ты воспрепятствовалъ кому-нибудь, ищущему общенія съ Церковію, или возбранилъ входъ въ нее,—тотчасъ пошло изложить тебя по моему повелѣнію и вывести изъ тѣхъ мѣстъ». Однакожь, такъ какъ Аонасіи отвѣтнымъ посланіемъ убѣдилъ царя, что аріанамъ нельзя даровать общеніе съ каолическою Церковію; то Евсевій увидѣлъ, что онъ не достигнетъ своей цѣли, пока Аонасіи будетъ ему противоудѣйствовать, а потому рѣшился употребить все средства къ его низверженію. Но не имѣя самъ достаточнаго предлога для исполненія такого умысла, онъ обѣщалъ

мелетіанамъ свое покровительство предъ царемъ и людьми, у царя сильными, если они согласятся обвинить Аонасіа. Отсюда-то проистекла первая на него клевета, будто онъ наложилъ на Египтянъ подать льняными одеждами и такой же подати требовалъ отъ самихъ обвинителей. Впрочемъ случившіеся здѣсь пресвитеры александрійской Церкви, Аписъ и Макарій, постарались доказать ложь этого обвиненія. Когда же, по упомянутой причинѣ, Аонасіи былъ вызванъ,—на него доносили еще, будто, строя козни самодержцу, онъ послалъ ящикъ золота нѣкоему Филумею¹⁾. Но царь отвергъ клеветы обвинителей, позволилъ Аонасію возвратиться домой, и въ посланіи къ александрійскому народу, свидѣтельствуя о высокой его честности и правой вѣрѣ, говорилъ, что ему пріятно было бесѣдовать съ этимъ мужемъ и убѣдиться, что онъ челоуѣкъ Божій, что онъ претерпѣлъ обвиненія по зависти и явился выше своихъ обвинителей. Кромѣ того, узнавъ, что многіе изъ Египтянъ продолжаютъ ссориться по поводу мнѣній Арія и Мелетія, онъ своимъ письмомъ увѣщавалъ народъ обратиться къ Богу и, вразумляясь Его судомъ, имѣть благорасположеніе другъ къ другу, а нарушителей единомыслія ихъ преслѣдовать всеми силами. Такъ писалъ царь къ обществу

¹⁾ Филуменъ былъ мятежникъ, помогавшійся императорскаго престола.

(Христіанъ)! такъ призывалъ всѣхъ къ взаимному согласію и предотвращалъ расторгненіе Церкви!

глава 23.

О клеветѣ на святаго Аѳанасія изъ-за-руки Арсенія.

Не успѣвъ въ первыхъ своихъ попыткахъ, мелетіане стали вымышлять противъ Аѳанасія новые доносы, будто, напримѣръ, онъ разбилъ священную чашу, или еще, — будто онъ убилъ нѣкогого Арсенія и, отсѣкши у него руку, хранилъ ее у себя для волхвованія. А этотъ Арсеній, говорятъ, былъ клирикъ, совершившій преступленіе и скрывавшійся, съ цѣлію избѣгнуть наказанія по суду епископа. Такимъ-то случаемъ воспользовались клеветники Аѳанасія, чтобы взнести на него крайне тяжкое обвиненіе. Послѣ тщательныхъ поисковъ, они нашли Арсенія и, обласкавъ его, обѣщали ему всякое покровительство и безопасность, и тайно отправили его къ одному изъ своихъ друзей, принимавшему участіе въ ихъ замыслахъ. Это былъ пресвитеръ одного монастыря, по имени Прина. Скрывъ у него Арсенія, они нарочито ходили по площадямъ и собраніямъ людей сановныхъ и разглашали, будто онъ умерщвленъ Аѳанасіемъ. Къ такому обвиненію настроенъ былъ и одинъ монахъ Іоаннъ¹⁾. Когда столь срамная

¹⁾ По прозванію Аркафъ, какъ говоритъ св. Аѳанасій во второй своей апологіи противъ аріанъ.

молва распространилась между многими, такъ что достигла и до слуха царя; то Аѳанасій разсудилъ, что если онъ подвергнется клеветѣ и по этому дѣлу, то ему трудно будетъ защищаться предъ судіями, предзанятыми такою молвою, а потому рѣшился противудѣйствовать кознямъ враговъ и, по возможности увѣряя всѣхъ, старался, чтобы клевета не затмила истины. Но увѣрять было не легко, когда Арсенія не оказывалось. Ноему размысливъ, что освободиться отъ подозрѣнія онъ можетъ не иначе, какъ доказавъ, что мнимо убитый живъ, онъ поручилъ одному изъ своихъ приближенныхъ вѣрнѣйшему діакону отыскать его. Діаконъ отправился въ Оиванду и, по указанію нѣкоторыхъ монаховъ, узналъ, гдѣ находится Арсеній. Но прибывъ къ Прину, у котораго онъ скрывался, самаго Арсенія не нашелъ; ибо узнавъ заблаговременно о прибытіи діакона, они перемѣстили его въ нижній Египетъ. Но крайней мѣрѣ взялъ онъ Прина и привезъ его въ Александрію; взялъ также вмѣстѣ съ нимъ и одного изъ сообщниковъ ихъ Ілію, который, говорятъ, перевелъ Арсенія въ другое мѣсто. Оба они, бывъ представлены начальнику египетскихъ военныхъ отрядовъ, засвидѣтельствовали, что Арсеній находится въ живыхъ, и что прежде онъ скрывался у нихъ, а теперь проживаетъ въ Египтѣ. О всѣхъ этихъ событіяхъ Аѳанасій поспѣшилъ увѣдомить Константина. Царь отвѣ-

чалъ ему, чтобы онъ продолжалъ тщательно исполнять обязанности священства и нецись о благочини и благочестіи народа, а на клеветы мелетіанъ не обращалъ вниманія; ибо и самъ онъ хорошо знаетъ, что къ составленію столь лживыхъ и невѣроятныхъ доносовъ и къ произведенію смятеній въ Церкви побуждаетъ ихъ зависть, и что впредь имъ не позволять этого. Если же они не успокоятся, будутъ судить ихъ законами гражданскими и накажутъ не только какъ людей, несправедливо возносящихъ клеветы на невиныхъ, но и какъ нечестивыхъ нарушителей церковнаго благочинія и благочестія. Написавъ это къ Аванасію, царь приказалъ прочитатъ свое посланіе въ общемъ собраніи, чтобы волю его могли знать всѣ. Устрашенные единомышленники Мелетія, опасаясь угрозы царя, нѣсколько успокоились. И такъ Церковь была умиротворена и, управляемая попеченіемъ столь великаго архипастыря, отъ присоединенія къ ней многихъ языческихъ обществъ и еретическихъ сектъ, ежедневно становилась обширнѣе.

глава 24.

О томъ, что въ то время чрезъ пльшиковъ, Фрументія и Эдессія, приняли Христіанство и народы внутренней Индіи.

Извѣстно намъ, что около того же времени приняли Христіанство и жители внутренней, такъ называемой у насъ Индіи. Проповѣдь Варооломея не достигла ихъ; они обращены къ вѣрѣ во Христа Фрументіемъ, который былъ у

нихъ священникомъ и проповѣдникомъ божественнаго ученія. А чтобы знать, что и у Индійцевъ этотъ необыкновенный случай,—принятіе христіанской Вѣры, зависѣлъ не отъ человѣковъ, какъ полагаютъ нѣкоторые вольнодумцы,—необходимо рассказать о причинѣ, по которой рукоположенъ былъ Фрументій. Эта причина—слѣдующая: Знаменитѣйшіе греческіе философы имѣли обыкновеніе посѣщать неизвѣстныя мѣста и города. Такъ другъ Сократа, Платонъ, ѣздилъ къ Египтянамъ—съ цѣлію заимствовать отъ нихъ познанія, и путешествовалъ въ Сицилію, желая видѣть тамошніе кратеры, изъ которыхъ, будто изъ источника, всегда самъ собою выходитъ огонь, и которые иногда, переполняясь имъ, извергають изъ себя подобіе рѣки и пожирають близъ лежащую землю, такъ что многія поля еще до нынѣ представляются сожженными и неспособными ни къ посѣву, ни къ произрастанію деревъ, подобно тому, какъ говорятъ о землѣ содомской. Эти кратеры посѣтилъ и славный греческій философъ Эмпедокль, изложившій свое ученіе героическими стихами. Изслѣдуя причину изверженія огня, либо можетъ быть этотъ родъ смерти находя лучшимъ, либо, справедливѣе сказать, и самъ не зная, для чего такимъ способомъ преждевременно лишается жизни, онъ бросился въ огонь и погибъ. Также и Демокритъ косскій посѣтилъ весьма много городовъ, климатовъ, странъ и народовъ и, какъ

самъ говорить, провель на чужой сторонѣ около осьмидесяти лѣтъ. Кромѣ этихъ, тоже дѣлали и нѣкоторые другіе мудрецы Греціи, древніе и новыя. Подражая ихъ примѣру, нѣкто философъ изъ Тира финскійскаго, Мероній, прибыль въ Индію. Ему сопутствовали два отрока, Фрументій и Эдессій, оба его родственники, которыхъ онъ училъ наукамъ и руководилъ мудрыми наставленіями. Обозрѣвъ въ индійской землѣ все, что тамъ было, онъ отправлялся уже въ обратный путь на кораблѣ, плывшемъ въ Египеть. Случилось, что, когда корабль, по недостатку воды или другихъ принасовъ, вступилъ въ одну пристань, туземные Индійцы напали на него и перебили всѣхъ, не исключая самаго Меронія,—ибо тогда расторгли они союзъ съ Римлянами,—но отроковъ, сжалившись надъ ихъ молодостию, взяли живыми и привели къ своему царю. Царь младшаго изъ нихъ сдѣлалъ виночерпіемъ, а старшаго, Фрументія,—смотрителемъ своего дома и распорядителемъ имущества, потому что нашелъ въ немъ благоразуміе и способность къ подобнымъ распоряженіямъ. Такъ какъ они въ теченіе продолжительнаго времени оказывали себя людьми полезными и вѣрными; то царь, умирая, при женѣ и сынѣ наградилъ преданность ихъ свободою и позволилъ имъ жить, гдѣ угодно. Они хотѣли было возвратиться въ Тиръ къ своимъ родственникамъ, но такъ какъ сынъ царя былъ еще

весьма молодъ; то мать его просила обоихъ юношей остаться на нѣсколько времени и принять на себя управленіе царствомъ, пока сынъ ее достигнетъ мужескаго возраста. Уваживъ просьбу царицы, они стали управлять дѣлами царства и начальствовать надъ Индійцами. Фрументій, можетъ быть, побуждаемый божественными видѣніями, или, при помощи Божіей, и самъ собою началъ разузнавать, нѣтъ-ли въ Индіи Христіанъ, либо между иностранцами купцами когонибудь изъ Римлянъ. Тщательно отыскивалъ такихъ людей, онъ приглашалъ ихъ къ себѣ, принималъ привѣтливо и благосклонно, убѣждалъ сходиться вмѣстѣ для молитвы и составлять собранія по обычаю Римлянъ, и увѣщавалъ непрестанно совершать служеніе Богу, для чего построилъ и молитвенные дома. Когда же сынъ царя достигъ зрѣлаго возраста; то они отпросились у него и у царицы, которые неохотно отпускали ихъ, и разставшись съ ними дружелюбно, прибыли въ римскую имперію. Эдессій отправился въ Тиръ для свиданія съ родственниками, гдѣ въ послѣдствіи удостоился сана пресвитерекаго; а Фрументій, отложивъ на нѣсколько времени возвращеніе въ Финикію, прибыль въ Александрію: ибо ему казалось непристойнымъ—отечество и родство предпочитать поначенію о дѣлахъ божественныхъ. Тамъ увидѣвшись съ предстоятелемъ александрійской Церкви Аванасіемъ, онъ рассказалъ ему о дѣлахъ Индій-

цевъ и объявилъ, что для нихъ нуженъ епископъ, который имѣлъ-бы попеченіе о тамошнихъ Христіанахъ. Аоанасій, созвавъ туземныхъ священниковъ, посовѣтовался съ ними объ этомъ и въ епископа страны индійской рукоположилъ самаго Фрументія, какъ мужа достойнѣйшаго и способнѣйшаго распространить вѣру между тѣми, которымъ онъ первый открылъ имя христіанское и въ которыхъ посѣялъ сѣмена вѣры. Посему Фрументій снова возвратился къ Индійцамъ и, говорятъ, съ такою славою исполнялъ свои священныя обязанности, что все знавшіе его удивлялись ему и прославляли его не менѣе Апостоловъ. Притомъ и самъ Богъ прославилъ его, совершивъ чрезъ него много дивныхъ исцѣленій, знаменій и чудесъ. Таково было начало епископства у Индійцевъ (¹).

глава 25.

О тирскомъ Соборѣ и незаконномъ низложеніи епѣтато Аоанасія.

Между тѣмъ козни враговъ снова надѣлали Аоанасію много безпокойствъ, возбудили противъ него гнѣвъ царя и вызвали толпу обвинителей. Волнуемый ими, царь приказалъ быть Собору въ Кесаріи палестинской, куда звали и Аоанасія: но Аоанасій опасаясь, злобы тамошняго епископа Евсевія, также Евсевія никоидійскаго и его приверженцевъ, не явился. Въ то время,

¹) Это случилось въ 330 г. по Р. Х. Индійцамъ еще Пантенъ проповѣдывалъ христіанскую вѣру (См. Евс. истор. кн. 5. гл. 10); но онъ не оставилъ имъ епископа. Поэтому Фрументій, какъ первый епископъ ихъ, справедливо называется индійскимъ апостоломъ.

не смотря на принужденіе, онъ промедлилъ около тридцати мѣсяцевъ; но послѣ, когда стали сильнѣе требовать его прибытія, прѣхалъ въ Тиръ, гдѣ собрались многіе изъ восточныхъ епископовъ и приказывали ему оправдываться противъ обвиненій. Со стороны Иоанна, обвиняли его—епископъ Каллиникъ и нѣкто Исхиріонъ, будто онъ сломалъ таинственную чашу и ниспровергъ епископскій престоль, и будто самаго этого Исхиріона, который былъ пресвитеромъ, часто содержалъ въ узахъ и, оклеветавъ его предъ правителемъ Египта Игиномъ, что онъ бросалъ камни въ царскія изображенія, заключилъ въ темницу; а Каллиника, бывшаго епископомъ каѳолической церкви въ Пелузѣ и находившагося въ общеніи съ Александромъ, низложилъ за то, что онъ отказывался имѣть съ нимъ такое-же общеніе, пока не развеется подозрѣніе касательно разбитія таинственной чаши. Обвинители говорили еще, будто пелузійскую Церковь Аоанасій ввѣрилъ какому-то лишенному сана пресвитеру Марку, а самаго Каллиника предаль пыткамъ военной стражи, побоямъ и судилищамъ. Аоанасія обвиняли также преданные Иоанну епископы: Евплъ, Пахомій, Исаакъ, Ахиллесъ и Ермеонъ, говоря, что онъ наносилъ имъ удары; а все вообще клеветали, что онъ достигъ епископства вѣроломствомъ немногихъ, вопреки общему согласію—не рукополагать никого, пока не получаютъ отвѣта на свои жалобы.

Посему обманутые тогда же отказались от общенія съ нимъ; а онъ не хотѣлъ убѣждать ихъ, но принуждалъ силою и заключалъ въ темницы. При этомъ пущено было въ ходъ и дѣло касательно Арсенія и,—какъ въ составляемыхъ тщательно козняхъ обыкновенно бываетъ,—нѣкоторые даже изъ мнимыхъ друзей, неожиданно явились обвинителями. Читана была также рукопись всевародной жалобы, будто александрійскіе Христіане изъ-за Аоанасія не могутъ собираться въ Церковь. Аоанасій принужденъ былъ защищаться и, часто приходя въ судилище, однѣ обвиненія опровергалъ, а для отвѣта на другіе требовалъ отерочки. Онъ находился въ крайнемъ затрудненіи, видя, что судіи благопріятствуютъ обвинителямъ, что многіе свидѣтели выведены противъ него изъ числа единомышленниковъ Арія и Мелетія, и что клеветники удостоены прощенія въ томъ самомъ, въ чемъ обвиняли его,—особенно же по дѣлу Арсенія, у котораго будтобы онъ отсекъ руку для волхвованія, и по дѣлу какой-то женщины, которой будто-бы онъ давалъ подарки изъ видовъ постыдныхъ, и ночью обезчестилъ ее. Оба эти обвиненія оказались смѣшными и неполненными клеветы; ибо когда въ собраніи епископовъ женщина высказывала свое обвиненіе,—состоявшій при Аоанасіѣ александрійскій пресвитеръ Тимосей, по тайному съ нимъ соглашенію, подошелъ къ ней и сказалъ: такъ я причинилъ

тебѣ насиліе, женщина?—Она отвѣчала: а развѣ не ты?—и указала на время и мѣсто преступленія. Арсенія же вывелъ онъ на среднюю и, показавъ судьямъ обѣ его руки цѣлыми, просилъ ихъ судить самихъ обвинителей за ту руку, которая была принесена ими;—ибо этотъ Арсеній, либо по внушенію свыше, либо потому, что скрываясь, какъ говорятъ, отъ враговъ Аоанасія, узналъ, какой опасности изъ-за-него подвергается епископъ, и убѣжавъ ночью, накануне суда прибылъ въ Тиръ. Изъ этихъ двухъ обвиненій, опровергнутыхъ такъ, что не требовалось болѣе никакого оправданія, первое не находится въ соборныхъ актахъ,—думаю, потому, что признано неприличнымъ столь постыдное и смѣшное дѣло приписывать Собору. Касательно же втораго, въ оправданіе обвинителямъ поставлено ихъ показаніе, что нѣкто Плусіанъ, одинъ изъ подчиненныхъ Аоанасію епископовъ, по его приказанію, сожегъ домъ Арсенія, а его самого, привязавъ къ столбу, высѣкъ ремнями и заключилъ въ тѣсной комнатѣ, откуда онъ ушелъ чрезъ окно и долго скрывался отъ поисковъ. Поселику же сыщики нигдѣ не находили его, то и сочли умершимъ; а епископы Іоанновы, ревнуя о немъ, какъ о мужѣ знаменитомъ и неповѣдникѣ, требовали его чрезъ спонсеніе съ властями. Видя все это, Аоанасій началъ бояться и питать подозрѣніе, какъ-бы клеветники, нашедши благопріятный случай,

не умертвили его тайно. Послѣ многихъ засѣданій, совѣтъ сдѣлался наконецъ шумнымъ и мятежнымъ: обвинители и люди, толпившіеся въ судилищѣ, кричали, что Аоанасія непременно надобно низвергнуть, какъ волшебника, обидчика и чловѣка, недостойнаго священства. Поэтому лица, поставленныя царемъ для соблюденія благочинія на Соборѣ, опасаясь, чтобы они, какъ обыкновенно бываетъ во время возмущеній, не бросились на обвиняемаго епископа и не умертвили его собственными руками, тайно вывели его изъ судилища. Послѣ сего, находя не безопаснымъ для себя оставаться въ Тирѣ, и судиться съ толпою обвинителей предъ враждебными себѣ судіями, Аоанасій удалился въ Константинополь. Тогда Соборъ осудилъ его заочно, низложилъ съ епископства и запретилъ ему впредъ жить въ Александріи, чтобы, находясь тамъ, онъ, какъ говорили, не производилъ безпокойствъ и возмущеній, Иоанна-же и всѣхъ приверженцевъ его, какъ пострадавшихъ несправедливо, принялъ въ общеніе и каждому изъ нихъ возвратилъ занимаемое имъ мѣсто въ клирѣ. Потомъ объ этихъ дѣяніяхъ члены Собора донесли царю и относились ко всѣмъ епископамъ, чтобы съ Аоанасіемъ они не имѣли общенія, не писали къ нему и не принимали грамотъ отъ него, какъ обличеннаго въ томъ, о чемъ уже слышали, а чрезъ бѣгство оказавшагося виновнымъ и въ тѣхъ обвиненіяхъ, которыя не доказаны.

Къ такому мнѣнію, по смыслу посланія, они приведены слѣдующими причинами: Во-первыхъ, имъ было несприятно, что, когда, въ прошедшемъ году, царь повелѣлъ восточнымъ епископамъ собраться въ Кессарію, Аоанасій не пріѣхалъ, хотя зналъ, что долгое ожиданіе затруднительно для Собора и что чрезъ это онъ пренебрегаетъ повелѣніе государя. Потомъ, когда многіе епископы собрались въ Тиръ, онъ прибылъ туда въ сопровожденіи многочисленной свиты и производилъ на Соборѣ волненія и тревоги, то отказываясь оправдываться, то порицая лично каждого епископа, то не слушаясь, когда они призывали его, то не желая подчиниться суду. Члены Собора объявляли также, что Аоанасій явнѣйшимъ образомъ обличенъ въ сокрушеніи таинственной части, и приводили въ свидѣтели—Осогнуса, епископа Никейскаго, Мариса Халкидонскаго, Θεодора Праклейскаго, Валента, Урзакія и Македонія, которыхъ они посылали въ Египетъ для открытія истины въ томъ самомъ селеніи, гдѣ, по сказанію, сломана была чаша. Это-то писали члены Собора,—и каждый пунктъ обвиненія изложили судебнымъ порядкомъ, стараясь свою клевету обдѣлать съ некоторымъ искусствомъ. Впрочемъ многимъ присутствовавшимъ на Соборѣ іереемъ этотъ судъ показался несправедливымъ. Говорятъ, что бывшій тамъ неовѣдникъ Паонутій, взявъ за руку іерусалимскаго епископа Максима, всталъ и

сказалъ: мы исповѣдники, которымъ за благочестіе избодены очи и подрѣзаны колѣна, не должны принимать участія въ совѣщаніи людей лукавыхъ.

глава 26.

Объ іерусалимскомъ храмѣ, который построенъ Константиномъ Великимъ на Голгоѣ, и объ освященіи его.

Въ это время, около третьяго десятилѣтія царствованія Константина, отстроенъ былъ въ Іерусалимѣ, на краінемъ мѣстѣ, храмъ, называемый храмомъ мучениковъ (*μαρτύριον*),—и въ Тиръ прибылъ отъ царя Маріанъ, вельможа, царскій скорописецъ,—съ посланіемъ къ Собору, которымъ повелѣвалось епископамъ немедленно отправиться въ Іерусалимъ для освященія тамошняго храма. Царь еще прежде имѣлъ это намѣреніе, но счелъ нужнымъ сперва созвать епископовъ въ Тиръ, что бы они оставили враждебныя другъ къ другу отношенія и, освободившись уже отъ несогласій и неудовольствій, отправились для освященія храма; ибо къ такому торжеству весьма идетъ единомысліе іереевъ. И такъ они прибыли въ Іерусалимъ и освятили—какъ храмъ, такъ и присланные отъ царя утвари и приношенія, которыя, и донынѣ сохраняясь въ томъ священномъ домѣ, своею драгоцѣпностію и величіемъ возбуждаютъ удивленіе въ зрителяхъ. Съ того времени іерусалимская Церковь совершаетъ этотъ праздникъ ежегодно и весьма торжественно, такъ что то-

гда преподается даже таинство крещенія, и церковныя собранія продолжаются восемь дней. По случаю этого торжества, туда, для посѣщенія святыхъ мѣстъ, стекаются многіе почти со всей подсолнечной.

глава 27.

О пресвитерѣ, который убѣдилъ Константина вызвать изъ ссылки Арія и Евзол, такъ же объ изложеніи благочестивою будтобы Аріевою авры и о томъ, какъ Соборъ, пріѣхавъ въ Іерусалимъ, снова принялъ Арія.

Въ то время епископы съ аріанскимъ образомъ мыслей, воспользовавшись случаемъ, старались составить въ Іерусалимѣ Соборъ и даровать общеніе Арію и Евзою. Рѣшились они на это по слѣдующему поводу: Былъ нѣкто пресвитеръ, приближенный къ сестрѣ царя и слѣдовавшей Аріеву ученію. Что образъ его мыслей сходствовалъ съ аріанскимъ,—это сначала оставалось втайнѣ: но когда, чрезъ долгое время, онъ успѣлъ пріобрѣсть расположеніе Констанціи,—такъ называлась сестра Константина;—то, оставивъ страхъ, сдѣлался передъ нею смѣлѣе и началъ судить, что Арій несправедливо изгнанъ изъ отечества и изверженъ изъ Церкви, что настоятель александрійской Церкви Александръ извергъ его по зависти и личнымъ неудовольствіямъ, поколику увидѣлъ любовь къ нему народа и позавидовалъ. Констанція, хотя почитала слова его вѣрными, однакожь, пока

жила, неспѣшила измѣнять Никейскихъ опредѣленій: но когда впала въ болѣзнь и замѣтила, что ей надобно умереть, то отъ пришедшаго къ себѣ брата потребовала послѣдней милости, о которой попросить. Она начала просить Константина, чтобы онъ вѣрилъ вышесказанному домашнему ея пресвитеру, какъ человѣку правосмыслящему въ дѣлахъ Божественныхъ. Я уже отхожу, говорила она, и не забочусь о дѣлахъ здѣшней жизни; но за тебя трепещу, какъ бы ты не подвергся гнѣву Божию и, либо самъ не впасть въ несчастіе, либо постыдно не потерять царства—за то, что праведныхъ и добрыхъ мужей, повѣривъ нѣкоторымъ, неправедно осудилъ на вѣчное изгнаніе. Съ той минуты упомянутому пресвитеру царь началъ оказывать особенное благорасположеніе. Внучивъ ему смѣлость говорить откровенно и бесѣдуя съ нимъ о завѣщаніи сестры, онъ вздумалъ снова испытать Аріанъ—вѣроятно потому, что либо все прежнее начиналъ считать истинною клеветою, либо желалъ угодить своей сестрѣ. Поэтому, спустя немного времени, Константинъ вызвалъ Арія изъ ссылки и приказалъ ему представить письменное изложеніе своей вѣры въ Бога. Бывъ же вызванъ, Арій на время уклонился отъ прежнихъ выдуманныхъ имъ словъ и, изложивъ вѣру иначе, въ словахъ простыхъ, заимствованныхъ изъ Священнаго Писанія, поклялся, что онъ именно такъ вѣруетъ, именно эту вѣру читаетъ

въ душѣ и ничего другаго, кромѣ этого, не мыслить. Изложеніе его—слѣдующее:

Благочестивѣйшему и боголюбивѣйшему владыкѣ нашему Константину—пресвитеры Арій и Евзой.

«Согласно съ повелѣніемъ боголюбиваго твоего благочестія, владыка царь, мы излагаемъ письменно свою вѣру и исповѣдуемъ предъ Богомъ, что и сами, и наше общество вѣруемъ по нижеписанному: Вѣруемъ во единого Бога, Отца, вседержителя, и въ Господа Иисуса Христа Сына Его, прежде всѣхъ вѣковъ отъ него рожденнаго Бога-Слово, чрезъ Котораго все сотворено на небѣ и на землѣ, Который сошелъ и воплотился, страдалъ и воскресъ, возшелъ на небеса и опять придетъ судить живыхъ и мертвыхъ, и въ Духа Святаго, и въ воскресеніе плоти, и въ жизнь будущаго вѣка, и въ царство небесное, и въ единую вселенскую Церковь Божию, сущую отъ конца до конца міра. Эту вѣру заимствовали мы изъ святыхъ Евангелій, гдѣ Господь говоритъ своимъ ученикамъ: *шедше научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа* (Матѳ. 28, 19). Еслиже не такъ въ сіе вѣруемъ и не такъ принимаемъ Отца, Сына и Святаго Духа, какъ учить вся католическая Церковь и Священное Писаніе, коему во всемъ вѣруемъ; то да будетъ намъ судія Богъ и нынѣ, и въ день будущаго (суда). Итакъ умоляемъ твое благочестіе, боголюби-

вѣйшій нашъ царь, — прекративъ изслѣдованія, а вмѣстѣ съ изслѣдованіями и суесловіе, и присоединить насъ, силою миролюбиваго и боголюбиваго твоего благочестія, къ матери нашей Церкви, такъ какъ мы лица церковныя, содержимъ вѣру по разуму Церкви и священнаго Писанія;—чтобы, соблюдая между собою миръ, мы и Церковь — могли все вмѣстѣ совершать обычныя молитвы за мирное и благочестивое твое царствование и за весь твой родъ.»—Это изложеніе вѣры, какъ нѣкоторые утверждали, было составлено хитро: не смотря на кажущееся измѣненіе словъ, оно въ самомъ дѣлѣ не отличалось отъ ученія Аріева, по употребленію въ немъ выраженій, которыя легко можно толковать въ ту и другую сторону и принимать въ томъ и другомъ смыслѣ. Подумавъ, что Арій и Евзой мыслятъ сходно съ опредѣленіями никейскими, царь обрадовался, однакожь не взялъ на себя допустить ихъ къ общенію безъ суда и рѣшенія тѣхъ, которымъ принадлежитъ это право по закону Церкви. Онъ послалъ ихъ къ собравшимся тогда въ Иерусалимѣ епископамъ, и предписалъ, чтобы Соборъ разсмотрѣлъ представленное ими изложеніе вѣры и касательно ихъ постановилъ опредѣленіе челоуколюбивое, если окажется, что они мыслятъ право и подверглись клеветѣ по зависти; да хотябы и ни за-что нельзя было оуждать состоявшагося нѣкогда касательно ихъ рѣшенія,—пусть епископы

уважили бы самое ихъ раскаяніе. Воспользовавшись этимъ случаемъ, епископы, давно уже о томъ старавшіеся, по поводу царской грамоты, приняли ихъ въ общеніе. Когда-же это было сдѣлано,—они написали и царю, и Церкви александрійской, и всемъ епископамъ и клирикамъ Египта, Фиваиды и Ливіи, увѣщавая ихъ усердно принять Арія и Евзоя, такъ какъ и самъ царь засвидѣтельствовалъ правоту ихъ неповѣданія, которое вмѣстѣ съ мнѣніемъ Собора, подтвердившимъ волю царя, приложено было къ ихъ посланію. Вотъ что сдѣлано въ Иерусалимѣ.

ГЛАВА 28.

Посланіе царя Константина въ тирскому Собору, в ссылка святаго Аванасія по возилу Аріяна.

Удалившись изъ Тира, Аванасій прибылъ въ Константинополь и, представъ предъ царя Константина, жаловался на причиненныя ему оскорбленія въ присутствіи судившихъ его епископовъ, и просилъ, чтобы сдѣланныя въ Тирѣ опредѣленія изслѣдованы были при самомъ царѣ. Находя это прошеніе справедливымъ, Константинъ собравшимся въ Тирѣ епископамъ написалъ слѣдующее: «Не знаю, какія среди шума и бури Соборъ вашъ сдѣлалъ опредѣленія; но какъ-то думается, что шумный безпорядокъ извратилъ истину, что то-есть вы, по враждѣ къ ближнимъ, которой захотѣли по-

работитесь, не имѣли въ виду того, что угодно Богу. Предоставимъ же Божію Промыслу—явно обличить и разсѣять зло этого враждебнаго пренія,—и тогда будетъ ясно, заботились ли вы въ своемъ собраніи объ истинѣ,—безъ поборки ли и ненависти судили. Для этого я хочу, чтобы всѣ вы прибыли къ моему благочестію и доказали предъ самимъ мною точность своихъ разысканій. А почему призналъ я справедливымъ писать вамъ это и, чрезъ посланіе, звать васъ къ себѣ,—узнаете изъ слѣдующаго: Когда я вѣзжалъ въ сомнительный мнѣ и благополучный отечественный мой городъ Константинополь,—а вѣзжать тогда случилось мнѣ на конѣ,—вдругъ изъ среды народнои толпы вышелъ ко мнѣ епископъ Доанасій въ сопровожденіи нѣкоторыхъ бывшихъ при немъ лицъ,—и вышелъ такъ неожиданно, что былъ причиною моего изумленія. Свидѣтельствуюсь надзирающимъ за всѣми Богомъ, что съ перваго взгляда я даже не могъ бы и узнать, кто это такой, елибы нѣкоторые, отвѣчая на мои вопросы, не рассказали мнѣ, какъ слѣдовало, и кто онъ, и какую потерпѣлъ обиду. Въ тѣ минуты я и не разговаривалъ съ нимъ, и не раздѣлялъ бесѣды; когда же онъ просилъ выслушать себя,—отказалъ ему и едва не велѣлъ выгнать его. Однакожъ онъ умолялъ съ великимъ дерзновеніемъ и не хотѣлъ ничего болѣе, кромѣ вашего сюда прибытія, чтобы въ нашемъ

присутствіи могъ оплакать все что потерпѣлъ по необходимости. Такъ какъ эта прозѣба показала мнѣ основательною и въ настоящее время благоприличною; то я съ удовольствіемъ велѣлъ написать вамъ это посланіе, чтобы всѣ вы, составляющіе Соборъ въ Тирѣ, безъ отлагательства пріѣхавъ въ станъ нашей кротости, доказали самими дѣлами чистоту и справедливость вашего суда — при мнѣ, который, чего и сами вы не отвергнете, есть искренній служитель Божій. Да, чрезъ мое служеніе Богу, вездѣ господствуетъ миръ, и имя Божіе благословляется самими Варварами, которые даже донынѣ не знали истины: а извѣстно, что кто не знаетъ истины, тотъ не знаетъ и Бога. Чрезъ меня, искренняго служителя Божія, самые Варвары, сказалъ я, познали Бога и научились благоговѣть предъ Нимъ, испытавъ самымъ дѣломъ, что Онъ хранитъ меня и вездѣ о мнѣ промышляетъ,—что особенно и привело ихъ къ познанію Его. Итакъ, они благоговѣютъ предъ Богомъ изъ страха къ намъ; а мы, по видимому, совершающіе тайны Его благоволенія, не говорю уже, не хранимъ ихъ,—мы даже ничего не дѣлаемъ, кромѣ поступковъ, возбуждающихъ распрю и ненависть, или просто сказать, повергающихъ весь человѣчскій родъ въ гибель. Пріѣзжайте же, говорю, къ намъ, какъ можно скорѣе и съ увѣренностію, что мы употребимъ всѣ силы для сохраненія неприкосно-

венности закона Божія, особенно въ отношеніи къ тому, къ чему не должно прививаться ни поношеніе, ни безславіе,—мы разсѣмь, то-есть затопчимъ, совершенно уничтожимъ враговъ закона, которые, прикрываясь святымъ именемъ, вносятъ различныя и разнообразныя злохуленія».—Когда царь написалъ это; то одни изъ епископовъ испугались и отправились домой, а сообщники епископа никомидійскаго Евсевія прибыли къ царю и старались доказать, что тирскій Соборъ осудилъ Аоанасія справедливо, и, приведши въ свидѣтели Θεогниса, Мариса, Θεодора, Валента и Урсакія, убѣдили его, что Аоанасій разбилъ таинственную чашу. Понося александрійскаго епископа и за многое другое, они своими клеветами одержали верхъ. Царь, или признавъ ихъ клеветы справедливыми, или надѣясь, что епископы наконецъ придутъ къ взаимному согласію, если не будетъ Аоанасія, приказалъ жить ему въ Триверъ (Триръ), что на западѣ Галліи,—куда онъ и отправился.

ГЛАВА 29.

О константинопольскомъ епископѣ Александрѣ, какъ онъ отказался принять въ общеніе Арія, и какъ Арій расторгся, когда чрезъ его требовало изверженіи.

Послѣ Иерусалимскаго Собора Арій прибылъ въ Египеть; но Александрійская Церковь не приняла его въ общеніе: поэтому онъ возвратился въ Константинополь. Здѣсь единомы-

шленники его и сообщники Никомидійскаго епископа Евсевія умышленно дѣлали частныя собранія и старались составить Соборъ. Однакожъ Александръ, располагавшій тогда епископскимъ престоломъ въ Константинополь, понялъ ихъ намѣреніе и противодѣйствовалъ образованію Собора. Не уснѣвъ же въ этомъ, онъ прямо отказался отъ общенія съ Аріемъ и утверждалъ, что незаконно и противно церковнымъ правиламъ уничтожать собственное свое опредѣленіе и мнѣніе тѣхъ, которые вмѣстѣ съ нимъ собирались въ Никею почти со всей подосолнечной. Сообщники Евсевія, не могли склонить Александра словами, оскорбляли его угрозами и клялись, что, если въ извѣстный день онъ не приметъ Арія въ Церковь,—самъ будетъ изгнанъ изъ Церкви и отправленъ въ ссылку, а преемникъ его вступитъ въ общеніе съ Аріемъ. Такимъ образомъ произошло новое раздѣленіе между епископами: съ одной стороны были евсевіане, хотѣвшіе въ назначенный день непременно исполнить свои угрозы, съ другой — Александръ, молившійся, чтобы слова Евсевія не сбылись. Последняго особенно устрашала царь, преклонившійся нѣкоторымъ образомъ на сторону евсевіанъ. Наканунъ назначеннаго дня онъ повергся предъ жертвенникомъ и всю ночь пролежалъ ницъ, моля Бога о не допущеніи исполниться устроеннымъ противъ него замысламъ. Въ тотъ же самый день, подъ

вечеръ, Аріи куда то вышелъ и, вдругъ почувствовавъ разстройство въ своемъ чревѣ и естественную нужду, уклонился въ отведенное для этого публичное мѣсто. Такъ какъ онъ долго не выходилъ, то ожидавшіеся его вошли туда и увидѣли, что онъ сидитъ мертвый. Когда сдѣлалось это извѣстнымъ, то стали не одинаково заключать о его смерти: одни думали, что съ нимъ случилась внезапная болѣзнь въ сердцѣ, или что онъ умеръ отъ удовольствія, достигнувъ желаемого; а другіе полагали, что онъ наказанъ за нечестіе. Единомышленники же Аріи утверждали, будто онъ умерщвленъ волшебствомъ. Посему здѣсь не неумѣстно привести сказаніе александрійскаго епископа Аванасія о его смерти. Аванасій говоритъ слѣдующее:

глава 30.

О томъ, что пишетъ Великій Аванасій о расторженіи Аріи.

«Ибо и самъ изобрѣтатель ереси, сообщникъ Евсевія Аріи, по наущенію евсевіанъ, вызванный блаженнымъ Константиномъ Августомъ и принужденный письменно изложить свою вѣру, написалъ (это изложеніе), лукавый, не употребляя безстыдныхъ выраженій нечестія и прикрываясь, какъ діаволь, простыми и подлинными словами Писаній. Потомъ блаженный Константинъ сказалъ ему: если ты ничего другаго не содержишь въ умѣ, то приведи во свидѣтельство истину;—вѣдь самъ Господь накажетъ

тебя, если поклянешься во лжи, — и онъ поклялся, несчастный, что кромѣ написаннаго теперь ничего не мыслить и ничего другаго никогда не говорилъ. Но векорѣ пошедши, какъ бы на казнь, упалъ и, лежа ницъ, треснулъ. Общій конецъ жизни для всѣхъ людей есть смерть, — и не должно порицать никого за то, что онъ умеръ, хотя бы это былъ врагъ; ибо неизвѣстно, не постигнетъ ли тоже и насъ до вечера. Но кончина Аріи произошла не просто, и потому достойна разсказа. Когда евсевіане грозилась ввести его въ Церковь; то константинопольскій епископъ Александръ противился этому, а Аріи полагался на силу и угрозы Евсевія. Наступила суббота, — и въ слѣдующій день онъ надѣялся быть введеннымъ въ церковное собраніе. Борьба была велика: тѣ грозилась, а Александръ молился. Но Господь самъ явился судіею и рѣшилъ дѣло противъ неправедныхъ. Еще не закатилось солнце, какъ Аріи, побуждаемый нуждою, пришелъ въ извѣстное мѣсто и тамъ упалъ, лишившись вдругъ того и другаго, — и общенія и жизни. Узнавъ объ этомъ, блаженный Константинъ удивился и увидѣлъ, что клятвенпреступникъ обличенъ. Тогда всѣмъ стало ясно, какъ безсильны угрозы евсевіанъ, и сколь суетна была надежда Аріи. А вмѣстѣ ясно стало и то, что аріанское безуміе лишено Спасителемъ общенія и здѣсь, и въ Церкви первородныхъ. Послѣ сего кто не удивится, видя усилія

людей оправдать того, кого осудилъ Господь, и защитить ту ересь, которую отвергъ Господь, объявивъ изобрѣтателя ея недостойнымъ общенія и не попустивъ ему войти въ Церковь?—Такова, говорятъ, была смерть Арія. Есть сказаніе, что долго никто не употреблялъ того стула, на которомъ онъ умеръ. И когда многіе входили въ упомянутое общественное мѣсто для нужды,—что обыкновенно дѣлается простымъ народомъ,—входившіе предостерегали другъ друга отъ того стула. Такимъ образомъ къ мѣсту, въ которомъ Арій получилъ наказаніе за свое нечестіе, и послѣдующіе люди имѣли какое-то отвращеніе. Впрочемъ, чрезъ нѣсколько времени, нѣкто изъ единомышленниковъ Арія, человѣкъ богатый и сильный, постарался купить его у казны и, построивъ на немъ домъ, измѣнилъ прежній его видъ; такъ что оно изгладилось изъ памяти народа и преемственное преданіе уже не воспоминаетъ насмѣшливо о смерти Арія.

глава 31.

О томъ, что по смерти Арія случилось въ Александріи, и что Великій Константинъ написалъ тамошнимъ жителямъ.

Впрочемъ и по смерти Арія споръ объ изобрѣтенныхъ имъ догматахъ не прекратился, и единомышленники его не перестали строить козни противъ людей, несогласныхъ съ ними въ образѣ мыслей. Непрестанно взывалъ къ царю алек-

сандрійскій народъ и въ молитвахъ своихъ просилъ Бога о возвращеніи Аоанасія; часто писалъ Константину о томъ же и Антоній Великій, умоляя его не вѣрить мелетіанамъ и обвиненія ихъ считать клеветою: но царь не слушалъ и въ своемъ посланіи къ александрійцамъ обвинялъ ихъ за безуміе и безпорядки, а клирикамъ и посвященнымъ дѣламъ приказывалъ оставаться въ покоѣ и утверждалъ, что онъ не перемѣнитъ своего мнѣнія и не возвратитъ Аоанасія, какъ человѣка возмутительнаго и осужденнаго голосомъ Церкви; Антонию же отвѣчалъ, что онъ не можетъ нарушить рѣшеніе Собора. Пусть нѣкоторые, говорилъ онъ, судили объ Аоанасіѣ по ненависти или пристрастію; но невѣроятно, чтобы весь Соборъ мудрыхъ и добрыхъ епископовъ питалъ такія же чувствованія, что то — есть Аоанасій—обидчикъ, человѣкъ гордый и виновникъ разногласія и возмущенія. А противники обвиняли его особенно въ этомъ; потому что отъ такихъ людей царь особенно отвращался. Тогда же узнавъ, что Церковь раздѣлилась на двѣ партіи, и что одна изъ нихъ предана Аоанасію, а другая — Иоанну, онъ сильно разгнѣвался и самаго Иоанна изгналъ въ ссылку. Этотъ Иоаннъ былъ преемникъ Мелетія; по тирскій Соборъ возвратилъ ему общеніе съ Церковію и повелѣлъ имѣть прежнія преимущества въ клирѣ, равно какъ и тѣмъ, которые держались его образа мыслей. Изгнаніе Иоанна хотя было и противъ

желанія враговъ Аѳанасія, однако состоялось, — и опредѣленіе тирскаго Собора нисколько не помогло Іоанну; ибо никакія просьбы и увѣщанія не могли склонить царя на милость къ тому, котораго онъ считалъ виновникомъ смятенія, или разногласія между Христіанами.

ГЛАВА 32.

О томъ, что Константинъ, для уничтоженія всѣхъ ересей, издалъ законъ, запрещающій собираться идъ либо, кромѣ католической Церкви, отчего весьма многія ереси исчезли, а аріане, приверженцы Евсевія никомидійскаго, старались между тѣмъ коварно изгладить слово: единосущный.

Аріанское ученіе, хотя многими усердно было защищаемо въ разговорахъ, — еще не составляло особаго общества, которое носило бы имя ересеначальника. Доселѣ всѣ собирались вмѣстѣ и имѣли взаимное общеніе, кромѣ новаціанъ, такъ называемыхъ фригіанъ, валентианъ, маркіонитовъ, павлианъ и другихъ, составлявшихъ уже особо образовавшіяся секты. Противъ всѣхъ ихъ царь издалъ законъ, которымъ повелѣвалось отнимать у нихъ молитвенныя дома и присоединять къ церквамъ, чтобы они не смѣли собираться ни въ частныхъ домахъ, ни публично. Общеніе съ католическою Церковію онъ почиталъ дѣломъ самымъ важнымъ и увѣщавалъ ихъ присоединяться къ ней. Вслѣдствіе этого закона, упомянутыя ереси думаю, много изгладились изъ памяти. При прежнихъ государяхъ, вѣрующіе во Христа хотя

и различались въ мнѣніяхъ, но отъ язычниковъ принимаемы были за однихъ и тѣхъ-же, и одинаковыя терпѣли отъ нихъ бѣдствія. Тогда состязаться между собою, по причинѣ общихъ опасностей, они не могли, и потому общества въ то время свободно дѣлали особыя собранія и, сносясь одно съ другимъ, при самой своей малочисленности, не истреблялись: но послѣ этого закона имъ уже нельзя было собираться ни открыто, ни тайно; потому что епископы и клирики по городамъ тщательно наблюдали за этимъ. Отъ того многіе изъ нихъ, побуждаемые страхомъ, присоединились къ вселенской Церкви. Если-же иные и держались прежняго мнѣнія, то умирали, не оставляя послѣ себя преемниковъ своей ереси; потому что не смѣли ни сходитья, ни поучать свободно своихъ единомышленниковъ. Впрочемъ и до этого, ереси имѣли немногихъ послѣдователей—либо по нелѣпости ученія, либо по дурнымъ свойствамъ изобрѣтателей и вождей своихъ: только одни новаціане, имѣвшіе добрыхъ предстоятелей и мыслившіе о Богѣ одинаково съ вселенскою Церковію, были многочисленны и удержались, не получивъ большаго вреда отъ этого закона. Притомъ самъ царь, кажется, добровольно смягчилъ его дѣйствіе, желалъ не погубить, а только утратить подданныхъ. Да и тогдашній епископъ ихъ ереси въ Константинополѣ, Акесій, уважаемый царемъ за святость жизни, вѣроятно немало помогъ своей Церкви.

Но фригійяне, паровиѣ съ прочими, терпѣли во всей имперіи, исключая Фригію и другія соседнія области, гдѣ, со времени Монтана, они находились и нынѣ находятся во множествѣ. Около того-же времени, сообщники Евсевія, епископа никомидійскаго, и Феогниса никейскаго стали письменно искажать символъ отцевъ, собравшихся въ Никею. Явно отвергать догматъ о единосущіи Сына со Отцемъ они не смѣли; ибо знали, что такъ вѣруеть самъ царь: но наиславъ другое изложеніе, внушали восточнымъ епископамъ, что слова никейскаго догмата надобно принимать съ нѣкоторымъ объясненіемъ. По поводу-же этого объясненія и такой мысли, прежній вопросъ, казавшійся уже рѣшеннымъ, снова сдѣлался предметомъ разсужденій.

глава 33.

О Маркеллѣ анкирскомъ, его ереси и изложеніи.

Собравшіеся въ Константинополь епископы въ тоже время изложили и изгнали изъ Церкви Маркелла, епископа Анкиры галатійской, какъ изобрѣтателя новыхъ мыслей, утверждавшаго, что Сынъ Божій получилъ начало (бытія) отъ Маріи, и что царство Его будетъ имѣть конецъ, и написавшаго объ этомъ сочиненіе. На мѣсто-же его, епископомъ области галатійской поставили они Василія, отличавшагося краснорѣчіемъ и ученостію, и предписали тамошнимъ церквамъ—отыскивать и истреблять сочиненіе

Маркелла, а единомышленниковъ его, если найдутся, обращать къ православной вѣрѣ. При этомъ замѣтили они, что, по причинѣ обширности Маркелловой книги, она не приводится вполнѣ, а только вносятся въ посланіе нѣкоторыя изъ ней выраженія, чтобы видно было какъ онъ мыслить. Иные говорятъ, что Маркеллъ писалъ это въ видѣ (историческаго) изслѣдованія; а евсевіане клеветливо представили царю, будто онъ самъ исповѣдовалъ такое ученіе; ибо питали противъ него величайшую вражду—за то, что и на Соборѣ финикійскомъ онъ не согласился на ихъ опредѣленія, и въ Иерусалимѣ не сошелся съ Аріемъ, и въ освященіи великаго храма мучениковъ не принималъ участія—единственно потому, что избѣгалъ общенія съ ними. Донося царю о Маркеллѣ, они поставляли ему въ вину и то, что онъ оскорбилъ самаго царя, не удостоивъ своимъ присутвіемъ освященіе ново-созданнаго въ Иерусалимѣ храма. Къ написанію упомянутаго сочиненія Маркеллу подалъ поводъ каппадокійскій софистъ, Астерій, который, сочинивъ нѣсколько книгъ с (христіанскомъ) ученіи, согласно съ мнѣніемъ Арія, и путешествуя съ ними по разнымъ городамъ, читалъ ихъ и вмѣстѣ съ епископами присутствовалъ почти на всѣхъ Соборахъ. Опровергая его, Маркеллъ, добровольно или безъ намѣренія, впалъ въ заблужденіе Павла Самосатскаго. Впрочемъ впоследствии на Соборѣ сардикскомъ, онъ чолу-

чилъ обратно свою епископію, доказавъ, что образъ его мыслей не таковъ.

ГЛАВА 34.

О кончинѣ Константина Великаго и о томъ, какъ онъ предъ смертію принялъ крещеніе и погребенъ въ храмъ святыхъ Апостоловъ.

Еще прежде раздѣливъ Имперію между своими сыновьями кесарями и вѣривъ Константину и Константу области западныя, а Констанцію—восточныя, царь ослабѣлъ тѣломъ и отправился въ Елсенополисъ внонскій пользоваться ваннами изъ естественныхъ минеральныхъ водъ. Но почувствовавъ себя хуже, онъ былъ принесенъ въ Никоидію и, проживая тамъ въ предметіи, принялъ святое крещеніе. Это исполнило его великой радости и благодарности предъ Богомъ. Потомъ сдѣлалъ онъ завѣщаніе, которымъ имперію раздѣлялъ между сыновьями по прежнему, и предоставлялъ нѣкоторыя преимущества старому Риму и соименному себѣ городу. Это завѣщаніе отдалъ царь извѣстному пресвитеру, приверженцу Арія, котораго, какъ человека отличной жизни, рекомендовала ему при смерти сестра его Констанція, и приказалъ подъ клятвою вручить его Констанцію, какъ скоро онъ пріѣдетъ; ибо ни этотъ, ни другіе кесари при смерти отца не присутствовали. Послѣ завѣщанія онъ жилъ еще нѣсколько дней и умеръ, имѣя отъ роду

около шестидесяти пяти лѣтъ и процарствовавъ тридцать одинъ годъ. Константинъ былъ весьма преданъ христіанской вѣрѣ, такъ что первый изъ царей покровительствовалъ Церкви и распространялъ ее, какъ можно болѣе. Онъ былъ счастливъ въ своихъ предпріятіяхъ, какъ, не знаю, былъ ли кто другой,—потому кажется, что ничего не начиналъ безъ Бога. Онъ остался побѣдителемъ въ происходившихъ при немъ войнахъ противъ Готовъ и Савроматовъ, и государство, по своему желанію, преобразовалъ съ такою легкостію, что учредилъ другой сенатъ и новую соименную себѣ столицу. Лычское богослуженіе, котораго столько времени держались и начальники и подчиненные, онъ низпровергъ разомъ и въ короткое время. Послѣ смерти, тѣло его было перенесено въ Константинополь въ золотомъ гробѣ и поставлено во дворцѣ на возвышеніи. Придворные чины воздавали ему такую же почесть и такъ же исполняли свои должности, какъ и при его жизни. Между тѣмъ, находившійся на востокѣ Констанцій, едва лишь получилъ извѣстіе о смерти отца, быстро пріѣхалъ въ Константинополь и, совершивъ надъ нимъ царское погребеніе, похоронилъ его въ церкви во имя святыхъ Апостоловъ, гдѣ самъ Константинъ еще при жизни приготовилъ себѣ гробницу. Съ того времени, какъ-бы по обычаю, получившему свое начало отъ Константина, здѣсь покоятся всѣ умершіе

въ Константинополѣ Христіанскіе государи, равно какъ и Епископы; потому что священный санъ равночестенъ царскому достоинству, а въ дѣлахъ священныхъ имѣеть даже преимущество предъ нимъ.

Конецъ второй книги церковной исторіи.

ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРИИ

СОЗОМЕНА

КНИГА ТРЕТЬЯ.

ГЛАВА I,

О томъ, что, по смерти Константина Волчаного, сообщники Евсевія и Феогниса опять стали искажать никейскую віру.

Такъ шли церковныя событія въ царствованіе Константина. Но по смерти его, ученіе отцевъ, собиравшихся въ Никее, снова сдѣлалось предметомъ изслѣдованія; ибо хотя оно (и прежде) не всеми было принимаемо, однакожь, пока жилъ Константинъ, никто не смѣлъ явно отвергать его; когда же онъ умеръ, многіе отступили отъ этого ученія, и именно тѣ, которыхъ еще прежде подозрѣвали въ измѣнѣ (православію). Больше всехъ усилывались поддержать ученіе Арія вноицкіе епископы, Евсевій и Феогнисъ, и удобнѣйшимъ къ исполненію этого средствомъ считали то, чтобы препятствовать возвращенію Афанасія изъ ссылки, а египетскія Церкви ввести своему единомышленнику. Они замышляли это, имѣя своимъ помощникомъ того пресвитера, который при Константинѣ былъ причиною возвращенія Арія; ибо онъ пользовался благосклон-

ностию и царя Констанція—за то, что передалъ ему въ цѣлости отцовское завѣщаніе. Считаясь человекомъ вѣрнымъ, этотъ пресвитеръ получилъ доступъ даже къ царской супругѣ и пользовался дружбою сильныхъ придворныхъ евнуховъ. Управителемъ царскаго двора былъ тогда нѣкто Евсевій, который, сдѣлавшись самъ послѣдователемъ Аріева ученія, внушилъ свой образъ мыслей и царицѣ, и многимъ изъ придворныхъ. Отсюда опять начались непрестанныя толки о догматахъ—частно и публично, а вмѣстѣ съ тѣмъ возбуждались неудовольствія и непріязненные отношенія,—и дѣло шло по желанію сообщниковъ Осогниса.

ГЛАВА 2.

О возвращеніи Аванасіа Великаго изъ Рима, о письмѣ кесаря Констанціана, сына Константина Великаго, и о новыхъ козняхъ аріанъ противъ Аванасіа; также объ Авакіи Беррійскомъ и о войнѣ между Константомъ и Константиномъ.

Въ тоже время Аванасій съ запада изъ Галліи возвратился въ Александрію. Еще самъ Константинъ при жизни хотѣлъ вызвать его изъ ссылки и, говорятъ, выразилъ это желаніе даже въ своемъ завѣщаніи: но такъ какъ онъ скоро умеръ, то возвратиться Аванасію позволилъ сомнительный Константинъ сынъ его, управлявшій западными Галлами. При этомъ снабдилъ онъ Аванасія и грамотою къ александрійскому народу, которую я нашелъ въ переводѣ

съ латинскаго языка и предлагаю здѣсь въ томъ видѣ, въ какомъ нашелъ ее. Вотъ она:

Константинъ кесарь народу кавалитической александрійской Церкви.

«Вашему благо разумію думаю, не безызвѣстно, что Аванасій, истолкователь достопоклоняемаго закона, былъ на время посланъ въ Галлію—для того, чтобы, по жестокости кровожадныхъ и непримиримыхъ враговъ, угрожавшихъ опасною священноглавію его, не потерпѣть ему отъ козни злыхъ неизцѣлимаго зла. Для охраненія его отъ такой именно жестокости, онъ былъ исторгнутъ изъ челюсти нападавшихъ на него людей и посланъ жить подъ моимъ покровительствомъ, такъ чтобы въ назначенномъ для его жительства городѣ имѣть ему въ изобиліи все нужное, хотя достолавная его добродѣтель, полагаясь на помощь Божию, вмѣнила бы ни во что бремя еще тягчайшей участи. Желая удовлетворить, сколько можно, боголюбивѣйшему вашему благочестію, владыка нашъ, блаженной памяти Константинъ Августъ, родитель мой, намѣревался уже возвратить упомянутаго епископа на прежнее его мѣсто: но такъ какъ, не исполнивъ еще сего желанія, онъ предваренъ былъ человѣческимъ жребіемъ и почилъ; то сдѣлавшись наслѣдникомъ намѣреній блаженной памяти царя, я счелъ долгомъ исполнить его. Увидѣвшись съ Аванасіемъ, вы сами узнаете отъ него, какое питаль я къ нему

уваженіе. Да и не удивительно, если я что-нибудь сдѣлалъ въ его пользу: къ этому располагали и побуждали мою душу сколько выраженія вашей любви, столько же доблесть сего мужа. Божественное промышленіе да сохранитъ васъ, возлюбленные братья!»—Уполномоченный такою грамотою царя, Аѳанасій, по возвращеніи въ Александрію, снова сталъ управлять египетскими Церквами; а державшіеся ученія Аріева негодовали на это и не могли оставаться спокойными. Отсюда происходили частыя возмущенія, подававшія поводъ устроить Аѳанасію новыя козни; ибо Евсевіане заботливо клеветали на него царю, будто онъ—человѣкъ возмутительный и предвосхитилъ себѣ возвращеніе (на каюдру александрійскую) противъ законовъ Церкви, безъ суда епископовъ. Впрочемъ, какъ по наветамъ ихъ Аѳанасій опять былъ изгнанъ изъ Александрію, я скажу послѣ, въ своемъ мѣстѣ. А къ этому времени относится то, что, по смерти Евсевія Памфилова, епископство Кесаріи палестинской принялъ Акакій, усердный почитатель Евсевія, изучившій чрезъ него священное Писаніе, человѣкъ мыслящій, пріятный въ рѣчи и оставившій много замѣчательныхъ сочиненій. Вскорѣ послѣ сего, царь Константинъ, воюя близъ Аквилей противъ собственнаго брата Константа, умерщвленъ былъ своими восначальниками; въ слѣдствіе чего западныя

области римской имперіи поступили подъ власть Константа, а восточныя—Констанціа.

ГЛАВА 3.

О Павлѣ константинопольскомъ и Македоніи духоборцѣ.

Въ тоже время, по смерти Александра, константинопольское первосвященство принялъ Павелъ, и этотъ санъ, по словамъ единомышленниковъ Арія и Македонія, предвосхитилъ безъ согласія никомидійскаго епископа Евсевія и епископа оракійской Ираклеи Теодора, которымъ, какъ епископамъ сосѣдственнымъ, принадлежало право рукоположенія ¹⁾. Но большею частію говорятъ, что онъ рукоположенъ пребывавшими тогда въ городѣ епископами, по завѣщанію Александра, которому преемствовалъ. Когда Александръ, имѣя уже девяносто восемь лѣтъ отъ роду, изъ коихъ двадцать три мужественно проведены имъ въ епископствѣ, приближался къ смерти, и клирики спросили его, кому послѣ него надобно ввѣрить Церковь, онъ отвѣчалъ: если вы желаете человѣка благочестиво-добраго и вмѣстѣ учительнаго, то изберите Павла; а для дѣлъ виѣшнихъ и для обращенія

¹⁾ Константинопольская Церковь, прежде нежели сдѣлалась патриархіею, принадлежала къ округу Ираклеи оракійской, какъ къ своей митрополіи; а потому епископъ ираклійской могъ имѣть на нее вліяніе въ дѣлахъ духовныхъ: но епископъ Никомидій, которая принадлежала къ другому округу, по законамъ церковнымъ не имѣлъ никакого права вмѣшиваться въ дѣла ея. См. Сан. IV. Conc. Nicaen.

съ свѣтскими властями способиѣе будетъ Македоній. Это свидѣтельство Александра о двухъ упомянутыхъ мужахъ подтверждаютъ и послѣдователи Македонія, только способность къ дѣламъ и краснорѣчію приписываютъ Павлу; а одобрительный отзывъ о жизни относятъ къ Македонію, на Павла-же клеветуютъ, будто онъ жилъ роскошно и развѣянно. Дѣйствительно, даже и по ихъ свидѣтельству, Павелъ былъ мужъ краснорѣчивый и превосходно училъ въ церкви, но къ дѣламъ житейскимъ и къ обращенію съ людьми сильными, какъ показываютъ самая дѣла, былъ мало способенъ; ибо не разрушилъ, какъ свойственно людямъ способнымъ, ни одного навѣта враговъ, и хотя былъ чрезвычайно любимъ народомъ, однакожь пострадалъ отъ злобы людей, отвергавшихъ въ то время поставленный въ Никее догматъ. Прежде всего осужденный будто бы за худую жизнь онъ былъ извергнутъ изъ константинопольской Церкви, потомъ приговоренъ жить въ ссылкѣ, гдѣ, по прояскамъ людей, искавшихъ его смерти, говорятъ, умеръ жалкимъ образомъ — отъ веревки. Но это случилось послѣ.

глава 4.

О возмущеніи, происшедшемъ по случаю рукоположенія Павла.

По случаю этого рукоположенія, въ константинопольской Церкви произошло тогда величайшее смятеніе: ибо, пока Александръ былъ

живъ, единомышленники Арія имѣли мало смѣлости, и народъ, по его примѣру и руководству, славилъ Бога,—особенно послѣ неожиданной смерти Арія, который умеръ вышесказаннымъ образомъ, по Божию, какъ вѣрили, наказанію и по дѣйствию Александра благочестія; а когда епископъ умеръ,—народъ, раздѣлившись на двѣ партіи, сталъ явно состязаться о догматахъ и вступать въ ссоры. Ревнителямъ ученія Аріева хотѣлось рукоположить Македонія, а исповѣдникамъ единосущія Сына со Отцемъ—поставить епископомъ Павла. Послѣдніе одержали верхъ. Но послѣ рукоположенія Павлова прибылъ царь,—ибо онъ находился тогда въ отсутствіи,—и разгнѣвался, будто епископство дано недостойному. По наущенію враговъ Павла, онъ созвалъ Соборъ и, рукоположеннаго епископа изгнавъ изъ Церкви, константинопольскую кафедру передалъ никомидійскому епископу Евсевію.

глава 5.

О чрестномъ антиохійскомъ Соборѣ, который изложилъ Аванасіа, и на его мѣсто возвелъ Григорія; также о двухъ изложеніяхъ въ-рны и о тѣхъ, которые съ этими изложеніями соглашались.

Сдѣлавъ это, царь отправился въ Антиохію сирійскую. Такъ какъ въ описываемое время уже окончена была тамошняя, необыкновенная по величію и красотѣ церковь, которую для своего сына началъ строить еще при жи-

вни Константиць; то Евсевіане, давно думавшіе воспользоваться этимъ случаемъ, постарались теперь собраться туда для составленія Собора. Они, равно какъ и другіе единомышленники ихъ, подъ предлогомъ освященія новопостроенной церкви, а въ самомъ дѣлѣ, какъ показали послѣдствія, для искаженія никейскихъ опредѣленій, отсюду съѣхались въ Антиохію въ числѣ девяноста семи епископовъ. Антиохійскою Церковію управлялъ тогда послѣ Евфронія Плакитъ. Это былъ пятый годъ по смерти Константина Великаго. Когда всѣ епископы собрались и прибылъ самъ царь Констанцій; то многіе стали выражать неудовольствіе и сильно обвинять Аоанасія въ томъ, что онъ нарушилъ іерархическій законъ, который они-же установили, и взялъ въ свое управленіе александрійскую Церковь, прежде чѣмъ это дозволено было ему Соборомъ¹⁾. Въ слѣдствіе сего, говорили они, Аоанасій сдѣлался виновникомъ смерти нѣкоторыхъ гражданъ; потому что при вступленіи его въ городъ произошло возмущеніе, и многіе умерщвлены, а другіе преданы въ судилища. Сплѣтши такимъ образомъ величайшую клевету на Аоанасія, епископы опредѣлили быть предстоятелемъ александрійской

¹⁾ Въ первыхъ засѣданіяхъ этого Собора постановлено нѣсколько правилъ противъ православныхъ епископовъ; между прочими было и то, о которомъ здѣсь упоминается. Vid. Bevereg. in Cod. Can. lib. 1. cap. IV. n. 9.

Церкви Григорію. Послѣ того перешли они къ разсужденію о догматѣ и хотя и не произнесли осужденія противъ никейскихъ опредѣленій, даже, разсылая грамоты епископамъ городовъ, объявляли имъ, что бывъ епископами, они не могли слѣдовать Арію,—ибо какъ было слѣдовать имъ пресвитеру, когда сами же испытывали его вѣру?—скорѣе можно бы принять его къ себѣ; а содержащая ими вѣра предана отъ начала: однакожь въ символѣ, приложенномъ къ ихъ посланію, отнюдь не упоминалось ни о существѣ Отца или Сына, ни о словѣ «единосущный»; онъ составленъ былъ изъ понятій дусмысленныхъ, такъ что ни единомышленники Арія, ни послѣдователи никейскаго Собора не могли упрекнуть ихъ въ употребленіи словъ, неизвѣстныхъ изъ священнаго Писанія. Оустивъ все, чего не принимали тѣ или другіе, они составили свое исповѣданіе изъ выраженій, принимаемыхъ обѣими сторонами. Они исповѣдывали, что Сынъ существуетъ со Отцемъ, что Онъ едиnorodный и Богъ, и имѣетъ бытіе прежде всего, что Онъ принялъ плоть, исполнивъ волю Отца, и прочее тому подобное: а совѣчевъ ли и единосущенъ ли Онъ Отцу, или напротивъ,—этого не написали. Впрочемъ оставшись, видно, недовольными своимъ сочиненіемъ, впослѣдствіи они, кромѣ этого, издали другое, которое, какъ мнѣ кажется, во всемъ согласное съ ученіемъ никейскихъ отцевъ, если только

въ ихъ словахъ не скрывается какой-нибудь неизвѣстной для меня мысли. Не знаю, почему они, отказываясь называть Сына единосущнымъ, признали Его однакожь неуредоженнымъ и неизмѣннымъ по Божеству, вѣрнымъ образомъ существа, воли, силы и славы (Божіей) и первожденнымъ всей твари. Они утверждали, что это неповѣданіе вѣры вполнѣ написано Лукіаномъ, который пострадалъ въ Никомидіи и былъ мужъ, какъ по всему знаменитѣйшій, такъ особенно отличавшійся знаніемъ священнаго Писанія. Правду ли они говорили, или свое собственное сочиненіе возвышали авторитетомъ мученика, сказать не могу. На этомъ Соборѣ присутствовали—не только Евсевій, который, по низверженіи Павла, перешедши изъ Никомидіи, занималъ каедрю константинопольскую, но и Акакій, преемникъ Евсевія Памфилова, и Патрофилъ скинопольскій, и Феодоръ епископъ Праклен, которая прежде называлась Перинномъ, и Евдоксій, епископъ Германіи, впоследствии, послѣ Македонія, управлявшій Церковію константинопольскою, и Григорій, избранный предстоятелемъ Церкви александрійской. Всѣ они въ то время считались единомышленниками. Присутствовали также Діаній, епископъ Кесаріи каппадокійской, Георгій—Лаодикій сирійской, и многіе другіе, бывшіе епископами митрополій и прочихъ знаменитыхъ Церквей.

ГЛАВА 6.

О Евсевіи эмесскомъ, и о томъ, что Григорій занялъ Александрію, а Аванасій спасся бѣгствомъ въ Римъ.

Вмѣстѣ съ ними присутствовали и Евсевій, по прозванію эмесскій. Онъ былъ родомъ изъ Эдессы озроенской и происходилъ отъ благородныхъ родителей, съ дѣтства, по обычаю предковъ, изучалъ священное Писаніе, потомъ, посѣщая бывшихъ въ той странѣ наставниковъ, узналъ и греческія науки, а впоследствии, подъ руководствомъ Евсевія Памфилова и предстоятеля скинопольскаго Патрофила, занимался толкованіями божественныхъ книгъ. Прибывъ въ Антиохію въ то время, когда случилось низверженіе Евставія по обвиненію клира, Евсевій жилъ дружески съ преемникомъ его Евфроніемъ. Изъ Антиохіи, избѣгая священнаго сана, онъ удалился въ Александрію слушать тамошнихъ философовъ, и научившись ихъ наукамъ, возвратился въ Антиохію, гдѣ опять обращался съ преемникомъ Евфронія, Плакитомъ. Во время бывшаго здѣсь Собора константинопольскій епископъ Евсевій хотѣлъ было возвести его на каедрю александрійскую, ибо думалъ, что онъ, какъ мужъ обходительный и весьма краснорѣчивый, легко отклонитъ Египтянъ отъ привязанности къ Аванасію: но такъ какъ избираемый отказался отъ этого назначенія, опасаясь встрѣтить ненависть Александрійцевъ, которые не

хотѣли никого видѣть на мѣстѣ Аоанасія; то предстательство александрійской Церкви ввѣрено было Григорію, а эмесской—ему. Въ Эмессѣ сдѣлавшись причиною возмущенія, — ибо клевета приписывала ему занятіе тою частію астрономіи, которую называютъ гадательною (*αποτελεσματικῶν*)¹⁾, онъ убѣжалъ въ Лаодикію къ тамошнему епископу, своему другу Георгію. Георгій, отправившись вмѣстѣ съ нимъ въ Антиохію къ епископамъ Плакиту и Наркиссу, сдѣлалъ то, что Евсевій возвратился въ Эмессу. Онъ пользовался благорасположеніемъ царя Констанція; ибо когда царь отправлялся на войну противъ Персовъ, то бралъ его съ собою. Говорятъ, что чрезъ него Богъ совершилъ много чудесъ, какъ свидѣтельствуешь Георгій лаодикійскій, рассказавшій о немъ это и иное кое-что. Но бывъ такимъ мужемъ, Евсевій не избѣгъ однако зависти тѣхъ людей, которые обыкновенно не терпятъ доблестей другаго. Онъ также подвергся клеветѣ, будто держителя мыслей Савеллія. Впрочемъ на Соборѣ антиохійскомъ его мнѣніе было одинаково съ мнѣніемъ собравшихся тамъ епископовъ; между тѣмъ какъ іерусалимскій епископъ Максимъ, говорятъ, съ намѣреніемъ избѣгалъ этого Собора, раскаяваясь то-есть, что разъ уже былъ введенъ въ обманъ и согласился

¹⁾ *Μερος ἀποτελεσματικῶν τῆς ἀστρονομίας* называлась та часть Астрономіи, которая рассуждала о вліяніи звѣздъ на жизнь людей.

вмѣстѣ съ другими подписать низложеніе Аоанасія. Равнымъ образомъ не присутствовалъ на немъ ни епископъ, занимавшій кафедрю Рима, ни кто-либо изъ прочихъ италійскихъ, или дальнѣйшихъ за Римомъ епископовъ. Итакъ, когда Франки нападали на западныхъ Галловъ, а области восточныя, особенно же городъ Антиохія, послѣ тамошняго Собора, были колеблемы величайшимъ землетрясеніемъ,—въ то самое время Григорій вступилъ въ Александрію подъ защитою военнаго отряда, которому приказано было стараться, чтобы вступленіе его совершилось безмятежно и спокойно. Къ этому отряду присоединились и единомышленники Арія, какъ для означенной цѣли, такъ и для изгнанія Аоанасія. Между тѣмъ Аоанасій заботился, какъ бы изъ-за-него не пострадалъ народъ, и для того, при наступленіи ночи, сдѣлалъ церковное собраніе. Когда воины уже овладѣли церковью, онъ, окончивъ молитву, приказалъ напередъ читать псаломъ; а потомъ въ минуты общаго псалмопѣнія, заставлявшаго воиновъ хранить спокойствіе, такъ какъ нападеніе теперь считали они неблаговременнымъ,—тайно вышелъ вонъ среди поющихъ и удалился въ Римъ. Такимъ образомъ Григорій занялъ александрійскій престолъ; но народъ въ негодованіи сжегъ церковь, соименную Діонисію, который былъ у нихъ епископомъ¹⁾.

¹⁾ Это происходило въ 344-мъ году. По обстоятельствамъ втор-

ГЛАВА 7.

Объ архіерейхъ въ Римъ и Константинополь и о томъ, что послѣ Евсевія опять возведенъ былъ Павелъ; также объ умерщвленіи военачальника Ермогена и о томъ, что, прибывъ изъ Антиохіи, Констанцій снова изложилъ Павла и разгнѣвался на городъ, и что, оставивъ Македонію въ перъшительномъ состояніи, онъ опять удалился въ Антиохію.

Итакъ желанія противудѣйствующей ереси успѣшно приходили въ исполненіе; а люди, ревностно защищавшіе на востокъ догматъ, утвержденный въ Никее, были излагаемы: ибо когда еретики заняли важнѣйшія кафедръ, александрійскую въ Египтѣ, антиохійскую въ Сиріи и столичную при Геллеспонтѣ; тогда епископы сихъ областей уже повиновались имъ, какъ подчиненные. Но правитель римской Церкви и іереи запада считали это для себя обидою; потому что, съ самаго начала согласившись во всемъ съ отцами, собиравшимися въ Никеею, они и доселѣ не переставали такъ мыслить, посему дружелюбно приняли прибывшаго къ нимъ Аонасія и взялись защищать его дѣло. Негодуя на это, Евсевій писалъ Юлію, чтобы онъ самъ обсудилъ опредѣленія тирскаго Собора касательно Аонасія; но не дождавшись Юліева мнѣнія, векорѣ послѣ бывшаго въ Антиохіи Собора, скончался. Тогда

женія Григорія въ Александрію здѣсь смѣшиваются съ обстоятельствами вторженія туда же другаго Каппадокіянина, епископа Георгія, что случилось гораздо поздиѣе, именно въ 356-мъ году.

константинопольскіе ревнители ученія, изложеннаго въ Никее, снова ввели въ церковь Павла; а сообщники Θεогнуса, епископа никейскаго, Θεодора ираклійскаго и другіе единомышленники ихъ, какимъ случилось быть въ Константинополь, въ тоже время собрались въ другой церкви и, при содѣйствіи скопища еретиковъ, въ епископа константинопольскаго рукоположили Македонія. Отъ этого въ городѣ происходили частыя возмущенія, похожія на войны; ибо объ стороны народа нападали одна на другую, и многіе погибали,—городъ кипѣлъ смутеніемъ. Узнавъ объ этомъ, бывшій тогда въ Антиохіи царь разгнѣвался и приказалъ опять изгнать Павла. Исполнителемъ его повелѣнія былъ начальникъ конницы Ермогенъ. Бывъ посланъ въ то время во Фракію и проходя чрезъ Константинополь, онъ хотѣлъ выгнать Павла изъ Церкви вооруженною рукою: но такъ какъ народъ не допускалъ и даже противился ему, то воины стали еще настойчивѣе исполнять данное себѣ приказаніе. Тогда возмутители напали на домъ Ермогена и сожгли его, а самаго военачальника умертвили и, привязавъ на веревку, таскали его по городу. Услышавъ объ этомъ, царь верхомъ прискакалъ въ Константинополь съ намѣреніемъ наказать народъ, но увидѣвъ его идущимъ къ себѣ на встрѣчу въ слезахъ и съ повинною головою, пощадилъ. Впрочемъ съ этого времени городъ лишенъ былъ

половины хлѣбныхъ запасовъ, которые отецъ Констанція Константинъ ежегодно дарилъ гражданамъ отъ казны изъ египетскихъ доходовъ; ибо царь, можетъ быть, подозрѣвалъ, что многіе изъ гражданъ, отъ роскоши и пресыщенія проводя жизнь праздную, сдѣлались склонными къ возмущеніямъ. Весь гнѣвъ свой излилъ онъ на Павла и повелѣлъ изгнать его изъ города, досадовалъ также и на Македонія—частію за то, что онъ былъ виновникъ смерти военачальника и многихъ другихъ, а частію и за то, что принялъ рукоположеніе безъ его согласія. Такимъ образомъ, и не утвердивъ его рукоположенія, и не отмѣнивъ, царь оставивъ дѣло такъ и возвратился въ Антиохію. Въ то же время ревнители аріанской ереси Григорія, какъ нерадящаго объ утвержденіи ихъ ученія и ненавистнаго Александрійцамъ за случившіяся въ городѣ бѣдствія при его вступленіи и за сожженіе церкви, вывели изъ Александріи, и на мѣсто его послали Георгія, родомъ Каппадокіянина, отличавшагося дѣятельностію и усердіемъ къ ихъ ученію.

глава 8.

О прибывшихъ въ Римъ восточныхъ архіереехъ, и о томъ что писали о нихъ Юлій римскій; также, какъ, по грамотѣ Юлія, Павла и Афанасія оплыть получили свои престолы, и что писали Юлію восточные архіереи.

Удалившись изъ Александріи, Афанасій, прибылъ въ Римъ. Случилось, что въ то же время

прибыли туда—и Павелъ епископъ константинопольскій, и Маркеллъ анкирскій, и Асклепа газекій, который противился аріанамъ и за то, подвергшись обвиненію со стороны нѣкоторыхъ еретиковъ, обвинявшихъ его въ испроверженіи жертвенника, былъ низложенъ, а на его мѣсто предстоятелемъ газской Церкви поставленъ Квинтіанъ. Въ Римѣ проживалъ также, обвиненный въ другомъ преступленіи и лишенный своей Церкви, адріанопольскій епископъ Лукій. Узнавъ, въ чемъ обвиняли каждого изъ нихъ, и нашедши ихъ единомышленными касательно ученія никейскаго Собора, римскій епископъ принималъ ихъ въ общеніе, какъ единовѣрныхъ и, исполняя свою обязанность пещись о всѣхъ, согласно съ достоинствомъ своего престола, каждому изъ нихъ возвратилъ принадлежащую ему Церковь, а восточнымъ епископамъ писалъ обличительно, что они несправедливо судили объ этихъ мужахъ, и возмущаютъ Церкви именитѣмъ, что не принимаютъ никейскихъ опредѣленій. Въсѣтъ съ этимъ Юлій не многихъ между ними приглашалъ къ извѣстному дню пріѣхать въ Римъ и доказать, справедливо ли ихъ рѣшеніе касательно тѣхъ мужей, угрожал, что впредь онъ не будетъ терпѣть, если не прекратится ихъ стремленіе къ нововведеніямъ. Такъ писалъ онъ,—и Афанасій вмѣстѣ съ Павломъ и прочими снова получили каждый свою кафедру, а погланіе Юлія отправили къ восточ-

нымъ епископамъ. Но послѣдніе приняли его съ негодованиемъ и, собравшись въ Антиохіи, написали Юлію въ отвѣтъ напыщенное и ораторское посланіе, наполненное множествомъ насмѣшекъ и не чуждое сильнѣйшихъ угрозъ. Говоря откровенно въ своемъ посланіи, что римская Церковь выражаетъ всею своею любочестіею, поколику почитаетъ себя пристанищемъ апостольскаго попеченія и первоначальною митрополіею благочестія, хотя проповѣдники христіанскаго ученія приходили къ ней съ востока,—они объявляли, что не считаютъ себя ниже его, что если и не возвышаются предъ нимъ по величію или обширности Церкви, то побѣждаютъ его добродѣтелию и преимуществами душевными. Потомъ, поставляя Юлію въ вину общеніе съ Аванасіемъ и прочими, они высказывали ему свое неудовольствіе—будто бы за оскорбленіе ихъ Собора и за отверженіе ихъ опредѣленій, и порицали этотъ поступокъ, какъ несправедливый и противный церковнымъ законамъ. Не смотря однакожь на такіе упреки и свидѣтельства о сильной своей скорби, они общались имѣть съ Юліемъ миръ и общеніе, если онъ подтвердитъ низложеніе изгнанныхъ и поставленіе рукоположенныхъ ими лицъ; а когда будетъ дѣйствовать вопреки ихъ опредѣленіямъ, то угрожали противнымъ: ибо и предшественники ихъ, восточные іереи, (говорили они), нисколько не противорѣчили по случаю изгнанія изъ римской Церкви

новаціанъ. О томъ же, что сдѣлано ими противъ опредѣленій отцевъ, собиравшихся въ Никее, они ничего не отвѣчали Юлію, а только упомянули, что имѣютъ много важныхъ причинъ къ оправданію своихъ поступковъ, но считаютъ излишнимъ оправдываться въ этомъ теперь,—безъ сомнѣнія потому, что тогда вдругъ были бы признаны несправедливыми во всѣхъ отношеніяхъ.

ГЛАВА 9.

О томъ, какъ были изгнаны Павелъ и Аванасій, а Македоній введенъ въ константинопольскую Церковь.

Такъ писали они Юлію, а царю Констанцію снова клеветали на низложенныхъ ими епископовъ. Живя тогда въ Антиохіи, Констанцій предписалъ константинопольскому префекту Филиппу—Церковь опять отдать Македонію, а Павла изгнать изъ города. Опасаясь народнаго возмущенія, префектъ, прежде обнародованія царскаго повелѣнія, отправился въ знаменитую и обширнѣйшую публичную баню, называемую Зевксинъ, и пригласилъ къ себѣ Павла—какъ бы для совѣщанія о дѣлахъ общественныхъ. Но какъ скоро Павелъ прибылъ, Филиппъ показалъ ему грамоту царя и приказалъ тайно отвести его къ морю чрезъ дворецъ, примыкавшій къ банѣ, а тамъ посадить на караванъ и отправить въ Фессалонику, откуда, говорятъ, происходили и предки Павла. При этомъ строго было запре-

щено ему переходить въ области восточныя, но идти въ Иллирію и въ дальнѣйшія страны не возбранялось. Потомъ, вышедши изъ судилища, префектъ взялъ Македонію и поѣхалъ съ нимъ въ церковь. Между тѣмъ, во время этихъ событій, народъ собрался въ безчисленномъ множествѣ и тотчасъ наполнилъ церковь; ибо всѣ, какъ послѣдователи аріанской ереси, такъ и приверженцы Павла, старались занять ее одни предъ другими. Когда префектъ вмѣстѣ съ Македоніемъ находился уже близъ церковныхъ дверей, и войсками, чтобы отнестъ мѣсто для прохода, разгоняемъ былъ народъ, который однакожь не могъ отступить, потому что дальнѣйшія мѣста были заняты; тогда войны, думая, что народъ умышленно не хочетъ посторониться, перебили многихъ мечами, а многіе погибли, бывъ затоптаны другими. Такъ исполнено царское повелѣніе, по силѣ котораго Македоній занялъ Церковь, а Павелъ сверхъ чаянія былъ удаленъ изъ Константинополя. Между тѣмъ Аванасій ушелъ и, опасаясь угрозы царя Констанція, скрывался; ибо царь, на основаніи доноса еретиковъ, будто онъ возбуждаетъ возмущенія, и будто при вступленіи его многіе погибли, грозился наказать его смертію. Особенно же причиною царскаго гнѣва была клевета, что онъ продастъ въ свою пользу хлѣбъ, который царемъ Константиномъ назначенъ для раздачъ бѣднымъ александрійцамъ.

ГЛАВА 10.

О томъ, что писалъ объ Аванасіи римскій епископъ епископамъ восточнымъ; также объ отправленіи епископовъ въ Римъ для изслѣдованія омысливъ съ римскимъ епископомъ тѣхъ обвиненій, вторымъ сдѣланы епископами восточными, и объ отосланіи ихъ кесаремъ Константиномъ.

Когда египетскіе епископы написали, что всѣ обвиненія Аванасія ложны; тогда, видя, что Аванасію не безопасно болѣе оставаться въ Египтѣ, Юлій пригласилъ его къ себѣ, а собравшись въ Антиохію, отъ которыхъ въ то время получено было посланіе, написалъ отвѣтъ, и обвинялъ ихъ во первыхъ въ томъ, что они тайно искажаютъ ученіе никейскаго Собора, вторыхъ въ томъ, что вопреки законамъ Церкви не пригласили его на совѣщаніе,—ибо есть іерархическій законъ, что все¹⁾, совершаемое безъ вѣдома римскаго епископа, не дѣйствительно, и наконецъ въ томъ, что дѣла ихъ въ Тирѣ и Маретидѣ противъ Аванасія ведены были неправильно,—ибо первыя опровергаются клеветою касательно Арсенія, а послѣднія—отсутствіемъ Аванасія. Въ заключеніе же осуждалъ онъ ихъ за надменность посланія. По всѣмъ этимъ и другимъ причинамъ, Юлій заблагоразсудилъ помочь Аванасію и Павлу; ибо, спустя немного времени, и этотъ, прибывъ въ Италію, жаловался на причиненныя себѣ оскорбленія. По рим-

¹⁾ Надобно помнить, что такъ утверждаетъ самъ сана, а не кто-либо другой.

скій епископъ, сколько ни писалъ о нихъ іереямъ восточнымъ, ни въ чемъ не имѣлъ уснѣха, и потому донесъ о семъ царю Константу. Константинъ просилъ брата Констанція—выслать кого-нибудь изъ восточныхъ епископовъ для объясненія касательно изложенія Аѳанасія и другихъ. Въ слѣдствіе сего избраны были трое: Паркиссъ епископъ Иринопольса киликійскаго, Феодоръ епископъ Ираклеи оракійской и Маркъ епископъ Ареозы сирійской. Прибывъ въ Италию, они усиливались оправдать свои поступки и старались убѣдить царя, что рѣшеніе восточнаго Собора справедливо. Когда, же по требованію, надлежало имъ объявить свою вѣру; то они скрыли символъ, составленный ими въ Антиохіи, и представили другое, стольже несогласное съ утвержденнымъ въ Никей писменное исповѣданіе. Итакъ видя, что они несправедливо клеветаютъ на упомянутыхъ мужей, и избѣгаютъ общенія съ ними не за какія-нибудь преступленія и не за образъ жизни, какъ сказано было въ опредѣленіяхъ объ ихъ изложеніи, а за разногласіе въ догматъ, Константинъ отослалъ ихъ назадъ безъ уснѣха въ томъ, для чего они пріѣзжали.

глава II.

О пространномъ изложеніи вѣры, о событіяхъ на сардинскомъ Соборѣ и о томъ, какъ восточные изложили Юлія, епископа римскаго, и Осія испанскаго за общеніе ихъ съ Аѳанасіемъ и прочими.

По истеченіи трехъ лѣтъ, восточные епи-

скопы отправили къ западнымъ другое сочиненіе, которое называли пространнымъ изложеніемъ вѣры, потому что оно состояло изъ бѣльшаго числа словъ и выраженій, тѣмъ прежній. Въ немъ о существѣ Божіемъ они не упоминали, но утверждающихъ, что Сынъ произошелъ изъ несущаго, либо изъ другой вѣстости, а не отъ Бога, и что было время или вѣкъ, когда Его не было, отлучали отъ Церкви. Однакожь Евдоксія, епископа Германікии, Мартирія и Македонія, пріѣзжавшихъ съ этимъ сочиненіемъ, западные іереи не приняли: для насъ довольно, говорили они, и опредѣленій никейскихъ; кромѣ ихъ не считаемъ нужнымъ придумывать что-либо. Такъ какъ царь Константинъ (писменно) просилъ брата возвратить Аѳанасію и прочимъ ихъ престолы, по письмамъ его, по причинѣ противоѣдствія ереси, не имѣли никакого уснѣха, а между тѣмъ Аѳанасій и Павелъ, лично являясь къ нему, домогались Собора, поколику дѣло шло объ искаженіи православнаго ученія; то царь съ общаго согласія положили епископамъ обѣихъ частей имперіи къ извѣстному дню собраться въ иллирійскій городъ Сардикъ. Восточные сперва съѣхались въ Филиппопольскій оракійскомъ и написали западнымъ, которые уже собрались въ Сардикъ, чтобы Аѳанасія съ прочими, какъ уже изложенныхъ, они отлучили отъ засѣданія и общенія, а иначе, говорили, мы не сойдемся. Потомъ, прибывъ даже въ Сардикъ,

они не хотѣли вступать въ церковь, пока находилась тамъ изложенные ими. На это западные писали въ отвѣтъ, что они никогда не отдѣлялись отъ общенія съ ними и теперь не отдѣлятся—особенно послѣ того, какъ римскій епископъ Юлій изслѣдовалъ все, на нихъ возносимое, и не нашелъ ихъ виновными, и что обвиняемые присутствуютъ здѣсь, какъ люди, готовые подвергнуться суду и снова оправдаться въ приписываемыхъ имъ преступленіяхъ. Такъ какъ эти взаимныя объявленія не имѣли никакого успѣха, а назначенный день, въ который надлежало разсуждать о томъ, для чего епископы собрались, уже прошелъ; то наконецъ одна сторона ихъ написала другой такія посланія, которыя произвели между ними вражду сильнѣе прежней. Посему каждая изъ нихъ, собравшись отдѣльно, составила противныя другой опредѣленія. Именно, восточные, подтвердивъ прежніе свои приговоры касательно Аоанасія, Павла, Маркелла и Асклены, изложили также римскаго епископа Юлія, какъ прежде всѣхъ вступившаго съ ними въ общеніе,—исповѣдника Осію, частію по той-же причинѣ, а частію и за дружескія его отношенія къ предстоителямъ антиохійской Церкви, Павлину и Евстафію,—и трирскаго епископа Максимина—за то, что онъ первый вступилъ въ общеніе съ Павломъ и былъ виновникомъ его возвращенія въ Константинополь, а прибывшихъ въ Галлію восточныхъ епи-

скоповъ отлучилъ отъ Церкви. Кромѣ того, изложили они сардикскаго епископа Протогена и Гавденція,—перваго за то, что онъ защищалъ Маркелла, котораго прежде осудилъ, а послѣдняго за то, что онъ поступалъ вопреки Кириаку, котораго былъ преемникомъ, и весьма уважалъ изложенныхъ ими. Сдѣлавъ такія опредѣленія, восточные извѣстили всѣхъ епископовъ, чтобы они не вступали съ этими лицами въ общеніе, не писали къ нимъ и отъ нихъ не принимали никакихъ грамотъ. А о Богѣ приказывали мыслить такъ, какъ сказано было въ приложенномъ къ ихъ посланію писаніи, въ которомъ не упоминалось о единосущіи, и отлучались отъ Церкви утверждающіе, что три Бога, или что Христосъ не есть Богъ, или что Отецъ, Сынъ и Духъ Святой — одно и то же, или что Сынъ не рожденъ, или что было нѣкогда время или вѣкъ, когда Его не было.

глава 12.

О томъ, что епископы, засѣдавшіе вмѣстѣ съ Юліемъ и Осією, изложили восточныхъ архіереевъ и составили такжес символъ вѣры.

Съ другой стороны, засѣдавшіе съ Осією первыхъ провозгласили невинными — Аоанасіа, какъ несправедливо оклеветаннаго собиравшимися въ Тирѣ епископами,—Маркелла, какъ доказавшаго, что его образъ мыслей былъ оклеветанъ, — Асклену, какъ получившаго епи-

скопство по опредѣленію Евсевія Памфилова и многихъ другихъ судей, и доказавшаго справедливость этого судебнымъ порядкомъ,—Дукія, какъ епископа, котораго обвинители обратились въ бѣгство,—и въ каждую изъ этихъ Церквей написали, чтобы снхъ именно мужей признавали онѣ своими епископами и ожидали, а Григорія александрійскаго, Василія анкирскаго и Квинтіана газскаго не называли епископами, не имѣли съ ними никакого общенія и даже не считали ихъ Христіанами. Потомъ низвели съ епископскихъ мѣстъ—Оеодора оракійскаго, Паркисса епископа принопольскаго, Акакія кесарійско-палестинскаго, Минофанта ефесскаго, Урзакія сингидонскаго, что въ Мизіи, Валента мурзійскаго, что въ Панноніи, и Георгія лаодикійскаго, хотя онъ и не былъ на этомъ Соборѣ съ восточными епископами. Всѣхъ ихъ лишили они священства и общенія, какъ такихъ людей, которые отдѣляютъ Сына отъ существа Отцаго, принимаютъ тѣхъ, которые, за привязанность къ аріанской ереси, давно изложены, и возводятъ ихъ на высшія степени Божественнаго служенія. По этимъ причинамъ отлучивъ ихъ и опредѣливъ считать чуждыми католической Церкви, они написали ко всѣмъ епископамъ, чтобы послѣдніе подтвердили ихъ опредѣленія и согласовались съ ними въ вѣрѣ, для чего и сами написали тогда иное изложеніе вѣры, пространнѣе никейскаго, впрочемъ

заключавшее въ себѣ тотъ же смыслъ и немало отличавшееся отъ него только въ выраженіяхъ. Именно, Осія и Протогенъ, которые въ то время между западными епископами, собравшимися въ Сардыкѣ, были главные, опасаясь, чтобы нѣкоторые не подумали, будто они искажаютъ опредѣленія никейскія, писали Юлію и свидѣтельствовали, что эти опредѣленія признаютъ они несомнѣнными, но для большей ясности распространяютъ тѣже мысли, чтобы единомышленники Арія, злоупотребляя краткостію изложенія, не могли увлекать неопытныхъ къ принятію этихъ мыслей въ нелѣпномъ смыслѣ. Поступивъ такъ, тѣ и другіе закрыли собраніе,—и каждый епископъ отправился въ свою епархію. Этотъ Соборъ состоялся въ консульство Руфина и Евсевія, въ одиннадцатомъ году по смерти Константина. На немъ было—изъ западныхъ городовъ около трехъ сотъ епископовъ, а съ востока—семьдесятъ шесть, между которыми находился и Иехиріонъ, врагами Аоанасія поставленный на епископію мареотскую.

глава 13.

О томъ, что послѣ Собора востокъ и западъ раздѣлились: западъ твердо держался вѣры никейской, а на востокъ, по причинѣ словоприятий о вѣри, въ нѣкоторыхъ предметахъ происходили разногласія.

Послѣ сего Собора тѣ и другіе уже не смѣшивались между собою и не сообщались, какъ

единовѣрные; но западные простирали предѣлы свои до Оракин, а восточные — до Иллирии, и Церкви, чего и слѣдовало ожидать, возмущаемы были раздоромъ и взаимными наветами: ибо хотя и прежде разногласили онѣ въ ученіи, но, имѣя взаимное общеніе, не производили большаго зла и казались единомышленными. Говоря вообще, вся западная Церковь отеческіе догматы сохраняла въ чистотѣ, и касательно ихъ чуждалась словопрѣній и разногласій: ибо хотя и эту часть (римской имперіи) Авксентій епископъ медиоланскій, Валентъ и Урсакій наннонскіе, старались склонить къ ереси арианской; но ихъ усилія, при тщательномъ наблюденіи предстоятеля римскаго престола и прочихъ священнослужителей, истреблявшихъ сѣмена этой ереси, не имѣли желаемаго ими успѣха. Напротивъ, въ Церкви восточной, которая послѣ антиохійскаго Собора пришла въ смятеніе и явно разногласила съ вѣрою никейскою, — хотя на самомъ дѣлѣ, какъ я полагаю, бѣольшая часть вѣрующіихъ въ ней содержала тоже ученіе и признавала происхожденіе Сына изъ существа Отцаго, — нѣкоторые упорно возставали противъ выраженія «единосущный». По моему мнѣнію, одни изъ нихъ, бывъ въ самомъ началѣ противъ этого слова, потомъ уже, какъ случается со многими, стыдились принять его, чтобы не показаться побѣжденными. Другіе, чрезъ непрестанныя разсужденія объ этомъ предметѣ, получили навѣкъ

такъ мыслить о Богѣ, послѣ не могли уже перемѣнить своихъ мыслей. А иные, видя, что состояющійся утверждаетъ не должное, склонялись на другую сторону и располагались къ этому то силою, то дружествомъ, то другими причинами, которыми люди обыкновенно побуждаются благопріятствовать, чему не должно, или удерживать свою смѣлость отъ обличенія, чего должно. Много было и такихъ, которые, почитая безуміемъ заниматься подобными спорами о словахъ, спокойно держались смысла Отцевъ никейскаго Собора. Тверже и явнѣе всѣхъ восточныхъ хранили никейскія опредѣленія Павелъ епископъ константинопольскій, Аонасей александрійскій, и все общество монашеское, какъ-то: Антоній Великій, который былъ еще въ живыхъ, ученики его и весьма многіе другіе въ Египтѣ и во всей римской имперіи. Такъ какъ я упомянулъ объ этихъ мужахъ; то пробѣгу кратко исторію тѣхъ, которые, сколько мнѣ извѣстно, были особенно знамениты въ это царствованіе.

ГЛАВА 14.

О процвѣтавшихъ тогда въ Египтѣ святыхъ мужахъ: Антоніи, двухъ Макаріяхъ, Пракліи, Кроніи, Пафнутіи, Путувастіи, Арсесіи, Серапіоніи, Пширионіи, Пахоміи, Аполлоніи, Анубіи, Иларіоніи и другихъ весьма многихъ святыхъ.

Начинаю съ Египта и двухъ Макаріевъ, приснопамятныхъ настоятелей скита и тамошней горы. Изъ нихъ одинъ назывался египетскимъ,

а другой гражданскимъ, или какъ-бы городскимъ ¹⁾, потому что былъ родомъ александриецъ. Оба они, за свое божественное предвиденіе и любомудріе, пользовались великимъ уваженіемъ, страшны были для демоновъ и совершали много чудесныхъ знаменій и изцѣленій. О египетскомъ говорятъ, что онъ, желая одного невѣрующаго убѣдить въ истинѣ воскресенія мертвыхъ, даже воскресилъ мертваго и жилъ около девяноста лѣтъ, изъ которыхъ шестьдесятъ провелъ въ пустыняхъ. Начавъ вести жизнь любомудренную, онъ еще въ молодыхъ лѣтахъ такъ прославился, что монахи называли его юношею-старцемъ, и сорока лѣтъ отъ роду рукоположенъ въ пресвитера. А другой Макарій сдѣлался пресвитеромъ позднѣе. Онъ испыталъ почти весь родъ подвижничества, изъ которыхъ нѣкоторые самъ выдумалъ, а нѣкоторые, перенимая отъ другихъ, исполнялъ съ такою точностію, что отъ чрезмѣрно суровой жизни у него не росли волосы на подбородкѣ. Въ тоже время и въ тойже странѣ занимались любомудріемъ Намва, Ираклидъ, Кроній, Пафнутій, Путувасть, Аресій, Сераціонъ Великій, Питиріонъ, жившій близъ Оивъ, и Пахомій, бывшій на-

¹⁾ Макарій александрійскій назывался *πολιτικός*, городскимъ, потому что не всегда проводилъ время въ пустынѣ между монахами, по большей части обращался между александрійскими гражданами—въ городѣ—*ἐν τῇ πόλει*.

стоятелемъ такъ называемыхъ Тавеннисіанъ ¹⁾. У послѣднихъ одежда и образъ жизни были нѣсколько отличны отъ прочихъ монаховъ, что располагало ихъ къ добродѣтели и побуждало душу презирать земное и взирать горѣ, дабы она удобнѣе могла перейти въ селеніе небесное, когда отрѣшится отъ тѣла. По примѣру Иліи Освѣтителя, они одѣвались въ кожанья одежды, — думаю, для того, чтобы, при взглядѣ на кожу, всегда имѣть въ памяти добродѣтели Пророка, мужественно противиться нечистымъ пожеланіямъ и, какъ чрезъ раздраженіе слуху, такъ и въ надеждѣ подобныхъ же воздаяній, лучше сохранять цѣломудріе. Говорятъ, что и прочія одежды египетскихъ монаховъ выражали нѣкоторое любомудріе и не случайно отличались отъ другихъ. Такъ напр. они облачались въ хитоны безъ рукавовъ ²⁾, давая тѣмъ разумѣть, что руки не должны быть готовы на обиду;—на головѣ носили шапочку, называемую *κουκούλιον*, дабы жить чисто и непорочно, подобно питающемуся молокомъ дѣтямъ, на которыхъ кладутъ такіа шапочки для прикрытія и защищенія ихъ головы;—употребляли поясъ и покрывало (*ἀναβλεψεις*), изъ которыхъ первымъ опоясывали чресла, а другимъ обхваты-

¹⁾ Тавеннисіанами назывались монахи, жившіе въ одномъ селеніи Оиванды, по имени Тавеннисца (*Ταβέννησος*).

²⁾ Кассіанъ (lib. 1. Institut.) и Дорошеи (in Doctrin. prin), называютъ эти хитоны *colobia*.

вали шею и плечи, внушая мысль, что надобно быть готовымъ для служенія Богу и для дѣятельности. Знаю, что другіе приводятъ на это другія объясненія; но мнѣ довольно и сказаннаго. Пахомій сперва, говорятъ, одинъ любомудрствовалъ въ пещерѣ; но явившійся Ангелъ Божій повелѣлъ ему собрать молодыхъ монаховъ и жить вмѣстѣ съ ними: ибо успѣвъ въ любомудрствіи самъ по себѣ, онъ долженъ своимъ руководствомъ приносить пользу и многимъ сожителемъ своимъ. Но управлять ими приказано Пахомію по правиламъ, какія будутъ даны, — и Ангелъ далъ ему свитокъ, который и теперь у нихъ сохраняется. Предписанныя въ немъ правила позволяли каждому ѣсть и пить, работать и поститься, либо не поститься, сколько кто могъ, — и на тѣхъ, которые больше ѣли, повелѣно возлагать работы труднѣйшія, а на подвижниковъ легкія; строить многія малыя помѣщенія и въ каждомъ помѣщеніи жить троемъ, но принимать пищу всемъ вмѣстѣ въ одномъ домѣ; ѣсть молча и сидѣть за столомъ съ покрытыми лицами, такъ чтобы не видѣть другъ друга и ничего инаго, кромѣ стола и предложенныхъ яствъ. Чужестранцу не позволялось ѣсть вмѣстѣ съ ними, развѣ будетъ принять какой путешественникъ. А кто захотѣлъ бы сожителемъ имъ, тотъ долженъ напередъ въ теченіи трехъ лѣтъ исправлять труднѣйшія работы, и потомъ уже имѣть съ ними общеніе.

Предписывалось также одѣваться въ кожаныя одежды и покрывать голову шерстяными шапочками, а на шапочкахъ дѣлать значки краснаго цвѣта (*кеуτρον*); употреблять сверхъ того льняные хитоны и поясы, и въ этихъ хитонахъ и кожаныхъ одеждахъ спать, сидя въ особо-устроенныхъ сѣдалищахъ, огражденныхъ съ обѣихъ сторонъ такъ, чтобы онѣ могли служить каждому вмѣсто постели; но въ первый и послѣдній день недѣли, приступая къ жертвеннику для пріобщенія божественныхъ таинъ, развязывать поясы и снимать кожаныя одежды; молиться каждый день двѣнадцать разъ, да столько-же вечеромъ и столько-же ночью, а въ девятый часъ—три раза; притомъ, предъ принятіемъ пищи, каждую молитву предварять пѣніемъ псалма. Все общество должно было раздѣляться на двадцать четыре разряда, и каждому разряду надлежало носить имя одной изъ греческихъ буквъ, такъ чтобы это названіе соответствовало его жизни и правамъ: наприм. простѣйшіе назывались *іотою* (*ι*), хитрѣйшіе *зитою* или *кси* (*ζ* или *ξ*), а другіе—другимъ образомъ, сколько можно было прииспособить свойства разряда къ начертанію буквы. Этими-то правилами руководилъ своихъ учениковъ Пахомій, мужъ весьма человеколюбивый и много угодившій Богу, такъ что могъ предвидѣть будущее и часто бесѣдовалъ съ святыми ангелами. Онъ жилъ въ Фивандѣ на островѣ Тавениѣ, отъ чего ученики его и донынѣ называются тавени-

скими. Живя по вышеизложеннымъ правиламъ, они сдѣлались знаменитыми, и съ теченіемъ времени число ихъ такъ умножилось, что возрасло до семи тысячъ человекъ; ибо и одно общежитіе на островѣ Тавениѣ, гдѣ жилъ самъ Пахомій, простиралось до тысячи трехъ сотъ человекъ,—тогда какъ тавенцы обитали не только въ Оивандѣ, но и въ другихъ странахъ Египта, и у всѣхъ ихъ былъ одинъ и тотъ-же образъ жизни, у всѣхъ—все общее. Общежитіе на островѣ Тавениѣ почитали они какъ-бы матерью, а тамошнихъ настоятелей его—отцами и начальниками. Въ то же время монашескимъ любомудріемъ прославился и Аполлоній, который, говорятъ, началъ любомудрствовать въ пустыняхъ еще съ пятнадцати лѣтъ отъ роду, а достигши сорокалѣтняго возраста, по Божію повелѣнію, пришелъ въ мѣста обитаемая. Свое общежитіе имѣлъ онъ также въ Оивандѣ, весьма благоугождалъ Богу, сбвершалъ чудесныя исцѣленія и знаменія, любилъ дѣлать, что слѣдовало, и былъ добрымъ и ласковымъ учителемъ людей, приходившихъ для любомудрія. Въ молитвахъ своихъ онъ такъ усердовалъ, что о чемъ ни просилъ Бога, ничто не осталось неисполненнымъ; потому что, бывъ мудръ, мудро возносилъ онъ и прошенія, а таковыя Богъ всегда скоро удовлетворяетъ. Въ то же время жилъ, какъ полагаю, и преподобный Ануфъ, который, сказывали мнѣ, съ тѣхъ поръ, какъ въ первый разъ во время гоненій на христиан-

скую вѣру исповѣдалъ (Бога), никогда не говорилъ лжи, не желалъ ничего земнаго, получалъ отъ Бога все, о чемъ ни молился, и на всякую добродѣтель былъ наставляемъ Ангеломъ Божіимъ. Но о монахахъ египетскихъ этого будетъ довольно.

Подражая примѣрамъ Египтянъ, подобнымъ образомъ начала любомудрствовать и Палестина. Здѣсь процвѣталъ тогда преподобный Иларіонъ. Отечествомъ его было селеніе Оавава, лежащее къ югу отъ города Газы близъ потока, который впадаетъ въ море и называется тамошними жителями по имени самаго селенія. Иларіонъ слушалъ въ Александріи грамматика, но увидѣвъ монаха Антонія Великаго, пошелъ въ пустыню и въ бесѣдѣ съ нимъ изучилъ жизнь любомудрственную. Пробывъ тамъ немного времени, онъ возвратился въ отечество; потому что у Антонія, къ которому ежедневно приходило много посетителей, ему нельзя было безмолвствовать по своему желанію. Не заставъ родителей въ живыхъ, онъ раздѣлилъ свое имущество братьямъ и бѣднымъ и, не оставивъ себѣ совершенно ничего, поселился въ одномъ пустынномъ мѣстѣ близъ моря, разстояніемъ около двадцати стадій отъ роднаго селенія. Жилищемъ его былъ небольшой домикъ, построенный изъ кирпича, хворосту и разбитыхъ черепицъ, и имѣвшій столько широты, высоты и длины, что стоя, надобно было наклонять голову, а лежа,—подгибать ноги; ибо

онъ всячески приучалъ себя къ перенесенію трудовъ и къ обузданію прихотливости. Подлинно, изъ всѣхъ людей, извѣстныхъ намъ по неослабному и испытанному воздержанію, онъ никому не уступилъ первенства, ибо побѣждалъ голодь и жажду, холодъ и зной, и другія ощущенія и пожеланія тѣла и души. Правомъ былъ онъ добръ, въ бесѣдѣ—важенъ, и тщательно упражнялся въ священномъ Писаніи, Богу-же такъ благоугодилъ, что на его могилѣ еще донынѣ многіе больные и одержимые демономъ получаютъ изцѣленіе и,—что всего удивительнѣе,—исцѣляются какъ на островъ Кипръ, гдѣ онъ былъ погребенъ прежде, такъ и въ Палестинѣ, гдѣ почиваетъ теперь: ибо онъ умеръ въ то время, когда находился на Кипрѣ и былъ погребенъ тамошними жителями, воздававшими ему великое почитаніе и благоговѣвшими предъ нимъ; потомъ, знаменитѣйшій изъ учениковъ его Психій, тайно взявъ оттуда останки его, перенесъ ихъ въ Палестину и положилъ въ собственномъ монастырѣ. Съ того времени здѣшніе жители всенародно и весьма торжественно совершаютъ ежегодное въ честь его празднество; ибо у Палестинянъ есть обычай—именно такъ выражать почтеніе къ бывшимъ у нихъ святымъ мужамъ. Подобнымъ образомъ чтутъ они Аврелія аноцдонскаго, Алексіона виоагаонскаго и Алафіона асалеискаго, которые, живя во время того-же царствованія, благочестиво и мужественно упражнялись въ любо-

мудрѣи, и своими добродѣтелями много способствовали къ утверженію христіанской вѣры въ городахъ и селеніяхъ, преданныхъ язычеству. Въ описываемое время близъ Эдессы любомудрствовалъ и Юліанъ, проводя жизнь самую строгую и какъ бы безтѣлесную, такъ что состоялъ, казалось, изъ однихъ костей и кожи, безъ плоти, и писателю Ефрему Сиріянину подалъ поводъ къ составленію сочиненія о его жизни. Мнѣніе, какое имѣли о немъ люди, подтвердилъ самъ Богъ, даровавъ ему силу изгонять демоновъ и изцѣлять всякія болѣзни—не врачевствами какими-нибудь, а одною молитвою. Въмѣстѣ съ нимъ въ той-же странѣ процвѣтали и многіе другіе духовные мудрецы, какъ въ округѣ эдесскомъ, такъ и подъ городомъ Амидою, около горы, называемой Гавгалою. Между ними былъ Давидъ и Симеонъ. Но о монахахъ сирійскихъ теперь довольно. Если дастъ Богъ,—съ большею полнотою буду говорить о нихъ послѣ.

У Армянъ, Пафлагонянъ и обитателей при-понтійскихъ начало монашеской жизни положилъ, говорятъ, предстоитель Церкви севастійской въ Арменіи, Евстацій. Онъ ввелъ правила касательно всѣхъ частей благоговѣйнаго поведенія,—какія то есть употреблять яства и отъ какихъ воздерживаться, какія носить одежды, какія соблюдать обычаи, и начерталъ весь образъ строгой жизни; такъ что аскетическую книгу, написанную именемъ Василія каппадокійскаго, нѣкоторые приписы-

ваютъ Евстаію. Говорятъ, что, по любви къ излишней строгости, Евстаіѣ допустилъ нѣкоторыя странности, нисколько несогласныя съ постановленіями Церкви; но иные защищаютъ его отъ этого упрека и обвиняютъ нѣкоторыхъ учениковъ его, что они осуждали бракъ, запрещали молиться въ домахъ людей брачныхъ, презирали брачныхъ пресвитеровъ, постились въ господскіе праздники, собирались для Богослуженія въ частныхъ домахъ, чуждались людей, вкушавшихъ мясо, и не хотѣли одѣваться въ обыкновенные хитоны и далматики, но употребляли одежду странную и необыкновенную, и вводили много другихъ новостей. Обманутыя этимъ многія женщины, оставляя своихъ мужей и будучи не въ состояніи сохранять цѣломудріе, впади въ прелюбодѣянiе; а нѣкоторыя, подѣ предлогомъ благочестія, стригли волосы на головѣ и одѣвались не такъ, какъ прилично женщинамъ, но какъ свойственно мужчинамъ. Поэтому сосѣдніе епископы, собравшись въ пафлагонской митрополіи, Гаиграхъ, объявили, что отлучать ихъ отъ каоолической Церкви, если, по опредѣленію Собора, они не откажутся отъ всего вышесказаннаго. Съ того времени, говорятъ, Евстаіѣ, желая показать, что онъ ввелъ и исполнялъ это не изъ тщеславія, а для угожденія Богу подвигами, перемѣнилъ одежду и ходилъ подобно прочимъ священнослужителямъ. Бывъ такимъ по образу жизни, онъ возбуждалъ удивленіе и словомъ,

хотя краснорѣчіемъ, правду сказать, не отличался, потому что не изучалъ этой науки, но былъ удивительнаго права и весьма способенъ убѣждать, такъ что многихъ изъ приходившихъ къ нему мужей и женъ расположилъ вести жизнь цѣломудренную и подвижническую. Говорятъ, что когда нѣкто мужчина и женщина, посвятившіе себя дѣвству по правиламъ Церкви, были обличены въ сожительствѣ, Евстаіѣ старался разорвать взаимную ихъ связь, но не успѣвъ въ этомъ, глубоко вздохнулъ и сказалъ: жена, законно жившая съ своимъ мужемъ, услышавъ мои слова о цѣломудріи, отказалась отъ сожительства, которое позволено имѣть замужнимъ съ ихъ мужьями; а для сожительствующихъ другъ съ другомъ беззаконно мои убѣжденія оказываются слабыми. Такой-то мужъ, по сказаніямъ былъ въ тѣхъ странахъ основателемъ строгой монашеской жизни.

Оракіяне, Иллирійцы и обитатели такъ называемой Европы хотя и не имѣли еще у себя монашескихъ общинъ, однакожь не совсѣмъ были лишены любомудрствователей. У нихъ въ то время извѣстенъ былъ Мартинъ, происходившій отъ знаменитыхъ предковъ въ паннонскомъ городѣ Саворіи. Сперва счастливо служилъ онъ въ военной службѣ и начальствовалъ отрядомъ, а потомъ, предпочетши благочестіе, сталъ вести жизнь любомудрственную. Мартинъ сначала жилъ у Иллирійцевъ и, видя, что нѣкоторые изъ тамошнихъ епископовъ дер-

жуются Аріева образа мыслей, стали ревностно подвизаться за догматы. Это подвергало его навітамъ, частому публичному бичеванію и изгнанію. Бывъ изгнанъ, онъ прибылъ въ Медиоланъ и жилъ въ уединеніи. Но такъ какъ епископъ Авксентій, равнымъ образомъ неправо недовѣдывавшій въру никейскихъ Отцевъ, сталъ строить противъ него козни; то онъ удалился и оттуда, и поселился на островѣ, называемомъ Галларіа, гдѣ нѣсколько времени довольствовался корнями растений. Этотъ островъ, лежащій на морѣ Тирренскомъ, малъ и необитаемъ. Впослѣдствіи Мартинъ сдѣланъ былъ епископомъ Церкви тарракинской. Есть преданіе, будто сила чудотворенія была въ немъ столь велика, что онъ воскресилъ мертваго и совершалъ другія знаменія, не меньше апостольскихъ. Въ той же странѣ и въ то же время, какъ до насъ дошло, жилъ достоуважаемый по жизни и слову мужъ Иларій, вмѣстѣ съ Мартиномъ изгнанный за ревность къ (православному) ученію. Итакъ о мужахъ, по благочестію и правиламъ Церкви, занимавшихся тогда любомудріемъ, я, что узналъ, написалъ.

Но въ то самое время чрезвычайно много краснорѣчивѣйшихъ мужей процвѣтало и въ нѣдрѣ Церкви. Знаменитѣйшими изъ нихъ были: Евсевій, предстоятель Церкви эмисекой, Титъ бострійскій, Серапіонъ тмуитскій, Василій анкирскій, Евдоксій германійскій, Акакій кесарійскій и Кирилль, управлявшій Цер-

ковію іерусалимскою. Доказательствомъ ихъ учености служить много замѣчательныхъ сочиненій, которыя они написали и оставили потомству.

глава 15.

О слѣпцѣ Дидимѣ и еретикѣ Азціѣ.

Въ то же время процвѣтала и церковный писатель Дидимъ, бывшій начальникомъ духовнаго училища священныхъ наукъ въ Александріи. Онъ обогатилъ себя мудростію всякаго рода: зналъ поэтовъ и риторовъ, астрономію, геометрію, арифметику и ученія философовъ. Знаніе всего этого пріобрѣлъ онъ однимъ умомъ и слухомъ, ибо ослѣпъ еще въ молодыхъ лѣтахъ, при первыхъ опытахъ изученія азбуки. Достигши юношескаго возраста, онъ возжаждалъ наукъ и образованія, и посѣщая учителей, только слушалъ ихъ, и достигъ такой мудрости, что ему доступны были и самыя трудныя математическія ооремы. Говорятъ, что формы буквъ изучалъ онъ, касаясь пальцами дощечки, на которой онъ были глубоко вырѣзаны, а слоги, имена и все прочее усвоилъ понятливостію ума, частымъ слушаніемъ и припоминаніемъ того, что уловлялъ слухомъ. Онъ служилъ немалымъ чудомъ. Его славою многіе были привлекаемы въ Александрію,—одни для того, чтобы слушать слѣпца, другіе—чтобы только увидѣть его. Поддерживая ученіе никейскаго Собора, онъ былъ

непомѣрно тяжелъ для Аріанъ; ибо легко убѣждалъ, дѣлая это, повидимому, не силою краснорѣчія, но особеннымъ искусствомъ убѣжденія—поставлять каждаго какъ бы судією спорныхъ предметовъ. За то преданные католической Церкви весьма уважали его, равно какъ выражали ему почтеніе общества египетскихъ монаховъ. Антоній Великій, прибывъ тогда изъ пустыни въ Александрію для засвидѣтельствованія вѣры Аоанасія, говорятъ, сказалъ ему слѣдующее: не стоитъ скорбѣть и жаловаться, Дидимъ, что у тебя нѣтъ очей, которыя есть и у ящерицъ, и у мышей, и другихъ маловажныхъ животныхъ: тебѣ гораздо пріятнѣе наслаждаться блаженствомъ, имѣя очи, подобныя ангельскимъ, которыми ясно созерцаешь Бога и вѣрно постигаешь истинное знаніе. Были также и въ Италіи, и въ подчиненныхъ ей областяхъ мужи, отличившіеся знаніемъ отечественнаго краснорѣчія, напримѣръ, Евсевій и вышеупомянутый Иларій, котораго извѣстны знаменитыя сочиненія о вѣрѣ и противъ еретиковъ, равно какъ Люциферъ, бывшій, говорятъ, основателемъ сомненной ему ереси. Въ то-же время у еретиковъ славился Аэцій діалектикъ, человѣкъ сильный въ искусствѣ умозаключеній, опытнѣйшій въ словопрѣніи, безпрестанно этимъ занимавшійся и, за свои легкомысленныя разсужденія о Богѣ, у многихъ прослышій безбожникомъ. Говорятъ, что сперва былъ онъ

врачемъ въ Антиохіи сирійской, усердно посѣщаль церкви, бесѣдовалъ о священномъ Писаніи и сдѣлался извѣстенъ тогдашнему кесарю Галлу, который питалъ великое уваженіе къ вѣрѣ и былъ весьма благосклоненъ къ ревнующимъ о благочестіи. Такъ какъ Аэцій пріобрѣлъ его дружбу, вѣроятно, этими бесѣдами, то старался понравиться ему еще болѣе, сталъ тѣмъ усерднѣе заниматься помянутымъ родомъ наукъ; ибо Галлъ проходилъ, говорятъ, даже науки Аристотеля и слушалъ преподавателей ихъ въ Александріи. Кромѣ этихъ, много находилось въ разныхъ Церквахъ и другихъ мужей, которые способны были учить и разсуждать о священномъ Писаніи. Перечислить всѣхъ ихъ трудно. Но да не покажутся кому-либо неприятными похвальные мои отзывы о нѣкоторыхъ основателяхъ или ревнителяхъ упомянутыхъ ересей: я говорю только, что они отличались краснорѣчіемъ и ученостію; что же касается до догматовъ, то пусть судятъ о нихъ другіе, кому слѣдуетъ. Ибо не въ томъ состоитъ предметъ моего сочиненія, и это не относится къ Исторіи, которая должна излагать однѣ событія, не прибавляя ничего собственнаго. Итакъ изъ людей, говорившихъ по-гречески и по-римски, всѣ, въ то время прославившіеся своимъ образованіемъ и ученостію, теперь нами перечислены,

ГЛАВА 16.

О святомъ Ефремѣ.

Но, кажется, всѣхъ ихъ превосходить и служить особеннымъ украшеніемъ католической Церкви Ефремъ Сиріянинеъ, родившійся въ Низибіи, либо въ окрестностяхъ этого города. Проводя жизнь въ монашескомъ любомудріи, не учившійся и не подавалъ надеждъ, что будетъ такимъ, онъ вдругъ показалъ столь великую ученость на языкѣ сирійскомъ, что постигалъ высшія умозрѣнія философіи, а легкостію и блескомъ слова, также обиліемъ и мудростію мыслей, превзошелъ знаменитѣйшихъ греческихъ писателей: ибо если сочиненія послѣднихъ перевести на сирекій, или другой какой языкъ, и лишить ихъ, такъ сказать, приправы греческихъ оборотовъ рѣчи, то онѣ тотчасъ разоблачатся и теряютъ прежнюю пріятность; а сочиненія Ефрема не таковы. Еще при его жизни, все написанное имъ переведено на греческій языкъ и остается до нынѣ, однакожъ не много отстываетъ отъ природнаго своего совершенства. На греческомъ ли читаете его, или на сирійскомъ языкѣ,—онъ равно удивителенъ. Этимъ мужемъ восхищался и удивлялся его учености самъ Василій, бывшій послѣ епископомъ митрополитъ кападокійской. А миѣ по справедливости кажется, что такое свидѣтельство, произнесенное устами Василія о Ефремѣ, можно

почитать общимъ свидѣтельствомъ самыхъ ученыхъ между Греками мужей того времени: потому что Василій, какъ извѣстно, превосходилъ всѣхъ славою своего краспорѣчія. Говорятъ, что Ефремъ написалъ всего около тридцати тысячъ стиховъ и имѣлъ множество учениковъ, которые ревностно слѣдовали его ученію. Знаменитѣйшіе изъ нихъ были: Аввасъ, Зиповій, Авраамъ, Марасъ и Симеонъ, которыми Сиріане и всѣ, получившіе у нихъ образованіе, очень гордятся. Хвалятъ также за краспорѣчіе Павлона и Аранада; но говорятъ, что они уклонились отъ здраваго ученія. Не неизвѣстно миѣ, что у Озроэновъ и прежде были равнымъ образомъ краспорѣчивѣйшіе мужи: Вардисанъ, основаншій названную по его имени ересь, и сынъ Вардисана Армоній, который, научившись греческимъ наукамъ, первый, говорятъ, подчинилъ отечественный языкъ поэтическимъ размѣрамъ и законамъ музыки, и установилъ наѣввы; такъ что Сирійцы перѣдко и нынѣ поютъ, пользуясь не сочиненіями Армонія, а его наѣвами. Какъ сочинитель, онъ былъ несомнѣнно свободенъ отъ отцовской ереси и отъ того, что мыслятъ греческіе философы о душѣ, рожденіи, разрушеніи и возрожденіи тѣла, и имѣя обычай писать въ родѣ лирическомъ, примѣшивалъ къ своимъ сочиненіямъ и эти мысли. Видя, что Сирійцы увлекаются красотою его выражений и риторическою пѣсней, а чрезъ то привыкаютъ одинаково съ

нимъ мыслить, Ефремъ, хотя самъ и не имѣлъ греческаго образованія, однакожь постарался изучить размѣры Армонія и, приспособительно къ напѣвамъ его сочиненій, написалъ другія стихотворенія, согласныя съ церковнымъ ученіемъ. Плодомъ этихъ трудовъ его были священные гимны и оды въ похвалу безстрастныхъ мужей. Съ того времени Сирійцы размѣромъ пѣсней Армоніевымъ поютъ стихотворенія Ефрема. Изъ этого можно заключить, каковы были природныя его дарованія. А въ образѣ жизни онъ славился добрыми дѣлами, строгостію правилъ и тѣмъ, что весьма любилъ безмолвіе. Видъ имѣлъ онъ степенный и такъ остерегался навѣтовъ, что избѣгалъ и одного взгляда на женщину. Говорятъ, однажды какая-то женщина, нерадивая по жизни и безстыдная по нраву, либо сама желая искусить этого мужа, либо бывъ подкуплена другими, нарочно встрѣтилась съ нимъ въ узкой улицѣ лицомъ къ лицу и нагло устремила на него взоръ. Онъ сдѣлалъ ей упрекъ и приказалъ смотрѣть въ землю. Да какъ же, когда я произошла не изъ земли, а изъ тебя, отвѣчала женщина? Справедливѣе будетъ смотрѣть въ землю тебѣ, такъ какъ ты изъ земли получилъ бытіе, а мнѣ—на тебя, такъ какъ я произошла изъ тебя. Удивившись женщиной, Ефремъ изложилъ это событіе въ особомъ сочиненіи, которое Сирійцы поставляютъ въ числѣ лучшихъ его сочиненій. Говорятъ, что

прежде былъ онъ весьма склоненъ къ гнѣву, но съ того времени, какъ началъ вести жизнь монашескую, его никогда не видывали гнѣвающимся. Однажды, послѣ многихъ дней обыкновеннаго ему поста, служитель неся ему пищу и разбилъ сосудъ. Видя, что онъ смѣшался отъ стыда и страха, Ефремъ сказалъ: не робей; если пища къ намъ не идетъ, то мы къ ней поидемъ,— и сѣвши къ черепкамъ горшка, сталъ обѣдать. А сколько онъ былъ выше тщеславія, можно видѣть изъ слѣдующаго: Однажды донесли ему объ избраніи его въ епископа и хотѣли взять его, чтобы вести для рукоположенія. Замѣтивъ это, онъ тотчасъ выбѣжалъ на площадь и притворился безумнымъ: началъ ходить безпорядочно, волочить одежду и публично ѣсть пищу. Когда хотѣвшіе взять его подумали, что онъ въ самомъ дѣлѣ сошелъ съ ума и оставили свое намѣреніе; то онъ, воспользовавшись временемъ, убѣжалъ и скрывался до тѣхъ поръ, пока не былъ рукоположенъ другой. Этимъ я и удовольствуюсь касательно Ефрема, хотя туземцы знаютъ и рассказываютъ о немъ болѣе. Напишу только еще, что онъ сдѣлалъ не задолго предъ смертію; потому что это мнѣ кажется достопамятнымъ. Когда городъ Эдесса долго страдалъ отъ голода, онъ вышелъ изъ своего жилища, въ которомъ занимался любомудріемъ, и сталъ укорять людей недостаточныхъ, мудро доказывая имъ, что не должно презирать своего единопле-

менника, погибающаго отъ недостатка въ необходимомъ, и заботливо сохранять свое богатство къ собственному вреду и на казнь своей души, которая превосходитъ великаго богатства, дороже самаго тѣла и всего прочаго, между тѣмъ какъ они нимало не цѣнятъ ее, что Ефремъ обличалъ самыми дѣлами. Устыдившись этого мужа и его словъ, богатые отвѣчали, что они нисколько не заботятся о богатствѣ, но не знаютъ, кому ввѣрить его для распоряженія; ибо почти все стремятся къ корысти и дѣло превращаютъ въ мелочное барышничество. А меня какимъ почитаете вы, спросилъ онъ?—Тѣ единогласно отвѣчали, что почитаютъ его мужемъ, достойнымъ довѣрія, весьма честнымъ и добрымъ, именно такимъ, какимъ представляетъ его молва. Такъ для васъ я охотно приму на себя эту обязанность, сказала онъ, и взявъ у нихъ деньги, устроилъ въ публичныхъ портникахъ, около трехъ сотъ кроватей, гдѣ врачевалъ страдавшихъ отъ голода, принималъ странниковъ и снабжалъ всѣхъ, приходившихъ изъ деревень и немѣвшихъ необходимаго. Когда же голодъ прекратился, онъ опять пошелъ къ своей убожнице, гдѣ жилъ прежде, и проживъ не много дней, скончался. Въ чинѣ церковномъ Ефремъ достигъ только діаконскаго сана, но по добродѣтелямъ былъ славенъ не менѣе тѣхъ, которые украшались саномъ священства, честнымъ образомъ жизни и ученостію. Вотъ крат-

кія указанія на добродѣтели Ефрема. Чтобы разсказать и описать все по подлежащему, какъ онъ и всякій изъ тѣхъ, которые занимались тогда любомудріемъ, жилъ и поступалъ и съ кѣмъ обращался, нуженъ такой писатель, каковъ былъ онъ самъ. А для себя я считаю это невозможнымъ—какъ по недостатку слова, такъ и по незнанію самыхъ мужей и ихъ подвиговъ; ибо одни изъ нихъ скрывались въ пустыняхъ, другіе, хотя вращались и въ городской толпѣ, но хотѣли казаться людьми простыми, ничѣмъ не отличающимися отъ всѣхъ прочихъ, и когда дѣлали добро, то удалялись отъ истиннаго о себѣ мнѣнія, чтобы не быть предметомъ прославленія отъ другихъ. Устремивъ свой умъ къ воздаянію небесному и благамъ будущимъ, они свидѣтелями своихъ подвиговъ поставляли одного Бога, а о виѣшней славѣ нисколько не заботились.

глава 17.

О тогдашнихъ событіяхъ, какъ содѣйствіемъ царей и епископовъ возрастала христіанская вѣра.

Впрочемъ, говоря вообще, и предстоятели Церкви въ то время вели жизнь строгую. Такъ и не удивительно, что подъ вліяніемъ такихъ мужей народъ усердно становился вокругъ знамени Христовыхъ читателей, и благочестіе ежедневно возрастало ревностію, добродѣтелями и чудными дѣяніями освященныхъ и любомудр-

ственныхъ мужей, уловляя и привлекая къ себѣ послѣдователей языческаго заблужденія. Возрастанію благочестія содѣйствовали и цари, поколику не менѣе своего отца заботились о Церквахъ, клириковъ же, дѣтей ихъ и прислужниковъ удостоивали особенныхъ почестей и освобождали отъ податей, а противъ жертвоприносителей, почитателей идоловъ, или другимъ образомъ совершавшихъ языческое богослуженіе, не только подтвердили отцовскіе законы, но издали и свои. Они повелѣли всѣ находившіеся въ городахъ и селеніяхъ храмы затворить, а нѣкоторые отдать въ пользу Церквей, нуждавшихся въ мѣстахъ, или матеріалахъ. Особенно же заботились—одни изъ молитвенныхъ домовъ, пострадавшіе отъ времени, возобновлять, а другіе великолѣпно воздвигать съ самаго основанія. Къ числу послѣднихъ принадлежитъ достойная удивленія и превосходнѣйшая по красотѣ церковь амесская. Иудеямъ закономъ запрещено было покунать въ рабство кого-либо изъ людей, принадлежащихъ къ ихъ сектѣ. И кто изъ нихъ поступилъ бы вопреки этому закону, того рабъ отнимался къ государству; а когда купленный, сверхъ того, по обряду іудейскому, подвергся бы обрѣзанію, то купившій присуждался къ уголовному наказанію и лишенію имѣнія. Вѣдчески стараясь о распространеніи христіанской вѣры, цари заботились и о томъ, чтобы лица, по рожденію не принадлежащіе къ Іудей-

ству, ненаказанно не переходили въ Іудейство, но чтобы всѣ, подававшіе хотя надежду присоединенія къ Христіанству, блюлись для Церкви; ибо Христіанство возрастало преимущественно изъ среды язычниковъ.

ГЛАВА 18.

О вѣрѣ сыновей Константина; о различіи между словами: единосущный и подобносущій (ὁμοούσιος καὶ ὁμοιούσιος), и о томъ, какимъ образомъ Констанцій отступилъ отъ православной вѣры.

Касательно христіанскаго ученія сначала сохраняли они вѣру отцовскую, потому что оба слѣдовали никейской. Константъ такъ и остался до конца жизни; а Констанцій никейскаго исповѣданія держался только до нѣкотораго времени, впослѣдствіи же, когда слово «единосущный» сдѣлалось предметомъ нападеній, отступилъ отъ прежняго мнѣнія, хотя и не пересталъ признавать Сына подобнымъ Отцу по существу. Между тѣмъ евсевіане и нѣкоторые другіе изъ епископовъ, славившихся тогда на востокъ краснорѣчіемъ и жизнію, стали, какъ извѣстно, различать выраженія: «единосущный» и «подобный по существу, что называлось у нихъ «подобносущіемъ»,—на томъ основаніи, будто единосущный относится собственно къ существамъ тѣлеснымъ, напр. къ людямъ и прочимъ животнымъ, къ деревьямъ и растеніямъ, которыя получаютъ бытіе и сущность изъ того, что подобно имъ, а подобносущіе относится къ существамъ безтѣлеснымъ, напр. къ Богу и ангеламъ, изъ коихъ

каждое мыслится само по себѣ, въ собственной сущности. Ими-то царь Констанцій былъ переубѣжденъ, хотя внутренно, какъ я полагаю, мыслилъ онъ одинаково съ отцемъ и братомъ и, только замѣнивъ одно слово другимъ, говорилъ—подобносущный, вмѣсто единосущный;—ибо такъ угодно было пововодителямъ, которые утверждали, что это выраженіе точнѣе, и что кто говоритъ не такъ, тотъ подвергается опасности счесть безтѣлесное за тѣлесное. Напротивъ многимъ другимъ это казалось нелѣпнымъ; потому что для означенія предметовъ умственныхъ, говорили они, надобно замѣтывать слова отъ предметовъ видимыхъ, и выраженіе нисколько не опасно, если погрѣшности нѣтъ въ самой мысли.

глава 19.

Еще о словѣ: единосущный, и объ ариминскомъ Соборѣ, какъ, почему и для чего былъ онъ составленъ.

Многіе, даже изъ епископовъ, безпрекословно приняли это выраженіе, тогда какъ мысленно согласовались съ отцами, собиравшимися въ Никее; а иные не дѣлали между ними никакого различія и употребляли ихъ въ одномъ и томъ же смыслѣ. Поэтому, мнѣ кажется, весьма далеко отъ истины слѣдующее сказаніе единомышленниковъ Аріевыхъ: Они говорятъ, будто послѣ никейскаго Собора, многіе изъ епископовъ, въ числѣ которыхъ были Евсевій и Оеогнисъ,

отказались называть Сына единосущнымъ Отцу, и Константинъ, разгнѣвавшись на это, осудилъ ихъ на изгнаніе. Но потомъ сошлись ли то, или божественное видѣніе явилось сестрѣ царя и убѣдило ее, что изгнанные мыслятъ вѣрно и пострадали несправедливо. Побуждаемый этимъ царь вызвалъ ихъ назадъ и спросилъ: почему несогласны они съ опредѣленіями никейскими, тогда какъ сами принимали участіе въ изложеніи никейскаго Символа вѣры? На что они отвѣчали, что изъявили свое согласіе не искренно, опасаясь, какъ бы, въ случаѣ споровъ, онъ не счелъ христіанскаго ученія сомнительнымъ, тѣмъ болѣе, что самъ недавно сдѣлался Христіаниномъ и еще не былъ крещенъ. Послѣ такогото, говорятъ, оправданія Константинъ даровалъ имъ прощеніе и намѣревался составить другой Соборъ, но не исполнивъ своего намѣренія, по причинѣ скоро приключившейся ему смерти, завѣщалъ сдѣлать это Констанцію, какъ старшему своему сыну, и сказала, что царствованіе не принесетъ ему пользы, если все не будутъ единодушно чтить Бога. Итакъ, повинуясь отцу, Констанцій созвалъ Соборъ въ Арминіи. Но здѣсь-то особенно и открывается ложь. Соборъ ариминскій состоялся при консулахъ Ипатіи и Евсевіи, когда Констанцій, по смерти отца, царствовалъ уже двадцать второй годъ; а въ теченіе этого времени было много Соборовъ, на которыхъ разсуждали о единосущии и по-

добносущи. Почитать же Сына по существу не подобнымъ Отцу рѣшительно никто не хотѣлъ до тѣхъ поръ, пока эта мысль не заняла Аэція. И для отверженія его — то ученія Констанцій приказалъ іереямъ въ одно и тоже время собраться въ Ариминѣ и Селевкии; такъ что истинною причиною ариминскаго Собора было — не повелѣніе Константина, а изслѣдованіе дѣла Аэціева. А что это дѣйствительно справедливо, можно видѣть изъ нижеслѣдующаго.

глава 20.

О томъ, что, по грамотѣ Констанцій, Афанасій опять возвращается и получаетъ свою кathedру; также объ архіерехъ антиохійскихъ и о томъ, чего требовалъ Констанцій отъ Афанасія; а наконецъ о словесахъ Бога въ гимнахъ.

Узнавъ о происходившемъ въ Сардиѣ, Константъ написалъ брату, чтобы онъ возвратилъ Афанасію и Павлу ихъ Церкви. А такъ какъ послѣдній медлилъ; то онъ опять написалъ ему, предлагая — либо принять упомянутыхъ мужей, либо готовиться къ войнѣ. Сообщивъ объ этомъ восточнымъ епископамъ, Констанцій счелъ безразсуднымъ по такой причинѣ начинать междоусобную войну. Онъ зоветъ къ себѣ Афанасія изъ Италіи, предлагаетъ ему общественныя подводы для проѣзда, и письмами не одинъ разъ убѣждаетъ ѣхать скорѣе. Афанасій, находившійся тогда въ Аквилеѣ, по полученіи Констанціева письма, отправился въ Римъ проститься съ Юліемъ. Юлій принялъ его весьма дружелюбно

и вручилъ ему посланіе къ александрійскому клиру и народу, въ которомъ справедливо удивлялся этому мужу, прославившемуся многими страданіями и, сорадуясь александрійской Церкви, по случаю возвращенія къ ней такого пастыря, увѣщавалъ ее мыслить съ нимъ одинаково. Отсюда Афанасій отправился въ Антиохію сирійскую, гдѣ тогда находился царь и гдѣ Церквами управлялъ Леонтій; ибо по изгнаніи Евстагія, антиохійскій престоль занимали приверженцы аріанской ереси, — сперва Евфроній, потомъ Плакитъ, за нимъ Стефанъ, а когда послѣдній, признанный недостойнымъ, былъ низложенъ, епископство получилъ Леонтій. Афанасій удалялся отъ него, какъ отъ иновѣрца, а съ такъ называемыми евстагіанами имѣлъ общеніе и дѣлалъ собранія въ частныхъ домахъ. Видя, что Констанцій обходится съ нимъ кротко и благосклонно, онъ рѣшился просить его о возвращеніи себѣ своей Церкви и объ отрѣшеніи предстоятелей аріанской ереси. Я готовъ, сказалъ царь, исполнить все обѣщанія, которыя давалъ, вызывая тебя; но справедливость требуетъ, чтобы и ты охотно согласился исполнить просьбу, которую предложу тебѣ: она состоитъ въ томъ, чтобы изъ многихъ, подчиненныхъ тебѣ Церквей, одна принадлежала людямъ, не желающимъ имѣть съ тобою общеніе. На это Афанасій отвѣчалъ: весьма справедливо и необходимо повиновать-ся твоимъ велѣніямъ, Государь, — и прекословить

я не буду. Но такъ какъ и въ этомъ городѣ Антиохіи есть нѣкоторые, избѣгающіе общенія съ иновѣрцами; то и я прошу подобной-же милости, чтобы имъ принадлежала также одна церковь, въ которой они могли-бы безопасно собираться. Слова Аѳанасія царь призналъ справедливыми: но еретики сочли за лучшее замолчать, ибо разсудили, что ихъ ересь въ Александріи при Аѳанасіѣ успѣха имѣть, конечно, не будетъ; потому что Аѳанасій способенъ и сохранять единомышленниковъ и привлекать къ себѣ противниковъ. Если-же подобное состоится и въ Антиохіи; то во-первыхъ, соберутся все многочисленныя приверженцы Евстазія, во-вторыхъ, аріанамъ вѣроятно придется испытать новыя затрудненія, чтобы удержать при себѣ тѣхъ, которые преданы ихъ ереси; ибо и теперь, не смотря на обладаніе ихъ тамошними церквами, не весь клиръ и народъ совершенно слѣдуетъ ихъ мнѣніямъ, но, по обычаю составляя хоры для прославленія Бога, каждый изъ нихъ въ концѣ пѣней произноситъ собственное свое вѣрованіе: одни величаютъ Отца и равночестнаго ему Сына, другіе Отца—въ Сына, выражая этою прибавкою ту мысль, будто Сынъ занимаетъ вторую степень. Въ такихъ именно обстоятельствахъ, управлявшій тогда антиохійскою каедрю со стороны аріанской ереси, Леонтій не звалъ что дѣлать. Препятствовать прославленію Бога по преданію иврейскаго Собора

онъ не рѣшался, опасаясь народнаго возмущенія; но, говорятъ, взялся за голову, которая у него была покрыта сѣдинами, и сказала: когда растаетъ этотъ снѣгъ, много будетъ грязи, указывая на то, что, когда онъ умретъ, разногласіе въ славословіяхъ окончится возмущеніемъ народа, если преемники его не будутъ къ нему стольженисходительны.

глава 21.

О томъ, что писалъ Констанцій Египтянамъ объ Аѳанасіѣ; также о Соборѣ іерусалимскомъ.

Между тѣмъ, Аѳанасія царь отправилъ въ Египеть, и городскимъ епископамъ, пресвитерамъ, народу александрійской Церкви писалъ посланіе, въ которомъ, свидѣтельствуя о правотѣ жизни и добродѣтельномъ нравѣ посылаемаго епископа, увѣщавалъ ихъ, подъ руководствомъ такого предстателя, быть единомышленными и чтить Бога въ молитвахъ и моленіяхъ. А кто изъ неблагонамѣренныхъ произведетъ возмущеніе, тому угрожалъ онъ наказаніемъ по установленнымъ противъ такихъ людей законамъ. Въѣтъ съ этимъ царь повелѣлъ изгладить въ государственныхъ памятникахъ все, что прежде писано было имъ противъ Аѳанасія и людей, имѣющихъ съ нимъ общеніе, и его клирикамъ, въ совершеніи священнослуженія, по прежнему даровать свободу. Объ этомъ нависалъ онъ начальникамъ Египта и Ливіи. По прибытіи въ Египеть, извѣстныхъ

себѣ лицъ съ аріевымъ образомъ мыслей Аѳанасій низложилъ, а кого самъ испыталъ и одобрилъ, тѣмъ поручилъ Церкви и вѣру никейскаго Собора, заповѣдавъ имъ ревностно держаться ея. Тоже, говорятъ, дѣлалъ онъ тогда и у другихъ народовъ, гдѣ проѣзжалъ и находилъ Церкви подъ управленіемъ аріанъ. Въ послѣдствіи это-то именно поставили ему въ вину, что то-сестъ осмѣлился онъ рукополагать въ городахъ, несколько ему не принадлежавшихъ. Но такъ какъ его возвращеніе въ настоящее время совершилось противъ воли враговъ, да и дружба царя Константа не позволяла питать къ нему презрѣніе; то теперь уважали его больше, чѣмъ прежде. Теперь даже многіе изъ епископовъ на примѣръ палестинскихъ оставили противъ него вражду и вступили съ нимъ въ общеніе; ибо, когда онъ проѣзжалъ чрезъ ихъ страну, дружелюбно приняли его. А Максимъ и другіе, составивъ въ Иерусалимѣ Соборъ, написали о немъ слѣдующее:

ГЛАВА 22.

Посланіе іерусалимскаго Собора объ Аѳанасіѣ.

Святый, собравшійся съ Иерусалимъ Соборъ— живущій въ Египтѣ, Ливіи и Александріи пресвитералъ, діаконалъ и народу, возлюбленный и сождельный братіямъ, желаетъ здравія о Господь.

«Не можемъ, возлюбленные, по достоинству возблагодарить Бога вѣческихъ за чудеса, которыя онъ всегда совершалъ, и нынѣ совер-

шилъ съ вашею Церковію, возвративъ вамъ пастыря вашего, господина и сослужителя нашего, Аѳанасія. Кто могъ бы надѣяться—когда либо и глазами узрѣть то, что нынѣ получаете вы на самомъ дѣлѣ? Молитвы ваши, истинныя, услышаны Богомъ вѣческихъ, который, промышляя о своей Церкви, умиловился надъ вашими слезами и воздыханіями, и внялъ вашимъ моленіямъ. Вы подобны были разбѣяннымъ, гонимымъ и лишеннымъ пастыря овцамъ: но на васъ возрѣлъ пекущійся объ овцахъ своихъ Пастырь истинный, и возвратилъ вамъ того, кого вы желали. Вотъ мы, дѣлающіе все для мира церковнаго и соглашающіеся съ вашею любовію, уже приняли и привѣтствовали его и, вступивъ съ нимъ въ общеніе, чрезъ него посылаемъ вамъ это выраженіе своего благожеланія, чтобы вы видѣли наше единеніе съ нимъ и съ вами въ союзѣ любви. Вамъ надлежитъ возносить молитвы и за благочестіе боголюбивѣйшихъ царей, которые, узнавъ о нашемъ желаніи и невинности Аѳанасія, благоволили возвратить его вамъ со вѣскою честію. Примите-же его съ распростертыми объятіями и поспѣшите вознести о немъ подобающія благодарственныя молитвы къ благодѣющему вамъ Богу; да не престанете радоваться о Богѣ и неповѣдывать Господа во Христѣ Исусѣ, Господѣ нашемъ, чрезъ котораго Отцу слава во вѣки вѣковъ. Аминь.»

ГЛАВА 23.

Признаніе единомышленниковъ Аріевыхъ Валента и Урсакія предъ римскимъ епископомъ, что они ложно обносили Аванасія.

Такъ писалъ Соборъ палестинскій. Между тѣмъ случилось нѣчто, для Аванасія весьма важное, что ясно доказывало, какъ несправедливо осужденъ былъ онъ на Соборѣ тирскомъ. Именпо, Валентъ и Урсакій, которые, какъ сказано выше, вмѣстѣ съ сообщниками Θεогниса отправляемы были въ Мареотиду для изслѣдованія, точно ли Аванасій, согласно съ доносомъ Нехиріона, сокрушилъ священную чашу, раскалялись и римскому епископу Юлію написали слѣдующее:

Господину блаженнѣйшему папѣ Юлію, — Урсакій и Валентъ.

«Такъ какъ предъ этимъ пришлось намъ своими грамотами вносить на епископа Аванасія много тяжкихъ обвиненій, а по письменному вызову твоей святости касательно упомянутого нами дѣла, мы не могли дать отчета; то въ присутствіи всѣхъ нашихъ братьевъ, пресвитеровъ, признаемся предъ твоею святостію, что все, прежде доходившее до слуха вашего на счетъ упомянутого Аванасія, есть чистая выдумка, и ни въ какомъ смыслѣ къ нему не относится. Посему мы охотно вступаемъ съ нимъ въ общеніе, особенно же когда твое Богочестіе, по врожденному добросердечію, благоволило про-

стить намъ нашъ обманъ. Объявляемъ также, что еслибы восточные и даже самъ Евсевій ¹⁾ — захотѣли заставить насъ злонамѣренно дать объ этомъ въ судѣ неправое мнѣніе, мы не отступимъ отъ истины безъ твоего вѣдома. А еретика Арія и защитниковъ его, утверждающихъ, будто было время, когда Сына не было, или, будто Христосъ произошелъ изъ несущаго, и не допускающихъ, что Христосъ есть Богъ и что Сынъ Божій существуетъ прежде вѣковъ, какъ мы изложили это и въ прежнемъ медіоланскомъ своемъ Символѣ, анаематствуемъ нынѣ и всегда. Подписывая свое исповѣданіе собственноручно, мы и еще объявляемъ, что аріанскую ересь и установителей ея, какъ сказано выше, осуждаемъ на вѣки. Къ сему исповѣданію моему лично подписался я, Урсакій; тоже — и Валентъ.» Такое — то признаніе написали они Юлію. Надобно приложить къ сему и то, что написано ими Аванасію. Последнее посланіе ихъ состоитъ въ слѣдующемъ:

ГЛАВА 24.

Примирительное посланіе трехъ эвс епископовъ къ Аванасію Великому, и о томъ, какъ прочіе восточные епископы получили обратно свои престолы, и что вмѣсто изложившаго Македонія снова занялъ свой престолъ Павелъ.

Господину брату епископу Аванасію — епископы Урсакій и Валентъ.

«Нашедши случай, симъ усердно привѣт-

¹⁾ у Созомена стоятъ Αὐ ἀνάσιος, а у Аванасія Εὐσεβίος. Последнее чтеніе, если не несогласно съ хронологическою замѣткою о смер-

ствуемъ тебя, возлюбленный братъ, чрезъ брата и сопресвитера нашего Мусея, отправляющагося къ любви твоей изъ Аквилы. Желаемъ тебѣ здравствовать и просимъ прочесть наше посланіе. Ты утѣшишь насъ, если на это писаніе отвѣтишь своимъ. Знай, что мы имѣемъ съ тобою миръ и церковное общеніе. Доказательствомъ да послужитъ сіе письменное привѣтствіе наше». Итакъ, оставивъ западную имперію, Аонасій возвратился въ Египетъ. Равнымъ образомъ отправились къ своимъ каедрамъ Павелъ, Маркеллъ, Асклена и Лукій; ибо грамотами царя дозволено возвращеніе и этимъ епископамъ. По прибытіи Павла въ Константинополь, Македоній удалился и сталъ дѣлать частныя собранія. Только въ Анкирѣ произошло величайшее возмущеніе, когда, при вступленіи Маркелла, Василій былъ изгоняемъ изъ тамошней Церкви; а въ прочихъ городахъ вступленіе епископовъ въ свои митрополіи совершалось безъ затрудненій.

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЕЙ КНИГИ ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРИИ.

ти Евсевія, которая случилась задолго до сардикскаго Собора, по крайней мѣрѣ не противорѣчитъ смыслу рѣчи.

ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРИИ

ЭРМІЯ СОЗОМЕНА САЛАМИНСКАГО.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

ГЛАВА I.

Объ умерщвленіи кесаря Константа и о событіяхъ въ Римѣ.

Доселѣ все шло такъ; но въ четвертый годъ послѣ сардикскаго Собора, правитель западной Галліи, Константъ умерщвленъ,—и Магненцій, котораго козни были причиною смерти Константа, подчинилъ всю его область своей власти. Между тѣмъ въ Сирміи иллирійскія войска провозгласили царемъ нѣкоего Ветраніона (*Вретамион*). Большая доля этихъ бѣдствій пала на древній Римъ, когда племянникъ царя Константина, Непоціанъ собралъ отрядъ войска и сталъ также домогаться царства; но онъ былъ умерщвленъ воинами Магненція. Констанцій, къ которому одному теперь (законно) перешла власть надъ всею имперією, былъ провозглашенъ самодержцемъ и старался истребить тиранновъ. Между тѣмъ Аонасій прибылъ въ Александрію и изъ египетскихъ епископовъ составилъ Соборъ, на которомъ подтверждены сдѣланныя касательно его въ Сардикѣ и Палестинѣ опредѣленія.

ГЛАВА 2.

О томъ, какъ Констанцій опять изгналъ Аванасія и сослалъ въ ссылку исповѣдниковъ единосуція; также о смерти Павла константинопольскаго и о томъ, что Македоній снова занялъ его престолъ и надѣлалъ много зла.

Повѣривъ клеветамъ послѣдователей враждебной ереси, царь не остался при прежнемъ мнѣніи, но вопреки опредѣленіямъ сардикскаго Собора, повелѣлъ изгнать тѣхъ, которые были возвращены имъ. Тогда, по изгнаніи Маркелла, анкирскую Церковь опять занялъ Василій; Лукій заключенъ въ темницу и тамъ умеръ; а Павелъ, осужденный на вѣчное изгнаніе, отправленъ въ Кукусъ, что въ Арменіи, гдѣ и скончался,—но отъ болѣзни или насильственно, утверждать не могу. Молва и донынѣ носитъ, будто онъ удушенъ единомысленниками Македонія; ибо когда Павелъ отправленъ былъ въ ссылку,—Церковію овладѣлъ Македоній, который, оградивъ себя многими, построенными имъ въ Константинополь монастырями, и союзомъ съ сосѣдними епископами, говорятъ, различнымъ образомъ преслѣдовалъ приверженцевъ Павла:—то изгонялъ ихъ изъ Церквей, то принуждалъ имѣть съ собою общеніе; такъ что многіе погибли отъ побоевъ, другіе лишены имущества, иные—правъ гражданства, а нѣкоторымъ на лицѣ подѣланы знаки, чтобы можно было знать, кто они. Извѣстившись объ этомъ, царь не одобрилъ поступковъ Македонія, но обвинялъ его.

ГЛАВА 3.

О мученичествѣ святыхъ нотаріевъ.

Зло простерлось до убійствъ. Въ числѣ другихъ были также умерщвлены Мартирій и Маркіанъ, домашніе Павла. Рассказываютъ, что преданные Македоніемъ префекту, какъ бы виновники умерщвленія Ермогена и возмущенія противъ него, а потомъ какъ бы содѣйствователи къ низложенію самаго Македонія, когда онъ былъ изгнанъ изъ константинопольской Церкви, они мужественно претерпѣли смерть. Первый изъ нихъ былъ уподіакономъ, а Маркіанъ—цѣвцомъ и чтецомъ божественныхъ писаній. Гробница ихъ, за стѣною Константинополя, знаменита, какъ памятникъ мучениковъ, и заключена въ храмъ, который началъ строить Іоаннъ, а докончалъ Сисиній, бывшіе послѣ того времени предстоятели константинопольской Церкви. Они почли непристойнымъ, чтобы принадлежащихъ мученикамъ почестей лишены были тѣ, которые прославлены самимъ Богомъ; ибо это мѣсто, гдѣ отсѣкали головы осужденнымъ на смерть, было прежде неприступнымъ отъ привидѣній, а тогда очистилось,—тогда на гробницѣ ихъ одержимые демономъ получали исцѣленіе отъ болѣзни и совершалось много другихъ чудесъ. Но довольно о Мартиріѣ и Маркіанѣ. Кому это кажется невѣроятнымъ, тотъ безъ труда можетъ обстоятельнѣе распросить о томъ людей знающихъ,—

и ему, должно быть, расскажут нечто, еще болѣе удивительное.

ГЛАВА 4.

О военномъ походѣ Констанція въ Сирмію; также о Ветраніонѣ и Мавелціи, и о томъ, что Констанцій, провозгласивъ Галла кесаремъ, послалъ его на востокъ.

Около того-же времени, по удаленіи Аванасія, Георгій въ Египтѣ злодѣйски поступалъ съ тѣми, которые не соглашались принять его образъ мыслей. Между тѣмъ царь повелѣлъ войско въ Иллирію и пришелъ въ Сирмію, куда по предварительному соглашенію прибылъ и Ветраніонъ. Тутъ провозгласившіе его войны измѣнили ему и одного Констанція признали самодержцемъ и августомъ; потому что объ этомъ старались какъ самъ царь, такъ и приверженцы его. Увидѣвъ же себя преданнымъ, Ветраніонъ съ покорною головою палъ къ ногамъ Констанція и просилъ помилованія. Констанцій, снявъ съ него царскія украшенія и багряницу, оказалъ ему милость, позволилъ жить частнымъ человекомъ и получать все необходимое въ изобиліи отъ казны, потомъ присвокупилъ, что ему, какъ старцу, гораздо приличнѣе удалиться отъ царственныхъ заботъ и вести жизнь въ спокойствіи. Окончивъ такимъ образомъ дѣло съ Ветраніономъ, Констанцій выслалъ огромное войско въ Италію противъ Магненція, а двоюроднаго своего брата Галла провозгласилъ ке-

саремъ и назначилъ его въ Сирію для охраненія края восточнаго.

ГЛАВА 5.

О томъ, что при Кириллѣ, управлявшемъ іерусалимскою паствою послѣ Максима, опять явилась на небѣ въ теченіи многихъ дней величайшій образъ креста, превосходившій свѣтомъ солнце.

Въ то же время, при Кириллѣ, предстоятелѣ іерусалимской Церкви послѣ Максима, явилось на небѣ знаменіе креста, сіявшее блистательно, но не такъ, какъ сіяютъ планеты, разбрасывая лучи, а сильно сосредоточеннымъ, сжатымъ и вмѣстѣ прозрачнымъ свѣтомъ. Простирался отъ Краніева мѣста до горы Елеонской, знаменіе занимало небо надъ этимъ пространствомъ стадій на пятнадцать; да и широта его соотвѣтствовала длинѣ. При явленіи столь необычнаго чуда, всѣ пришли въ страхъ, оставили дома, площади, все, чѣмъ кто ни занимался,—и съ дѣтьми, съ женами, сбѣжавшись въ церковь, стали единогласно прославлять Христа и усердно исповѣдывать Бога. Вѣсть объ этомъ не мало поразила цѣлую имперію: а распространилась она скоро; потому что находившіеся въ Іерусалимѣ, по обычаю, изъ всей такъ сказать вселенной, для молитвы и обзрѣнія тамошнихъ мѣстъ, рассказали своимъ ближнимъ все, чего были очевидцами. Узналъ объ этомъ и царь, какъ по извѣстіямъ отъ многихъ другихъ, такъ и изъ посланія епископа Кирилла ¹⁾. Люди знающіе гово-

¹⁾ Это посланіе сохранилось и до нашего времени.

рили, будто объ этомъ еще въ древности предвозвѣщено однимъ божественнымъ пророчествомъ, находящимся въ священныхъ книгахъ. Такой случай многихъ изъ язычниковъ и Иудеевъ привлекъ къ христіанской вѣрѣ.

ГЛАВА 6.

О Фотинѣ сирмійскомъ, его ереси, и бывшемъ противъ него Соборѣ въ Сирміи; также о трехъ изложеніяхъ вѣры, и о томъ, что послѣ изложеніи, приглашенный (подписать символъ), Фотинъ отказался и былъ обличенъ въ пустословіи Василиемъ анкирскимъ.

Въ тоже время предстоитель сирмійской Церкви Фотинъ, еще прежде, когда находился въ Сирміи царь, вводившій новую ересь, сталъ явно проповѣдывать свое ученіе. Бывъ отъ природы одаренъ краснорѣчіемъ и способностію убѣждать, онъ многихъ привлекъ къ своему образу мыслей. Фотинъ говорилъ, что Богъ есть одинъ, Вседержитель, сотворившій все своимъ словомъ, а предвѣчнаго рожденія и бытія Сына не допускалъ, утверждая, что Христосъ получилъ бытіе отъ Маріи. Когда такое ученіе многимъ въ окружности сдѣлалось извѣстно; тогда оскорбились какъ западные, такъ и восточные епископы, видя, что это противорѣчитъ вообще вѣрованію каждаго изъ нихъ: ибо вѣра Фотинова въ одно и тоже время оказывалась отличною и отъ исповѣданія Христіанъ, державшихся преданія отцевъ никейскихъ, и отъ мнѣнія приверженцевъ Аріевыхъ. Да и самъ царь былъ

недоволенъ этимъ. Находясь въ то время въ Сирміи, онъ созвалъ Соборъ, на который съѣхались съ востока, между прочими, Георгій, предстоитель Церкви александрійской, Василій, епископъ анкирскій, и Маркъ ареоузскій, а съ запада—Валентъ мурсійскій и Осія исповѣдникъ, который, присутствовавъ на никейскомъ Соборѣ, въ этомъ принялъ участіе противъ воли. Не задолго предъ тѣмъ, по навѣстамъ Аріанъ, осужденный на изгнаніе, онъ былъ вызванъ сюда царемъ, по желанію собравшихся въ Сирміи, которые думали, что если убѣжденіемъ или насиліемъ привлекутъ они этого знаменитаго и всѣми уважаемаго мужа на свою сторону, то онъ будетъ достовѣрнымъ свидѣтелемъ собственнаго ихъ ученія. Съѣздъ на Соборъ въ Сирмію совершился въ первомъ году послѣ консульства Сергія и Нигріана, когда, по причинѣ произведеннаго тираннами возмущенія въ государствѣ, не назначено было консуловъ ни на востокъ, ни на западъ. Съѣхавшіеся сперва изложили Фотина, какъ послѣдователя Савеллія и Павла Самосатскаго, а потомъ, кромѣ прежнихъ постановленій касательно вѣры, издали три изложенія,—одно на греческомъ языкѣ, а прочія на латинскомъ,—которыя, и по словамъ и по мыслямъ, во многомъ отличались какъ одно отъ другаго, такъ и отъ прежнихъ изложеній. Надобно замѣтить, что въ греческомъ изложеніи Сынъ не называется ни единосущнымъ, ни подобно-

сущнымъ Отцу, а тѣ, которые утверждаютъ, что Онъ безначаленъ, или что сущность Отца, расширяясь, производитъ Сына, или что Онъ равночестенъ, а не подчиненъ Отцу, отлучаются отъ Церкви. Изъ латинскихъ же въ одномъ совершенно запрещается употреблять слово «существо», у Римлянъ называемое субстанціею,—будетъ ли Сынъ признаваемъ единосущнымъ или подобносущнымъ Отцу; потому что оно и въ священномъ Писаніи не употребляется, и для разумѣнія человѣческаго недоступно. Въ немъ повелѣвается признавать Отца больше (Сына) и честію, и достоинствомъ, и божествомъ и самымъ отеческимъ именемъ, а Сына—подчиненнымъ Отцу вмѣстѣ со всеми прочими тварями; такъ что Отецъ не имѣетъ начала, а Сынъ получилъ рожденіе, хотя оно неизвѣстно никому, кромѣ Отца. Говорятъ, что когда это изложеніе было уже издано, нѣкоторые епископы находили его сдѣланнымъ не какъ должно, и старались отобрать назадъ для исправленія, что приказывалъ и царь, угрожая наказаніемъ тому, кто сталъ бы скрывать прежнее: но однажды изданный, оно уже не могло быть совершенно уничтожено. Третье изложеніе по мысли въ всемъ сходно съ прочими; но слово «существо» въ немъ отвергается, и причина на латинскомъ языкѣ приводится буквально слѣдующая: Слово «Существо», употребленное отцами по простотѣ и для многихъ неясное,

производитъ соблазнъ, такъ какъ оно не употребляется и въ Писаніяхъ; поэтому благоразсуждено отвергнуть его и о существѣ вовсе не упомянуть,—особенно когда въ священныхъ Писаніяхъ нигдѣ не говорится объ Отцѣ, Сынѣ и Святомъ Духѣ, что они одного существа. Мы называемъ Сына подобнымъ Отцу, какъ называютъ Его и священныя Писанія». Такъ определено было касательно вѣры въ присутствіи самаго царя. Осія сначала отказывался дать свое согласіе на это, но принуждаемый силою и на старости, говорятъ, переносъ побой, согласился и подписалъ. Низложивъ Фотина, Соборъ хотѣлъ попытаться, нельзя ли какъ отклонить его отъ прежняго мнѣнія. Но Фотинъ, не смотря на убѣжденія епископовъ, которые обѣщали возвратить ему епископство, если онъ откажется отъ собственнаго мнѣнія и согласится съ ихъ исповѣданіями, не принялъ предложенія, а напротивъ вызвалъ ихъ на состязаніе. Когда въ назначенный день собралась епископы и, по повелѣнію царя, явились судіи, которые при дворѣ превосходили въ то время всѣхъ своими познаніями и достоинствомъ; тогда состязаніе съ Фотиномъ принялъ на себя анкирскій епископъ Василій. Послѣ продолжительной борьбы посредствомъ вопросовъ и отвѣтовъ съ той и другой стороны, между тѣмъ какъ скорописцы записывали слова обоихъ, Василій одержалъ верхъ. Фотинъ былъ присужденъ къ изгнанію, одна-

кожъ и тутъ не пересталъ защищать собственное ученіе, но издавалъ сочиненія на латинскомъ и греческомъ языкѣ, въ которыхъ старался доказать, что кромѣ его ученія всѣ прочія ложны. Впрочемъ о Фотинѣ и называемой по его имени ереси—довольно.

ГЛАВА 7.

О смерти Магненція и измѣнника Сильвана, также о возмущеніи Иудеевъ въ Палестинѣ и о томъ, что подозрѣваемый въ преступныхъ замыслахъ кесарь Галль былъ умерщвленъ.

Между тѣмъ Магненцій овладѣлъ древнимъ Римомъ и умертвилъ многихъ изъ сенаторовъ и простаго народа, но узнавъ, что шедшіе противъ него военачальники Констанція находятся уже близко, отступилъ въ западную Галлію. Тамъ враждебныя войска часто вступали въ сраженіе, и одерживала верхъ то та сторона, то другая; но наконецъ Магненцій былъ разбитъ и убѣжалъ въ гальскую крѣпость Мурзу. Видя, что побѣжденныя войска его упадаютъ духомъ, онъ сталъ на возвышенномъ мѣстѣ и старался ободрить ихъ; а онъ, слѣдуя всегдашнему обычаю—привѣтствовать царей, думали привѣтствовать Магненція, но забывшись, нехотя, вмѣсто Магненція, провозгласили августомъ Констанція. Изъ этого Магненцій заключилъ, что ему свыше не дано царствовать, и оставивъ крѣпость, побѣжалъ далѣе. Но войско Констанція преслѣдовало его и сразилось съ нимъ близъ такъ называемаго Монтоселевка, послѣ чего онъ обрѣлся въ бѣгство одинъ и прибылъ въ Луг-

дунъ (Лионъ). Здѣсь, умертвивъ свою мать и брата, котораго сдѣлалъ кесаремъ, онъ умертвилъ наконецъ и самаго себя. Спусти немного и другой братъ его, Декентій, нанесъ себѣ смерть перевкою. Впрочемъ общественныя смуты съ этимъ не прекратились; ибо вскорѣ послѣ сего въ западной Галліи устремился къ тиранніи нѣкто Сильванъ, котораго однакожъ военачальники Констанція скоро уничтожили. А между тѣмъ діокесарійскіе Иудеи стали дѣлать набѣги на Палестину и сосѣднія области. Взявшись за оружіе, они не хотѣли повиноваться Римлянамъ; но кесарь Галль, жившій тогда въ Антиохіи, узнавъ объ этомъ, послалъ противъ нихъ войско, которое разбило ихъ, а Діокесарію разрушило до основанія. Засмотрѣвшись на этотъ подвигъ, онъ не перенесъ своего счастія и захотѣлъ быть самовластнымъ; поэтому умертвилъ квестора Магна и восточнаго префекта Домиціана, когда о его замыслахъ они донесли царю. Разгнѣвавшись на это, Констанцій приказалъ Галлу явиться къ себѣ. Галль побоялся послушаться и отправился въ путь, но, находясь уже близъ острова Флавона, по повелѣнію царя былъ умерщвленъ. Это случилось въ третье консульство Галлово и въ седьмое—Констанціево.

ГЛАВА 8.

О прибытіи Констанція въ Римъ, о Соборѣ италійскомъ и о томъ, что случилось съ Аванасіемъ по наветамъ Аріана.

По истребленіи тиранновъ, Констанцій, на-

дѣясь успокоиться отъ бывшихъ бѣдствій, оставилъ Сирмію и прибылъ въ древній Римъ. Здѣсь хотѣлъ онъ торжествовать побѣду надъ тираннами и вмѣстѣ, думая епископовъ обѣихъ частей имперіи привести къ единомыслію касательно догмата (о божествѣ Сына Божія), повелѣлъ быть Собору въ Италіи. Между тѣмъ Юлій, бывшій предстоятелемъ римской Церкви двадцать пять лѣтъ, скончался,—и преемникомъ его сдѣланъ Ливерій. Отвергавшіе вѣру никейскую, считая это время благопріятнымъ для оклеветанія своихъ противниковъ, заботливо домогались при дворѣ, чтобы всѣ низложенные ими были изгнаны изъ Церквей, какъ неправославные, и говорили, будто при жизни Константа они старались захватить царскую власть въ свои руки, потому что Константъ объявлялъ брату войну, если тотъ, какъ сказано выше, не приметъ ихъ. Особенно-же обвиняемъ былъ Аѳанасій, къ которому Аріане питали столь великую ненависть, что и при жизни Константа, когда Констанцій притворно оказывалъ ему благосклонность, не удержались отъ враждебныхъ чувствованій, но собрались въ Антиохію,—Наркиссъ киликійскій, Феодоръ оракійскій, Евгеній никейскій, Патрофилъ епископъ ефесскій, Минофантъ ефесскій и другіе, всего около тридцати,—и написали ко всѣмъ епископамъ, что Аѳанасій возвратился въ Александрію по проискамъ своихъ единомышленниковъ, вопреки законамъ цер-

ковнымъ, не бывъ оправданъ Соборомъ, и увѣщавали не имѣть съ нимъ ни общенія, ни переписки, а писать къ рукоположенному ими Георгію. Аѳанасій тогда ничего не потерпѣлъ отъ этого, но въ послѣдствіи его бѣдствія были тяжелѣе прежнихъ; ибо какъ скоро Магненцій погибъ,—Констанцій, сдѣлавшись одинъ властителемъ римской имперіи, сталъ употреблять все усилія, чтобы западныхъ епископовъ соединить съ тѣми, которые Сына признавали подобно-сущнымъ Отцу. Впрочемъ сначала дѣлалъ онъ это повидимому безъ насилія, а только убѣждалъ подписаться подъ опредѣленіями восточныхъ епископовъ противъ Аѳанасія; ибо думалъ, что если Аѳанасій будетъ уничтоженъ съ общаго согласія, то дѣло касательно вѣры легко устроится.

глава 9.

О Соборѣ медіоланскомъ и о бѣгствѣ Аѳанасія.

На Соборъ, по повелѣнію царя, бывшій въ Медиоланѣ, съ востока пріѣхали не многіе; прочіе же, чего и слѣдовало ожидать, отказались,—одни по болѣзни, другіе по отдаленности пути: но изъ западныхъ собралось болѣе трехъ сотъ. Когда восточные предложили осудить Аѳанасія, такъ чтобы онъ совершенно былъ изгнанъ изъ Александріи; то всѣ согласились на это—или по страху, или по обману, или по незнанію дѣла: только Діонисій, епископъ Альбы, метрополиі италійской, Евсевій, епископъ Маркелль лигу-

рійскихъ, Павлинъ триверскій (трирекій), Роданъ и Люциферъ возстали противъ этого и говорили, что не слѣдуетъ такъ легкомысленно осуждать Аоанасія; потому что, хотя бы и случилось это, зло все еще не прекратится, и козни коснутся самага православнаго ученія о Богѣ. Царь и аріане, замѣчали они, домогаются этого съ намѣреніемъ истребить вѣру никейскую. За такое смѣлое противорѣчіе упомянутые епископы, а вмѣстѣ съ ними и Иларій, осуждены были на изгнаніе. Что причина медіоланскаго Собора была дѣйствительно та, о которой я сказала, свидѣлствуютъ послѣдствія; ибо спустя немного, составились Соборы въ Ариминѣ и Селевкіи, и на обоихъ, какъ сей часъ скажу, старались исказить постановленія никейскія. Между тѣмъ Аоанасій узналъ, что при дворѣ строится противъ него козни и, не имѣя дерзновенія отправиться самъ, да и не предвидя отъ этого пользы, избралъ изъ египетскихъ епископовъ пятерыхъ, между коими былъ Серапіонъ тмуитскій, мужъ весьма уважаемый за святость жизни и краснорѣчіе, и послалъ ихъ къ царю, жившему тогда на западѣ имперіи. Вмѣстѣ съ ними назначилъ онъ къ отъѣзду и трехъ пресвитеровъ изъ собственной Церкви, чтобы они благорасположили царя къ своему епископу, защитили его, если будетъ нужно, противъ клеветы враговъ и сдѣлали все, что и для Церкви, и для него найдутъ лучшимъ. Но спустя немного

по отплытіи ихъ, Аоанасій получилъ грамоту, которою царь призывалъ его къ двору. При этомъ случаѣ, какъ самъ епископъ, такъ и народъ его Церкви встревожились и пришли въ состояніе мучительнаго недоумѣнія, считая небезопаснымъ и послушаться царя неправославнаго, и не послушаться. Впрочемъ заблагоразсудили лучше остаться, и тотъ, кто привезъ грамоту, возвратился безъ успѣха. Потомъ, съ наступленіемъ лѣта, прибылъ другой посоль отъ царя вмѣстѣ съ свѣтскими начальниками, и принуждалъ его удалиться изъ города, а Клиру нанесилъ тяжкія оскорбленія: но и этотъ, видя, что народъ тамошней Церкви ободрился и приготовился къ возстанію, выѣхалъ оттуда, равнымъ образомъ, безъ всякаго успѣха. Прошло еще нѣсколько времени,—и изъ Египта и Ливіи призваны были войска, у Римлянъ называемыя легіонами. Когда получено было донесеніе, что Аоанасій скрывается въ церкви такъ называемой Теоинои; то предводитель войскъ вмѣстѣ съ Иларіемъ, котораго царь опять прислалъ для споспѣшествованія этому дѣлу, взявъ воиновъ, во времени неожиданно разломалъ двери и вошелъ въ церковь, но искавъ вездѣ, не нашелъ въ ней Аоанасія. Говорятъ, по внушенію Божію, неоднократно случалось ему избѣгать много и другихъ опасностей: такъ и теперь самъ Богъ предварительно открылъ ему о нападеніи; ибо лишь только онъ вышелъ,—воины тотчасъ

же овладѣли дверями церковными и развѣ какою нибудь минутою опоздали схватить его.

ГЛАВА 10.

О томъ, что различными образомъ преслѣдуемый Арианами, Аонасій, какъ мужъ святой, по внушенію свыше, избѣгалъ многихъ опасностей, также о видѣніяхъ, капіа, по удавленіи Аонасіа, Египтяне претерпѣли отъ Георгіа.

По видимому нельзя сомнѣваться, что этотъ мужъ былъ угоденъ Богу и ясно предвидѣлъ будущее; ибо кромѣ вышесказаннаго, мы слышали о немъ нѣчто еще болѣе удивительное, на основаніи чего надобно приписать ему совершенное знаніе будущаго. И во первыхъ, когда, еще при жизни Константа, царь хотѣлъ сдѣлать ему зло, онъ удалился и скрывался у одного изъ своихъ знакомыхъ, пребывая долгое время въ одномъ подземельномъ и мрачномъ убѣжищѣ, которое прежде было водохранилищемъ. Никто не зналъ этого, кромѣ тѣхъ, у кого онъ скрывался, и служанки, которая казалась вѣрною и удостоена была служить ему. Такъ какъ еретики всячески старались схватить его живаго, то служанка, вѣроятно, прельщенная подарками или обѣщаніями, намѣревалась указать его (убѣжище): но Богъ напередъ открылъ ему это коварство, и онъ успѣлъ перейти въ другое мѣсто, а служанка была наказана, какъ ложно показавшая на своихъ господъ, которые также обратились въ бѣгство; ибо еретики не въ маловажномъ преступленіи обвиняли и тѣхъ, кто принималъ или скрывалъ Аонасіа, и какъ

ослушниковъ царскаго повелѣнія и государственныхъ преступниковъ, влчили ихъ по судилищамъ. Слышалъ я и о другомъ подобномъ обстоятельствѣ, которое случилось съ Аонасіемъ въ иное время. Когда по такой же причинѣ удалялся онъ изъ Египта, плывя по Нилу; а намѣревавшіеся взять его, по указанію нѣкоторыхъ, гнались за нимъ: то, вразумленный свыше, узналъ онъ о преслѣдованіи и, объявивъ о томъ спутникамъ, приказалъ имъ возвратиться въ Александрію. Возвращаясь туда внизъ по рѣкѣ, проплылъ онъ мимо преслѣдователей, поднимавшихся противъ теченія, и благополучно прибылъ въ городъ, гдѣ среди народа и множества домовъ нашелъ безопаснѣйшее убѣжище. По причинѣ этихъ и многихъ, подобныхъ этимъ предсказаній Аонасіа, враждовавшіе на него язычники и еретики клеветали, будто онъ дѣлаетъ это волшебствомъ. Говорятъ, однажды, когда онъ проходилъ по городу, случайно летѣвшій надъ нимъ воронъ началъ каркать. Бывшая тутъ толпа язычниковъ, насмѣхаясь надъ епископомъ, какъ-бы надъ волшебникомъ, просила его сказать, что говорить воронъ,—и онъ съ усмѣшкою отвѣчалъ: *cras*, что на латинскомъ языкѣ значитъ *завтра*, и этимъ крикомъ предвозвѣщаетъ, что завтрашній день будетъ для васъ непріятенъ; ибо завтра, по повелѣнію римскаго царя, вамъ будетъ запрещено совершать наступающій праздникъ. Предсказаніе Аонасіа

принято было съ насмѣшкою, однакожь оказалось справедливымъ; потому что на другой день къ начальникамъ въ самомъ дѣлѣ прислана была грамота, которою повелѣвалось не позволять язычникамъ входить въ храмы и совершать обычные обряды и торжества. Такимъ образомъ наступавшій тогда праздникъ не состоялся; а язычники почитали его важнымъ и отправляли роскошно. Но, что Аванасій былъ мужъ съ даромъ пророчества, сказано довольно. По избавленіи его, какъ упомянуто, отъ преслѣдователей, подчиненный ему клиръ и народъ въ теченіи нѣкотораго времени владѣлъ церквами, пока египетскій префектъ и предводитель тамошнихъ войскъ не изгнали изъ нихъ Аванасіевыхъ приверженцевъ и не передали ихъ ожидавшимъ Георгіа. Спустя немного, прибылъ и самъ Георгій и принялъ церкви подъ власть свою. Такъ какъ онъ управлялъ съ несвойственною нравамъ и званію іереевъ жестокостію и хотѣлъ казаться страшнымъ для всѣхъ, а по отношенію къ приверженцамъ Аванасія былъ даже неистовъ—до того, что многіе мужчины и женщины терпѣли узы и побои; то почитался тиранномъ. По этой причинѣ подвергся онъ всеобщей ненависти,—и раздраженный народъ, панавъ на него, когда онъ находился въ церкви, едва не лишилъ его жизни. Спасшись кое-какъ отъ опасности, ушелъ онъ къ царю, а державшіеся стороны Аванасія заняли церкви,

впрочемъ не надолго; ибо египетскій военачальникъ, прибывъ опять, передалъ ихъ приверженцамъ Георгіа. Послѣ того одинъ царскій скорописецъ, изъ сословія такъ называемыхъ нотаріевъ, присланъ былъ для наказанія (православныхъ и изъ числа Александрійцевъ многихъ подвергъ мученіямъ и побоямъ. Потомъ вскорѣ возвратился и самъ Георгій и, по причинѣ вышесказанныхъ происшествій, чего и слѣдовало ожидать, сдѣлался еще жесточе, да за то и ненавидимъ былъ больше прежняго, какъ челоувѣкъ, склонившій царя къ оскорбленію многихъ и подвергшійся осужденію въ невѣрїи и надменности отъ египетскихъ монаховъ, которыхъ мнѣнію народъ слѣдовалъ и свидѣтельство которыхъ почиталъ несомнѣннымъ, потому что они подвизались въ добродѣтеляхъ и проводили жизнь въ любомудрїи.

ГЛАВА II.

О римскомъ епископѣ Либерїи, за что былъ онъ сосланъ Констанціемъ, и о преслѣникѣ его Феликсы.

Все это съ Аванасіемъ и Церковію александрійскою случилось по смерти Константа преемственно, а не въ одно и тоже время. Объ этихъ событіяхъ мы рассказали здѣсь за одинъ разъ—только для бѣльшей ясности. Между тѣмъ медіоланскій Соборъ разошелся безъ успѣха, и противорѣчившіе врагамъ Аванасія были низвержены и осуждены царемъ на изгнаніе. Впрочемъ, усердно желая, чтобы вся Церковь согла-

сно исповѣдывала догматъ (о Сыиъ Божіемъ) и чтобы епископы были единомышленны, онъ хотѣлъ созвать ихъ отъсюду на западъ, но разсудивъ, что это, по великому протяженію путей моремъ и сушею, весьма трудно, не зналъ, что дѣлать, а совсѣмъ оставить свое намѣреніе — ему не хотѣлось. Оставался съ тою же мыслию, онъ до отправления въ Римъ и совершенія обычныхъ у Римлянъ обрядовъ по случаю празднованія побѣды, пригласилъ къ себѣ римскаго епископа Ливерія и убѣждалъ его прійти къ единомыслию съ окружающими себя епископами, въ числѣ которыхъ находился и Евдоксій: а такъ какъ Ливерій не соглашался и утверждалъ, что никогда не сдѣластъ этого, то приказалъ отправить его въ Берію оракійскую. Говорятъ, что вмѣстѣ съ этимъ, причиною ссылки Ливерія было и то, что онъ не хотѣлъ отказаться отъ общенія съ Аоанасіемъ, но мужественно защищалъ его предъ царемъ, когда послѣдній обвинялъ Аоанасія въ томъ, будто онъ оскорбляетъ Церкви и изъ двухъ его братьевъ—старшаго погубилъ, а Константа, сколько зависѣло отъ него, сдѣлалъ ему врагомъ. При этомъ царь ссылался также и на всеобщій судъ и особенно на приговоръ епископовъ, собиравшихся въ Тирь: но Ливерій отвѣчалъ, что имъ, такъ какъ они все рѣшали по видамъ вражды или угодлиности, вѣрить не должно, и требовалъ, чтобы вѣру, исповѣданную въ Никее, скрѣпили подписями

всѣ епископы и находящіеся за нее въ изгнаніи были возвращены, а потомъ, чтобы, не получая казенныхъ подводъ или денегъ, слѣдовательно не причиняя никому безпокойствъ и издержекъ, они на собственный счетъ съѣхались въ Александрію, гдѣ, въ присутствіи оскорбившаго и оскорбленныхъ, можно было бы изслѣдовать всѣ обвиненія и до точности объяснить истину дѣла. Тутъ же показалъ Ливерій письменное свидѣтельство касательно Аоанасія, представленное Валентомъ и Урзакіемъ предмѣстнику его на римской каедрѣ Юлію. Въ этомъ свидѣтельствѣ они просили прощенія и объявляли ложнымъ все, сдѣланное ими въ Маретидѣ. Основываясь на ихъ признаніи, римскій епископъ просилъ царя не осуждать Аоанасія заочно и не вѣрить тогдашнимъ рѣшеніямъ, потому что клевета очевидна. Чтоже касается до его братьевъ, то онъ не намѣренъ, говорилъ, метить за нихъ свящею рукою, которую Богъ заповѣдалъ употреблять не на это, а на освященіе и всякое справедливое и доброе дѣло. За такое-то неповиновеніе своимъ велѣніямъ, царь приказалъ Ливерію готовиться воОракію, если онъ не передумаетъ въ теченіи двухъ дней. Но мнѣ не о чемъ думать, Государь, отвѣчалъ Ливерій; это у меня давно уже обдуманно и рѣшено, и я теперь же готовъ отправиться въ путь. Говорятъ, что, когда отводили его въ изгнаніе, царь послалъ ему пятьсотъ златницъ;

но онъ не принялъ ихъ, и тому, къмъ онъ принесены были, сказалъ: поди и возвѣсти пославшему, чтобы онъ отдалъ это золото окружающимъ его льстецамъ и лицемѣрамъ, которые, по своей ненасытмости, мучатся постоянно и ежедневно возрастающею жаждою, такъ что всегда желаютъ денегъ и никогда не насыщаются; а для насъ Христосъ, подобный во всемъ Отцу, есть питатель и податель всѣхъ благъ. По такой-то причинѣ Ливерій лишенъ былъ римской Церкви, и на мѣсто его поставленъ діакономъ тамошняго клира Феликсъ, о которомъ говорятъ, что во вѣрѣ онъ былъ согласенъ съ отцами никейскими, и касательно богочтенія совершенно безукоризненъ; только за одно обвиняютъ его, что до рукоположенія имѣлъ общеніе съ неправославными. Впрочемъ, когда царь прибылъ въ Римъ, и тамошній народъ во множествѣ приступилъ къ нему, прося съ волями возвратитъ Ливерія; то, по совѣту окружавшихъ его епископовъ, онъ отвѣчалъ, что вызоветъ епископа и возвратитъ его просящимъ, если онъ захочетъ прійти къ единомыслію съ находящимися при нѣ іереями.

глава 12.

О Сирійскихъ Азціи и антиохійскомъ епископѣ Евдоксѣ послѣ Леонтіа, также о словѣ: едипосущный.

Около того же времени Азціи явно обнаружилъ, какое имѣлъ понятіе о Богѣ. Онъ былъ тогда діакономъ антиохійской Церкви, и посвя-

щенъ Леонтіемъ. Ученіе его не отличалось отъ Аріева, ибо утверждало, что Сынъ есть твореніе, что Онъ сотворенъ изъ ничего и неподобенъ Отцу. Такъ какъ Азціи очень любилъ спорить, былъ дерзокъ въ сужденіяхъ о Богѣ и употреблялъ школьныя и разнородныя умозаключенія, то почитался еретикомъ и у тѣхъ, съ которыми сходилъ въ образѣ мыслей. Бывъ извергнутъ изъ ихъ общества, онъ показывалъ видъ, будто самъ отказался отъ общенія съ ними—за то, что они несправедливо вступили въ общеніе съ Аріемъ; ибо, Аріи по его словамъ, сдѣлалъ преступленіе, раскаявшись и поклявшись предъ царемъ Константиномъ, что мыслить согласно съ отцами никейскими. Такъ говорятъ объ Азціи. Между тѣмъ, когда царь жилъ еще въ западной имперіи, получено было извѣстіе, что скончался антиохійскій епископъ Леонтій. Въ это время, подъ тѣмъ предлогомъ, что тамошняя Церковь нуждается въ попеченіи, Евдоксій сталъ просить царя объ отпускѣ себя въ Сирію и, получивъ его соизволеніе, поспѣшно отправился въ Антиохію. Прибывъ туда, онъ не сталъ искать согласія ни у Георгія, епископа лаодикійскаго, ни у Марка аретузскаго, какъ главнѣйшихъ тогда сирійскихъ епископовъ, ни у другихъ, имѣвшихъ право рукоположенія, но прямо присвоилъ себѣ антиохійскую епископію. Говорятъ, что Евдоксій поступилъ такъ согласно съ мыслию царя, при содѣйствіи придворныхъ евнуховъ, которые вмѣ-

ствъ съ Евдоксіемъ принимали ученіе Аэція и почитали Сына неподобнымъ Отцу. Овладевъ такимъ образомъ антиохійскою Церковію, онъ сдѣлался еще дерзновеннѣе и началъ уже явно защищать эту ересь. Составивъ въ Антиохіи Соборъ съ своими единомышленниками, въ числѣ которыхъ были—Акакій, епископъ Кесаріи палестинской, и Ураній тирскій, онъ вмѣстѣ съ словомъ «подобносущный» отвергъ и слово: «единосущный»—подъ тѣмъ предлогомъ, что и западные епископы тоже сдѣлали; ибо Осія вмѣстѣ съ тамошними іереями, желая положить конецъ спорамъ Валента, Урсакія и Германія, и бывъ, какъ сказано выше, принужденъ къ тому въ Сирміи, согласился не употреблять словъ—ни односущный, ни подобносущный, такъ какъ ихъ нѣтъ въ священномъ Писаніи, а изслѣдовать существо Божіе есть дѣло выше ума человѣческаго. За тѣмъ, какъ бы поступивъ согласно съ грамотою Осія, Евдоксій написалъ посланіе къ Валенту, Урсакію и Германію, въ которомъ свидѣтельствовалъ имъ благодарность и приписывалъ ихъ усердію, что и западные стали мыслить православно.

глава 13.

О томъ, что нововведенію Евдоксія Георгій лаодикійскій отправилъ посланіе, въ которомъ укорялъ его; также объ анкирскомъ посольствѣ въ Константию.

Когда Евдоксій началъ такимъ образомъ вводить новостя,—и многіе, противившіеся ему,

были изгнаны изъ антиохійской Церкви; тогда изгнанные, получивъ посланіе отъ лаодикійскаго епископа Георгія, прибыли въ Анкиру галатійскую. Случилось, что въ тоже время, для освященія построенной въ Анкирѣ Церкви, Василій созвалъ туда многихъ изъ сосѣднихъ епископовъ, которымъ и передалъ посланіе Георгія. Оно написано такъ:

Честнѣйшимъ господамъ, Македонію, Василю, Гекронію, Евзевію—Георгій желаетъ здравія о Господь.

«Крушеніе Аэція обняло почти всю Антиохію; ибо всѣхъ осужденныхъ вами учениковъ этого ненавистнаго еретика Евдоксій принимаетъ и возводитъ на степени клириковъ, а самому ему оказываетъ особенную честь. Итакъ поддержите великій вашъ городъ, чтобы крушеніе его не увлекло (къ гибели) всей вселенной; соберитесь вмѣстѣ, сколько можно собратъся, а отъ прочихъ епископовъ истребуйте подписей, и определите, чтобы изъ антиохійской Церкви Евдоксій изгналъ Аэція, а учениковъ его, возведенныхъ въ чинъ церковный, низложилъ. Если же, вмѣстѣ съ Аэціемъ, онъ не престанетъ называть Сына неподобнымъ Отцу и дерзающихъ говорить это будетъ предпочитать говорящимъ противное; то ваша Антиохія, какъ я выше сказалъ, погибнетъ».—Таково было содержаніе Георгіева посланія. Собравшіеся въ Анкирѣ епископы, изблотивъ нововведеніе Евдоксія пись-

меннымъ опредѣленіемъ о догматѣ, которое онъ подписалъ вмѣстѣ съ собиравшимися въ Антиохіи, донесли объ этомъ царю и просили, чтобы онъ позаботился дать силу опредѣленіямъ Соборовъ сардикскаго, сирмійскаго и другихъ, положившихъ, что Сынъ подобенъ Отцу по существу. Послами къ царю по этому дѣлу избраны — самъ Василій, епископъ анкирскій, Евстацій севастійскій, Элевзій кизикскій и Леонтій, пресвитеръ изъ царскихъ постельничихъ. Прибывъ ко двору, они узнали, что ревностный защитникъ ереси Аэція, антиохійскій пресвитеръ Асфалій уже кончилъ дѣло, для котораго пріѣзжалъ, и получивъ отъ царя грамоту, готовится въ обратный путь. Не смотря однакожь на то, извѣстившись отъ анкирскихъ пословъ о ереси, Констанцій осуждалъ приверженцевъ Евдоксія и, взявъ назадъ свое посланіе отъ Асфалія, вмѣсто того написалъ слѣдующее:

глава 14.

Посланіе царя Констанція объ изнаніи Евдоксія и его приверженцевъ.

«Поблдитель Констанцій, Великій, Августъ—свѣтой антиохійской Церкви.»

Евдоксій пришелъ не отъ насъ; пусть такъ не думаютъ: мы далеки отъ этого. А кто, кромѣ сего, вдается еще въ подобные софизмы, тотъ, очевидно, глумится надъ Всевышнимъ. Да и отъ чего по собственной волѣ удержатся тѣ,

которые, ища власти, проходятъ города, перебѣгаютъ изъ одного въ другой, какъ бродяги, и влекомые жаждою къ большому, проникаютъ во всякое убѣжище. Между ними, говорятъ, есть пройдохи и софисты, которыхъ и наименовать неприлично: это—племя злое и нечестивѣйшее. Скопище ихъ вамъ и самимъ хорошо извѣстно. Вы, по вашимъ же словамъ, совершенно знаете Аэція и послѣдователей его ереси, у которыхъ одно только дѣло — развращать народъ. Эти люди тщеславные и готовые на всѣ дерзости осмѣливались предъ нѣкоторыми пустословить, будто мы соизволяемъ на ихъ рукоположеніе, тогда какъ они сами себя присвоили его. Такія новости разглашаются тѣми, которые привыкли все болтать. Но на самомъ дѣлѣ не такъ: тутъ нѣтъ ничего и похожаго. Вспомните прежнія мои слова, когда мы рассуждали о вѣрѣ: въ нихъ Спаситель нашъ признаетъ Сыномъ Божиимъ и по существу подобнымъ Отцу. А эти умники, и о Всевышнемъ легкомысленно говорящіе все, что имъ представляется, дошли до такого безбожія, что не только сами выдумываютъ нѣчто нелѣпое, но и другихъ стараются научить тому же. Мы совершенно увѣрены, что все это обратится на ихъ голову. Впрочемъ на первый разъ довольно будетъ изгнать ихъ изъ Соборовъ и лишить участія въ общихъ совѣщаніяхъ; ибо въ настоящее время я не намѣренъ предварительно говорить, что

вскорѣ потерялъ они, если не оставятъ своего безумія. Эти люди какого зла не прилагаютъ къ злу? Собирая, какъ бы по паряду, дѣятелей самыхъ негодныхъ и притомъ ересеначальниковъ, они возводятъ ихъ въ клиръ, и такимъ образомъ порочатъ достоуважаемое званіе, какъ будто имъ позволительно дѣлать и предпринимать все, что ни вздумаютъ. Ктоже изъ смертныхъ можетъ терпѣть такихъ людей, которые города наполняютъ нечестіемъ и заразу простираютъ за предѣлы ихъ, — которые любятъ только одно: постоянно враждовать противъ людей честныхъ? Да исчезнетъ злое сконище на священныхъ сѣдалищахъ! Время уже явится на свѣтъ потомкамъ истинны и выйти на поприще тѣмъ, которые, удалившись отъ нынѣшнихъ правовъ, давно удерживаются страхомъ; ибо лукавство нечестивыхъ теперь обличено и никакой новый способъ не будетъ достаточенъ для отклоненія ихъ отъ нечестія. Мужамъ добрымъ свойственно держаться вѣры отцевъ и возвращать ее, какъ сказано, а болѣе ничего не изслѣдовать. Впрочемъ желалъ бы я, чтобы и поздно вышедшіе изъ этой бездны, присоединились къ тому мнѣнію, которое, касательно Существа Высочайшаго, надлежащимъ образомъ постановлено мудрыми епископами. Тогда не много силы имѣла бы ересь такъ называемыхъ Аномеевъ».

ГЛАВА 15.

О томъ, что Констанцій, по прибытіи въ Сирмію, опять вызвалъ Ливеріа и возвратилъ его Риму, приказавъ вмѣстѣ съ нимъ священноначальствовать и Феликсу.

Черезъ нѣсколько времени, возвратившись изъ Рима въ Сирмію, царь, по ходатайству западныхъ епископовъ, вызвалъ Ливеріа изъ Беріи. Потомъ, въ присутствіи восточныхъ пословъ, собравъ находившихся въ своемъ лагерѣ іереевъ, принуждалъ его признать, что Сынъ не единосущенъ Отцу. Этому домогались и къ этому расположили государя Василій, Евстацій и Элевсій, пользовавшіеся величайшею его довѣренностію. Они собрали тогда въ одно сочиненіе все, что было опредѣлено противъ Павла самосатскаго и Фотина сирмійскаго, присоединили и изложеніе вѣры, составленное при освященіи антиохійской церкви, пользуясь тѣмъ предлогомъ, будто нѣкоторые подъ видомъ ученія о единосущіи распространяютъ собственную ересь, и къ принятію этого сочиненія успѣли склонить, вмѣстѣ съ Ливеріемъ, африканскихъ епископовъ: Аонасія¹⁾, Александра, Северіана и Крискента, съ которыми изъявили свое согласіе также Урсакій, Герминій сирмійскій, Валентъ, епископъ мурейскій, и всѣ бывшіе тамъ съ востока. А

¹⁾ Подъ именемъ Аонасія здѣсь разумѣется не архіепископъ александрійскій, который въ это время скрывался въ пустынь африканской, а другой африканскій епископъ того же имени, находившійся тогда въ Сирміи.

отъ Ливерія получили они даже особое исповѣданіе, въ которомъ не признающихъ Сына подобнымъ Отцу по существу и по всему онъ отличалъ отъ Церкви. Поэтому Евдоксій и прочіе, вмѣстѣ съ нимъ въ Антиохіи защищавшіе ересь Аэція, получивъ посланіе Осія, разглашали, будто и Ливерій отвергъ слово единосущный и признаетъ Сына неподобнымъ Отцу. Послѣ того какъ западными послами все это было сдѣлано, царь дозволилъ Ливерію возвратиться въ Римъ. А тогдашнему предстоятелю римской Церкви Феликсу и тамошнему клиру находившіеся въ Сирміи епископы написали, чтобы они приняли его, и чтобы на апостольскомъ престолѣ возсѣдали и священноначальствовали во взаимномъ согласіи—какъ Ливерій, такъ и Феликсъ. Неудовольствія же, возникшія при рукоположеніи Феликса и удаленіи Ливерія, были преданы забвенію: ибо римскій народъ любилъ Ливерія, какъ мужа добраго и отличнаго во всемъ прочемъ и неустрашимо говорившаго царю въ защиту догмата; такъ неудивительно, что изъ за-него произошло величайшее возмущеніе, доходившее до убійствъ. Впрочемъ Феликсъ жилъ недолго, и послѣ его смерти, по устроенію Божию, Ливерій былъ одинъ предстоятелемъ Церкви, чтобы престолъ Петра не безславился, управляясь двумя предстоятелями, такъ какъ это служить признакомъ разногласія и противно церковнымъ законамъ¹⁾.

¹⁾ Никейскаго 1-го всел. Собора прав. 8.

ГЛАВА 16.

О томъ, что, по поводу ереси Аэція и событій въ Антиохіи, царь повелѣлъ быть Собору въ Никомидіи: но такъ какъ Никомидіи въ то время потерпѣла землетрясеніе и острѣтилось много друиыхъ престлстой; то Соборъ составилъ сначала въ Шикеъ, а потомъ въ Ариминъ и Селевкии. Также объ исповѣданіи Арзагіи.

Такъ шли дѣла въ Сирміи, и тогда казалось, что востокъ и западъ, боясь царя, касательно догмата согласились. Оставались еще нововведенія антиохійскія и ересь Аэція: но и противъ нихъ царь разсудилъ созвать Соборъ въ Шикеъ. А когда сообщники Василія не согласились на это—по той причинѣ, что здѣсь и прежде разсуждали о догматѣ; то положено быть Собору въ Никомидіи вонической и повелѣно немедленно, къ извѣстному дню, созвать граматами тѣхъ епископовъ изъ каждой области, которые почитались умнѣйшими и способнѣйшими мыслить и говорить, чтобы, присутствуя на Соборѣ, они разсуждали о лицахъ всѣхъ іереевъ своей области. Но между тѣмъ какъ большая часть изъ нихъ были уже въ дорогъ, получается извѣстіе о несчастіи Никомидіи, что Богъ потрясъ ее; притомъ разнесся слухъ, будто она разрушена совершенно. Это было причиною, что епископы остановились на пути. Молва, какъ водится, не ограничивалась разсказомъ о бѣдствіи дѣйствительно пострадавшихъ, но бѣжала дальѣ: толковали, будто той-же бѣдѣ подверглись—и Шикеъ, и Перинѣъ, и другіе ближайшіе къ нимъ города, и даже Константинополь. Такое событіе

не мало опечалило благомыслящихъ епископовъ; потому что (въ Никомидіи) разрушена, между прочимъ, великолѣпно построенная церковь,—и врагамъ благочестія представился случай донести царю, будто въ ней погибло множество епископовъ, мужей, дѣтей и женъ, сбѣжавшихся туда въ надеждѣ найти спасеніе. Но это было несправедливо; потому что землетрясеніе произошло во второмъ часу такого дня, въ который (церковныхъ) собраній не бываетъ. Изъ епископовъ захвачены въѣ церкви только—одинъ Кекропій никомидійскій и другой—босфорскій. Такъ какъ городъ поколебался мгновенно, то никто, хотя-бы и хотѣлъ, не могъ уйти въ другое мѣсто, но въ самую первую минуту опасности каждый, гдѣ стоялъ, тамъ или спасся, или погибъ. Говорятъ, что это несчастіе, прежде чѣмъ оно совершилось, было предусмотрѣно Арзакіемъ. Арзакій происходилъ изъ Персіи и, въ военномъ званіи исправляя должность кормителя царскихъ львовъ, сдѣлался безъизвѣстнымъ неповѣдникомъ при Ликиніѣ. Оставивъ потомъ военную службу, жилъ онъ въ никомидійской башнѣ внутри стѣны, и занимался любомудріемъ. Здѣсь явилось ему божественное видѣніе и повелѣло выйти изъ города, съ которымъ должно было случиться то, что случилось. Послѣ этого Арзакій скоро побѣжалъ въ церковь и сталъ внушать клирикамъ, чтобы они усердно молились Богу и совершали умилостави-

тельные прошенія для отвращенія угрожающаго гнѣва; но не убѣдивъ ихъ и подвергшись насмѣшкамъ, какъ вѣстникъ неожиданныхъ бѣдствій, возвратился онъ въ свою башню и, повергшись долу, сталъ самъ молиться. Между тѣмъ произошло землетрясеніе,—и большая часть жителей погибла, а оставшіеся убѣжали въ деревни и пустыню. Причиною бѣгства ихъ было и то, что въ городѣ благополучномъ и обширномъ ни одинъ домъ не оставался безъ огня—то въ жаровняхъ и очагахъ, то въ печахъ бань и у ремесленниковъ, которые огнемъ исправляютъ свои работы. Итакъ, когда отъ землетрясенія кровли домовъ обвалились, то пламень, обхвативъ вещество ихъ, куда входили вѣроятно хворостъ и матеріалы, напитанные масломъ, слѣдовательно легко воспламенявшіеся, получилъ себѣ обильную пищу и, распространяясь повсюду, слился вмѣстѣ и составилъ изъ всего города какъ бы одинъ костеръ. Такъ какъ дома по этому сдѣлались уже неприступными, то спасшіеся отъ землетрясенія побѣжали въ башню и въ ней, не тронутой землетрясеніемъ, нашли Арзакія мертвымъ, лежавшимъ ницъ въ томъ положеніи, въ какомъ онъ находился во время молитвы. Говорятъ, предъ смертію онъ молился, чтобы Богъ лучше попустилъ ему умереть, нежели видѣть несчастіе города, въ которомъ онъ въ первый разъ узналъ Христа и предался церковному любомудрію. Такъ какъ

у насъ зашла рѣчь объ этомъ мужѣ; то надобно сказать, что силою своего благочестія онъ могъ изгонять демоновъ и очищать одержимыхъ ими людей. Такъ иъкогда одинъ бѣсноватый, схвативъ мечъ, выбѣжалъ на площадь. Всѣ отъ него уходили, и въ городѣ сдѣлалось смятеніе: но Арзакій, встрѣтившись съ нимъ, произнесъ имя Христова и поразилъ его этимъ словомъ;—человѣкъ тотчасъ очистился и возвратился къ здравому смыслу. Совершенно имъ много и другихъ дѣлъ, превышающихъ человѣческую силу, и между прочимъ слѣдующее: Былъ тамъ драконъ, или какое-то пресмыкающееся животное, которое своимъ дуновеніемъ умерщвляло путниковъ прежде, нежели они видѣли его; ибо это животное скрывалось въ пещерѣ близъ большой дороги. Пришедши туда, Арзакій помолился,—пзмѣй, самъ собою вышедши изъ пещеры, ударился дважды головою объ землю и убилъ себя. Такъ разказывали люди, слышавшіе это отъ тѣхъ, которые сами видѣли Арзакія. Между тѣмъ изъ епископовъ, несчастіемъ Никодиміи остановленныхъ въ своемъ путешествіи на Соборъ, одни ожидали новаго царскаго повелѣнія, а другіе свои понятія о вѣрѣ изложили письменно. Не зная, что дѣлать, государь писалъ Василію и спрашивалъ, какъ надобно поступить касательно Собора. Василій въ своемъ письмѣ, вѣроятно, восхвалялъ благочестіе царя и, утѣшивъ его въ несчастіи Никомидіи примѣрами изъ свя-

щенной исторіи, возбуждалъ его поспѣшить созваніемъ Собора и не оставлять намѣренія, которое предпринимается на пользу благочестія, а потомъ не отпускать собирающихся для этого и уже выѣхавшихъ и находящихся на пути епископовъ, пока они не кончатъ дѣла. Сборнымъ же пунктомъ для Собора назначилъ онъ, вмѣсто Никомидіи, Никею, чтобы дѣло о вѣрѣ совершить тамъ, гдѣ оно было обсуживаемо вначалѣ. Василій написалъ это въ той мысли, что предлагаетъ угодное царю; ибо сперва мѣстомъ Собора царь и самъ назначалъ Никею. Получивъ письмо Василія, Констанцій приказалъ въ наступающее лѣто собраться въ Никею всѣмъ, кромѣ немногихъ слабыхъ здоровьемъ, которые впрочемъ должны были избрать и вмѣсто себя прислать пресвитеровъ или діаконовъ, чтобы они объявляли свое мнѣніе, давали совѣты въ предметахъ сомнительныхъ и вмѣстѣ съ другими могли разсуждать о всемъ. Затѣмъ повелѣно Собору съ общаго согласія назначить по десяти человекъ изъ западныхъ и восточныхъ и, отираивъ ихъ ко двору, чрезъ нихъ увѣдомить о своихъ опредѣленіяхъ царя, чтобы и онъ могъ видѣть, по смыслу ли священнаго Писанія разсуждали они другъ съ другомъ, и касательно этого предмета постановить, что окажется лучшимъ. Но послѣ царь передумалъ и приказалъ всѣмъ—въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ кто находился, или въ собственныхъ церквахъ—ожидать, пока будетъ

назначено мѣсто Собора и получился приказаніе туда отправиться; а Василию написалъ, чтобы онъ посредствомъ писемъ спросилъ восточныхъ епископовъ, куда лучше съѣхать на Соборъ, такъ чтобы къ наступающей веснѣ они уже знали объ этомъ; ибо въ Никеѣ, гдѣ народъ равномерно пострадалъ отъ землетрясенія, быть Собору признано неудобнымъ. Приложивъ къ своему письму грамоту царя, Василій просилъ областныхъ епископовъ внимательно разсудить и объ избираемомъ ими мѣстѣ немедленно извѣстить его. Но всѣ они, какъ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, избирали не одно и тоже мѣсто. Поэтому Василій отправился къ царю, жившему тогда въ Сирмін, и нашелъ тамъ, кромѣ другихъ епископовъ, прибывшихъ по собственнымъ пуждамъ, также Марка аретузскаго и Георгія, назначеннаго управлять александрійскою Церковію, которые положили уже составить Соборъ въ Селевкіи исаврійской. Того же хотѣли и общники Валента, находившіеся равнымъ образомъ въ Сирмін. Покровительствуя ереси авомеевъ, послѣдніе старались склонить бывшихъ при дворѣ епископовъ къ подписанію заготовленнаго ими изложенія вѣры, въ которомъ не находилось слова: существо. Но, между тѣмъ какъ готовится составленіе Собора, общники Евдоксія, Акакія, Урсакія и Валента разсуждали, что изъ всѣхъ епископовъ одни при-

нимаютъ исповѣданіе никейское, другіе—изложенное при освященіи антиохійской церкви, и что оба эти исповѣданія имѣютъ въ себѣ слово: существо, и признаютъ Сына подобнымъ Отцу во всемъ. Слѣдовательно, если всѣ они соберутся вмѣстѣ, то навѣрное осудятъ ученіе Аэція, котораго сами держались и которое противорѣчило тому и другому исповѣданію. Поэтому устроили они такъ, чтобы западные собрались въ Ариминѣ, а восточные—въ Селевкіи исаврійской¹⁾, въ надеждѣ, если можно, склонить на свою сторону оба Собора, дѣйствуя и тамъ и здѣсь,—ибо легче убѣдить не многихъ, нежели всѣхъ; если же это и не удастся, то, по крайней мѣрѣ, дать направленіе одному изъ нихъ, чтобы проповѣдуемая ими ересь не была осуждена голосомъ всѣхъ епископовъ. Въ этомъ содѣйствовали имъ—управитель царскаго двора, Евсевій свнухъ, другъ и единомышленникъ Евдоксія, и многіе изъ людей сильныхъ, хотѣвшихъ угодить Евсевію.

глава 17.

О томъ, что сдѣлано на Соборѣ ариминскомъ.

Убѣдившись, что собраться всѣмъ въ одно мѣсто и для казны невыгодно—по причинѣ издержекъ, и для епископовъ неудобно—по отда-

¹⁾ Ариминъ или Римини—городъ италійскій; а Селевкія—городъ Исаврія, на границахъ Арменіи.

ленности пути, царь согласился раздѣлить Соборъ на двѣ части, и находившимся тогда въ Арминіи и Селевкии епископамъ написалъ, чтобы они напередъ разрѣшили спорные вопросы касательно вѣры, а потомъ, на основаніи церковныхъ законовъ, рассмотрѣли дѣла епископовъ, жаловавшихся на несправедливое изложеніе или изгнаніе ихъ, въ числѣ которыхъ былъ также Кирвалль іерусалимскій, и обсудили обвиненія, внесенныя на нѣкоторыхъ между ними; ибо епископы обвиняли другъ друга, а Египтяне жаловались на алчность и несправедливости Георгія. Когда же все будетъ изслѣдовано, (писалъ царь), — пусть оба Соборы отправятъ по десяти человекъ ко двору для извѣщенія о томъ, что сдѣлано. Вслѣдствіе сего все собрались тамъ, гдѣ было приказано. Соборъ арминскій открылся прежде. Его составляли больше четырехъ сотъ епископовъ. Враги Афанасія почили за лучшее не упоминать о немъ. Когда же начали разсуждать, какъ должно вѣровать, то Валентъ и Урзакій, а вмѣстѣ съ ними Германій, Авксентій, Гайи и Демофилъ, вышедши на средину, предложили отвергнуть все прежде составленныя изложенія вѣры и принять то, которое не задолго предъ тѣмъ составили они въ Сирміи на латинскомъ языкѣ, и въ которомъ говорится, что Сынъ подобенъ Отцу по Писаніямъ, а о существѣ Божіемъ вовсе не упоминается. Они прибавляли, что это исповѣданіе одобрилъ

самъ царь, и что поэтому необходимо долженъ принять его и Соборъ, не изслѣдывая болѣе мыслей каждаго, дабы бесѣдою и тщательнымъ разборомъ принятыхъ словъ не произвести разногласія и смятенія; ибо лучше говорить не по ученому, да мыслить о Богѣ правильно, нежели вводить новыя слова, сродныя діалектическому пустословію. Они разумѣли здѣсь и даже явно осуждали слово: единосущный, какъ неупотребляющееся въ священномъ Писаніи и для многихъ неясное, а вмѣсто того предлагали называть Сына подобнымъ Родившему во всемъ по божественнымъ Писаніямъ. Когда же принесенное ими сочиненіе такого содержанія было прочтано, то большая часть присутствовавшихъ епископовъ сказали, что нѣтъ никакой нужды въ новомъ изложеніи вѣры, что достаточно и того, которое утверждено до нихъ, и что они собрались теперь для воспренятствованія какимъ-либо нововведеніямъ противъ прежняго, а составителей читаннаго сочиненія просили сказать, не заключаетъ ли оно въ себѣ чего нибудь новаго въ сравненіи съ прежнимъ, и предлагали имъ открыто отвергнуть ученіе Арія, которое даже до сего времени остается причиною смятеній во всѣхъ Церквахъ. Такъ какъ Урзакій и Валентъ, Германій и Авксентій, Демофилъ и Гайи на это предложеніе не согласились; то Соборъ приказалъ прочитать изложенія вѣры всѣхъ еретиковъ, и изложеніе, составленное

Отцами никейскими, чтобы первыя осудить, а опредѣленія послѣдняго подтвердить, и чтобы на будущее время однажды постановленнаго никто не смѣлъ пересуживать или требовать Собора, но все довольствовались прежнимъ. Непристойно, говорили, дѣлать это имъ, какъ будто теперь только полагающимъ начало вѣры, и отвергать преданіе времени прошедшаго, которымъ руководствуясь, и сами они, и предшественники ихъ управляли Церквами такъ, что многіе окончили жизнь исповѣдниками и мучениками. Представившіе это не соглашались ни на какое нововведеніе, а Валента и Урзакія съ ихъ сообщниками, поколику они не слушались и требовали, чтобы принято было предложенное ими исповѣданіе вѣры, — низложили, и читанное ими сочиненіе признали не заслуживающимъ одобренія. Имъ казалась пелѣною даже и самая надпись этого исповѣданія, что, то-есть, оно изложено въ Сирмін, въ присутствіи Констанція, вѣчнаго Августа, въ консульство Евсевія и Ипатія. Такъ въ посланіи къ своимъ друзьямъ говоритъ *) о ней и Аоанасій: странно царя Констанція называть вѣчнымъ, а вѣчность Сына Божія отвергать, также указывать на опредѣленное время своего сочиненія, а вѣру древнихъ и мудрыхъ мужей времени прошедшаго охуждать. Когда въ Арминіѣ это было сдѣлано,

*) Athanas. de Synod. cap. 3. 4. et 5.

Валентъ и Урзакій съ своими сообщниками, негодуя на Соборъ за низложеніе себя, немедленно отправились къ царю.

глава 18.

Посланіе арминскаго Собора къ царю Констанцію.

Соборъ же съ своей стороны, избравъ двадцать епископовъ, отправилъ ихъ послами и чрезъ нихъ на латинскомъ языкѣ писалъ царю слѣдующее: «Мы вѣруемъ, что воля Божія и указъ твоего благочестія устроили собраніе епископовъ различныхъ западныхъ городовъ въ Арминіѣ—съ тою цѣлію, чтобы и вѣра католической Церкви для всехъ объяснилась, и мыслящіе противное обнаружилась. И такъ, послѣ продолжительныхъ разсужденій, мы признали за лучшее—вѣру, дошедшую изъ древности, проповѣданную Пророками, Евангеліями, Апостолами и самимъ Господомъ нашимъ І. Христомъ, — вѣру, хранительницу твоего царства и покровительницу твоего могущества, — эту вѣру содержать постоянно и, держа, блюсти ее до конца; ибо намъ показалось дѣломъ безразсуднымъ и незаконнымъ измѣнять что либо, правильно опредѣленное и точно разсмотрѣнное на никейскомъ Соборѣ въ присутствіи славнаго твоего отца и царя Константина, проповѣданное въ слухъ всехъ, и сдѣлавшееся всеобщимъ ученіемъ и образомъ мыслей. Эта вѣра — одна поставлена въ побораніе и истребленіе ереси аріе-

вой, и ею опровергнуто не только арианство, но и всякая другая ересь. Въ ней и прибавить что-либо по истинѣ не безопасно, и отнять гибельно; ибо допустить то или другое, — врагамъ тотчасъ откроется возможность дѣлать, что угодно. Посему-то Урзакій и Валентъ, давнїе сообщники и единомышленники арианскаго ученїя, и были отлучены отъ общенїя съ нами, пока, для возвращенїя его, не сознались въ своихъ заблужденїяхъ, не раскаялись и не получили прощенїя, какъ свидѣтельствуя предъ представленными ими письменными доказательствами. По уваженїю къ симъ знакамъ раскаянїя, они прощены и освобождены отъ виновности. Это сдѣлано въ то время, когда продолжалось засѣданїе Собора медіоланскаго, въ присутствїи, между прочими, и пресвитеровъ римской Церкви. Притомъ, мы помнимъ и послѣ смерти достойнаго памяти Константина, который со всякимъ тщанїемъ и вниманїемъ письменнo изложилъ дошедшую до насъ вѣру, и былъ въ ней крещенъ, когда выходилъ изъ среды людей и переселялся для наследованїя вожделѣннаго мира, а потому сочли дѣломъ безразсуднымъ послѣ него внести что-либо новое и презрѣть столь многихъ святыхъ неповѣдниковъ и мучениковъ, которые письменнo изложили и разсмотрѣли это самое ученїе, которые все обсудили согласно съ древними уставами каолической Церкви, и которыхъ вѣру Богъ сохранилъ до времени твоего цар-

ствованїя, чрезъ Господа нашего І. Христа, даровавшаго тебѣ царствовать такъ, что ты обладаешь и обитаемою нами имперїею. Не смотря на то, несчастные и жалкіе умою люди опять стали съ незаконнымъ дерзновенїемъ проповѣдывать нечестивое ученїе и разрушать все зданїе истины. Когда, по твоему указу, засѣданїя Собора начали производиться, — и они обнаружили также намѣренїе своего заблужденїя, стали коварно и возмутительно вводить нѣчто новое и, при помощи сообщниковъ своей ереси Германїя, Авксентїя и Гаїя, начали возбуждать вражду и разномысліе. Перемѣнчивое ихъ ученїе одно превосходитъ все прочїя богохульства. Увидѣвъ же, что помыслы у нихъ не одинаковы и что нѣтъ согласїя въ худыхъ ихъ мнѣнїяхъ, они присоединились къ нашему собранїю, съ намѣренїемъ догматы вѣры изложить иначе. Но для обличенїя ихъ намѣренїя довольно было и краткаго времени. А чтобы дѣла церковныя не подвергались однимъ и тѣмъ же опасностямъ, и чтобы смѣтенїя и непрерывныя безпокойства не привели всего въ безпорядокъ, признано за благо сохранять твердыми и неизмѣнными постановленїя древнїя, вышеупомянутыхъ же людей отлучить отъ общенїя съ нами. По этой причинѣ мы отравили къ твоей милости пословъ, которые извѣстятъ тебя о всемъ и чрезъ посланїе объявятъ мнѣніе Собора. Этими послами пре-

жде всего повелѣно утверждать истину на основаніи древнихъ и вѣрныхъ опредѣленій. Они донесутъ твоему благочестію, что, вопреки словамъ Урзакія и Валента, мира не можетъ быть, если извратится что-либо правое; ибо какъ могутъ сохранить миръ тѣ, которые нарушаютъ миръ? Это и въ прочихъ городахъ, и въ римской Церкви скорѣе произведетъ распри и безпокойства. Итакъ умоляемъ твою милость принять представленія нашего посольства слухомъ благосклоннымъ и лицомъ свѣтлымъ, и не попускать, чтобы, къ оскорбленію умершихъ, вводили какія либо новости, но позволить намъ оставаться при томъ, что опредѣлено и узаконено предками, которые, можно сказать, все совершили прозорливо, мудро и по внушенію Святаго Духа; между тѣмъ какъ нынѣшніе нововведенія тѣхъ людей внушаютъ вѣрующимъ невѣріе, а невѣрующимъ упорство. Умоляемъ также повелѣть, чтобы епископамъ, проживающимъ на чужой сторонѣ и угнѣтаемымъ какъ преклонностию лѣтъ, такъ и нуждами бѣдности, даны были средства для возвращенія домой, дабы Церкви въ отсутствіи епископовъ не оставались сиротствующими. Но больше всего умоляемъ не попускать, чтобы изъ прежнихъ опредѣленій что-либо убавляли, или прибавляли къ нимъ, но оставить непорушимымъ все, отъ времени благочестиваго твоего отца соблюдаемое до настоящаго времени. Пусть наконецъ

мы не страдаемъ и не остаемся внѣ своихъ епархій, пусть епископы вмѣстѣ съ своимъ народомъ мирно возносятъ молитвы и совершаютъ богослуженіе, молясь о твоёмъ спасеніи, царствѣ и мирѣ, что да даруетъ тебѣ Богъ навѣки. Наши послы имѣютъ при себѣ подписи и имена епископовъ; они же убѣдятъ твое благочестіе и на основаніи священнаго Писанія.»

глава 19.

О посланіи Собора, о посланіи царя, и о томъ, какъ епископы впоследствии согласились съ принесеннымъ прежде исповданіемъ Урзакія и Валента; также о ссылкѣ архіереевъ, о Соборѣ въ Пикт, и о томъ, по какой причинѣ была задержана отпустъ Собора ариминскаго.

Таково посланіе епископовъ Собора ариминскаго. Между тѣмъ сообщники Урзакія и Валента, предупредивъ отправленныхъ пословъ, представили царю читанное ими сочиненіе и оклеветали Соборъ. Разгнѣвавшись, можетъ быть, на то, что Соборомъ принято не такое исповданіе вѣры, какое было одобрено въ Сирмиі при немъ самомъ, царь Урзакія и Валента удостоилъ почестей, а на пословъ не обращалъ вниманія и презиралъ тягостное состояніе проживавшихъ въ Ариминѣ епископовъ. Спустя уже много времени, написалъ онъ Собору и извинялся, что какой-то необходимый походъ противъ Варваровъ не позволилъ ему видѣть пословъ, и что онъ приказалъ имъ ожидать своего возвращенія въ Адрианоуполь, дабы по бла-

гополучномъ окончаніи общественныхъ дѣлъ, могъ, на свободѣ отъ всѣхъ заботъ, выслушать и рассмотреть дѣло ихъ посольства; ибо намъ ревающемуся разсуждать о предметахъ божественныхъ надобно имѣть душу, чистую отъ всего прочаго. Такъ писалъ онъ. А Соборъ отвѣчалъ твердо, что онъ отнюдь не отступитъ отъ своихъ опредѣленій, о чемъ уже извѣщалъ и наказалъ посламъ, которыхъ просилъ принять благосклонно, выслушать все имъ порученное, и прочитать чрезъ нихъ написанное. Ему самому должно казаться непріятнымъ, говорили они, что во время его царствованія столь многія Церкви остаются безъ епископовъ. Посему, если благоугодно, они сочтутъ обязанностію возвратиться къ своимъ Церквамъ до наступленія зимы. Написавъ это посланіе, какъ и слѣдовало, въ видѣ и подъ именемъ прошенія, они подождали еще нѣсколько времени, но не получивъ никакого отвѣта, разѣхались по своимъ городамъ. Такимъ образомъ изъ вышесказаннаго видно, что епископы, собиравшіеся въ Ариминѣ, сперва подтвердили опредѣленія никейскія. Теперь надобно упомянуть, какъ они впоследствии согласились принять исповѣданіе, прежде предложенное сообщниками Валента и Урзакія. Объ этомъ дошли до меня различныя свѣдѣнія. Одни говорятъ, что царь, оскорбившись будто бы удаленіемъ епископовъ изъ Аримина безъ его согласія, дозволилъ Валенту и

сообщникамъ его распорядиться западными Церквами по собственному ихъ желанію, обнародовать прочитанное ими въ Ариминѣ исповѣданіе вѣры, а тѣхъ, которые откажутся подписать его, извергнуть изъ Церквей и на мѣсто ихъ рукоположить другихъ. Получивъ такое уполномоченіе, валентиніане насильно заставляли всѣхъ подписываться подъ этимъ исповѣданіемъ, и многихъ несогласившихся изгнали изъ Церквей, прежде же другихъ римскаго епископа Ливерія. Сдѣлавъ это съ епископами италійскими, хотѣли они такимъ же образомъ распорядиться и Церквами восточными: для этого, проѣзжая Фракію, остановились въ городѣ той области Никѣи, составивъ здѣсь Соборъ, перевели читанное въ Ариминѣ исповѣданіе на греческій языкъ, скрѣпили его и обнародовали такъ, какъ будто бы никейскимъ называли и объявляли составленное на вселенскомъ Соборѣ. Это нарочито сдѣлано было въ Никѣи, и исповѣданіе съ намѣреніемъ названо именемъ сего города, чтобы простодушные, обманываясь сходствомъ названій и думая, что оно составлено въ Никее, тѣмъ легче склонились къ принятію его. Такъ разсказываютъ одни, но другіе говорятъ, что когда епископы ариминскаго Собора утомляемы были продолжительнымъ ожиданіемъ,—ибо царь не удостоивалъ ихъ отвѣта и не позволялъ разѣзжаться,—защитники аріанской ереси подослали къ нимъ нѣкоторыхъ съ

совѣтомъ, что неприлично изъ-за одного слова: существо, всѣмъ іереемъ питать взаимную вражду, и что стоитъ только назвать Сына подобнымъ Отцу, тогда поводъ къ распрямъ совершенно прекратится; ибо восточные не успокоятся, пока слово: существо, не будетъ отвергнуто. Какъ скоро примирители сообщили имъ эту хвастливую свою мысль,—Соборъ расположился принять защищаемое сообщниками Урзакия исповѣданіе; а послѣдніе, опасаясь, чтобы отправленные Соборомъ послы, прибывъ къ царю, не извѣстили его о прежнемъ намѣреніи западныхъ епископовъ и о причинѣ отверженія слова: единосущный, удержали ихъ въ Никѣ еракійской подъ тѣмъ предлогомъ, будто, по причинѣ зимняго времени и утомленія выючныхъ животныхъ, неудобно будетъ продолжать путь, и убѣдили ихъ, переведши читанное ими сочиненіе съ латинскаго языка на греческій, послать его къ епископамъ восточнымъ. Они надѣялись, что сочиненіе, составленное согласно съ ихъ цѣлію, достигнетъ желаемого ими успѣха, и обманъ ихъ не будетъ обличенъ за отсутствіемъ обличителей, которые могли бы доказать, что ариминскій Соборъ отвергъ слово: существо, не по доброй волѣ, а по низхожденію къ восточнымъ, поколику они отвращались отъ сего слова. Въ самомъ дѣлѣ, это была явная ложь; ибо, исключая немногихъ, всѣ признавали Сына подобнымъ Отцу и по существу.

Если же мнѣнія ихъ касательно сего предмета были несогласны, то развѣ въ томъ, что одни называли Сына единосущнымъ, а другіе подобносущнымъ. Такъ вотъ какъ различны сказанія тѣхъ и другихъ.

глава 20.

О событіяхъ въ нѣдрѣ Церкви восточныхъ и о томъ, что Марафоній, Элевсій визикскій и Македоній изгнали исповѣдниковъ единосущія; также о перенесеніи новаціанской церкви и о томъ, что Новаціане имѣли общеніе съ православными.

Между тѣмъ какъ въ Италіи все происходило по сказанному,—на востокъ, прежде чѣмъ составился селевкій Соборъ, вышли величайшія смятенія; ибо сообщники Акакія и Патрофила, низвергнувъ Максима, котораго рукоположилъ Макарій, ввѣрили іерусалимскую Церковь Кириллу. А Константинополь и ближайшіе къ нему города возмущалъ Македоній, и въ этомъ случаѣ пользовался содѣйствіемъ Элевсія и Марафонія, изъ которыхъ перваго, бывшаго діакономъ своей Церкви и ревностнымъ смотрителемъ домовъ прирѣвнія и монашескихъ, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ обителей, сдѣлалъ онъ епископомъ никомидійскимъ, а послѣдняго, не безъ отличія служившаго при дворѣ,—епископомъ кизикскимъ. Говорятъ, оба они были жизни доброй, но усердно вредили тѣмъ, которые признавали Сына единосущнымъ Отцу, хотя все не такъ, какъ Македоній; ибо этотъ несоглашавшихся

имѣть съ нимъ общеніе не только изгонялъ, но и заключалъ въ узы и предавалъ судьямъ, а нѣкоторыхъ силою принуждалъ къ общенію съ собою, на примѣръ, отнималъ некрещенныхъ дѣтей и женъ и насильно совершалъ надъ ними таинство крещенія, даже, основываясь на указѣ царя, коимъ повелѣвалось разрушать молитвенные дома признававшихъ Сына единосущнымъ Отцу, во многихъ мѣстахъ разрушилъ много церквей. Но этой именно причинѣ была разрушена въ Константинополь и церковь новаціанская, находившаяся у такъ называемаго Пеларгоса; причемъ, послѣдователи этой ереси совершили, говорятъ, славный подвигъ, въ которомъ имъ, какъ единомыслящимъ, можетъ быть, помогали и Христіане католической Церкви. Когда назначенные къ тому люди дѣлали распоряженія, чтобы разрушить упомянутую церковь, Новаціане собрались цѣлыми семействами, и одни изъ нихъ разбирали матеріаль, а другіе перенесли его на противоположную сторону города, въ предмѣстіе Сики. Усердіе ихъ скоро достигло конца; потому что въ этомъ дѣлѣ участвовали не только мужчины, но и женщины и дѣти, и каждый изъ нихъ трудился съ чрезвычайною ревностію—въ той мысли, что служилъ Богу. Такимъ же образомъ и съ равнымъ тщаніемъ эта церковь впоследствии была возобновлена и, по случаю упомянутаго событія, съ того времени названа Анастасіею; ибо по смерти

Констанція, наследовавшей царство Юліанъ возвратилъ Новаціанамъ прежнее мѣсто и позволилъ построить на немъ церковь, что и было сдѣлано при помощи народа, который изъ предмѣстія усердно перенесъ туда матеріаль зданія. Впрочемъ это было послѣ, а въ тогдашнее время Новаціане и Христіане католической Церкви едва не соединились между собою; ибо подобнымъ образомъ мысля о Богѣ, наравнѣ бывъ гонимы и подвергаясь одинаковымъ бѣдствіямъ, тѣ и другіе имѣли взаимное благорасположеніе, вмѣстѣ собирались и вмѣстѣ молились. Поводомъ служило и то, что у Христіанъ католической Церкви не было молитвеннаго дома; всѣ они были отняты единомышленниками Арія. Велѣдствіе такого взаимнаго и постояннаго обращенія, тѣ и другіе, какъ и слѣдовало ожидать, увидѣли, что они напрасно не согласуются между собою, и хотѣли вступить въ общеніе. Это безъ сомнѣнія и случилось бы, если бы расположенію всего народа не повредила зависть немногихъ, которые утверждали, что противъ сего дѣла востаютъ причины древнія.

ГЛАВА 21.

О томъ, что сдѣлалъ Македоній въ Магистеріи, какъ онъ былъ низведенъ съ престола за перенесеніе гробницы Константина Великаго, и какъ Юліанъ провозглашенъ Кесаремъ.

Въ то самое время Элевсій разрушилъ до основанія новаціанскую церковь и въ Кизикѣ. Да такимъ же бѣдствіямъ подверглись какъ во-

обще Нафлагоняне, такъ особенно жители Мантинен; ибо Македоній, узнавъ, что тамъ многіе слѣдуютъ ученію Новата, и что одни православные не въ состояніи изгнать ихъ оттуда, убѣдиль царя послать туда для сей цѣли четыре отряда войска. Онъ думалъ, что тамошніе жители, непривычные къ оружію, при первомъ взглядѣ на вооруженныхъ воиновъ, устроятся и тотчасъ же примутъ его ученіе. Но вышло иначе: жители Мантинсы собрались въ великомъ множествѣ и, вооружившись серпами, съкирами, веѣмъ, что у кого случилось, вступили съ войскомъ въ битву. Сраженіе было упорное, — и со стороны Нафлагонянъ пали весьма многіе, а изъ воиновъ — почти все. Послѣ сего многіе приближенные упрекали Македонія, какъ виновника такихъ несчастій, да и самъ царь отвратился отъ него и уже не имѣлъ къ нему расположенія. Негодованіе царя еще болѣе увеличилось по слѣдующему случаю: Македоній хотѣлъ перенести въ другое мѣсто гробницу Константина; потому что храмъ, въ которомъ она находилась, угрожалъ наденіемъ: но изъ народа одни соглашались на это, а другіе противились, почитая такое дѣло нечестивымъ и похожимъ на расканываніе могилъ. Къ послѣднимъ присоединились также принимавшіе ученіе никейскаго Собора и не позволяли тревожить тѣло Константина — частію потому, что онъ былъ единовѣрный съ ними, а частію и потому,

что старались, думаю, дѣйствовать вопреки Македонію. Однакожь Македоній не обратилъ на нихъ вниманія и перенесъ гробницу въ ту церковь, въ которой находился гробъ мученика Акакія. Тогда жители, съ одной стороны одобрявшіе, съ другой осуждавшіе это, собрались, и въ той самой церкви напали одни на другихъ съ такою жестокостію, что наконецъ и молитвенный домъ, и близъ лежащія мѣста наполнились кровію и убійствомъ. Царь, въ то время жившій еще въ западной имперіи, узналъ объ этомъ и досадовалъ. Какъ оскорбленіе (останковъ) своего отца, такъ и бѣдствія народа приписывая Македонію, онъ сильно разгнѣвался на него. Вознамѣрившись переѣхать на востокъ, отправился онъ въ путь, а племянника своего Юліана, поставилъ Кесаремъ и послалъ въ западную Галлію.

ГЛАВА 22.

О Соборѣ селевійскомъ.

Между тѣмъ около ста шестидесяти восточныхъ епископовъ, собрались въ Селевкію исаврійскую. Это было въ годъ консульства Евсевія и Ипатія. Къ нимъ присоединился и Леона, занимавшій при дворѣ высокую должность и явившійся на Соборъ по повелѣнію Констанція, чтобы при немъ состоялось опредѣленіе о вѣрѣ. Былъ тамъ и предводитель областныхъ войскъ Лаврикій, чтобы въ случаѣ нужды оказать Со-

бору услуги; ибо указъ царя требовалъ его содѣйствія. Въ первомъ засѣданіи, кромѣ другихъ епископовъ, не присутствовали Патрофиль скионопольскій, Македоній константинопольскій и Василій анкирскій. У каждаго изъ нихъ былъ свой предлогъ: у Патрофила—глазная болѣзнь, у Македонія—нездоровье. А въ самомъ-то дѣлѣ они не явились тогда, опасаясь обвиненій въ своихъ преступленіяхъ. По причинѣ ихъ отсутствія, нѣкоторые отказывались изслѣдовать недоумѣнія; но Леона, несмотря на то, велѣлъ приступить къ дѣлу. Потомъ одни считали необходимымъ напередъ разсмотрѣть ученіе вѣры, а другіе — судить о жизни обвиняемыхъ между ними, въ числѣ которыхъ былъ Кириллъ іерусалимскій и Евстацій севастійскій. Поводъ имъ представляла самая грамота царя, въ которой упоминалось то о томъ, то о другомъ. Начавъ споромъ касательно этого предмета, они уже не имѣли расположенія другъ къ другу, но раздѣлились на двѣ партіи. Впрочемъ верхъ одержали тѣ, которые предлагали напередъ разсуждать о вѣрѣ. Когда-же приступили къ этому, то одни хотѣли совершенно отвергнуть слово: существо, предлагая исповѣданіе вѣры, незадолго предъ тѣмъ составленное Маркомъ въ Сирміи, и принятое случившимися тогда при дворѣ епископами, въ числѣ коихъ былъ и анкирскій епископъ Василій; но бѣольшая часть защищали символъ, изложенный при освященіи антиохійской церкви.

Первое мнѣніе поддерживали особенно Евдокей, Акакій, Патрофиль, Георгій александрійскій, Ураній тирскій и другіе, въ числѣ тридцати двухъ; а второе — Георгій епископъ Лаодикій сирійской, Элевсей кизикскій и Софроній, епископъ Помпеополиса пафлагонскаго, которымъ слѣдовали большая часть присутствовавшихъ. Сообщники Акакія нарочито рѣшились не соглашаться съ прочими касательно догмата, чтобы подъ этимъ предлогомъ избавиться отъ представленныхъ противъ себя обвиненій; ибо прежде въ своемъ посланіи къ константинопольскому епископу Македонію они исповѣдали, что Сынъ во всемъ подобенъ Отцу и одного съ Нимъ существа, а теперь прежнему своему исповѣданію безстыдно противорѣчили. Послѣ многихъ споровъ объ этомъ предметѣ, епископъ тарсійскій Сильванъ воскликнулъ, что не слѣдуетъ принимать никакаго новаго изложенія вѣры, кромѣ того, которое одобрено въ Антиохіи, и что оно одно должно оставаться во всей силѣ. Сообщники Акакія при этомъ выразили свое негодованіе и встали; а прочіе тогда же прочитали опредѣленія антиохійскія. На другой день собрались они въ церкви, заперли за собою двери и, оставшись одни, подтвердили свое мнѣніе. Акакій осуждалъ такой поступокъ и частнымъ образомъ сообщилъ Леонѣ и Лаврикію защищаемое имъ сочиненіе. На третій день вмѣстѣ съ прочими явился въ собраніе

также Македоній и Василій, которыхъ прежде не было; но Акакій и сообщники его не хотѣли участвовать въ совѣщаніи, пока не выйдутъ вопъ изложенные и осужденные имъ. Такъ и сдѣлано. Принадлежавшіе къ другой сторонѣ согласилсь на такое требованіе, понавъ, что Акакію хотѣлось воспользоваться этимъ предлогомъ для закрытія Собора и для избѣжанія предстоявшаго сужденія о ереси Аэція и тѣхъ обвиненіяхъ, которыя сдѣланы на нихъ самихъ. Итакъ, когда все собралось, Леона сказали, что у него есть сочиненіе, переданное ему акакіанами. А это сочиненіе, заключавшее въ себѣ изложеніе вѣры съ нѣкоторымъ предисловіемъ, и неизвѣстное прочимъ, скрывалъ онъ съ намѣреніемъ, потому что въ образѣ мыслей согласовался съ Акакіемъ. Какъ скоро оно было прочитано, въ собраніи произошелъ великій шумъ; ибо оказалось, что не смотря на повелѣніе царя — ничего не вносить въ символъ вѣры мимо священнаго Писанія, нѣкоторые, привезши съ собою епископовъ, то по различнымъ областямъ изложенныхъ, то противузаконно поставленныхъ, произвели на Соборѣ смятеніе, и однихъ между ними оскорбили, другимъ запретили говорить, а о себѣ свидѣльствовали, что они не отвергаютъ исповѣданія вѣры, объявленнаго въ Антиохіи, хотя собиравшимися тамъ епископами это исповѣданіе составлено примѣнительно къ тогдашнимъ вопросамъ. Впрочемъ, такъ какъ слова: единосущный

и подобносущный, (говорили они), донныи смущаютъ многихъ, а нѣкоторые недавно изобрѣли еще новость, — стали называть Сына неподобнымъ Отцу; то единосущіе и подобносущіе, поколику этого нѣтъ въ священномъ Писаніи, надобно отвергнуть, а неподобіе — осудить, и открыто исповѣдывать Сына подобнымъ Отцу, такъ какъ, по свидѣтельству апостола Павла, онъ есть образъ невидимаго Бога. Послѣ такого предисловія акакіане изложили и самый символъ вѣры, несогласный ни съ никейскими, ни съ антиохійскими опредѣленіями, но составленный такъ, что единомышленники Арія и Аэція несколько не ошиблись-бы, основывая на немъ свою вѣру; ибо спустивъ выраженія, которыми отцы никейскіе опровергаютъ аріанское ученіе, и умолчавъ о томъ, что Сынъ неизмѣняемъ по Божеству и есть непреложный образъ Отца по существу, волѣ, силѣ и славѣ, какъ сказано Соборомъ антиохійскимъ, они исповѣдали, что вѣрують въ Отца, вѣрують въ Сына и въ Святаго Духа и, присоединивъ къ каждому изъ нихъ нѣкоторыя общія имена прилагательныя, не враждебныя ни имъ, ни противникамъ ихъ, опредѣляли — вѣрующихъ иначе признавать чуждыми католической Церкви. Таково было содержаніе свитка, предложеннаго Леоною и подписаннаго самимъ Акакіемъ и единомышленными съ нимъ епископами. По прочтеніи его, Софроній пафлагонскій, воскликнувъ, сказали: если ежедневное

изложеніе собственныхъ помысловъ мы будемъ принимать за изложеніе вѣры; то истины точной у насъ не останется. Когда-же Акакій сталъ доказывать, что нѣтъ препятствія издать новое исповѣданіе вѣры, какъ скоро исповѣданіе никейское однажды измѣнено и потомъ многократно измѣняемо было; то Элевсій въ отвѣтъ ему сказалъ: теперь Соборъ составилъ не для того, чтобы узнать, чего онъ не зналъ, или принять какую-либо другую вѣру кромѣ той, которая уже одобрена Соборомъ антиохійскимъ, но чтобы держаться этой вѣры во всю жизнь до самой смерти. Продолжая такимъ образомъ разговоръ, епископы перешли къ другому предмету и спросили Акакіанъ: въ какомъ отношеніи признали они Сына подобнымъ Отцу? Когда-же послѣдніе сказали, что въ отношеніи только къ волѣ, а не къ существу; то всѣ прочіе стали доказывать, что Онъ подобенъ Отцу и по существу, и обличали Акакія сочиненіемъ, которое самъ же онъ написалъ и издалъ, и въ которомъ держался одного съ ними мнѣнія. Но Акакій возразилъ, что никого не слѣдуетъ обвинять по его сочиненіямъ. Такимъ образомъ разговоръ становился болѣе и болѣе спорнымъ, и наконецъ Элевсій кизикскій сказалъ: еслибы Василій или Маркъ сдѣлали что-нибудь сами про себя, и еслибы раздѣляли ихъ съ акакіанами какія-нибудь частныя обвиненія; то для Собора это было бы совершенно все рав-

но, и ему не предстояло бы нужды разбирать, хороша или худа изложенная ими вѣра. Онъ помнить, что должно слѣдовать той, которая утверждена девяносто семью епископами въ Антиохіи, и кто вводитъ что-нибудь кромѣ этого, тотъ чуждъ благочестія и Церкви. Всѣ бывшіе съ нимъ подтвердили его мысль,—и тогдашнее засѣданіе Собора кончилось. На слѣдующій день Акакій и Георгій съ сообщниками уже не рѣшались явиться въ собраніе. Не явился и Леона, хотя былъ приглашаемъ, ибо явно слѣдовалъ образу ихъ мыслей. Посланные къ нему встрѣтили въ его домѣ сообщниковъ Акакія и, когда стали просить и звать его въ собраніе, онъ отказался подъ тѣмъ предлогомъ, что Соборъ раздѣлился на партіи, между тѣмъ какъ царь приказалъ ему присутствовать на Соборѣ согласномъ и полномъ. Время проходило въ томъ, что прочіе епископы часто приглашали акакіанъ, а акакіане просили нѣкоторыхъ придти въ домъ Леоны, либо утверждали, что царь повелѣлъ имъ судить всѣхъ другихъ, и не соглашались ни исповѣдать одну и ту же вѣру, ни оправдываться въ обвиненіяхъ, ни являться для изслѣдованія дѣла о Кириллѣ, котораго низложили сами же, безъ всякихъ постороннихъ побужденій. Наконецъ, собравшіеся на Соборъ епископы низложили между нѣкоторыми другими Георгія епископа александрійскаго, Акакія кесарійскаго, Уранія тирскаго, Патрофила скинопольскаго и

Евдоксія антиохійскаго, а многихъ лишили церковнаго общенія, доколѣ они не оправдаются въ внесенныхъ на себя обвиненіяхъ. Объ этихъ опредѣленіяхъ написали они во всѣ епархіи, а на мѣсто Евдоксія, въ епископа антиохійскаго рукоположили пресвитера тамошняго клира Адріана. Но акакіане схватили его и выдали Леоніи и Лаврикію, которые сперва содержали его подъ военною стражею, а потомъ присудили къ ссылкѣ. Таково было окончаніе Собора селевкійскаго. Онъ описанъ сокращенно; а кто хочетъ знать о каждомъ обстоятельстве подробно, тотъ пусть читаетъ акты, написанные бывшими на Соборѣ скорописцами.

глава 23.

Объ Акакіи и Аэціи, и о томъ, какъ царь склонилъ посольства обоихъ—ариминскаго и селевкійскаго—Соборовъ мыслить одинаково.

Послѣ такого окончанія этихъ дѣлъ, сообщники Акакія поспѣшно отправились ко двору, а прочіе разѣхались по домамъ. Избранные же изъ нихъ общимъ мнѣніемъ десять епископовъ, согласно съ повелѣніемъ, прибыли къ царю и нашли тамъ десятерыхъ, посланныхъ отъ Собора ариминскаго, и акакіанъ, которые свой образъ мыслей успѣли уже внушить сильнымъ при дворѣ людямъ и чрезъ нихъ пріобрѣли царское благоволеніе. Изъ придворныхъ, говорятъ, одни были ихъ единомышленниками, другіе подкуплены ими на счетъ церковныхъ иму-

ществомъ, а иные обмануты льстивыми рѣчами и достоинствомъ убѣждавшаго; ибо Акакіи почитался не какимъ нибудь обыкновеннымъ епископомъ, поколику отъ природы былъ способенъ отлично мыслить, говорить и приводить въ исполненіе свои намѣренія, управлялъ знаменитою Церковію, гордился своимъ учителемъ Евсевіемъ Памфиловымъ, послѣ котораго наследовалъ (кесарійское) епископство, и пользуется славою сочиненій его, перешедшихъ къ нему по преемству, выдавалъ себя за чловѣка, знающаго болѣе другихъ. Бывъ такимъ мужемъ, онъ легко достигалъ, чего хотѣлъ. Когда же въ Константинополь отъ обоихъ Соборовъ приходилось двадцать пословъ, да сверхъ сего случилось тамъ нѣсколько другихъ епископовъ; то сперва Гоноратъ, незадолго предъ тѣмъ, по возвращеніи царя изъ западной имперіи, сдѣланный первымъ префектомъ Константинополя, получилъ приказаніе разсмотрѣть, въ присутствіи членовъ верховнаго совѣта, дѣло объ Аэціи, а потомъ, вмѣстѣ съ правительственными лицами, разематрировалъ его самъ Констанцій. Въ слѣдствіе сего Аэцій оказался неправомыслящимъ въ вѣрѣ, такъ что богохульными его рѣчами были раздражены и царь и всѣ прочіе. Говорятъ, что акакіане, сначала притворяясь, будто не знаютъ этой ереси, нарочито домогались, чтобы сужденіемъ о ней занялся самъ царь съ своими приближенными, и надѣялись, что Аэ-

цій на словахъ останется неопровержимымъ , что онъ будетъ въ состояніи увлечь слушателей къ убѣжденію, и ересь невольно одержитъ верхъ. Когда же послѣдствія не оправдали ихъ надеждъ; то они предложили символъ, привезенный изъ Аримина, и начали требовать, чтобы послы селевкійскаго Собора приняли его. Но такъ какъ послѣдніе утверждали, что они никакъ не оставятъ слова: существо; то первые съ клятвою увѣрили, что и сами они не почитаютъ Сына неподобнымъ по существу, и даже готовы произнести проклятiе противъ этой ереси. Послику-же западные въ Ариминѣ сверхъ чаянiя отвергли слово: существо, то акакіане и стали держаться ихъ изложенiя; потому что, если оно, говорили, будетъ принято, то вмѣстѣ съ словомъ: существо, будетъ умолчано и слово: единосущный, которое однакожъ западные епископы, изъ уваженiя къ никейскому Собору, цѣнили весьма высоко. Притомъ и самъ царь рѣшился принять это исповѣданіе, ибо имѣлъ въ виду многочисленность собиравшихся въ Ариминѣ и разсуждалъ, что не будетъ грѣха, если онъ станетъ исповѣдывать (Сына) подобнымъ, а не подобносущнымъ, и что у него не будетъ различiя въ мысляхъ, если, отвергнувъ слова, неупотребляющіеся въ священномъ Писанiи, онъ равносильнымъ и безспорнымъ словомъ: подобный, будетъ выражать одинъ и тотъ же смыслъ. Разсуждал такимъ образомъ, Кон-

станцій приказаль епископамъ единодушно принять изложенное Соборомъ ариминскимъ исповѣданіе и, готовясь на другой день къ консульскому торжеству, какое, по римскому обычаю, совершалось въ началѣ мѣсяца Января, провелъ весь день и большую часть наступившей ночи между епископами въ разсужденiяхъ (о вѣрѣ), пока и прибывшіе изъ Селевкии не подписались подъ привезеннымъ изъ Аримина символомъ.

глава 24.

О томъ, что акакіане подтвердили опредѣленiя ариминскаго Собора; также списокъ изложенныхъ епископовъ, и о томъ, за какiя вины они изложены.

Пробывъ нѣсколько времени въ Константинополѣ, Акакій съ сообщниками вызвалъ изъ Визоннiи епископовъ, въ числѣ которыхъ были Марій халкидонскій и Ульфила готскій. Сошедши въ одно мѣсто до пятидесяти, они подтвердили читанное въ Ариминѣ изложеніе вѣры и присовокупили, чтобы впредь отнюдь не упоминать ни о существѣ, ни объ ипостаси въ Богѣ и, кромѣ этого символа, отвергнуть все другіе, бывшіе и будущіе. Послѣ сего лишили діаконскаго сана Аэція — за то, что онъ писалъ сочиненiя спорныя, хвастаясь мудростію, несогласною съ духомъ Церкви, въ разговорахъ употреблялъ нечестивыя выраженiя и производилъ въ Церквахъ безпокойства и смятенiя. Нѣкото-

рые говорятъ, что они низложили его не по убѣжденію, но желая оправдать себя во мнѣніи царя; ибо ихъ обвиняли въ единомысліи съ Аціемъ. Пользуясь тѣмъ, что царь, по выше-сказаннымъ причинамъ, гнѣвался на Македонія, акакіане низложили и его, равно какъ Элевсія кизикскаго, Василія анкирскаго, Эортасія сардскаго и Дракоптія пергамскаго. Отличаясь отъ этихъ епископовъ ученіемъ, они, при низложеніи ихъ, не порицали вѣры низлагаемыхъ, но вѣсьмъ имъ вообще вѣняли въ вину то, что они возмущали Церкву и нарушали церковные законы, а каждому порознь приписывали особенныя преступленія. Именно Василія обвиняли въ томъ, будто онъ у александрійскаго пресвитера Діогена, проѣзжавшаго чрезъ Анкиру, отнялъ бумаги и нанесъ ему удары, также безъ суда велѣлъ (гражданскимъ) начальникамъ сослать въ ссылку и подвергнуть другимъ наказаніямъ нѣкоторыхъ антиохійскихъ клириковъ при рѣкѣ Евфратѣ, въ Киликіи, Галатіи и Азіи; такъ что послѣдніе испытали желѣзные узы, а свои имущества отдали вѣдшимъ ихъ воинамъ, чтобы не терпѣть отъ нихъ оскорбленій. Обвиняли его и въ томъ, будто, когда царь приказалъ привести Ація и нѣкоторыхъ изъ его сообщниковъ къ Кекронію для оправданія въ представленныхъ противъ нихъ обвиненіяхъ, онъ чиновника, имѣвшаго это порученіе отъ царя, убѣдилъ поступить такъ, какъ хотѣлось ему са-

мому, а префекту Гермогену и правителю Сирии написалъ, кого и куда надобно сослать въ ссылку, и, когда царь приказалъ возвратитъ ихъ изъ ссылки, онъ воспрепятствовалъ этому, противясь и гражданскимъ, и духовнымъ начальникамъ. Къ сему присовокупляли, будто онъ возмутилъ сирійскій клиръ противъ Герминія, и въ письмѣ говоря о своемъ общеніи какъ съ нимъ, такъ съ Валентомъ и Урсакіемъ, между тѣмъ клеветалъ на нихъ предъ африканскими епископами, а, когда обвиняли его въ этомъ, не признавался и клялся; бывъ же обличенъ, старался хитростію прикрыть свое клятвенное преступленіе;—также будто онъ былъ виновникомъ несогласія и смятеній у Иллирійцевъ, Италійцевъ и Африканцевъ, и событій въ римской Церквѣ;—будто приказалъ заключить въ узы одну служанку и заставилъ ее дать ложное показаніе на госпожу;—будто крестилъ и удостоилъ діаконскаго сана одного развратнаго челоука, жившаго съ женщиною не по закону брака, и не отлучилъ отъ Церкви одного бродягу, виновнаго въ убійствахъ;—будто за священною трапезою составлялъ заговоры, заклиналъ клириковъ и связывая ихъ божбою, что они не будутъ обвинять другъ друга, а дѣлалъ это съ тою хитрою цѣлію, чтобы самому, какъ предстоятелю клира, избавиться отъ обвиненія обличителей. Вотъ кратко приведенныя причины низложенія Василіева. Евстація же акакіане низложили за

то, что, когда онъ былъ еще пресвитеромъ, отецъ его, епископъ Кесаріи кападокійской, Евлалій осудилъ его и отлучилъ отъ общенія въ молитвахъ; потомъ въ Неокесаріи понтійской онъ не былъ принятъ въ общеніе Соборомъ и низложенъ епископомъ константинопольскимъ Евсевіемъ за не выполненіе нѣкоторыхъ возложенныхъ на него обязанностей. Равнымъ образомъ, какъ чело-вѣкъ учащій, дѣйствующій и мыслящій не право, былъ онъ лишенъ епископства Соборомъ гангрійскимъ, обличенъ въ клятвoprеступленіи на Соборѣ антиохійскомъ, старался измѣнить опредѣленія Собора мелитинскаго, и наконецъ, бывъ самъ виновенъ во многихъ преступленіяхъ, хотѣлъ быть судіею и называлъ другихъ неправославными. Элевсія низложили они за то, что какого-то Ираклія, родомъ Тирянина, который былъ жрецомъ тамошняго геркулесова храма, обличенъ въ волшебствѣ и, подвергшись наказанію, убѣжалъ въ Кизику и тамъ проживалъ, —этого Ираклія, притворявшагося Христіаниномъ, онъ неосмотрительно удостоилъ діакопскаго сана и, узнавъ его послѣ не такимъ, не отлучилъ отъ Церкви; — равнымъ образомъ, что онъ безъ изслѣдованія рукоположилъ нѣсколько лицъ, которыя, бывъ осуждены халкидонскимъ епископомъ Маріемъ, присутствовавшимъ на халкидонскомъ Соборѣ, удалились въ Кизику. Эортасія низложили за то, что онъ сдѣланъ епископомъ сардскимъ безъ согласія

епископовъ лидійскихъ. А Драконтія пергамскаго—за то, что онъ прежде былъ епископомъ въ Галатіи, и потому оба эти рукоположенія, какъ незаконныя, признали недѣйствительными. Послѣ сего они опять собрались и низложили Сильвана, епископа тарейскаго, Софронія, епископа Помпеополиса нафлагонскаго, Элидія саталійскаго и Неону, епископа Селевкіи псаврійской. Сильвана низложили за то, что онъ былъ виновникомъ безумія другихъ въ Селевкіи и Константинополь, и что предстоителемъ каставальской Церкви сдѣлалъ Ософила, который, епископами палестинскими бывъ прежде рукоположенъ въ епископа Элевоерополиса, далъ клятву, что безъ ихъ согласія другаго епископства не приметъ. Софронія за то, что онъ былъ любостяжатедемъ, вздумалъ продавать въ свою пользу посвященные церкви привошенія и, призываемый нѣсколько разъ, едва явился, да и то не хотѣлъ оправдываться въ обвиненіяхъ предъ ними, а избралъ судей постороннихъ. Неону за то, что онъ хлопоталъ въ своей Церкви о рукоположеніи епископа антиохійскаго Аниана и нѣкоторыхъ неопытныхъ въ священномъ Писаніи и церковныхъ законахъ людей, бывшихъ прежде въ гражданской службѣ, неосмотрительно сдѣлалъ епископами, а они потомъ священному сану предпочли имущества и письменно объявили, что соглаены лучше оставаться въ (гражданской) службѣ, владея имуществомъ,

нежели быть епископами и лишиться его. А Элиидія за то, что онъ содѣйствовалъ Василию въ смутахъ и былъ виновникомъ безчестія, и что, вопреки опредѣленію мелитинскаго Собора, возстановилъ въ прежній санъ низложеннаго съ пресвитерства Евсевія, а пѣкоторую женщину Нектарію, лишенаю общенія за нарушеніе договоровъ и клятвъ, удостоилъ званія діакоиссы, тогда какъ, по законамъ Церкви, не слѣдовало воздавать ей никакой чести.

ГЛАВА 25.

О причинѣ низложенія іерусалимскаго епископа Кирилла; о разногласіи тогдашнихъ епископовъ между собою, и о томъ, что Мелетій, рукоположенный арианами, сдѣлалъ предстоителемъ Севастіи ольство Евставія.

Вмѣстѣ съ другими акакіане низложили и Кирилла іерусалимскаго—за то, что онъ имѣлъ общеніе съ Евстагіемъ и Элиидіемъ, противниками Собора мелитинскаго, на которомъ самъ присутствовалъ, и что, бывъ низложенъ въ Палестинѣ, имѣлъ общеніе съ Василиемъ и лаодикійскимъ епископомъ Георгіемъ. Кирилль, еще векоръ по вступленіи на іерусалимское епископство, какъ предстоитель апостольскаго престола, спорилъ съ Акакіемъ кесарійскимъ о правахъ митрополита. Съ тѣхъ поръ уже нитали они вражду и обвиняли другъ друга въ неправыхъ попятіяхъ о Богѣ; ибо тотъ и другой были подозрѣваемы — Акакій въ послѣдованіи ученію Арія, а Кирилль въ согласіи съ тѣми, которые

признавали Сына подобносущнымъ Отцу. Имѣя такое расположеніе къ Кириллу, Акакій, вмѣстѣ съ единомышленными епископами своей области, еще прежде изложилъ его подъ слѣдующимъ предлогомъ: когда въ іерусалимской странѣ былъ голодъ и множество бѣдныхъ, неимѣвшихъ насущнаго хлѣба, обращали взоры къ епископу, а у него не было денегъ, чтобы помочь имъ; тогда онъ распродалъ драгоценные сосуды и священныя завѣсы. Рассказываютъ, что потомъ кто-то увидѣлъ собственную, пожертвованную имъ въ церковь вещь на одной театральной женщинѣ и, спросивъ: откуда она получила ее, — узналъ, что ей продалъ эту вещь купецъ, а купцу—епископъ. Вотъ предлогъ, подъ которымъ Акакій низложилъ Кирилла. Всѣхъ вышеупомянутыхъ и, какъ сказано, низложенныхъ епископовъ акакіане изгнали изъ Константинополя, а пѣкоторыхъ, засѣдавшихъ съ собою, но не соглашавшихся подписать низложеніе и бывшихъ въ числѣ десяти, отдѣлили отъ своего общества и запретили имъ священнодѣйствовать и управлять Церквами до тѣхъ поръ, пока они не подпишутся: если же не перемѣнятъ своихъ мыслей въ теченіе шести мѣсяцевъ и не изъявятъ согласія на все опредѣленія и дѣянія этого Собора; то угрожали и ихъ низложить и написать къ областнымъ епископамъ, чтобы они собрались и на мѣсто этихъ рукоположили другихъ. Постановивъ такіа овре-

дѣленія и приведши ихъ въ исполненіе, акакіане предписали всеѣмъ епископамъ и клирикамъ хранить эти предписанія и дѣйствовать по нимъ. Въ слѣдствіе сего, чрезъ нѣсколько времени сообщники Евдоксія поставляютъ одного на мѣсто другаго: мѣсто Македонія занимаетъ самъ Евдоксій, Василія замѣщаетъ Аонасій, Элевсія смѣняетъ Евионій, который послѣ былъ главою ереси, называемой его именемъ, а вмѣсто Евстація предстоятелемъ Церкви севастійской дѣлается Мелетій.

глава 26.

О смерти Македонія константинопольскаго; о томъ, что въ своемъ поученіи сказалъ Евдоксій, какъ Евдоксій и Акакій старались уничтожить исповѣданіе никейское и ариминское, и какое отъ того произошло въ Церквахъ смѣненіе.

Изложенный съ епископскаго престола константинопольской Церкви, Македоній жилъ въ усадьбѣ близъ городскихъ воротъ и тамъ скончался, а Церковію началъ управлять Евдоксій. Это произошло въ десятое консульство Констанція и третье—кесаря Юліана. Совершая въ первый разъ богослуженіе при освященіи великой церкви, называемой Софією, онъ взошелъ, говорятъ, на іерейскую кафедру и, какъ бы намѣревался учить народъ, въ самомъ началѣ поученія произнесъ: Отецъ не чтителенъ (*ὁ πατήρ*), а Сынъ чтителенъ (*ὁ υἱός*). Когда же въ народѣ произошелъ шумъ, то онъ сказалъ: успокойтесь; Отецъ не чтителенъ потому, что не чтитъ ни-

кого, а Сынъ, чтителенъ потому, что чтитъ Отца. Послѣ такихъ словъ его, слушателями овладѣлъ смѣхъ. Но больше всего онъ и Акакій старались у всеѣхъ привести въ забвеніе никейскія опредѣленія и, читанный въ Ариминѣ символъ съ своими дополненіями, въ видѣ поправокъ, разославъ по всей имперіи, требовали, чтобы не подписывающіе его, по повелѣнію царя, наказываемы были ссылкой. Такимъ образомъ надѣялись они, говорятъ, безъ труда достигнуть своей цѣли. Но это было началомъ величайшихъ бѣдствій: во всей имперіи произошли такія же смѣтенія, о какихъ говорено выше; во всеѣхъ Церквахъ начались почти такія же гоненія, какія бывали при царяхъ-язычникахъ. Хотя тѣлесныя мученія казались умѣреніе, но людей благомыслящихъ онъ безъ сомнѣнія болѣе тяготили стыдомъ; ибо тѣ и другіе, гонящіе и гонимые, принадлежали къ Церкви,—и это зло было тѣмъ постыднѣе, что священными законами запрещаются враждебные поступки въ отношеніи не только къ единоплеменикамъ, но и къ людямъ чуждаго племени.

глава 27.

О томъ, что изложенный съ кафедры Македоній богохульствовалъ на Святая Духа, и что Маркониій вмѣстѣ съ другими распространилъ его ересь.

Нововведеніе, бывъ поощряемо похвалами, увеличивалось болѣе и болѣе и возрасло въ

ересь. Слишкомъ полагался на себя и презирая преданія отеческія, оно постановило собственные законы и не хотѣло мыслить о Богѣ согласно съ древними, но, изобрѣтая всегда новые догматы, не преставало прилагать новости къ новостямъ, что случается и нынѣ. Какъ скоро Македоній съ константинопольской каедры былъ низложенъ, то уже не сталъ мыслить одинаково съ акакіанами и евдоксіанами, но началъ учить, что Сынъ есть Богъ, подобный Отцу и по всему другому, и по существу, а Духа Святаго не признавалъ причастнымъ тѣхъ-же преимуществъ, называя Его служителемъ, исполнителемъ и другими именами, приличными святымъ ангеламъ. Такое ученіе раздѣляли съ нимъ Элевсій, Евстацій и другіе, низложенные тогда въ Константинополь послѣдователями противной ереси. Къ нимъ присоединилась не малая часть и народа въ Константинополь, Вивинн, Оракіи, Геллеспонтъ и областяхъ сосѣднихъ; ибо жизнь ихъ, на которую народъ больше всего обращаетъ вниманіе, была безукоризненна, походка—степенна, правила препровожденія времени—сходны съ монашескими, рѣчь—проста, нравъ—привлекателенъ. Таковъ именно, говорятъ, былъ тогда и Мараоній. Въ должности государственнаго счетчика при областныхъ войскахъ наживъ большое богатство, онъ оставилъ военную службу и сначала сдѣлался смотрителемъ общины больныхъ и бѣдныхъ, а потомъ, по убѣжденію

севастіекаго епископа Евстація, началъ вести жизнь подвижническую и основалъ въ Константинополь общину монаховъ, которая съ того времени преемственно сохраняется донынѣ. Мараоній своими усиліями и деньгами такъ поддерживалъ эту ересь, что нѣкоторые македоніанъ называютъ мараоніанами и, я думаю, не несправедливо; ибо, кажется, онъ одинъ съ своею братіею былъ причиною того, что эта ересь не совсѣмъ исчезла въ Константинополь. Со времени низложенія Македонія, послѣдователи его ереси не имѣли ни церквей, ни епископовъ до царствованія Аркадія: въ этомъ препятствовали имъ аріане, отбирая церкви и подвергая тяжкимъ мученіямъ всѣхъ мыслившихъ несогласно съ собою. Но перечислить епископовъ, которые въ то время были изгнаны изъ своихъ городовъ, весьма трудно: я думаю, во всей римской имперіи не осталось ни одной области, не испытавшей этого бѣдствія.

глава 28.

О томъ, какъ аріане, почитая солтаго Мелетія своимъ единомышленникомъ, пересели его изъ Севастіи въ Антіохію; когда же онъ дерзновенно неповѣдалъ православіе, то были постыжены, и низложили его, на ту плещу возвели Евзолъ; а Мелетій началъ дѣлать частныя собранія, потому что неповѣдали епископы чуждалась его, какъ рукоположеннаго аріанами.

Въ то время, какъ Евдоксій управлялъ константинопольскою Церковію, многимъ хотѣлось присвоить себѣ каедру антіохійскую. Отъ это-

го, по обыкновенному ходу дѣль въ подобныхъ случаяхъ, происходили ссоры и различныя смятенія между клиромъ и народомъ; ибо въ предстоятеля Церкви каждая сторона старалась избрать того, кого считала согласнымъ съ собою во вѣрѣ. А разногласить касательно ученія они еще не перестали и въ псалмопѣніяхъ все еще не сходились другъ съ другомъ, но пѣніе, какъ сказано выше, всякій приспособлялъ къ собственному вѣрованію. При такомъ состояніи антиохійской Церкви, сообщникамъ Евдоксія казалось благовременнымъ перемѣстить туда изъ Севастіи Мелетія, какъ челоуѣка способнаго говорить и убѣждать, добродѣтельнаго по жизни и прежняго ихъ единомышленника. Они, конечно, надѣялись, что слово этого мужа привлечетъ къ ихъ ереси жителей Антиохіи и соседнихъ городовъ, особенноже такъ называемыхъ евстаціанъ, которые мыслили о Богѣ по преданію никейскаго Собора. Но вышло не то, чего надѣялись. Когда Мелетій прибылъ въ Антиохію; то собралось, говорятъ, множество народа изъ послѣдователей Аріевыхъ и общниковъ Павлиновыхъ, — одинъ съ намѣреніемъ посмотреть мужа, котораго слава долетѣла къ нимъ еще прежде его прибытія, другіе, желая узнать, что онъ скажетъ и съ кѣмъ согласится; ибо была молва, что онъ держится ученія отцовъ никейскаго Собора, какъ доказали и послѣдствія. Сначала Мелетій всенародно говорилъ такъ на-

зываемыя нравственныя поученія, а наконецъ открыто исповѣдалъ Сына единосущнымъ Отцу. Говорятъ, что, когда онъ еще произносилъ это, архидіаконъ тамошняго клира подбѣжалъ и заградилъ ему уста рукою; но онъ ясиѣе, чѣмъ голосомъ, выразилъ свою мысль, посредствомъ руки, показавъ сначала только три пальца, а потомъ опять сложивъ ихъ и показавъ одинъ, — и этимъ видомъ руки изобразилъ народу то, что мыслилъ и что препятствовало ему высказать. Когда же неловкій архидіаконъ схватилъ его руку и чрезъ то открылъ уста; то онъ, получивъ свободу языка, еще ясиѣе и громче объявилъ свою мысль, то-есть, увѣщавалъ держаться опредѣленій никейскихъ и внушалъ слушателямъ, что мыслящіе иначе отступаютъ отъ истины. Между тѣмъ какъ Мелетій продолжалъ тоже самое либо говорить, либо опять показывать рукою, смотря потому, что можно было дѣлать при помѣхѣ архидіакона, отъ чего между ними происходила борьба, почти похожая на театральную, — евстаціане громко восклицали, радовались и прыгали, а аріане стояли съ поникшими головами. Услышавъ объ этомъ, сообщники Евдоксія смутились и вознамѣрились изгнать Мелетія изъ города. Сначала они убѣждали его исправить сказанное и, какъ бы раскаявшись, принять противное ученіе; но такъ какъ онъ не оставлялъ своихъ мыслей, то царь приказалъ изгнать его изъ Церкви и отравить

въ ссылку. Когда это было исполнено, то на антиохійскую каедру вступил Евзой, который нѣкогда былъ низложенъ вмѣстѣ съ Аріемъ: а преданные Мелетію, отдѣлившись отъ единомышленниковъ Арія, собирались особо; потому что исповѣдавшіе издревле Сына единосущнымъ Отцу не соглашались имѣть съ ними общеніе, такъ какъ Мелетій былъ рукоположенъ епископами аріанскими, да и послѣдователи его крещены такими же священниками. По этой-то причинѣ отдѣлились они одни отъ другихъ, хотя мыслили и одинаково. Между тѣмъ, царь услышалъ о новыхъ движеніяхъ Персовъ и прибылъ въ Антиохію.

ГЛАВА 29.

О томъ, что акакіане и теперь не остались спокойными, но старались изгнать единосущіе и возстановить ересь аріанскую.

Сообщники Акакія и теперь не могли оставаться спокойными, но, собравшись въ Антиохію, вмѣстѣ съ немногими другими, отвергли прежнія свои опредѣленія и разсудили—изъ символовъ, читаннаго въ Ариминѣ и Константинополѣ, исключить слово: подобный, и учить, что Сынъ не подобенъ Отцу ни почему, — ни по существу, ни по волѣ, и что Онъ произошелъ изъ несущаго, какъ нѣкогда проповѣдовалъ Арій. Съ ними согласились и единомышленники Аэція, который послѣ Арія первый осмѣлился явно употреблять эти выраженія,

отъ чего и называемъ былъ безбожникомъ, а послѣдователи его—аномеями и эксуконтами ¹⁾. Когда державшіеся никейскихъ опредѣленій спрашивали ихъ, какъ они, исповѣдуя Сына Богомъ отъ Бога, осмѣливаются, вопреки прежнему своему символу, называть Его неподобнымъ (Богу) и происшедшимъ изъ несущаго; то они отвѣчали, что и апостоль Павелъ сказалъ: *вся отъ Бога суть*, а въ числѣ всего заключается и Сынъ, и что въ такомъ-то смыслѣ, по ученію священнаго Писанія, надобно принимать сдѣланное ими прибавленіе. Такъ толковали и лжемудрествовали акакіане. Наконецъ, бывъ не въ состояніи достаточно оправдаться предъ тѣми, которые обвиняли и порицали ихъ за это, они снова прочитали одобренное въ Константинополѣ исповѣданіе вѣры и, закрывъ Соборъ, удалились въ свои города.

ГЛАВА 30.

О Гергійѣ александрійскомъ и епископахъ іерусалимскихъ, какъ послѣ Кирилла смѣнились три епископа, за которыми на каедру іерусалимскую вступило опять Кириллъ.

Въ то время, какъ Афанасій скрывался, Гергій, прибывъ въ Александрію, началъ жестоко оскорблять язычниковъ и мыслившихъ несогласно съ нимъ Христіанъ. Тѣхъ и другихъ принуждалъ онъ почитать Бога такъ, какъ ему

¹⁾ Аномен отъ *ἀνόμοτος*, неподобный; эксуконты отъ *ἐξ οὐκ ὄντων* — изъ ничего. Vid. Athan. in lib. de Syn. Arim. et Seleuc.

хотѣлось, а противившихся этому преслѣдоваль. Къ нему питали ненависть и знатные — за то, что онъ презираль ихъ и хотѣль повелѣвать начальниками, — и народъ — за то, что онъ тиранствовалъ и имѣль силу больше всѣхъ. Особенно же досадовали на него язычники, что онъ пренятствовалъ имъ приносить жертвы и совершать древнія праздниства, и что, приведши съ собою въ городъ воиновъ и египетскаго военачальника съ оружіемъ, лишилъ ихъ храмы идоловъ пожертвованій и украшеній. Впослѣдствіи это служило поводомъ къ его умерщвленію, о чемъ я разскажу вккорѣ. По изложениі Кирилла, какъ сказано выше, іерусалимскую Церковь получилъ Эреній, за нимъ Праклій, а потомъ Иларій. Эти епископы управляли тамошнею Церковію, сколько извѣстно, до царствованія Феодосія; а при Феодосіѣ Кирилль снова вступилъ на прежнюю свою кафедру.

КОНЕЦЪ ЧЕТВЕРТОЙ КНИГИ ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРИИ.

ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРИИ

ЭРМІЯ СОЗОМЕНА САЛАМИНСКАГО

КНИГА ПЯТАЯ.

ГЛАВА I.

Объ отпаденіи отступника Юліана отъ веры и о кончинѣ царя Констанція.

Такъ шли дѣла въ Церквахъ восточныхъ. Между тѣмъ Кесарь Юліанъ, одержавъ побѣду надъ Варварами, обитавшими по берегамъ Рейна, частію перебилъ ихъ, а частію забралъ живыми. Прославившись этимъ, онъ пріобрѣлъ также любовь войскъ мягкостію права и обходительностію и былъ провозглашенъ отъ нихъ Августомъ. По сему случаю, не просилъ онъ, какъ бы слѣдовало, извиненія у Констанція, а напротивъ смѣнилъ поставленныхъ имъ начальниковъ и нарочито показываль его письма, которыми онъ призываль Варваровъ на помощь противъ Магненція и ввелъ ихъ въ предѣлы римской имперіи. Притомъ Юліанъ доселѣ казался Христіаниномъ, а теперь вдругъ перемѣнилъ вѣру и, назвавъ себя верховнымъ жрецомъ, началъ посѣщать языческіе храмы, приносить жертвы и убѣждать къ тому же своихъ подданныхъ. Такъ какъ въ то время ждали на-

паденія Персовъ на предѣлы римской имперіи; то Констанцій жилъ въ Сиріи. Предполагая, что въ этихъ обстоятельствахъ можно безъ боя занять Иллирію, Юліанъ направился туда — подъ тѣмъ предлогомъ, будто идетъ оправдаться предъ Констанціемъ, что царскіе знаки отъ войска принялъ не охотно, противъ своего желанія. Рассказываютъ, что какъ скоро онъ подошелъ къ предѣламъ Иллиріи, виноградныя сады, уже послѣ сбора зрѣлыхъ плодовъ, именно во время захожденія Плеядъ, наполнились зелеными виноградными кистями, а выпавшая изъ воздуха роса, разливаясь по его платю и по платю его слугинковъ, своими каплями отпечатлѣвала на нихъ знакъ креста. Не во время явившійся кисти винограда и ему самому, и многимъ его приближеннымъ показались хорошимъ предзнаменованіемъ, а роса (думали они) случайно выпала и такъ расписала ихъ одежды. Но иные говорили, что изъ двухъ знаменій одно предвѣщаетъ раннюю гибель царя, по подобію зеленыхъ виноградныхъ кистей, и кратковременность его царствованія, а другое свидѣтельствуесть о небесномъ ученіи Христіанъ и о томъ, что все должно осѣняться знаменіемъ креста. Предсказывавшіе царю несчастія, по видимому, не погрѣшали противъ истины; ибо послѣдующее время доказало, что оба эти истолкованія были вѣрны. Между тѣмъ Констанцій узналъ о вооруженіи противъ себя Юліана и, оставивъ

приготовленія къ персидской войнѣ, отправился въ Константинополь, но во время путешествія скончался въ Мопсукриняхъ, между Киликією и Каппадокією, близъ Тавра, на сорокъ пятomъ году отъ рожденія. Царствовалъ онъ тринадцать лѣтъ вмѣстѣ съ отцемъ, да двадцать пять — послѣ него. По кончинѣ Констанція, Юліанъ овладѣлъ уже Оракією и, вскорѣ вступивъ въ Константинополь, провозглашенъ былъ самодержцемъ. Язычники рассказывали, что еще прежде, чѣмъ оставилъ онъ Галлію, предвѣщатели и демоны возбуждали его къ этому вооруженію, предсказывая ему смерть Констанція и перевороты въ государствѣ. Это предсказаніе можно бы назвать достовернымъ, если бы вскорѣ не пресѣклась жизнь самаго Юліана, такъ что царствованіемъ наслаждался онъ какъ бы въ сновидѣніи; ибо, мнѣ кажется, безумно говорить, будто, посредствомъ пророчанія предузнавъ нечаянную кончину Констанція и собственную свою гибель отъ Персовъ, онъ охотно однакожь пошелъ на явную смерть, которая ему не могла доставить ничего, кромѣ мнѣнія многихъ о его неблагоразуміи и незнаніи воинскаго искусства, а римскую имперію подвергала такой опасности, что Персамъ послѣ того не трудно было покорить почти всю ее, или большую часть ея. Впрочемъ объ этомъ сказали мы только для того, чтобы не сдѣлать пропуска; а думать великій можетъ, какъ кому угодно.

ГЛАВА 2.

О жизни, обычаяхъ, правилахъ и возшествіи на престолъ Юліана.

По кончинѣ Констанція, Церковь возмущена была страхомъ гоненій, и ожиданіе искушенія сдѣлалось для Христіанъ ужаснымъ—частию отъ большаго промежутка времени, которое изгладило въ нихъ привычку къ подобнымъ опасностямъ, частию отъ воспоминанія прежнихъ козней, а частию отъ ненависти государя къ ихъ ученію. Говорятъ, что онъ тотчасъ же съ явнымъ безстыдствомъ отрекся отъ вѣры во Христа, такъ что, отмѣнивъ таинство Церкви, очистился отъ нашего крещенія какими-то жертвами, призываніями, извѣстными у язычниковъ подъ именемъ заклинаній, и кровію животныхъ, и съ того времени частно и всенародно совершалъ закланія, употреблялъ идо-ложертвенное и вообще исполнялъ языческіе обряды. Однажды, разсматривая жертву, увидѣлъ онъ, говорятъ, въ ея внутренностяхъ знакъ креста, окруженнаго вѣнцомъ. Прочіе участники гаданія при этомъ случаѣ ужаснулись, заключая отсюда о силѣ нашей вѣры и вѣчности ученія; потому что крестъ, окруженный вѣнцомъ, означаетъ побѣду: въ своемъ кругѣ начинаясь отсюда и замыкаясь въ себѣ самомъ, онъ нигдѣ не имѣетъ конца. Но главный вождь въ этихъ изслѣдованіяхъ убѣждалъ не терять духа, говоря, что внутренности благоприятны и

согласны съ желаніемъ; ибо символъ (христіанскаго) ученія запертъ и стѣсненъ ими, чтобы ограниченный фигурою круга, не могъ онъ ни распространяться, ни безбоязненно идти, куда хочетъ. Слышалъ я также, что для какого-то посвященія, или гаданія, Юліанъ сходилъ въ одинъ изъ знаменитѣйшихъ и страшныхъ (языческихъ) тайниковъ, и что, когда печально представились ему тамъ подготовленные и дѣйствіемъ волшебства являющіеся призраки, отъ шума и страха забылъ о настоящемъ,—ибо къ этой наукѣ приступилъ уже въ поздніе годы жизни,—и по привычкѣ перваго возраста, какъ бы будучи Христіаниномъ и находясь среди великихъ опасностей, оградивъ себя знаменіемъ Христовымъ. Отъ этого призраки вдругъ исчезли и предположенная цѣль не достигнута. Тайноводитель приведенъ былъ этимъ въ недоумѣніе и, узнавъ о причинѣ бѣгства демоновъ, поступокъ Юліана назвалъ скверною; потомъ, уговоривъ его быть мужественнымъ и ничего не дѣлать и не мыслить христіанскаго, снова началъ вводить его въ таинства. Попеченіе царя о такихъ дѣлахъ сильно огорчало и страшило Христіанъ, особенно потому, что прежде онъ былъ Христіаниномъ, ибо родился отъ благочестивыхъ, по вѣрѣ, родителей, удостоенъ крещенія по уставу Церкви, наученъ священному Писанію, воспитанъ епископами *) и лц-

*) По свидѣтельству Амміана Марцеллина (L. 22 p. 219),

нами духовными. А отецъ у него и у Галла былъ Констанцій, по отцу родной братъ царя Константина и Далмація, котораго сынъ Далмацій, нареченный Кесаремъ, послѣ смерти Константина убить былъ воинами. Лишившись отца, и сами они едва не погибли тогда вмѣстѣ съ Далмаціемъ. Галла избавила отъ козни приключившаяся ему болѣзнь, которая, какъ ожгла, и безъ того должна была умертвить его, а Юліана—юный возрастъ, потому что ему въ то время былъ только осьмой годъ. Спасшись отъ смерти столь чудесно, они получили повелѣніе жить въ Макеллѣ; а Макелла была царское мѣстечко въ Каппадокіи, близъ горы аргейской, недалеко отъ города Кесаріи, съ великолѣпнымъ царскимъ дворцомъ, банями, садами и неизсякаемыми источниками. Тамъ удостоились они царскаго содержанія и попеченія, тамъ пользовались свойственными своему возрасту наставленіями въ наукахъ и гимнастикѣ, слушали уроки учителей и истолкователей священнаго Писанія, такъ что присоединены были къ клиру и читали народу церковныя книги; даже самыми правами и дѣлами обнаруживали любовь къ благочестію, потому что весьма уважали іереевъ и другихъ добрыхъ и преданныхъ вѣрѣ мужей, часто хаживали въ молитвенные

Юліанъ въ Никомидіи воспитываемъ былъ, епископомъ никомидійскимъ Евсеіемъ.

дома и воздавали должную честь гробницамъ мучениковъ. Въ это-то время раздѣлили они, говорятъ, между собою попеченіе о построеніи огромнѣйшаго храма надъ гробомъ мученика Мамы¹⁾. Такое соревнованіе одного предъ другимъ, такое стараніе превзойти другъ друга въ уваженіи святыни могло бы показаться дѣломъ весьма страннымъ и вовсе невѣроятнымъ, если бы не дожило до-нынѣ много лицъ, слышавшихъ объ этомъ отъ самовидцевъ. При этомъ, рассказываютъ, что работы, доставшіяся на часть Галла, шли впередъ и совершались по желанію; а изъ подѣлокъ Юліана, однѣ разрушались, другія опять начинаемы были съ основанія, а нѣкоторыя не могли крѣпко держаться и при самой поверхности, какъ будто бы какая-то противная, непреоборимая и книзу гнущая сила, отвергала ихъ. Это явленіе по справедливости на всѣхъ наводило страхъ, и по сему событію многіе судили, а иные заключали, что Юліанъ въ почитаніи Бога не искрененъ, что онъ только притворяется благочестивымъ, считая дѣломъ не безопаснымъ об-

¹⁾ О Мамѣ или Мамантѣ упоминаютъ Григорій Назіанзенъ (orat. 43) и Василій Великій (homil. 26). О чудѣ, которое здѣсь описывается, говоритъ также Григорій Назіанзенъ въ 3 словѣ противъ Юліана. Смерть Мамы относятъ къ 274 году. Мученичество его случилось при императорѣ Авреліанѣ. Римляне празднуютъ его память 17 Августа, а Греки 2 Сентября. Этого мученика надобно отличать отъ другаго мученика Маманта, котораго память въ греческой Церкви чествуется 29 Июля.

наруживать свои мысли предъ тогдашнимъ государемъ-Христіаниномъ. Говорятъ также, что онъ измѣнилъ отеческому богопочтеію, бывъ расположенъ къ этому сперва обращеніемъ съ гадателями. Съ теченіемъ времени, когда гнѣвъ Констанція прошелъ, Галль, прибывъ въ Азію, жилъ въ Ефесѣ, гдѣ находилась большая часть его имѣнія, а Юліанъ, возвратившись въ Константинополь, посѣщалъ тамошнихъ учителей. Всѣмъ извѣстно было, что онъ имѣлъ отъ природы прекрасныя дарованія и легко успѣвалъ въ наукахъ; ибо, прогуливаясь въ платьѣ частнаго человѣка, со многими разговаривалъ. А такъ какъ въ немъ сверхъ того видѣли брата государева и человѣка, казавшагося способнымъ управлять дѣлами государства; то толпа столицы, что обыкновенно бываетъ, ожидала его воцаренія и много толковала объ этомъ. Въ слѣдствіе сего Юліану повелѣно было жить въ Никомидіи. Здѣсь встрѣтилъ онъ философа, Максима ефесскаго, который, начавъ преподавать ему ученіе философовъ, поселилъ въ немъ ненависть къ христіанской Религіи, и такъ какъ былъ провѣщатель, то совершенно изърадалъ народную о немъ молву. Послѣдній же,—что среди затруднительныхъ обстоятельствъ случается со многими,—лъется надеждою на лучшую будущность, считалъ его своимъ другомъ. Когда объ этомъ донесено было царю, Юліанъ въ страхѣ обрлъ себѣ волосы и притворился, будто ведетъ жизнь

монашескую, а тайно держался другой вѣры, и только пришедши въ мужскій возрастъ, сталъ свободно открывать свой образъ мыслей и стремиться къ язычеству. Между тѣмъ, узнавъ съ удивленіемъ, будто есть наука предвидѣть будущее, и полагая, что она для него нужна, началъ онъ заниматься тѣмъ, что не позволено Христіанамъ, вошелъ въ дружбу съ преподавателями этой науки и, водясь своими мыслями, изъ Никомидіи переѣхалъ въ Азію, чтобы имѣть ближайшія сношенія съ тамошними провѣщателями и къ задуманному дѣлу приложить болѣе ревности. Потомъ, когда братъ его Галль, поставленный Кесаремъ, началъ дѣлать нововведенія и по донесенію былъ лишенъ жизни, — Констанцій, подозрѣвая, что и самъ онъ стремится къ царской власти, сталъ содержать его подъ стражею. Но супруга Констанція Евсевія употребила свое ходатайство и, неспросивъ у царя позволеніе, отравила его въ Аонны. Прелогомъ къ этому было занятіе греческими науками; а на самомъ дѣлѣ ему, говорятъ, хотѣлось бесѣдовать съ тамошними гадателями о своихъ дѣлахъ. Впослѣдствіи изъ Аоннъ Констанцій вызвалъ его, поставилъ Кесаремъ и, при этомъ случаѣ, давъ ему въ супружество сестру свою Констанцію ¹⁾, послалъ его къ западнымъ Гал-

¹⁾ Вѣроятно, Елену, ибо такъ называли супругу Кесаря Юліана. А Констанція, сестра Елены, была въ замужствѣ за Галломъ.

ламъ; потому что Варвары, которыхъ нѣкогда въ помощь себѣ принималъ онъ противъ Магненція, не занятые въ этой войнѣ никакимъ дѣломъ, опустошали Галлію. Такъ какъ Юліанъ былъ еще молодъ, то управленіе дѣлами царя вѣрилъ сопровождавшимъ его военачальникамъ. Но послѣдніе были весьма лѣнны; по этому первый, какъ Кесарь, о ходѣ войны началъ заботиться самъ. Убѣждая войска не бояться опасностей и положивъ опредѣленную награду каждому за убитаго имъ Варвара, онъ возбудилъ въ нихъ готовность къ битвамъ. Приобрѣтши такимъ образомъ любовь войскъ, донесъ онъ Констанцію о недѣятельности военачальниковъ, и когда назначенъ былъ другой, началъ сражаться съ Варварами и одерживать побѣды. Тогда Варвары прислали къ нему пословъ и представили шлемы, которыми Констанцій призывалъ ихъ въ римскую землю: но Юліанъ, нарочно медля отпускомъ этого посольства, неожиданно напалъ на великое множество непріятелей и разбилъ ихъ. Говорятъ, будто Констанцій вѣрилъ ему веденіе этой войны, строя противъ него козни: но такое сказаніе мнѣ кажется невѣроятнымъ; потому что царь могъ прежде всего не дѣлать его и Кесаремъ, — зачѣмъ же сдѣлалъ? да еще выдалъ за него свою сестру, и когда тотъ жаловался на безопасность военачальниковъ, послушалъ его и вмѣсто нихъ прислалъ ему лучшаго. Для чего желалъ онъ, чтобы

Юліанъ успѣшно кончилъ войну, если не былъ къ нему расположенъ? Я догадываюсь, что въ началѣ Констанцій былъ къ нему благосклоненъ и потому объявилъ его Кесаремъ. Но когда, вопреки своему желанію, онъ провозглашенъ былъ Августомъ; то либо отъ опасенія, какъ бы не вспомнилъ онъ обиды, причиненныхъ въ дѣтствѣ ему и брату, либо отъ зависти, что онъ будетъ пользоваться равною съ нимъ властію, сталъ строить ему козни посредствомъ пререйскихъ Варваровъ. Впрочемъ это однимъ кажется такъ, другимъ иначе.

глава 3.

О томъ, что Юліанъ, возведенный на царство, сталъ ошутительно колебать Христіанство и коварно вводитъ язычество.

Какъ скоро Юліанъ остался на царствѣ одинъ; то и въ странахъ восточныхъ началъ открывать языческіе храмы. Онъ повелѣлъ брошенные изъ нихъ поправлять, разрушившіеся возобновлять и воздвигать жертвенники, избрѣлъ для нихъ источники доходовъ, возстановилъ древніе обряды, городовыя празднества и жертвоприношенія, самъ явно и всенародно совершалъ возліанія и закланія, и людей, въ этомъ отношеніи ревностныхъ, удостоивалъ великихъ почестей, тайнодѣйствователямъ, жрецамъ, іерофантамъ и служителямъ при идолахъ возвратилъ древнія преимущества и подтвердилъ права, дарованныя имъ прежними царями, такъ

же освободилъ ихъ отъ должностей и другихъ повинностей, отъ которыхъ они пѣкогда освобождены были, а храмовымъ повечителямъ отдалъ отнятые у нихъ хлѣбные запасы. При этомъ запретилъ имъ оскверняться яствами и предписалъ все правила воздержанія, чтобы они, какъ говорится у язычниковъ, были чистыми. Сверхъ того приказалъ онъ илومترъ, священныя знамена и древніе отечественные знаки перенести въ храмъ Сераписа, тогда какъ, по повелѣнію Константина, это переносимо было въ церковь, и городскимъ общинамъ часто писалъ, что городамъ, обратившимся къ язычеству, онъ позволяетъ просить, какихъ хотятъ даровъ, а къ тѣмъ, которые оставались въ Христіанствѣ, имѣлъ явное отвращеніе и не хотѣлъ ни самъ посѣщать ихъ, ни допускать къ себѣ ихъ пословъ, если бы они вздумали приносить ему какія-либо жалобы. Когда Римляне ожидали вооруженнаго нападенія Персовъ; то жителямъ города Низибы, отправившимъ по этому случаю посольство къ царю, между тѣмъ какъ все они, бывъ Христіанами, не открывали языческихъ храмовъ и не посѣщали капищъ, онъ грозилъ, что не подастъ имъ помощи, не приметъ ихъ посольства и въ нечистый городъ ихъ войдетъ не прежде, какъ узнавъ, что они обратились къ язычеству. Обвиняя въ томъ же самомъ и жителей Констанціи, Юліанъ приписалъ ихъ городъ къ Газѣ; ибо эта Констанція, какъ мы

видѣли выше, была портовымъ населеніемъ Газы и называлась Маіумою. Когда же Константинъ узналъ, что Маіума особенно предана христіанской Вѣрѣ, то возвелъ ее на степень города, и по имени своего сына назвалъ Констанціею, даровалъ ей самостоятельное управленіе; потому что несправедливо было бы, думалъ онъ, Маіумцамъ зависить отъ жителей Газы, которые были сильно преданы язычеству. Но какъ скоро возшелъ на царство Юліанъ, Газцы стали судиться съ Констанціанцами, — и царь, взявшись самъ быть ихъ судіею, приписалъ Констанцію къ Газѣ, хотя первая отъ послѣдней находилась въ двадцати стадіяхъ. Съ того времени Констанція, потерявъ свое названіе, поимъ приморской части Газы. У нихъ общи и гражданскіе правители, и военачальники, и дѣла народныя: только по отношенію къ Церкви, они и донынѣ кажутся двумя городами; потому что тотъ и другой имѣетъ особаго епископа и клиръ, дѣлаетъ особыя собранія въ память мучениковъ и для поминовенія бывшихъ у нихъ іереевъ, и опредѣляется особыми границами, въ чертѣ которыхъ находятся церковныя угоды каждой епископіи. Въ наше время, по случаю смерти одного престоителя маіумской Церкви, епископъ города Газы старался подчинить себѣ оба клира, — говоря, что незаконно одному городу управляться двумя епископами: но Маіумцы не согласились, — и мѣстный Соборъ, разобравъ дѣло, рукополо-

жилъ другаго епископа, ибо призналъ справедливымъ, чтобы мѣсто, за благочестіе праведныхъ удостоенное имени города, а по суду царя-язычника, лишившееся этого, въ іерархическомъ чинѣ Церквей не теряло дарованныхъ себѣ преимуществъ. Но это случилось гораздо поздиѣе.

глава 4.

О томъ, какое зло сдѣлалъ Юліанъ Кесарійцямъ, и о мужествомъ халкидонскаго епископа Мариса.

Въ тоже время изъ списка городовъ царь исключилъ и Кесарію, что при горѣ Аргейской ¹⁾, — городъ обширный и богатый, митрополию всей Каппадокіи, и отнялъ у него самое имя, котораго онъ удостоенъ былъ въ царствованіе Кесаря Клавдія, ибо прежде назывался Мазакію. Юліанъ и до этого уже питалъ непріязненную ненависть къ ея жителямъ — за то, что все они были Христіане и давно разрушили у себя храмы градохранителя Зевса и отечественнаго Аполлона. А когда кесарійскими Христіанами истребленъ былъ и послѣдній оставшійся у нихъ храмъ Щастія, да еще истребленъ въ его царствованіе; то онъ сильно вознегодовалъ на весь этотъ городъ и раздражился до крайности, даже укорялъ самыхъ язычниковъ, которыхъ число тамъ было довольно

¹⁾ Аргейская гора, по Страбону, въ малой Азій, между восточною частію Кесаріи и западною — Галатіи, при рѣкѣ Мелисѣ.

не значительно, что они не поспѣшили на помощь и, если бы надлежало пострадать, не пострадали. Все имущество и деньги церковей какъ въ Кесаріи, такъ и въ ея округѣ повелѣлъ онъ разыскать посредствомъ пытокъ и свезти на площадь, потомъ триста листръ золота тотчасъ же сдать въ казну, а всехъ клириковъ внести въ списокъ областного войска, въ которомъ служба по римскому войсковому вѣдомству почиталась самою убыточною и низкою ¹⁾, Христіанамъ же простаго сословія съ женами ихъ и дѣтьми сдѣлать перепись и паровиѣ съ поселянами обложить ихъ податью. При этомъ Юліанъ грозился съ клятвою, что если они въ наискорѣйшемъ времени не воздвигнутъ капище, онъ не перестанетъ метить и дѣлать зло ихъ городу, даже не согласится, чтобы Галилеяне, — такъ обыкновенно въ насмѣшку называлъ онъ Христіанъ, — носили на плечахъ головы. Эта угроза, можетъ быть, и приведена была бы въ исполненіе, когда бы въ скоромъ времени не постигла его смерть; потому что и въ самомъ началѣ своего царствованія онъ казался человѣколюбивѣе прежнихъ гонителей Церкви — не

¹⁾ Военная служба въ римской имперіи раздѣлялась на три степени: на службу придворную — при особѣ царя, или въ тѣлохранительномъ легіонѣ, на службу въ дѣйствующей арміи, и на службу областную, или въ когортахъ, охранявшихъ спокойствіе римскихъ областей. Послѣдняя служба почиталась сравнительно самою низкою и невыгодною.

взъ жалости къ Христіанамъ, а отъ того, что казни, какъ видно было изъ прежнихъ примѣровъ, несколько не способствовали къ утвержденію язычества, но что напротивъ чрезъ мужество святыхъ, за вѣру охотно шедшихъ на смерть, дѣла Христіанъ еще болѣе возрастали и становились тѣмъ славнѣе. Посему, завидуя славу ихъ, но не давая имъ пощады, онъ для измѣненія ихъ мыслей, не считалъ нужными огонь, желѣзо, тѣлесныя мученія, потопленіе, закапываніе живою, о чемъ старались прежде, но думалъ обратить ихъ къ язычеству словомъ и убѣжденіемъ, и надѣялся, что легко достигнетъ этой цѣли, если, не употребляя насилій, сверхъ чаянія покажется для нихъ человѣколюбивымъ. Говорятъ, что когда онъ приносилъ жертву въ константинопольскомъ храмѣ Шастія, халкидонскій епископъ Марисъ, подошедши къ нему, всенародно называлъ его печестивцемъ, безбожникомъ и отступникомъ; а тотъ въ отвѣтъ порицалъ его только именемъ слѣнца, — ибо епископъ, у котораго отъ старости глаза вытекли, ходилъ съ помощію вожатаго, — и по обыкновенію съ насмѣшкою поносилъ Христа, сказалъ: твой Богъ Галлдеянине не исцѣлитъ тебя. Но я благодарю моего Бога за слѣпоту, отвѣчала Марисъ;—она не позволяетъ мнѣ видѣть отступника отъ благочестія. Царь ничего не сказалъ на это и прошелъ мимо, ибо полагалъ, что неожиданно являя христіанскому на-

роду примѣры незлобія и кротости, онъ придастъ тѣмъ больше силы язычеству.

ГЛАВА 5.

О томъ, что Христіанамъ, заключеннымъ въ темницы, Юліанъ далъ свободу, чтобы Церковь тѣмъ болѣе волновалась, и о бѣдствіяхъ, придуманныхъ имъ для Христіанъ.

Помышляя такимъ образомъ, онъ возвратилъ изъ ссылки всѣхъ, сосланныхъ за вѣру при Констанціѣ, и предписалъ закономъ отдать имъ отобранное у нихъ въ казну имущество, а народу повелѣлъ Христіанъ не притѣснять, не поносить и насильно не влечь къ жертвоприношенію, приходящихъ же къ жертвенникамъ по своей волѣ сперва вводить въ милость такъ называемыхъ у язычниковъ геніевъ—обергателей и очищать обычными у нихъ жертвами. Впрочемъ клириковъ лишилъ онъ всѣхъ вольностей, почестей и даннаго Констанціемъ прсдольствія, отменилъ изданные касательно ихъ законы и подчинилъ ихъ гражданскимъ судищамъ, даже повелѣлъ изыскивать подати съ тѣхъ дѣвъ и вдовъ, которыя, по бѣдности ихъ, приписываемы были къ клиру и получали содержаніе отъ общества; ибо Константинъ, приводя въ порядокъ церковныя дѣла, изъ доходовъ каждаго города отчислилъ сумму, достаточную для заготовленія необходимыхъ принадлежностей, и постановилъ закономъ раздѣлять ее по всѣмъ клирамъ. Этотъ законъ со времени смер-

ти Юліана, строго соблюдается и донынѣ. Говорятъ, что взыскиваніе податей производилось съ жестокостію и оскорбленіями, о чемъ свидѣлствуютъ выданныя тогда сборщиками расписки для показанія того, что изъ полученнаго по закону Константина возвращено было. Но не этимъ только обнаруживалось отвращеніе государя отъ вѣры. Питая ненависть къ христіанскому ученію, онъ не оставилъ ни одного средства для истребленія Церкви: отнималъ у ней деньги, приношенія и священныя сосуды, людей, по повелѣнію Константина и Констанція разрушившихъ языческіе храмы, принуждалъ снова строить ихъ, или производить постройку на щетъ разрушителей. А такъ какъ они не въ состояніи были сдѣлать ни того, ни другаго, да притомъ отъ нихъ намѣревались вытребовать священныя вещи; то и іереи, и клирики, и многіе изъ Христіанъ были жестоко мучимы и ввергаемы въ темницу. Изъ всего этого можно заключить, что относительно убійствъ и придумыванія тѣлесныхъ казней, онъ былъ умѣреннѣе прежнихъ гонителей Церкви, а въ другихъ отношеніяхъ жесточе ихъ. Юліанъ озлоблялъ Церковь всячески, кромѣ того только, что іереевъ, въ царствованіе Констанція принужденныхъ жить на чужой сторонѣ, вызвалъ изъ ссылки. Говорятъ впрочемъ, что онъ издалъ это повелѣніе не изъ состраданія къ нимъ, а для того, чтобы Церковь, получивъ поводъ къ

внутреннему раздору, вступила въ междоусобную войну и уклонилась отъ собственныхъ постановленій, также, чтобы подвергнуть порицанію Констанція; ибо надѣялся противъ него, даже умершаго, возбудить ненависть почти во всей имперіи, — язычникамъ, угождая, какъ единомышленникамъ, а терпѣвшимъ отъ него Христіанамъ показывая состраданіе, какъ обиженнымъ. Для этого именно изгналъ онъ изъ дворца и любимыхъ его евнуховъ, а Евсевія, управлявшаго царскимъ дворомъ, казнилъ смертію, — тѣмъ болѣе, что почиталъ его виновнымъ и въ отношеніи къ самому себѣ, ибо подозрѣвалъ, что причиною смерти брата его Галла были наветы Евсевія. Начальнику же епископской ереси, Лэцію, который заточенъ былъ Констанціемъ между прочимъ и по подозрѣнію въ сношеніи съ Галломъ, писалъ въ выраженіяхъ весьма милостивыхъ и, давъ ему общественную подводу, призвалъ его къ себѣ¹⁾. По такому именно побужденію и кизикскій епископъ Элевсій долженъ былъ, подъ опасеніемъ тягчайшаго наказанія, въ теченіи двухъ мѣсяцовъ снова построить на собственное ижди-

¹⁾ Письмо Юліана къ Лэцію было слѣдующее: *Caeteris omnibus, qui à Constantio vita defuncto eieci patria fuerunt, propter amentiam Galilaeorum, exilium condonavi. Te autem non solum ea poena libero, verum etiam memor pristinae consuetudinis atque amicitiae nostrae, hortor, ut ad nos venias. Uteris autem vehiculo publico usque ad nostram cohortem et uno pathippo. Epist. 31.*

всѣе новаціанскую церковь, которую разрушилъ онъ при Констанціѣ. Можно бы пересказать много и другихъ дѣлъ, которыя, по ненависти къ царственному своему предметнику, либо самъ онъ совершилъ, либо позволилъ совершить другимъ.

глава 6.

О томъ, что Аванасій тогда, цѣлымъ семь лѣтъ скрывавшійся у одной мудрой и прекрасной дѣвы, наконецъ явился и прибылъ въ Александрію.

Когда пронеслась вѣсть о смерти Констанція, то Аванасій, до того времени гдѣ-то скрывавшійся, теперь, въ одну ночь явился среди александрійской Церкви. Это по справедливости было изумительно, поколику случилось печально, сверхъ всякаго ожиданія. Выше сказано, что, по навѣту друзей Георгіевыхъ, начальникъ египетскихъ войскъ, уполномоченный волею царя, старался взять его, но не успѣлъ. Ушедши тогда, онъ до настоящаго царствованія скрывался въ Александріи у одной посвященной Богу дѣвы, которая превосходила тогдашнихъ женъ столь великою красотою, что для видѣвшихъ ее казалась чудомъ, и что люди скромные и цѣломудренныя, чтобы чрезъ подозрѣніе не подвергнуться порицанію, должны были убѣгать отъ ней; потому что она была въ цвѣтъ лѣтъ, отличалась благородною осанкою и чрезвычайнымъ цѣломудріемъ; а это, хотя бы природа и

не помогала, обыкновенно украшаетъ тѣло особенною пріятностію. Положимъ, нельзя сказать, какъ нѣкоторые говорятъ, что каково тѣло, такова и душа; но черты тѣла дѣйствительно отпечатлѣваются по свойствамъ души, и какъ кто занятъ, такимъ во время занятія и является. Кто изслѣдуетъ это съ точностію, тотъ противорѣчить, думаю, не будетъ. Говорятъ, что Аванасій убѣжалъ къ этой дѣвѣ, бывъ возбужденъ божественнымъ видѣніемъ, указывавшимъ ему именно такой способъ спасенія. И если смотрѣть на исходъ дѣла, то это устроилось, мнѣ кажется, не безъ воли Божіей; ибо надлежало, чтобы и друзья Аванасія не встрѣтили затрудненія, если бы кто сталъ спрашивать у нихъ, гдѣ онъ, или заставлялъ ихъ клясться, да и самъ Аванасій, спрятавшись у той дѣвы, не могъ надежнѣе скрываться, поколику ея красота не позволяла предполагать, что тамъ проживаетъ іерей. Она же, имѣя довольно мужества приняла Аванасія и сохранила его своею мудростію. Помянутая дѣва была столь вѣрнымъ его стражемъ и такимъ ревностнымъ слугою, что умывала ему ноги и одна исправляла все, что относилось къ его пропитанію и ко всѣмъ другимъ необходимымъ потребностямъ природы, да еще сверхъ того приносила ему отъ другихъ книги, въ какихъ онъ имѣлъ нужду. И хотя такъ прошло много времени¹⁾,

¹⁾ Аванасій скрывался отъ 356 до 362 годѣ.

однакожь изъ жителей Александріи никто не зналъ объ этомъ.

ГЛАВА 7.

Объ убіеніи александрійскаго епископа Георгія, о триумфѣ ради событіи въ храмѣ Митры и о томъ, что по этому случаю писалъ Юліанъ.

Итакъ, когда такимъ образомъ спасшись, Аонасіи неожиданно явился въ Церкви, Александрія не знала, откуда онъ пришелъ. Сильно обрадовавшись его прибытію, александрійскій народъ отдалъ ему церкви; а послѣдователи Арія, бывъ изгнаны, дѣлали собранія въ частныхъ домахъ и на мѣсто Георгія епископомъ своей ереси поставили Лукія. Георгій въ то время былъ уже убитъ; ибо какъ скоро правители города объявили всевародно, что Констанцій умеръ и самодержцемъ сдѣлался Юліанъ, языческая чернь Александріи возмутилась. Съ крикомъ и бранью бросилась она къ Георгію и хотѣла тотчасъ же убить его, но удержавъ мгновенное раздраженіе, въ то время только заключила его въ оковы, а векоръ послѣ того, сбѣжавшись въ темницу, умертвила его и, привязавъ къ нему веревку, цѣлый день нестествовала надъ нимъ, пока поздно вечеромъ не предала его огню. Знаю, что приверженцы аріанской ереси говорятъ, будто Георгій потерялъ это отъ Христіанъ, преданныхъ Аонасію: но я думаю, что убійство сдѣлано было скорѣе язычниками, и

заключаю изъ того, что послѣдніе имѣли болѣе важнѣйшихъ причинъ ненавидѣть Георгія—особенно за низверженіе ихъ иступановъ, за разрушеніе храмовъ и за возвращеніе имъ приносить жертвы и совершать отеческіе обряды. Ненависть къ нему возрастала и отъ самой силы его при дворѣ. Къ тому же, у нихъ тогда случилось нѣчто въ такъ называемомъ храмѣ Митры. Это мѣсто, давно уже запустѣвшее, Констанцій подарилъ александрійской Церкви. И когда Георгій началъ очищать его для построенія тамъ молитвеннаго дома, то открылъ тайникъ, въ которомъ найдены иступаны и нѣкоторыя орудія совершавшихся тогда посвященій или таинствъ, что для зрителей казалось смѣшнымъ и страннымъ. Все это Христіане выставили на показъ и, смѣясь надъ язычниками, торжествовали. А послѣдніе, собравшись во множествѣ, напали на Христіанъ, кто съ мечами, кто съ камнями, кто съ чѣмъ случилось, и однихъ убили, другихъ въ знакъ поношенія надъ нашею вѣрою, распяли на крестѣ, гораздо же большому числу ихъ нанесли рапы. По этой причинѣ Христіане начатое дѣло оставили неоконченнымъ, а язычники, при наступленіи Юліанова царствованія, умертвили Георгія. Что это было дѣйствительно такъ, свидѣтельствуешь самъ царь, который конечно не призналъ бы этого, если бы не былъ вынужденъ къ тому истиною; ибо ему хотѣлось бы, думаю, чтобы убійцами Георгія были лучше Христіане,

или кто другой, чѣмъ язычники. Но онъ не скрылъ правды,— и въ письмѣ своемъ къ Александрійцамъ по сему случаю является очень разгнѣваннымъ, хотя своего порицанія не простеръ далѣе письма и воздержался отъ казней изъ уваженія, какъ говоритъ, къ покровителю ихъ города Серапису, основателю его Александру и прежнему начальнику надъ Египтомъ и Александрією, дядѣ своему Юліану. А этотъ человекъ былъ весьма расположенъ къ язычникамъ и чрезвычайно неавидѣлъ Христіанъ; такъ что, сколько отъ него зависѣло, вопреки волѣ царя, озлоблялъ ихъ до пролитія крови.

глава 8.

О сосудохраниителѣ антиохійской Церкви, Теодорѣ, и о томъ, что Юліанъ, для отступника, за сосуды съдены былъ червями.

Говорятъ, что когда усиливался онъ отнять и перенести въ царскія сокровищницы множество драгоценнѣйшихъ приношеній антиохійской Церкви, а молитвенные дома заперать; то всѣ клирики разбѣжались. Изъ города не вышелъ только пресвитеръ Теодоръ, котораго, какъ хранителя сосудовъ, могшаго сообщить о нихъ свѣденіе, Юліанъ взялъ и жестоко съкъ; когда же наконецъ увидѣлъ, что, не смотря на всѣ пытки, онъ мужественно отвѣчаетъ и просіяваетъ славою исповѣдника вѣры, то приказалъ умертвить его мечемъ. Послѣ сего, расхитивъ священные

сосуды, онъ расбросалъ ихъ по полу и смѣлся, изрыгалъ, какія хотѣлъ, хулы на Христа и, садясь на собранныя грабителями вещи, тѣмъ самымъ еще болѣе увеличивалъ поношеніе надъ ними. Но вдругъ заболѣлъ у него дѣтородный удъ и ближайшій проходъ, плоть начала гнить и превратилась въ червей, такъ что болѣзнь оказалась выше усилій врачебнаго искусства. Впрочемъ изъ уваженія и страха къ царю, врачи пробовали различныя средства, закалали рѣдкихъ и тучныхъ птицъ и жиръ ихъ прикладывали къ гниющимъ частямъ, чтобы этимъ выманить червей наружу; но ничто не помогало: скрываясь во глубинѣ, они вѣдрялись въ живую плоть и не переставали съѣдать ее, пока не умертвили Юліана. Тогда увидѣли, что это бѣдствіе послано было Богомъ для наказанія; ибо и хранители царскихъ сокровищъ, и другія лица, которымъ ввѣрены были правительственныя должности при дворѣ, за посяганіе надъ Церковію, подвергшись Божію гнѣву, окончили жизнь неожиданно и жалкимъ образомъ.

глава 9.

О мученичествѣ святыхъ: Евсевіа, Пеставы и Зенона изъ города Газы.

Но если уже я довелъ рассказъ до убіенія Георгія и Теодора; то теперь время, кажется, упомянуть также о братьяхъ Евсевіѣ, Пеставѣ

и Зенонѣ, которые, сдѣлавшись предметомъ ненависти газскаго народа, взяты имъ изъ дому, гдѣ они скрывались, и сперва, бывъ посажены въ темницу, претерпѣли побои, а потомъ народъ, сошедшій на зрѣлище, началъ обивать ихъ громкими воплями, что они осквернили ихъ каища и пользовались обстоятельствами прошедшаго времени для истребленія и оскорбленія язычества. Между тѣмъ, какъ эти вопли продолжались, язычники взаимно возбуждали себя къ убійству и приходили въ неистовство. Убѣждая другъ друга, — что обыкновенно бываетъ при возмущеніи черни, — они побѣждали въ темницу и, выведши оттуда помяднутыхъ мужей, умертвили ихъ жесточайшимъ образомъ: влачили то навзничъ, то лицомъ книзу, и ударяли о землю, а кому вздумалось, били, — кто камнями, кто палками, кто чѣмъ случилось. Слышалъ я также, что и женщины выходили изъ за-становъ и кололи ихъ веретенами, а харчевники на площади то схватывали съ очаговъ котлы горячей воды и выливали ее на мучениковъ, то пронзали ихъ вертелами. Растерзавъ же ихъ и разбивъ имъ головы до того, что падалъ на землю мозгъ, они вывезли ихъ за городъ, куда обыкновенно бросаютъ трупы околѣлыхъ безсловесныхъ животныхъ, и разведши огонь, сожгли тѣла ихъ, а оставшіяся и не истребленныя огнемъ кости перемѣшали съ разбросанными тамъ костями верблюдовъ и ословъ,

такъ чтобы нельзя было отыскать ихъ. Однакожь онѣ не долго оставались не открытыми. Одна жена Христіанка, не изъ Газы родомъ, но въ Газѣ имѣвшая свое пребываніе, по устроению Божию, ночью собрала эти кости и сложила ихъ въ горшокъ, отдала для храненія родственнику мучениковъ Зенону. Богъ объявилъ это ей во снѣ и, означивъ, гдѣ живетъ тотъ мужъ, указавъ его, прежде чѣмъ она съ нимъ увидѣлась; такъ какъ онъ былъ незнакомъ ей и, по случаю воздвигнутаго гоненія, скрывался, ибо и самъ тогда едва не былъ взятъ и убитъ жителями Газы. Между тѣмъ, какъ народъ занимался избіеніемъ родственниковъ его, онъ, улучивъ время, перебѣжалъ въ приморскій городъ Анондону, отстоявшій отъ Газы стадій на двадцать, благопріятствовавшій въ то время язычникамъ и преданный идолослуженію. Бывъ объявленъ здѣсь, какъ Христіанинъ, Зенонъ перенесъ отъ Анондонянъ сильныя палочные побои по снѣ и, изгнанный изъ города, пришелъ въ пристань Газы и тамъ скрылся. Тутъ-то нашла его та жена и отдала ему останки. Онъ нѣсколько времени хранилъ ихъ дома, когда же впоследствии получилъ жребій епископства надъ тамошнею Церковію, что случилось въ царствованіе Феодосія, то построилъ за городомъ молитвенный домъ, воздвигъ подъ нимъ алтарь и кости мучениковъ положилъ въ немъ близъ исповѣдника Нестора, который былъ въ друже-

ской связи съ его родственниками, когда они еще были живы. Взятый пародомъ вмѣстѣ съ ними, этотъ Несторъ испыталъ узы и бичеваніе; по волюча его, мучители сжалились надъ красотою его тѣла и еще дышавшаго, хотя уже обреченнаго на смерть, выбросили его за городскія ворота. Тамъ кто-то взялъ его и принесъ къ Зенону, у котораго, не смотря на стараніе уврачевать его раны и язвы, онъ умеръ. Между тѣмъ жители Газы, помышляя о важности своего злодѣйства, начали бояться, что царь не оставитъ ихъ безъ наказанія; ибо уже ходила молва, будто онъ разгнѣвался и думаетъ въ народоселеніи ихъ лишить жизни одного изъ десяти, что впрочемъ была вѣсть ложная, обыкновенный толкъ черни, распространенный въ толпѣ общимъ сознаніемъ преступленій. Юліанъ въ письмѣ къ Газейцамъ не сдѣлалъ имъ и такого выговора, какой сдѣлалъ Александрійцамъ за Георгія. Напротивъ, онъ лишилъ власти и оставилъ въ подозрѣніи тогдашняго начальника провинціи и, отдавъ его подъ судъ, говорилъ, что только по челоуколюбію не осуждаетъ его на смерть. Въ вину же ему вмѣнялъ то, что нѣкоторыхъ Газейцевъ, признанныхъ за начинщиковъ возмущенія и убійствъ, онъ взялъ и держалъ въ цѣняхъ, какъ людей, долженствовавшихъ получить наказаніе по законамъ. Стоило ли брать ихъ подъ стражу, говорилъ онъ, что они не многимъ Галилеянамъ отместили за многія оскорбленія, причиненныя имъ

самимъ, и богамъ ихъ? Такъ рассказываютъ объ этомъ.

ГЛАВА 10.

О селтомъ Иларіонѣ, объ умерощенныхъ свиньями илѣпольскихъ дѣвахъ и объ удивительномъ мученичествѣ аретузскаго епископа Марка.

Въ это же время, преслѣдуемый Газейцами, убѣжалъ въ Сицилію монахъ Иларіонъ. Тамъ, на пустынныхъ горахъ собирая и нося на плечахъ въ городъ дрова, онъ продавалъ ихъ, и такимъ образомъ ежедневно снискивалъ себѣ пищу, чтобы только существовать. Но кто и каковъ былъ Иларіонъ, — о томъ возвѣщено однимъ бѣсноватымъ изъ благороднаго сословія, котораго избавивъ отъ бѣса, этотъ мужъ перешелъ въ Далмацію. Совершивъ и тутъ силою Божіею дѣла великія и дивныя, такъ что по его молитвѣ возвратилось въ свои предѣлы выстывшее на сушу море, онъ удалился и отсюда; ибо не по душѣ ему было жить тамъ, гдѣ его хвалятъ. Чрезъ перемѣну мѣстопребыванія онъ старался оставаться въ неизвѣстности и посредствомъ частыхъ переходовъ изъ страны въ страну думалъ уничтожить распространяющуюся о немъ славу. Наконецъ переплылъ онъ на островъ Кипръ и присталъ къ Паоосу. Приглашенный тогдашнимъ кипрскимъ епископомъ, онъ полюбилъ это убѣжище и началъ любомудрство-

вать близъ мѣстечка, по имени Харвириса. Что этотъ мужъ не сдѣлался мученикомъ, причиною было его бѣгство. А убѣгалъ онъ потому, что есть Божіе повелѣніе не выжидать гонителей. Если же гонимые взяты, то они должны быть мужественны и побѣждать насиліе преслѣдующихъ. Впрочемъ описываемыя нападенія на Христіанъ происходили не у однихъ Газейцевъ и Александрійцевъ: жители Іліополиса при Ливанѣ и Аретузы въ Сиріи своею жестокостію, кажется, превзошли ихъ. Іліополисцы, — трудно бы и повѣрить, если бы разсказывали не современники событія, — брали посвященныхъ Богу дѣвъ, которыхъ обыкновенно нельзя было видѣть народу, и принуждали ихъ стоять безъ одежды публично и быть позорищемъ и предметомъ поношенія для всѣхъ желающихъ. Намѣявшись надъ ними такимъ образомъ, сколько кому хотѣлось, они потомъ снимали съ нихъ кожу и, разбѣкши тѣла ихъ на части, приманивали свиней пожирать ихъ внутренности, а для сего утробу ихъ покрывали свойственною этимъ животнымъ нищею, чтобы, то есть, не могли отличить одного отъ другаго и стремясь къ обычной себѣ нищѣ, онѣ терзали вмѣстѣ и человѣческую плоть. Догадываюсь, что къ такой жестокости противъ посвященныхъ Богу дѣвъ вызывало Іліополисцевъ отмѣненіе стариннаго ихъ обычая выдавать тамошнихъ дѣвъ для растлѣнія всякому приходящему, прежде чѣмъ они всту-

пали въ бракъ съ женами. Константинъ, разрушивъ въ Іліополисѣ храмъ Афродиты, создалъ у нихъ тогда первую церковь и возбраннылъ имъ закономъ совершать это обычное блудодѣяніе. Аретузцы же жалкимъ образомъ умертвили бывшаго у нихъ епископа Марка¹⁾, старца, заслужившаго уваженіе еддиами и жизнью. Къ этому мужу они и прежде питали злобу — за то, что въ царствованіе Констанція онъ обращалъ язычниковъ въ Христіанство ревностию чѣмъ словами, и разрушилъ особенно уважаемый и великолѣпнѣйшій храмъ ихъ. Посему, когда власть перешла къ Юліану, видя возмущеніе противъ себя въ народѣ, и бывъ осужденъ волею царя либо внести деньги за постройку храма, либо построить его, онъ размыслилъ, что ни то, ни другое для него невозможно, а послѣднее было бы незаконно даже вообще для Христіанина, тѣмъ болѣе для священника, и сперва рѣшился было бѣжать, но узнавъ, что ради его многіе подвергаются опасности, захватываются, отводятся въ судъ и тамъ подвергаются мученіямъ, возвратился изъ побѣга и произвольно вышелъ къ народу, — пусть онъ дѣлаетъ съ нимъ, что хочетъ. Но народъ, вмѣсто того, чтобы тѣмъ болѣе хвалить его,

¹⁾ Этого Марка аретузкаго не должно смѣшивать съ другимъ Маркомъ аретузскимъ, который отъ самыхъ временъ Константина держался стороны аріанъ и умеръ до сардскаго Собора.

какъ челоѵка, но любомудрію, совершившаго дѣло сираведливое, подумалъ, будто Маркъ питаетъ къ нему презрѣніе, и напалъ на него толпою, началъ волочить его по улицамъ, толкать, рвать и бить по какому попало члену тѣла. Этимъ дѣломъ ревностно и злобно занимались мужчины, женщины и люди всякаго возраста, такъ что уши его были изорваны на малѣйшія частицы. А дѣти, шедшіе въ школу, поступали съ нимъ, какъ съ игрушкою, подкидывали его вверхъ, катали по землѣ, бросали однѣ къ другимъ и перехватывали, и безощадно кололи стилами. Когда же все тѣло его покрылось ранами, а онъ еще дышалъ, Аретузцы намазали его медомъ и рыбьимъ жиромъ и, положивъ въ корзину, эту тростниковую плетушку подняли высоко и повѣсили. Тогда слетѣлись къ нему во множествѣ осы и пчелы, и начали кусать его тѣло, а онъ, говорить, сказалъ Артузцамъ: я высокъ, вы же какъ видно, низки и ходите по землѣ; изъ этого можно заключить, что послѣ будетъ со мною и съ вами. Разсказываютъ, что тогдашній префектъ, челоѵкъ весьма преданный язычеству, но благородный правомъ, такъ что слава его велика и донынѣ, удивляясь твердости Марка, смѣло порицалъ царя и говорилъ, что тѣ сираведливо покрываются стыдомъ, которые побѣждены однимъ старцемъ, мужественно борющимся съ столькими мученіями: первые конечно смѣшны, а послѣдніе, съ которыми такъ поступлено, ста-

новятся тѣмъ славнѣе. Такимъ образомъ блаженный столь великодушно вытерпѣлъ неистовство Аретузцевъ и множество мученій, что заслужилъ похвалу отъ самыхъ язычниковъ.

глава II.

О мученикахъ тогдашню времени: Македоній, Θεодуль, Граціанъ, Бузирисъ, Василій и Евсикій.

Въ то же время мужественно приняли мученичество Фригійцы—Македоній, Θεодуль и Граціанъ. Когда народный префектъ въ фригійскомъ городѣ Мирѣ открылъ тамошній языческой храмъ, и очистилъ его отъ накопившихся временемъ нечистотъ; то они ночью вошли въ него и сокрушили находившихся въ немъ идоловъ. Въ качествѣ виновниковъ этого поступка взяты были и долженствовали подвергнуться наказанію другіе; но виновники донесли сами на себя. Впрочемъ, имъ можно было бы избавиться отъ казни, если бы они принесли жертву: но такъ какъ префектъ не убѣдилъ ихъ покрыть свое преступленіе, по крайней мѣрѣ, этимъ однимъ способомъ; то, подвергнувъ ихъ мученіямъ разнаго рода, наконецъ положилъ на сковороды и развелъ подъ ними огонь. А они, бывъ жегомы, говорили: если ты желаешь мяса, Алахій,—такъ назывался префектъ,—то поверни насъ къ огню на другой бокъ, чтобы, полуизжаренные, мы на твой вкусъ не показались неприятными,—

и, сохранивъ такое великодушіе, въ этихъ мученіяхъ окончили свою жизнь. Рассказываютъ, что и Бузирисъ въ Анкирѣ галатійской выдержалъ за вѣру знаменитое и мужественное исповѣданіе. Онъ принадлежалъ въ то время къ сектѣ такъ называемыхъ энкратитовъ (вѣздержниковъ); посему народный префектъ взялъ его, какъ челоуѣка, издѣвающагося надъ язычниками, и хотѣлъ высѣчь. Выведши осужденнаго всенародно къ орудію мученія — столбу, онъ приказалъ подвысить его. Но Бузирисъ, поднявъ обѣ руки къ головѣ, обнажилъ бока и сказалъ префекту: для чего палачамъ напрасно трудиться — подвышать меня на столбѣ и потомъ опять опускать? я и безъ того готовъ выставить мучителямъ свои бока; пусть сѣкутъ, сколько хотять. Изумленный такою рѣшимостію, префектъ еще болѣе пораженъ былъ самымъ дѣломъ. Онъ терзалъ скорпіонами бока мученика, сколько хотѣлъ; но послѣдній неподвижно держалъ руки на головѣ и мужественно принималъ удары. Послѣ того онъ заключенъ былъ въ узы, но вскорѣ по случаю смерти Юліановой, освобожденъ и, доживъ до царствованія Феодосія, отрекся отъ прежней своей секты и присоединился къ Церкви католической. Говорятъ, что въ то же время, мученически окончили жизнь пресвитеръ анкирекой Церкви Василій ¹⁾ и кесарійской Кап-

¹⁾ Патья этого мученика Василія греческая Церковь совершаетъ 22 Марта.

падокіецъ Евсепхій), только что женившійся и бывшій какъ бы еще женихомъ. Догадываюсь, что Евсепхій лишенъ жизни за храмъ щастія, въ слѣдствіе разрушенія котораго все вообще Кесарійцы, какъ выше сказано, испытали гнѣвъ царя, а самые виновники разрушенія были наказаны — одни смертію, другіе изгнаніемъ изъ отечества. Василій же во все царствованіе Констанція славился, какъ ревностный защитникъ православія, и противоборствовалъ послѣдователямъ Арія. За это единомышленники Евдоксія постановили не дѣлать ему церковныхъ собраний. А когда Юліанъ одинъ управлялъ царствомъ, — Василій, ходя вездѣ, всенародно и открыто убѣждалъ Христіанъ держаться своихъ догматовъ, неоскверняться языческими жертвами и возлітіями и ни вочто вмѣнять даруемыя имъ отъ царя почести, потому что эти кратковременныя дары, говоритъ, достаются цѣною вѣчной гибели. Имѣя о томъ попеченіе и посему находясь у язычниковъ въ подозрѣніи и ненависти, однажды увидѣлъ онъ всенародное приношеніе жертвъ, остановился, возстѣналъ и началъ молить Бога, да не искуситъ это заблужденіе никого изъ Христіанъ. Взятый при семъ случаѣ, переданъ былъ онъ народному префекту

¹⁾ О мученикѣ Евсепхій упоминаетъ Григорій Назіанзенъ въ 26 письмѣ къ Василію великому, и Василій въ письмѣ 291. Память его чествуется 9 Апрѣля.

и, претерпѣвъ множество мученій въ этомъ подвигѣ, мужественно окончилъ его мученичествомъ. Такія событія происходили, конечно, не по волѣ царя, однакожь показываютъ, что въ его царствованіе было много великихъ мучениковъ. Сказанія о нихъ, для ясности, я собралъ въ одно мѣсто, хотя время каждаго мученичества было не одно и тоже.

глава 12.

О западныхъ епископахъ Люциферъ и Евсевій, и о томъ, что Евсевій, Аванасій Великій и прочіе епископы составили въ Александріи Соборъ, на которомъ подтвердили опру Собора никейскаго, опредѣлили единосущіе Отца, Сына и Святаго Духа и сдѣлали постановленіе касательно существа и гипостаси.

По вступленіи Аванасія въ Церковь, Люциферъ, епископъ Караллы, что на остр. Сардиніи, и Евсевій епископъ Врекалъ, что въ Лигуріи италійской, возвращались изъ верхнихъ Оивъ, гдѣ по повелѣнію Констанція находились постоянно въ ссылкѣ. Условившись между собою касательно возстановленія порядка въ ходѣ церковныхъ дѣлъ, Евсевій пошелъ въ Александрію, чтобы вмѣстѣ съ Аванасіемъ созвать Соборъ *) для подтвержденія никейскихъ опредѣленій, а Люциферъ, пославъ съ Евсевіемъ діакона, ко-

*) Этотъ Соборъ открытъ былъ въ 362 году. Cave Hist. vol. II. p. 120.

торый долженъ былъ вмѣсто его присутствовать на Соборѣ, самъ прибылъ въ Антиохію и тамошнюю Церковь нашелъ возмущенною. Она была разсѣчена послѣдователями арианской ереси, которыми управлялъ Евзой; да и приверженцы Мелетія, какъ выше сказано, отдѣлились отъ своихъ единомышленниковъ. Посему, прежде чѣмъ Мелетій возвратился изъ ссылки, Люциферъ поставилъ епископомъ Павлина. Между тѣмъ, въ Александрію къ Аванасію и Евсевію собрались епископы многихъ городовъ и, утвердивъ постановленія никейскія, исповѣдали единосущіе Святаго Духа со Отцемъ и Сыномъ и назвали это Троицею, также внесли въ ученіе мысль, что Богъ-Слово принялъ совершеннаго чловѣка не только по тѣлу, но и по душѣ, какъ утверждали и древніе церковные любу-мудрствователи. Поелику же изслѣдованіе о существѣ и вѣпостаси тревожило Церкви, такъ что касательно этого предмета были непрестанные споры и толки; то Соборъ, по моему мнѣнію, весьма мудро опредѣлилъ, что говоря о Богѣ, не должно тотчасъ, съ самаго начала, употреблять эти слова, развѣ когда стараются отвергнуть ученіе Савеллія: чтобы, то-есть, по недостатку словъ не думали, будто одно и тоже лице называется тремя именами, но понимали, что каждое мыслится особымъ въ Троицѣ. Такъ постановили Отцы, собравшіеся тогда въ Александрію. Тутъ же читалъ Аванасій и напи-

санное имъ защитительное слово о своемъ бѣгствѣ.

ГЛАВА 13.

Объ антиохійскихъ архіерепхъ—Павлинѣ и Мелетіѣ, о взаимной враждѣ Евсеіа и Люцифера, и о томъ, что Евсеіа и Иларій утвердили никейскую вѣру.

Когда Соборъ разошелся,—Евсевій, прибывъ въ Антиохію, нашель, что тамошній народъ раздѣлился: приверженцы Мелетіа не соглашались собираться съ Павлиномъ и дѣлали собранія особо. Досадуя, что рукоположеніе совершенно не съ согласія всѣхъ, какъ слѣдовало бы, онъ, по уваженію къ Люциферу, не выказаль явно своего неудовольствія и, не сообщаясь ни съ которою стороною, общаль огорченіе той и другой устранить на Соборѣ. Но, между тѣмъ какъ Евсевій старался привести народъ къ единомыслию,—Мелетій, возвратившись изъ ссылки, увидѣль, что его приверженцы отдѣлились, и началъ собираться съ ними особо за городомъ, а Павлинъ съ своими—въ городѣ; потому что предстоятель аріанской ереси Евзой, питая къ нему уваженіе за кроткую его жизнь и старость, не изгналь его, а уступилъ ему одну церковь. Итакъ Евсевій не получилъ никакого успѣха и выѣхаль изъ Антиохіи, а Люциферъ, обиженный тѣмъ, что онъ не приняль рукоположе-

ніа Павлинова, досадовалъ на него, не хотѣль имѣть съ нимъ общеніе и по своей враждѣ рѣшился—было отвергнуть постановленія александрійскаго Собора. Это-то послужило поводомъ къ основанію ереси такъ называемыхъ люциферіанъ; ибо Христіане, раздѣлявшіе съ нимъ его досаду, отложились отъ Церкви. Впрочемъ, не смотря на оскорбленное свое чувство, самъ Люциферъ поминилъ, что чрезъ посланнаго съ Евсевіемъ діакона онъ участвовалъ въ дѣянїяхъ александрійскаго Собора, а потому отправился въ Сардинію, храня единомысліе съ вселенскою Церковію. Евсевій же между тѣмъ, путешествуя по востоку, утверждалъ нерадѣвшихъ о вѣрѣ и училъ, чему надобно вѣровать. Съ такою заботливостію обошелъ онъ также Иллирію и прибыль въ Италію, гдѣ встрѣтилъ епископа аквитанскаго города Пиктавіи Иларія, который еще прежде подвизался на томъ же самомъ поприщѣ. Возвратившись изъ ссылки ранѣ Евсевія, послѣдній училъ въ Италиіи и Галліи, какіе догматы вѣры слѣдуетъ держать и какихъ удаляться. Онъ выражался по латыни весьма краснорѣчиво и писалъ, говорятъ, очень полезныя разсужденія противъ положеній Аріа. Эти-то Иларій и Евсевій распространили въ западной имперіи ученіе никейскаго Собора.

ГЛАВА 14

О томъ, какъ произошло несогласіе между македоніанами и Акакіевыми аріанами, и что говорили они о свое оправданіе.

Въ это время македоніане, въ числѣ которыхъ были—Элевсій, Евстацій и Софроній, начали уже открыто называться македоніанами и, образуя особую секту, по случаю смерти Констанція, приняли смѣлость созвать своихъ единомышленниковъ въ Селевкію и составили тамъ Соборъ, на которомъ, отвергну акакіанъ и утвержденную въ Римѣ вѣру, произнесли мнѣніе въ пользу символа антиохійскаго, впоследствии подписаннаго въ Селевкіи. Когда же обвиняли ихъ и спрашивали, почему они разногласятъ съ акакіанами, съ которыми прежде имѣли общеніе, — македоніане чрезъ Софронія нафлагонскаго дали слѣдующій отвѣтъ: западные исповѣдывали единосущіе, а на востокъ Азіи признавалъ неподобіе по существу:—первые отдѣльныя ипостаси Отца и Сына именемъ единосущія безпорядочно сплели въ одно, а послѣдній еродство природы Сына съ Отцемъ слишкомъ раздѣлили. Напротивъ, мы благочестуемъ, ибо говоримъ, что Сынъ по ипостаси подобенъ Отцу, то-есть, избираемъ средній путь между обѣими, уклоняющимися въ противоположныя крайности. Такъ старались они оправдаться предъ порицателями.

ГЛАВА 15.

О новомъ изнаніи Аванасія, также объ Элевсіи кизикскомъ, Титѣ епископѣ боснійскомъ, и упоминаніе о предкахъ писателя.

Извѣстившись, что Аванасій дѣластъ соборніа въ александрійской Церкви, безбоязненно учить народъ и многихъ язычниковъ убѣждаетъ принять христіанскую вѣру, царь повелѣлъ ему выйти изъ Александріи, а если будетъ упорствовать, угрожалъ сильнѣйшимъ наказаніемъ¹⁾. Предлогомъ къ обвиненію выставлялъ онъ то, что прежними царями осужденный на изгнаніе, Аванасій возшелъ на епископскій престолъ безъ его соизволенія; ибо изгнаннымъ отъ Констанція онъ не позволялъ вступать въ Церковь, а только позволялъ имъ возвратиться въ отечество. Послѣ такого царскаго указа, собираясь удалиться и видя вокругъ себя сонмъ плачущихъ Христіанъ, Аванасій сказалъ: не унывайте; это—облако, оно скоро пройдетъ. Сказавъ такъ, онъ собрался и, поручивъ свою Церковь ревностнѣйшимъ изъ друзей, оставилъ городъ Александрію. Въ то же время Кизикцы отправили къ царю пословъ для ходатайства по своимъ дѣламъ и поручили имъ просить его о возстановленіи языческихъ храмовъ. Царь похвалилъ ихъ за попеченіе о святыняхъ и соизволилъ на все, о чемъ они просили. Кизикскому епископу Элевсію онъ запретилъ жить въ городѣ—

¹⁾ Указъ Юліана объ изгнаніи Аванасія находится между письмами Юліана подъ № 26.

за то, что Элевсій разрушалъ храмы и оскорблялъ священныя роши язычниковъ, построилъ дома для призрѣнія вдовиць и монастыри для посвященныхъ Богу дѣвъ, а язычниковъ убѣждалъ оставить отеческіе обряды. Юліанъ запретилъ входить въ Кизику и иностраннымъ, бывавшимъ у Элевсіа Христіанамъ, выставяя, вѣроятно, ту причину, что они возмутятся за вѣру. Къ нимъ присоединилъ онъ и Христіанъ городскихъ, державшихся подобнаго образа мыслей о Богѣ, казенныхъ суковщиковъ и монетчиковъ, которыхъ считалось весьма много и которые, бывъ раздѣлены на два многолюдныхъ полка, по указу прежнихъ царей, съ женами и домохозянами имѣли жительство въ Кизикѣ и каждый годъ вносили въ казну опредѣленную подать — одни военною аммунициею, другіе — вновь вычеканенными монетами. Положивъ вслѣдствіе возстановлять язычество, онъ считалъ однакожь безуміемъ принуждать, или наказывать народъ, не хотѣвшій приносить жертвы. Префекты всѣхъ городовъ напрасно трудились надъ составленіемъ переписки такихъ Христіанъ: онъ не препятствовалъ имъ даже сходить въ одно мѣсто и молиться по желанію; ибо зналъ, что установленіе дѣлъ, требующихъ свободнаго произволенія, никогда не совершается необходимостію. Напротивъ, клириковъ и предстателей въ Церквахъ снѣшилъ выгонять изъ городовъ; ибо не иначе, какъ чрезъ отдале-

ніе ихъ, почиталъ возможнымъ разстроить собранія народа, когда бы то-есть не было ни собирающихъ, ни учащихъ, ни совершающихъ тайнства, такъ чтобы въ теченіе долгаго времени народъ могъ забыть свою вѣру. Предлогомъ же къ изгнанію ихъ поставялъ онъ то, что клирики раздувають въ толпѣ мятежи. По этому именно приказалъ выйти изъ Кизики Элевсію и окружавшимъ его Христіанамъ, хотя тогда не было возмущенія, да и не ждали его. Юліанъ чрезъ народнаго вѣстника уговаривалъ и Бострійцевъ изгнать изъ города тогдашняго епископа бострійской Церкви Тита; ибо грозилъ, что если народъ возмутится, виновниками возмущенія онъ будетъ почитать клириковъ. По сему случаю Титъ послалъ царю прошеніе и свидѣтельствовавъ, что въ Бострѣ населеніе Христіанъ равносильно населенію язычниковъ и что, руководимые его увѣщаніями, Христіане живутъ мирно, возмущеніе имъ и на мысль не приходитъ. Но царь, этими самыми словами стараясь возбудить всеобщую вражду противъ Тита, писалъ Бострійцамъ ¹⁾ и въ письмѣ клеветалъ на епископа, будто онъ обвиняетъ народъ, будто то-есть народъ избѣгалъ возмущеній не самъ по себѣ, а только по его увѣщаніямъ; потому внушалъ Бострійцамъ этого челоуѣка, какъ общаго врага, изгнать изъ города.

¹⁾ Это посланіе Юліана находится между его письмами подъ № 52, гдѣ приводится и текстъ прошенія епископа Тита.

Такихъ поступковъ, вѣроятно, много было и въ другихъ мѣстахъ, и они проеходили частію по указамъ царя, частію отъ раздраженія и необузданности черни. Впрочемъ причиною ихъ во всякомъ случаѣ можно почитать властелина; потому что нарушителей закона онъ не судилъ по законамъ, но, ненавидя вѣру, на словахъ какъ будто порицалъ преступленія, а на самомъ дѣлѣ ободрялъ людей, которые совершали ихъ. Поэтому, хотя его именемъ гоненія и не было, Христіане тѣмъ не менѣе бѣгали по городамъ и селеніямъ. Такому бѣгству предавались многіе изъ моихъ предковъ и мой дѣдъ. Рожденный отцемъ язычникомъ, онъ и самъ съ своимъ семействомъ, и потомки Алафіона были первыми Христіанами въ газскомъ многолюдномъ селеніи Веоиліи. Это селеніе имѣетъ языческіе храмы, за древность и архитектуру благоговѣнно чтимые жителями, а особенно пантеонъ, стоящій въ видѣ крѣпости на одномъ искусственномъ холмѣ и возвышающійся надъ всѣмъ селеніемъ. Догадываюсь, что отъ этого пантеонскаго храма и самое мѣстечко получило свое имя, которое, въ переводѣ съ сирскаго языка на греческій, значитъ жилище боговъ. Говорятъ, что виновникомъ Христіанства въ упомянутыхъ семействахъ былъ монахъ Иларіонъ. Когда Алафіонъ находился во власти бѣса, то многіе язычники и Иудеи, употребляя надъ нимъ свои заклинанія и ворожбы, не принесли ему

никакой пользы; а Иларіонъ изгналъ изъ него бѣса, произнеши только имя Христова, и чрезъ это обратилъ тѣ семейства къ христіанской вѣрѣ. Мой дѣдъ славился истолкованіемъ священнаго Писанія, ибо имѣлъ прекрасныя способности и могъ познавать, что должно, притомъ нѣсколько наставленъ былъ въ наукахъ, такъ что понималъ и ариметику. По этому аскалонскіе, газскіе и вообще окрестные Христіане очень любили его, какъ человѣка, для вѣры нужнаго, легко разрѣшавшаго встрѣчающіяся въ священномъ Писаніи обоюдности. А добродѣтели другаго семейства напрасно хотѣлъ бы кто-нибудь описать. Члены его были первыми въ той области строителями церквей и монастырей, и украшались—съ одной стороны святостію жизни, съ другой—любовію къ странникамъ и бѣднымъ. Изъ этого поколѣнія дожили и до нашего времени мужи добрые, съ которыми—уже старцамъ, обращался и я въ своей юности. Но о нихъ придется упомянуть и послѣ.

глава 16.

О стараніи Юліана возстановить язычество и уничтожить нашу веру; также письмо посланное имъ къ одному языческому жрецу.

Издавна заботясь о томъ, чтобы во всей имперіи господствовало язычество, царь досадовалъ на перевѣсъ Христіанства. Языческіе храмы были отворены, жертвоприношенія, отеческіе обряды и городовые праздники, по видимому, совершались согласно съ его волею;

однакожь онъ скорбѣлъ при мысли, что, если устранено будетъ его попеченіе, скоро все измѣнится. Не менѣе также досадовалъ онъ, слыша, что христіанскую вѣру исповѣдуютъ жены, дѣти и домашніе многихъ жрецовъ. Предполагая, что Христіанство укрѣпляется жизнію и поведеніемъ принадлежащихъ къ нему лицъ, онъ задумалъ языческіе храмы по всюду украсить принадлежностями и чинностію вѣры христіанской, а языческое ученіе возвысить каедрами, предсѣданіями, преподавателями и чтеніями языческихъ догматовъ и увѣщаній, установленіемъ молитвословій въ извѣстные часы и дни, учрежденіемъ монастырей для ищущихъ любомудрія мужчинъ и женщинъ, гостинницами для странниковъ и убогихъ, и другими дѣлами челоуѣколюбія къ нищимъ. Подражая христіанскому преданію касательно произвольныхъ и непроизвольныхъ прегрѣшеній, онъ предписалъ также соответственное грѣхамъ исправленіе себя посредствомъ покаянія. Не менѣе, говоря, соревновалъ онъ епископамъ въ сочиненіи посланій, которыми обмѣниваясь, они обыкновенно поручали другъ другу странниковъ, и съ которыми, откуда бы кто изъ нихъ ни пришелъ и къ кому бы ни присталъ, по этому свидѣтельству принимаемъ былъ, какъ присный и возлюбленный. Вводя это, Юліанъ старался пріучить язычниковъ къ обычаямъ христіанскимъ. А такъ какъ упомянутыя дѣйствія для

многихъ кажутся невѣроятными, то въ доказательство истины того, что сказано, я приведу самыя слова царя. Онъ пишетъ такъ:

Галатійскому жрецу Арзакію.

Изычество еще не достигло желаемого мною благоденствія, и виноваты мы, его приверженцы. Относящееся къ богамъ—славно и величественно, выше всякаго желанія и всякой надежды. Да будетъ милостива къ нашимъ словамъ Адрастея! Произшедшей въ теченіи краткаго времени столь великой и столь важной переменѣны нѣсколько прежде никто не смѣлъ и желать. Но думаешь ли, что довольно этого? Мы и не видимъ, что безбожіе особенно возрастаетъ любовію къ странникамъ, заботливостію о гробахъ умершихъ и поддѣльною честностію жизни. Я думаю, что вамъ надобно по истинѣ исполнять все это. И быть такимъ надлежитъ не только тебѣ одному, но просто всѣмъ жрецамъ Галатіи, которыхъ—стыдомъ ли то, или убѣжденіемъ, ты старайся сдѣлать добрыми. Если же они съ женами, дѣтьми и рабами не станутъ приходить къ богамъ и будутъ держать галилейскихъ слугъ, сыновъ и женъ, которые въ отношеніи къ богамъ нечестивы и безбожіе предпочитаютъ богопочтенію; то отставляй ихъ отъ священнослуженія. Потомъ увѣщавай жреца не ходить на зрѣлища, не пить въ корчбницахъ, не заниматься какимъ-либо постыднымъ и пре-

зрѣннымъ дѣломъ, и послушныхъ чти, а непослушныхъ изгоняй. Въ каждомъ городѣ устрой побольше страннопріимныхъ домовъ, чтобы пришельцы не только изъ нашего отечества, но и изъ другихъ странъ, когда понадобится имъ деньги, пользовались нашимъ челоуѣколюбіемъ. А откуда что взять,—это моя забота. Я уже приказалъ ежегодно раздавать по всей Галатіи тридцать тысячъ мѣръ хлѣба и шестьдесятъ тысячъ семинъ вина. Пятая часть изъ этого, говорилъ я, должна быть употреблена на бѣдныхъ, служащихъ жрецамъ, а прочее обязаны вы раздѣлять пришельцамъ и просителямъ; ибо если и изъ Иудеевъ никто не проситъ милостыни, если и печетивые Галилеяне, кромѣ своихъ, питаютъ и нашихъ; то стыдно, что наши, какъ видно, не получаютъ отъ насъ помощи. Учи язычниковъ, чтобы они приносили что-либо для такого служенія и чтобы языческія селенія отдѣляли богамъ пачатки плодовъ. Дѣлай ихъ привычными къ подобнымъ благодѣяніямъ, внушая имъ, что это издревле было у насъ въ обычаѣ. Вотъ и у Омра Эвмей говорить:

Мнѣ не слѣдуетъ, странникъ,—приди кто и хуже тебя,—
Странника не уважать; потому что всѣ мы отъ Зевса—
Странники бѣдные: мало даю, но съ любовью дальне.

Не позволяя другимъ соревновать тому, что у насъ хорошо, мы отъ безопасности срашимъ сами себя, а еще болѣе роняемъ благоговѣніе къ богамъ. Если узнаю, что ты дѣлаешь такъ,

какъ я говорилъ, то буду пренеполненъ радости. Первенствующихъ жрецовъ рѣдко посѣщай лично, а чаще пиши къ нимъ посланія. При входѣ ихъ въ городъ никто изъ жрецовъ да не выходитъ имъ на встрѣчу; но когда вступаютъ они въ храмы боговъ, да будетъ встрѣча въ преддверіи. Изъ почетной стражи никто не долженъ входить внутрь впереди ихъ, а позади — кому угодно; ибо, едва кто переступилъ чрезъ порогъ капища, тотчасъ сталъ частнымъ челоуѣкомъ. Внутри, какъ тебѣ извѣстно, ты самъ начальникъ; этого требуетъ и божественный законъ. И кто повинуется, тотъ поистинѣ благочестивъ, а заботящійся о личности—честолюбивъ и тщеславенъ. Писнунціямъ готовъ я помогать, если они привлекутъ къ себѣ милость матери боговъ; а нерадащіе о ней не только не останутся безъ укорины, но еще—прискорбно сказать,—испытуютъ наше негодованіе:

Ибо не слѣдуетъ мнѣ нещись и быть милосердымъ
Къ людямъ, которыхъ не любятъ безсмертные боги.

Итакъ убѣди ихъ, чтобы они, если хотятъ быть предметомъ моей заботливости, всѣ совокупно служили матери боговъ.

ГЛАВА 17.

О томъ, что Юліанъ, не желая казаться тиранномъ, преслѣдовалъ Христіанъ коварно; также объ отмъненіи крестнаго знаменія и о принужденіи войскъ приносить жертвы.

Такъ поступаая и говоря въ письмахъ, царь полагалъ, что легко отвлечеть подданныхъ отъ

принимаемаго ими ученія. Но сколько онъ ни старался уничтожить христіанскую вѣру,—по-дѣйствовать убѣжденіемъ никакъ не могъ, а употреблять явное насиліе стыдился, что бы не показаться тиранномъ. Впрочемъ Юліанъ не отступалъ отъ своего намѣренія, но придумывалъ разныя хитрости, чтобы поданныхъ, а особенно войско, частію лично, частію чрезъ начальниковъ, привести къ язычеству. Всячески приучая воиновъ язычествовать, онъ счелъ пужнымъ то руководительное знамя римскихъ легионовъ, которое по повелѣнію Божію, какъ выше сказано, получило образъ креста, передѣлать въ прежній видъ, а на общественныхъ портретахъ строго приказывалъ изображать подлѣ себя Юпитера, такъ какъ бы онъ сошелъ съ неба и ввѣрялъ ему символы царствованія—вѣнецъ и багряницу, равнымъ образомъ Марса и Ермія, такъ какъ бы эти боги смотрѣли на него и свидѣтельствовали взоромъ, что онъ краснорѣчивъ и воинственъ. Это-то и многое другое, относящееся къ языческой вѣрѣ, повелѣлъ онъ вносить въ свои портреты; такъ что по поводу законнаго почтенія царю, римляне незамѣтно воздавали почтеніе и тѣмъ, которые написаны были вмѣстѣ съ нимъ. Злоупотребляя старинными обычаями, онъ со всею внимательностію старался обольщать этимъ души подданныхъ: ибо полагалъ такъ, что кого онъ убѣдитъ, того найдетъ готовымъ на все, чего захочетъ; а кто станетъ упорствовать, того

будетъ наказывать безъ пощады, какъ челоуѣка, не слѣдующаго римскимъ правамъ и погрѣшающаго противъ отечества и царя. Немного было такихъ, которые, даже и подвергаясь наказанію, понимали его мысли, но все отказывались поклоняться изображеніямъ, согласно съ своимъ собственнымъ обычаемъ. Только чернь, какъ всегда бываетъ, въ невѣдѣніи и простотѣ сердца, считала должнымъ просто повиноваться древнему закону и приступала къ изображеніямъ безъ размышленія. Но употребивъ въ дѣло и эту хитрость, царь не получилъ никакого успѣха. Впрочемъ онъ не уступалъ и придумывалъ все средства, какъ бы привести подданныхъ къ чтимой имъ вѣрѣ. Послѣдующій его замыселъ не отличался отъ упомянутаго выше; но онъ былъ открытѣ перваго, выполнялся съ бѣльшимъ насиліемъ, и многимъ въ придворномъ войскѣ подаль случай показать свое мужество. Когда пришло время получать войскамъ царскіе подарки, что всегда бываетъ въ торжественные римскіе праздники, въ дни рожденія царей и основанія столицъ; то размысливъ, что воины по природѣ просты, неразумительны и легко увлекаются обычною жадностію къ деньгамъ, Юліанъ, для возбужденія ихъ къ жертвоприношенію, употребилъ нѣкоторую хитрость. Издавна велось, что всякій приступающій для полученія подарка, долженъ былъ принести жертву. Итакъ, когда они подходили для этого,

предстояшіе царю приказывали каждому изъ нихъ совершить куреніе;—а тутъ возлѣ, по давнимъ римскимъ узаконеніямъ, горѣлъ огонь и лежалъ ладанъ. Тогда одни не колеблясь страхомъ, показали свое мужество и не хотѣли ни воскурять, ни принять отъ царя подарокъ, другіе, обративъ все вниманіе на законъ и древность, даже и не замѣтили, что грѣшатъ, а нѣкоторые, бывъ увлечены приманкою выгоды, либо предзаняты страхомъ и тревогою отъ зрѣлища, нечаянно имъ представившагося, хотя и понимали, что язычествуютъ, однако не избѣгли этого языческаго обряда. Говорятъ, что когда впашіе въ такой грѣхъ по невѣденію послѣ того сидѣли за трапезою и дѣлали, что обыкновенно дѣлается при питіи вина, то-есть, вышивая чашу за здравіе другъ друга, упоминали имя Христово ¹⁾; то кто-то изъ собесѣдниковъ возразилъ имъ и сказалъ: странны ваши поступки; вы призываете Христа, котораго недавно отверглись, принявъ даръ отъ царя и положивъ ладонь въ огонь. Услышавъ это и понявъ, что сдѣлали, они тотчасъ вскочили съ своихъ мѣсть, начали всенародно бѣгать, кричать, плакать и свидѣтельствовать предъ Богомъ и предъ всеми людьми, что были и оставлены Христіанами, что совершили это по не-

¹⁾ Объ этомъ обыкновеніи древнихъ Христіанъ призывать имя Христово и сѣнять себя знаменіемъ креста предъ принятіемъ вина говоритъ Григорій Назіанзенъ въ первомъ словѣ противъ Юліана.

вѣдѣнію и что язычествовала, если только можно сказать, одна рука ихъ, безъ участія сердца. Потомъ побѣжали они къ Юліану и, бросивъ данное имъ золото, весьма мужественно просили его взять обратно свой подарокъ и умертвить ихъ; ибо они не перемѣнятъ своихъ мыслей и, за неумышленное преступленіе правой руки, готовы ради Христа подвергнуться наказанію все тѣло. Однакожь царь, сколь ни былъ разгнѣванъ этимъ, поопасался лишить ихъ жизни, чтобы они не удостоились чести мученичества, но отнявъ у нихъ право служить въ войскѣ, изгналъ ихъ изъ дворца.

ГЛАВА 18.

О томъ, что Юліанъ запретилъ Христіанамъ пользоваться правомъ голоса на народныхъ сходкахъ, занимать мѣста въ судахъ и воспитываться въ эллинскихъ школахъ; также о Василіи Великомъ, Григоріи Богословѣ и Аполлинаріи, которые перевели священное Писаніе на эллинскій языкъ, особенно же Аполлинарій и Григорій Назіанзенъ, изъ коихъ первый писалъ очень враторски, и послѣдній героическими стихами.

При случаяхъ, этоже расположеніе обнаруживалъ Юліанъ и по отношенію ко всемъ Христіанамъ. Отказывающихся приносить жертвы, хотя ни въ чемъ нельзя было обвинить ихъ, онъ лишалъ права гражданства, участія въ народныхъ сходкахъ и совѣщаніяхъ, также отнималъ у нихъ возможность быть судіями, начальствовать и получать знаки почестей, даже дѣтямъ ихъ запрещалъ учиться у эллинскихъ поэтовъ и писателей и ходить въ ихъ школы; ибо его не мало огорчала образованность Аполлинарія сирекаго, обладавшаго различными

познаніями и науками, также каппадокіанъ, Василія и Григорія, которые превосходили тогда всѣхъ риторовъ и весьма многихъ иныхъ знаменитыхъ мужей, изъ коихъ одни держались опредѣленной никейскихъ, а другіе происходили изъ секты арианской. Полагая, что только образование сообщаетъ убѣдительность ихъ словамъ, онъ не позволялъ Христіанамъ заниматься эллинскими науками. Между тѣмъ вышеупомянутый Аполлинарій, ксати воспользовавшись обширными своими познаніями и способностями, по образу Омировыхъ поэмъ, переложилъ въ георическіе стихи еврейское бытописаніе и, доведши его до царя Саула, раздѣлилъ все твореніе на двадцать четыре части, изъ которыхъ каждую означилъ одною буквою греческаго алфавита, слѣдуя ихъ числу и порядку. Писалъ онъ также, примѣнительно къ твореніямъ Менандра, и комедіи, подражалъ и Эврипиду въ трагедіяхъ, и Пиндару въ родѣ лирическомъ. Просто сказать, заимствуя изъ божественныхъ Писаній предметы для всего такъ-называемаго круга наукъ, онъ въ короткое время произвелъ равночисленные и равносильные образцы, по роду, выраженію, характеру и плану, похожіе на знаменитыя творенія Эллиновъ. Такъ что люди, если бы не увлекались древностію и не предпочитали того, къ чему привыкли, труды Аполлинарія становили бы и изучали наравнѣ съ древними и тѣмъ болѣе дивились бы даро-

ваніемъ этаго мужа, что каждый изъ древнихъ писателей занимался однимъ родомъ твореній, а онъ обнялъ все и въ своихъ сочиненіяхъ, сколько требовала нужда, отпечатлѣлъ достоинства всякаго. Не безъ достоинствъ также и его книга противъ самаго Юліана и греческихъ философовъ, подъ заглавіемъ: объ истинѣ, въ которой и не приводя свидѣтельствъ изъ священнаго Писанія, онъ доказалъ, что въ своихъ понятіяхъ о Богѣ философы уклонились отъ прямаго пути. Смѣясь надъ этимъ сочиненіемъ, Юліанъ послалъ его къ знаменитѣйшимъ тогдашнимъ епископамъ съ надписью: прочитай, понимай, осуди (*ἀνεγύρω, ἔρω, κατεύρω*). Но они отвѣчали на это: читалъ, да не понималъ, потому что, если бы понималъ, не осудилъ бы. Этотъ отвѣтъ нѣкоторые не безъ правдоподобія относятъ къ представителю каппадокійской Церкви Василию. Но ему ли принадлежалъ онъ, или кому другому, во всякомъ случаѣ нельзя не удивляться мужеству и уму писателя.

ГЛАВА 19.

О книгѣ Юліана, подъ заглавіемъ: проповѣдь (ненавистникъ бороды), и объ антиохійской Дафнѣ; описаніе ея. Также о перенесеніи останковъ священномученика Вавилы.

Собираясь вступить въ войну съ Персами царь прибылъ въ Антиохію сирійскую. Когда же народъ началъ роптать, что хлѣбныхъ запасовъ такъ много, и однакожь хлѣбъ продается такъ дорого; то Юліанъ, желая, думаю, оказать черни снисхожденіе, приказалъ покупать товары на

площади за низшую, чѣмъ слѣдовало, цѣну. Но продавцы разбѣжались, — и запасовъ не стало. Огорчившись этимъ, Антиохійцы стали оскорблять царя, смѣяться надъ его бородою, которая была у него длинна, и надъ его монетою, на которой изображенъ былъ быкъ: они насмѣшливо говорили, что въ его царствованіе лежащія навзничъ быки *) разрушатъ міръ. Юліанъ сперва гнѣвался и грозился, что худо будетъ Антиохійцамъ, даже готовъ былъ уже переселить ихъ въ Тарсъ, но потомъ, неожиданно оставивъ свой гнѣвъ, за оскорбленіе себя отпустилъ одними словами, именно издавъ противъ Антиохійцевъ красиво и вѣжливо изложенное сочиненіе подъ названіемъ *μισθωγων*. Съ Христіанами же и здѣсь поступалъ онъ одинаково, то есть, старался распространить между ними язычество. Стоитъ сказа, что случилось тогда съ гробницею мученика Вавилы и съ храмомъ Аполлона въ Дафнѣ. Начну съ слѣдующаго. Дафна, знаменитое предмете Антиохіи, украшается большою рощею кипарисовъ, между которыми много и другихъ деревьевъ, а подъ деревьями земля, смотря по времени года, произращаетъ разнаго рода цвѣты. Это мѣсто всюду облегается болѣе какъ бы сводомъ, чѣмъ тѣнію; густота вѣтвей и листьевъ не позволяетъ проникать туда лу-

*) Юліанъ повелѣлъ изображать на своихъ монетахъ лежащаго навзничъ быка въ знакъ своей преданности язычеству, по требованію котораго богамъ приносились были въ жертву особенно быки.

чашъ солнечнымъ. Не менѣе пріятности и усладительности доставляетъ ему также обиліе и красота водъ, благорастворенность воздуха и тихое дыханіе вѣтровъ. Тамъ, по баснословнымъ рассказамъ дѣтей Греціи, дочь рѣки Ладоны, Дафна, убѣгавшая изъ Аркадіи отъ Аполлона, превращена была въ сомненное себѣ дерево. Но Аполлонъ и тутъ не оставилъ ея: онъ увѣчивался вѣтвями своей возлюбленной, обнималъ это дерево и болѣе всего любимое свое мѣсто почтилъ долговременнымъ пребываніемъ. При такомъ мифологическомъ значеніи упомянутаго предмета Дафны, люди скромные почитали за стыдъ ходить туда; ибо положеніе и свойство того мѣста влекло къ наслажденіямъ и любовное содержаніе басни, при малѣйшемъ случаѣ, усугубляло страсть развратныхъ юношей. Извнися баснословнымъ рассказомъ, они сильно разжигались, безстыдно отваживались на дѣла срамныя и, бывъ чужды скромности сами, не любили встрѣчать тамъ и скромныхъ людей. Впрочемъ язычники весьма уважали описанное мѣсто; ибо тамъ стояла прекрасная статуя аполлоновой Дафны, тамъ же выстроены ей великолѣпный и богатый храмъ. Строителемъ его былъ, говорятъ, Селевкъ, отецъ Антиоха, отъ котораго городъ получилъ свое имя. Читатели того урочища вѣрили, что въ немъ течетъ и пророчественная вода кастальскаго источника, вмѣстѣ съ названіемъ, имѣвшаго силу источника дельфійскаго.

Хвастаются, будто тамъ и Адриану, когда онъ былъ еще частнымъ человѣкомъ, предсказанъ жребій царствованія; ибо какъ скоро вѣтвь Дафны погрузилъ онъ въ источникъ, тотчасъ получилъ, говорятъ, знаніе будущаго, прочитавъ свою судьбу на листьяхъ погруженной вѣтви. Когда же онъ возшелъ на престолъ, то приказалъ засыпать источникъ, чтобы нельзя было и другимъ предузнавать будущее. Но входить въ подробности сей басни предоставимъ тѣмъ, которые этимъ занимаются. Братъ Юліана, Галлъ, возведенный Констанціемъ въ достоинство Кесаря, жилъ въ Антиохіи и, такъ какъ былъ Христіанинъ, особенно чтившій память мужей, пострадавшихъ за вѣру, то упомянутое мѣсто умѣлъ очистить отъ языческихъ повѣрій и сквернъ людей развратныхъ. Появля, что легко достигнетъ этого, если устроитъ тамъ молитвенный домъ, онъ въ Дафну перенесъ гробъ мученика Вавилы, славно управлявшаго антиохійскою Церковію и увѣнчавшагося мученичествомъ. Съ того времени демонъ пересталъ, говорятъ, проносить обычныя свои провѣщанія. Причиною же того, что онъ замолчалъ, сперва полагали прекращеніе жертвоприношеній и служенія, которыхъ прежде удостоивали его: но послѣ открылось, что ему не дозволяло дѣлать это соседство мученика; ибо когда римскою имперіею правилъ одинъ Юліанъ, то и возліяній, и куреній, и жертвъ было въ изобиліи, но демонъ

тѣмъ не менѣе молчалъ, давши же наконецъ отвѣтъ, самъ объявилъ о причинѣ прежняго своего молчанія. Царю вздумалось испытать относительно къ чему-то тамошняго оракула. Прибывъ въ храмъ, онъ усердно почтилъ демона дарами и жертвами и просилъ не пренебрегать того, что лежало у него на сердцѣ: но демонъ ясно не объявилъ по прошенію, говоря, что не можетъ дѣлать провѣщаній по близкому соседству гробницы мученика Вавилы. Эго мѣсто, прибавилъ онъ, теперь наполнено мертвецами, что препятствуетъ исхожденію провѣщаній. И такъ, хотя въ Дафнѣ лежало множество и другихъ мертвецовъ, однакожь догадываясь, что одинъ мученикъ мѣшаетъ давать провѣщанія, царь приказалъ вынести оттуда его гробницу. Тогда Христіане сошлись и понесли ее стадій чрезъ сорокъ, въ городъ, гдѣ мученикъ лежитъ и нынѣ,—на то самое мѣсто, которое отъ него получило свое названіе. Говорятъ, что несшіе гробъ мужчины и женщины, юноши и дѣвы, старцы и дѣти, побуждая другъ друга, совершили весь путь съ псалмопѣніемъ. Предлогомъ было то, чтобы трудящіеся облегчали для себя тягость пути, а на самомъ дѣлѣ они возбуждались тѣмъ большею ревностію и усердіемъ, что царь не согласовался съ ними въ своихъ мысляхъ о Богѣ. Предначинали пѣніе тѣ, которые знали псалмы лучше другихъ; потомъ за ними единогласно пѣлъ уже весь народъ. А припѣвомъ былъ

стихъ: посрамилъсь всѣ, кланяющіеся истукан-
нымъ, хваллящіеся о идолѣхъ своихъ (Ис. 96, 7).

глава 20.

*О томъ, что за это перенесеніе царь причинилъ зло многимъ Хри-
стіанамъ; также о солтамъ Теодоръ исповѣдникъ и о томъ, что
спадшій съ неба огонь сожегъ храмъ Аполлона въ Дафнѣ.*

Подвигнутый этимъ на гнѣвъ и какъ бы лично оскорбленный, царь захотѣлъ подвергнуть Христіанъ наказанію. Саллюстій, исполнявшій должность префекта, хотя былъ язычникъ, не похвалилъ за это царя; однакожь, не смѣя противорѣчить, положилъ привести въ исполненіе указъ его и, на слѣдующій день забравъ многихъ Христіанъ, заключилъ ихъ въ оковы, а одного изъ нихъ юношу, по имени Теодора, котораго вывели первымъ, привязалъ къ дереву для мученія. Долго терзаемый когтями, Теодоръ не уступалъ мученіямъ и не умолялъ префекта о помилованіи, а напротивъ казался такимъ, что будто и не чувствуетъ боли, что онъ находится только между зрителями собственныхъ своихъ мученій, и мужественно принималъ удары. Потомъ зашѣвъ опять тотъ исаломъ, какой пѣлъ прежде, онъ доказалъ самымъ дѣломъ, что не заботится о томъ, за что осудили его. Пораженный твердостію юноши, префектъ пошелъ къ царю и, рассказавъ ему случившееся, прибавилъ: если ты въ наискорѣйшемъ времени не отмѣнишь своего повелѣнія; то мы отъ этого подвергнемся посмѣянію, а Христіане еще болѣе

прославятся. Этотъ совѣтъ Юліану показался хорошимъ,—и взятые подъ стражу были освобождены отъ оковъ. Послѣ сего нѣкоторые сирашивали, говорятъ, Теодора, были ли ощутительны для него причиняемая ему мученія,—и онъ отвѣчалъ, что не могъ совершенно не чувствовать ихъ, но что подлѣ него стоялъ какой то юноша, который смягчалъ его страданія. Отирая съ него потъ тончайшимъ полотенцомъ, возливая на него самую холодную воду и тѣмъ удерживая кровь его отъ воспаленія, этотъ юноша воодушевлялъ его на подвиги. До такой степени презирать свое тѣло кажется мнѣ дѣломъ не одного человѣка, сколь бы мужественъ ни былъ онъ; надобно, чтобъ ему помогала и божественная сила. Итакъ мученикъ Вавила, по вышесказаннымъ причинамъ, сперва перенесенъ былъ въ Дафну, а потомъ опять вынесенъ оттуда. Въ непродолжительномъ времени послѣ сего событія, на храмъ дафнійскаго Аполлона неожиданно упалъ огонь и сжегъ на немъ кровлю, а въ немъ статую. Осталась одни обнаженныя стѣны, ограда и колонны, которыми поддерживалась передняя и задняя сторона зданія. Христіанамъ казалось, что этотъ огонь на демона посланъ былъ отъ Бога, но молитвы мученика: а язычники толковали, будто онъ былъ дѣломъ Христіанъ. Когда это подозрѣніе разошлось повсюду, — жреца Аполлонова привели въ судъ съ тѣмъ, чтобы онъ показалъ, кто дер-

знулъ произвестъ упомянутый пожаръ. По жрецъ, заключенный въ узы, жестоко высѣченный и вытерцѣвъ множество побоевъ, не сдѣлалъ никакого показанія. Это-то особенно заставило Христіанъ думать, что разрушеніе храма было дѣломъ не человѣческихъ козней, а мщенія Божія, и произведено низпадшимъ съ неба огнемъ. Все сіе совершилось, какъ сказано. Вѣроятно, по случаю этого событія въ Дафнѣ ради мученика Вавилы, царь, узнавъ, что въ Милетѣ, близъ храма Аполлона дидимейскаго, построены молитвенные дома въ честь мучениковъ, написалъ префекту Каріи, что, если они имѣютъ кровлю и священную трапезу, сжечь ихъ, а когда эти зданія выведены только въ половину, то раскопать ихъ до основанія.

глава 21.

Объ изображеніи Христа въ Панадѣ, которое Юліанъ низвергъ и разрушилъ и на мѣсто котораго поставилъ изображение самаго себя; о томъ, что это послѣднее поражено и истреблено молніею, также объ эммаускомъ источникѣ, гдѣ Христосъ умывалъ ноги, о деревѣ Церсеи, которое въ Египтѣ поклонилось Христу и о производимыхъ чрезъ него чудесахъ.

Изъ того, что случилось въ царствованіе Юліана, достойно разсказа еще одно событіе, сдѣлавшееся знаменіемъ Христовой силы и показателемъ Божія гнѣва къ государю. Узнавъ, что въ Кесаріи филищовой, городѣ финикійскомъ, называемомъ Панадою, есть знаменитое изображение Христа, воздвигнутое избавившеюся отъ болѣзни кровоточивою, Юліанъ снялъ его и на то мѣсто поставилъ изображение са-

маго себя. По упавшей съ неба бурный огонь сокрушилъ грудь статуи, а голову съ шею низвергъ, и такъ какъ сокрушена была грудь, бросилъ ее ницъ на землю. Съ того времени статуя Юліана и донынѣ остается въ этомъ видѣ, то-есть, вся покрыта черными слѣдами громоваго удара. А изображеніе Христа язычники влачили тогда по городу и сокрушили. Обломки его послѣ собраны Христіанами и положены въ церкви, гдѣ хранятся они и теперь. На подножій же этого изображенія, какъ повѣствуетъ Евсевій, выросло какое-то растеніе, котораго видъ неизвѣстенъ никому изъ нашихъ врачей и естествоиспытателей, и которое служитъ цѣлебнымъ средствомъ противъ различныхъ страданій и болѣзней. По городамъ и селеніямъ, вѣроятно, было великое множество и другихъ дивныхъ дѣлъ; но о нихъ, какъ о предметѣ стариннаго преданія, пересказываютъ другъ другу одни туземцы. А что это справедливо, вотъ доказательство: Въ Палестинѣ есть городъ, именуемый нынѣ Никополисомъ. Божественная книга Евангелій упоминаетъ о немъ, когда онъ былъ еще селеніемъ, и называетъ его Еммаусомъ. Имя Никополиса дали ему Римляне, по взятіи Иерусалима и послѣ побѣды надъ Иудеею, и назвали его такъ въ память этого самаго случая. Предъ симъ городомъ, на распутіи, гдѣ послѣ воскресенія изъ мертвыхъ проходилъ Христосъ и, какъ бы посѣщая въ другое селеніе,

сошелся съ Клеопою и спутникомъ его, — на этомъ самомъ мѣстѣ есть знаменитый источникъ, въ которомъ не только люди, но и животныя, страдающія разными болѣзнями, омываются отъ своихъ недуговъ; ибо, пришедши къ этому источнику изъ какого-то путешествія вмѣстѣ съ учениками, Христосъ, говорятъ, умывалъ въ немъ ноги и чрезъ то сотворилъ его воду цѣлебнымъ средствомъ противъ болѣзней. Рассказываютъ также, что въ ошандскомъ городѣ Гермополисѣ многіе отгоняютъ болѣзнь деревомъ, по имени Перисомъ, прикладывая къ страждущимъ сучекъ, листикъ, либо немного коры отъ этого дерева; ибо у Египтянъ есть преданіе, что когда Іосифъ, взявъ Христа и Святую Богородицу, Марію, чтобы бѣжать отъ Прода, пришелъ въ Гермополисѣ ¹⁾, — при вступленіи его въ этотъ городъ, упомянутое дерево, имѣя высокій ростъ, не смѣло стоять предъ прибывшимъ Христомъ, но нагнулось до самой земли и поклонилось Ему. Объ этомъ растеніи я сказалъ то, что слышалъ отъ многихъ. А самъ думаю, что оно либо служило знакомъ присутствія Божія въ городѣ, либо, что вѣроятно, отличаясь высокимъ ростомъ и красотою, по закону языческому было боготворимо тамошними жителями, а потому, когда при появленіи сокрушителя своего чтимый въ

¹⁾ Паладій, описывая жизнь Іоанна Златоуста, говоритъ, что въ Гермополисѣ была Церковь отъ самаго пришествія Христова, — съ того времени, когда Христосъ привезенъ былъ въ Египетъ Іосифомъ.

этомъ деревѣ діаволь содрогся, потряслось и самое дерево. По словамъ пророка Исаи (19, 1), въ то время отъ прибытія Христа вострепетали въ Египтѣ и всѣ идолы. Въ память же изгнанія демоновъ и для засвидѣтельствованія объ этомъ событіи, упомянутое дерево съ тѣхъ поръ начало подавать вѣрующимъ исцѣленіе. Въ Египтѣ и Палестинѣ каждый знаетъ и рассказываетъ объ этихъ происшествіяхъ.

ГЛАВА 22.

О томъ, что, негодую на Христіанъ, царь позволилъ Іудеямъ возсоздать храмъ въ Іерусалимѣ; но когда они принялись за это со всею ревностію, исторшійся изъ земли огонь погубилъ многихъ изъ нихъ. Также о повисшихъ тогда на пламя работниковъ знакахъ креста.

Христіанъ царь ненавидѣлъ и выражалъ имъ свое негодованіе, но къ Іудеямъ былъ благосклоненъ и милостивъ, такъ что патриархамъ ихъ, вождямъ и самому народу писалъ посланія и просилъ молиться о себѣ и своемъ царствованіи. Впрочемъ онъ дѣлалъ это, вѣроятно, не потому, что одобрялъ ихъ богопочтеніе, ибо зналъ, что вѣра іудейская есть какъ бы мать ученія христіанскаго, признающая тѣхъ же пророковъ и патриарховъ, — а потому, что Іудеи питали непримиримую ненависть къ Христіанамъ, и слѣдовательно чрезъ доброхотство имъ онъ старался досаждать тѣмъ, отъ кого отвращался. Можетъ быть, Юліанъ думалъ также, что Іудеи ему легче склонить къ язычеству и жертвоприношенію, поколику и мудрѣйшіе изъ Евреевъ священное Писаніе разумѣютъ только буквально, а не созерцательно, какъ Христіане.

Что это именно было его намѣреніе, видно изъ самаго дѣла. Созвавъ вождей народа іудейскаго, онъ убѣждалъ ихъ соблюдать законы Моисея и помнить отеческіе обычаи. Когда же тѣ стали говорить, что со времени разрушенія іерусалимскаго храма, они, лишившись своей митрополіи, по закону не должны, и по обычаю предковъ не могутъ дѣлать это въ другомъ мѣстѣ; то онъ, выдавъ имъ изъ казны денегъ, приказалъ возсоздать храмъ и сохраняя богослуженіе праотцевъ, совершать, по древнимъ обычаямъ, жертвоприношенія. Итакъ, не обративъ вниманія на то, что предписываемое дѣло не согласно съ священными пророчествами, Іудеи ревностно принялись за работу: собрали опытнѣйшихъ строителей, заготовили матеріаль и очистили мѣсто. Усердіе было столь велико, что даже женщины носили землю передниками и для издержекъ на эту работу произвольно пожертвовали свои ожерелья и всякое другое женское украшеніе. Предъ этимъ дѣломъ и царь, и язычники, и Іудеи все прочія дѣла почитали второстепенными: ибо самые язычники, хотя и не были благорасположены къ Іудеямъ, принимали однакожь участіе въ ихъ стараніи, предполагая, что чрезъ это они осуществятъ свое намѣреніе, докажутъ лживость Христовыхъ предсказаній, а Іудеи, имѣя въ мысли-то же самое, думали сверхъ того, что теперь-то именно представляется имъ благоприятный слу-

чай возсоздать свой храмъ. Но какъ скоро раскопали они остатки прежняго зданія и очистили грунтъ, въ ту самую минуту, когда надлежало положить первое основаніе, вдругъ произошло, говорятъ, великое землетрясеніе. Отъ этого сотрясенія земли, изъ глубины ея начали вылетать камни, и Іудеи гибли. Жертвою погибели были не только участвовавшіе въ работѣ, но и сошедшіеся смотрѣть на нее; потому что и жилища близъ храма, и общественныя портики, въ которыхъ народъ собирался, все подверглось разрушенію. Погибшихъ людей собрано было тамъ великое множество, и изъ нихъ одни совсемъ умерли, а другіе найдены полумертвыми, то безъ рукъ, то безъ ногъ, то безъ иныхъ членовъ тѣла. Когда же Богъ остановилъ колебаніе земли; то уцѣлѣвшіе хотѣли было снова приняться за дѣло, потому что его нельзя было отмѣнить и по указу царя, и по собственному ихъ расположенію. Человѣческой природѣ какъ-то нравится въ дѣлахъ удовольствія почитать полезнымъ только то, что исполняется по ея желанію. Находясь въ такомъ заблужденіи, она и не имѣетъ столько пропнцательности, чтобы узнать въ чемъ польза, и не вразумляется примѣрами опасностей, чтобы обратиться къ своему долгу. Это самое случилось тогда, думаю, и съ Іудеями. Не смотря на достаточность и перваго возбраненія, ясно показывавшаго, что это предпріятіе прогнѣв-

леть Бога, Иудеи снова обратились къ суетному усилю. Но едва принялись они за дѣло въ другой разъ, какъ изъ подъ основаній храма вдругъ исторгся, говорятъ, пламень и пожралъ многихъ. Этому вѣрятъ и объ этомъ разсказываютъ все въ одинъ голосъ; сомнѣнiя не обнаруживасть никто: только одни повѣствуютъ, что пламень противусталъ имъ и совершилъ сказанное, когда хотѣли они насильно проникнуть въ храмъ, а другiе, что это сдѣлалось, когда выносили они землю. Но первое ли примемъ, или послѣднее, во всякомъ случаѣ событiе дивно. Послѣ сего произошло и другое явленiе, очевиднѣе и чудеснѣе перваго. Вдругъ на платьѣ всѣхъ самъ собою отпечатлѣлся знакъ креста, и всѣ одежды разукрасились какъ бы звѣздами, такъ что были сдѣланы будто изъ искусно вышитыхъ тканей. Чрезъ это для однихъ тотчасъ стало понятно, что Христосъ есть Богъ и что возобновленiе храма Ему не угодно, а другiе присоединились къ Церкви по прошествiи немногаго времени и, принявъ крещенiе, за свою дерзость умиловивляли Христа пѣснопѣнiями и молитвословіями. Кому это кажется не вѣроятнымъ, того пусть увѣрятъ люди, слышавшіе отъ самовидцевъ и еще живущіе, пусть увѣрятъ Иудеи и язычники, оставившіе свою работу не оконченною, или которой, лучше сказать, они и начать не могли.

конецъ пятой книги церковной исторiи.

ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРИИ

ЭРМИЯ СОЗОМЕНА САЛАМИЦСКАГО

КНИГА ШЕСТАЯ.

ГЛАВА I.

О вооруженiи Юліана противъ Персовъ; о томъ, что онъ былъ разбитъ и бѣдственно испустилъ духъ, и о томъ, что пишетъ Ливаній относительно его убійца.

Въ предъидущей книгѣ я разсказалъ все, что зналъ о церковныхъ событiяхъ въ царствованiе Юліана. Потомъ, едва наступила весна, Юліанъ вознамѣрился начать войну съ Персами и скоро перешелъ рѣку Евфратъ. Миновавъ Эдессу, можетъ быть, по ненависти къ ея жителямъ, такъ какъ этотъ городъ еще въ древности весь принялъ Христiанство, онъ пришелъ въ Каррасъ и нашедши здѣсь храмъ Зевса, принесъ въ немъ жертву и совершилъ молитву. Отсюда, изъ слѣдовавшихъ за нимъ войскъ, двадцать тысячъ латниковъ послалъ онъ къ рѣкѣ Тигру, для наблюденiя надъ тѣми мѣстами, и повелѣлъ, чтобы этотъ отрядъ тотчасъ явился къ нему, какъ скоро будетъ позванъ. А армянскому вождю Арзакію, союзнику Римлянъ, написалъ, чтобы онъ соединилъ съ нимъ военныя

свои силы. Въ этомъ письмѣ, выше мѣры тщеславья и превознося себя, какъ мужа, способнаго царствовать, и какъ друга исповѣдуемыхъ имъ боговъ, предшественника же своего Констанція порицая за слабость характера и печетіе, онъ очень оскорблялъ Арзакія угрозами, и угрозы, равно какъ свои преступныя хулы на Христа, усцвлялъ тѣмъ болѣе, что въ своемъ союзникѣ узналъ Христіанина. Такое тщеславіе обыкновенно позволялъ онъ себѣ при всякомъ случаѣ и говорилъ, что чтимый имъ Богъ не защититъ его, если онъ презритъ даваемые царемъ повелѣнія. Полагая, что это дѣлаетъ хорошо, Юліанъ взялъ римское войско и вступилъ въ Ассирію. Здѣсь то измѣною, то силою оружія бралъ онъ города и крѣпости, и не осторожно шель впередъ, не думая о находившемся позади и о томъ, что тѣмъ же самымъ путемъ надобно будетъ возвращаться. Все, что ни бралъ онъ, разрушалъ до основанія, хлѣбныя же запасы и прочее либо раскапывалъ, либо сожигалъ. Продолжая путь по берегу Евфрата, онъ былъ уже не далеко отъ Ктизифона. А Ктизифонъ—большой городъ, нынѣшняя столица персидскихъ царей, вмѣсто Вавилона. Близъ него течетъ Тигръ. Но такъ какъ промежуточная земля (между Евфратомъ и Тигромъ) не позволяла подойти къ Ктизифону съ кораблями, и потому настояла необходимость либо миновать городъ, либо оставить суда; то царь сталъ рас-

прашивать плѣнныхъ и узналъ, что тамъ есть засыпавшійся отъ времени судоходный каналъ. Уничтоживъ эту преграду, онъ съ Евфрата перешелъ къ Тигру и, на флангѣ сухонутнаго своего войска имѣя флотъ, двинулся къ городу. Тутъ по берегамъ Тигра показалось великое множество персидской конницы, пѣхоты и слоновъ. Видя свое войско въ непріятельской землѣ запертымъ между двумя большими рѣками и боясь, что, понадобится ли остаться здѣсь, или идти въ обратный путь по разореннымъ городамъ и селамъ, безъ съѣстныхъ запасовъ оно должно будетъ погибнуть отъ голода, царь предложилъ награды скакунамъ и созвалъ воиновъ смотрѣть на конское ристалище, а начальникамъ флота между тѣмъ приказалъ побросать (въ воду) тяжести и запасенный для войска хлѣбъ, чтобы воины, видя себя въ опасности и чувствуя нужду въ съѣстныхъ принасахъ, сдѣлались рѣшительнѣе и сражалась съ непріателемъ мужественнѣе. Потомъ, послѣ ужина собравъ военачальниковъ и полководцевъ, онъ посадилъ войска на корабли. Воины ночью переплыли Тигръ и достигнувъ противоположнаго берега, сошли съ судовъ. Изъ Персовъ же одни, замѣтивъ это движеніе, стали защищаться и дали знать прочимъ, а другіе захвачены были Римлянами еще сонныя. Между тѣмъ настала ночь, и сраженіе закипѣло. Перебивъ много непріятелей, Римляне окончательно пере-

шли чрезъ рѣку и осадили Ктизифонъ. Юліанъ положилъ однако далѣе ийти, а возвратиться въ Имперію. Сожегши корабли, какъ бы для того, что многіе, охраняя ихъ, не могли участвовать въ сраженіи, онъ пошелъ назадъ, и слѣва прикрывался рѣкою Тигромъ. Такъ какъ проводниками Римлянъ были плѣнные, то сперва въ той странѣ наслаждались они обиліемъ и имѣли все нужное; но потомъ къ царю привели одного какъ бы насильно взятаго, а въ самомъ дѣлѣ парочито отдавашагося старика, который рѣшился умереть за свободу всѣхъ Персовъ. Распрашиваемый касательно дороги, старикъ, по видимому, говорилъ правду и, убѣждая Римлянъ слѣдовать за собою, обѣщался весьма скоро ввести войско въ римскіе предѣлы. Только дня три или четыре походъ будетъ труденъ, (говорилъ онъ); и на столько дней надобно взять съ собою запасовъ; потому что земля тутъ пуста. Склонившись на слова хитраго старика, царь положилъ идти симъ путемъ. Когдаже Римляне ушли уже далеко и чрезъ три дня очутились въ мѣстахъ дикихъ; то плѣнный старикъ подъ пытками показалъ, что онъ для своихъ соотечественниковъ произвольно перебѣжалъ къ непріятелямъ на смерть и готовъ потерпѣть все мужественно. Но между тѣмъ какъ римское войско, изнуренное во-первыхъ долгою пути, во-вторыхъ недостаткомъ съѣстныхъ припасовъ, находилось въ состояніи раз-

слабленія, персидское напало на него. Сраженіе было упорное. Въ это время вдругъ подулъ сильный вѣтеръ; небо и солнце закрылись тучами, а воздухъ наполнился пылью. И среди мрака, среди этого великаго возмущенія природы, какой-то всадникъ, проѣзжая мимо царя, бросилъ въ него копьё и нанесъ ему смертельную рану. Такъ какъ царь упалъ съ коня, то убійца успѣлъ скрыться, и кто онъ, осталось неизвѣстнымъ. Одни говорятъ, что это былъ Персъ, другіе, что Сарацинъ, а иные утверждаютъ, что римскій воинъ, и что онъ нанесъ Юліану ударъ, недогуга на его безразсудство и дерзость, которая повергли войско въ столь великія бѣдствія. Но сирекій софистъ Ливаній, бывший къ нему особенно близкимъ и пользовавшийся его дружбою, объ убійцѣ пишетъ слѣдующее ¹⁾: «Можетъ быть, иной желалъ бы слышать, кто убилъ Юліана? Имени убійцы я конечно незнаю: но онъ не былъ изъ непріятелей; это ясно доказывается тѣмъ, что изъ непріятелей никто не награжденъ за убіеніе. Персидскій царь чрезъ глашатая сколько ни вызывалъ убившаго къ наградѣ, и явившемуся слѣдовало получить нѣчто важнѣйшее; никто однакожь не похвастался этимъ даже по любви къ наградамъ. Непріятелямъ надобно изъявить

¹⁾ Эти слова Ливанія находятся въ похвальной рѣчи его Юліану. Lib. Opp. Tom. II, p. 323.

великую благодарность, что они не вмѣнили себѣ въ честь того, чего не дѣлали, но представили намъ искать убійцы у себя самихъ. Сдѣлать это тогда могли тѣ, для кого жизнь царя была не полезна, и которые, живя не по его законамъ, давно уже строили ему козни. Къ этому побуждала ихъ какъ вообще несправедливость, въ царствованіе Юліана лишившаяся власти, такъ особенно вѣра въ боговъ, которой они противодѣйствовали».

ГЛАВА 2.

О томъ, что Юліанъ умеръ, какъ жертва Божіей мести, о видѣніяхъ, предъидшихъ некоторымъ мучаема его смерти, объ отшествіи сына тектонова, о томъ, что Юліанъ бросилъ Христу свою кровь и объ общественныхъ бѣдствіяхъ, которыя чрезъ него постигли Римлянѣ.

Говоря такъ, Ливаній даетъ разумѣть, что убійцею Юліана былъ Христіанинъ. Можетъ быть, это и справедливо; ибо нѣтъ ничего невѣроятнаго, что кому нибудь изъ тогдашнихъ воиновъ и пришло на мысль умереть за свободу всѣхъ и усердно помочь согражданамъ, родственникамъ и друзьямъ. Да напрасно бы стали мы и порицать такого человѣка, который ради Бога и исповѣдуемой имъ вѣры показалъ свое мужество. Что же касается до меня, то кромѣ приведенныхъ мнѣній, кто былъ виновникомъ этого убійства, я опредѣленно не произношу никакого другаго. Впрочемъ всѣ единогласно

утверждаютъ, будто бы дошедшее до насъ сказаніе не ложно, что Юліанъ умеръ жертвою Божіей мести. Доказательствомъ этого служить божественное видѣніе, явившееся, какъ я слышалъ, одному изъ его родственниковъ. Говорятъ, что этотъ родственникъ, спѣша увидѣться съ царемъ, находившимся тогда въ Персеи, остановился въ одномъ мѣстѣ при большой дорогѣ и, по недостатку помѣщенія, легъ спать въ тамошней церкви. Во снѣ ли то было, или на яву, только туда же сошлись многіе Апостолы и Пророки и, жалуюсь на оскорбленія, причиняемая Церкви Юліаномъ, совѣтовались, что надобно дѣлать. Долго разсуждали они объ этомъ и какъ бы недоумѣвали; но наконецъ двое изъ нихъ, вставши, повелѣли другимъ благодумствовать и, спѣша будто бы уничтожить власть Юліана, тотчасъ оставили собраніе. А тотъ человѣкъ, бывший зрителемъ сихъ чудесныхъ явленій, не хотѣлъ уже продолжать свой путь и, ожидая съ трепетомъ, чѣмъ окончится это видѣніе, снова тамъ же заснулъ и видитъ прежнее собраніе. Вдругъ тѣ два мужа, въ прошедшую ночь вооружившіеся противъ Юліана, какъ будто возвратились съ пути и, вошедши, объявили другимъ, что онъ убитъ. Въ то самое время и жившій въ Александріи церковный любомудретвователь Дидимъ, сильно скорбя о томъ, что царь такъ грѣшитъ противъ вѣры, съ одной стороны, по случаю ея заблужденій, съ другой—по слу-

чаю причиняемыхъ церквамъ обидъ , постился и молилъ объ этомъ Бога. Отъ сокрушенія не принималъ онъ пищи до самой ночи и, сидя въ своемъ креслѣ, заснулъ. Бывъ въ состояніи востороженномъ, онъ будто бы видитъ бѣгущихъ въ воздухъ бѣлыхъ коней, и бѣдущіе на нихъ всадники провозглашаютъ: возвѣстите Дидиму, что нынѣ, въ этотъ самый часъ, Юліанъ убитъ. Объ этомъ пусть онъ объявитъ и Аонасію и, вставъ, вкуситъ пищи. Такія то, слышалъ я, были видѣнія Юліанову родственнику и любовнику мудрствователю, и ни который изъ нихъ, какъ открылось въ послѣдствіи, не обманулся въ истинѣ того, что видѣлъ. А кому для показанія Божіей воли въ убіеніи Юліана, какъ разорителя Церквей, этого недостаточно; тотъ пусть обратитъ вниманіе и на пророчество, изреченное однимъ духовнымъ лицомъ. Когда Юліанъ, готовившись къ войнѣ съ Персами, грозился, что послѣ этой войны худо будетъ отъ него Церквамъ, и съ насмѣшкою говорилъ, что тогда не защититъ ихъ Сынъ тектонову; то упомянутый мужъ пророчески отвѣчалъ: этотъ Сынъ тектоновъ для погребенія тебя приготовляетъ деревянный гробъ. Впрочемъ, получивъ ударъ, онъ даже и самъ отчасти понялъ, откуда было пораженіе, и не совсѣмъ не разумѣлъ причину своего бѣдствія. Говорятъ, что когда рана была нанесена, онъ собралъ съ нея кровь и, какъ бы смотря на явившагося себѣ Христа и обвиняя

Его въ убіеніи себя, бросилъ ее на воздухъ. Иные же разсказываютъ, что, указавъ рукою кровь, онъ бросилъ ее на воздухъ отъ досады на солнце,—за чѣмъ оно помогло Персамъ, а его не спасло, хотя, по какимъ-то астрономическимъ наблюденіямъ, покровительствоvalo ему при рожденіи. Справедливо ли, что находясь при смерти, когда душа, отрѣшаясь уже отъ тѣла, но обыкновенно, болѣе видитъ міръ духовный, чѣмъ это возможно человѣку,—справедливо ли, что въ эту минуту онъ видѣлъ Христа, утверждать не могу, потому что такъ думаютъ не многіе, но не смѣю и отвергать, какъ ложь; ибо нѣтъ ничего невѣроятнаго, что въ доказательство нечеловѣческаго происхожденія Христовой вѣры случались вещи удивительнѣе и такихъ. Въ самомъ дѣлѣ, во все время этого царствованія Богъ являлся постоянно разгнѣваннымъ и римскую имперію во многихъ областяхъ поражалъ различными бѣдствіями. Отъ непрестанныхъ и сильнѣйшихъ землетрясеній и разрушенія жилищъ не безопасно было проводить время и дома, и на открытомъ воздухѣ. Изъ полученныхъ мною свѣдѣній заключаю, что въ это же царствованіе, или по крайней мѣрѣ тогда, какъ Юліанъ находился на второй степеніи царствованія, случилось бѣдствіе и съ египетскими Александрійцами, когда, то-есть, отлившее море снова такъ прилило къ землѣ, что выступило изъ своихъ береговъ, далеко пото-

пило сушу, и когда, по удаленіи водъ, морскія суда находимы были на кровляхъ домовъ. Тотъ самый день, въ который это случилось, Александрійцы называли днемъ труса, и донынѣ ежегодно воспоминають его общественно. Это воспоминаіе совершаютъ они торжественно и благоговѣнно, по всему городу зажигая множество свѣтильниковъ и вознося Богу благодарственныя молитвы. Въ Юліаново также царствованіе истребила всѣ плоды и заразила воздухъ чрезмѣрная засуха. Чрезъ это, по рѣдкости съѣдомыхъ вещей, голодь заставлялъ людей употреблять въ пищу безсловесныхъ животныхъ, а затѣмъ слѣдовала зараза, которая, внесши особаго рода болѣзни, убивала тѣла. Такъ-то было при Юліанѣ.

ГЛАВА 3.

О царствованіи Юліана и о томъ, что сдѣлалъ онъ, вступивъ на престолъ.

Послѣ Юліана, съ общаго согласія лагеря, царство принялъ Ювіанъ. Впрочемъ, когда войска среди непріятелей объявили его самодержцемъ, онъ, называя себя Христіаниномъ, отказывался отъ управленія и не принималъ регалій, пока войны, узнавъ о причинѣ отреченія, не провозгласили и себя Христіанами. Но дѣла, по случаю Юліанова воеводства, пришли въ опасное и бурное состояніе; войска страдали отъ недостатка съѣстныхъ припасовъ: поэтому Ювіанъ призналъ необходимымъ войти съ Персами

въ мирныя условія и сдать имъ нѣкоторые города, прежде платившіе подать Римлянамъ. Узнавъ же изъ опыта, что въ царствованіе его предшественника постигавшія Имперію бѣдствія были явленіемъ Божіей мести, онъ, несколько не медля, написалъ областнымъ префектамъ, чтобы всѣ подданные его собирались въ церквахъ, усердно служили Богу и читли одну христіанскую Вѣру, при чемъ церквамъ, клирамъ, вдовицамъ и дѣвамъ возвратилъ льготы и все, что Константинъ и его дѣти даровали, либо узаконили въ пользу или честь богопочтенія, и что послѣ отнято было Юліаномъ. Сверхъ того Секунду, имѣвшему должность преторіанскаго префекта, далъ онъ общій законъ, которымъ назначалась смертная казнь всякому, кто рѣшится поять въ бракъ посвященную Богу дѣву, или даже безстыдно взглянуть на нее, либо похитить ее. Этотъ законъ данъ былъ потому, что въ царствованіе Юліана ные коварные люди съ такими дѣвами вступали въ брачный союзъ и увлекали ихъ къ растлѣнію либо насиліемъ, либо убѣжденіемъ, что обыкновенно бываетъ, когда вѣра пренебрегается и подвергается презрѣнію, и когда постыдная страсть можетъ отваживаться на это ненаказанно.

ГЛАВА 4.

О новомъ безповѣнствѣ въ Церквахъ, объ антиохійскомъ Соборѣ, на которомъ утверждена вѣра Никейская, и о томъ, что этотъ Соборъ писалъ царю Юліану.

Между тѣмъ предстоители Церкви снова

начали свои изслѣдванія и разсужденія о догматахъ, тогда какъ въ царствованіе Юліана, при всеобщей опасности Христіанства, хранили молчаніе и все нераздѣльно молили Бога о помилованіи себя. Люди обыкновенно такъ, что когда обижаютъ сторонніе,—извѣстное племя придти къ единомыслию; а какъ скоро виѣшнее зло прекратилось,—начинается вражда домашняя. Съ какими случалось это государствами и народами, въ настоящее время перечислять некогда. Теперь скажу о томъ, что анкирскій епископъ Василій, тарсійскій Сильванъ, помпеопольскій Софроній и ихъ единомышленники, чуждаясь такъ называемой ереси неподобниковъ (*ἀνομοίων*) и вмѣсто «единосущный» принимая слово «подобносущный» послали царю прошеніе, въ которомъ, изъявляя свою благодарность къ Богу, что Онъ ввѣрилъ ему верховную власть надъ римскою имперією, домогалась, чтобы либо постановленія Ариминскія и Селевкійскія оставались неприкосновенными, и состоявшееся по ревности и усилію нѣкоторыхъ было отмѣнено, либо епископы всѣхъ областей, имѣя въ виду расколъ Церквей до этихъ Соборовъ, согласилась одини сами по себѣ, безъ всякаго посторонняго вмѣшательства, собраться въ любомъ мѣстѣ, намѣренія же лицъ, имѣющихъ свои частныя виды и старающихся обманывать, какъ было при Констанціѣ, не достигали цѣлей. Къ этому присоединяли они, что сами не явились въ лагерь

изъ опасенія, какъ бы не показаться людьми докучливыми: а если это будетъ имъ позволено, прѣдутъ съ удовольствіемъ на собственныхъ подводахъ и на свой счетъ. Такъ писали царю Юліану упомянутые епископы. Но въ то же время въ Антиохіи сирской состоялся Соборъ и утвердилъ вѣру Отцевъ, собиравшихся въ Никее, постановивъ безпрекословно исповѣдывать единосущіе Сына со Отцемъ. На этомъ Соборѣ присутствовали: Мелетій управлявшій тогда антиохійскою Церковію, Евсевій самосатскій, Пеллагій, епископъ Лаодикин сирской, Акакій, епископъ Кесаріи палестинской, Приніонъ Газскій и Аонасіи анкирскій. Сдѣлавъ это, они представили свои постановленія царю и писали такъ:

Благогестивѣйшему и боголюбивѣйшему господину нашему Юліану, Побѣдителю, Августу— Соборъ епископовъ собравшихся въ Антиохіи изъ разныхъ епархій.

«Что твое благочестіе первое позаботилось о возстановленіи мира и единомыслія въ Церкви, это мы хорошо знаемъ, боголюбивѣйшій царь. Не неизвѣстно намъ и то, что главнымъ условіемъ такого единства ты справедливо считаешь характеръ истинной православной Вѣры. Итакъ, чтобы ты не думалъ о насъ, какъ о людяхъ, извращающихъ ученіе истины, доносимъ твоему благоговѣнію, что мы и принимаемъ, и держимъ вѣру святаго Собора, нѣкогда созваннаго въ первый разъ въ Никее. А что въ ней

одно слово, то-есть «единосущный» для иных кажется странным; то отъ Отцевъ оно получило определенное объясненіе, именно означать, что Сынъ родился изъ существа Отцаго и что по существу Онъ подобенъ Отцу. Страданія же какого-либо въ этомъ неизреченномъ рожденіи мы не допускаемъ, и слова «существо» не принимаемъ въ томъ смыслѣ, какъ у язычниковъ, желая отвергнуть этимъ печестивое ученіе Арія о происхожденіи Сына изъ несущаго, что, для разрушенія церковнаго единомыслія, еще дерзновеннѣе и безстыднѣе, чѣмъ Арій, проповѣдуютъ теперь недавно появившіеся апомен (*ἀνομήτοι*). Къ сему донесенію нашему присовокупляемъ и списокъ той самой вѣры, которая изложена была собравшимися въ Шикѣ епископами, и которую мы не повѣдуемъ». Вслѣдъ за симъ жившіе тогда въ Антиохіи іереи опредѣлили — написать слово въ слово изложенную никейскими Отцами вѣру и этотъ списокъ приложить къ посланію.

ГЛАВА 5.

Объ Афанасіи Великомъ, какъ отлично любимъ онъ былъ царемъ и управлялъ Церквами египетскими, и о видѣніи Антонія Великаго.

Въ этоже время и блюститель александрійской каедры Афанасій, посоветовавшись съ близкими къ себѣ, счелъ нужнымъ видѣть царя Христіанина. Прибывъ въ Антиохію, онъ представилъ ему о всемъ, что требовалось. А

по словамъ другихъ, царь самъ пригласилъ этого мужа — съ намѣреніемъ слышать его мнѣніе о томъ, что надлежало дѣлать относительно вѣры и православія. Устроивъ дѣла Церкви, какъ было можно, Афанасій помышлялъ уже о возвратномъ путешествіи. Но Антиохійскій епископъ аріанской ереси Евзой началъ хлопотать, чтобы предстоятелемъ тогоже ученія въ Александріи былъ внучъ Проватій. Когда единомышленники Евзоя повели это дѣло, то икто Лукій, родомъ Александріецъ, пресвитеръ изъ числа рукоположенныхъ Георгіемъ, предсталъ предъ царя съ клеветами на Афанасія, что во все время своего епископства онъ постоянно подвергался суду и отъ прежнихъ царей не рѣдко изгоняемъ былъ въ ссылку, что отъ него происходили — разномысліе касательно богопочтенія и мятежи, и просилъ, вмѣсто его, надъ александрійскою Церковію поставить другаго епископа. Однакожь царь, зная уже объ устроляемыхъ Афанасію козняхъ, не вилялъ этимъ клеветамъ, но съ угрозою повелѣлъ Лукію замолчать, а Проватія и другихъ съ нимъ свиховъ, какъ виновниковъ такихъ безпокойствъ, приказалъ образумить иначе; Афанасія же, который, послѣ бесѣды съ царемъ, сталъ ему еще любезнѣе, послалъ въ Египетъ и поручилъ ему руководить Церковью и народъ, какъ признаетъ наилучше. Говорятъ, что онъ очень хвалилъ этого епископа за его добродѣтели, проявляе-

мыя и жизнью, и благоразуміемъ, и ученостію. Такимъ образомъ вѣра Отцевъ, собиравшихся въ Никеѣ, бывъ, какъ сказано выше, столько времени оспариваема, въ настоящее царствованіе получила первенство. Впрочемъ скоро должна будетъ она опять испытать такоеже безпокойство: ибо предсказаніе монаха Антонія ограничивается, вѣроятно, не тѣми только событиями въ вѣдрѣ Церкви, которыя совершились при Констанціѣ; послѣ нихъ остаются еще событія и при Валентѣ. Рассказываютъ, что прежде чѣмъ овладѣли церквами аріане, Антоній въ царствованіе Констанція видѣлъ сонъ, будто мулы были погами жертвенникъ и опрокинули священную трапезу, и тотчасъ же предсказалъ, что Церковь возмущена будетъ искаженнымъ и смѣшаннымъ ученіемъ, и что снова востанутъ цновѣрцы. Целожность этого видѣнія и предсказанія доказаны прежними и слѣдующими далѣе событиями.

ГЛАВА 6.

Смерть Юліана. О жизни и мужественномъ благочестіи Валентиніана и о томъ, какъ онъ возведенъ былъ на престолъ и въ соприкосновеніи себя избралъ брата своего Валента; также о различіи между ними.

Прочарствовавъ около осьми мѣсяцовъ и вѣдучи въ Константинополь, Юліанъ на пути, въ впоинскомъ мѣстечкѣ Дадастанахъ печально скончался, — по словамъ нѣкоторыхъ, либо отъ того, что неосторожно поужиналъ, либо отъ

угара въ только что истопленномъ домѣ, гдѣ онъ спалъ; ибо когда, по зимнему времени, для теплоты было зажжено въ немъ много угля, то воздухъ сдѣлался влажнымъ и стѣны очень взмокли. Итакъ, пришедши въ Никею воинскую, войско провозгласило царемъ Валентиніана, мужа добраго и царской власти достойнаго. Въ то время онъ возвратился изъ ссылки и былъ на лицѣ; ибо говорятъ, что Юліанъ, овладѣвъ римскимъ престоломъ, его, какъ управлявшаго отрядомъ такъ называемыхъ юпитеровцевъ, отрѣшилъ отъ военной службы и наказалъ вѣчною ссылкой. Предлогъ былъ тотъ, что своихъ воиновъ онъ не устроилъ по надлежащему для войны съ непріятелемъ; истинная же причина состояла въ слѣдующемъ: Живя еще на западѣ, въ Галліи, Юліанъ однажды шелъ въ храмъ принести жертву. При немъ находился и Валентиніанъ; ибо у Римлянъ издавна вошло въ обычай, чтобы предводители юпитеровцевъ и геркулесовцевъ, — а эти отряды между войсками были самые почетные, такъ какъ одинъ имѣлъ названіе по Геркулесу, а другой по Юпитеру, — всегда близко слѣдовали за царемъ и составляли его стражу. Когдаже царю надлежало переступить черезъ порогъ храма, жрецъ, держа въ рукѣ мокрое кропило, по правиламъ языческимъ, оросилъ входящихъ. При этомъ одна капля упала на платье Валентиніана, и онъ, выразивъ свою досаду, потому

что былъ Христіанинъ, побранилъ кропившаго. Говорятъ даже, будто Валентиціанъ тотчасъ, при глазахъ царя, отрѣзалъ обрызганную часть платья и бросилъ ее вмѣстѣ съ самою кашлею. Съ того времени Юліанъ питалъ на него гнѣвъ и не много послѣ, поставляя причиною будтобы нерадивость о вѣренномъ ему войскѣ, осудилъ его на всегдашнюю жизнь въ арменской Мелитинѣ, а прямо показать, что дѣласть ему зло за вѣру, не хотѣлъ, чтобы онъ не удостоился чести мученика или исповѣдника. Я и прежде сказалъ, что, по этой и по другимъ причинамъ, Юліанъ щадилъ Христіанъ: онъ видѣлъ, что опасности имъ самимъ доставляютъ славу, а ихъ ученію твердость. Но когда верховная власть надъ римскою имперіею перешла къ Юліану,—Валентиціанъ, бывъ вызванъ изъ ссылки, переѣхалъ въ Никсею, и такъ какъ въ это время случилась смерть царя, то по совѣту войскъ и высшихъ чиновъ государства, согласно съ общимъ желаніемъ, онъ избранъ былъ на царство. Принимая знаки власти, услышалъ онъ крикъ войскъ, которымъ предлагалось ему взять себѣ помощника въ царствованіи, и отвѣчалъ: Избрать меня правителемъ надъ вами зависѣло отъ васъ, воины; но какъ скоро вы уже избрали,—подавать это предложеніе лежитъ не на васъ, а на мнѣ. Вы, подданные, должны молчать; а я, царь, обязанъ смотрѣть, что надобно дѣлать. Сказавъ это, Валентиціанъ тогда не ус-

тупилъ войскамъ, но, по прибытіи въ Константинополь, скоро объявилъ царемъ своего брата, и восточную часть имперіи отдалъ ему, а страны отъ Иллиріи до западнаго океана и всю противулежащую сушу до послѣднихъ предѣловъ Ливіи подчинилъ себѣ. По вѣрѣ оба они были Христіане, однакожъ съ различными мнѣніями и образомъ мыслей. Валентъ, приготовленный къ таинству епископомъ Евдоксіемъ, по крещеніи, сдѣлался ревнителемъ вѣры Аріевой и былъ весьма не доволенъ, что не могъ принудить всѣхъ мыслить одинаково съ собою: напротивъ Валентиціанъ соглашался съ отцами никейскими и покровительствовалъ своимъ единовѣрцамъ, не оскорбляя впрочемъ и тѣхъ, которые мыслили иначе.

ГЛАВА 7.

О новомъ возненіи въ Церквахъ, о Соборѣ лампсакскомъ и о томъ, что Евдоксіевы аріане одержали верхъ, а православные, въ числѣ которыхъ и антиохійскій епископъ Мелетій, изгнаны изъ Церквей.

Когда Валентиціанъ изъ Константинополя чрезъ Фракію ѣхалъ въ Римъ; то геллеспонтскіе, впоиискіе и всѣ другіе епископы, исповѣдавшіе единосущіе Сына со Отцемъ, отправили къ нему праклейскаго и перипескаго епископа Ипатіана, чтобы онъ ходатайствовалъ за нихъ и испросилъ имъ позволеніе съѣхаться на Соборъ для исправленія ученія. Ипатіанъ пришелъ къ царю и изъяснилъ ему желаніе епископовъ;

но Валентиніанъ отвѣчалъ: я принадлежу къ мірянамъ и считаю неприличнымъ вмѣшиваться въ это дѣло. Пусть іереи, которымъ слѣдуетъ нещись объ этомъ, съѣдутся, куда хотятъ, сами по себѣ. Узнавъ о такомъ отвѣтѣ царя на предстательство Ипатіана, епископы собрались въ Ламисакъ и проведши въ разсужденіяхъ два мѣсяца, наконецъ положили: отмѣнить постановленія, утвержденныя въ Константинополѣ стараніемъ евдоксіанъ и акакіанъ; отвергнуть то изложеніе вѣры, которое они представили подъ видомъ исповѣданія западныхъ епископовъ и нѣкоторыхъ расположили подписать его, обѣщавшись отбросить неподобіе по существу, но не исполнивъ того; напротивъ, утвердить мнѣніе, что Сынъ подобенъ Отцу по существу, — ибо прибавка слова «подобный» необходима для отличенія ѳиостасей, — и вѣру, признанную въ Селевкіи и изложенную при освященіи антиохійскаго храма, обнародовать по всей Церкви; а тѣмъ, которыхъ утверждающіе, что Сынъ не подобенъ Отцу, низложили, возвратить епископскіе ихъ престолы, потому что они изгнаны изъ Церквей незаконно, и кто захочетъ обвинять ихъ, тотъ самъ подвергнется равной опасности; судіями же въ этомъ случаѣ должны быть православные епископы самой области и епархій сосѣдственныхъ, собравшіеся въ той Церкви, гдѣ есть свидѣтели дѣйствій каждаго. Сдѣлавъ такія опредѣленія, они призвали ев-

доксіанъ и предложили имъ раскаяться; а такъ какъ тѣ не послушались, то объявили свои мнѣнія всѣмъ Церквамъ. Потомъ, считая дѣломъ вѣроятнымъ, что Евдоксій успеетъ склонить на свою сторону дворъ и оклеветать ихъ, они признали нужнымъ предварить его и довести царю о дѣяніяхъ Собора ламисакскаго, что и сдѣлали, представъ предъ царя Валента, когда онъ, проводивъ до нѣкотораго мѣста брата, отъѣзжавшаго въ старый Римъ, изъ Фракіи возвращался въ Ираклею. Но Евдоксій и самого царя и придворныхъ уже расположилъ въ свою пользу. Поэтому прибывшимъ изъ Ламисака посламъ Валентъ сказалъ, чтобы они не разногласили съ Евдоксіемъ. Когда же послы стали прекословить и порицать Евдоксія за сдѣланный имъ въ Константинополѣ обманъ и за мнѣніе противъ селевкійскихъ постановленій; то царь разгнѣвался и епископамъ повелѣлъ жить въ ссылкѣ, а Церкви ихъ отдалъ евдоксіанамъ. Въ это время пріѣзжалъ онъ въ Сирію, ибо опасался, какъ бы Персы не нарушили тринадцатилѣтняго, заключеннаго Іовіаномъ мирнаго договора; но такъ какъ у нихъ ничего не затѣвалось, то мѣстомъ своего жительства избралъ Антиохію. Тутъ осудилъ онъ на изгнаніе въ ссылку епископа Мелетія, а Павлина, по уваженію къ святой его жизни, пощадилъ, прочихъ же, не имѣвшихъ общенія съ Евзоємъ, изгналъ изъ церквей и либо

подвергалъ ихъ денежному штрафу, либо съкъ, либо мучилъ инымъ образомъ.

глава 8.

Объ отложениіи Прокопіа побѣдственной его смерти, также объ Элевсіи кизикскомъ и Евноміи еретикъ, какъ онъ сдѣлался преемникомъ Элевсіа.

Можно думать, что тогда было бы имъ еще хуже, еслибы не возгорѣлась война съ Прокопіемъ. Захвативъ верховную власть въ Константинополь и въ короткое время собравъ множество войска, Прокопій двинулся противъ Валента. Валентъ выступилъ изъ Сиріи и сразился съ нимъ при фригійскомъ городѣ Наколіи. Здѣсь измѣною Агелона и Гомаріа, своихъ полководцевъ, мятежникъ былъ взятъ живой и вмѣстѣ съ своими предателями погибъ бѣдственною смертію. Говорятъ, что первыхъ, не смотря на данную имъ клятву быть благосклоннымъ, царь распиллъ на двое пилою, а Прокопія привязалъ лядвеями къ двумъ не далеко росшимъ и одно къ другому нагнутымъ деревьямъ; такъ что эти деревья, бывъ потомъ отпущены и естественно стремясь выпрямиться, разорвали того чловѣка. По окончаніи войны, Валентъ прибылъ въ Никсею и, живя спокойно, началъ снова пугать тѣхъ, кто неодинаково съ нимъ мыслилъ о Богѣ. Онъ чрезвычайно гнѣвался на собиравшихся въ Ламисакѣ епископовъ за то,

что они осудили единомышленниковъ Аріа и изложенный въ Ариминѣ символъ вѣры. Въ порывѣ своего гнѣва, призвалъ онъ изъ Кизики Элевсіа и, собравъ одинаково мыслившихъ съ собою епископовъ, заставлялъ его принять общеніе въ ихъ вѣрѣ. Элевсіа сперва мужественно противустоялъ, но убоявшись ссылки и отнятія имущества, — ибо этимъ грозили ему за непослушаніе, — сдѣлалъ, что приказывали: потомъ однакожь тотчасъ же раскаялся и, возвратившись въ Кизику, всенародно исповѣдалъ свой грѣхъ въ церкви и предлагалъ Кизикцамъ рукоположить другаго епископа; потому что, какъ предателю своей вѣры, говорилъ онъ, не слѣдуетъ уже священнодѣйствовать. Впрочемъ Кизикцы, уважая этого мужа за образъ жизни и очень любя его, не рѣшились имѣть епископомъ кого-либо другаго. Между тѣмъ предстоителю аріанской ереси въ Константинополь, Евдоксію, узнавъ объ этомъ, епископство кизикское отдалъ Евномію, ибо думалъ, что такъ какъ онъ краснорѣчивъ, то убѣдительною слова легко привлечетъ Кизикцевъ къ своему ученію. Такимъ образомъ Евномій прибылъ въ Кизику и, по изгнаніи оттуда Элевсіа царскимъ указомъ, взялъ тамошнія церкви въ свое управленіе; а преданные Элевсію построили молитвенный домъ за городомъ и начали тамъ собираться. Объ Евноміи и соименной ему ереси я скажу не много послѣ.

ГЛАВА 9.

О тогдашнихъ бѣдствіяхъ лицъ, державшихся никейской вѣры и о предстоятеляхъ новаціанъ, Агелій.

Подобныя бѣдствія неслышывали и константинопольскіе приверженцы ученія Отцевъ никейскихъ, а вмѣстѣ съ ними и послѣдователи Повата. Царь повелѣлъ всѣхъ ихъ изгонять изъ города, а новаціанскія церкви закрывать; потому что у прочихъ завереть было вѣчего, такъ какъ еще прежде, въ царствованіе Констанція, у нихъ все было отнято. Онъ осудилъ тогда на изгнаніе даже Агелія, управлявшаго новаціанскими церквами въ Константинополь со времени Констанція. Этотъ епископъ, говорятъ, весьма дивно соблюдалъ церковныя законы; а жизнь его, — что въ любомудрствованіи главное, — была совершенно свободна отъ стяжанія денегъ: это открывалось изъ самаго образа его жизни, — онъ носилъ одинъ хитонъ и ходилъ всегда безъ обуви. Бывъ вскорѣ возвращенъ изъ ссылки, Агелій снова началъ управлять церквами и безбоязненно дѣлалъ собранія. Причиною этого былъ нѣкто Маркіанъ, мужъ и по жизни и по уму удивительный, нѣкогда служившій въ придворномъ войскѣ, а тогда, уже въ санѣ пресвитера новаціанской ереси, преподававшій грамматику царскимъ дочерямъ — Анастасіи и Каросѣ, которыхъ именами и донынѣ называются двѣ константинопольскія бани. Изъ уваженія и ми-

ГЛАВА 10.

О Валентиніанѣ Младшемъ и Граціанѣ, о гоненіи со стороны Валента и о томъ, что исповѣдники единосущія, бывъ преслѣдуемы аріанами и македоніанами ¹⁾, отправили посольство въ Римъ.

Въ это время на западѣ, у царя Валентиніана родился соименный ему сынъ, а вскорѣ послѣ сего Граціанъ, котораго онъ имѣлъ еще до вступленія на царство, нареченъ былъ Августомъ. На востокъ же тогда, не смотря на необыкновенный градъ, во многихъ мѣстахъ падавшій въ видѣ камней, и на сильнѣйшее землетрясеніе, которымъ разрушены и другіе города, а особенно Никея вионинская, царь Валентъ и епископъ Евдокій не переставали преслѣдовать разномыслящихъ съ собою Христіанъ. Противъ людей, мыслившихъ согласно съ никейскимъ Символомъ, ихъ успѣхамъ, по видимому, благопріятствовали и тогдашнія обстоятельства; ибо въ большей части Валентовой имперіи, особенно же во Фракіи, Вионіи, Геллеспонтѣ и областяхъ отдаленнѣйшихъ, послѣдніе не имѣли ни церквей, ни іереевъ: поэтому гонители особенно злобствовали на единомышленниковъ Македонія, которыхъ въ той странѣ было множество, и

¹⁾ Не трудно замѣтить, что составитель оглавленій ошибочно понялъ содержаніе 10 главы. Въ ней говорится, что посольство къ Валентиніану отправляли не исповѣдники единосущія, а Македоніане.

обратившись противъ нихъ, сильно ихъ преслѣдовали. Но македоніане, страшась предстоящихъ бѣдствій, начали сноситься между собою, и чрезъ пословъ, отправляемыхъ изъ города въ городъ, пришли къ мнѣнію, что лучше, прибѣгнувъ къ Валентиніану и римскому епископу, вступить въ общеніе съ ними, чѣмъ съ Евдоксіемъ, Валентомъ и ихъ единомышленниками. Принявъ такую мысль, они избрали изъ себя трехъ епископовъ: Евстаѳія севастійскаго, Сильвана тарскаго и Теофила каставальскаго и отправили ихъ къ царю Валентиніану съ письмомъ на имя Римскаго епископа Ливеріа и вообще западныхъ іереевъ. Въ этомъ письмѣ македоніане просили ихъ всячески помочь своимъ посламъ и вступить съ ними въ разсужденіе о томъ, что должно дѣлать, чтобы, какъ имъ покажется лучше, поправить состояніе Церкви; ибо, сохраняя чистую и твердую вѣру отъ самыхъ Апостоловъ, они преимущественно предъ прочими должны пецись о богопочтеніи. Прибывъ въ Италію, упомянутые епископы извѣстились, что царь живетъ въ Галліи и ведетъ войну съ сосѣдственными той странѣ Варварами. Посему, считая путешествіе въ Галлію, по случаю войны, довольно труднымъ, они представили посланіе Ливерію и, вступивъ съ нимъ въ разсужденія о предметахъ своего посольства, отреклись отъ Арія и всѣхъ, которые держатся его мыслей и ученія, отвергли также и всякую ересь, враждеб-

ную вѣрѣ никейскаго Собора, и приняли имя «единосущный», какъ однозначенательное съ выраженіемъ: подобный по существу. Получивъ отъ нихъ это исповѣданіе письменно, Ливерій принялъ ихъ въ общеніе съ собою и, отвѣчая восточнымъ епископамъ собственнымъ посланіемъ, хвалилъ ихъ за единомысліе и согласіе въ отношеніи къ ученію и извѣщалъ ихъ о своихъ разсужденіяхъ съ посланниками. А исповѣданіе Евстаѳія и его сопутниковъ было слѣдующее:

ГЛАВА II.

Исповѣданіе Македоніанъ — Евстаѳія Сильвана и Теофила, представленное римскому епископу Ливерію.

*Господину брату и сослужителю Ливерію—
Евстаѳій, Сильванъ и Теофилъ желаютъ здравія
о Господь.*

«Избѣгая безумнаго мнѣнія еретиковъ, не перестających приносить соблазны въ католическія Церкви, мы отнимаемъ у нихъ всякій къ тому поводъ и признаемъ Соборъ православныхъ епископовъ, бывший въ Лампсакѣ, Смирнѣ и въ разныхъ другихъ мѣстахъ. Отъ сего Собора ¹⁾ посланы мы къ твоей милости и ко всѣмъ италійскимъ и западнымъ епископамъ—представить тебѣ грамоту въ удостовѣреніе, что

¹⁾ Эти послы отправлены не отъ лампсакскаго Собора, который состоялъ изъ однихъ православныхъ епископовъ, а отъ македоніанъ. Они принесли съ собою только исповѣданіе того Собора и представили его Ливерію, какъ исповѣданіе собственное.

держимъ и хранимъ каоолическую вѣру, утвержденную на святомъ никейскомъ Соборѣ, при блаженномъ Константинѣ, тремя стами осьмнадцатью лицами, и пребывающую непрерывно донынѣ чистою и непоколебимою, — ту вѣру, въ которой, вопреки превратному учению Арія, свято и благочестно принимается единосущіе. Въ-стѣ съ вышеупомянутымъ Соборомъ и мы собственною подписью удостоверяемъ, что ту же вѣру держали, держимъ и хранимъ до конца, а Арія и нечестивое его ученіе, равно какъ его учениковъ и единомышленниковъ, и всякую ересь патроассіанъ, маркіонитовъ, фотиніанъ, маркелліанъ, Павла самосатскаго съ ихъ преемниками и всѣхъ единомышленныхъ имъ, и всѣ ереси, противныя вышереченной святой вѣрѣ, которая благочестиво и каоолически изложена въ Никеѣ святыми Отцами, осуждаемъ. Особенно же анаемегвуемъ исповѣданіе, читанное на арминскомъ Соборѣ, какъ составленное вопреки той вышеупомянутой вѣрѣ святаго Собора въ Никеѣ, принесенное изъ Ники еракійской и подписанное въ Константинополѣ епископами, которые увлечены были къ тому обманомъ и клятвами». Исповѣдавъ это, они къ своему исповѣданію приложили снятую слововъ-слово копію никейскаго символа вѣры и, получивъ отъ Ливерія посланіе о томъ, что сдѣлано, отплыли въ Сицилію.

ГЛАВА 12.

О Соборахъ сицилійскихъ и тіанскомъ, и о Соборѣ, котораго ожидали въ Киликіи, по которому отмѣненъ Валентомъ. Равнымъ образомъ о тогдашнемъ іоненіи и о томъ, что Аванасій Великій опять ушелъ и скрылся, а потомъ снова вызванъ былъ письмами Валента и управлялъ египетскими Церквами.

Въ Сициліи по этому случаю былъ также Соборъ, и когда тамошніе епископы утвердили тоже мнѣніе, восточное посольство отправилось назадъ. Въ это время епископы—Евсевій Кесарій каппадокійской, Аванасій анкирскій, Пелагій лаодикійскій, Зенонъ тирскій, Павелъ эмесскій, Отрей мелитинскій, Григорій назіанзенъ и многіе другіе, въ Антіохіи, въ царствованіе Іовіана, положившіе защищать единосущіе, держали Соборъ въ Тіанахъ ¹⁾, на которомъ читали посланіе Ливерія и западныхъ епископовъ. Бывъ имъ сильно обрадованы, они писали ко всѣмъ Церквамъ и просили познакомиться съ сужденіемъ епископовъ на западъ, также съ посланіемъ Ливеріевымъ и съ письмами италійскими, африканскими, западно-галльскими и сицилійскими; ибо послы лампсакскіе принесли письма и отъ епископовъ тѣхъ странъ; а число ихъ было велико, такъ что оказалось выше числа предстоятелей, составлявшихъ Соборъ арминскій. Въ своихъ посланіяхъ отцы тіанскаго Собора убѣждали

¹⁾ Тіанскій Соборъ, о которомъ Созоменъ говоритъ болѣе прочихъ историковъ, былъ въ 367 или 368 году.

всѣхъ хранить единомысліе и общеніе съ ними, а что дѣйствительно такъ мыслятъ, объявить имъ о томъ собственными письмами и до исхода еще весны, въ назначенный ими день собраться въ Тарсѣ киликійскомъ. Но тогда какъ они убѣждали одни другихъ ѣхать на Соборъ, и Соборъ въ Тарсѣ долженъ былъ состояться, — въ Антиохіи карійской собралось около тридцати четырехъ азійскихъ епископовъ, которые начали также выхвалять стараніе о единомысліи Церквей. Они отвергли слово едносушіе и усиливались дать перевѣсъ вѣрѣ, изложенной въ Антиохіи и Селевкіи; потому что эта вѣра, говорили, есть вѣра мученика Лукіана, еще до нихъ искушенная опасностями и великими трудами. Между тѣмъ царь, по проекамъ Евдоксія, ожидаемый въ Киликіи Соборъ уничтожилъ и писалъ объ этомъ съ угрозами, а префектамъ провинцій далъ свое повелѣніе изгонять изъ церквей тѣхъ епископовъ, которые, бывъ изложены при Констанціѣ, въ царствованіе Юліана снова получили право священнодѣйствовать. Въ слѣдствіе сего повелѣнія, и египетское правительство начало стараться объ отобраніи церквей отъ Афанасія и объ изгнаніи его изъ города; ибо царскій указъ грозилъ не малымъ наказаніемъ, если это не будетъ сдѣлано: правители и подчиненныя имъ войска и судилыща должны были подвергнуться великой денежной пенѣ и наказанію

тѣлесному. Однакожь Христіане собрались во множествѣ и стали просить префекта, чтобы онъ опростачиво не изгонялъ епископа, но опредѣленіе царскаго указа разсмотрѣлъ точнѣе: ибо этотъ указъ относится только къ тѣмъ, которые, бывъ сосланы при Констанціѣ, возвратились при Юліанѣ; а Афанасій, говорили, былъ и сосланъ Констанціемъ, и возвращенъ на свою епископію Констанціемъ же, между тѣмъ какъ Юліанъ, возвративъ всѣхъ прочихъ епископовъ, преслѣдовалъ его одного, такъ что Афанасій вызванъ былъ уже Ювіаномъ. Говоря это, они конечно не убѣдили его, однакожь противодѣйствовали и не допускали употребить насиліе. Многочисленное отовсюду стеченіе народа, великое его смятеніе, безнокойство въ городѣ и опасеніе возмущенія заставили префекта извѣстить царя объ этомъ событіи, а Афанасію позволить оставаться въ городѣ. Послѣ сего протекло уже много дней; волненіе по видимому прекратилось: но въ одинъ вечеръ Афанасій тайно вышелъ изъ города и скрылся въ пѣкоромъ мѣстѣ. А въ ту же самую ночь, рано поутру, овладѣли его жилищемъ — церковію префектъ Египта и начальникъ тамошнихъ войскъ, однакожь лица его вездѣ, даже на вершинѣ кровли, сознались въ ошибочности своего сображенія и удалились. Они думали, что такъ какъ народъ наконецъ забылъ о прежнемъ возмущеніи и весь спитъ, то если теперь нападутъ, легко пе-

полнять царскій указъ и вмѣстѣ сохранять городъ отъ востаній. Однакожь всѣмъ казалось чудомъ, что Аѳанасія не нашлось. По внушенію ли божественной силы удалился онъ, или по предостерегательному доносу какихъ-нибудь людей, это все равно. Надлежало имѣть прощательность вышечеловѣческую, чтобы можно было вовремя предузнуть козни и спастись отъ нихъ. Иные говорятъ, что, предвидя безумное возмущеніе народа и боясь, какъ бы не показаться причиною имѣющихъ произойти отъ того бѣдствій, Аѳанасій все это время прожилъ въ погребальницѣ своихъ предковъ. Но вскорѣ потомъ, какъ онъ такимъ образомъ скрылся, царь письмомъ приглашалъ его возвратиться и управлять Церковію. Догадываюсь, что Валентъ рѣшился писать это не по собственному чувству, но либо потому, что размышлялъ о торжествѣ Аѳанасіевой славы и вѣроятно за это порицалъ Валентиніана, который покровительствовалъ ученію отцевъ никейскихъ, либо потому, что видѣлъ множество Аѳанасіевыхъ хвалителей и опасался, какъ бы не произошло возмущенія и нововведеній ко вреду дѣлъ общественныхъ. Считаю правдоподобнымъ, что и предстатели аріанской ереси не слишкомъ сильно поддерживали его ревность въ этомъ отношеніи: они могли разсуждать, что, если Аѳанасій будетъ изгнанъ изъ города, то опять начнется наскучать царямъ, получить предлогъ

бесѣдовать съ ними и переувѣрить Валента, а въ единомыслящемъ съ собою Валентиніанѣ даже возбудить гнѣвъ; ибо, испытавъ добродѣтель Аѳанасія еще изъ событій при Констанціѣ, Аріане очень боялись его. Вѣдь и тогда онъ до такой степени стоялъ выше противной партіи, что египетскія церкви уступлены были ему съ удовольствіемъ и что, для принятія ихъ, Констанцій едва склонилъ его своими письмами возвратиться изъ Италіи. По этой-то, думаю, причинѣ, у Аѳанасія не отняты были церкви, какъ у прочихъ епископовъ, на которыхъ воздвигнутое гоненіе едва не уподоблялось языческому; потому что отказывавшіеся мыслить по-аріански заботливо отправляемы были въ ссылку, и молитвенные дома, бывъ отняты у однихъ, передавались другимъ. Но Египеть, при жизни Аѳанасія, не испыталъ этого.

глава 13.

О томъ, что послѣ Евдоксія епископомъ въ Константинополь поставленъ былъ Аріанинъ Демофилъ, между тѣмъ какъ православные избрали Еваріа, и о происшедшемъ изъ того гоненіи.

Царь Валентъ вздумалъ отправиться въ Антиохію, что при Оронть, и когда онъ находился въ пути, пресѣклась жизнь Евдоксія, управлявшаго константинопольскими церквами одиннадцать лѣтъ. За Евдоксіемъ начальство надъ ними принялъ рукоположенный аріанами Демофилъ; а преданные ученію Собора никейскаго,

настоящія обстоятельства почитая благоприятными, епископомъ себя рукоположили Евагрія. Рукополагаль же его управлявшій Церковію Антиохіи сиреккой Евстаоій, который, бывъ вызванъ изъ ссылки Ювіаномъ, жилъ тогда скрытно въ Константинополѣ и убѣдительно училъ единовѣрныхъ себя Христіанъ держаться одной и тойже мысли о Богѣ. По этому случаю аріане взволновались и начали жестоко преслѣдовать ревнителей Евагріева рукоположенія. Царь узнавъ о томъ въ Никомидіи и на нѣсколько времени остановилъ свое путешествіе. Боясь, чтобы городъ какъ нибудь не пострадалъ отъ возмущенія, онъ нашелъ нужнымъ послать въ Константинополь войско, какое для настоящаго случая считалъ годнымъ; Евстаоій повелѣлъ взять и отвезть на жительство въ оракійскій городъ Визію, а Евагрія въ другое мѣсто. Такъ было дѣло.

глава 14.

О восьмидесяти православныхъ пресвитерахъ, которые, по повелѣнію Валента въ Никомидію, сожжены среди моря amidst съ кораблемъ.

Аріане, какъ обыкновенно бываетъ въ счастіи, сдѣлались дерзновеннѣе и Христіанамъ протавнаго мнѣнія стали строить невыносимыя козни. Поэтому послѣдніе, мучимые тѣлесно, предаваемые властямъ, ввергаемые въ темницы и отъ протстекающихъ изъ того всегдашнихъ

убытковъ мало по малу лишавшіеся своего достоянія, рѣшились просить царя, чтобы онъ хоть нѣсколько облегчилъ ихъ отъ бѣдствій, и для сего избрали восемьдесятъ мужей подъ руководствомъ Урбана, Феодора и Менедема. Эти избранные, пришедши въ Никомидію, написали о своихъ дѣлахъ прошеніе и подали его царю. Царь сильно разгнѣвался, но, не обнаруживъ степени своего гнѣва, тайно повелѣлъ префекту, взять ихъ и лишить жизни. Префектъ же боясь, чтобы незаконное умерщвленіе столькихъ благочестивыхъ мужей, не сдѣлавшихъ никакого зла, не возбудило возмущенія въ народѣ, притворился, будто хочетъ наказать ихъ ссылкой. Показывая видъ, что отправляетъ ихъ въ ссылку, онъ приказалъ имъ взойти на корабль, и они готовы были мужественно подвергнуться этому опредѣленію. Но когда плователи находились среди такъ называемаго астахійскаго залива, матросы, какъ было имъ приказано, подожгли судно, сами же перескочили въ лодку и удалились. Корабль, гонимый попутнымъ вѣтромъ, успѣлъ доплыть до приморскаго мѣстечка въ Вионіи Дакивизы, гдѣ приставъ къ берегу, разрушился и сгорѣлъ со всѣми людьми.

глава 15.

О несогласіи между Евсевіемъ кесарійскимъ и Василиемъ Великимъ, и о томъ, что отсюда аріане получили смѣлость нападать на кесарійскую Церковь, которая однакожь отвергла ихъ.

Оставивъ Никомидію, Валентъ отправился

въ Антиохію и, прибывъ къ Каппадокійцамъ, началъ, по обыкновенію, заботливо притѣснять правомыслящихъ и тамошнія церкви передавать аріанамъ. Въ этомъ думалъ онъ успѣть тѣмъ легче, что Василій, по какому-то несогласію, находился въ непріятныхъ отношеніяхъ къ тогдашнему правителю кесарійской Церкви Евсевію, отъ чего онъ удалился въ Понтъ и жилъ съ тамошними монахами-любомудрствователями. Народъ, а особенно люди сильнѣйшіе и умнѣйшіе имѣли подозрѣніе на Евсевія и, почитая его причиною удаленія мужа по жизни и краснорѣчію славнѣйшаго, думали оставить своего епископа и собираться особо. Но Василій уединенно проводилъ жизнь въ обителяхъ Понта собственно по нехотѣнію, чтобы Церковь возмущалась еще чрезъ него, тогда какъ въ ней довольно было смуть и отъ иновѣрцевъ. Между тѣмъ царю и окружавшимъ его епископамъ, — а при немъ всегда бывали аріане, — отсутствіе Василія и ненависть народа къ Евсевію придавали тѣмъ болѣе рѣшимости въ предпріятіяхъ. Впрочемъ на этотъ разъ дѣло окончилось несогласно съ ихъ желаніемъ; ибо какъ скоро стало извѣстно, что они пріѣхали въ Каппадокію, Василій оставилъ Понтъ и, по собственной волѣ прибывъ въ Кесарію, поговорилъ съ Евсевіемъ, примирился съ нимъ и вовремя успѣлъ утвердить Церковь своими краснорѣчивыми бесѣдами. Поэтому Валентъ не достигъ

своей цѣли и съ единомышленными себѣ епископами удалился тогда безъ успѣха.

глава 16.

О томъ, что послѣ Евсевія каппадокійскаго Церковію управлялъ Василій, и о дерзновеніи его предъ Валентомъ.

Чрезъ нѣсколько времени прибывъ снова въ Каппадокію, Валентъ узналъ, что, по смерти Евсевія, тамошними церквами управляетъ Василій. Задумавъ изгнать его, онъ противъ воли былъ удержанъ отъ своего опредѣленія; ибо едва лишь рѣшился на это, въ слѣдующую же ночь жена его, говорятъ, испугана была сновидѣніемъ, а сынъ Галатъ, который у него былъ единственный, умеръ скоропостижно. Тогда всѣмъ казалось, что за устрояема Василію козни самъ Богъ явился метителемъ и за злодѣяніе родителей лишилъ жизни сына. Такъ почиталъ и Валентъ. Дѣйствительно, по смерти сына, онъ уже не оскорблялъ Василія, а когда сынъ былъ еще живъ и, страдая болѣзнію, приближался къ смерти, — посылалъ просить его, чтобы онъ помолился за страждущаго. Дѣло шло слѣдующимъ образомъ: Въ то время, какъ Валентъ только что прибылъ въ Кесарію, префектъ, призвавъ къ себѣ Василія, приказалъ ему мыслить о Богѣ согласно съ царемъ, и когда Василій не слушался, грозилъ ему смертію. Василій же на это отвѣчалъ, что для него было бы весьма важно и возбудило бы въ немъ величайшую бла-

годарность панскорѣйшее отрѣшеніе отъ узъ тѣла. Однакожь тотъ день и слѣдующую ночь префектъ оставилъ ему на размышленіе, чтобы онъ не подвергался бѣдствію не осмотрительно и объявилъ ему свое мнѣніе, пришедши на слѣдующее утро. Но мнѣ не нужно размышлять, сказалъ Василій; я и завтра останусь тотъ же. Будучи тварію, я не стану подобнаго себѣ признавать Богомъ, не захочу, слѣдовательно, имѣть общеніе въ вѣрѣ ни съ тобою, ни съ царемъ. Вы хоть и очень знамениты и управляете не малою частію вселенной; однакожь за это людямъ благоугождать, а вѣру въ Бога уничтожать не слѣдуетъ. Я никогда не предамъ своей вѣры, хотя бы вы отняли у меня имѣніе, отравили меня въ ссылку, или даже приговорили къ смерти; ибо изъ всего этого ничто не можетъ причинить мнѣ скорби. Имѣнія у меня нѣтъ, кромѣ рубища и немногихъ книгъ; живу я на землѣ, какъ бы мимоходомъ; а тѣло мое, по его слабости, отъ перваго удара окажется выше ощущенія и пытокъ. Выслушавъ столь свободную рѣчь Василія, префектъ удивился добродѣтели этого мужа и возвѣстилъ о немъ царю. Царь же, въ праздникъ Богоявленія, вмѣстѣ съ начальниками и тѣлохранителями пришедши въ церковь, принесъ дары для священной трапезы и вступивъ въ разговоръ съ Василіемъ, хвалилъ его за мудрость, благолѣпіе и благочиніе въ священнодѣйствіи. Однакожь вскорѣ клевета про-

тивной стороны одержала верхъ, и Василію приходилось жить въ ссылкѣ. Уже наступила ночь, въ которую этому надлежало исполниться, какъ вдругъ царскій сынъ началъ горѣть и впалъ въ неослабную и опасную болѣзнь. Отецъ повергся на полъ и сталъ оплакивать сына еще живаго. Не зная, что дѣлать, но стараясь всячески спасти его, онъ поручилъ своимъ домашнимъ просить Василія о посѣщеніи больного, а повелѣтъ ему это, какъ челоуѣку недавно оскорбленному, стыдился. Какъ скоро Василій пришелъ, дитяти стало легче; такъ что онъ и не умеръ бы, многіе говорили тогда, если бы царь вмѣстѣ съ Василіемъ не призывалъ къ молитвѣ и иновѣрцевъ. Сказываютъ, что въ то же время заболѣлъ и префектъ, но обратившись съ прошеніемъ къ Василію, излечился отъ болѣзни. Впрочемъ въ повѣствованіи о Василіѣ, мужѣ любомудрственномъ и всюду прославившемся ученостію, это не должно казаться удивительнымъ.

глава 17.

О сотовариществѣ Василія и Григорія Богослова и о томъ, что, достигши высокой мудрости, они сдѣлались защитниками никейскаго ученія.

Бывъ современниками, Василій и Григорій прославились, можно сказать, какъ соревнователи въ добродѣтеляхъ. Юношескій свой возрастъ они оба провели въ Лоннахъ, учась у знаменитѣйшихъ тогдашнихъ софистовъ, Имерія

и Проэресія, а потомъ въ Антиохіи у Ливанія сирскаго; но презрѣвъ софистику и судебное ораторство, избрали жизнь любомудрственную по закону Церкви. Посвятивъ нѣсколько времени изученію языческихъ философовъ, а потомъ ревностно занявшись изъясненіемъ священнаго Писанія по книгамъ Оригена и другихъ, частію предшествовавшихъ ему, а частію слѣдовавшихъ за нимъ знаменитыхъ истолкователей библейскихъ книгъ, они въ свое время оказали великую пользу единомышленникамъ отцевъ никейскихъ; ибо тотъ и другой мужественно защищали ихъ ученіе противъ аріанъ и доказывали, что они и вообще не имѣютъ правильныхъ понятій, и въ частности не понимаютъ мѣній Оригена, на которыхъ основываются. Труды свои, какъ я слышалъ отъ нѣкоторыхъ, раздѣлили они по обоюдному согласію и жребію. Василій, обходя города понтіискіе, основалъ тамъ много монашескихъ обществъ и, уча народъ, убѣждалъ его мыслить одинаково съ собою; а Григорій, послѣ своего отца получивъ жребій епископства въ небольшомъ городѣ Назіанзѣ, по этому служенію непрерывно ѣздилъ въ разныя мѣста, а особенно въ Константинополь: чрезъ нѣсколько же времени опредѣленіемъ многихъ іереевъ назначенъ и предстоительствовать въ этомъ городѣ; ибо такъ какъ въ Константинополь не было ни епи-

скопа, ни церкви, то надлежало опасаться, чтобы тамъ не угасло ученіе никейскаго Собора.

ГЛАВА 18.

О ижеи, бывшемъ въ Антиохіи при Оронть; объ эдесскомъ храмѣ апостола Оомы, о тамошнемъ собраніи и объ исповданіи Эдессянъ.

Прибывъ въ Антиохію, царь изъ тамошнихъ церквей и изъ церквей въ окружающихъ городахъ совершенно изгналъ единомышленниковъ никейскихъ отцевъ и подвергалъ ихъ различнымъ казнямъ; такъ что, по увѣренію нѣкоторыхъ, многіе изъ нихъ умерщвлены другими способами, а иные брошены въ рѣку Оронть. Узнавъ, что въ Эдессѣ есть величественный храмъ, соименный апостолу Оомѣ, Валентъ пріѣхалъ осмотрѣть его и, видя, что Христіане католической Церкви собираются въ полѣ передъ городомъ,—ибо молитвенныя дома и у нихъ были отняты,—сталъ бранить префекта и ударилъ его кулакомъ по щекѣ, зачѣмъ онъ, не смотря на его запрещеніе, позволилъ такія собранія. Поэтому Модестъ,—такъ называли префекта,—хотя былъ и иновѣрецъ, тайно далъ знать Эдессянамъ, чтобы они поостереглись въ слѣдующій день собираться для молитвословія въ обыкновенное мѣсто; ибо царь приказалъ ему казнить всѣхъ, кто будетъ тамъ взятъ. Такъ грозилъ онъ въ надеждѣ, что никто, или по крайней мѣрѣ не многіе подвергнутся опасности; а чрезъ это и самъ старался избавиться отъ царскаго гнѣва.

По Эдессяне, презрѣвъ его угрозу, по утру стеклись еще ревностнѣе, чѣмъ прежде, и наполнили привычное мѣсто. Модестъ, когда сказали ему объ этомъ, не зналъ, что и дѣлать, и хотя настоящимъ случаемъ затруднился, однакожъ пошелъ на то поле. Въ это время, одна женщина, влекшая за руку дитя и, вопреки свойственному женамъ благолѣпію въ одеждѣ, просто тащившая верхнее платье, такъ какъ бы вели ее куда со всею поспѣшностію, пробѣжала сквозь предводимый префектомъ военный отрядъ и, увидѣвъ Модеста, приказывала ему взять себя. Модестъ подозвалъ ее и требовалъ, чтобы она сказала причину такого бѣга. Жена отвѣчала, что ей хотѣлось скорѣе посѣтить на поле, гдѣ собираются Христіане католической Церкви. — Такъ ты одна не знала, сказалъ на это Модестъ, что сюда придетъ префектъ и возьметъ всѣхъ, кого найдетъ здѣсь? — Нѣтъ, я слышала объ этомъ, говорила жена, и для того-то особенно должна была бѣжать, чтобы по времени не остаться назади другихъ и не лишиться вѣнца мученицы. Однако за чѣмъ же ведешь съ собою это дитя, спросилъ префектъ? — За тѣмъ, чтобы и оно имѣло участіе въ общемъ страданіи и удостоилось равныхъ наградъ. Удивившись мужеству этой женщины, Модестъ пошелъ назадъ во дворецъ и, рассказавъ о ней государю, убѣдилъ его не приводить въ исполненіе приговора; потому что исполненіе его будетъ постыдно и

безполезно. Такъ-то вся Эдесса сдѣлалась непо-
вѣдницею своего ученія.

глава 19.

Смерть Аванасіа Великаго и восшествіе на епископскую кафедру аріансина Лукія. О постигшихъ египетскія Церкви бѣдствіяхъ и о томъ, что преслѣнилъ Аванасіа Петръ ушелъ и осилъ въ Римъ.

Въ это время, епископъ александрійской Церкви, Аванасій, совершивъ сорока-шестилѣтнее поприще архіерейскаго служенія, скончался. Аріане тотчасъ-же объявили о его смерти, — и вскорѣ предстоителю аріанской ереси въ Антиохіи Евзой, прибывъ въ Египетъ вмѣстѣ съ посланнымъ отъ царя хранителемъ царскихъ сокровищъ Магномъ, взялъ и заключилъ въ темницу Петра, которому Аванасій ввѣрилъ свою епископію, и александрійскую Церковь передалъ Лукію. Съ этого времени Египтяне стали терпѣть отъ враговъ болѣе ненависти, и бѣдствія, смѣняясь новыми бѣдствіями, начали мучить Христіанъ католической Церкви; ибо какъ скоро Евзой, пріѣхавъ въ Александрію, рѣшился овладѣть тамошними церквами, народъ тотчасъ воспротивился. Причиною сего возмущенія признаны были клирики и посвященные Богу дѣвы. Поэтому аріане напали на городъ, какъ непріятели, отъ которыхъ одни убѣгали, а другіе, бывъ преслѣдуемы и забираемы, содержались въ узахъ. Потомъ узниковъ выводили изъ темницъ и либо сѣкли ихъ когтями и воловы-

ми ремнями, либо жгли огненными орудіями. Послѣ такихъ казней оставаться еще живымъ почиталось чудомъ; всѣ пламенно желали, не испытывая ихъ, или умереть, или быть присужденными къ ссылке. Такъ-то дѣлалось. Между тѣмъ епископъ Петръ, убѣжавъ изъ темницы и попавъ на корабль, отплылъ къ единовѣрному себѣ римскому епископу; а аріане, хотя ихъ было и не много, овладѣли церквами. Въ то самое время вышелъ царскій указъ, которымъ Христіане, согласные въ вѣрѣ съ Отцами никейскими, по указанію и волѣ Лукія, изгонялись не только изъ Александріи, но даже и изъ Египта. Такъ повелѣно было префекту области. Егзой же, совершивъ все, чего хотѣлъ, возвратился въ Антиохію.

глава 20.

О юненихъ на египетскихъ монаховъ и учениковъ св. Антонія, и о томъ, что за православіе они сосланы были на одинъ островъ и совершали тамъ чудеса.

Взявъ съ собою предводителя египетскихъ войскъ, Лукій съ вооруженною толпою пошелъ на монаховъ въ ихъ пустыни. Можетъ быть, онъ думалъ, что если потревожить этихъ любителей уединенной жизни, то они послушаются его, а чрезъ нихъ тѣмъ скорѣе присоединятся къ нему Христіане и по городамъ; ибо изъ тогдашнихъ предстоятелей въ монастыряхъ было много мужей дивныхъ, и всѣ они чужда-

лись аріанства, а ихъ свидѣтельству внималъ и народъ, и мыслилъ съ ними одинаково. Разсуждать и пустословить о догматахъ народъ и не любить, и не умѣть, но вѣрить, что истина извѣстна тѣмъ, которые добродѣтель свою доказываютъ дѣломъ. Вождями египетскихъ подвижниковъ были тогда, какъ мы слышали, два Макаріи, о которыхъ упомянуто прежде, Памва, Гераклидъ и прочіе ученики Антонія. Итакъ, размышляя, что пока эти монахи не сдѣлаются единомышленниками аріанъ, послѣдніе не могутъ надежно владѣть церквами каолическихъ Христіанъ, Лукій рѣшился употребить насиліе, ибо убѣдить было не въ состояніи. Однакожь и въ этомъ случаѣ онъ не достигъ своей цѣли. Монахи, еслибы потребовалось, готовы были скорѣе умереть и подклонить свои выи подъ мечи, чѣмъ оставить ученіе Собора никейскаго. Говорятъ, что, когда ждали они нападенія отъ воиновъ, къ нимъ принесенъ былъ изъ среды народа кто-то съ изсохшими членами, такъ что не могъ стоять на ногахъ. Помазавъ его елеемъ, они велѣли ему, во имя Христа, гонимаго Лукіемъ, встать и идти домой. Человѣкъ тотчасъ сдѣлался здоровъ и явно доказалъ, что въ вѣрѣ надобно согласоваться съ тѣми, которыхъ вѣру самъ Богъ, осуждая Лукія, призналъ истинною, поколику услышалъ ихъ молитвы и исцѣлилъ страждущаго. Но строители козней монахамъ и при этомъ не образумились. Напавъ на нихъ

ночью, они перевели ихъ на одинъ египетскій островъ, окруженный болотами. Жители на томъ островѣ вовсе чужды были христіанскаго ученія и поклонялись идоламъ, такъ что имѣли у себя древнѣйшій храмъ и весьма благоговѣнно чтили его. Говорятъ, что, когда изгнанники пристали туда и высаживались изъ корабля, одержимая діаволомъ дочь жреца вышла къ нимъ на встрѣчу. И такъ какъ она бѣжала и кричала, то пораженные этимъ нечаяннымъ и чудеснымъ явленіемъ, жители слѣдовали за нею. Прибѣжавъ къ кораблю, на которомъ приплыли св. старцы, она начала жалобно вопить, кататься по землѣ, умолять и громко звать: зачѣмъ вы и къ намъ пришли служители великаго Бога? Этотъ островокъ есть древнее наше жилище. Мы никого не беспокоимъ; незнаемые людьми и бывъ окружены отвсюду этими болотами, мы обитаемъ здѣсь скрытно. Если вамъ угодно, возьмите это стяжаніе наше и сдѣлайте своимъ; мы уступаемъ. Такъ зывала дѣвица. Когда же Макарій и его спутники запретили демону, она пришла въ себя. Поэтому случаю и отецъ ея со всѣми домашними, и цѣлый островъ принялъ Христіанство. Жители его разрушили свой храмъ и замѣнили его церковію. Вѣсть объ этомъ, дошедшая въ Александрію, не мало огорчила Лукіа; ибо онъ опасался, какъ бы не сдѣлаться предметомъ ненависти и у своихъ, поколику объявилъ войну, оче-

видно, не людямъ, а самому Богу. Это побудило его немедленно дать тайное повелѣніе, чтобы Макарій и его спутники возвращены были въ свои скиты и пустыни. Такъ-то Лукій волновалъ Египетъ, славившійся въ то время не однимъ любителемъ мудрости, Дидимомъ, но и другими знаменитыми монахами, смотря на добродѣтели которыхъ, тамошняя Церковь противодѣйствовала приверженцамъ Лукіа, и хотя гонима была въ Египтѣ, однакожь многолюдностію далеко превосходила аріанство.

ГЛАВА 21.

Исчисленіе мѣстъ, въ которыхъ господствовало никейское ученіе; также о вѣрѣ Скивоовъ и вождѣ этого народа, Ветраніонѣ.

Тоже случилось тогда и у Озройцевъ, даже у Каппадокіянъ, которые на свою долю получили божественную двоицу, Василія, епископа кесарійскаго, и Григорія Назіанзена. Напротивъ, Сирія и пограничныя области, особенно же городъ Антіохія, страдали отъ неустройства и возмущеній. Въ этихъ областяхъ было болѣе аріанъ, владѣвшихъ церквами, хотя не мало и Христіанъ Церкви каѳолической, которыхъ называли евстаѳіанами и павлиніанами, ибо ими, какъ выше сказано, управляли Павлинъ и Мелетій. Послѣдніе, тогда какъ вся антїохійская Церковь едва не сдѣлалась аріанствующею, съ трудомъ держались противъ ревности царя и лицъ, имѣвшихъ при немъ силу. Гдѣ Церквами

управляли люди мужественные, тамъ только, по видимому, народъ не измѣнялъ прежнихъ своихъ мыслей. Въ самомъ дѣлѣ, по такой именно причинѣ и Скионы остались, говорятъ, съ тою же вѣрою. Этотъ народъ имѣеть много городовъ, селеній и крѣпостей. Его митрополія— Томись, городъ большой и богатый, лежащій у моря, на лѣвомъ берегу, при входѣ въ такъ называемый Евкенскій Понтъ. Тамъ и донынѣ господствуетъ древній обычай въ церквахъ всего народа быть одному епископу. Въ описываемое время управлялъ ими Ветраніонъ. Царь Валентъ пріѣхалъ въ Томись и, когда, пришедши въ церковь, по обыкновенію, началъ убѣждать Ветраніона, чтобы онъ вступилъ въ общеніе съ епископами противной ереси, послѣдній, весьма мужественно и смѣло высказавъ государю свои мысли въ пользу ученія никейскихъ отцевъ, оставилъ его и перешелъ въ другую церковь а за нимъ послѣдовалъ и народъ. Народу же тогда было почти весь городъ, который сошелся въ надеждѣ видѣть царя и въ ожиданіи какихъ-нибудь новостей. Оставшись одинъ съ своею свитою, Валентъ сильно раздраженъ былъ такимъ оскорбленіемъ и, взявъ Ветраніона, приказалъ отвезти его въ ссылку. Потомъ однакожь вскорѣ позволилъ ему возвратиться, ибо видя, что Скионы ропщутъ за изгнаніе своего епископа, боялся, думаю, какъ бы они не затѣяли новостей. А онъ зналъ, что

этотъ народъ мужественъ и по мѣстному своему положенію нуженъ римской имперіи, потому что охранялъ ее отъ пограничныхъ съ тою страшною Варваровъ. Итакъ Ветраніонъ въ этомъ случаѣ явился выше усилій государя. По свидѣтельству самыхъ Скионовъ, онъ былъ мужъ вообще добрый и отличался святостію жизни. Отъ такихъ причинъ гнѣвъ царя испытывали всѣ клиры, кромѣ клировъ въ Церквахъ западной имперіи; потому что надъ тамошними Римлянами царствовалъ Валентиніанъ, который одобрялъ ученіе никейскаго Собора и весьма благоговѣнно чтить Бога, такъ что не вводилъ никакихъ новостей въ церковномъ законодательствѣ, хотя государь былъ отличный и способность свою управлять имперіею оправдалъ самымъ дѣломъ.

ГЛАВА 22.

О томъ, что въ то же время, по случаю возникшаго вопроса о Святѣмъ Духѣ, положено Св. Духа признавать единосущнымъ Отцу и Сыну.

Въ то же время усилено было начатое еще прежде изслѣдованіе, должно ли и Святаго Духа признавать единосущнымъ Отцу и Сыну. Продолжительныя разсужденія объ этомъ были не менѣ спорны, какъ и прежнія о Словѣ Божіемъ. Признававшіе Сына неподобнымъ и подобносущнымъ въ семъ случаѣ согласились между собою; ибо тѣ и другіе утверждали, что

Духъ есть лице служебное, по чину и чести третіе и по существу отличное. А которые исповѣдывали Сына единосущнымъ Отцу, тѣ тоже мыслили и о Духѣ. Это исповѣданіе сильно защищали—въ Сиріи Аполлинарій лаодикіанинъ, въ Египтѣ—епископъ Аванасій, въ Каппадокіи и Церквахъ понтійскихъ — Василій и Григорій. Тогда какъ упомянутый вопросъ былъ въ ходу и споры по обычаю со дня на день становились сильнѣе, римскій епископъ, узнавъ объ этомъ, писалъ восточнымъ Церквамъ, чтобы онѣ вмѣстѣ съ западными іереями исповѣдывали единосущную Троицу. Послѣ сего, какъ бы судомъ римской Церкви, этотъ вопросъ казался окончательно рѣшеннымъ,—и всѣ замолчали.

глава 23.

О кончинѣ Ливерія римскаго и преемниковъ его, Дамаса и Сириакѣ, и о томъ, что на западѣ кромѣ Медиоланца и архіерея ихъ Авксентія, всѣ держались православія; также о бышемъ въ Римѣ Соборѣ, который низложилъ Авксентія, и о его постановленіи.

Около этого времени, по смерти Ливерія, на римскую кафедру вступилъ Дамасъ. Но представленный также къ рукоположенію діаконъ Урсинъ не могъ перенести своей неудачи. Бывъ тайно рукоположенъ нѣкоторыми незначительными епископами, онъ старался раздѣлить народъ и собирался отдѣльно. По раздѣленіи же народа, одни хотѣли видѣть епископа въ немъ, а другіе въ Дамасѣ. Отъ этого между чернью,

какъ обыкновенно, возникли сильные споры и возмущенія, такъ что зло простерлось до ранъ и убійствъ, пока римскій префектъ многихъ изъ черни и клира не подвергъ наказанію и тѣмъ не остановилъ Урсина предпріятія. Что же касается до догматовъ, то ни Римляне, ни другіе народы на западѣ, какъ и прежде, не разногласили между собою, но всѣ принимали постановленія никейскихъ отцевъ и исповѣдывали равночестную и равносильную Троицу — крѣ, кромѣ единомышленниковъ Авксентія. Этотъ Авксентій, предстоятельствовавшій тогда въ медиоланской Церкви, задумалъ съ нѣкоторыми, вопреки общему согласію западныхъ іереевъ, вводить новости, усиливать ученіе аріанское и мыслить одинаково съ тѣми, которые, по прившедшему вновь изслѣдованію, признавали Сына и Духа неподобными. Но когда изъ Галліи и Венеціи донесено было, что и тамъ есть Христіане, держащіеся подобнаго образа мыслей; то векорѣ епископы многихъ областей, стекшись въ Римъ, положили мнѣніемъ—Авксентія и мыслившихъ подобно ему лишить общенія съ собою, и вѣру, преданную никейскимъ Соборомъ, оставить неприкосновенною, а то, что въ противность ей было постановлено въ Ариминѣ, отмѣнить, поколику на это не соглашались ни римскій епископъ, ни другіе, и поколику тамошнія постановленія не были одобрены даже многими изъ тѣхъ, которые тамъ при-

существовали. Что все это такъ производилось и принято, свидѣтельствуеъ самое посланіе римскаго епископа Дамаса и членовъ тогдашняго Собора, писанное епископомъ иллирійскимъ. Оно таково:

Епископы, стекшіеся на святой Соборъ римскій, Дамасъ, Валерій¹⁾ и прозіе—возлюбленныя братіямы, епископамъ и предстоятелямъ въ Иллирію желаютъ здравія о Господь.

«Вѣримъ, что вы держите нашу святую, на ученіи апостоловъ утвержденную вѣру, и именно ее преподаете народу,—ту вѣру, которая ни въ чемъ не разногласитъ съ постановленіями отеческими. Да и прилично ли иначе мыслить Божиимъ іереямъ, у которыхъ, по справедливости, должны учиться мудрые. Однакожь по доношеніямъ братій изъ Галліи и Венеціи знаемъ, что нѣкоторые вводятъ ересь. Этого зла епископы не только должны остерегаться сами, но и не увлекаться людьми, придумывающими различныя ученія,—когда придумыватели, пользуясь неопытноію, либо простотою нѣкоторыхъ, противуполагаютъ ихъ убѣжденіямъ собственныя толкованія,—напротивъ, въ случаѣ стеченія различныхъ мнѣній, тѣмъ сильнѣе держаться отеческаго образа мыслей. Уже написано, что за это особенно былъ осужденъ

¹⁾ Валерій въ римскомъ сборникѣ называется Валеріаномъ. Это былъ епископъ аквилейскій, котораго въ одномъ своемъ письмѣ восхваляетъ Іеронимъ.

и Авксентій медиоланскій. И такъ справедливость требуетъ, чтобы въ римскомъ мірѣ всѣ учителя хранили единомысліе и не оскверняли своей вѣры разногласящими ученіями; ибо едва только нечестіе еретиковъ начало усиливаться, подобно тому, какъ нынѣ особенно, избави Господи, усилилось аріанское богохульство, триста осьмнадцать избранныхъ отцевъ, едѣлавъ въ Никей изслѣдованіе спорнаго предмета, воздвигли эту твердыню въ защиту отъ діавольскаго ученія и такимъ противуядіемъ извергли смертельный ядъ ереси, то-есть, положили вѣровать, что Отець и Сынь имѣютъ едино Божество, едину силу, едину славу. Вѣруемъ, что и Св. Духъ тогоже существа, а кто мыслитъ иначе, того почитаемъ чуждымъ нашего общенія. Это спасительное правило, это досточтимое опредѣленіе нѣмы хотѣли нарушить: но и изъ нихъ нѣкоторые, сначала принужденные вводить новости и посягать на него въ Ариминѣ, такъ поправили дѣло, что признали себя обманутыми какимъ-то инымъ разсужденіемъ, вовсе не думая противиться мнѣнію, принятому отцами никейскими; ибо между членами ариминскаго Собора, во время его открытія, никто не могъ имѣть къ тому даже и побужденія, — ни римскій епископъ, котораго мнѣніе надлежало принять прежде всѣхъ, ни Викентій, который столько лѣтъ неукоризненно хранилъ епископство, ни другіе, согласившіеся съ постановле-

ніями ариминскими, особенно, когда представимъ, что тѣ самые, которые, какъ сказано, по видимому увлеклись хитростію, пришедши къ лучшей мысли, засвидѣтельствовали, что то древнее мнѣніе имъ не нравится. Итакъ, да усмотритъ ваша непорочность, что надобно съ постоянною твердостію держать одну ту вѣру, которая основана на авторитетѣ апостоловъ и св. отцевъ въ Никее, и что этою самою вѣрою вмѣстѣ съ нами хвалятся и восточные, если они признаютъ себя Христіанами каѳолической Церкви, и западные. Вѣруемъ, что мыслящіе иначе, за такую рѣшимость скоро будутъ отлучены отъ общенія съ нами и лишены имени епископовъ, чтобы ихъ міряне, освободившись отъ разсѣваемаго ими обмана, могли отдохнуть; ибо, находясь въ заблужденіи, они отнюдь не могутъ исправить его въ другихъ. Итакъ съ мыслями всѣхъ іереевъ Божіихъ да придетъ въ согласіе и образъ мыслей вашей чести, въ которомъ вы, какъ мы вѣримъ, пребудете твердыми и непоколебимыми. А что мы съ вами должны такъ вѣровать, докажете это обратною грамотою вашей любви.

глава 24.

О святомъ Амвросіи, какъ онъ возведенъ былъ на епископство и расподожилъ міряне въ благочестіи; также о фригійскихъ новацианахъ и о Пасхѣ.

Предваряя такимъ образомъ людей, вводившихъ новости, западные іереи ревностно со-

храняли преданную себѣ древле вѣру; такъ что иновѣрцевъ было тамъ очень мало,—почти только тѣ, которые окружали Авксентія; а вскорѣ низложенъ былъ и Авксентій. Когда же онъ умеръ, народъ возмутился, потому что епископствовать надъ медіоланскою Церковію избрали не всѣ одного и того же, и городъ былъ въ опасности. Та или другая сторона, испытавъ неудачу, грозилась сдѣлать то, что обыкновенно бываетъ въ подобныхъ смутахъ. Боясь безпокойствъ со стороны черни, Амвросій, бывшій тогда префектомъ области, вошелъ въ церковь и, напоминая о законахъ, единомысліи и благахъ мира, совѣтовалъ прекратить вражду. Еще не пересталъ онъ бесѣдовать объ этомъ, какъ вдругъ всѣ, оставивъ гнѣвъ одинъ на другаго, жребій епископства, по общему мнѣнію, предоставили совѣтнику единомыслія и, приглашая его къ крещенію, потому что до того времени онъ не общался таинству, требовали отъ него принятія священства. Но такъ какъ Амвросій отказывался, отвергалъ избраніе и просто — избѣгалъ такого сана, а народъ настаивалъ и утверждалъ, что иначе ссора не прекратится; то объ этомъ дѣлѣ донесено было царедворцамъ. Получивъ вѣсть объ избраніи Амвросія, царь Валентиніанъ, говорятъ, сталъ молиться и приносить благодареніе Богу, что къ священнодѣйствію присуждаются мужи, поставленные отъ него правителями. Узнавъ притомъ о настояннн народа и отказѣ

Амвросія, онъ изъ единодушнаго желанія медіоланской Церкви заключилъ, что это угодно Богу и повелѣлъ въ наискорѣйшемъ времени рукоположить избраннаго. Когда же Амвросій былъ крещенъ и принялъ рукоположеніе, то Церковь свою, отъ предстоятельства Авксентіева долго страдавшую несогласіемъ, расположилъ къ единомыслію въ дѣлѣ вѣры. Впрочемъ, каковъ былъ этотъ Амвросій послѣ рукоположенія, съ какимъ мужествомъ и благоговѣніемъ проходилъ онъ званіе священства,—будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ. Въ это время, фригійскіе новаціане, вопреки прежнему обычаю, начали совершать праздникъ Пасхи вмѣстѣ съ Іудеями. Начальникъ ихъ ереси Новаъ не допускалъ къ общенію даже покаившихся въ своихъ согрѣшеніяхъ, и только въ этомъ состояло его нововведеніе. Но упомянутый праздникъ какъ самъ онъ, такъ и приверженцы его отпраздновали согласно съ римскою Церковію, послѣ весенняго равноднствія. Напротивъ, въ теперешнее царствованіе нѣкоторые изъ новаціанскихъ епископовъ во Фригій, собравшись въ фригійскомъ селеніи Пазъ, откуда вытекаютъ источники рѣки Сангары, не захотѣли и въ этомъ имѣть общенія съ иновѣрцами и постановили особый законъ—праздникъ опресноковъ совершать послѣ, а Пасху—съ Іудеями. Впрочемъ на этомъ Соборѣ не присутствовалъ ни Агелій, новаціанскій епископъ въ Константинополѣ, ни предстоятель изъ Ни-

кеи, ни изъ Никомидіи, ни изъ значительнаго фригійскаго города Козанка, хотя этихъ епископовъ новаціане называютъ, такъ сказать, владыками и главами въ отношеніи ко всему, что дѣлается въ ихъ ереси и Церкви. Какимъ же образомъ, по этой причинѣ, пришли они въ разногласіе и, произвольно отдѣлившись отъ прочихъ начали собираться особо, скажу въ свое время.

глава 25.

Объ Аполлинаріяхъ, отцѣ и сынѣ, о пресвитерѣ Виталіи, и о томъ, по какому побужденію уклонились они отъ ереси.

Въ это же время сдѣлался извѣстенъ Аполлинарій и открылась называемая по его имени ересь, которая, отторгши многихъ отъ Церкви, образовалась въ особое общество. Въ составленіи частнаго ученія Аполлинарію помогалъ и Виталій, одинъ изъ посвященныхъ Мелетіемъ антиохійскимъ пресвитеровъ, мужъ по образу и правиламъ жизни между прочими отличный, въ управленіи подчиненныхъ себѣ ревностный и зато пользовавшійся высокимъ уваженіемъ народа. Вскорѣ отскрѣпши себя отъ общенія съ Мелетіемъ, онъ присоединился къ Аполлинарію и управлялъ антиохійскими его единомышленниками. Уваженіе принятыхъ Виталіемъ правилъ жизни приобрѣло ему не малое число приверженцевъ, которые получили отъ него свое имя; такъ что антиохійцы и до нынѣ называютъ ихъ виталианами. Говорятъ, будто онъ такъ поступилъ отъ огорченія, что былъ презрѣнъ Флавіаномъ, который въ послѣдствіи занималъ антиохій-

скій престоль, а тогда сопресвитерствовалъ Виталию и представлялъ ему препятствія видѣть епископа. Почитая себя униженнымъ, онъ подался человѣческому чувству и, пошедши къ Аполлинарію, вступилъ съ нимъ въ общеніе и дружбу. Съ этого времени они и по другимъ городамъ собирались особо, подъ управленіемъ особыхъ епископовъ и слѣдовали постановленіямъ, несогласнымъ съ постановленіями католической Церкви, то есть, кромѣ узаконенныхъ священныхъ пѣсней, пѣли какія-то пѣсни стихотворныя, сочиненныя самимъ Аполлинаріемъ; потому что, обладая всякою другою ученостію, Аполлинарій былъ также и поэтъ, знатокъ различныхъ стихотворныхъ метровъ, чѣмъ доставлялъ многимъ удовольствіе и располагалъ ихъ внимать себѣ. И мужчины какъ на пирахъ, такъ и за работой, и женщины за ткацкими станками пѣли его пѣсни; потому что онъ написалъ много идиллій на каждый случай,—на случай труда и отдыха, на дни праздничные и иные, и всѣ его идилліи клонились къ прославленію Бога. О распространеніи этой ереси первые узнали—римскій епископъ Дамасъ и александрійскій Петръ, и, составивъ Соборъ въ Римѣ, объявили ее чуждою католической Церкви. Говорятъ, что и Аполлинарій началъ вводить новое ученіе также по малодушію. Причина была слѣдующая: когда правитель александрійской Церкви Аванасій, изгнанный Констанціемъ въ ссылку, по-

лучилъ повелѣніе возвратиться въ Египетъ; то во время его переѣзда чрезъ Лаодикію Аполлинарій познакомился съ нимъ и сдѣлался его искреннимъ другомъ. Но такъ какъ членамъ противной ереси клятвенно запрещено было имѣть съ нимъ общеніе, то тамошній епископъ ихъ Георгій, за сношеніе съ Аванасіемъ, вопреки правиламъ и законамъ іереевъ, съ безчестіемъ изгналъ Аполлинарія изъ Церкви. Вмѣняя ему это въ вину, онъ вмѣстѣ поносилъ его и за совершеніе грѣховъ давнишнихъ, очищенныхъ поканіемъ. Ибо когда лаодикійскою Церковію управлялъ еще предшественникъ его Θεодотъ,—знаменитый въ то время софистъ Епифаній произносилъ гимнъ Діонису. Аполлинарій, бывшій тогда въ юношескихъ лѣтахъ, пользовался уроками этого самаго Епифанія и вмѣстѣ съ своимъ отцемъ, не неизвѣстнымъ грамматикомъ, носившимъ также имя Аполлинарія, присутствовалъ при чтеніи гимна. Намѣреваясь произнести свое сочиненіе, Епифаній, по обычаю декламаторовъ этого рода, повелѣвалъ непосвященнымъ и нечистымъ выйти вонъ. Но ни молодой, ни старый Аполлинарій, и никто изъ присутствовавшихъ при чтеніи Христіанъ не отказался отъ слушанія. Узнавъ объ этомъ, епископъ Θεодотъ сильно разгнѣвался, и прочихъ, принадлежавшихъ къ мірянамъ, нѣсколько укоривъ, простилъ, а двухъ Аполлинаріевъ за содѣланный ими грѣхъ обличилъ всенародно и отлучилъ отъ Церкви;

потому что оба они принадлежали къ клиру, — отецъ былъ пресвитеромъ, а сынъ — еще чтецомъ священнаго Писанія. Потомъ чрезъ нѣсколько времени, видя, что они со слезами и постомъ принесли соответственное грѣху покаяніе, епископъ снова принялъ ихъ въ общеніе. Но когда тоже епископство получилъ Георгій, и у Аполлинарія съ Аонасіемъ, какъ сказано, установились дружескія отношенія; то Георгію захотѣлось объявить его лишеннымъ общенія и чуждымъ Церкви. Аполлинарій, говорятъ, многократно просилъ Георгія о принятіи себя въ общеніе; но такъ какъ послѣдній не соглашался, то, побѣжденный скорбію, онъ возмущилъ Церковь и ввелъ новое ученіе, вышеупомянутую ересь, мстя своему врагу, чѣмъ могъ, то-есть искусствомъ слова, и доказывая, что онъ, какъ лучший, низложенъ тѣмъ, который въ преподаваніи божественнаго ученія хуже его. Такимъ образомъ частныя ссоры клириковъ того времени весьма вредили Церкви и раздробляли вѣру на множество ересей. Доказательство слѣдующее: еслибы и Георгій, подобно Θεодоту, принялъ раскаявшася Аполлинарія, то ересь, называемой по его имени, думаю, не было бы; ибо человѣческая природа такова, что бывъ презираема, она становится тѣмъ самолюбивѣе, вдается въ споры и нововведенія, а пользуясь чѣмъ должно, обыкновенно сохраняетъ мѣрность и постоянство.

ГЛАВА 26.

Объ Евноміи и учитель его Азѳѣтѣ, — о томъ, что къ нимъ относится и чему они учили, — также о томъ, что они первые придумали при крещеніи дѣлать одно погруженіе.

Около сего времени Евномій, управлявшій вмѣсто Элевсія кизикскою Церковію и бывшій предстоятелемъ аріанства, кромѣ этой ереси, ввелъ и другую, которой послѣдователямъ одни даютъ имя самаго изобрѣтателя, а другіе — названіе аномеевъ. Нѣкоторые говорятъ, что Евномій первый осмѣлился полагать правиломъ, чтобы святое крещеніе было совершаемо чрезъ однократное погруженіе, слѣдовательно искажалъ преданіе, всюду сохраняющееся отъ апостоловъ до настоящаго времени, да и вообще измышлялъ какую-то особенную церковную практику, и новостъ ея прикрывалъ важностію и величайшею точностію. Къ тому-же былъ онъ мастеръ говорить и спорить, и любилъ рѣчь силлогистическую, каковыхъ между его единомышленниками можно видѣть много. Они не столько хвалятъ доблесть жизни, благонравіе и милосердіе къ бѣднымъ, развѣ кто слѣдуетъ ихъ образу мыслей, сколько спорщиковъ въ разговорѣ и собесѣдниковъ, побѣждающихъ силлогизмами. Такіе люди отъ всѣхъ ихъ почитаются благочестивыми. Впрочемъ, иные полагаютъ, и мнѣ кажется, справедливѣе, что вводитъ новостъ относительно какъ другихъ евноміевыхъ мнѣній, такъ и святаго крещенія, начали въ настоящее царствованіе отдѣлившіеся отъ своего

общества ревнители этой ереси, Теофроній каннадокійскій и Евтихій. Они-то именно стали требовать, чтобы крещеніе совершалось не въ Троицу, а въ смерть Христову; а Евномій касательно этого предмета не устанавливалъ ничего новаго, но съ самаго начала согласился съ Аріемъ и въ такомъ убѣжденіи оставался. Когда же онъ сдѣлался епископомъ кизикскимъ, и подвластные ему клирики начали обвинять его, какъ вводителю новыхъ ученій; то тогдашній начальникъ аріанской ереси въ Константинополѣ Евдоксій, призвавъ его къ себѣ, поручилъ ему бесѣдовать съ народомъ о вѣрѣ и, не найдши ничего худаго въ преподаваемомъ имъ ученіи, позволилъ ему возвратиться въ Кизику. Однакъ Евномій сказалъ, что онъ не намѣренъ быть въ сношеніи съ тѣми, кого подозреваетъ, и этимъ предлогомъ воспользовался для отторженія себя отъ Церкви, тогда какъ дѣйствительная причина его отторженія состояла въ томъ, что не хотѣли принять въ общеніе учителя его Аэція. Съ того времени онъ жилъ въ своемъ домѣ и ничего не измѣнялъ въ прежнемъ образѣ мыслей. О всемъ этомъ одни говорятъ такъ, другіе—иначе. Но Евномій-ли ввелъ помилкутую новость касательно преданія о крещеніи, или кто иной, евноміане все равно одни, по моему мнѣнію, подвергаются опасности—оставлять жизнь, не получая святаго крещенія: ибо, если, бывъ крещены въ началѣ по закону Церкви, они сами себя перекрещивать не могутъ, то полагаютъ начало тому, чего сами не

имѣютъ; а не имѣя этого и не сдѣлавшись такими чрезъ другихъ, передаютъ тоже и прочимъ. Ведя свое ученіе отъ какого-то безличнаго начала и отъ собственнаго помысла, они преподаютъ другимъ, чего не получили, а это—безуміе; ибо сами-же сознаются, что не крещеные не могутъ крестить другихъ, и не крестившагося согласно съ ихъ преданіемъ почитаютъ некрещенымъ, такъ какъ-бы крещеніе его было не надлежащее,—сами-же свидѣтельствуютъ объ этомъ, поколику всѣхъ, кого успѣваютъ убѣдить къ единомыслию съ собою, перекрещиваютъ, хотя-бы принимаемые ими были уже крещены по преданію католической Церкви. Между тѣмъ это не мало волновало нашу вѣру, и различіе ученій въ семь отношеніи, для желающихъ вступить въ Христіанство, служило препятствіемъ; потому что всякій разъ поднимались горячіе споры и, какъ обыкновенно бываетъ при началѣ ереси, постоянно усиливались, поколику являлись доказыватели, отличавшіеся ревностію и силою слова. Можно думать, что евноміане увлекли-бы многихъ изъ католической Церкви къ своему мнѣнію, еслибы не встрѣтили противниковъ въ Каннадокіянахъ—Василіъ и Григоріъ. Впрочемъ усилію ихъ положило предѣлъ и наступившее скоро царствованіе Θεодосія, который самыхъ ересеначальниковъ изъ областей имперіи, болѣе населенныхъ, изгналъ въ мѣста пустынные. А чтобы намъ не совсѣмъ не знать ученія той и другой ереси, надобно замѣтить, что первымъ изобрѣтателемъ

мигѣнія евноміева былъ Сирянцѣмъ Аэціи, утверждавшій съ Аріемъ, что Сынъ не подобенъ Отцу, что Онъ есть твореніе и произошелъ изъ несущаго. Мыслившіе такимъ образомъ сперва назывались аэціанами. Когда же, какъ сказано при описаніи царствованія Констанціева, они стали почитать Сына единосущнымъ, другіе подобносущнымъ Отцу, а царямъ, по установленію ариминскаго Собора, угодно было исповѣдывать Его подобнымъ: тогда Аэціи, какъ богохульникъ, осужденъ былъ на изгнаніе, и основанная имъ ересь на нѣкоторое время, по видимому, исчезла; потому что ни другой кто-нибудь изъ значительныхъ лицъ, ни Евномій явно не смѣлъ защищать ее. Впослѣдствіи уже, занявъ престолъ кизикской Церкви, вмѣсто Элевсія, послѣдній никакъ не могъ долѣе оставаться покойнымъ и, бесѣдуя къ народу, снова пустилъ въ ходъ мнѣніе Аэція. Люди-же, какъ часто случается, забывъ перваго изобрѣтателя этой ереси, единомышленниковъ его называли евноміанами; потому что Евномій, послѣ Аэція, возобновилъ и скрывалъ его ученіе дерзновеннѣе перваго ерессначальника.

ГЛАВА 27.

*О томъ, что въ посланіи къ Нектарію пишетъ Григорій Богословъ объ Аполлинаріи и Евноміи, и о томъ, что ереси ихъ угашены любознудрїемъ жившихъ тогда монаховъ; ибо ересями этихъ двухъ чело-
вѣкъ зараженъ былъ почти весь востокъ.*

Надобно согласиться, что Евномій мыслилъ одинаково съ Аэціемъ; ибо своего учителя Аэція

самъ онъ превозноситъ и нерѣдко явно свидѣтельствуешь о немъ въ своихъ сочиненіяхъ. А Аполлинарія въ своемъ посланіи къ предстоятелю константинопольской Церкви Нектарію обвиняетъ епископъ Назіанза Григорій. Онъ пишетъ такъ: «Домашнее наше зло—Евномій не любитъ жить какъ нибудь, но если не успѣваетъ вовлечь въ свою погибель всѣхъ, то почитаетъ это для себя вредомъ. Впрочемъ такое зло еще сносно. Самое тяжкое изъ всѣхъ церковныхъ бѣдствій есть дерзость аполлинаристовъ. Я не понимаю, какъ твоя святость не обратила вниманія на то, что они осмѣлились усвоить себѣ право дѣлать равночестныя нашимъ собраніямъ. Благодатію Божіею ты всеконечно изучилъ Божественныя таинства, знаешь не только относящееся къ защищенію Слова Божія, но и то, что противъ здоровой вѣры измышлено еретиками: однакожь твоей достопочтенности, можетъ быть, благовременно будетъ слышать и отъ нашего малоумія, что мнѣ случилось имѣть въ рукахъ аполлинаріеву книгу, которой содержаніе выше всякаго еретическаго зла. Аполлинарій утверждаетъ, что плоть едиnorodнаго Сына Божія, принятая Имъ по домостроительству, заимствована не отъ нашего естества, но что та плотская природа была въ Сынѣ изначала, и въ свидѣтельство такой цѣльности приводитъ худо понятое евангельское изреченіе: *никтоже взыде на небо, токмо сшедшій съ небесе Сынъ человѣческій* (Іоан. 5, 15); такъ что Сынъ былъ сыномъ человѣческимъ и до соше-

ствія, и сошелъ съ тою самою предвѣчною, сосущественною себѣ плотию, которую имѣлъ на небѣ. Приводитъ онъ также и апостольское изрѣченіе: *второй человекъ съ небесе* (1 Кор. 15, 47), и объясняетъ его такъ, что человекъ, пришедшій свыше, ума не имѣлъ, но въ замѣнъ природы ума, послѣ въ себѣ божество Единороднаго, бывшее третьею частию человѣческаго состава. То-есть, душа и тѣло по человечеству въ немъ были, а ума не было, и отсутствіе ума восполнялось Богомъ-Словомъ. Но самое ужасное несчастіе еще не въ этомъ. Гибельнѣе всего—та мысль, что Самъ однородный Сынъ Божій, Судія всѣхъ, Начальникъ жизни, истребитель смерти, смертенъ, что Онъ въ собственной своей Божественности принялъ страданіе, что во время трехдневной мертвенности его тѣла, вмѣстѣ съ тѣломъ умирало и Божество, и что такимъ образомъ отъ смерти Онъ снова воскресенъ былъ Отцемъ. — Но пересказывать все, что къ этимъ нелѣпостямъ еще присоединяетъ Аполлинарій, было-бы долго. Что и какъ мыслили о Богѣ онъ и Евномій, всякому желающему можно знать изъ сказаннаго. А кто хотѣлъ-бы потрудиться для приобрѣтенія подробнаго знанія объ этомъ, тотъ больше найдетъ, перечитывая сочиненія, написанныя либо ими, либо другими о нихъ. Мы-же такіе предметы и понимать и описывать не легко. Причину того, что эти ученія не сдѣлались господствующими и далеко не распространились, сверхъ выше-сказаннаго, по всей вѣроятности, надобно искать

особенно въ тогдашнихъ монахахъ: ибо всея любомудрствователи и въ Сиріи, и въ Кашадокіи, и въ областяхъ сопредѣльныхъ неотступно держались догматовъ никейскихъ. Востокъ, начиная отъ Киликіи до Финикіи, готовъ былъ принять сторону Аполлинарія, а отъ предѣловъ Киликіи и Тавра до Геллеспонта и Константинополя склонялся къ ереси евноміевой; ибо тотъ и другой легко внушалъ собственный образъ мыслей жителямъ тѣхъ областей, гдѣ самъ обиталъ, равно какъ и областей пограничныхъ. Но съ ними случилось почти тоже, что съ аріанами: то-есть народъ, удивляясь добродѣтели и дѣламъ упомянутыхъ монаховъ, вѣрилъ, что они мыслятъ право, а потому отъ людей мыслившихъ иначе, какъ отъ зараженныхъ превратнымъ ученіемъ, отвращался. Точно такимъ же образомъ было и съ Египтянами: слѣдуя своимъ монахамъ, они противостояли аріанамъ.

Г Л А В А 28.

О процвѣтавшихъ тогда въ Египтѣ святыхъ мужахъ: Іоаннѣ, Орѣ, Аммонѣ, Витѣ, Теофанѣ, Копріанѣ, Эллѣ, Апеллестѣ, Исидорѣ, Серапіонѣ, Діоскорѣ и Евлогіѣ.

Теперь, мнѣ кажется, кстатн вспомнить и, сколько можно, рассказать о тогдашнихъ христіанскихъ любомудрствователяхъ; ибо около того времени процвѣтало весьма много Боголюбивыхъ мужей. Между ними въ Египтѣ, знаемъ, отличались — во первыхъ Іоаннъ, которому не менѣе, какъ и тѣмъ древнимъ пророкамъ, Богъ открывалъ будущее, отъ другихъ

сокровешное, и даровалъ силу отгонять страданія людей, одержимыхъ неизлѣчимыми болѣзнями; во вторыхъ Оръ, который отъ самой юности жилъ въ пустынѣ и воспѣвалъ Бога, питался травами и корешьями, пилъ воду, если случайно находилъ ее, достигши же старости, по повелѣнію Божию, переселился въ Фиваиду, гдѣ управлялъ многими монастырями и подвизался не безъ дивныхъ дѣлъ; ибо одною молитвою врачевалъ болѣзни и изгонялъ демоновъ, и, не зная грамоты, не имѣлъ нужды въ книгахъ для припоминанія, по все принимаемое мыслію, удерживалъ безъ забвенія. Въ тѣхъ же мѣстахъ любомудрствовалъ и Аммонъ, управлявшій такъ называемыми тавенскими монахами и имѣвшій у себя около трехъ тысячъ учениковъ. Прави-телями монашескихъ учрежденій были равнымъ образомъ Вишъ и Феона, обладавшіе даромъ предвѣдѣнія и пророчества. Феона, отличавшійся, говорятъ, знаніемъ наукъ египетскихъ, элли-скихъ и римскихъ, впродолженіе тридцати лѣтъ хранилъ молчаніе. А что касается до Вица, то никто не видывалъ, чтобы онъ либо гнѣвался, либо клялся, либо лгалъ, либо произносилъ суетное, дерзкое и уничижительное слово. Въ то же время жили Копрій, Эллій и Илія. Копрію, говорятъ, свыше даровано врачевать страданія и разныя болѣзни, и имѣть власть надъ демонами. Эллій, отъ юности изучившій монашеское житіе, совершилъ множество чудесъ, такъ что послалъ огонь за пазухою, не сожигая платья и этимъ сильно поощрялъ монашествующихъ бра-

тій, видѣвшихъ, что даръ чудодѣйствія слѣдуетъ за добродѣтельною жизнію. Илія же тогда любомудрствовалъ недалеко отъ города Антиной и имѣлъ отъ роду около ста десяти лѣтъ. До этого времени, по его словамъ, семьдесятъ лѣтъ прожилъ онъ одинъ въ пустынѣ. Не смотря на столь глубокую старость, онъ постоянно соблюдалъ постъ и велъ самый строгій образъ жизни. Кромѣ этихъ, въ то время славился и Апелмесъ, въ египетскихъ монастыряхъ близъ города Ахориса совершавшій множество чудесъ. Разъ ночью ковалъ онъ желѣзо,—ибо это было его ремесло,—какъ вдругъ представился ему призракъ демона въ видѣ прекрасной женщины, и сталъ искушать его цѣломудріе: тогда онъ, вытащивъ изъ огня обрабатываемое желѣзо, обжегъ имъ лице демона, и демонъ убѣжалъ съ воплемъ и скрежетомъ зубовъ. Знаменитѣйшими же отцами монаховъ въ то время были Исидоръ, Серапіонъ и Діоскоръ. Исидоръ, загородивъ отсюда свой монастырь, старался, чтобы никто изъ его жителей не выходилъ за ворота и чтобы все необходимое имѣлось дома. Серапіонъ жилъ въ арениойской номѣ и подъ своимъ управленіемъ имѣлъ до тысячи монаховъ. По правиламъ его управленія, монахи должны были пріобрѣтать себѣ потребное собственными трудами и помогать другимъ нуждающимся. Въ лѣтнее время, они за извѣстную плату занимались жать и, спрятавъ достаточный для себя запасъ хлѣба, удѣляли изъ него потомъ другимъ монахамъ. Но у Діоскора было не болѣе ста учениковъ.

Имѣя санъ пресвитера, онъ священнодѣйствовалъ со всякимъ тицаиѣмъ, испытывалъ и заботливо разсматривалъ приступающихъ къ таинствамъ, чтобы, то-есть, они предварительно очистили свой умъ и не оставили въ совѣсти какого либо тяжкаго преступленія. Въ преподаваніи божественныхъ таинствъ еще строже его былъ тогда пресвитеръ Евлогій. Онъ при священнодѣйствіи, говорятъ, до того провидѣлъ помыслы приступающихъ къ таинству, что явно обличалъ согрѣшенія и въ каждомъ обнаруживалъ сокровенныя мысли. Поэтому, кто сдѣлалъ что-либо худое, или вознамѣрился сдѣлать какое-нибудь преступленіе, того, по обличеніи грѣха, устранялъ отъ чаши и позволялъ приступить къ пей, когда очистится покаянїемъ.

Г Л А В А 29.

О египетскихъ монахахъ — Аполлосъ, Доротея, Паммонъ, Иоаннъ, Маркъ, Макарій, Аполлодоръ, Моисей, Павелъ фермійскомъ, Пахомъ, Стефанъ и Шортъ.

Въ одно время съ этими въ Онваидѣ жилъ Аполлосъ. Онъ началъ любомудрствовать съ первой молодости и, проживъ въ пустынѣ сорокъ лѣтъ, потомъ, по указанію Божию, занявъ пещеру при подошвѣ горы, не далеко отъ жилищъ человѣческихъ, гдѣ множествомъ чудодѣйствій вскорѣ прїобрѣлъ извѣстность и управлялъ весьма многими монахами, которыхъ привлекалъ къ себѣ также ученїемъ на пользу. Но каковъ былъ образъ его жизни и сколько совершалъ онъ божественныхъ и дивныхъ дѣлъ,—

повѣствуетъ правитель александрійской Церкви Тимофей, описавшій житіе не только Аполлоса, но и другихъ упомянутыхъ уже мною знаменитыхъ монаховъ. Тогда по Александріи ревностно любомудрствовало много мужей доблестныхъ, около двухъ тысячъ, и изъ нихъ одни обитали въ такъ называемыхъ пустыняхъ, другіе — въ Марсотидѣ и мѣстахъ, сосѣднихъ съ Ливїею. Между тѣми мужами чрезвычайно славился онвскій уроженецъ Доротея. Жизнь его была такова, что днемъ онъ на морскомъ берегу собиралъ камни и изъ нихъ на каждое лѣто строилъ себѣ хижину, которую потомъ передавалъ людямъ, не могшимъ строиться, а ночью для своего пропитанія изъ финиковыхъ листьевъ плелъ веревки и дѣлалъ изъ нихъ корзины. Пищею же его были шесть унцій хлѣба и пучокъ простыхъ овощей, а питьемъ — вода. Подвизавшись такимъ образомъ съ юности, онъ не оставилъ этого образа жизни и въ старости. Никогда не видывали, чтобы онъ спалъ на рогожѣ, либо на кровати, или чтобы, для успокоенія, протягивалъ ноги, либо произвольно предавался сну. Одолѣваемый природою, онъ смежалъ очи развѣ только за работою или пищею, такъ что, когда засыпалъ, принимая пищу, она нерѣдко выпадала изъ устъ его. Случалось, что до крайности побѣждаемый сномъ, онъ безъ сознанія упалъ на рогожку, но потомъ, сокрушаясь объ этомъ, тихо говорилъ: если убѣдишь спать ангеловъ, убѣдишь и ревностнаго подвижника. Говоря такъ, онъ указывалъ на самого себя, и свое слово

обращалъ либо къ сну, либо къ демону, полагавшему препятствіи совершать добрыя дѣла. Между тѣмъ, какъ Дороеіі такимъ образомъ измождалъ себя, нѣкто подошедши сказалъ ему: для чего ты до такой степени умерщвляешь свое тѣло? Для того, что оно умерщвляетъ меня, отвѣчалъ онъ. Знаменитѣйшими монастырями близъ египетскаго Діюлка въ то время управляли равнымъ образомъ Шаммонъ и Іоаннъ, и такъ какъ были пресвитеры, то ревностно и весьма благочестно совершали священнослуженіе. Говорятъ, что Шаммонъ однажды во время совершенія даровъ видѣлъ стоящаго у священной трапезы святаго ангела, который монаховъ присутствующихъ вписывалъ въ какую-то книгу, а отсутствующихъ изглаживалъ изъ ней. Іоанну же Богъ даровалъ столь великую силу надъ страданіями и болѣзнями, что имъ исцѣлены многіе съ больными ногами и ослабленными членами. Въ то же время весьма славно любомудрствовалъ въ скитѣ и старецъ Веніаминъ, владея полученнымъ отъ Бога даромъ избавлять страждущихъ отъ всякой болѣзни безъ лекарствъ, посредствомъ одного прикосновенія руки, или благословеннаго съ молитвою слея. Этотъ мужъ, внавѣ въ водяную, говорятъ, такъ распухъ, что не могъ бы быть вынесенъ чрезъ двери дома, въ которомъ жилъ, если бы вмѣстѣ съ дверью не сняли притолокъ. Во время болѣзни, не могли лежать на кровати, онъ около осьми мѣсяцовъ сидѣлъ въ стулѣ огромной широты и, по обычаю, исцѣляя больныхъ, самъ

нисколько не скорбѣлъ, что не избавляется отъ собственнаго недуга. Мало того, онъ даже утѣшалъ другихъ, которые посѣщали его, и просилъ ихъ молить Бога о своей душѣ, а о тѣлѣ нисколько не заботиться, — говоря, что тѣло какъ въ здоровомъ состояніи было для него бесполезно, такъ и въ болѣзненномъ безвредно. Въ то же время, въ Скитѣ жили — знаменитый Маркъ, младшій Макарій, Аполлоній и Еѳіоплянинъ Моусей. Рассказываютъ, что Маркъ еще въ молодыхъ лѣтахъ былъ очень кротокъ, воздерженъ и живо помнилъ священное Писаніе. Богомъ же онъ былъ столь любимъ, что отъ Макарія, который почитался пресвитеромъ Келлій, ⁽¹⁾ по свидѣтельству послѣдняго, никогда не принималъ того, что іереи должны преподавать допущеннымъ къ священной трапезѣ. Дары преподавалъ ему ангелъ, котораго рука, по его словамъ, была видима до кисти. А Макарію Богъ даровалъ благодать презирать демоновъ. Поводъ къ любомудрію сперва подало ему невольное убійство. Бывъ уже взрослымъ юношею, пасъ онъ овецъ близъ мареотскаго озера и въ игрѣ убилъ одного изъ своихъ товарищей. Убоявшись казни, онъ убѣжалъ въ пустыню, гдѣ проведши три года подъ открытымъ небомъ, наконецъ построилъ себѣ малую хижину и прожилъ въ ней двадцать пять лѣтъ. Рассказывали люди, слышавшіе отъ него самаго, что онъ былъ весь

(1) Келліа было имя пустыни, которая отъ Нигрин отстояла на семьдесятъ стадій.

ма благодаренъ тому несчастному случаю, такъ какъ онъ послужилъ для него причиною любомудрiя и блаженной жизни. Аподмонiй въ прежнее время занимался торговлею и уже доживъ до старости, пришелъ въ скитъ. Разсудивъ, что по лѣтамъ не можетъ научиться ни писъму, ни какому либо другому искуству, онъ за свои деньги покупалъ разныя лѣкарства и приличныя страждущимъ яствы и, ища большихъ, до девяти часовъ подходилъ къ каждой монашеской двери. Такое запятiе почитая своимъ подвигомъ, онъ въ этомъ провелъ всю жизнь и, при смерти передавъ другому, что имѣлъ, повелѣлъ ему дѣлать тоже самое. Моусей, родившiйся въ рабствѣ, за развратную жизнь, изгнанъ былъ изъ дому господина и, обратившись къ разбою, сдѣлался предводителемъ разбойнической шайки. Совершивъ множество злодѣйствъ и отваживавшись на многiя убiйства, онъ по нѣкоторымъ обстоятельствамъ перешелъ къ монашеской жизни и вдругъ предался добродѣтели любомудрiя. Такъ какъ отъ прежняго образа жизни онъ получилъ крѣпкое здоровье, то, чтобы не увлекаться призраками удовольствiй, началъ изнурять свое тѣло безчисленными подвигами: то довольствовался малою частицею хлѣба безъ вареной пищи, то дѣлалъ множество дѣлъ и молился до пятидесяти разъ, то впродолженiи шести лѣтъ непрерывно каждую ночь проводилъ стоя, и молился, не сгибая колѣнъ и не смѣжая для сна очей, а иногда ночью, обходя жилища монаховъ, ведра каждаго тайно наполнялъ водою, что было весьма

трудно; потому что мѣсто, гдѣ доставасма была вода, отъ однихъ находилось стадiяхъ въ десяти, отъ другихъ въ двадцати, отъ нѣкоторыхъ—же въ тридцати и болѣе. Но какъ ни старался онъ многими подвигами ослабить свои силы и непрестанными трудами измождить тѣло, долго однакожъ оставался съ прежнею крѣпостiю. Разказываютъ, на-примѣръ, что разъ на то мѣсто, гдѣ Моусей любомудрствовалъ одинъ, сдѣлали набѣгъ разбойники, и что онъ всѣхъ ихъ переловилъ и связалъ. Не смотря на то, что разбойниковъ было четыре человекъ,—онъ взвалилъ ихъ себѣ на плечи и, принесши въ церковь, поручилъ товарищамъ своего монашества произнести имъ приговоръ, такъ какъ самъ принялъ за правило никому не дѣлать зла. И дѣйствительно, говорятъ, никому не случалось сдѣлать столь разительнаго перехода отъ зла къ добру, какъ ему; такъ что онъ достигъ высоты монашескаго любомудрiя, внушалъ демонамъ страхъ и ужасъ и сдѣлался пресвитеромъ скитскихъ монаховъ. Бывъ такимъ мужемъ, Моусей оставилъ много отличныхъ учениковъ и, доживъ до семидесяти-пятилѣтней старости, скончался. Въ то же царствованiе жили—Павель, Пахонъ, Стефанъ да Моусей—оба Ливiйцы, и Египтянинъ Пиоръ. Павель жилъ на Фермѣ; а Ферма была египетская гора, служившая убѣжищемъ не меньше, какъ пятидесяти подвижникамъ. Тамъ онъ ничего не дѣлалъ и ничего ни отъ кого не бралъ, кромѣ пищи, а только молился и ежедневно, какъ бы

какую дань, возносилъ Богу триста молитвъ. Опасаясь-же незамѣтно ошибиться въ счетѣ, онъ клалъ за пазуху триста камешковъ и при каждой молитвѣ выбрасывалъ одинъ изъ нихъ. Когда камней больше не оставалось, то явно было, что принесенныя молитвы равночисленны камнямъ. Тогда-же въ Египтѣ славился и Пахонъ. Онъ съ юности до старости велъ жизнь пустышническую, и ни тѣлесное здравіе, ни душевная страсть, ни демонъ не заставляли его слабѣть въ воздержаніи отъ тѣхъ вещей, отъ которыхъ любомудрствователь долженъ воздерживаться. Стефанъ-же имѣлъ жительство у Маретотскаго озера не далеко отъ Мармарики. Проходя путь строгаго и совершеннаго подвижничества въ продолженіе шестидесяти лѣтъ, онъ сдѣлался монахомъ знаменитымъ и пользовался дружбою Антонія Великаго, былъ кротокъ и весьма мудръ, въ бесѣдахъ пріятель и полезенъ, имѣлъ способность услаждать души скорбящихъ и располагать ихъ къ радости, хотя-бы онѣ подавляемы были скорбію необходимою. Таковъ былъ онъ и въ собственныхъ несчастіяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, страдая тяжелою и неизлечимою болѣзнію и испорченныя члены своего тѣла позволивъ рѣзать врачамъ своимъ, онъ руками плелъ финиковыя листья, а присутствующимъ совѣтовалъ не скорбѣть при взглядѣ на его страданія и думать только о томъ, что все, творимое Богомъ, достигаетъ непремѣнно благой цѣли, что слѣдовательно испытываніе такихъ страданій принесетъ ему пользу, и что, можетъ

быть, посылается по грѣхамъ, за которые принять наказаніе лучше здѣсь, чѣмъ послѣ этой жизни. Моисей, по преданію, очень славился кротостію, любовію и исцѣленіями страданій, совершенными молитвою. А Піоръ, съ юности рѣшившись посвятить себя любомудрію, вышелъ для сего изъ отеческаго дома и далъ обѣтъ Богу не видѣть никого изъ родственниковъ. Но чрезъ пятьдесятъ лѣтъ, сестра его узнала, что онъ живъ и, бывъ поражена чрезмѣрною радостію отъ этой неожиданной вѣсти, не могла утерпѣть, чтобы не повидаться съ своимъ братомъ. Видя ее на старости скорбящею объ этомъ и виняая усильному ея прошенію, тамошній епископъ сжался надъ нею и написалъ предстоятелямъ пустынныхъ монаховъ, чтобы они прислали Піора. Получивъ повелѣніе идти, Піоръ не могъ противорѣчить; потому что египетскимъ монахамъ, да вѣроятно и другимъ, не позволялось не слушаться приказаній. Итакъ, взявъ себѣ сопутника, онъ отправился на родину и, остановившись предъ родительскимъ домомъ, далъ знать о своемъ прибытіи. Потомъ, услышавъ стукъ дверей, зажмурилъ глаза и, назвавъ сестру по имени, сказалъ ей: я твой братъ, Піоръ; смотри на меня, сколько хочешь. Она, обрадовавшись, принесла Богу благодареніе; а онъ, помолившись у дверей, возвратился въ мѣсто своего жительства. Тамъ, выкопавъ колодезь, Піоръ нашелъ въ немъ горькую воду и пользовался ею до самой смерти. Великость его воздержанія открылась въ послѣдующее время;

ибо когда онъ умеръ, въ томъ самомъ мѣстѣ многимъ хотѣлось любомудрствовать, но никто не могъ перенести этого. Впрочемъ, я увѣренъ, что если-бы Шюрь не рѣшился такимъ образомъ любомудрствовать, нетрудно было-бы ему ту воду измѣнить въ панитокъ сладкій; ибо онъ-же сдѣлалъ, что вода открылась тамъ, гдѣ ея не было. Въ самомъ дѣлѣ, рассказываютъ, что сподвижники Моисея, копавшіе тотъ колодезь, уже готовы были отказаться отъ своего труда, потому что не находили ни чаемаго родника, ни воды во глубинѣ колодезя. Но около полудня пришелъ къ нимъ Шюрь и сперва привѣтствовалъ ихъ, а потомъ укоривъ за невѣріе и малодушіе, сошелъ въ выкопанную яму, помедлился, и — едва три раза ударилъ землю киркою, вода тотчасъ потекла и наполнила яму. Когда-же Шюрь съ молитвою пошелъ прочь, а сподвижники Моисея стали просить его вкусить съ ними нищи; то онъ не послушался ихъ и сказалъ, что не для того посланъ и что то, для чего приходилъ, совершилось.

ГЛАВА 30.

О скитскихъ монахахъ: Оригенъ, Дидимъ, Кроніонъ, Орсісій, Путьвастіи, Арсіонъ, Аммонъ, Евсевій, и братья Діоскора, называемыхъ Длинными, также о философи Евagrii.

Въ тоже время въ скитскихъ монастыряхъ славились еще: старецъ Оригенъ, остальной ученикъ Антонія Великаго, Дидимъ, Кроніонъ, дожившій уже до ста десяти лѣтъ, Арсісій Великій, Путьвастіи, Арсіонъ и Серапіонъ, — современники Антонія Великаго. Состарѣвшіеся въ

любомудріи, они тогда были предстоятелями тамошнихъ монастырей, а съ ними достигали извѣстности многіе прекрасные и доблестные мужи возраста болѣе юнаго и средняго, на-примѣръ, Аммоній, Евсевій и Діоскоръ, которые были братьями и, по росту, получили названіе Длинныхъ. Говорятъ, что этотъ Аммоній достигъ высоты любомудрія, мужественно побѣждалъ удовольствіе и самоугожденіе и былъ весьма ученъ, такъ что перечиталъ сочиненія Оригена, Дидима и другихъ духовныхъ писателей, и отъ юности до кончины не вкушалъ ничего бывшаго на огнѣ, кромѣ хлѣба. Однажды хотѣли взять его и рукоположить въ епископа; но онъ, сколько ни отговаривался, не могли убѣдить пришедшихъ, чтобы они удалились, отрѣзалъ себѣ ухо и сказалъ: ступайте; теперь уже, если бы я и хотѣлъ, церковный законъ не позволилъ бы рукоположить меня; ибо іерею надлежитъ быть безъ тѣлесныхъ недостатковъ. Пришедшіе удалились; но потомъ, вздумавъ, что этотъ законъ надобно соблюдать только Іудеямъ, христіанская же Церковь нисколько не заботится о тѣлѣ, былъ бы только іерей безъ недостатковъ нравственныхъ, — возвратились, съ намѣреніемъ взять этого мужа. Но онъ поклялся, что отрежетъ себѣ языкъ, если употреблено будетъ насиліе. Тогда, испугавшись угрозы, они удалились. Съ того времени Аммонія прозвали безухимъ (*παράτης*) Не много спустя послѣ этого царствованія, въ дружбѣ съ Аммоніемъ находился мудрый Евagrii, мужъ ученѣйшій, сильный умомъ и сло-

вомъ и особенно способный различать мысли, ведущія къ добродѣтели и пороку, и располагаться такъ, чтобы первыя развивать, а послѣднихъ остерегаться. Впрочемъ, каковъ онъ былъ въ ученomъ отношеніи, покажутъ оставшныя имъ сочиненія. Нравъ его отличался, говорятъ, умѣренностію и обнаруживалъ столь мало тщеславія и гордости, что, какъ заслуженныя похвалы не надмевали его, такъ и незаслуженныя укоризны не возбуждали въ немъ огорченія. Евагрій родился въ городѣ Ивирѣ, лежащемъ у такъ называемаго Понта эвкенискаго, а любомудрствовалъ и учился священному Писанію у назіанзенскаго епископа Григорія, при которомъ, въ бытность его предстоятелемъ константинопольской Церкви, служилъ архидіакономъ. Лицемъ былъ онъ пріятель и любилъ изыщно одѣваться. Нѣкто изъ вельможъ, замѣтивъ его знакомство съ своею женою, воспламенился ревностію и задумалъ убить его. Когда умыселъ готовился уже привести въ исполненіе, — Богъ послалъ ему во время сна странное и вмѣстѣ снасительное сновидѣніе. Казалось, будто онъ захваченъ былъ въ преступленіи и будто руки и ноги его закованы въ желѣзы. Вотъ уже хотятъ вести его въ судъ и подвергнуть казни. Тутъ нѣкто, подошедши, показалъ ему святую книгу Евангелій и, обѣщавшись избавить его отъ узъ, если только онъ выйдетъ изъ города, потребовалъ отъ него клятвы, что сдѣлаетъ это. Евагрій, прикоснувшись къ книгѣ, поклялся въ рѣшимости поступить

по требованію и, освобожденный отъ оковъ, тотчасъ проснулся и, вѣря божественному сновидѣнію, избѣгъ опасности. Задумавъ вступить въ подвижническую жизнь, онъ изъ Константинополя перешелъ въ Иерусалимъ и, чрезъ нѣсколько времени прибывъ посмотрѣть на скитскихъ любомудрствователей, заблагоразсудилъ тамъ остаться.

Г Л А В А 31.

О нитрійскихъ и такъ называемыхъ келлійскихъ монастыряхъ; также о жительствѣ Риокуруровъ, а Меланъ, Діонисіе и Соломъ.

То мѣсто называютъ Нитріею, потому что въ этомъ пограничномъ селеніи собираютъ селитру (*nitron*). Тамъ находилось не малое число любомудрствователей; ибо было до пятидесяти смѣжныхъ одинъ съ другимъ монастырей, частію общежительныхъ, частію келейныхъ. Оттуда, по направленію въ глубину пустыни, есть и другое мѣсто въ разстояніи почти семидесяти стадій, называемое Келліа. Тамъ разсѣяно множество монашескихъ жилищъ, получившихъ имя того урочища. Онѣ столь удалены одно отъ другаго, что жители ихъ не могутъ ни видѣть, ни слышать другъ друга; впрочемъ все сходится въ одно мѣсто и дѣлаютъ церковныя собранія въ первый и послѣдній день недѣли. А кто изъ нихъ не пришелъ, — значило, что онъ отсутствуетъ не по своей волѣ, но задержанъ либо недугомъ какимъ-нибудь, либо болѣзнію. И навѣститъ его для врачеванія идутъ не все вдругъ, но въ разные времена каждый, и каждый не-

сеть съ собою, что имѣеть противъ его болѣзни. Независимо же отъ этой причины, они не бесѣдуютъ одинъ съ другимъ, развѣ иной приходитъ къ благоглаголивому брату съ намѣреніемъ поучиться, то есть, — для поставленій касательно познанія Бога и пользы душевной. Живутъ по кельямъ однакожь только достигшіе высоты любомудрія, могущіе управлять самими собою и проводить время въ уединеніи, отдѣлившись отъ другихъ, ради тишины. Все это о скитѣ и тамошнихъ любомудрствователяхъ сказали мы кратко; потому что если-бы я взялся описывать подробности ихъ жизни, то читатели, можетъ быть, стали-бы порицать это сочиненіе за его растянутость. Слѣдуя своему особенному уставу жителства, упомянутые любомудрствователи для каждаго возраста назначали приличныя ему дѣла, занятія и упражненія, родъ пищи и время. Съ тѣхъ дней стала славиться и Рипокурса — не пришлыми, а туземными доблестными мужами. Изъ распросовъ извѣстно мнѣ, что отличными тамошними любомудрствователями были: Меланъ, тогдашній правитель Церкви, Діонисій, имѣвшій свою обитель въ сѣверной части города, Солонъ братъ Мелана и преемникъ его епископства. Рассказываютъ, что когда вышло повелѣніе изгонять всѣхъ по городамъ іереевъ, мыслившихъ несогласно съ Аріемъ, — пришедшіе взять Мелана нашли его, будто послѣдняго слугу, за дѣланіемъ церковныхъ свѣчей, подпоясанаго по плану загрязнившимся отъ масла поясомъ и несшаго свѣтильни.

На вопросъ ихъ о епископѣ, Меланъ сказалъ: онъ здѣсь, я вамъ укажу его, — и тотчасъ этихъ мужей, какъ утомившихся отъ пути, ввелъ въ епископскія комнаты, предложилъ имъ трапезу и какую случилось пищу. А послѣ стола, вымывъ имъ руки, — ибо самъ служилъ при столѣ, — показалъ имъ въ себѣ епископа. Пришельцы изумились и, хотя признались, зачѣмъ пришли, однакожь, уважая этого мужа, оставили ему свободу бѣжать. Но онъ сказалъ, что и не думаетъ устраняться отъ участи единомышленныхъ съ нимъ іереевъ и охотно избираетъ отшествіе въ ссылку. Любомудрствуя съ юности, Меланъ стяжалъ всякую монашескую добродѣтель. Да и Солонъ, изъ купца сдѣлавшись монахомъ, получилъ себѣ отъ того не малую пользу. Старательно учась у своего пастыря — брата и другихъ тамъ любомудрствовавшихъ, онъ и къ богопочтенію обнаруживалъ особенную ревность, и къ ближнимъ показывалъ доброту. Имѣвъ съ самаго начала такихъ предстоятелей, рипокурская Церковь съ того времени процвѣтаетъ до нынѣ и, слѣдуя даже теперь прежнимъ уставамъ, образуетъ въ себѣ мужей доблестныхъ. У тамошнихъ клириковъ и жилище, и столъ, и все прочее — обще.

ГЛАВА 52.

О монахахъ палестинскихъ—Исидръ и Епифаній, который впоследствии былъ кипрскимъ епископомъ, также объ Аммоніи и Сильванъ.

Жилищами мужей монашествующихъ процвѣтала и Палестина; ибо монашество украша-

лось тамъ частію многими еще изъ тѣхъ, которые перечислены мною при описаніи царствованія Констанціева, частію лицами, подъ ихъ руководствомъ достигшими высоты добродѣтели и для большей славы вступившими въ тамошнія обители. Къ нимъ относились — Исиха, другъ Иларіона, и Епифаній, впоследствии бывшій саламинскимъ епископомъ въ Кипрѣ. Исиха любомудрствовалъ тамъ же, гдѣ и его учитель, а Епифаній — близъ своей родины, селенія Визандухи, находившагося въ номѣ элевѣропольской. Съ юности наставленный опытнѣйшими монахами, и для того весьма долго жившій въ Египтѣ, Епифаній, по монашескому любомудрію, приобрѣлъ знаменитость и у Египтянъ, и у Палестинцевъ, и у Кипрягъ, которые избрали его въ епископа митрополіи своего острова. Черезъ это-то особенно, думаю, слава о немъ распространилась во всей, такъ сказать, подсолнечной; ибо и священнодѣйствуя среди народнаго собранія, въ большомъ и приморскомъ городѣ, и съ такою добродѣтелію входя въ дѣла гражданскія, онъ въ короткое время сталъ извѣстенъ и горожанамъ, и различнымъ иностранцамъ: первымъ потому, что они видѣли его и узнавали образъ его жизни, а послѣднимъ потому, что они слышали о немъ отъ первыхъ. Прежде же своего прибытія на островъ Кипръ, въ упомянутое царствованіе жилъ онъ еще въ Палестинѣ, когда въ тамошнихъ обителяхъ весьма славилась братья — Саламиній, Фускоцъ, Малхіонъ и Крисціонъ. Они любомудрствовали близъ селенія

Веолинъ, находившагося въ газской номѣ, и причислялись къ благородному тамошнему сословію, а учились этому любомудрію у Иларіона. Рассказываютъ, что однажды, когда они шли отъ него домой, Малхіонъ какъ-бы изторгнуть былъ изъ среды ихъ и сталъ невидимъ, потомъ печально снова явился и шелъ вмѣстѣ съ братьями. Вскорѣ послѣ сего, бывъ еще юношею, но въ любомудріи добродѣтелію жизни и боголюбивостію не отставая отъ старцевъ, онъ скончался. Въ разстояніи стадій десяти отъ Веолинъ, близъ газскаго селенія Хафарховры, мѣста своей родины, жилъ Антоній, мужъ жизни строгой, мужественно совершавшій поприще подвижничества. Сильванъ же, которому, за великія его добродѣтели, говорятъ, видимо служилъ Ангелъ, бывъ родомъ изъ Палестины, тогда любомудрствовалъ, кажется, еще въ Египтѣ, а послѣ, проживъ нѣсколько времени на горѣ Синаѣ, въ Герарахъ, у источника, основалъ обширнѣйшую и знаменитѣйшую общежительную обитель весьма-многихъ мужей доблестныхъ, которою потомъ управлялъ дивный Захарій.

ГЛАВА 35.

О сирскихъ монахахъ, — Ватвель, Евсевій, Варгін, Аль, Авостъ, Лазаръ, Авдалеостъ, Зиновъ, Илѣодоръ, Евсевій карскомъ, Протогенъ и Аонъ.

Отсюда надобно идти въ Сирію и къ сопродѣльнымъ съ Сирійцами Персамъ, между которыми, соревнуя любомудрствователямъ египетскимъ, иноки весьма размножились. Между ними у Низибійцевъ, близъ такъ называемой горы Сигоръ,

тогда особенно славились Ватоей, Евсевій, Варгій, Ала, Аввостъ, Лазарь, бывший епископомъ, Авдалеосъ, Зинопъ и старецъ Иліодоръ. Ихъ называли также пасущимися, ибо они положили начало этому новому роду любомудрія. Такое названіе дано имъ потому, что они не имѣютъ жилищъ, не ѣдятъ хлѣба и вареной пищи, и не пьютъ вина, но, живя въ горахъ, всегда славословятъ Бога молитвами и пѣснями по уставу Церкви. Когда же наступаетъ время вкусить пищу,—каждый изъ нихъ, взявъ серпъ, отправляется бродить по горѣ, будто пасущееся животное, и питается растеніями. Такъ-то любомудествовали нѣкоторые изъ нихъ. Между тѣмъ въ Каррѣ славился Евсевій, на престолѣ епископскомъ по охотѣ занимавшійся также любомудріемъ, и Протогенъ, управлявшій карскою Церковію послѣ тамошняго епископа Вита,—того знаменитаго Вита, котораго въ первый разъ встрѣтивъ царь Константинъ, говорятъ, признался, что этого мужа давно уже и неоднократно Богъ показывалъ ему въ видѣніяхъ и повелѣвалъ повиноваться словамъ его. Равнымъ образомъ и Аонъ имѣлъ у себя обитель въ Фаданѣ, гдѣ потомокъ Авраамовъ — Іаковъ, пришедши изъ Палестины, встрѣтился съ дѣвою, которая потомъ была его женою, и снявъ камень съ колодезя, въ первый разъ наполнилъ ее стадо. Говорятъ, что этотъ Аонъ въ Сиріи, подобно Антонію въ Египтѣ, прежде всѣхъ людей положилъ начало строгому любомудрію.

ГЛАВА 54.

Объ эдескихъ монахахъ—Юліанъ, Ефремъ сирскомъ, Варсіи, Евлогій; также о монахахъ келесирійскихъ, галатійскихъ, каппадокійскихъ и другихъ, и о причинахъ долготѣли преемствъ святыхъ.

Вмѣстѣ съ нимъ жили и въ такой же добродѣтели соревновали ему Гаддана и Азизъ. А въ сосѣдней Эдессѣ и окрестностяхъ ея, около этого времени, знаменитѣйшими любомудрствователями были — Юліанъ и сирскій писатель Ефремъ, упомянутый нами при описаніи царствованія Констанціява, также Варсіи и Евлогій, оба впоследствии бывшіе епископами не какого-нибудь города, но ради чести и какъ-бы въ вознагражденіе за жизнь, рукоположенные въ собственныхъ своихъ монастыряхъ. Точно такимъ же образомъ поставленъ былъ въ епископа и упомянутый Лазарь. Эти-то изъ числа тогдашнихъ знаменитыхъ любомудрствователей въ Сиріи и пограничной съ нею Персіи сдѣлались извѣстны намъ. Правила жительства у всѣхъ ихъ были, такъ сказать, общими: сколько можно болѣе щещись о душѣ; посредствомъ молитвъ, постовъ и священныхъ пѣснопѣній причать се къ готовности оставить здѣшнія блага и въ этомъ проводить большую часть жизни; а деньги, занятіе житейскими дѣлами, пѣгу тѣла и попеченіе о немъ пренебрегать совершенно. Нѣкоторые изъ подвижниковъ достигли до такой степени воздержанія, что, на-примѣръ, у Ватоея отънеденія изъ зубовъ выползали черви, Ала до семидесяти лѣтъ не вкушалъ хлѣба, а Иліодоръ по дѣламъ недѣламъ соблюдалъ постъ

и многія ночи проводилъ безъ сна. Сирія же, или такъ называемая Кела, и страна за нею, кромѣ Антиохіи, хотя медленно принимали Христіанство, однако не оставались также безъ духовныхълюбомудрствователей. И эти мужи были и казались тѣмъ мужественнѣе, чѣмъ больше испытывали ненависти и козней отъ тамошнихъ жителей: они великодушно противодѣйствовали имъ, не защищаясь и не отмщая за себя, но съ готовностію перенося оскорбленія и побой со стороны язычниковъ. Таковы были, какъ я слышалъ, — Валентинъ, котораго одни почитаютъ уроженцемъ Эмиссы, а другіе — Ареузы, еще соименикъ его и Феодоръ, — оба изъ Титтовъ, нумы апамейской, также Мароза, изъ Нехиловъ, Вассъ, Вассоній и Павель, который, происходя изъ селенія Телмисы, во многихъ мѣстахъ основалъ много общежительныхъ монастырей, и, какъ слѣдовало, руководилъ ихъ къ уразумѣніюлюбомудрія, а наконецъ въ странѣ такъ называемой Югитѣ устроилъ величайшую и знаменитѣйшую общину монаховъ. Тамъ онъ и скончался, тамъ и гробъ его — предѣлъ жизни долговременной; ибо Павель, слѣдуя славному и святому способулюбомудрія, дожилъ до нашего времени. Впрочемъ и другіе изъ упомянутыхъ монаховъ почти всѣ жили долго. Имъ же кажется, что этимъ мужамъ Богъ даровалъ долготѣе, желая чрезъ то распространить вѣру; ибо къ своему богопочтенію они привели почти всѣхъ Сирійцевъ и весьма многихъ изъ Персовъ и Сарациновъ, такъ что успѣхи язычества у

этихъ народовъ остановились. Притомъ, поживъ въ тѣхъ странахъ начало монашескомулюбомудрію, они образовали не мало подобныхъ себѣ подвижниковъ. Я полагаю, что и Галатійцы, и Каппадокіане, и пограничные съ ними народы имѣли также много другихъ церковныхълюбомудрствователей, ибо издавна ревностно держались христіанскаго ученія. Большая часть ихъ жили общинами по городамъ и селеніямъ, — во первыхъ отъ того, что еще не освоились съ преданіемъ предковъ, во вторыхъ отъ того, что въ случаѣ холодной зимы, которая, по свойству тамошней мѣстности, бываетъ не рѣдко, жить въ пустынѣ казалось имъ дѣломъ невозможнымъ. Славнѣйшими монахамъ, какъ я слышалъ, были тамъ — Леонтій, впоследствии управлявшій апкирскою церковію, и Прандій, который уже въ старости епископствовалъ надъ многими селеніями и подъ своимъ начальствомъ имѣлъ также Василіаду, то-есть, знаменитый странноприимный домъ для бѣдныхъ, построенный кесарійскимъ епископомъ Василіемъ, отъ котораго онъ съ самаго начала получилъ и до нынѣ удерживаетъ свое названіе.

ГЛАВА 55.

О деревянномъ треножникѣ и о преемствѣ царя, дозволяемомъ посредствомъ складыванія буквъ; также объ убійствѣ философовъ и объ астрономіи.

О церковныхълюбомудрствователяхъ, сколько имъ досталось узнать, я рассказалъ: алюбомудрствователи языческіе въ то время почти всѣ погибли; ибо нѣкоторые изъ нихъ, въ лю-

бомудрїи имѣвшіе, по видимому, преимущество предъ другими и взиравшіе съ досадою на возрастаніе Христіанства, вздумали предузнавать, кто послѣ Валента будетъ царствовать надъ Римлянами, и касательно этого обращались къ разнымъ оракуламъ, а наконецъ, сдѣлавъ изъ лавроваго дерева треножникъ, произносили заклинанія и обычныя себѣ слова, такъ чтобы изъ сложенія буквъ, соотвѣствующихъ каждому звуку, который производился искусствомъ треножника и оракуломъ, выходило имя будущаго царя. Поколикъ желанія ихъ склонялись къ Θεодору, находившемуся тогда въ числѣ знаменитыхъ вонтелей при дворѣ,—къ язычнику, впрочемъ мужу отличному; то порядокъ звуковъ, доходившій до дельты этого имени, обманулъ философовъ. Между тѣмъ какъ они ждали, что вотъ скоро воцарится Θεодоръ, о желаніи ихъ было допесено,—и Валентъ, подумавъ, будто злоумышляютъ противъ его благополучія, неукротимо воспламенился гнѣвомъ. Тотчасъ взяты были—и Θεодоръ, и дѣлатели треножника, и однимъ изъ нихъ назначено погибнуть отъ огня, а другимъ отъ меча. Почти по этой-же причинѣ знаменитые философы истреблены и во всей имперіи. Такъ какъ гнѣвъ царя былъ неукротимъ, то убійство распространилось и на философовъ, если они носили философскую одежду, до того, что и занимавшіеся другимъ дѣломъ, избѣгая опасности и боясь, какъ-бы не подумали, что они занимаются провѣщаніями и тайными науками, отнюдь не одѣвались въ на-

левыя плащи. Между тѣмъ люди здравомыслящіе, по моему мнѣнію, справедливо порицали столько-же царя—за чрезмѣрность его гнѣва и жестокости, сколько и философовъ—за безразсудство и не философское предпріятіе. Царь, принявъ намѣреніе умертвить своего преемника престола, не пощадилъ ни прорицателей, ни того, о комъ они провѣщавали, не пощадилъ даже и лицъ сомненныхъ ему. Въ числѣ-же людей, носившихъ это и подобныя этому названія, тождезвучныя съ Θ до δ, были тогда мужи знаменитые. А философы, приступивъ къ упомянутому дѣлу, не подумали, что не въ ихъ власти одного царя низложить, а другаго возвести на престоль. И дѣйствительно, положимъ, что пресемство царей открывасмо было движеніемъ звѣздъ,—въ такомъ случаѣ принадлежало ждать будущаго, кто-бы онъ ни былъ. А если это есть дѣло воли Божіей, то къ чему тѣ хлопоты? Предвѣднїемъ или стараніемъ человѣческимъ уразумѣть судьбы Божіи никакъ невозможно,—да хотябы и возможно,—все дерзко думать, что люди, пусть даже самые мудрые, судятъ лучше Бога. Когда-же до такой безразсудности дошли они просто изъ желанія знать будущее, то, бросаясь въ открытую пропасть и презирая древніе, данныя Римлянамъ законы, тогда какъ язычествовать и приносить жертвы не было опасности, мыслили неодинаково съ Сократомъ, который, имѣя возможность спастись и въ то-же время собираясь выжить несправедливо подносимый себѣ ядъ, по уваженію къ

лежавшимъ на немъ и воснигавшимъ его законамъ, хотя и могъ, не убѣжалъ изъ темницы.

ГЛАВА 56.

О вооруженіи противъ Сарматовъ и о смерти Валентиніана въ Галліи. Провозглашеніе Валентиніана Младшаго. О гоненіи на іереевъ и о рѣчи философа Фемистія, дѣйствиель которой Валентъ сдѣлалъ челоуѣколюбивѣе къ несогласовавшимъ съ собою Христіанамъ.

Но объ этомъ пусть великій разсуждаетъ и говоритъ, какъ ему кажется. Потомъ на нѣкоторыя мѣста имперіи сдѣлали набѣгъ Сарматы, и Валентиніанъ долженъ былъ идти на нихъ войною. Услышавъ однакожь о приготовленіи и многочисленности римскаго войска, это варварское племя прислало пословъ и стало просить мира. Видя ихъ, царь спросилъ: неужели Сарматы всѣ таковы?—и когда они отвѣчали, что находящіеся на лицо и составляющіе посольство суть благороднѣйшіе изъ нихъ, то онъ исполнился гнѣва и съ громкимъ крикомъ сказалъ: какъ бѣдственно положеніе нашихъ подданныхъ и какъ несчастно въ глазахъ нашихъ римское правительство, если и варварскій народъ, Сарматы, изъ которыхъ эти посятъ титулы благородныхъ, не довольствуясь жизнью въ предѣлахъ своей страны, дерзнули сдѣлать набѣгъ на управляемую мною имперію и даже мечтаютъ воевать съ Римлянами! Долго пламени гнѣвомъ и такимъ образомъ крича, онъ отъ чрезмѣрнаго напряженія, привелъ свою внутренность въ такое сотрясеніе, что жилы и артеріи въ немъ изорвались, и изъ нихъ пошла кровь, отъ чего въ одной гальской крѣпости онъ скон-

чался, проживъ около пятидесяти четырехъ лѣтъ, а процарствовавъ съ особливою великою славою тринадцать. Въ шестой день по кончинѣ отца, войско провозгласило царемъ юнѣйшаго и соименнаго ему сына; а вскорѣ это избраніе подтверждено было также мнѣніемъ Валента и брата его Граціана, хотя сначала они досадовали, что знаки царской власти возложены на него войскомъ безъ ихъ согласія. Въ это время Валентъ, живя въ Антиохіи сирійской, еще болѣе негодовалъ на Христіанъ, несогласовавшихъ съ нимъ въ мнѣніяхъ о Богѣ, жестоко притѣснялъ ихъ и преслѣдовалъ. Но философъ Фемистій, произнеши предъ нимъ рѣчь, доказавъ ему, что разногласіе церковныхъ ученій удивляться не должно, что оно умѣреннѣе и слабѣе, чѣмъ у язычниковъ, которыхъ мнѣнія разнообразны, и что при множествѣ догматовъ, несогласіе касательно ихъ необходимо производитъ также много споровъ и ссоръ. Сверхъ того, можетъ быть и Богу угодно, чтобы Его не легко познавали и имѣли о Немъ разныя мнѣнія, чтобы, сознавая недоступность совершеннаго вѣдѣнія о Богѣ, каждый тѣмъ болѣе боялся Его, и изъ того, сколь далеко кому удалось взойти, заключалъ самъ собою, каковъ Богъ и сколь великъ Онъ.

ГЛАВА 57.

О Варварахъ за Истромъ, что изгнаніи Гуннами, они пришли къ Римлянамъ и сдѣлались Христіанами; также объ Ульфилѣ и Аларихѣ, что случилось съ ними, и о томъ, откуда они заимствовали аrianство.

Послѣ такихъ словъ Фемистія царь сдѣлался какъ-то челоуѣколюбивѣе и не съ прежнею

жестокостию подвергалъ православныхъ наказаніямъ. Впрочемъ гнѣвъ его не со всѣмъ бы пощадилъ по крайней мѣрѣ духовныхъ, еслибы при-
взошедшее попеченіе о дѣлахъ общественныхъ не отвлекло его отъ зачатій этого рода. Готы, обитали прежде за рѣкою Истромъ и владычествовали надъ другими Варварами. Но бывъ изгнаны такъ называемыми Гуннами, они подошли къ предѣламъ римской имперіи. Народъ Гунны, говорятъ, не были извѣстны ни прежнимъ при-
стрийскимъ Фракійцамъ, ни самимъ Готамъ. Сходясь своими границами, они не знали одинъ другаго потому, что между ними лежало величайшее озеро и что каждый, паселя свой берегъ, почиталъ его концемъ земли, за которымъ уже—море и безпредѣльное пространство водъ. Но случилось, что одинъ, укушенный оводомъ волъ перешелъ чрезъ озеро и что за нимъ слѣдовалъ пастухъ, который, на другой сторонѣ увидѣвъ землю, возвѣстилъ о томъ своимъ единоплеменникамъ. А иные рассказываютъ, что дорогу, по поверхности закрытую водою, показалъ Гуннамъ олень, за которымъ они гнались. Подивившись страиъ, отличающейся умѣренностию воздуха и богатствомъ плодовъ, они тогда возвратились и возвѣстили царю своего народа о томъ, что видѣли. Первый опытъ войны ихъ противъ Готовъ былъ въ малыхъ силахъ, но потомъ, вооружившись всѣмъ своимъ могуществомъ, они разбили своихъ соседей и взяли всю ихъ землю. Бывъ преслѣдуемы, Готы вступили въ предѣлы римской Имперіи и, не-

решедши рѣку, отправили пословъ къ Царю съ обѣщаніемъ, что впредь будутъ помогать Римлянамъ въ войнахъ, и просили дозволенія поселиться на ихъ землѣ по желанію. Главнымъ лицомъ этого посольства былъ готскій епископъ Ульфила. Такъ какъ все вышло согласно съ ихъ желаніемъ, то они стали селиться по Фракіи, но вскорѣ потомъ, возмущившись одни противъ другихъ, раздѣлились на двѣ части, изъ которыхъ одною управлялъ Аванарихъ, а другою—Фритигернъ. Возгорѣлась междоусобная война, въ которой Фритигернъ, испытавъ неудачу, просилъ Римлянъ помочь себѣ. Когда же царь рѣшился помогать ему и повелѣлъ стоявшимъ во Фракіи войскамъ поддерживать его своимъ оружіемъ,—онъ, снова сразившись, одержалъ побѣду и Готовъ Аванариховыхъ обратилъ въ бѣгство. А чтобы отблагодарить Валента и доказать ему дружбу во всемъ, принялъ общеніе въ его неповѣданіи и подвластныхъ себѣ Варваровъ убѣдилъ согласиться съ нимъ въ образѣ мыслей. Впрочемъ, не это одно, кажется, было причиною, что все помянутое племя донынѣ предано аріанскому ученію. Тогдашній готскій святитель Ульфила сперва ни въ чемъ не разпогласилъ съ католическою Церковію, да и послѣ, въ царствованіе Констанція, хотя по неосмотрительности, думаю, и присутствовалъ съ Евдоксіемъ и Акакіемъ на Соборѣ константинопольскомъ, однакожъ въ общеніи постоянно находился съ іереями, державшимися вѣры отцевъ никейскихъ. Но когда онъ прибылъ въ

Константинополь по случаю посольства, то предстоятели арианской ереси, разсуждая съ нимъ о догматахъ, говорятъ, обѣщались ходатайствовать предъ царемъ объ успѣхъ его дѣла, если онъ приметъ ихъ образъ мыслей. И тутъ-то, побуждаемый ли необходимостію, или дѣйствительно подумавъ, что такъ мыслить о Богѣ лучше, Ульфила и самъ вступилъ въ общеніе съ Аріанами, и все племя отторгъ отъ каѳолической Церкви; потому что наставляемые имъ, какъ учителемъ въ благочестіи, и познакомившіеся чрезъ него съ болѣе кроткими правилами жизни, Готы легко вѣрили ему во всемъ и были убѣждены, что въ его словахъ и дѣлахъ нѣтъ ничего худого, но что все служитъ къ пользѣ ревностной ихъ вѣры. Онъ даже показалъ имъ весьма много опытовъ своей добродѣтели,—съ одной стороны, подвергаясь опасностямъ за ученіе, когда упомянутые Варвары неповѣдывали еще вѣру языческую,—съ другой, сдѣлавшись для нихъ первымъ изобрѣтателемъ письменъ и переводчикомъ священныхъ книгъ на отечественный языкъ. И такъ, эта-то вообще была причина, почему Варвары при Истрѣ имѣли арианскій образъ мыслей. Въ то же время многіе Христіане, изъ числа подвластныхъ Фригитерну, умерли за Христа мученическою смертію; ибо Аванарихъ, досадуя, что и его подданные, подъ вліяніемъ убѣжденій Ульфилы, принимаютъ Христіанство, и что тѣмъ самымъ отечественная вѣра ихъ упраздняется, подвергъ многихъ различнымъ казнямъ, — од-

нихъ, державшихъ мужественно защищать свое ученіе, предалъ на истязанія, а другихъ, не позволивъ имъ и оправдываться, прямо умертвилъ. Говорятъ, что лица, которымъ это приказано было отъ Аванариха, поставили на колесницу одинъ истукапъ и возили его по домамъ всѣхъ, объявившихъ себя Христіанами, повѣлывая поклоняться ему и приносить жертвы. И тѣ дома, въ которыхъ отказывались совершать предписываемое поклоненіе, были сожигаемы вмѣстѣ съ людьми. Слышалъ я, что тогда случилось нѣчто, еще поразительнѣе этого. Многіе, какъ мужчины, такъ и женщины, изъ которыхъ однѣ вели съ собою дѣтей, а другія несли новорожденныхъ младенцевъ, питая ихъ своею грудью, когда язычники хотѣли заставить ихъ силою приносить жертву, скрылись подъ сѣнь тамошней церкви, и какъ скоро она была зажжена, всѣ въ ней сгорѣли. Впрочемъ Готы скоро пришли къ взаимному единомыслію и, возмущившись, начали злодѣйствовать во Фракіи и опустошать ея города и селенія. Услышавъ объ этомъ, Валентъ дозналъ опытомъ, сколь важную сдѣлалъ онъ ошибку; ибо думая, что они и себѣ и имперіи будутъ полезны, а для непріятелей, какъ народъ всегда вооруженный, страшны, онъ вознерадѣлъ о римскихъ легіонахъ и, вмѣсто обыкновеннаго пополненія войскъ рекрутами по римскимъ городамъ и селеніямъ, требовалъ отъ нихъ денегъ. Обманувшись въ своей надеждѣ, царь оставилъ Антиохію и быстро пріѣхалъ въ Константинополь. По этому

случаю гоненіе на несогласовавшихся съ нимъ Христіанъ остановилось. Между тѣмъ по смерти Евзоя, на его каѳедру возведенъ былъ и пред- стоятельстввалъ надъ аріанами Феодоръ.

ГЛАВА 58.

О сарацинской царицѣ Мавіи и о томъ, что, при разрывѣ союза Сарацинъ съ Римлянами, миръ между ними возстановленъ рукоположеніемъ для сарацинскихъ Христіанъ епископомъ Моусеемъ. Также объ Измаильтѣяхъ, Сарацинахъ и ихъ божествахъ, и о томъ, что у нихъ введено Христіанство патриархомъ изъ Зоколомъ.

Въ это самое время, по случаю смерти сарацинскаго царя, мирный договоръ Сарацинъ съ Римлянами былъ расторгнутъ. Супруга его Мавія, вступивъ въ управленіе народомъ, начала опустошать города Финикіи и Палестины, и свои опустошенія простерла до странъ египетскихъ, лежащихъ въ такъ называемой Аравіи, по лѣвой сторонѣ Нила, когда плывешь противъ его теченія. Этой войны нельзя было почитать легкою, хотя ее вела женщина. Борьба, говорятъ, происходила упорная и со стороны Римлянъ неодолимая, такъ что предводитель финикійскихъ войскъ долженъ былъ звать себя на помощь главнаго военачальника всей стоявшей на востокѣ конницы и пѣхоты. Этотъ военачальникъ, смѣясь надъ его приглашеніемъ, запретилъ ему участвовать въ битвѣ, и, устроивъ войска, самъ пошелъ на Мавію, но, обращенный въ бѣгство, едва спасся содѣйствіемъ палестинскихъ и финикійскихъ легіоновъ; ибо послѣдній, видя, что онъ въ опасности, счелъ дѣломъ безразсуднымъ, согласно съ его пове-

лѣніемъ, оставаться внѣ сраженія, по поспѣшно противоставъ Варварамъ, далъ ему время уйти съ большею безоопасностію, самъ же потомъ началъ отступать и, при отступленіи отстрѣляваясь, своими стрѣлами отражалъ нападавшихъ непріятелей. Многіе изъ тамошнихъ жителей и до нынѣ воспоминаютъ объ этомъ. А Сарацины то сраженіе воспѣваютъ въ пѣсняхъ. Такая тяжелая война заставила Римлянъ отправить къ Мавіи посольство съ предложеніемъ мира. Но Мавія, говорятъ, отвѣчала посламъ, что она, напротивъ, совершенно откажется отъ мирныхъ договоровъ съ Римлянами, если для ея подданныхъ не будетъ рукоположенъ въ епископа нѣкто Моусей, любомудрествовавшій тогда въ ближайшей пустынѣ,—мужъ, прославившійся святостию жизни, божественными знаменіями и чудесами. Обратившись къ царю и извѣстивъ его объ этомъ, воеводы взяли Моусея и привели его къ Лукію. Но Моусей, въ присутствіи начальства и стекшагося народа, сказалъ: я не могу достойно носить имя и санъ Архіерея. Если же Богу угодно даровать мнѣ это и не смотря на мое недостойнство, то все однако свидѣтельствуюсь Творцемъ неба и земли, что своихъ рукъ, обагренныхъ кровію и оскверненныхъ убійствомъ святыхъ мужей, ты на меня не возложишь. На это Лукій возразилъ ему: ты поступаешь несправедливо, отвращаясь отъ меня, когда еще не знаешь моей вѣры и прежде чѣмъ научился ей. А если узналъ ее отъ клеветниковъ, то послушай лучше меня самаго,

и будь судією словъ моихъ. Но твоя вѣра кажется мнѣ слишкомъ ясною, отвѣчалъ Моусей. Свидѣтели того, какова она, суть епископы, пресвитеры и діаконы, страдающіе въ изгнаніи и рудокопникъ. Такіе признаки богопочтенія, знаешь, вовсе чужды Христа и людей, право славящихъ Бога. Когда эти слова Моусей запечатлѣлъ клятвою, что отъ руки Лукіевой священства не приметъ, то римскіе правители, отвергнувъ Лукія, повели Моусея къ епископамъ, находившимся въ ссылкѣ. Рукоположенный ими, онъ возвратился къ Сарацинамъ и, примиривъ ихъ съ Римлянами, остался у нихъ священнодѣйствовать и многихъ обратилъ въ Христіанство. А прежде исповѣдниковъ Христіанства находилось тамъ очень мало; ибо это племя происходило отъ сына Авраамова Измаила и получило его имя. Древнихъ Сарациновъ, по прародителю ихъ, дѣйствительно называли Измаильянами; но чтобы изгладить улику незаконнаго рожденія и неблагородство матери Измаиловой Агари, которая была рабынею, Измаильяне стали называться Сарацинами, какъ будто бы, то-есть, они произошли отъ жены Авраамовой Сарры. Имѣя такое происхожденіе, все они, подобно Евреямъ, обрѣзываются, воздерживаются отъ свиного мяса и соблюдаютъ много другихъ еврейскихъ обычаевъ. А что въ жизни управляются не все тѣми же законами, — это надобно приписать времени и смѣшенію ихъ съ пограничными племенами; ибо Моусей, жившій спустя послѣ то-

го много времени, далъ законы только вышедшимъ изъ Египта. Между тѣмъ пограничныя съ ними народы, бывъ сильно преданы заблужденіямъ, вѣроятно, исказили отечественный образъ жизни Измаиловой, которымъ древніе Евреи до Моусеева законодательства пользовались однимъ, какъ закономъ не писаннымъ. Въ самомъ дѣлѣ, Сарацины чтили однихъ и тѣхъ же съ сосѣдами боговъ, одиѣ и тѣже воздавали имъ почести и усвоили названія. Въ этомъ сходствѣ ихъ вѣры съ сосѣдною открывается причина измѣненія законовъ ихъ отечества. Очень могло быть, что, по прошествіи долгаго времени, одно забыли они, а другое ввели у себя. Но потомъ нѣкоторые изъ нихъ, встрѣтившись съ Иудеями, узнали о своемъ происхожденіи и, возвратившись къ сродному себѣ, приняли еврейскіе обычаи и законы. Съ того времени многіе между ними и до нынѣ живутъ по-иудейски, а нѣкоторые, не за долго до настоящаго царствованія, начали христіанствовать и Христову вѣру приняли чрезъ обращеніе съ обитавшими вблизи іерейми и монахами, которые, любомуудрствуя въ прилежащихъ къ той странѣ пустыняхъ, славилась доблестію жизни и чудодѣйствіями. Рассказываютъ, что тогда обратилось къ Христіанству даже все ихъ племя и именно по случаю крещенія патриарха ихъ Зокома. Бывъ бездѣтенъ и привлекаясь славою одного монаха, онъ пришелъ побесѣдовать съ нимъ и сталъ жаловаться ему на свою участь; потому что у Сарациновъ, да кажется и у всѣхъ

Варваровъ, чадородіе весьма уважалось. Монахъ, убѣдивъ его сохранять присутствіе духа, помолился и, прощаясь съ нимъ, сказалъ ему, что онъ будетъ имѣть сына, если увѣруетъ во Христа. Это обѣщаніе Богъ оправдалъ самымъ дѣломъ: у Зокома родился сынъ,—и онъ, принявъ крещеніе самъ, крестилъ и всѣхъ своихъ единоплеменниковъ. Съ того времени это племя, говорятъ, начало благоденствовать и, размножившись, сдѣлалось страшнымъ для Персовъ и прочихъ Сарациновъ. Вотъ все, что узнали мы объ обращеніи Сарациновъ въ Христіанство и о первомъ епископѣ ихъ.

ГЛАВА 39.

О томъ, что, по удаленіи Лукія, Петръ возвратился изъ Рима и сталъ управлять египетскими церквами; также о походе Валента на западъ противъ Скивоовъ.

По городамъ ревнители ученія никейскаго Собора снова начали воодушевляться, особенно же сдѣлались мужественными египетскіе Александрійцы. По возвращеніи Петра изъ Рима съ грамотою Дамаса, подтверждавшаго его рукоположеніе и никейскій символъ, они отдали ему церкви; а изгнанный Лукій поплылъ въ Константинополь. Впрочемъ царь Валентъ, вѣроянно, развлекаемый заботами, не нашелъ времени отмстить за него, потому что, прибывъ въ Константинополь, замѣтилъ въ народѣ сильное къ себѣ подозрѣніе и ненависть: причина была та, что Варвары, опустошивъ Фракію, проникли до самыхъ предмѣстій столицы и не встрѣчая отпора, рѣшались уже лезть на стѣну. Это раз-

дражало жителей города, и вина падала на царя, что онъ не выступаетъ, но откладываетъ войну. Притомъ полагали, что царь-то и привелъ неприятелей, а наконецъ, когда дано было зрѣлище въ ипподромѣ, стали явно кричать, что онъ позаботится объ общемъ дѣлѣ, и требовали оружія, говоря, что сами пойдутъ сражаться. Разгнѣванный этимъ, Валентъ вооружился противъ Варваровъ, но вмѣстѣ грозилъ и народу, что по возвращеніи накажетъ его какъ за настоящее оскорбленіе, такъ и за прежнюю преданность тирану Прокопію.

ГЛАВА 40.

О святомъ монахѣ Исаакіи, предсказавшемъ смерть Валента и о томъ, что Валентъ, убѣгая съ поля битвы, спрятался въ солому и тамъ сгорѣлъ.

Когда Валентъ выступилъ изъ Константинополя, то одинъ монахъ Исаакій, мужъ и по всему доблестный, а особенно неустрашимый въ дѣлѣ Божіемъ, подошедши къ нему, сказалъ: царь! отдай православнымъ, сохраняющимъ преданіе отцевъ никейскихъ, отнятыя у нихъ церкви,—и ты побѣдишь врага. Но Валентъ, разгнѣвавшись, приказалъ взять его и держать въ узахъ, пока самъ не возвратится и не накажетъ дерзкаго. Не отдавъ церквей, государь, ты не возвратишься, отвѣчалъ на это Исаакій. Такъ и случилось. Когда царь вышелъ съ войскомъ, то Готы начали отступать. Преслѣдуя ихъ, онъ прошелъ уже Фракію и прибылъ въ Адрианонополь. Но, находясь недалеко отъ Варваровъ, которые стояли лагеремъ въ безопасномъ мѣстѣ,

и не составивъ плана, гдѣ и какъ расположить войско, слишкомъ поспѣшилъ битвою. Поэтому конница его тотчасъ была разсыяна, а пѣхота обращена въ бѣгство, самъ же онъ, въ сопровожденіи немногихъ воиновъ, бывъ преслѣдуемъ непріятелями, на бѣгу соскочилъ съ лошади, и вошедши въ какую-то хижину или башню, спрятался въ ней. Варвары гнали за нимъ, съ намѣреніемъ умертвить его, но находясь вблизи, проскакали мимо, ибо не подозревали, что онъ тамъ скрывался. Когда уже большая часть ихъ миновала это мѣсто и проѣзжали только не многіе отсталые, то нѣкоторые изъ бывшихъ съ царемъ воиновъ начали стрѣлять въ этихъ проѣзжавшихъ. А они тотчасъ закричали: здѣсь Валентъ. Услышавъ это, скакавшіе вблизи, сами завопили и своимъ волею дали знать какъ переднимъ, такъ и заднимъ о томъ, что слышали. Такимъ образомъ въ короткое время услышали и самые дальніе непріатели, и все стеклись въ одно мѣсто. Окруживъ хижину и разложивъ около ея множество горючихъ веществъ, они все это зажгли. Пламень, раздуваемый случившимся тогда сильнымъ вѣтромъ, мгновенно обхватилъ весь матеріалъ, а потомъ, сообщившись всему, что находилось въ хижинѣ, истребилъ и царя и бывшихъ съ нимъ. Валентъ умеръ, имѣя отъ роду около пятидесяти лѣтъ. Царствовалъ же онъ съ братомъ тридцать лѣтъ, да послѣ него три года.

ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРИИ

ЭРМИЯ СОЗОМЕНА САЛАМИНСКАГО

КНИГА СЕДЬМАЯ.

ГЛАВА I.

О томъ что Римлянамъ, посланнымъ отъ Варваровъ, подана помощь Мавіею, что къ одержанію победы содѣйствовали нѣкоторые изъ народа и что Граціанъ повелѣлъ спровать, какъ кто захочетъ.

Такъ-то случилось умереть Валенту. Послѣ сего Варвары, падчѣнные побѣдою, опустошали всю Фракію и наконецъ сдѣлали набѣгъ на предмѣстіе Константинополя. Въ столь бѣдственныхъ обстоятельствахъ Римлянамъ принесли великую пользу не многіе изъ союзныхъ съ ними Сарацинъ, присланные Мавіею, и весьма многіе изъ народа; ибо какъ скоро супруга Валента, Домника, выдала имъ изъ государственной казны условленное жалованье, они, вооружившись, какъ кому случилось, выступили на встрѣчу врагамъ и, противустанъ имъ, отогнали ихъ далеко отъ города. Между тѣмъ Граціанъ, вмѣстѣ съ своимъ братомъ управлявшій всею римскою Имперіею, не одобряя дяди за его нерасположеніе къ разномыслившимъ съ нимъ Христіанамъ, позволилъ возвратиться въ отечество всѣмъ, которые при немъ за вѣру осужде-

ны были на изгнаніе, и далъ законъ, чтобы всѣ, кромѣ манихеевъ и послѣдователей Фотина и Евномія, безбоязненно вѣрвали, какъ хотятъ, и дѣлали церковныя собранія.

Г Л А В А 2.

О томъ, что Граціанъ въ соправители себя избралъ Θεодосія, родомъ Испанца, и что востокомъ, за исключеніемъ Іерусалима, владѣли аріане; также о Соборѣ антиохійскомъ, и о состояніи тогдашнего престолительства въ Церквахъ.

Размысливъ, что необходимо отражать Варваровъ, которые, живя около Дуная, нарушали спокойствіе Иллиріи и Фракіи, и въ то же время присутствовать въ областяхъ западныхъ,—особенно потому, что тамошнихъ жителей разоряли Алеманы, Граціанъ, въ бытность свою въ Сирмін, сдѣлалъ участникомъ въ правленіи Θεодосія, родившагося въ Иберіи и жившаго около пиринейскихъ горъ,—человѣка, знаменитаго по своимъ предкамъ и часто отличавшагося въ войнахъ, такъ что, и прежде воцаренія, онъ, по суду подданныхъ, почитался способнымъ къ царствованію. Въ то время восточными Церквами, за исключеніемъ Іерусалима, владѣли еще единомышленники Арія; а македоніане, и особенно тѣ, которые жили въ Константинополь, послѣ договора съ Ливеріемъ, не многимъ чѣмъ отличались отъ Христіанъ, слѣдовавшихъ ученію отцевъ никейскихъ, такъ что по городамъ смѣшивались съ ними, какъ съ единомыслищими, и находились во взаимномъ общеніи. Но послѣ изданнаго Граціаномъ закона нѣкото-

рые изъ епископовъ этой ереси, возымѣвъ смѣлость, завладѣли церквами, которыхъ лишились при Валентѣ, и собравшись въ Антиохіи карійской, опредѣлили, что должно называть Сына не единосущнымъ, а подобосущнымъ Отцу, какъ называли Его прежде. Поэтому одни отдѣлились и стали собираться особо; а другіе, сдѣлавшихъ такое опредѣленіе осудивъ за сопротивленіе и любовь къ спорамъ, отступили отъ нихъ и въ ученіи еще тверже соединились съ тѣми, которые слѣдовали постановленіямъ никейскаго Собора. Впрочемъ изъ епископовъ, въ то время, по закону Граціана возвратившихся изъ ссылки, которой подверглись въ царствованіе Валента, иные нисколько не заботились о предстоятельствѣ, но, предпочитая согласіе народа, просили епископовъ Аріевой ереси не удаляться и несогласіемъ не разсѣкать Церкви, которую Богъ и Апостолы предали единою, а любовь къ спорамъ и къ предстоятельству раздѣлила на многія. Такихъ мыслей былъ и Евлалій, епископъ города Амасіи, что въ Понтѣ. Возвратившись изъ ссылки, онъ, говорятъ, нашелъ свою Церковь подъ предстоятельствомъ одного изъ аріанскихъ епископовъ, у котораго впрочемъ въ городѣ не было и пятидесяти чело-вѣкъ послѣдователей. Заботясь о соединеніи всѣхъ, Евлалій предложилъ ему первенствовать и съ-обща управлять Церковію—съ тѣми, что, въ награду за согласіе, онъ будетъ имѣть предстоятельство. Но тотъ не согласился, только не долго однакожъ начальствовалъ и надъ тѣми

не многими, которые у него были, потому что и они соединились съ прочими.

Г Л А В А 5.

О дѣлахъ святаго Мелетія и Павлина, епископовъ антиохійскихъ, и о клятвѣ, данной относительно епископскаго престола.

Въ то же время, въ-слѣдствіе извѣстнаго закона, въ Антихію сирскую возвратился Мелетій, и отъ этого въ народѣ возникло сильное смятеніе. Тогда живъ еще былъ Павлинъ, котораго, какъ мы видѣли, царь Валентъ, изъ уваженія къ его благочестію, не посмѣлъ отправить въ ссылку. Посему нѣкоторые хотѣли, чтобы Мелетій занималъ епископскій престолъ вмѣстѣ съ нимъ. Но приверженцы Павлина этому воспротивились, осуждая хиротонію Мелетія, какъ совершенную аріанскими епископами. Однакожь преданные Мелетію насильно привели въ исполненіе то, чего домогались. Будучи довольно многочисленны, они въ одной изъ загородныхъ церквей возвели его на епископскій престолъ. Но между тѣмъ какъ народъ той и другой стороны волновался, и надлежало ожидать возмущенія, вдругъ одинъ необыкновенный совѣтъ одержалъ верхъ и привелъ всѣхъ къ согласію. Положено было—отъ людей, которые почитались способными, или надѣялись занять тамошній епископскій престолъ (а такихъ было пять человекъ, кромѣ Флавіана), взять клятву, что они не станутъ помогать ей, и даже если избраніе падетъ на нихъ, не примутъ епископства, пока Павлинъ или Мелетій будутъ живы, но, по смерти кото-

раго-либо изъ нихъ, дозволить другому одному удержать за собою престолъ. Когда въ этомъ дана была клятва, то почти весь народъ согласился: противились только не многіе изъ люциферіанъ; потому что Мелетій былъ рукоположенъ не-православными. Послѣ сихъ происшествій Мелетій отправился въ Константинополь, гдѣ въ то время были и другіе епископы, считавшіе необходимымъ перемѣстить туда Григорія изъ Назіанза и поручить ему тамошнюю епископію.

Г Л А В А 4.

О царствованіи Феодосія Великаго, и о томъ, какъ онъ отъ Асхоліа, епископа солунскаго, принялъ святое крещеніе, и что писалъ къ тѣмъ, которые впрямую не по опредѣленію Собора никейскаго.

Около этого времени, такъ какъ на западѣ Алеманы тревожили еще жителей Галліи, — Граціанъ возвратился въ отцовскую часть имперіи, которую оставилъ въ управленіе себѣ и своему брату, а Иллирію и на востокъ подвластныхъ области поручилъ Феодосію. Военныя дѣла окончились по желанію—и у него противъ Алемановъ, и у Феодосія противъ Варваровъ, живущихъ по Дунаю. Феодосій однихъ побѣдилъ въ сраженіи, другихъ, искавшихъ дружбы Римлянъ, принялъ въ союзники и, взявъ отъ нихъ заложниковъ, прибылъ въ Солунь. Здѣсь онъ заболѣлъ, но бывъ наставленъ въ таинственномъ ученіи здѣшнимъ епископомъ Асхоліемъ, принялъ крещеніе и выздоровѣлъ. Такъ какъ Феодосій происходилъ отъ христіанскихъ

родителей, слѣдовавшихъ постановленіямъ никейскаго Собора, то очень тогда обрадовался Асхолью, который держался тѣхъ же постановленій, славился добрыми дѣлами и, кратко сказать, былъ украшенъ всѣми добродѣтелями священства. Обрадовался онъ и тому, что Иллирійцы вообще не раздѣляли Аріевыхъ мыслей. Разспрашивая о другихъ народахъ, онъ узналъ, что до Македоніи всѣ Церкви единомышленны, что Бога-Слово и Святаго Духа чтутъ онѣ наравнѣ съ Отцемъ; а области, находящіяся отсюда на востокъ, волнуются, такъ что народъ раздѣляется на различныя ереси, и особенно въ Константинополь. Разсудивъ, что лучше предварительно объявить свои мысли о Богѣ, дабы неожиданное повелѣніе вѣровать вопреки убѣжденію не показалось насиліемъ, онъ изъ Солуни далъ законъ народу константинопольскому, ибо былъ увѣренъ, что изъ Константинополя, какъ изъ главнаго города всей подвластной ему имперіи, его писаніе скоро сообщится и прочимъ городамъ. А въ этомъ писаніи онъ объявлялъ свое желаніе, чтобы всѣ вѣровали, какъ вначалѣ предалъ Римлянамъ верховный изъ Апостоловъ Петръ, и какъ тогда учили римскій епископъ Дамась и александрійскій Петръ,—чтобы католическою называлась Церковь только тѣхъ Христіанъ, которые признаютъ Святую Троицу равночестною, и чтобы думающіе иначе послали имя еретиковъ, были уничтожаемы, и ожидали себѣ наказанія.

ГЛАВА 5.

О Григоріи Богословѣ и о томъ, что Феодосій отдалъ ему церковь, изгнавъ Демофила и тѣхъ, которые признавали Сына не единосущнымъ Отцу.

Издавъ такой законъ, Феодосій, чрезъ нѣсколько времени, прибылъ въ Константинополь. Въ то время церквами владѣли еще послѣдователи Арія, которыми управлялъ Демофилъ; а Григорій Назіанзенъ начальствовалъ надъ исповѣдниками единосущной Троицы и церковныя свои собранія дѣлалъ въ небольшомъ домѣ, который единомышленными съ нимъ и вѣровавшими подобно ему Христіанами обращенъ былъ въ церковь. Въ послѣдствіи эта церковь между городскими храмами сдѣлалась знаменитою и теперѣ славится не только красотой и величіемъ зданій, но и благотворностію поразительныхъ богоявленій; ибо здѣсь является Божественная сила, перѣдко па-яву и во-снѣ подающая помощь многимъ больнымъ и потерпѣвшимъ несчастіе. Вѣрують, что это — помощь Божіей Матери, Святой Дѣвы Маріи, и что она такъ является. А называютъ ту церковь *Воскресеніемъ* (*Αναστάσις*) — и, я думаю, потому, что ученіе Собора никейскаго, въ слѣдствіе усиленія еретиковъ, уже павшее въ Константинополь и, такъ сказать, умершее, дѣйствіемъ Григоріевой проповѣди снова оживилось. Рассказывали мнѣ также, какъ несомнѣнную истину, что во время церковнаго собранія здѣсь одна беременная женщина упала съ верхней галлерей и умерла.

Но когда всѣ принесли за нее общую молитву, она ожила и была спасена вмѣстѣ съ своимъ дитятею. По случаю такого-то явленнаго здѣсь Богомъ чуда, эта церковь съ того времени получила свое названіе. Разсказъ объ этомъ повторяется и донынѣ. Между тѣмъ царь послалъ сказать Демофилу, чтобы онъ либо вѣровалъ по ученію никейскаго Собора и приводилъ народъ къ единомыслію, либо оставилъ церкви. Демофилъ, собравъ народъ, объявилъ ему царскую волю и сказалъ, что въ слѣдующій день онъ сдѣластъ церковное собраніе за городскими стѣнами; ибо Божественный законъ, повѣлываетъ: *егда гонятъ вы во градъ севъ, бѣгите въ другій* (Матѳ. 10, 23). Сказавъ такимъ образомъ, онъ послѣ сего собиралъ народъ за городомъ, а съ нимъ былъ и Лукій, которому нѣкогда Аріане поручили Церковь александрійскую, и который, какъ мы сказали, бывъ изгнанъ, прибѣжалъ въ Константинополь и здѣсь имѣлъ свое жительство. Когда же приверженцы Демофила оставили церковь, царь вошелъ въ нее и молился. Съ того-то времени исповѣдника еднотупной Троицы начали владѣть церквами. А это былъ пятый годъ консульства Граціанова, первый—Феодосіева, и сороковой съ тѣхъ поръ, какъ церкви поступили во власть Аріанъ.

ГЛАВА 6.

Объ аріанцахъ и Евноміи, который тогда былъ въ силѣ, также о державаніи предъ царемъ святаго Амфилохія.

Впрочемъ аріане, подъ покровительствомъ

Констанція и Валента чрезвычайно размножились, безбоязненно собирались и всепародно разсуждали о Богѣ и существѣ его. Они убѣдили своихъ единомышленниковъ при дворѣ испытать царя и, имѣя въ виду случившееся при Констанціѣ, надѣялись достигнуть исполненія своихъ намѣреній. Это обезпокоило и устрашило православныхъ, и страхъ ихъ особенно увеличивался при мысли о краснорѣчии Евномія въ бесѣдѣ. Евномій незадолго предъ симъ, при царѣ Валентѣ, поссорившись въ Кизикѣ съ своими клириками, отдѣлился отъ аріанъ, и жилъ уединенно въ Виоиніи, противъ Константинополя. Многіе отсюда ѣздили къ нему, а другіе приходили и изъ другихъ мѣстъ — съ цѣлію либо испытать его, либо послушать его рѣчей. Слухъ о немъ дошелъ и до царя, и царь готовъ былъ повидаться съ нимъ; но царица Плакилла сильно противодѣйствовала этому и удержала его. Будучи самою вѣрною хранительницею ученія никейскаго Собора, она боялась, какъ бы мужъ ея не былъ увлеченъ бесѣдою Евномія, — что и могло стать, — и не склонился къ его мыслямъ. Но между тѣмъ какъ усилія съ обѣихъ сторонъ были еще велики, однажды, когда живущіе въ Константинополь епископы пришли во дворецъ, чтобы по обычаю привѣтствовать царя, между ними, говорятъ, находился нѣкто старецъ, священникъ незначительнаго города, человекъ простой и въ дѣлахъ гражданскихъ не опытный, но разумный въ предметахъ божественныхъ. Всѣ другіе очень про-

сто и благопочтенно привѣтствовали царя. Точно такъ же привѣтствовалъ его и старецъ іерей, по сыну царскому, сидѣвшему вмѣстѣ съ отцемъ, онъ не выразилъ одинаковой чести, напротивъ подошедши къ нему, какъ къ простому дитяти, сказалъ: здравствуй, дитя, и приласкалъ его рукою. Разгнѣвавшись и вознегодовавъ за оскорбленіе сына, что ему не воздана одинаковая честь, царь, приказалъ съ безчестіемъ выгнать старца. Но когда выгоняли его, онъ, обратившись, сказалъ: знай же, царь, что и отецъ небесный точно такъ негодуетъ на тѣхъ, которые не одинаково чтутъ Сына, но дерзаютъ называть Его меньшимъ Отца. Удивившись этимъ словамъ, царь снова позвалъ къ себѣ іерея, просилъ у него прощенія и сознался, что онъ сказалъ истину. Съ тѣхъ поръ, сдѣлавшись осторожнѣе, онъ не принималъ тѣхъ, которые думали иначе, воспретилъ состязанія и сходки на площади и сдѣлалъ то, что разсуждать по прежнему о существѣ и природѣ Божіей, стало не безопасно; ибо касательно сего постановленъ былъ законъ и опредѣлено наказаніе.

ГЛАВА 7.

О второмъ вселенскомъ Соборѣ, отъ него и по какой причинѣ онъ былъ созванъ, и объ отреченіи Григорія Богослова.

Въ скоромъ времени также Феодосій созвалъ Соборъ единомышленныхъ себѣ епископовъ, частью для подтвержденія опредѣленій, сдѣланныхъ въ Никее, а частью для рукоположенія епископа, имѣвшаго занять престолъ

въ Константинополь. Предполагая, что можно присоединить къ католической Церкви и такъ называемыхъ македоніанъ, поколику они не многимъ чѣмъ отличались въ своихъ понятіяхъ о вѣрѣ, онъ пригласилъ ихъ. Такимъ образомъ изъ исповѣдниковъ единосущной Троицы собралось около ста пятидесяти епископовъ, а изъ послѣдователей Македоніевой ереси—тридцать шесть, которые большею частью были изъ городовъ, лежащихъ около Геллесонта. Между послѣдними предсѣдательствовали—Элевсій кизикскій и Маркіанъ лампсакскій; а между первыми—Тимофеей, занимавшій престолъ александрійскій, который наследовалъ онъ послѣ брата своего Петра, не задолго предъ тѣмъ скончавшагося. Тутъ же были — епископъ антиохійскій Мелетій, прѣхавшій въ Константинополь еще прежде для поставленія Григорія, и іерусалимскій Кириллъ, разскаивавшійся тогда, что прежде держался мыслей Македонія. Вмѣстѣ съ ними находились также — Асхолій, епископъ солунскій, Діодоръ тарсійскій и Акакій берійскій. Такъ какъ все они одобряли ученіе вѣры, утвержденное въ Никее, то бывшихъ съ Элевсіемъ епископовъ просили согласиться съ собою, напоминая имъ о томъ, что чрезъ по словъ говорили они Ливерію, и что исповѣдывали чрезъ Евстаѳія, Сальвана и Θεофила, какъ объ этомъ сказано было прежде: но послѣдніе, прямо объявивъ, что никогда не признаютъ Сына единосущнымъ Отцу, хотя будутъ говорить и противъ своего исповѣданія Ливерію, удали-

лись и единомышленникамъ своимъ по городамъ написали, чтобы они не соглашались съ опредѣленіями никейскими. Между тѣмъ, оставшіеся въ Константинополѣ епископы совѣтовались, кому бы поручить здѣшнюю кафедру. Говорятъ, что, удивляясь жизни и ученію Григорія, царь признавалъ его достойнымъ этого епископства. Уважая добродѣтели Григоріевы, съ нимъ соглашалась и большая часть присутствовавшихъ на соборѣ епископовъ: но самъ Григорій, хотя сначала и принялъ начальствованіе надъ константинопольскою Церковію, однакожъ, когда узналъ, что нѣкоторые возражаютъ противъ этого, и особенно епископы египетскіе, — отказался. Не могу не удивляться сему мудрѣйшему мужу, какъ за всѣ его дѣла, такъ не менѣе и за настоящій поступокъ; ибо ни краснорѣчіе не надмѣвало его, ни тщеславіе не возбуждало въ немъ желанія начальствовать надъ Церковію, которую онъ принялъ, когда она была на краю гибели, но, по требованію епископовъ, отдалъ врученный себѣ залогъ, и не жаловался ни на многіе труды, ни на опасности, которымъ подвергался, сражаясь съ ересями. И хотя не представлялось ничего худого, почему онъ не могъ бы быть епископомъ въ Константинополѣ, гдѣ тогда не оставалось епископа,—да притомъ и въ Назіанзѣ уже рукоположенъ былъ другой епископъ; однако Соборъ, сохраняя отеческіе законы и церковный порядокъ, взялъ отъ него, по его желанію, то, что далъ, нисколько не уваживъ преимуществъ этого мужа. Но между тѣмъ,

какъ царь и іерей съ величайшею заботливостію совѣщались, и самодержецъ предписывалъ сдѣлать тщательное изслѣдываніе, кто особенно отличается такими прекрасными качествами, чтобы ему можно было поручить первосвященство въ обширнѣйшемъ и царственномъ городѣ,—Соборъ былъ не одинаковаго мнѣнія: каждый епископъ считалъ достойнымъ хиротоніи кого-либо изъ своихъ.

ГЛАВА 8.

Объ избраніи Нектарія на константинопольскій престолъ, и о томъ, откуда онъ и какого былъ права.

Въ это время въ Константинополѣ жилъ нѣкто Нектарій, родомъ изъ Тарса киликійскаго, принадлежавшій къ знаменитому классу сенаторовъ. Собранный уже ѣхать въ отечество, онъ приходитъ къ тарсійскому епископу Діодору—съ тѣмъ, чтобы взять отъ него письма, если ему угодно будетъ писать. Случилось, что въ то самое время Діодоръ размышлялъ, кого бы предложить для столь желаемой хиротоніи. Взглянувъ на Нектарія, онъ нашелъ его достойнымъ епископства и мысленно тотчасъ же далъ голосъ въ его пользу, ибо увидѣлъ и сѣдну мужа, и лице приличное священному сану, и кротость нрава. Приведши его къ епископу антиохійскому—какъ будто за чѣмъ-то другимъ, Діодоръ хвалилъ его и просилъ стараться о немъ. Но епископъ, въ столь важномъ дѣлѣ, когда для избранія предлагаемы были уже многіе знаменитѣйшіе мужи, поспѣялся выбору Діодора, однакожъ призвалъ къ себѣ Нектарія

и приказалъ ему немного помедлить отъѣздомъ. Спустивъ нѣсколько времени, царь повелѣлъ епископамъ написать на бумагѣ имена тѣхъ, которыхъ каждый считаетъ достойными рукоположенія, а себѣ самому предоставилъ избраніе одного изъ всѣхъ. По силѣ этого повелѣнія, написалъ кто кого; да и начальствующій надъ Церковію антиохійскою означилъ имена, чьи хотѣлъ, а въ концѣ всѣхъ, изъ угожденія Діодору, присоветовалъ и Нектарія. Царь, прочитавъ списокъ написанныхъ именъ, остановился на Нектаріѣ и, задумавшись, долго разсуждалъ самъ съ собою, держа палецъ на послѣдней подписи; потомъ, обратившись къ началу, онъ снова пробѣжалъ всѣхъ,—и избралъ Нектарія. Такое избраніе казалось чудомъ: каждый спрашивалъ, кто этотъ Нектарій, какого онъ званія, и откуда; а когда узнали, что онъ доселѣ не принималъ таинства крещенія, то еще болѣе удивились странности царскаго опредѣленія. Этого, думаю, не зналъ и Діодоръ; ибо, зная, не посмѣлъ бы, подать голосъ въ пользу непросвѣщеннаго крещеніемъ. Видя сѣдины Нектарія, онъ, вѣроятно, воображалъ, что этотъ человѣкъ давно уже крещенъ. Впрочемъ такое событіе произошло не безъ воли Божіей; потому что и узнавъ, что онъ не просвѣщенъ, царь остался при прежнемъ мнѣніи и не смотрѣлъ на возраженія многихъ епископовъ. Когда же всѣ уступили и согласились съ опредѣленіемъ самодержца; тогда Нектарій былъ окрещенъ и, облеченный еще въ таинственную одежду, наре-

ченъ епископомъ Константинополя. Многіе увѣрены, что это такъ случилось, поколику такъ Богъ повелѣлъ царю. Я не вхожу въ строгое изслѣдованіе, вѣрно ли то, или нѣтъ, однакожь убѣжденъ, что случившееся произошло не безъ соизволенія Божія. Смотрю ли на странность рукоположенія, или обращаю вниманіе на событія послѣдующія, — въ томъ и другомъ случаѣ я вижу, что здѣшнее епископство Богъ поручилъ человѣку самому кроткому, доброму и достойному. Такъ вотъ каковы, по слухамъ, были обстоятельства Нектаріева рукоположенія.

Г Л А В Л 9.

О томъ, что опредѣлилъ второй вселенскій Соборъ, и о книжескомъ философѣ — Максимѣ.

Послѣ сего и самъ Нектарій, и другіе епископы, собравшись, опредѣлили, чтобы вѣрникейскаго Собора оставалась господствующею, а всѣ ереси подвергнуты были запрещенію, чтобы Церкви вездѣ управлялись по древнимъ церковнымъ правиламъ, чтобы епископы пребывали при своихъ церквахъ, и не ходили безъ нужды въ чужія и, безъ приглашенія, не вмѣшивались въ рукоположенія, до нихъ не касающіяся, какъ это часто случалось прежде, когда каѳолическая Церковь была гонима; чтобы дѣлами каждой Церкви управлялъ и распорядился, по своему благоусмотрѣнію, мѣстный соборъ, чтобы епископъ Константинополя, послѣ епископа римскаго, имѣлъ преимущество чести, какъ занимаю-

щій престолъ новаго Рима; ибо этотъ городъ не только уже получилъ такое названіе и имѣеть сенатъ, народное чиновначаліе и правительство, но и судится гражданскими уложеніями живущихъ въ Италіи Римлянъ, и во всѣхъ правахъ и преимуществахъ сравненъ съ древнимъ Римомъ. Касательно же Максима отцы Собора опредѣлили, что онъ и не былъ епископомъ, и теперь не епископъ, что рукоположенные имъ не принадлежатъ къ клиру и что все сдѣланное при немъ или имъ, не имѣеть никакой силы; ибо его, родомъ Александрійца, по званію—киническаго философа, и только приверженнаго къ ученію никейскаго Собора, прибывшіе изъ Египта епископы тайно поставили епископомъ Константинополя. Таковы-то были постановленія Собора,—и царь утвердилъ ихъ и далъ законъ, чтобы господствующею оставалась вѣра отцевъ никейскихъ, и чтобы церкви повсюду были отданы тѣмъ, которые въ существѣ трехъ Лицъ, равночестныхъ и равносильныхъ, исповѣдуютъ одно и тоже Божество Отца, Сына и Святаго Духа. Исповѣдники этого ученія должны были имѣть общеніе въ Константинополѣ съ Нектаріемъ, въ Египтѣ—съ Тимофеемъ, епископомъ александрійскимъ, въ восточныхъ Церквахъ—съ Діодоромъ, епископомъ тарсійскимъ и Целатіемъ, епископомъ Лаодикии сирской, въ азиатскихъ Церквахъ—съ Амфилохіемъ, предстоятелемъ Церкви иконійской, въ городахъ понтійскихъ, отъ Вионніи до Арменій,—съ Эмладіемъ, епископомъ Кесаріи каппадокійской, Григори-

емъ пискимъ и Отреїемъ, епископомъ мелитинскимъ; въ городахъ, находящихся во Фракіи и Сквоіи,—съ Теренціемъ, епископомъ города Томи, и Мартиріемъ, епископомъ маргіанопольскимъ; ибо и самъ царь одобрялъ ихъ, когда видѣлся и бесѣдовалъ съ ними, да объ нихъ всегда была и добрая молва, какъ о людяхъ, благочестно управляющихъ Церквами. Когда же все это было сдѣлано и Соборъ закрытъ, то епископы возвратились каждый въ свою епархію.

ГЛАВА 10.

О Мартиріи Киликійцѣ, и о перенесеніи мощей Павла исповѣдника и Мелетія антиохійскаго.

Между тѣмъ Нектарій, подъ руководствомъ адамскаго епископа Кириака, изучалъ обязанности священства; ибо онъ просилъ тарсійскаго епископа Діодора, чтобы Кириакъ нѣсколько времени побылъ съ нимъ. Склонялъ онъ и многихъ другихъ Киликійцевъ жить у него и между прочими Мартирія, который былъ домашнимъ его врачомъ и зналъ грѣхи его молодости, и котораго онъ хотѣлъ рукоположить въ діакона. Но Мартирій не согласился, утверждая, что онъ недостойнъ божественнаго служенія, и ссылался на самаго Нектарія, какъ на свидѣтеля прежней своей жизни. Тогда Нектарій сказалъ: я—нынѣ іерей, а не гораздо ли хуже тебя провелъ прежнюю свою жизнь, какъ самъ ты знаешь,—ты, столь часто услуживавшій различнымъ моимъ страстямъ? Но ты, блажен-

ный, отвѣчалъ Мартирій, недавно крестившись, очистился и за сѣмъ удостоился священства; а то и другое установлено Богомъ для очищенія отъ грѣховъ, и мнѣ кажется, что тебя нельзя отличить отъ новорожденныхъ младенцевъ: а я, давно уже принявъ божественное крещеніе, продолжалъ жить по-прежнему. Сказавъ такимъ образомъ, онъ отказался отъ рукоположенія. Я хвалю этого человека за его отреченіе и потому — то даю ему мѣсто въ этой исторіи. Между тѣмъ царь, узнавъ обстоятельства жизни бывшаго константинопольскаго епископа Павла, перенесъ тѣло его и положилъ въ церкви, пострѣнной врагомъ его Македоніемъ. Этотъ величайшій и знаменитѣйшій храмъ и доселѣ называется его именемъ, отъ чего многіе, не знающіе истины, особливо женщины и большая часть простаго народа думаютъ, что здѣсь погребенъ апостоль Павелъ. Около того же времени и останки Мелетія перенесены были въ Антиохію и положены подлѣ гробницы мученика Вавилы. Говорятъ, что по повелѣнію царя, они на всемъ пути, вопреки древнему закону Римлянъ, вносились внутрь городовъ и въ каждомъ мѣстѣ срѣтаемы были новою смѣшною исалмопѣніей, пока не достигли Антиохіи.

ГЛАВА 11.

О рукоположеніи антиохійскаго епископа Флавіана и о томъ, что тогда случилось изъ-за клятвы.

Такого-то погребенія удостоился Мелетій; а на его мѣсто рукоположенъ былъ Флавіанъ—

вопреки данной клятвѣ, потому что Павлинь былъ еще живъ. Отъ этого въ антиохійской Церкви опять произошло величайшее волненіе, такъ что весьма многіе отдѣлились отъ общенія съ Флавіаномъ и стали собираться отдѣльно подъ предводительствомъ Павлина. Изъ-за этого же пришли въ несогласіе между собою и сами іереи,—именно: сипетскіе, аравійскіе и кипрскіе огорчались за Павлина, считая его обиженнымъ; а сирскіе, палестинскіе, финикійскіе и большая часть армянскихъ, каппадокійскихъ, галатійскихъ и понтійскихъ держались стороны Флавіана. Не менѣе также оскорбился—римскій епископъ и всѣ западные іереи, и къ Павлину, какъ епископу антиохійскому, писали обычныя посланія, носящія имя соборныхъ, а въ отношеніи къ Флавиану хранили молчаніе. Они считали виновными даже Діодора, епископа тарскаго, и Акакія берійскаго, какъ рукопологателей Флавіана, и не имѣли съ ними общенія. Для изслѣдованія же обстоятельствъ этого дѣла, они, равно какъ и царь Граціанъ, письменно приглашали на Западъ епископовъ восточныхъ.

ГЛАВА 12.

О томъ, что Θεодосій хотѣлъ согласитьъ всѣ ереси, о навацанскихъ епископахъ Агеліи и Сисинія и объ ихъ совѣтѣ, также о томъ, что, когда составилъ ивскій Соборъ, царь принялъ только тѣхъ, которые исповѣдывали единосущіе, а думавшихъ иначе изгнавъ изъ церквей.

Въ это же время, по случаю отбора молитвенныхъ домовъ епископами каео-

лической Церкви, во многих мѣстахъ имперіи произошли епильныя смуты, возбуждаемыя противодѣйствіемъ со стороны Аріевой ереси. Между тѣмъ царь Феодосій, спустя не много времени послѣ перваго Собора, снова собралъ представителей особенно епильныхъ тогда ересей — съ тѣмъ, чтобы они либо склонились на убѣжденія, либо сами убѣдили другихъ, въ чемъ не согласны были между собою. Онъ предполагалъ, что всѣхъ приведетъ къ единомыслію, если предложить имъ съ обща разсудить о спорныхъ предметахъ ученія. Предстоятели еретиковъ собрались, — это было вовторой годъ консульства Мероавада и въ первый Сатурнина, когда царь назначилъ въ соправители себя сына своего Аркадія. Пригласивъ въ себя Нектарія, царь сообщилъ ему о будущемъ Соборѣ и приказалъ приготовить для разсужденія вопросы, изъ которыхъ возникли ереси, чтобы одна была Церковь вѣрующихъ во Христа и одно согласное ученіе о Богопочтеніи. Такъ какъ у Нектарія много было своихъ заботъ, то о желаніи царя онъ объявилъ предстоятелю новаціанскихъ церквей, Агелію, какъ человѣку одного съ нимъ образа мыслей касательно вѣры. Но Агелію, святость жизни доказывавшій дѣлами, а въ искусствѣ и тонкостяхъ рѣчи неопытный, предложилъ вмѣсто себя нѣкоего, именемъ Сисинія, который умѣлъ предусмотрѣть, что надобно дѣлать, и могъ разсуждать, если бы повнадобилось, и который въ то время былъ одинъ изъ его чтецовъ, а въ послѣдствіи получилъ въ управленіе ту же епископію.

Какъ человѣкъ способный и понимать и говорить, подробно знавшій изъясненія священныхъ книгъ и имѣвшій разнообразныя свѣдѣнія о всемъ, что мыслили язычники и церковные писатели, Сисиній и въ этомъ случаѣ замѣтилъ самую лучшую сторону дѣла и посовѣтовалъ уклониться отъ разсужденій съ неправославными, какъ отъ источника споровъ и вражды, а спросить у нихъ, принимаютъ ли они тѣхъ истолкователей и учителей священнаго Писанія, которые жили до раздѣленія Церкви. Если они отвергнутъ свидѣтельство ихъ, то будутъ изгнаны своими единомысленниками; а когда признаютъ ихъ достаточными свидѣтелями для рѣшенія спорныхъ вопросовъ, то нужно будетъ представить написанныя ими книги; ибо онъ точно зналъ, что древніе, исповѣдуя Сына совѣчнымъ Отцу, никогда не осмѣливались говорить, будто Онъ по своему рожденію имѣлъ какое-либо начало. Это поправилось Нектарію, какъ дѣло хорошее, да и царь, узнавъ о томъ, одобрилъ совѣтъ и сталъ испытывать еретиковъ, какъ они думаютъ о толкованіяхъ древнихъ учителей. Когда же послѣдніе стали чрезвычайно хвалить ихъ, то онъ прямо спросилъ: прекратятъ ли они споры на основаніи ихъ изреченій, и признаютъ ли ихъ достаточными свидѣтелями ученія? Такъ какъ въ слѣдствіе сего вопроса между начальниками ересей возникло несогласіе, потому что не всѣ одинаково думали о сочиненіяхъ древнихъ учителей; то царь понялъ, что они отказываются отъ предложенія, надѣясь только на

свои словопрелія, и порицая ихъ намѣреніе, приказалъ каждой ереси представить себѣ письменное изложеніе своего ученія. Когда наступилъ назначенный для того день, собрались во дворецъ—отъ лица исповѣдниковъ Единосущной Троицы Нектарій и Агелій, отъ ереси Аріевой—начальникъ ея, Демофилъ, отъ евноміевой—самъ Евномій, а кизическій епископъ Элевсій отъ имени такъ называемыхъ македоніанъ. Приявъ отъ каждаго письменное изложеніе, царь одобрилъ одно то, которое признаетъ Единосущную Троицу, а всѣ прочія, какъ противныя ему, разорвалъ. Новаціане тогда не получили ничего испрѣятнаго, потому что они мыслятъ о Богѣ одинаково съ католическою Церковію; прочіе же негодовали на своихъ іереевъ—за то, что они предъ царемъ грубо противорѣчили самимъ себѣ, а многіе, осудивъ ихъ, перешли къ одобренному исповѣданію. Послѣ того царь закономъ повелѣлъ, чтобы неправославные не дѣлали церковныхъ собраній, не учили вѣрѣ, и не рукополагали ни епископовъ, ни кого-либо другаго,—чтобы одни изъ нихъ выгнаны были изъ городовъ и селъ, а другіе почитались безславными и не имѣли наравнѣ съ прочими правъ гражданства. Къ законамъ оныя присовокупилъ и тяжкія наказанія, не приводя ихъ однакожъ въ исполненіе; потому что хотѣлъ не наказывать поданныхъ, а только постращать ихъ, чтобы они одинаково съ нимъ мысляли о Богѣ. Тѣхъ же, напротивъ, которые обращались добровольно, оны хвадилъ.

ГЛАВА 15.

О Максимѣ тиранѣ и о томъ, что происходило между царицею Юстиною и святымъ Амвросіемъ, также о коварномъ убійствѣ царя Граціана и о томъ, что Валентиніанъ съ матерью убрѣжалъ въ Фессалонику къ Θεодоствю.

Около того же времени на Граціана, занятаго войною съ Алеманнами, возсталъ Максимъ изъ Британіи и старался подчинить себѣ римскую имперію. Въ Италіи жилъ тогда Валснтиніанъ, будучи еще юношею, а общественными дѣлами тамъ управлялъ префектъ Пробъ, бывшій въ должности Консула. Въ это самое время мать царя Юстина, раздѣлявшая мысли Арія, причинила много безпокойства медиоланскому епископу Амвросію, и возмутила Церкву. Она покушалась на пововведенія противъ опредѣленій никейскаго Собора и всячески старалась дать перевѣсъ вѣрѣ, утвержденной Соборомъ ариминскимъ. Но такъ какъ этому противился Амвросій; то, въ досадѣ, она оклеветала его предъ сыномъ, что будто была оскорблена имъ. Валснтиніанъ принялъ клевету за истину и, вознамерившись отмстить за мать, послалъ въ церковь множество воиновъ, которые, напавъ на храмъ, силою ворвались въ двери и схватили Амвросія, чтобы тотчасъ же вести его въ ссылку. Однакожъ окружавшій епископа народъ противосталъ воинамъ и скорѣе готовъ былъ умереть, чѣмъ оставить своего іерея. Отъ этого Юстина воспламенилась еще большимъ гнѣвомъ и свои замыслы рѣшилась утвердить закономъ.

Она призвала къ себѣ Бепевола, тогдашняго начальника надъ излагателями законовъ, и приказывала ему тотчасъ составить законъ объ утвержденіи исповѣданія вѣры, читаннаго въ Ариминѣ. Когда же онъ отказывался отъ этого, — ибо принадлежалъ къ католической Церкви, — то она убѣждала его, обольщая обѣщаніями высшей почести. Однакожъ не убѣдила; напротивъ, Бепеволъ, снявъ поясъ, повергъ его къ ногамъ царицы и сказалъ, что въ награду за нечестіе не принимаетъ ни настоящаго достоинства, ни высшаго. Такъ какъ онъ твердо стоялъ на томъ, что никогда этого не сдѣлаетъ, то для составленія такого закона употреблены были другіе. Этимъ закономъ предписывалось, чтобы вѣрующіе согласно съ постановленіями, сдѣланными въ Ариминѣ и потомъ въ Константинополѣ, учреждали свои собранія безбоязненно, а тѣ, которые противодѣйствуютъ этому, или требуютъ противнаго сему царскому закону, наказываемы были смертію. Въ то время, какъ мать царя домогалась этого и изданный ею законъ старалась привести въ исполненіе — приходитъ вѣсть, что коварствомъ Андрагаѳія, который былъ военачальникомъ Максима, Граціанъ убитъ. Блудчи въ царской дорожной колесницѣ, Андрагаѳій спрятался въ ней, а проводникамъ приказалъ объявлять, будто ѣдетъ супруга царя. Граціанъ, какъ человекъ, недавно женившійся, еще молодой и страстно любившій свою жену, поспѣшилъ видѣть ее и, не подозрѣвая никакого обмана, неосторожно переправился чрезъ

протекавшую въ томъ мѣстѣ рѣку и попалъ въ руки Андрагаѳія, — былъ схваченъ и вскорѣ умерщвленъ. Отъ роду имѣлъ онъ около двадцати четырехъ лѣтъ, а царствовалъ пятнадцать. По случаю столь великаго несчастія, Юстина оставила свой гнѣвъ на Амвросія. Между тѣмъ Максимъ, собравъ огромное войско изъ Британцевъ, сосѣднихъ Галловъ, Кельтовъ и сопредѣленныхъ имъ народовъ, пошелъ въ Италію — подъ тѣмъ предлогомъ, чтобы не допустить никакихъ нововведеній въ отеческой вѣрѣ и церковномъ чиноначаліи, въ самомъ же дѣлѣ для того, чтобы отдалить отъ себя славу тирана; такъ какъ, домогаясь царства, онъ всячески старался, нельзя ли ему какимъ-нибудь образомъ показать видъ, будто присвоитъ себѣ римскую имперію законно, а не силою. Вынужденный обстоятельствами, Валентиніанъ призналъ знаки его царствованія, но опасаясь, какъ бы не потерпѣть какого-либо зла, убѣждалъ изъ Италіи и прибылъ въ Фессалонику а вмѣстѣ съ нимъ удалились также — мать его и префектъ Пробъ.

ГЛАВА 14.

О рожденіи Гонорія и о томъ, какъ Θεодосій, оставивъ въ Константинополѣ Аркадія, отправился въ Италію; также о превствѣ новацианскихъ и другихъ патріарховъ, о дерзости Аріанъ, и о томъ, что Θεодосій, умертвивъ тирана, совершилъ въ Римѣ великолѣпное торжество.

Въ то время у Θεодосія, когда онъ готовился къ войнѣ съ Максимомъ, родился сынъ

Гонорій. Приготовивъ все нужное для войны, онъ оставилъ царствовать въ Константинополѣ сына своего Аркадія, а самъ отправился въ Фессалонку и встрѣтилъ тамъ Валентиціана, присланныхъ же отъ Максима послѣ и не отвергъ прямо, и не принялъ, но взявъ войско, пошелъ въ Италію. Около этого времени новаціанскій епископъ въ Константинополѣ, Агелій, приближался къ смерти, назначилъ на свое мѣсто одного изъ подвластныхъ себѣ пресвитеровъ, Сисинія. Когда же народъ сталъ роптать, что выборъ его палъ не на Маркіана, славившагося тогда благочестіемъ; то, почувствовавъ облегченіе отъ своей болѣзни, онъ рукоположилъ Маркіана и въ церкви объявилъ народу слѣдующее: послѣ меня пусть будетъ у васъ Маркіанъ, а послѣ него Сисиній. Сказавъ это, Агелій вскорѣ скончался. Предстоятельство его въ новаціанской ереси съ великою похвалою продолжалось сорокъ лѣтъ. Нѣкоторые утверждаютъ, что этотъ человекъ во времена языческія былъ даже неповѣдникомъ. Спустя не много, преселился также изъ сей жизни Тимофей и Кириллъ, и престолъ александрійскій наследовалъ Феодиль, а іерусалимскій—Іоаннъ. Равнымъ образомъ умеръ и константинопольскій начальникъ аріевой ереси Демофилъ, и его мѣсто занялъ нѣкто Маринъ, вызванный изъ Фракіи, а потомъ этою ересью управлялъ признанный болѣе способнымъ пришлецъ изъ сирской Аптіохіи Дорофей. Между тѣмъ, по отбытіи Феодосія въ Италію, распространились раз-

ные слухи о войнѣ, смотря по видамъ каждаго. У аріанъ былъ слухъ, будто многіе пали въ сраженіи и самъ царь находился во власти тирана. Принимая свои вымыслы какъ бы уже за дѣйствительныя событія, они сдѣлались дерзкими и, сбѣжавшись, зажгли домъ епископа Нектарія, въ досадѣ, что онъ владѣетъ церквами. А у царя между тѣмъ военныя дѣла шли согласно съ его желаніемъ; потому что Максимовы воины, страшась ли сдѣланныхъ противъ нихъ приготовленій, или побуждаясь измѣною, схватили тирана и убили его, а Андрагаоіи, умертвившій Граціана, узнавъ объ этомъ, во всемъ своемъ оружіи бросился въ близъ текущую рѣку и погибъ. Окончивъ такимъ образомъ войну и отмстивъ, какъ слѣдовало, за смерть Граціана, Феодосій прибылъ въ Римъ и вмѣстѣ съ Валентиціаномъ совершилъ побѣдное торжество, а потомъ устроилъ въ Италіи и дѣла церковныя; ибо Юстина тогда уже умерла.

Г л а в л а 15.

Объ антиохійскихъ епископахъ, Флавіанѣ и Евагріи, и о томъ, что происходило въ Александріи при разрушеніи храма Дионисова; также о храмѣ Сераписа и о другихъ разрушенныхъ идольскихъ капищахъ.

Въ то время скончался въ Аптіохіи Павлинъ; но собравшіеся подъ его начальствомъ Христиане, по прежнему отвращались Флавіана, какъ нарушителя данной при Мелетіи клятвы, хотя и ничѣмъ не отличались отъ него въ ученіи. Епископомъ надъ ними поставленъ былъ Евагріи, который однако прожилъ не долго, и

преемника ему, въ слѣдствіе противодѣйствія Флавіанова, не было; отказывавшіеся же отъ общенія съ Флавіаномъ собиравлись отдѣльно. Около того времени александрійскій епископъ обратилъ въ церковь находившійся въ Александріи храмъ Діониса, по прозвѣбъ получивъ его въ даръ отъ царя. Когда уничтожаемы были стоявшія въ немъ изваянія и открываемы недоступныя мѣста, епископъ, стараясь опозорить языческія таинства, съ намѣреніемъ обнаруживалъ ихъ и все, что скрывалось въ мѣстахъ недоступныхъ и было, либо казалось смѣшнымъ. Пораженные этимъ необыкновеннымъ и неожиданнымъ событіемъ, язычники не могли оставаться спокойными, по сговорившись между собою, напали на Христіанъ и, однихъ умертвивъ, а другихъ ранивъ, заняли храмъ Сераписа—зданіе, знаменитѣйшее по красотѣ и обширности, находившееся на небольшомъ возвышеніи. Отсюда, какъ изъ какойнибудь крѣпости, выходя внезапно, они схватывали многихъ Христіанъ и мученіями принуждали ихъ приносить жертвы идоламъ, а кто отказывался, тѣхъ либо пригвождали ко кресту, либо сокрушали имъ голени, либо умерщвляли ихъ иначе. Это смятеніе продолжалось много времени. Наконецъ пришли къ нимъ начальники города и, напоминая о законахъ, убѣждали ихъ прекратить войну и оставить храмъ Сераписа. Въ то время войсками въ Египтѣ управлялъ Романъ, а префектомъ александрійскимъ былъ Евагрій. Такъ какъ они нисколько въ томъ не

услѣли, то о происшедшемъ донесли царю. Собравшихся въ храмъ Сераписа язычниковъ къ такой дерзости располагало частію сознаніе совершеннаго ими преступленія, а частію убѣжденіе нѣкоего Олимпія, который, живя съ ними въ одеждѣ философа, внушалъ имъ, что не должно оставлять отеческихъ обычаевъ, по слѣдуетъ, если нужно, умирать за нихъ. Видя, что его единовѣрцы, по случаю разрушенныхъ изваяній, впадаютъ въ уныніе, онъ увѣщавалъ ихъ не отступать отъ своего богопочтенія и говорилъ, что статуи суть вещество тлѣнное—однѣ изображенія, и потому подвержены уничтоженію, но что въ нихъ обитали нѣкія силы, которыя теперь отлетѣли на небо. Уча такимъ образомъ и будучи окруженъ множествомъ язычниковъ, этотъ человекъ жилъ также въ храмъ Сераписа. Между тѣмъ царь получилъ извѣстіе о случившемся и умерщвленныхъ Христіанъ провозгласилъ блаженными, какъ удостоившихся чести мученичества и пострадавшихъ за вѣру, а убійцамъ приказалъ даровать прощеніе, чтобы, пристыженные этимъ благодѣяніемъ, они тѣмъ легче обратились къ Христіанству; находившіеся же въ Александріи языческіе храмы повелѣлъ разрушить, поколику они были причиною народнаго возмущенія. Говорятъ, что когда царская грамота объ этомъ была читана всенародно, Христіане подняли сильный крикъ, такъ какъ царь въ самомъ началѣ ся обвинилъ язычниковъ, и что отъ того охранявшіе храмъ Сераписа испугались и об-

ратились въ бѣгство, а Христіане заняли то мѣсто и съ тѣхъ поръ владычествуютъ имъ. Чтоже касается до Олимпій, то мнѣ сказывали, что не много прежде, въ полночь, предшествовавшую тому дню, въ который это случилось, онъ услышалъ въ храмѣ Сераписа кого-то поющего аллилуіа. Такъ какъ двери были заперты и господствовала тишина, среди которой, Олимпій, никого не видя, слышалъ только голосъ, поющей ту самую пѣснь, то понялъ, что это значило, и потихоньку отъ всѣхъ вышедши изъ храма Сераписова, нашелъ случайно корабль и отправился въ Италію. Говорятъ, что тогда, при разрушеніи упомянутаго зданія, открыты были начертанныя на камняхъ какія-то такъ называемыя іероглифическія буквы, похожія на крестное знаменіе. По изъясненію знатоковъ, это начертаніе означало грядущую жизнь, что и подало поводъ многимъ язычникамъ обратиться къ Христіанству. Притомъ другія письмена говорили, что когда тѣ буквы будутъ открыты, упомянутому храму настанетъ конецъ. Такимъ-то образомъ взятъ былъ храмъ Сераписа и чрезъ нѣсколько времени обращенъ въ церковь, названную по имени Аркадія. Впрочемъ по другимъ городамъ язычники все еще усердно сражались за свои храмы: именно въ Аравіи — Петрейцы и Акрополитяне, въ Палестинѣ — Рафіоты и Газейцы, въ Финикіи — жители Шлюподиса, а въ Сиріи особенно жители города Апамен, лежащей при рѣкѣ Аксіосѣ. Сказывали мнѣ, что для охраненія своихъ храмовъ они

часто пользовались помощію Галилеянъ и поселянъ, живущихъ около Ливана, и наконецъ дошли до такой дерзости, что умертвили тамошняго епископа Маркелла. Маркеллъ разсудилъ, что ихъ нельзя удобнѣе отвратить отъ прежняго богопочтенія, какъ разрушивъ бывшія въ городѣ и деревняхъ храмы. Узнавъ же, что въ Авлонѣ, мѣстечкѣ страны ананейской, есть у нихъ величайшее капище, онъ взялъ нѣсколько воиновъ и единоборцевъ и отправился туда. Приблизившись къ этому мѣсту, Маркеллъ остановился на такомъ разстояніи, чтобы до него не достигали стрѣлы, ибо былъ боленъ ногами и не могъ ни сражаться, ни преслѣдовать, ни бѣжать. Но между тѣмъ, какъ воины и единоборцы заняты были осадой храма, нѣкоторые изъ язычниковъ, узнавъ, что епископъ остался одинъ, вышли съ той стороны мѣстности, которая не была занята сражающимися, и печально начавъ, взяли его, возложили на костеръ и умертвили. Въ то время убійцы остались неизвѣстными. Когдаже въ послѣдствіи они были открыты, то сыновья Маркелла хотѣли отмстить за смерть отца; однакожъ мѣстный Соборъ воспренятствовалъ имъ, признавъ несправедливымъ мстить за такую кончину, за которую должно благодарить Бога — и умершему такимъ образомъ, и дѣтямъ его, и друзьямъ, ибо онъ сподобился умереть за Бога. Такъ-то происходило это.

ГЛАВА 16.

О томъ, какъ и по какой причинѣ отмыщенъ былъ въ Церкви пресвитерь-духовникъ, и повѣствованіе объ образѣ покаянія.

Въ это время константинопольскій епископъ Нектарій, первый уничтожилъ званіе пресвитера, поставленнаго надъ кающимися, въ чемъ ему подражали почти всѣ епископы. Что это было за званіе, откуда оно началось и по какой причинѣ уничтожено, другіе, можетъ быть, рассказываютъ иначе; а я расскажу, какъ думаю. Поселику совсѣмъ не грѣшны свойствамъ только природѣ выше человѣческой, и кающимся, хотя бы они часто согрѣшали, Богъ повелѣлъ даровать прощеніе, а между тѣмъ для полученія прощенія надлежало исповѣдать грѣхъ, что епископамъ съ самаго начала по справедливости должно было казаться тяжкимъ,—какъ въ самомъ дѣлѣ объявлять грѣхи, будто на зрѣлицѣ, предъ собраніемъ всей Церкви?—; то для сей цѣли они назначили пресвитера самой отличной жизни, молчаливаго и благоразумнаго, чтобы согрѣшившіе, приходя къ нему, исповѣдывали ему дѣла свои, а онъ, смотря по грѣху каждаго, назначалъ, что кому надобно дѣлать, или какое понести наказаніе, и потомъ разрѣшалъ, предоставивъ всякому, согласно предписаніямъ, наказать самому себя. Для покаянія, у которыхъ не было и слова о покаяніи, это оказывалось неужнымъ, а всѣ прочія ереси такой обычай удерживаютъ и донынѣ. Тщательно также сохраняется онъ и въ

Церквахъ западныхъ, а особливо въ Церкви римской. Тамъ есть даже открытое мѣсто для кающихся, гдѣ они стоятъ унылые и какъ бы плачущіе. Когда богослуженіе приходитъ уже къ концу, кающіеся, не получивъ общенія въ принятіи даровъ, со стономъ и воплями повергаются на землю. Въ это время выходитъ къ нимъ слезящійся епископъ и, также падая на землю, исповѣдуетъ свое состраданіе; а вмѣстѣ съ нимъ проливаетъ слезы и все церковное собраніе. Потомъ епископъ встаетъ первый и, поднявъ лежащихъ, возноситъ за кающихся грѣшниковъ приличную молитву и отпускаетъ ихъ. Пришедши домой, каждый смиряетъ себя либо постомъ, либо омовеніями, либо воздержаніемъ отъ яствъ, либо какимъ-нибудь другимъ предписаннымъ способомъ, ожидая времени, которое ему назначено епископомъ. Наконецъ, въ опредѣленный срокъ, понесши наказаніе и тѣмъ какъ бы заплативъ долги, онъ получаетъ прощеніе во грѣхъ и вмѣстѣ съ народомъ входитъ въ церковныя собранія. Римскіе іереи соблюдаютъ это отъ самаго начала и до нашего времени. А въ Церкви константинопольской кающимся завѣдывалъ поставленный надъ ними пресвитерь, пока одна благородная женщина, получившая повелѣніе отъ пресвитера, за исповѣданные ею грѣхи, поститься и молить Бога, по этой причинѣ находясь въ церкви, не открыла, что она обезчещена однимъ діакономъ. Узнавъ объ этомъ, народъ сильно раздраженъ былъ оскорбленіемъ Церкви, и громко порицалъ лица посвященныя.

Недоумѣвая, какъ поступить въ этомъ случаѣ, Нектарій лишилъ виновнаго степени діакопской и, когда нѣкоторые посовѣтовали ему позволить каждому, внимаю голосу своей совѣсти и водясь собственнымъ дерзновеніемъ, приобщаться св. таинъ, отмѣнилъ должность пресвитера надъкаующимся. Съ того времени такъ и осталось; ибо древность съ ея благочіемъ и строгостію тогда пачала уже, думаю, мало по малу переражаться въ безразличный и небрежный образъ жизни: а прежде, кажется, было менѣе грѣховъ, частію по стыдливости тѣхъ, которые сами объявляли свои грѣхи, частію по строгости поставленныхъ надъ этимъ судей. Догадываюсь, что по этой же причинѣ и царь Феодосій, заботясь о добромъ имени и благочіи Церкви, постановилъ закономъ, чтобы женщинамъ, если онѣ не имѣютъ дѣтей и не достигли шестидесяти лѣтъ, не поручалось служеніе Богу, согласно съ яснымъ повелѣніемъ Апостола Павла (1 Тим. 5, 2), чтобы тѣ изъ нихъ, которые стригутъ волосы, были удаляемы отъ церквей, и чтобы епископы, принимающіе ихъ, лишены были епископства.

Г Л А В А 17.

О томъ, что Феодосій Великій сослалъ Евномія въ ссылку, о прельщеніи его Теофрастомъ, объ Естизмѣ и Дороевѣ и ихъ ересьяхъ; также о Псаверіанахъ и о томъ, что аріанская ересь раздѣлилась на разные толки, а константинопольскіе аріане тѣмъ же соединились между собою.

Впрочемъ объ этомъ пусть каждый судить, какъ ему думается. Царь въ то время повелѣлъ

отправить Евномія въ ссылку—за то, что живя еще въ Константинополѣ, онъ дѣлалъ особыя церковныя собранія въ предмѣстіяхъ или въ частныхъ домахъ, и читалъ написанныя имъ ученія, которыми многихъ склонилъ къ одинаковому съ собою образу мыслей; такъ что вскорѣ явилось большое число людей, принадлежавшихъ къ соименной ему ереси. Впрочемъ чрезъ нѣсколько времени по отбытіи своемъ въ ссылку, онъ скончался, погребенъ же былъ въ отечествѣ, именно въ кашпадікійской деревнѣ, по имени Дакоръ, которая находится въ номѣ кесарійской, при горѣ аргейской. Мысли Евномія изучилъ слушатель его Теофрастій, родомъ также Кашпадіанецъ, и остался вѣрнымъ ученикомъ своего учителя. Онъ изрядно зналъ философію Аристотеля и, для уразумѣнія содержащихся въ ней умствованій, написалъ введеніе подъ заглавіемъ: «объ упражненіи ума». Впрочемъ я слышалъ, что Теофрастій, впадъ въ нелѣпныя разсужденія, не захотѣлъ держаться однихъ и тѣхъ же мыслей съ своимъ учителемъ, но вдавшись въ пенужныя изслѣдованія, на основаніи встрѣчающихся въ свящ. Писаніи словъ, доказывалъ, что Богъ, предвѣдущій не-сущее, знающій сущее и помнящій бывшее, не всегда одинъ и тотъ же, и что его знаніе, въ отношеніи къ будущему, настоящему и прошедшему, измѣняется. За такія мысли нестерпимый самими послѣдователями Евномія, онъ былъ изгнанъ изъ ихъ Церкви и положилъ начало ереси названныхъ по его имени Теофрастичъ. Спусти

не много времени, и одинъ Константинопольцъ Евтихій, слѣдуя образу мыслей Евномія, оставилъ также сомненную себѣ ересь. По случаю вопроса, знаетъ ли Сынъ послѣдній часъ,—ибо слова Евангелія: *никтоже въсть токмо Отецъ*, по видимому противорѣчили принятію сей мысли,—онъ старался доказать, что Сынъ не лишенъ и этого знанія, потому что все обильно пріялъ отъ отца. А такъ какъ тогдашніе представители упоминаемой ереси не согласились съ его мнѣніемъ; то онъ, отдѣлившись отъ общенія съ ними, отправился къ жившему въ ссылкѣ Евномію. Тамъ онъ засталъ діакона и другихъ, которые отправлены были изъ Константинополя — съ цѣлію обвинить его и, если будетъ нужно, оспорить. Евномій, узнавъ, за чѣмъ они пришли, одобрилъ мысли Евтихія и молился вмѣстѣ съ нимъ, хотя у нихъ не позволительно молиться съ приходящими изъ другихъ мѣстъ безъ граматы, которая, посредствомъ нѣкоторыхъ, начертанныхъ въ ней знаковъ, людямъ постороннимъ непонятныхъ, свидѣтельствовала объ ихъ единомысліи. Вскорѣ послѣ этого спора Евноміи скончался, и представитель ереси въ Константинополь не пріялъ Евтихія, потому что ненавидѣлъ его, какъ такого человѣка, котораго, при всемъ своемъ стараніи, опровергнуть не могъ, хотя онъ не былъ даже и клирикомъ. Съ того времени Евтихій съ своими единомышленниками отдѣлился и составилъ особую ересь. Многіе говорятъ, что онъ и Теофроній были виновниками разли-

чія, существующаго нынѣ у евноміанъ относительно божественнаго крещенія. Это я написалъ, какъ узналъ по слуху, желая кратко сообщить понятіе о причинахъ, по которымъ евноміане раздѣлились. Описывать все, происшедшіе по сему случаю споры, было бы слишкомъ долго, да для меня и не легко, потому что я неопытенъ въ разсужденіяхъ подобнаго рода. Около тогоже времени возникъ споръ и между константинопольскими аріанами. Спорили о томъ, можно ли Бога, прежде чѣмъ получилъ бытіе Сынъ, котораго они признаютъ происшедшимъ изъ не-сущаго, называть Отцемъ? Дороеей, вызванный изъ Аптѳохіи вмѣсто Марина и начальствовавшій надъ этого ересью, объявилъ, что, такъ какъ имя Отецъ есть относительное, то прежде бытія Сына, Богъ не можетъ называться Отцемъ. А Маринъ утверждалъ противное и, потому ли, что дѣйствительно такъ думалъ, или потому, что былъ въ неприязни съ Дороеемъ, котораго предпочли ему въ начальствованіи надъ аріанскою Церковію,—говорилъ, что Отецъ всегда Отецъ, хотя и нѣтъ Сына. По этой причинѣ народъ раздѣлился на двѣ партіи. Дороеей съ своими послѣдователями остался въ тѣхъ молитвенныхъ домахъ, которые были у нихъ прежде; а приверженцы Марина выстроили себѣ другія церкви и собирались отдѣльно. Эти послѣдніе назывались псаѳирианами (пирожниками) или готѳянами. Имя псаѳирианъ получили они потому, что нѣкто Теоктисеть, продавецъ пироговъ (*ψαβυζοπω-*

λῆς)—родъ жертвенныхъ лепешекъ (Πασχα), ревностно защищаль это мнѣніе; а готоянами прослыли они потому, что одинаково съ ними думаль готскій епископъ Селина, велѣдъ за которымъ вмѣстѣ съ ними собирались почти все Барвары, потому что были чрезвычайно привержены къ Селину, прежнему писцу, а теперь пресмику епископствовавшаго у нихъ Улфилы, челоуѣку способному учить въ церкви не только на отечественномъ, но и на греческомъ языкѣ. Впрочемъ, спустя не много времени, по случаю спора о первенствѣ, возникшаго между Мариниомъ и Агатиємъ, котораго Маринъ рукоположилъ въ епископа единомышленникамъ своимъ въ Ефесѣ, они раздѣлились и почти вели между собою войну, при чемъ Готы помогали Агатию. По этой причинѣ, многіе изъ здѣшнихъ клириковъ, осуждая честолюбіе своихъ настоятелей, вступили говорить, въ общеніе съ Церковію католическою. Такъ-то раздѣлившись вначалѣ, аріане въ населяемыхъ ими городахъ и донынѣ еще собираются—каждая сторона особо: но арианъ живущихъ въ Константинополѣ, бывшихъ тридцать пять лѣтъ въ раздѣленіи, согласилъ наконецъ ихъ единомышленникъ Иллиноа, прежде бывший консулъ, а тогда начальникъ коннаго и пѣшаго войска, имѣвшій весьма большую силу при дворѣ. Собравшись въ одно мѣсто, они опредѣляли некогда не разсуждать о спорномъ вопросѣ. Такъ впоследствии и было.

ГЛАВА 18.

О томъ, что новаціане образовали новую ересь савватіанъ, и о Соборѣ, бывшемъ въ Сангарѣ; также пространное повѣствованіе о праздникѣ Пасхи.

Въ настоящее же царствованіе и новаціане, раздѣлившись между собою въ мнѣніяхъ относительно пасхальнаго праздника, составили новую ересь такъ называемыхъ савватіанъ; потому что пресвитеръ Савватій, рукоположенный Маркіаномъ, вмѣстѣ съ сопресвитерами Θεоктистомъ и Макаріемъ, слѣдуя опредѣленію собиравшихся въ царствованіе Валента въ селеніи Вазѣ, утверждалъ, что должно праздновать праздникъ Пасхи въ одно время съ Иудеями. Отступленіе свое отъ Церкви онъ сперва прикрываль частію подвижничествомъ, такъ какъ жилъ весьма благочестиво, а частію тѣмъ, что подозрѣваль нѣкоторыхъ недостойными приобщенія таинствъ. Когда же обнаружилось, что онъ замышляетъ нововведенія; то Маркіанъ сталъ жалѣть, что рукоположилъ его и, говорятъ, часто восклицаль, что лучше было бы возложить руки на терніе. Видя, что его Церковь раздѣляется на два общества, онъ созвалъ единомышленныхъ себѣ епископовъ въ Сангару,— а это мѣсто лежитъ въ Вионіи, недалеко отъ Еленополиса, при морѣ. Собравшіеся здѣсь епископы пригласили Савватія и спросили его о причинѣ огорченія. Савватій сосладеа на разновременность празднованія Пасхи; однакожь они замѣтили, что жалоба на это происходитъ у него изъ желанія предстоительства, и потребова-

ли отъ него клятвы, что онъ никогда не приметъ епископства. Принявъ же клятву Савватія, епископы разсудили, что такая причина недостаточна для разрыва общенія, и опредѣлили всѣмъ находиться въ единомыслии и церковныя собранія дѣлать совмѣстно, а праздникъ Пасхи, говорятъ, пусть совершаютъ, кому когда угодно, и касательно этого постановили правило, назвавъ его безразличнымъ (*ἀδιάφορος*). Таково-то было опредѣленіе собиравшихся въ Сапгарѣ. Послѣ того, если праздновать этотъ праздникъ приходилось всѣмъ не въ одно и тоже время, Савватій, слѣдуя Иудеямъ, предварительно совершалъ обычный постъ, и потомъ отдѣльно самъ по себѣ праздновалъ законную Пасху; въ субботу же съ вечера до положеннаго часа проводилъ время въ бдѣніи и приличныхъ молитвахъ, а на слѣдующій день собирався вмѣстѣ со всѣми и участвовалъ въ таинствахъ. Сначала народъ не зналъ этого; когда же съ теченіемъ времени Савватій приобрѣлъ чрезъ то извѣстность, то нашелъ многихъ приверженцевъ, особенно между Фригійцами и Галатянами, у которыхъ былъ отеческій обычай такъ праздновать этотъ праздникъ. Впоследствии упомянутый пресвитеръ сдѣлался явнымъ отступникомъ и, какъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ, принялъ столь вождедѣльное для него епископство. Не могу не удивиться этому человеку и его послѣдователямъ, отъ чего они ввели такую новость, если древніе Евреи, по разсказу Евсевія, основанному на свидѣтельствѣ Филона, Иосифа, Аристовула и

многихъ другихъ, закалаютъ пасхальнаго агнца послѣ весенняго равноденствія, когда солнце проходитъ первый знакъ Зодіака, который Эллины называютъ Овномъ, а четырнадцати-дневная луна получаетъ совершенную полноту. Да и сами столь заботливые въ этомъ отношеніи новациане утверждаютъ, что такого обычая прежде не было ни у нихъ, ни у начальника ихъ ереси, но что онъ введенъ въ первый разъ собиравшимися въ селеніи Вазѣ; такъ что единомышленники ихъ въ старомъ Римѣ и донынѣ еще празднуютъ Пасху вмѣстѣ съ прочими Римлянами. Не иначе праздновали они ее и въ прошедшее время, какъ держась преданія апостоловъ Петра и Павла. Притомъ и Самаритяне, особенные ревнители Моисеева закона, не дозволяютъ совершать этотъ праздникъ, прежде чѣмъ созрѣютъ новые плоды; ибо въ законѣ онъ называется, говорятъ, праздникомъ повымъ, слѣдовательно когда плодовъ еще нѣтъ, праздновать его нельзя, и весеннее равноденствіе необходимо должно ему предшествовать. Удивительно, что подражатели Иудеевъ въ этомъ отношеніи не предпочли скорѣе древняго ихъ обычая. Кромѣ ихъ и такъ называемыхъ въ Азіи четырнадцатниковъ, мнѣ кажется, всѣ прежніе еретики совершаютъ упомянутый праздникъ подобно Римлянамъ и Египтянамъ. Но четырнадцатники празднуютъ его вмѣстѣ съ Иудеями въ самый четырнадцатый день, отъ чего и называются этимъ именемъ; у новацианъ же это бываетъ въ день воскресный, хотя

они слѣдуютъ также Иудеямъ и соглашаются съ четырнадцатниками, съ тѣмъ только различіемъ, что если четырнадцатымъ днемъ луны случится не первый день субботы, то они празднуютъ Пасху позже Иудеевъ столькоми днями, сколько остается ихъ послѣ четырнадцатаго дня луны до слѣдующаго воскресенья. А монтанисты, иначе называемые Пепузитами и Фригійцами, ввели какой-то странный способъ праздновать Пасху. Они порицаютъ тѣхъ, которые въ этомъ дѣлѣ съ излишнею заботливостію наблюдаютъ теченіе луны, и говорятъ, что желающіе въ семь случаевъ поступать правильно должны слѣдовать однимъ солнечнымъ кругамъ. Каждый мѣсяць у нихъ состоитъ изъ тридцати дней, а первымъ днемъ почитается день весенняго равноденствія, по римскому счету, предшествующій девятыю днями апрѣльскимъ календамъ; ибо въ этотъ день, говорятъ они, созданы были два свѣтила, которыми опредѣляются времена и годы. И это подтверждается тѣмъ, что луна чрезъ восьмилѣтній періодъ совпадаетъ съ солнцемъ, такъ что лунное и солнечное новолѣсіе случается тогда въ одинъ и тотъже день. Именно, осмилѣтній періодъ луннаго теченія заключаетъ въ себѣ мѣсяцовъ девяносто девять, а дней двѣ тысячи девять сотъ двадцать два, въ продолженіе которыхъ солнце совершаетъ восемь годовыхъ теченій, полагая каждый годъ въ триста шестьдесятъ пять дней съ четвертью; ибо упоминаемый въ священномъ Писаніи четырнадцатый день они считаютъ

отъ дня за девять дней до апрѣльскихъ календъ, какъ отъ начала созданія солнца и отъ перваго мѣсяца, и говорятъ, что этотъ самый день бывастъ за восемь дней до апрѣльскихъ идусовъ. Въ тотъ день они всегда и совершаютъ Пасху, если это придется въ воскресенье; а когда пѣтъ,—то празднуютъ ее въ слѣдующій воскресный день, ибо, говорятъ, написано, (что она празднуется) отъ четырнадцатаго дня до двадцать перваго.

ГЛАВА 19.

Достойное исторіи перечисленіе обычаевъ у различныхъ народовъ и Церквей.

Таково — то было разногласіе касательно празднованія сего праздника. И мнѣ кажется, что Викторъ, тогдашній епископъ римскій, и Поликарпъ смирскій весьма мудро рѣшили возникшій въ древности объ этомъ споръ: ибо когда западные іереи думали, что не должно уничижать преданія Петра и Павла, а азійскіе утверждали, что надобно слѣдовать евангелисту Іоанну; то упомянутые епископы съ общаго согласія опредѣлили, чтобы тѣ и другіе, празднуя Пасху по своему обычаю, не отдѣлялись отъ взаимнаго общенія. Они весьма справедливо думали, что безумно было бы Христіанамъ, согласнымъ въ главныхъ пунктахъ вѣрованія, раздѣляться между собою изъ за обычаевъ; ибо во всѣхъ Церквахъ, хотя онѣ исповѣдуютъ одно и тоже ученіе, нельзя найти однѣхъ и тѣхъже по всему сходныхъ преданій.

Извѣстно, что въ Скиѣи много городовъ, но у всѣхъ Скиѣовъ—одинъ епископъ; между тѣмъ какъ у другихъ народовъ священствуютъ епископы иногда и въ селеніяхъ, что замѣтилъ я у Аравлянъ и Кипряпъ, у Фригійскихъ новаціанъ и монташистовъ. Діаконовъ у Римлянъ еще и донынѣ не болѣе семи, потому что Римляне имѣютъ въ виду число рукоположенныхъ Апостолами, между которыми находился первоученикъ Стефанъ; а у другихъ число ихъ неопредѣлено. Сверхъ того въ Римѣ каждый годъ только однажды поютъ аллилуіа, именно въ первый день пасхальнаго праздника; такъ что многіе Римляне даже кланутся тѣмъ, чтобы имъ сподобиться услышать или пѣть эту пѣснь. Тамъ же ни епископъ, ни другой кто, не говоритъ въ церкви поученій; а у Александрійцевъ проповѣдуетъ одинъ только городской епископъ,—обычай, котораго прежде не было и который вошелъ, говорятъ, съ того времени, какъ Арій, будучи пресвитеромъ, началъ бесѣдовать о предметахъ вѣры и вводить новости. У Александрійцевъ странно и то, что при чтеніи Евангелія епископъ не встаетъ, чего у другихъ я и невидывалъ и не слыхивалъ. Тамъ эту священную книгу читаетъ одинъ архидіаконъ, между тѣмъ какъ въ другихъ мѣстахъ діаконъ, а во многихъ Церквахъ одни священники, въ знаменитые же праздники епископы, какъ напр. въ Константинополѣ въ первый день Пасхи. И предшествующую этому празднику, такъ называемую четырехдесятницу, въ которую народъ

постится, одни считаютъ въ шесть недѣль, напр. Иллирійцы и Христіане, живущіе на западѣ, вся Ливія и Египеть съ Палестиною, другіе — въ семь, какъ жители Константинополя и окрестныхъ мѣстъ до Финикіи. Въ продолженіи этихъ шести или семи недѣль нѣкоторые постятся три недѣли съ промежутками, другіе три недѣли сряду предъ праздникомъ, а иные только двѣ, какъ напр. послѣдователи Монтана. Не вездѣ тоже время и тотъ же образъ даже для церковныхъ собраній. Извѣстно, что одни собираются и въ субботу, равно какъ въ первый день субботы, что бываетъ въ Константинополѣ и почти повсюду; но въ Римѣ и Александріи не такъ. У Египтянъ во многихъ городахъ и селеніяхъ собираются вечеромъ въ субботу и, уже пообѣдавъ, приобщаются таинствъ. Не всѣ также совершаютъ одгѣ и тѣ же молитвы и псалмопѣнія или чтенія, и не въ одно и тоже время. Напримѣръ такъ называемый апокалипсисъ Петра, который древними признавъ былъ за совершенно подложный, въ нѣкоторыхъ церквахъ Палестины, какъ мнѣ извѣстно, читается еще и донынѣ однажды въ годъ, въ великій пятокъ, когда народъ съ особеннымъ благоговѣніемъ почитается въ память спасительныхъ страданій; а извѣстный псалмъ подъ именемъ апостола Павла апокалипсисъ, котораго не признавалъ никто изъ древнихъ, одобряется весьма многими монашествующими. Нѣкоторые утверждаютъ, что эта книга найдена въ настоящее царствованіе; ибо говорятъ, что въ Тарсѣ климій-

скомъ въ домѣ Павловомъ, по Божію указанію, открытъ былъ подъ землею мраморный ковчегъ, а въ немъ помянутая книга. Но когда я спрашивалъ о томъ, то пресвитеръ Церкви тарсійской Киликсъ сказалъ, что это ложь. Киликсъ былъ человекъ уже многолѣтній, о чемъ свидѣтельствовали и его сѣдины; однакожь онъ говорилъ, что о подобномъ у нихъ событіи не знаетъ, и подозрѣваетъ, не выдумали то еретиковъ. Но довольно объ этомъ. По городамъ и селеніямъ есть много и другихъ обычаевъ, свято соблюдаемыхъ воспитанными въ нихъ людьми, изъ уваженія къ лицамъ, которые вначалѣ передали ихъ, или въ послѣдствіи сохранили. Надобно думать, что тоже случилось и относительно упомянутаго праздника, по поводу котораго я изложилъ эти сказанія.

ГЛАВА 20.

Объ успѣхахъ нашего впроученія, и объ окончательномъ разрушеніи идольскихъ капищъ, также о бышемъ въ то время возвышеніи воды въ рѣкѣ Нилѣ.

Тогда какъ ереси, по сказанному, раздѣлялись, Церковь католическая тѣмъ болѣе возрастала; ибо къ ней присоединялись весьма многіе—съ одной стороны изъ враждовавшихъ между собою неправославныхъ, съ другой и въ особенности изъ языческой черни. Когда то-есть царь замѣтилъ, что обычаи прежнихъ временъ привлекаютъ подвластный ему народъ къ предметамъ благоговѣнія его предковъ и къ священнымъ его мѣстамъ, то въ началѣ цар-

ствованія воспретилъ посѣщать эти мѣста, а при концѣ его многія изъ нихъ и разрушилъ. Поэтому народъ, лишившись молитвенныхъ домовъ, мало по малу привыкъ посѣщать церкви,—тѣмъ болѣе, что и втайнѣ приносить жертвы, по языческому обычаю, было не безопасно, и противъ тѣхъ, которые отважились бы на это, изданъ былъ законъ, подвергавшій ихъ лишенію жизни и имущества. Говорятъ, въ это время вода въ египетской рѣкѣ стала подниматься позже обыкновеннаго. Египтяне роптали, что имъ не дозволяютъ по древнему обычаю приносить этой рѣкѣ жертвы. Народный префектъ, подозрѣвая, что они готовятся къ возмущенію, донесъ о томъ царю. Но царь, получивъ это извѣстіе, сказалъ, что лучше оставаться вѣрнымъ Богу, чѣмъ предпочитать благочестію наводненіе Нила и происходящее отъ него плодородіе. Пусть никогда не разливается эта рѣка, если только она дѣйствительно можетъ быть вызываема изъ береговъ волхвованіями, услаждаться жертвами и осквернять кровію потоки, текущіе изъ божественнаго рая. Впрочемъ спустя не много времени Нилъ сильно разлился и покрылъ водою мѣста даже возвышенныя. Когдаже онъ дошелъ до крайней и рѣдко достигаемой водою степени, а вода все еще поднималась; то Египтяне впали въ противоположный страхъ и боялись, какъбы онъ не затопилъ Александріи и части Ливіи. Тогда александрійскіе язычники, въ досадѣ на этотъ неожиданный случай, въ насмѣшку кричали,

говорять, на зрѣлицѣ, что Ниль, будто какой старикъ, либо человекъ бѣшеный, вымилъ всю воду. По сему случаю весьма многіе изъ Египтянъ, осудивъ сусѣтріе предковъ, обратились въ Христіанство. Такъ объ этомъ мнѣ рассказывали.

ГЛАВА 21.

О обрѣтеніи честной главы Предтечи, и о томъ, что по этому случаю происходило.

Около тогоже времени перепесена въ Константинополь глава Юанна Крестителя, которую Иродіада неспросила у Ирода тетрарха. Говорить, она обрѣтена была монахами, принадлежавшими къ Македоніевой ереси. Эти монахи сначала жили въ Иерусалимѣ, а потомъ переселились въ Киликію. Въ предшествующее царствованіе доносили о ней главный правитель царскаго дворца Мардоній, и Валентъ приказалъ перепестъ ее въ Константинополь. Посланные съ этимъ порученіемъ, дѣйствительно, возложили ее на общественную колесницу и повезли. Но когда достигли они Паптихіи—мѣстечка Халкидонскаго; то мулы, запряженные въ колесницу, остановились и не пошли далѣе, не смотря на то, что конюхи грозили имъ, а возница жестоко билъ ихъ бичемъ. Когдаже это осталось безполезнымъ, и событіе для всѣхъ, даже для самаго царя, показалось дѣломъ необыкновеннымъ и божественнымъ; то сію святую главу положили въ селеніи Косилаѣ, такъ какъ оно находилось вблизи и принадлежало

упомянутому Мардонію. Но въ послѣдствіи, въ описываемое нами время, по вдохновенію ли Божію, или по внушенію самаго Пророка, прибылъ въ это селеніе царь Феодосій. Опъ хотѣлъ взять останокъ Крестителя, но ему воспротивилась, говорятъ, одна Матрона, посвященная Богу дѣва, сопутствовавшая главѣ въ качествѣ служительницы и хранительницы. Такъ какъ она противилась со всею твердостію, то царь не счелъ нужнымъ принуждать ее силою, а напротивъ старался склонить ее къ согласію прозьбами. Когдаже она наконецъ согласилась, думая, что напрасны будутъ усилія Державнаго, судя потому, что случилось во времена Валента; то ковчегъ, въ которомъ лежала глава, царь покрылъ порфиною и, взявъ его съ собою, возвратился въ Константинополь, гдѣ положилъ его въ такъ называемомъ предмѣстіи на седьмой милѣ, и воздвигъ тамъ огромный и прекрасѣйшій храмъ Богу. Чтоже касается до Матроны, то хотя царь многократно и часто докучалъ ей и обѣщалъ милости, однакожъ не склонилъ ее отстать отъ своихъ мыслей; ибо она принадлежала къ Македоніевой ереси. Но пресвитеръ Вакентій, который былъ одинаковыхъ съ нею мыслей и, находясь также при гробѣ Пророка, совершалъ предъ нимъ богослуженіе, немедленно послѣдовалъ за царемъ и вступилъ въ общеніе съ членами Церкви католической. По словамъ приверженцевъ Македонія, опъ клятвенно увѣрялъ, что никогда не отступитъ отъ ихъ ученія, однакожъ наконецъ явно выска-

заль, что если Креститель благоволитъ послѣдовать за царемъ, то и онъ безъ всякаго отлагательства вступитъ съ нимъ въ общеніе. Викентій родомъ былъ Персіянинъ. Но когда въ царствованіе Констанція персидскіе Христіане подверглись гоненію, онъ вмѣстѣ съ двоюроднымъ братомъ своимъ Аддою убѣжалъ къ Римлянамъ, причисленъ былъ къ клиру и достигъ сана пресвитера. А Адда, вступивъ въ бракъ, принесъ великую пользу Церкви и оставилъ по себѣ сына Авксептія, преданнаго Богу и заботливаго о друзьяхъ, человека прекраснаго по жизни, любившаго науки и многосвѣдущаго въ сочиненіяхъ языческихъ и церковныхъ писателей, мужа благонаправнаго, полезнаго царю и царедворцамъ и занимавшаго блестящія должности. Но о немъ рассказываютъ очень многое какъ знаменитые монахи, такъ и добродѣтельные люди, съ которыми онъ былъ знакомъ. А Матрона до самой кончины оставалась въ селеніи Косилаѣ и жила весьма свято и благочестиво, начальствуя надъ посвященными Богу дѣвами, изъ которыхъ многія, какъ я слышалъ, и доселѣ еще живы и ведутъ жизнь, достойную наставленій Матроны.

Г Л А В А 22.

Объ удавленіи царя Валентиніана Младшаго въ Римѣ и о тираніи Евгенія, также о пророчествѣ Осиандскаго монаха Іоанна.

Между тѣмъ какъ Θεодосій, мирно управляя восточною имперією, занимался такими дѣлами и весьма ревностно служилъ Богу, пришло изъ

вѣстіе, что царь Валентиніанъ погибъ отъ веревки. Говорили, что такая кончина устроена ему постельничими евнухами, по наущенію нѣкоторыхъ царедворцевъ, а особенно начальника надъ войскомъ Арбогаста, который видѣлъ, что юный царь въ управленіи подражаетъ отцу и недоволенъ многимъ, что ему правилось. Но другіе полагали, будто онъ самъ наложилъ на себя руки—отъ того, что въ пылу молодости рѣшаясь на что нибудь не должное, встрѣчалъ пренія, и потому не захотѣлъ жить, такъ какъ, будучи царемъ, не могъ безпрепятственно дѣлать все, чего желалъ. Впрочемъ утверждаютъ, что этотъ юноша, и по красотѣ тѣла, и по доблести царскаго характера, былъ чрезвычайно достоинъ царствованія, что онъ и великодушіемъ и справедливою превзошелъ бы своего отца, еслибъ достигъ мужескаго возраста. Иднакожъ, бывъ такимъ, онъ получилъ такую смерть! Между тѣмъ нѣкто Евгеній, нескренно расположенный къ христіанскому ученію, захватилъ власть надъ имперією и возложилъ на себя знаки царствованія. Онъ думалъ, что будетъ владычествовать безопасно, и къ этой мысли приведенъ былъ словами нѣкоторыхъ людей, увѣрившихъ его, что они знаютъ будущее по жертвеннымъ животнымъ, по разсматриванію печени и наблюденію звѣздъ. Этимъ въ то время занимался многіе изъ римскихъ сановниковъ и между прочими тогдашній префектъ Флавіанъ, человекъ краснорѣчивый и почитавшійся весьма мудрымъ въ дѣлахъ государственныхъ, а сверхъ

того, чрезъ знаніе всякаго рода гаданій, прослышій точнымъ знатокомъ будущаго. Такииъ-то знаніемъ особенно убѣдилъ онъ Евгенія приготовиться къ войнѣ, увѣряя, что ему судьбою определено царствовать, что въ сраженіи на его сторонѣ будетъ побѣда, и что за тѣмъ настанетъ измѣненіе христіанской вѣры. Обольщенный такими надеждами, Евгеній собралъ огромное войско и, занявъ ведущія въ Италію ворота, которыя у Римлянъ называются Юліевыми Альпами, охранялъ ихъ. А эти ворота, съ обѣихъ сторонъ огражденныя крутыми и высокими горами, оставляютъ только одинъ проходъ чрезъ ущелье. Между тѣмъ Θεодосій, думая о томъ, какой будетъ имѣть исходъ война его съ Евгеніемъ, и лучше ли самому наступать, или ждать его наступленія, рѣшился посоветоваться объ этомъ съ египетскимъ монахомъ Іоанномъ, о которомъ я сказалъ прежде, что онъ тогда славился знаніемъ будущаго. И такъ царь послалъ въ Египетъ одного преданнаго себѣ придворнаго свнуха, Евтропія, чтобъ онъ, если возможно, привезъ Іоанна, а когда тотъ откажется ѣхать, узнать по крайней мѣрѣ отъ него, что надобно дѣлать. Увидѣвши Іоанна, свнухъ не убѣдилъ его идти къ царю, но возвратился одинъ и объявилъ предсказаніе пустышника, что Θεодосій будетъ побѣдителемъ въ войнѣ и, истребивъ тирана, послѣ побѣды въ Италіи, самъ скончается. Послѣдствія показали, что то и другое было справедливо.

ГЛАВА 25.

О свнухѣ: податей, о испроверженіи въ Антиохіи церковныхъ статуи и о посольствѣ Архіерея Флавіана.

Между тѣмъ по случаю войны, начальники, завѣдывавшіе сборомъ податей, заблагодарасудили потребовать ихъ нѣсколько болѣе обыкновеннаго. По этому случаю возмущившійся въ сирской Антиохіи народъ испровергъ статуи царя и его супруги, потомъ, привязавъ къ нимъ веревку, влачилъ ихъ по городу, и при этомъ случаѣ, какъ обыкновенно бываетъ у разъяренной черни, произносилъ оскорбительныя выраженія. Когда же царь за это думалъ многохъ Антиохійцевъ предать смерти, народъ, по одному слуху о томъ, пришелъ въ крайнее уныніе, прекратилъ бѣшенство, сталъ раскаиваться и, какъ будто наступили уже тѣ бѣдствія, о которыхъ говорили, стоналъ, плакалъ, умолялъ Бога, чтобы Онъ укротилъ гнѣвъ Державнаго, и при общенародныхъ моленіяхъ нѣкоторыя пѣсни воспѣвалъ жалобно. Въ это-то время, антиохійскій епископъ Флавіанъ отправлялся посломъ за своихъ согражданъ, когда царь былъ еще гнѣвенъ, и убѣдилъ юношей, обыкновенно поющихъ при царскомъ столѣ, пропѣть тѣ пѣсни, которыя Антиохійцы пѣли во время общенародныхъ моленій. Отъ этого, говорятъ, царь, побѣжденный состраданіемъ, преклонился на милость, тотчасъ отложилъ гнѣвъ, примирился съ народомъ и омочилъ слезами чашу, которую тогда

держалъ въ рукахъ. Рассказываютъ также, что въ ночь, предшествовавшую тому дню, въ который произошло это возмущеніе, царь видѣлъ призракъ женщины, чрезвычайной величины и ужаснаго образа, которая, проходя по воздуху надъ городскими улицами, поражала воздухъ страшными ударами бича, какими обыкновенно приводятъ въ ярость звѣрей люди, занимающіеся такого рода зрѣлищами. Изъ этого видно, что нѣкій злой демонъ коварно возбудилъ тотъ мятежь, и за нимъ послѣдовало бы, конечно, много смертей, если бы царь не отложилъ гнѣва, уваживъ, по своему благочестію, священническое ходатайство.

Г Л А В А 24.

О побѣдѣ царя Феодосія надъ Егегіемъ.

Когда все было готово къ войнѣ, Феодосій объявилъ царемъ младшаго сына своего Гонорія, а Аркадій былъ еще прежде объявленъ, и, оставивъ обоихъ въ Константинополѣ, самъ съ войскомъ поспѣшно отправился съ востока въ западную имперію. Въ слѣдъ за нимъ пошло и множество союзниковъ изъ Варваровъ, жившихъ по Дунаю. Говорятъ, что, выѣхавъ тогда изъ Константинополя и достигши седьмой мили, онъ молился Богу въ тамошней церкви, которую выстроилъ въ честь Іоанна Крестителя, просилъ, чтобы исходъ войны былъ благополученъ и для него, и для войска, и для всѣхъ Римлянъ, и призывалъ себя въ помощь Крестителя. Испросивъ этого, Феодосій отправился въ Италію и, на-

павъ на Альпы, взялъ первое сторожевое мѣсто. Когда же, перешедши высоту ущелья, онъ готовъ уже былъ спускаться, — вдругъ увидѣлъ предъ собою поле, покрытое коннымъ и пѣшимъ войскомъ, а недалеко сзади множество неприятелей, стоявшихъ на высотѣ горы. Какъ скоро первый перешедшій войска столкнулся съ стоявшимъ въ немъ неприятелемъ, завязалась жестокая и сомнительная битва. Царь еще при переходѣ войскъ замѣтилъ, что ему съ ними, при всемъ даже желаніи, человѣческими средствами спастись невозможно, если нападутъ съ тылу неприятели, занявшіе высоту. Посему онъ повергся на землю и слезно молился, — и Богъ, какъ показало событіе, скоро выслушалъ его молитвамъ; ибо начальники отрядовъ, занимавшихъ возвышеніе, послали сказать ему, что они будутъ его помощниками, если онъ удостоитъ ихъ почестей. Тогда царь, поискавъ и не нашедши бумаги и чернилъ, взялъ дощечку, которую случайно держалъ одинъ изъ предстоявшихъ, и написалъ, что они получаютъ отъ него важныя и пріятныя мѣста въ войскѣ, если исполнятъ обѣщаніе. На этомъ условіи тѣ дѣйствительно перешли на сторону царя. Впрочемъ, когда еще ни та, ни другая сторона ни уступала, и битва въ полѣ была равносильна, вдругъ подулъ чрезвычайно сильный, противный неприятелю вѣтеръ, какого никогда прежде не бывало, и разстроилъ ряды ихъ. Бросаемыя Римлянами стрѣлы и колья, какъ будто они ударялись во что-нибудь твердое, онъ отражалъ назадъ въ тѣла

бросающихъ и, вырывая изъ рукъ ихъ щиты, съ грязью и пылью обращалъ на нихъ же. Лишенные такимъ образомъ оружія, весьма многіе изъ нихъ тутъ же были побиты, а другіе, спасшись на время бѣгствомъ, скоро были переловлены. Тогда Евгеній, повергшись къ ногамъ царя, молилъ его о пощадѣ, но въ то самое время, какъ онъ умолялъ, былъ обезглавленъ однимъ изъ воиновъ. А Арбогастъ, послѣ сраженія предавшись бѣгству, самъ на себя наложилъ руки. Говорятъ, что въ то время, какъ происходило это сраженіе, въ храмъ Божіемъ, находящемся въ предмѣстіи на седьмой милѣ, гдѣ молился царь, выступая на войну, одинъ бѣсноватый, восхищенный на воздухъ, носилъ Юанна Крестителя, ругался надъ нимъ, какъ надъ обезглавленнымъ, и восклицалъ: ты побуждаешь меня и устрояешь козни моему войску. Присутствовавшіе при томъ, такъ какъ естественно всѣмъ очень хотѣлось услышать и сказать что-нибудь новаго о воицѣ, бывъ изумлены этимъ, записали тотъ день и скоро отъ бывшихъ въ сраженіи узнали, что сраженіе случилось именно въ замѣченный день. Такъ-то, говорятъ, происходило это.

Г Л А В А 25.

О дерзновеніи святаго Амвросія предъ царемъ Феодостемъ и объ избіеніи жителей вессалоникскихъ; также повѣствованіе о другихъ подвигахъ этого святаго мужа.

По убіеніи Евгенія, царь, прибылъ въ Меліолапъ и пошелъ въ церковь помолиться. Ког-

да же онъ подошелъ къ дверямъ, ему вышелъ на встрѣчу епископъ города Амвросій и, взявъ его за порфиру, въ присутствіи народа сказалъ: остановись; человѣку, оскверненному грѣхомъ и несправедливо обagrившему руки кровію, нельзя, прежде покаянія, преступать этотъ священный порогъ и прикасаться божественныхъ таинствъ. Удивившись дерзавости іерея, царь, сознавъ свой грѣхъ и, побуждаемый раскаяніемъ, удалился. Поводъ же ко грѣху былъ слѣдующій: У тогдашняго начальника надъ войсками въ Иллиріи, Вуоериха, возмуща, милая постыдное чувство къ вавочерію, искушалъ его и, за то будучи взятъ, содержался въ тюрьмѣ. Между тѣмъ, по случаю имѣвшаго быть въ циркѣ знаменитаго бѣга, вессалоникскій народъ потребовалъ, чтобы его освободили, какъ такого человѣка, который необходимъ для предстоящаго состязанія, и когда въ этомъ было ему отказано, то поднялъ сильное смятеніе и наконецъ убилъ Вуоериха. Получивъ о томъ донесеніе, царь крайне разгнѣвался и приказалъ предать смерти извѣстное число первыхъ встрѣчныхъ. Въ слѣдствіе этого городъ обagrился кровію многихъ невинныхъ; потому что сверхъ всякаго ожиданія, схвачены были и иноземцы, только что приплывшіе моремъ и пришедшіе сухимъ путемъ. Да и много было случаевъ жалкихъ, и между прочими слѣдующій: Одинъ купецъ, предлагая самаго себя вмѣсто двухъ взятыхъ его сыновей, просилъ, чтобы его умертвили, а ихъ пощадилъ, и въ награду

за то обѣщаль отдать вошамъ все свое золото. Сжалившись надъ несчастіемъ этого человѣка, вошны принимали его просьбу за одного изъ сыновей, котораго онъ выбереть, но отпустить обоихъ сочли для себя не безопаснымъ, потому что тогда не выйдетъ полнаго числа. Смотря на обоихъ съ плачемъ и слезами, отецъ не могъ избрать ни котораго, но, пламенѣя одинаковою любовію къ тому и другому, оставался въ нерѣшимости, пока ихъ не умертвили. Я слышалъ также, что тогда одинъ добрый слуга охотно отдалъ себя на смерть вмѣсто господина, котораго вели лишить жизни. Въ этихъ-то и вѣроятно въ другихъ, случившихся тогда бѣдствіяхъ обвиняя царя, Амвросій за то отвергъ его отъ церкви и лишилъ общенія. Впрочемъ царь и самъ всенародно исповѣдалъ свой грѣхъ предъ Церковію, и во все назначенное ему для покаянія время, какъ плачущій, носилъ царскихъ украшеній. Сверхъ того, онъ издалъ законъ, чтобы исполнители царскихъ повелѣній наказаніе осужденныхъ на смерть отлагали до тридцатаго дня—въ той мысли, что это промежуточное время утишить гнѣвъ царя, а съ ослабленіемъ гнѣва, останется мѣсто для милосердія и раскаянія. Впрочемъ Амвросій совершилъ много и другихъ достойныхъ священства дѣлъ, которыя извѣстны однимъ мѣстнымъ жителямъ. Къ числу важнѣйшихъ его подвиговъ относится и слѣдующій: Было въ обычаѣ, что цари стояли въ святыхъ церквяхъ, ради чести, занимая отдѣльное мѣсто отъ народа. Но убѣ-

жденный, что это произошло отъ угодичества или отъ нарушенія порядка, Амвросій назначилъ царю мѣсто въ церкви предъ рѣшетками святыхъ, такъ чтобы Державный предсѣдательствовалъ народу, а Державному — іерей. Это прекрасное установленіе царь Феодосій одобрилъ, а пресемники его утвердили; такъ что оно съ тѣхъ поръ, видимъ, соблюдается и донынѣ. Мнѣ кажется, необходимо вѣсть въ исторію и слѣдующее достопамятное дѣло этого мужа. Одинъ язычникъ изъ числа сановниковъ носилъ Граціана, называлъ его недостойнымъ отца и, подвергшись за это суду, осужденъ былъ на смерть. Когда же вели его на казнь, Амвросій пошелъ во дворецъ—съ намѣреніемъ просить за него. Такъ какъ Граціанъ, побуждаемый людьми, строившими ему козни, забавлялся въ это время травленіемъ звѣрей—однимъ изъ тѣхъ звѣрищъ, какія обыкновенно назначаютъ цари для своего, а не для всенароднаго удовольствія, и никто изъ поставленныхъ при дворцовыхъ воротахъ не докладывалъ объ Амвросіѣ, потому что было не время; то онъ пошелъ назадъ и, подошедши къ воротамъ, которыми вводили звѣрей, незаметно вступилъ въ нихъ вмѣстѣ съ охотниками и доголъ не отставалъ отъ Граціана и окружавшихъ его, пока не исторгъ у него слова спасенія, которымъ ведомый на смерть избавлялся отъ смерти. Сверхъ сего, онъ былъ весьма рачителенъ въ соблюденіи церковныхъ законовъ и внимателенъ къ образу жизни подчиненныхъ себя клириковъ. Изъ многихъ знаме-

пныхъ его дѣлъ и разсказалъ объ этихъ въ доказательство его дерзновенія, какое онъ, ради Бога, имѣлъ презъ державными.

ГЛАВА 26.

О святомъ Донатѣ, епископѣ еврѣйскомъ, и Феотимѣ, пратерѣ скитскомъ.

Въ то же время, во многихъ мѣстахъ вселенной, было много и другихъ славныхъ епископовъ. Такимъ, на примѣръ, почитался Донатъ, епископъ города Еврей въ Египтѣ. Мѣстные жители свидѣлствуютъ, что онъ совершилъ вообще много чудесъ, и въ особенности чудо умерщвленія дракона, который скрывался при большой дорогѣ, около мѣста, называемаго Хамефефира, и похищалъ овецъ, козъ, воловъ, лошадей и людей. Не съ мечемъ или копьемъ, и не съ какимъ-либо другимъ оружіемъ вышелъ онъ противъ этого звѣря; но когда тотъ почувствовалъ его приближеніе и поднялъ голову, чтобы напасть на него, онъ перстомъ изобразилъ передъ нимъ въ воздухѣ знаменіе креста и плюнулъ. Слюна попала звѣрю въ ротъ и онъ издохъ. Мертвое тѣло его показывало, что это животное, по величинѣ, было не меньше пресмыкающихся, которыя водятся, говорятъ, въ Индіи. Дѣйствительно, мѣстные жители, какъ я слышалъ, выгнали его на ближнее поле осемью волами и сожгли, чтобы онъ гніеніемъ не заражалъ воздуха и не причинилъ смертоносной болѣзни. Этому Донату гробницею служить на-

зываются по его имени, знаменитый молитвенный домъ, близъ котораго находится многоводный источникъ, прежде не существовавшій и открытый Богомъ по его молитвамъ; ибо то мѣсто было совершенно безводно. Говорятъ, однажды онъ зашелъ сюда во время путешествія, и когда находившіеся съ нимъ страдали отъ недостатка воды, онъ сталъ копать землю рукою и молиться. По его молитвѣ тотчасъ проторгся обильный ключъ воды, и съ тѣхъ поръ не иссякаетъ. Свидѣтели тому—жители еврейской деревни Исоринъ, въ которой это случилось. — Въ то же время церковію Томиса и прочей Скиѣи управлялъ Феотимъ, родомъ Скиѣецъ, человекъ, воспитанный въ любомудріи, котораго придумали Варвары Гунны, дивясь его добродѣтели, называли римскимъ Богомъ, потому что и въ самомъ дѣлѣ видѣли отъ него опыты дѣлъ божественныхъ. Рассказываютъ, на примѣръ, что однажды онъ путешествовалъ по тамошней странѣ Варваровъ и встрѣтилъ нѣсколько туземцевъ, шедшихъ въ Томисъ. Бывшіе съ нимъ стали плакать, полагая, что они будутъ убиты; но онъ, сошедши съ лошади, началъ молиться,—и Варвары миновали ихъ, не замѣтивъ ни его самого, ни спутниковъ его, ни лошадей, съ которыхъ они сошли. Такъ какъ жители той страны своими частыми набѣгами разоряли Скиѣевъ, то Феотимъ этихъ, по природѣ звѣроподобныхъ людей приучилъ къ кротости, угощая ихъ и по дружески предлагая имъ подарки. Отъ того одинъ Варваръ, предполагая, что онъ

богаты, вознамѣрился коварно плѣнить его. Съ этою цѣлю приготовилъ онъ арканъ и стоялъ, опершись на щитъ, какъ обыкновенно дѣлывалъ, разговаривая съ непріятелями, потомъ, поднявъ правую руку, хотѣлъ забросить на него веревку, чтобы увлечь его къ себѣ и къ своимъ единоплеменникамъ; но во время этого самаго дѣйствія рука его осталась протянутою въ воздухъ, и не прежде освободилась отъ невидимыхъ узъ, какъ когда Фсотимъ, по ходатайству другихъ, помолится за Варвара Богу. Говорятъ, что этотъ епископъ постоянно носилъ длинные волосы—съ тѣхъ поръ, какъ началъ прилежно изучать любомудріе. Онъ держался простаго образа жизни, вкушалъ пищу не въ одно и то же время, но когда чувствовалъ голодъ или жажду; ибо, философу и въ этомъ случаѣ свойственно, кажется, уступать нуждѣ, а не прихоти.

Г Л А В А 27.

О святомъ Епифаніи, епископѣ кипрскомъ, и краткое повѣствованіе о дѣлахъ его.

Въ то же время въ главномъ городѣ Кипра епископствовалъ и Епифаній. Онъ былъ знаменитъ не только добродѣтелями, но и тѣми чудесами, которыя совершены Богомъ для прославленія его при жизни и по смерти; ибо по смерти его творится то, чего не было и при жизни: говорятъ, что при его гробѣ и до нынѣ еще изгоняются демоны и получаютъ нѣкоторыя исцѣленія. А пока онъ былъ живъ, ему

приписано много чудесъ, въ числѣ которыхъ до насъ дошло и слѣдующее: Такъ какъ, бывъ щедръ къ бѣднымъ, пострадавшимъ либо отъ кораблекрушенія, либо отъ какой другой причины, онъ давно уже издержалъ свое имѣніе, то въ случаѣ нужды расточалъ и имущество церковное. А этого имущества было очень много; потому что, желая сдѣлать благочестивое употребленіе изъ своего богатства, многіе со всѣхъ концовъ вселенной и при жизни отдавали его въ церковь, и при кончинѣ оставляли ей — въ той увѣренности, что Епифаній, какъ добрый распорядитель, и какъ человекъ, любящій Бога, употребитъ ихъ дары согласно съ ихъ желаніемъ. Говорятъ, что однажды, когда уже немного оставалось денегъ, экономъ церкви вознегодовалъ на епископа и сталъ порицать его, какъ расточителя. Но послѣдній, не смотря и на это, не уменьшалъ своей обычной щедрости къ бѣднымъ. Такимъ образомъ наконецъ все было издержано, какъ вдругъ нѣкто вошелъ въ комнату, въ которой жилъ экономъ, и подаль ему мѣшокъ со многими золотыми монетами. Такъ какъ неизвѣстенъ былъ ни тотъ, кто подаль, ни тотъ, кто послалъ подать, а между тѣмъ по справедливости казалось страннымъ, чтобы человекъ, пожертвовавшій столько денегъ, хотѣлъ остаться неизвѣстнымъ; то все пришли къ мысли, что это дѣло Божіе. Но вотъ и нѣчто другое, что о немъ говорятъ, и о чемъ я хочу рассказать. Знаю, что тоже чудо было совершено и Григоріемъ чудотворцемъ,

пѣкогда управлявшимъ неокессарійскою Церковію, и очень вѣрю этому. Но отсюда еще не слѣдуетъ, будто подобное дѣло не могло быть совершенно и Епифаніемъ. Вѣдь не одинъ также апостоль Петръ воскресилъ мертваго, но и евангелистъ Іоаннъ въ Ефесѣ, и дочери Филиппа въ Іеранолисѣ. Мы видимъ, что часто одно и тоже было совершенно многими, и древними, и нынѣ живущими благочестивыми мужами. Вотъ то событіе, о которомъ я хочу разсказать. Двое нищихъ замѣтили, что идетъ Епифаній, и, чтобы получить отъ него больше денегъ, одинъ изъ нихъ, разпростершись на землѣ, лежалъ, какъ мертвый, а другой, стоя подлѣ него, плакалъ и, выражая скорбь о смерти своего товарища, вмѣстѣ жаловался на бѣдность, что ему печѣмъ даже и похоронить его. Епифаній помоллся объ упокоеніи лежащаго и, давъ плачущему, сколько нужно для погребенія, сказалъ: смнѣ мой, позаботься о погребеніи и перестань плакать: вѣдь ужъ онъ не воскреснетъ; а чего пельзя измѣнить въ случившемся и что совершенно необходимо, то нужно переносить великодушно. Сказавъ это, онъ пошелъ дальше. Когда никого не стало видно, стоявшій толкнулъ ногою лежавшаго и, хваля его за то, что онъ очень искусно представилъ умершаго, сказалъ: вставай и повеселимся сегодня на счетъ твоихъ трудовъ. Но тотъ все лежалъ въ одномъ положеніи и не слышалъ, какъ этотъ кричалъ ему, не чувствовалъ, какъ онъ изо всей силы толкалъ его. Тутъ уже послѣдній побѣждалъ за

іереемъ и, догнавъ его, признался ему въ своемъ обманѣ, плакалъ и, рвя на себѣ волосы, просилъ его воскресить товарища. Но Епифаній, давъ ему наставленіе не слишкомъ печалиться о случившемся, отпустилъ его; ибо Богу не угодно было измѣнить то, что совершилось—безъ сомнѣнія съ цѣлію внушить людямъ, что поступающіе такимъ образомъ съ Его слугами, обманываютъ Его самаго, тогда какъ Онъ все слышитъ и все видитъ.

ГЛАВА 28.

Объ Акакіѣ, епископѣ берійскомъ, также о Зенонѣ и Алектѣ, мужахъ знаменитыхъ и прославившихся добродѣтелию.

Такъ я слышалъ объ этомъ. Въ то же время славился между епископами и Акакіій, которому давно уже ввѣрено было епископство въ городѣ Беріи сирійской. О немъ можно разсказать много достопамятнаго, такъ какъ онъ еще съ дѣтства началъ подвиги иноческой жизни и жилъ со всею строгостію. Но лучшимъ доказательствомъ его добродѣтели служить то, что епископское его жилище было открыто во всякое время. Всѣмъ, кому хотѣлось, и пришельцамъ, и городскимъ жителямъ позволялось смѣло видѣть его и во время обѣда, и въ часы сна. Этому я очень удивляюсь: значить, онъ либо такъ жилъ, что всегда былъ увѣренъ въ самомъ себѣ, либо придумалъ это съ намѣреніемъ противодѣйствовать склонности нашей природы къ злу; ибо ожидая, что приходящіе всегда могутъ застать его въ располхѣ, онъ былъ безпрестан-

но на стражѣ и ни въ чемъ не отступалъ отъ своего долга, но всегда занимался добрыми дѣлами. Въ то же время славилась братья Зенонъ и Аяксъ, которые первоначально вели жизнь любомудрственную—не въ уединеніи, а въ приморскомъ городѣ Газѣ, называемомъ также Майномою. Оба они были весьма преданы православному ученію и мужественно исповѣдали Бога, такъ что много разъ весьма тяжко и жестоко были биты язычниками. Объ Аяксѣ рассказываютъ, что онъ женился на прекраснѣйшей женщинѣ, но только трижды во все время имѣлъ съ нею супружескую связь и родилъ отъ ней трехъ сыновей, а потомъ отказался отъ сожителства съ сунругою и жилъ иночески. Изъ сыновей своихъ, двухъ воспиталъ онъ въ познаніи предметовъ божественныхъ и приготовилъ къ безбрачію, а третьяго къ жизни брачной. Самъ же кротко и весьма похвально управлялъ Церковію вотолійскою. Равнымъ образомъ и Зенонъ, еще въ юности отказавшись отъ міра и отъ брака, былъ весьма рачителенъ въ служеніи Богу. Говорятъ, да мы и сами видѣли, что въ качествѣ епископа Церкви майномской, достигнувъ уже старости и имѣя около ста лѣтъ, онъ никогда не пропускалъ ни утреннихъ, ни вечернихъ пѣснопѣній, ни другаго какого-либо Богослуженія, если только не препятствовала ему болѣзнь. Проводя жизнь въ монашескомъ любомудріи, онъ ткалъ на одноверетенномъ станкѣ льняную одежду, и чрезъ это не только доставалъ все нужное для себя, но и помогать

другимъ, и до самой кончины не переставалъ заниматься этимъ дѣломъ, хотя былъ старше всѣхъ мѣстныхъ епископовъ и начальствовалъ надъ многолюднѣйшею и богатѣйшею Церковію. Объ этихъ епископахъ я упомянулъ, чтобы показать, каковы были въ то время предстоятели: всѣхъ же перечислить трудно; потому что они большею частію были мужи добрые. И самъ Богъ свидѣтельствовалъ о доброй ихъ жизни, скоро внемля ихъ молитвамъ и совершая чрезъ нихъ весьма много чудесъ.

ГЛАВА 29.

О обрѣтеніи мощей пророковъ Аввакума и Михея, и о кончинѣ царя Феодосія Великаго.

Управляемая такими мужами вселенская Церковь приводила къ единодушной добродѣтели и ревности какъ миряны, такъ и клиръ. Впрочемъ не этимъ однимъ прославилось наше Богослуженіе, но и тѣмъ, что тогда же обрѣтены были первопророки Аввакумъ и, спустя немного, Михей. Тѣла обоихъ, какъ я слышалъ, указаны были божественнымъ свидѣніемъ Зевенну, бывшему въ то время епископомъ Церкви элевѣропольской. Имя мѣсту, гдѣ обрѣтенъ Аввакумъ, было Кела, или прежній городъ Кила. Отъ этого города на десять стадій отстоитъ мѣстечко Вираѳсатія, близъ котораго находился гробъ Михея, отъ мѣстныхъ жителей, но невѣдѣнію, названный памятникомъ вѣрныхъ, или на родномъ ихъ языкѣ *Нѣвсагелмана*. Такъ вотъ и это служило также къ прославленію христіан-

скаго ученія и случилось въ настоящее же царствованіе. Между тѣмъ царь Θεодосій, послѣ побѣды надъ Евгешемъ, находясь еще въ Медіоланѣ, заболѣлъ и, тотчасъ припомнивъ предсказаніе монаха Іоанна, сталъ подозрѣвать близость своей кончины. Онъ немедленно вызвалъ изъ Константинополя сына своего Гонорія и, когда увидѣлъ его,—какъ будто почувствовалъ себя лучше, такъ что самъ вышелъ въ циркъ на зрѣлище. Но послѣ обѣда ему вдругъ сдѣлалось хуже, и онъ поручилъ сыну своему присутствовать вмѣсто себя. Въ слѣдующую ночь жизнь его прекратилась, и это случилось въ консульство братьевъ Оливрія и Пробіана.

КОНЕЦЪ СЕДЬМОЙ КНИГИ ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРИИ.

ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРИИ

ЭРМИЯ СОЗОМЕНА САЛАМИНСКАГО.

КНИГА ОСЬМАЯ.

ГЛАВА I.

О преемникахъ Θεодосія Великаго и о томъ, какъ убитъ префектъ Руфинъ, также объ архіереяхъ великихъ городовъ, о разгласіи еретиковъ и о новацианскомъ епископѣ Сисиніи.

Такимъ образомъ, значительно возвысивъ Церковь и проживъ около шестидесяти лѣтъ, а процарствовавъ шестнадцать, Θεодосій скончался. Преемниками своей власти оставилъ онъ старшаго сына Аркадія надъ народами восточными, а Гонорія надъ западными. Оба они касательно вѣры были единомысленны отцу. Надъ римскою Церковію начальствовалъ тогда, послѣ Дамаса, Сирикій, надъ константинопольскою Нектарій, надъ александрійскою Теофиль, надъ антиохійскою Флавіанъ, а надъ іерусалимскою Іоаншъ. Въ это время на Арменію и нѣкоторыя части восточной имперіи сдѣлали набѣгъ Варвары Гуны. Сказывали, что для возмущенія имперіи, тайно навелъ ихъ префектъ восточна Руфинъ, подозрѣваемый и кромѣ того въ стремленіи къ тиранніи. И по этой-то причинѣ онъ вскорѣ былъ умерщвленъ; ибо когда войско возвращалось съ войны противъ Евгешя, и

царь по обычаю встрѣчалъ его предъ Константинополемъ,—воины, не думая много, умертвили Руфина. Это было также поводомъ и къ усиленію вѣры; ибо Державные побѣды отца своего надъ тираннами приписывали благочестію; потому - то Руфинъ, злоумышлявшій противъ ихъ владычества, такъ легко и низложенъ. Они не только соблюдали права, дарованныя Церквамъ прежними царями, но присоединили къ нимъ и собственные дарствования. Смотри на это, подданные изъ язычниковъ охотно обращались въ Христіанство, а изъ еретиковъ переходили въ католическую Церковь. Бывшіе же въ ереси Арія и Евномія, по прежде сказаннымъ причинамъ, разоглася даже и между собою, ежедневно уменьшались; ибо многіе изъ нихъ, противорѣча одинъ другимъ, начинали думать, что они мыслятъ о Богѣ неправо, и присоединялись къ единовѣрнымъ съ Державными. А константинопольскимъ послѣдователямъ Македонія вредило въ это время то, что у нихъ не было епископа; ибо съ царствования Констанція, когда Евдоксій и его единомышленники лишили ихъ церкви, до царствования настоящаго они оставались при однихъ пресвитерахъ. Новаціане же, хотя въ некоторыхъ между ними и смущалъ возбужденный Савватіемъ вопросъ о Пасхѣ, большею частію наслаждались спокойствіемъ въ своей Церкви; ибо, какъ неповѣдники единосущной Троицы, они не были подвержены, подобно всякой другой ереси, ни наказаніямъ, ни узаконеніямъ,—даже въ то время

доблестію своихъ предстоятелей приведены еще къ большому единомыслию, потому что, послѣ предстоятельства Агеліева, управлялись мужемъ добрымъ Маркіаномъ. А по кончинѣ его, что случилось недавно, около нынѣшняго времени, епископство надъ ними принялъ Сисиній, мужъ чрезвычайно краспорѣчивый, весьма свѣдущій въ наукахъ философскихъ и въ священномъ Писаніи, а въ состязаніяхъ находчивый до того, что даже славившійся и занимавшійся этимъ Евномій часто отказывался отъ разговоровъ съ нимъ. Да и по жизни былъ онъ чистъ и стоялъ выше клеветы. Что же касается до образа жизни, то, смотря на роскошь его и прихотливость, незнающіе не вѣрили, чтобы, живя столь роскошно, онъ могъ соблюдать воздержаніе. Правомъ Сисиній былъ пріятель и любезенъ въ обращеніи, а потому правился какъ епископамъ католической Церкви, такъ и властямъ и людямъ ученымъ. Шутить съ пріятностію и принимать шутки, въ томъ и другомъ случаѣ не быть обидчивымъ, остроумно и съ быстротою отражать вопросы,—имѣлъ онъ великую способность. Напримѣръ, на вопросъ, для чего, будучи епископомъ, мостся онъ два раза въ день, Сисиній отвѣчалъ: для того, что въ третій разъ не успѣваю. Такъ какъ онъ постоянно носилъ одежду бѣлую, то кто-то изъ католической Церкви пошутилъ надъ нимъ. Но тотъ спросилъ: скажи же мнѣ, гдѣ сказано, что надобно одѣваться въ одежду черную? И когда этотъ задумался, онъ, подхвативъ, сказалъ: да ты не

въ состояніи будешь доказать это; а меня убѣждаетъ и премудрый Соломонъ говоря: да будутъ одежды твои всегда бѣлы, — и самъ Христосъ, по словамъ Евангелія, явившись въ ризахъ бѣлоспѣжныхъ и такимъ же показавъ Апостоламъ Моисея и Илію. Это изрѣченіе Сисинія я нахожу также остроумнымъ. Въ Константинополѣ проживалъ епископъ Анкиры галатійской, Леонтій, отнявшій церкви у тамошнихъ новаціанъ. Сисиній отправился къ нему съ прозвобомъ возвратитъ ихъ. Но тотъ не только не отдавалъ, а еще порицалъ новаціанъ, какъ не достойныхъ имѣть церковныя собранія, говоря, что они уничтожаютъ покаяніе и человеколюбіе Божіе. Тогда Сисиній сказалъ: однакожь никто такъ не раскаивается, какъ я.—Какъ же это? спросилъ Леонтій.—Такъ, что видѣлъ тебя, отвѣчалъ Сисиній.—Припоминаютъ много и другихъ остроумныхъ его изрѣченій. Есть, сказываютъ, довольно и написанныхъ имъ не безъ изящества рѣчей. Однакожь больше хвалятъ его за устную бесѣду, потому что онъ отвѣчалъ отлично и способенъ былъ восхищать слушателя какъ голосомъ, такъ и взоромъ и необыкновенно пріятнымъ лицомъ. Но чтобы показать, каковъ былъ этотъ мужъ, какія имѣлъ онъ природныя способности, восхитаніе и образъ жизни, довольно сказано.

ГЛАВА 2.

О правилахъ, образѣ жизни, обращеніи, мудрости и естунленіи на каведру Великаго Іоанна Златоустаго, и о томъ, что противникомъ ему становится Феодилъ александрійскій.

Около этого времени Несторій скончался,

и начали думать, кого рукоположить. Одни назначали того, другіе—другаго: всемъ правилось не одно и то же, а между тѣмъ время уходило. Былъ въ Антиохіи, что при Оронть, нѣкто пресвитеръ, по имени Іоаннъ, сынъ родителей благородныхъ, прекрасный по жизни, сильный словомъ и убѣжденіемъ и, по свидѣтельству самаго сирскаго софиста Ливанія, превосходившій риторовъ своего времени; ибо когда Ливаній приближался къ смерти и друзья спросили его, кому занять его мѣсто, онъ, говорятъ, отвѣчалъ: Іоанну бы, еслибъ не отняли его Христіане. Весьма многихъ, слушавшихъ его въ церкви, Іоаннъ привлекъ къ добродѣтели, и въ отношеніи къ предметамъ божественнымъ, сдѣлалъ ихъ своимъ единомышленниками; ибо, проводя жизнь свято, онъ своею доблестію возбуждалъ въ слушателяхъ соревнованіе и увлекалъ ихъ къ своему образу мыслей — не искусствомъ какимъ нибудь или силою слова, а тѣмъ, что проповѣдывалъ истину и искренно изъяснялъ священныя книги. Если слово украшается дѣлами, то естественно является достойнымъ вѣры; а безъ нихъ оно говорящаго обличаетъ во лжи и, сколько бы онъ ни старался учить, дѣлаетъ его обвинителемъ собственныхъ словъ. Іоаннъ былъ знаменитъ тѣмъ и другимъ: онъ отличался строгими правилами жизни и точностію въ своихъ дѣйствіяхъ; выраженіе же его рѣчи было ясно и блистательно. Много дала ему природа; а наставниками его въ риторскомъ искусствѣ былъ Ливаній, въ философскихъ нау-

кахъ—Андрасаѳій. Думали, что онъ будетъ стряпчимъ и изберетъ этотъ родъ жизни; но потомъ узнали, что онъ упражняется въ священныхъ книгахъ и любомудрствуетъ по уставу Церкви. Наставниками же его въ этомъ любомудріи были тогдашніе предстоятели знаменитѣйшихъ монастырей, Картерій и Діодоръ, впоследствии управлявшій Церковію тарсійскою и, какъ мыъ сказывали, оставившій много книгъ собственного сочиненія, въ которыхъ онъ толковалъ священное Писаніе буквально, избѣгая умозрѣній. Іоаншъ учился у нихъ не одинъ. Онъ расположилъ къ тѣмъ же мыслямъ и бывший въ школѣ Диваніевой друзей своихъ, нѣкого Феодора и Максима, изъ коихъ послѣдній былъ потомъ епископомъ Селевкии исаврійской, а первый, то есть Феодоръ — епископомъ Мопсутии киликійской и отличался свѣдѣніями какъ въ священныхъ книгахъ, такъ и въ другихъ наукахъ—риторскихъ и философскихъ. Занимаясь сперва божественными законами и бесѣдуя съ духовными лицами, этотъ мужъ хвалилъ правила ихъ, а свѣтскость презиралъ, однакожъ не долго оставался въ такомъ расположеніи, но, раскаявшись, увлекся къ прежней жизни. Раскрасивъ свое намѣреніе, вѣроятно, противными мыслями изъ древнихъ примѣровъ,—ибо былъ многосвѣдуецъ въ исторіи,—онъ возвратился въ городъ и разсуждалъ, что это будетъ лучше того, къ чему онъ стремился. Узнавъ, что Феодоръ занимается дѣлами и думаетъ о бракосочетаніи, Іоаншъ написалъ къ нему посланіе, по изложенію и

мыслямъ превосходящее силы человѣческаго разума, и отправилъ. Прочитавъ его, тотъ раскаялся, тотчасъ же оставилъ имущество и отказался отъ брака. Совѣтъ Іоанна спасъ его и возвратилъ къ жизни созерцательной; такъ что, мыъ кажется, и изъ этого легко заключить, какою сильною убѣдительностію пвѣло слово Іоанново, когда онъ побѣждалъ ею даже тѣхъ, которые сами, подобно ему, могли говорить и убѣждать. Этимъ-то восторгалъ онъ и народъ, особенно когда распространялся въ обличеніи согрѣшающихъ и съ дерзновеніемъ негодовалъ на оскорбителей Церкви, либо на обидчика, такъ какъ бы самъ терпѣлъ обиду. Простому народу это конечно нравилось, по богатымъ и сильнымъ, у которыхъ много грѣховъ, должно былоказаться оскорбительнымъ. Итакъ, сдѣлавшись знаменитымъ между знающими—чрезъ свои опыты, а между незнающими—чрезъ молву, и по всей римской имперіи прославившись словами и дѣлами, онъ признанъ былъ достойнымъ епископства надъ константинопольскою Церковію. Когда же клиръ и народъ рѣшилъ это,—согласился и царь и послалъ привезти Іоанна. Хиротонію его желая совершить благолѣпнѣе, онъ даже созвалъ Соборъ. Вскорѣ правитель востока, Астерій, получивъ царскій указъ, далъ знать Іоанну, чтобы онъ пріѣхалъ къ нему—будтобы для выслушанія отъ него какой-то прозбы. Когда тотъ прибылъ, онъ тотчасъ посадилъ его въ колесницу и, вмѣстѣ съ нимъ послѣдно отправившись въ такъ называемую станцію

Патры, и тамъ сдавъ его царскимъ посланнымъ, возвратился домой. Хорошо, что вздумалъ онъ распорядиться этимъ дѣломъ прежде, чѣмъ узнали столь склошныя къ возмущеніямъ Антиохійцы. Известно, что по своей волѣ они никакъ не отпустили бы Иоанна, пока либо не потеряли бы сами, либо не сдѣлали бы чего другимъ. Когда же прибылъ онъ въ Константинополь и созванные іереи составили Соборъ; то Теофиль воспротивился хиротоніи и сталъ благопріятствовать Исидору, который въ то время былъ изъ числа подчиненныхъ ему пресвитеровъ и имѣлъ въ Александріи должность попечителя о пришельцахъ и бѣдныхъ, а съ-молоду отлично любомудрствовалъ въ Скитѣ,—такъ слышалъ я отъ людей, которые жили съ нимъ вмѣстѣ. А иные говорятъ, что Исидоръ былъ другомъ Теофила, какъ соучастникъ и единомышленникъ въ одномъ опасномъ дѣлѣ. Рассказываютъ, что когда открылась война противъ Максима, Теофиль, вручивъ Исидору дары и грамоты какъ для царя, такъ и для тирана, приказалъ ему отправиться въ Римъ и выжидать исхода борьбы, а потомъ дары вмѣстѣ съ грамотою поднести побѣдителю. Но тотъ, сдѣлавъ это, не укрывся и, испугавшись, возвратился бѣглецомъ въ Александрію. Съ тѣхъ поръ Теофиль держалъ его при себѣ, какъ лице самое довѣренное, и теперь думалъ вознаградить его за опасность, доставивъ ему константинопольскую епископію. Но поэтому ли хотѣлъ рукоположить его Теофиль, или потому, что онъ былъ мужъ добле-

стный, только наконецъ долженъ былъ согласиться съ мнѣніемъ въ пользу Иоанна, убоявшись Евтропія, который былъ тогда первымъ сановникомъ царскаго двора и безмѣрно желалъ этой хиротоніи. Евтропій, говорятъ, прямо грозилъ ему и требовалъ, чтобы онъ либо согласился съ мнѣніемъ другихъ іереевъ, либо защищался противъ людей, намѣреющихся обвинить его; ибо тогда на него много было доносовъ Собору.

ГЛАВА 3.

О томъ, что, вступивъ на епископство, Иоаннъ ревностно взялся за дѣла и вездѣ исправлялъ Церкви, касательно же грѣха Флавіанава отправилъ посольство въ Римъ.

Сдѣлавшись епископомъ, Иоаннъ прежде озаботился исправленіемъ жизни подчиненныхъ себѣ клириковъ. Вникая въ ихъ жизнь и вообще поведеніе, онъ и обличалъ ихъ и исправлялъ, а нѣкоторыхъ даже отлучалъ отъ церкви. Будучи склоненъ къ обличеніямъ по природѣ и справедливо негодуя на поступающихъ несправедливо, онъ въ санѣ епископа еще болѣе предался этому чувству; ибо, получивъ свободу, природа тѣмъ легче возбуждала языкъ его къ обличенію и тѣмъ быстрѣе воздвигала гнѣвъ его противъ согрѣшающихъ. Этотъ добрый и великомудрый (пастырь) старался исправить не только подчиненную себѣ Церковь, но и Церкви повсюду. Тотчасъ по вступленіи своемъ на епископство, когда іереи въ Египтѣ и на западѣ находились еще въ разладѣ съ восточными изъ за Павли-

на, и по этому случаю было какое-то общее отчужденіе между Церквами всей имперіи, — онъ просилъ Θεофила содѣйствовать ему въ примиреніи римскаго епископа съ Флавіаномъ. А какъ скоро это было положено, тотчасъ избраны для сей цѣли берійскій епископъ Акакій и Исидоръ, изъ-за котораго Θεофилъ противился рукоположенію Юанна. Прибывъ въ Римъ и совершивъ посольство согласно съ своимъ желаніемъ, они отплыли оттуда въ Египеть, а изъ Египта Акакій отправился въ Сирію и отъ египетскихъ и западныхъ іереевъ разносилъ примирительныя грамоты державшимъ сторону Флавіана. Такимъ образомъ Церкви, хоть и не скоро, освободились наконецъ отъ этого раздора и пришли въ общеніе между собою. Впрочемъ, антиохійское общество такъ называемыхъ Евстаѳіанъ нѣсколько времени еще существовало и дѣлало особыя собранія безъ епископа; ибо преествовавшій Павлнну Евagriй, какъ извѣстно, жилъ не долго и скоро умеръ. Потому-то, думаю, и легко было примириться епископамъ, что не оставалось болѣе противника. Чтоже касается до народа, то онъ какъ у черни обыкновенно бываетъ, все по немногу присоединился къ паствѣ Флавіана и съ теченіемъ времени почти совершенно слился съ нею.

ГЛАВА 4.

О Варварѣ Готѣ Гайнѣ и о примиреніи отъ него злы.

Въ это время Варваръ Гайна, перебѣжавшій къ Римлянамъ и изъ простаго воина сверхъ

чаянія достигшии степени военачальника, вознамѣрился захватить верховную власть надъ римскою имперією. Стремясь къ этому, онъ презывалъ единоплеменниковъ своихъ Готѣевъ изъ ихъ странъ въ земли римскія и близкихъ къ себѣ между ними ставилъ сотниками и тысященачальниками. Тогда какъ Тирвингалъ (Требигальдъ), по родству человекъ къ нему близкій, затѣвалъ новости, — онъ предводительствовалъ въ Фригіи многочисленнымъ отрядомъ воиновъ, и люди благонамѣренные ясно видѣли что имъ же самимъ подготовлено было это. Однакожъ онъ притворился, будто негодуетъ на Тирвингала за разрушеніе тамошнихъ городовъ, и получилъ повелѣніе помочь имъ. Но прибывъ во Фригію и собравъ множество Варваровъ, такъ какъбы готовился къ войнѣ, онъ уже явно обнаружилъ скрываемое дотолѣ намѣреніе и города, которые вѣрно было ему охранять, разрушилъ, а на другія собирался напасть. Потомъ вступивъ въ Вионнію, онъ расположился лагеремъ близъ Халкидона и грозилъ войною. Когда дѣла были въ такомъ опасномъ состояніи и когда опасность особенно угрожала азійскимъ и восточнымъ городамъ, лежавшимъ между неприятельскимъ лагеремъ и евксинскимъ поптомъ; то царь, размысливъ съ своими приближенными, что не безопасно безъ приготовленія вступать въ борьбу съ людьми, уже отказавшимися отъ жизни, отправилъ посольство къ Гайнѣ и велѣлъ спросить его, чего онъ хочетъ: всѣ его желанія будутъ исполнены. Гайна потребо-

валь консульскихъ мужей Сатурнина и Аврелиана въ той мысли, что они противятся его видамъ. Сатурнинъ и Аврелианъ явились; однакожь онъ пощадилъ ихъ и, сошедши съ царемъ въ молитвенномъ домѣ предъ Халкидопомъ, гдѣ находится гробъ мученицы Евфиміи, принялъ отъ него и самъ далъ клятву въ благорасположеніи и, положивъ оружіе, перешелъ къ Константинополю, а потомъ получилъ отъ царя власть управлять пѣхотою и конницею. Но не заслуживъ такого счастья, Гайна не умѣлъ благоразумно и пользоваться имъ. Такъ какъ первое безумное дѣло совершилось согласно съ его желаніемъ, то онъ вздумалъ еще возмущать католическую Церковь; ибо былъ Христіанинъ изъ ереси тѣхъ Варваровъ, которые исповѣдуютъ ученіе Аріево. Подстрѣкаемый ея предстоятелями, или побуждаемый собственнымъ честолюбіемъ, онъ началъ просить царя о томъ, чтобы еднновѣрцамъ его дана была одна изъ церквей въ городѣ; ибо не справедливо, говорилъ онъ съ досадою, да и всячески не прилично ему, римскому военачальнику, выѣзжать для молитвы за городскія стѣны. Узнавъ объ этомъ, Іоаннъ не сталъ молчать, но взявъ епископовъ, какимъ въ то время случилось быть въ столицѣ, пошелъ во дворецъ и въ слухъ царя, въ присутствіи самаго Гайны, простеръ долгое слово, въ которомъ съ поноше-ніемъ изобразилъ и отечество этого Варвара, и бѣгство его, и то, какъ онъ, бывъ спасецъ, клялся тогда цареву отцу благоприятствовать Римлянамъ, и ему самому, и дѣтямъ его, и законамъ,

которые теперь старается сдѣлать безсильными. Говоря это, онъ показалъ изданный Θεодосіемъ указъ, воспрещавшій иновѣрцамъ дѣлать церковныя собранія въ стѣнахъ города. Потомъ, обративъ рѣчь къ царю, Іоаннъ убѣждалъ его—положенный законъ касательно другихъ ересей сохранять неприкосновеннымъ, и совѣтовалъ лучше отказаться отъ царствования, чѣмъ, сдѣлавшись предателемъ дома Божія, поступить печестиво. Но между тѣмъ, какъ епископъ столь мужественнымъ дерзновеніемъ не допускалъ никакихъ нововведеній касательно подчиненныхъ себѣ церквей, Гайна замышлялъ уже нарушить клятву и разорить городъ. Этотъ замыселъ предвозвѣщенъ былъ явившеюся надъ городомъ столь великою кометою, что она достигла почти до земли и, говорятъ, никогда прежде не являлась. Гайна сперва покусился было папастъ на продавцовъ серебряной монеты, надѣясь захватить у нихъ много денегъ. Но такъ какъ молва дала знать объ этомъ его намѣреніи, и торговцы серебромъ, скрывъ подручныя себѣ богатства, больше не слѣдовали обыкновенію раскладывать серебро на столахъ; то онъ въ одну ночь послалъ толпу Варваровъ поджечь дворецъ. Однакожь они ничего не сдѣлали и возвратились въ ужасѣ; ибо, подшевши близко къ дворцу, увидѣли множество вооруженныхъ воиновъ огромнаго роста и, предположивъ, что то было новое войско, возвѣстили о томъ Гайнѣ. Но Гайна зналъ, что въ городѣ находится воиновъ не больше обыкновеннаго, и потому не хотѣлъ вѣрить

словамъ ихъ. Когда же въ слѣдующую ночь и другіе посланные принесли ту вѣсть, какую прежде; то онъ отправился самъ,—и самъ былъ очевидцемъ дивнаго зрѣлища. Тогда подумавъ, что эти войны собраны изъ другихъ городовъ ради него, и что ночью они стерегутъ городъ и дворецъ, а днемъ скрываются, онъ притворился бѣсноватымъ и, будто бы для молитвы, отправился въ церковь, которую отецъ царя построилъ въ честь Юанна Крестителя на седьмой милѣ. Изъ Варваровъ же одни остались внутри города, а другіе вышли вмѣстѣ съ Гайною, и тайно—въ женскихъ тѣлгахъ, вывезли съ собою оружіе и колчаны со стрѣлами, а когда было это замѣчено, перебили у воротъ стражу, которая хотѣла препятствовать имъ въ вывозѣ оружія, отъ чего въ городѣ распространилась тревога и смятеніе, такъ какъ бы тутъ же хотѣли его разрушить. Въ эту минуту надъ всѣми ужасами восторжествовала одна благая мысль. Царь, ни мало не медля, провозгласилъ Гайну врагомъ, а оставшихся въ городѣ Варваровъ умертвилъ. Войны падали на нихъ и убили весьма многихъ, а такъ называемую готскую церковь, въ которой, какъ въ привычномъ себѣ молитвенномъ домѣ, они тогда собрались, и изъ котораго убѣжать сквозь запертыя двери имъ было невозможно,—предали пламени. Узнавъ объ этомъ, Гайна чрезъ Тирацію поспѣшно отправился въ Херронесъ и старался перейти за Геллеспонтъ, ибо думалъ, что если овладѣетъ лежащею на томъ берегу Азіей, то легко под-

чинить себѣ все народы восточной имперіи. Но и въ этомъ надежды его не исполнились; потому что и здѣсь Римляне пользовались Божіею помощію. Какъ на сушѣ, такъ равно и на морѣ явилось посланное царемъ войско, и имъ предводительствовалъ Флавита, родомъ Варваръ, но благоправный человекъ и доблестный вождь. Не имѣя кораблей, Варвары пытались переплыть Геллеспонтъ и достигнуть противоположнаго берега на паромахъ: но вдругъ подувшій стремительный вѣтеръ разорвалъ своею силою паромы и погналъ ихъ на римскіе корабли. Тогда большая часть Варваровъ потонула вмѣстѣ съ лошадьми, а другіе были побиты войскомъ. Гайна же съ немногими спасся, но вскорѣ, преслѣдуемый по Тирацію и убѣгая отъ преслѣдованій, встрѣтился съ другимъ войскомъ и погибъ съ бывшими при немъ Варварами. Таковъ былъ конецъ дерзости и жизни Гайны. Прославившись этою войною, Флавита сдѣланъ былъ консуломъ. Въ его-то консульство и вмѣстѣ въ Викентіево родился тогда у царя, соименный дѣду, сынъ, который при слѣдующихъ за тѣмъ консулахъ провозглашенъ Августомъ.

ГЛАВА 5.

О томъ, какъ Іоаннъ своими поученіями привлекалъ народъ, и о женѣ македоніанской, ради которой жальбъ превратился въ камень.

Отлично управляя константинопольскими церквами, Іоаннъ привлекалъ многихъ и изъ язычниковъ, и изъ еретиковъ. Къ нему ежедневно стекалось множество людей, частію для

того, чтобы послушать его съ назиданіемъ, а частію, чтобы испытать его. Онъ обращался ко всѣмъ и, касательно божества, убѣждалъ каждаго исповѣдывать одно и тоже съ собою. Народъ такъ жаждалъ его рѣчей и до того немогъ насытиться его бесѣдою, что когда, вошедши въ средину толпы, онъ садился на амвонѣ чтеца и начиналъ учить, слушатели толкали и тѣснили другъ друга, желая пройти впередъ и стать къ нему ближе, чтобы яснѣе слышать его бесѣду. Здѣсь кетати, кажется, внести въ исторію случившееся при немъ чудо. Нѣкто изъ ереси Македонія имѣлъ за собою и жену македоніанку. Послушавъ однажды ученіе Іоанна о томъ, какъ надобно исповѣдывать Бога, онъ принялъ этотъ догматъ и убѣждалъ свою жену къ единомыслию съ собою. Но такъ какъ она удерживалась прежнею привычкою и совѣтами знакомыхъ женщинъ; то, не смотря на многократныя внушенія, мужъ ея не получилъ никакого уснѣха и наконецъ сказалъ ей: если ты не приобщишься божественныхъ таинъ вмѣстѣ со мною, то не будешь болѣе подругою моею жизни. Тогда жена согласилась сдѣлать по его желанію и, сговорившись съ одной изъ служанокъ, которую считала преданною себѣ, приняла ее въ соучастницы, чтобы обмануть мужа. Итакъ въ минуту причащенія,—посвященные разумѣютъ, что говорю я,—она удержала принятое и будто съ намѣреніемъ сдѣлать поклокъ, пагнулась. Въ это время стоявшая тутъ служанка тайно подала ей, что принесла въ ру-

кахъ; а то, что было въ зубахъ, превратилось въ камень. Жена испугалась, какъ бы не потерять чего нибудь, когда съ нею случилось такое чудо, и пришедши поспѣшно къ епископу, открыла ему грѣхъ свой и показала камень. Онъ сохранилъ на себѣ слѣды укушенія, былъ неизвѣстнаго вещества и имѣлъ какой-то необыкновенный цвѣтъ. Испросивъ себѣ со слезами прощеніе, она послѣ того стала единовѣрною съ мужемъ. А чтобы этого никто не почиталъ невѣроятнымъ, во свидѣтельство остался самый камень, хранящійся и до-нынѣ въ сокровищницѣ константинопольской церкви.

глава 6.

О дѣйствіяхъ Іоанна въ Азіи и Фригіи, также о Гераclidѣ ефесскомъ и Геронтѣ никомидійскомъ.

Освѣдомившись, что Церкви въ Азіи и около ея управляются людьми недостойными, и что одни, обольщаясь взятками и подарками, другіе лицепріятіемъ, торгуютъ священными званіями, Іоаннъ отпавился въ Ефесъ. При этомъ случаѣ онъ, частію въ Ликіи и Фригіи, частію въ самой Азіи, изложилъ тринадцать епископовъ и на мѣсто ихъ поставилъ другихъ, а надъ Церковію ефесскою, гдѣ тогда епископъ скончался, епископство вѣрилъ Гераclidу, родомъ Кипрянину, діакону изъ подчиненныхъ себѣ скитскихъ монаховъ, ученику монаха Евагрія. Іоаннъ изгналъ также изъ никомидійской Церкви Геронтія—за то, что онъ, не знаю, почему—хотѣлъ ли пугать кого нибудь, или, обольщаемый призра-

ками демоическими, — рассказывалъ, будто въ бытность свою діакономъ медіоланскаго епископа Амвросія поймалъ ночью призракъ и, разбивъ ему голову, бросилъ подъ мѣльницу. За такія, будтобы недостойныя служителя Божія рѣчи, говорилъ онъ, Амвросій приказалъ ему до времени оставаться при себѣ и очиститься покаяніемъ; но онъ, какъ отличный врачъ и человекъ имѣющій даръ говорить и убѣждать, и способный приобретать себѣ друзей, посмѣявшись надъ Амвросіемъ, отправился въ Константинополь и тамъ, въ короткое время спискавъ дружбу нѣкоторыхъ сильныхъ при дворѣ людей, скоро получилъ епископство никомидійское. Рукоположилъ его епископъ Кесаріи каппадокійской, Эладій, платя ему за то, что онъ взялъ на себя должность. Узнавъ объ этомъ, Амвросій написалъ предстоятелю константинопольской Церкви Нектарію, чтобы онъ отнялъ у Геронтія священство и не позволялъ ему оскорблять себя и церковное чиновначаліе. Но для Нектарія, сколько ни старался онъ, это было невозможно; потому что Никомидійцы съ-обща сильно противустояли ему. Иоаннъ же, низложивъ его, рукоположилъ Пансофія, бывшаго наставникомъ супруги царя, человека благочестиваго, правомъ скромнаго и кроткаго, который однакожь не правилъ Никомидійцамъ. Поэтому они, часто возмущаясь все вмѣстѣ и каждый порознь, изчисляли благодѣянія Геронтія и великую пользу отъ врачебнаго его искусства,

описывали его готовность и способность служить одинаково всемъ богатымъ и бѣднымъ, и къ этому присоединяли другія добродѣтели, какъ обыкновенно дѣлаютъ приверженцы. Рассказываютъ, будто во время землетрясенія, засухи, или другихъ какихъ либо Божіихъ поущеній, они ходили по площадямъ своего отечественнаго города и Константинополя, пѣли гимны и молились Богу, чтобы снова имѣть его своимъ епископомъ. Наконецъ, вынужденные необходимостію, одного они отпустили съ плачемъ и воплями, а другаго приняли со страхомъ и ненавистію. Съ этого времени низложенные и друзья ихъ стали обвинять Иоанна, будто онъ есть причина нововведеній въ Церквахъ и будто, вопреки законамъ отеческимъ, отмѣнены имъ хиротоніи справедливыя. Бывъ огорченъ, они порицали и тѣ поступки его, которые по мнѣнію многихъ, были достойны похвалы, какъ напримѣръ случившееся тогда съ Евтропіемъ.

ГЛАВА 7.

О главномъ звужѣ Евтропій, объ изданномъ имъ законѣ и о томъ, что, изгнанный изъ церкви, онъ былъ убитъ, также о ропотѣ на Иоанна.

Бывъ старшимъ изъ царскихъ эвнуховъ, Евтропій одинъ и первый изъ всѣхъ, кого мы знали или о комъ слышали, удостоился чести консула и царскаго отца¹⁾. Облеченный такимъ

¹⁾ То-есть Патриція, потому что Патриція, по закону Константина В., назывались отцами царя. Claudian et Zosim.

могуществомъ, онъ не думалъ о будущемъ и о перемѣнахъ, какія случаются въ дѣлахъ чело-вѣческихъ, и положилъ извлекать изъ церкви людей, ищущихъ покровительства у Бога и ради Бога живущихъ въ ней. Особенно же старался онъ вывести оттуда Пентадію, супругу Тимасія, сильнаго и страшнаго военачальника, котораго, обвинивъ въ тираніи, присудилъ къ вѣчному изгнанію на одинъ египетскій оазисъ; но который, томимый ли жаждою, какъ мнѣ кто-то сказывалъ, или боясь потерять что-нибудь еще худшее, на пути по пескамъ найденъ мертвымъ. Итакъ стараніемъ Евтропія постановленъ законъ, повелѣвающій никому никакимъ образомъ не убѣгать въ церковь, да и прежде убѣжавшихъ въ нее изгонять. Однакожь скоро бывъ оклеветанъ въ поношеніи супруги царя, онъ самъ первый нарушилъ этотъ законъ, то-есть, убѣжавъ изъ царскихъ палатъ, явился въ церковь и сталъ просить ея покровительства. Тогда на него, лежавшаго у священной трапезы, Иоаннъ произнесъ знаменитое слово, въ которомъ разоблачилъ тщеславіе людей сильныхъ, а народу показалъ, что ничто чело-вѣческое не любить оставаться въ одномъ положеніи. Но люди, питавшіе къ нему ненависть, и за это порицали его, какъ то-есть могъ онъ обличать и усугублять бѣдствіе того, кто, находясь въ опасности лишиться жизни, имѣлъ право на его состраданіе.—Впрочемъ за нечестивое свое намѣреніе Евтропій понесъ достойное наказаніе, бывъ лишенъ головы; а издавшій имъ законъ былъ

совершенно изглаженъ изъ памятниковъ народныхъ. Между тѣмъ Церковь, когда Богъ такъ скоро явился ея мстителемъ за панесенную ей обиду, весьма прославилась и начала еще болѣе преусиживать въ благочестіи. Народъ же константинопольскій съ новою ревностію сталъ упражняться въ утреннихъ и ночныхъ псалмопѣніяхъ по слѣдующему поводу.

глава 8.

Объ антифонныхъ псалмахъ Иоанна противъ аrians и о томъ, что отъ его ученія православные еще болѣе усиливались, а богатыище должны были скорбѣть.

Такъ какъ приверженцы арианской ереси, со времени царствованія Θεодосіева, не имѣли въ Константинополѣ церквей и дѣлали собранія въ стѣнѣ; то предварительно сходились они ночью въ народные портики и, раздѣлившись на лики, пѣли пѣсни на два хора, припѣвы же, приспособляли къ своему ученію, а поутру, возглашая ихъ всенародно, отходили въ назначенныя мѣста и тамъ дѣлали церковныя собранія. Такъ поступали они во всѣ значительные праздники, равно какъ въ первый и послѣдній день седмицы, и въ заключеніе прибавляли стихи оскорбительные, напризмѣръ: «гдѣ говоряще, что три суть одна сила»,—примѣшивали къ своимъ пѣснямъ и другое подобное. Опасаясь, чтобы пѣкоторые изъ его паствы не обольстились этимъ, Иоаннъ сталъ побуждать народъ къ подобнымъ же псалмопѣніямъ. Но православные скоро сдѣлались еще замѣчательнѣе при-

верженцевъ противной ереси, такъ что превзошли ихъ и многочисленностію, и благолѣпіемъ; ибо имъ предшествовали и серебряные знаки крестовъ въ сопровожденіи горящихъ свѣтильниковъ, и приставленъ былъ къ этому свнухъ царской супруги, чтобы онъ имѣлъ попеченіе о необходимыхъ въ семь случаевъ издержкахъ и пѣсняхъ. Послѣ того аріане, изъ зависти ли, или изъ мести Христіанамъ католической Церкви, вступили съ ними въ бой, и нѣкоторые съ той и другой стороны были умерщвлены, а Бризонъ.—имя царскому свнуху,—пораженъ былъ камнемъ въ лобъ. Раздраженный этимъ, царь запретилъ аріанамъ дѣлать подобныя ходы; а Христіане Церкви католической, начавъ пѣть упомянутымъ образомъ по сему поводу, удерживаютъ этотъ обычай и до-нынѣ. Такими дѣйствіями и церковными бесѣдами Іоаннъ еще больше возбуждалъ къ себѣ любовь народа: по вмѣстѣ съ тѣмъ, чрезъ свое дерзновеніе, онъ еще больше становился ненавистнымъ для людей сильныхъ и подчиненныхъ себѣ клириковъ; ибо видѣлъ, что одни поступаютъ несправедно,—и обличалъ ихъ, а другіе развращаются богатствомъ, нечестіемъ и нечистыми удовольствіями,—и побуждалъ ихъ къ добродѣтели.

глава 9.

Объ архидіаконѣ Серапіонѣ, о святой Олимпіадѣ и о томъ, что некоторые оскорбляли Іоанна поносными рѣчами, называя его жестокимъ и глупымъ.

Негодованіе его на клириковъ поддерживалъ особенно поставленный имъ архидіаконъ

Серапіонъ, родомъ египтянинъ, человекъ скорый на гнѣвъ и готовый на обиду. Не мало способствовали къ тому и его увѣщанія Олимпіадѣ. Олимпіада была знатнаго происхожденія, и хотя овдовѣла еще въ молодости, однакожъ ревностно любомудрствовала согласно съ чинположеніемъ Церкви. Поэтому Нектарій посвятилъ ее въ діакониссы; а Іоаннъ, видя, что она расточаетъ свое имущество просящимъ, и все прочее презирая, печется только о Божественномъ, сказалъ ей: Хвалю доброе твое расположеніе; но стремящійся къ высотѣ добродѣтели ради Бога долженъ быть домостроителемъ, между тѣмъ какъ ты, расточая богатство богатымъ, не болѣе дѣлаешь, какъ вливаешь свою собственность въ море. Развѣ не знаешь, что имущество ты добровольно посвятила просящимъ ради Бога, и что, бывъ поставлена распорядительницею въ деньгахъ, какъбы уже вышедшихъ изъ твоей власти, ты подлежишь отчету? Итакъ, если хочешь послушаться меня, то для пользы пуждающихся умѣрь раздачу остальнаго; ибо этимъ сдѣлаешь добро многимъ и въ воздаяніе пріобрѣтешь отъ Бога милость и заботливѣйшее о тебѣ попеченіе. Былъ онъ въ разногласіи и со многими изъ монаховъ, а особенно съ Исаакіемъ; ибо людей, избравшихъ такой образъ любомудрія, если они уединенно пребывали въ своихъ монастыряхъ, онъ весьма хвалилъ и усиленно заботился, чтобы они не терпѣли притѣсненій и имѣли необходимое: но когда пустышники выходили вонъ и являлись въ городѣ;

то онъ порицалъ и исправлялъ ихъ, какъ оскорбителейъ любомудрія. По этимъ-то причинамъ негодовали на него клирики и многіе изъ монаховъ, и называли его тяжелымъ и гордымъ, жестокимъ и высокомернымъ. Нѣкоторые же покушались оклеветать предъ народомъ самую жизнь его и подтверждали это, какъ бы истину, — тѣмъ, что онъ ни съ кѣмъ не раздѣлялъ стола и, приглашаемый къ обѣду, отказывался. Другой причины этого найти я не умѣю, кромѣ той, которую на вопросъ мой привелъ одинъ, по видимому, не лживый человекъ. Иоаннъ, сказалъ онъ, отказывался отъ общественныхъ обѣдовъ — потому, что подвигами разстроилъ свою голову и желудокъ; и отсюда-то особенно происходили величайшія на него клеветы.

ГЛАВА 10.

О Северіанѣ гавальскомъ, Антіохѣ птолемаидскомъ и о томъ, что произошло между Серапіономъ и Северіаномъ, и какъ происшедшая между ними ссора прекращена была царцею.

Сверхъ того, чрезъ епископа сирійскихъ Гаваль Северіана, получилъ онъ нѣкоторый поводъ питать ненависть и къ супругѣ царя. Северіанъ и Антіохъ изъ Птолемаиды, — это городъ финкійскій, — жили оба въ одно время и были равно краснорѣчивы и способны учить въ церкви. Но послѣдній говорилъ легко и очень благозвучно, за что нѣкоторые даже называли его златоустымъ. Северіанъ же, по мыслямъ и по свидѣтельствамъ изъ писаній, хотя казался и лучше его, однакожъ въ языкѣ об-

наруживалъ сирскую жесткость. Прибывъ первый въ Константинополь, Антіохъ прославился поученіями и, собравъ денегъ, возвратился въ свой городъ. Это возбудило соревнованіе и въ Северіанѣ. Пріѣхавъ послѣ Антіоха, онъ приобрѣлъ также расположеніе Іоанна и, часто проповѣдуя въ церкви, возбудилъ къ себѣ удивленіе, пользовался честію и, снискавъ великую силу у самаго царя и царицы, сдѣлался знаменитымъ. Отправляясь въ Азію, Іоаннъ поручилъ ему свою Церковь, ибо считалъ его добрымъ другомъ, такъ какъ послѣдній преслѣдовалъ его своимъ ласкательствомъ. Тогда Северіанъ старался еще болѣе нравиться слушателямъ и привлекать народъ бесѣдами. Узнавъ о томъ, Іоаннъ сталъ, говорятъ, питать къ нему ревность, и это чувство возбуждалъ въ немъ Серапіонъ. По возвращеніи Іоанна изъ Азіи, Северіанъ однажды гдѣ-то былъ. Увидѣвъ его, Серапіонъ не всталъ и парочно давалъ замѣтить присутствующимъ, что презираеть этого человека. Но тотъ, огорчившись этимъ, вскричалъ: «если Серапіонъ умретъ Христіаниномъ, то Христосъ не вочеловѣчился». Обвиненный въ этомъ отъ Серапіона, Северіанъ изгнанъ былъ Іоанномъ изъ города, какъ оскорбитель и богохульникъ. По сему (дѣлу) представлены были свидѣтели; но бывъ приверженцами Серапіона, они скрыли сказанное все въ цѣлости, а засвидѣтельствовали только выраженіе: Христосъ не вочеловѣчился. Впрочемъ Іоаннъ осуждалъ то и другое. Еслибы, говорилъ онъ, Серапіонъ

умеръ и клирикомъ, ужели поэтому Христосъ не вочеловѣчился? Объ этой ссорѣ, чрезъ приверженцевъ Северіана, тотчасъ же узнала супруга царя и изгнаннаго епископа немедленно возвратила изъ Халкидона. Но Іоаннъ, не смотря на ходатайство многихъ, отказывался отъ свиданія съ нимъ, пока наконецъ царица въ церкви, посвященъ имя Апостоловъ, не положила къ его ногамъ сына своего Θεодосія, пока своими просьбами и многократными заклинаніями не возстановила кое-какъ дружбы его съ Северіаномъ. Въ такомъ видѣ дошло это до моего свиданія.

ГЛАВА 11.

О возникшемъ у Египтянъ вопросѣ: человекообразно ли Божество; также о Теофила александрійскомъ и о книгахъ Оригена.

Въ это время въ Египтѣ рѣшаемъ былъ не задолго передъ тѣмъ возникшій вопросъ, надобно ли почитать Бога человекообразнымъ? Положительнаго мнѣнія была большая часть тамошнихъ монаховъ, которые, по своей простотѣ, безъ изслѣдованія принимали мѣста изъ Писаній, привыкнуши слышать объ очахъ, лицѣ, рукахъ Божіихъ и т. под. Но другіе, обращающія вниманіе на скрывающуюся въ словахъ мысль, утверждали противное и тѣхъ, которые держались перваго мнѣнія, почитали явными богохульниками. Теофилъ думалъ согласно съ послѣдними, даже утверждалъ въ церкви и въ посланіи, которое писалъ пообычаю около пасхальнаго праздника, что Бога надобно почи-

тать безтѣлеснымъ и чуждымъ человѣческаго вида. Когда это дошло до свиданія египетскихъ монаховъ, они пришли въ Александрію, гдѣ, соединившись между собою, начали возмущеніе и замыслили убить Теофила, какъ чловѣка нечестиваго. Но онъ, явившись къ нимъ въ то самое время, какъ они возмущались, сказалъ: «я вижу васъ, будто лице Божіе». Такое привѣтствіе довольно укротило этихъ людей, и они, оставивъ свой гнѣвъ, сказали: если ты въ самомъ дѣлѣ такъ исповѣдуешь, то осуди книги Оригена; потому что читающіе ихъ приводятся къ противнымъ сему мыслямъ. Но, у меня сказалъ онъ, давно уже это положено, и я сдѣлаю по вашему желанію; ибо столькоже, какъ вы, порицаю тѣхъ, которые слѣдуютъ мнѣніямъ Оригена. Потакнувъ такимъ образомъ монахамъ, онъ прекратилъ мятежъ.

ГЛАВА 12.

О четырехъ братьяхъ подвѣстникахъ, прозванныхъ Длинными, и о враждѣ Теофила съ ними.

Этотъ вопросъ, вѣроятно, тогдаже былъ бы совершенно оставленъ, если бы не подвѣлъ его снова самъ Теофилъ—именно неприязню и кознями противъ Аммонія, Діоскора, Евсевія и Евѳимія, по прозванію Длинныхъ, которые были братья между собою и, какъ мы видѣли выше, пользовались уваженіемъ скитскихъ любомудрствователей. Да и Теофилъ прежде весьма любилъ ихъ предпочтительно предъ прочими египетскими монахами, часто бесѣдовалъ и жилъ

вмѣстѣ съ ними, а Діоскора даже поставилъ епископомъ Гермополиса. Въ непріязненные же отношенія къ нимъ вошелъ онъ по случаю вражды своей съ Исидоромъ, котораго послѣ Нектарія старался рукоположить въ Константинополь. Нѣкоторые рассказываютъ, что кака-то жена изъ ереси манихейской обратилась къ католической Церкви, и будто бы, по неосмотрительности архипресвитера, допущена была къ принятію таинъ прежде нежели отреклась отъ своей ереси. За это архипресвитеръ, и кромѣ того ненавидимый Θεофиломъ, былъ обвиненъ имъ. Но Петръ,—такъ звали архипресвитера,—утверждалъ, что онъ допустилъ жену къ общенію по законамъ Церкви и съ-вѣдома Θεофила, и въ свидѣтели приводилъ Исидора. Случилось, что Исидоръ посланъ былъ тогда въ Римъ; но возвратившись, онъ дѣйствительно засвидѣтельствовалъ, что Петръ говоритъ правду. Θεофилъ, какъ бы уличенный такимъ образомъ въ ябедъ, разгнѣвался и изгналъ изъ Церкви того и другаго. Такъ нѣкоторые рассказываютъ объ этомъ. Но я узналъ отъ одного достойнаго вѣры чловѣка, который въ то время жилъ съ этими монахами, что Θεофилъ имѣлъ двоякую причину ненавидѣть Исидора: во-первыхъ общую въ отношеніи и къ Петру пресвитеру, поколику они отказались засвидѣтельствовать, что сестра его къ-то записана была наслѣдницею; во-вторыхъ частную, поколику Исидоръ, которому, какъ попечителю о бѣдныхъ, приносимо было множество денегъ, не хотѣлъ давать ихъ Тео-

филу, издержавшемуся тогда на постройку церквей и старавшемуся взять ихъ, но говорилъ ему, что лучше надлежащими врачеваніями возстановлять тѣла больныхъ, которые съ большею справедливостію почитаются храмами Божиими, и для которыхъ собственно жертвуются деньги, чѣмъ строить стѣны. По этой ли впрочемъ, или по другой причинѣ только Исидоръ, отлученный Θεофиломъ отъ общенія, удалился въ Скитъ къ тамошнимъ друзьямъ своимъ монахамъ. Но Аммоній, взявъ съ собою нѣкоторыхъ изъ нихъ, отправился къ Θεофилу и просилъ его возвратить общеніе Исидору. Въ то время Θεофилъ охотно, говорятъ, обѣщалъ исполнить ихъ просьбу; но прошло много времени, а исполненія все не было: Θεофилъ явно обманывалъ ихъ. Поэтому они явились къ нему въ другой разъ и еще съ большею ревностію настаивали исполнить обѣщаніе. Но онъ одного изъ нихъ заключилъ въ общественную темницу и тѣмъ думалъ навести страхъ на всѣхъ, однакожь обманулся. Аммоніи и прочіе съ нимъ монахи, показавъ видъ стражамъ, будто они идутъ къ заключеннымъ для передачи необходимыхъ вещей, охотно введены были внутрь темницы, но, вошедши туда, не хотѣли выйти. Узнавъ о томъ, Θεофилъ послалъ звать ихъ къ себѣ: но они сначала требовали, чтобы онъ самъ пришелъ и вывелъ ихъ; ибо несправедливо было бы, говорили, всенародно оскорбленнымъ тайно оставить темницу. Впрочемъ послѣ, уступивъ его требованію, пошли къ нему. Θεофилъ извинился предъ ними

и, отпуская ихъ, какъ будто давалъ замѣтить, что впредь не намѣренъ подвергать ихъ огорченіямъ, а между тѣмъ внутренно терзался, негодовалъ и замышлялъ сдѣлать имъ зло, только недоумѣвалъ, что могло бы быть зломъ для тѣхъ людей, которые, ничего не ища, кромѣ любсудрїя, презираютъ все,—и рѣшился нарушить ихъ спокойствіе. Узнавъ изъ разговора съ ними, что они слѣдуютъ мнѣнію Оригена и порицаютъ тѣхъ, которые признаютъ Бога человекообразнымъ, Теофилъ привелъ ихъ въ столкновение со множествомъ монаховъ, державшихся иного мнѣнія. Отъ этого произошла между ними величайшая вражда. Разсуждая между собою безъ соблюденія приличія, они не считали нужнымъ убѣждать другъ друга, но прибѣгали къ выраженіямъ оскорбительнымъ, и однихъ, которые признавали Бога безтѣлеснымъ, называли оригенистами, а державшихся противнаго мнѣнія—антропоморфистами.

глава 15.

О томъ, что также Длинные, соревнуя Иоанну, приходять къ нему, и что раздраженный этимъ Теофилъ вооружается противъ Иоанна.

Замѣтивъ эти козни, Діоскоръ и Аммоній удалились въ Іерусалимъ, а оттуда пришли въ Скинопольскъ и пребываніе тамъ, по причинѣ множества пальмъ, листьями которыхъ монахи пользовались для обычныхъ своихъ работъ, признали удобнымъ; ибо за ними слѣдовали до 80 человекъ. Между тѣмъ въ это же

время Теофилъ послалъ отъ себя людей въ Константинополь, частію для того, чтобы они предварительно распространили тамъ клевету противъ Длинныхъ, а частію и для того, чтобы противодѣйствовали имъ, если бы они стали просить о чемъ-либо царя. Узнавъ о томъ, Аммоній и его соутники отплыли въ Константинополь—съ ними былъ и Исидоръ—и общими силами старались обличить направленныхъ противъ себя козни предъ судомъ царя и епископа Иоанна. Они надѣялись, что сей послѣдній, какъ защитникъ законнаго дерзновенія, можетъ помочь имъ въ правомъ дѣлѣ. Иоаннъ благосклонно принялъ пришедшихъ къ себѣ мужей, относился къ нимъ съ честію и не возбранялъ имъ молиться въ церкви, хотя не позволялъ пріобщаться св. таинъ,—ибо допустить это прежде изслѣдованія было бы противно законамъ,—но написалъ Теофилу, чтобы онъ возвратилъ имъ общеніе, такъ какъ они право мыслятъ о Богѣ, а если бы попадобилось разбирать дѣло ихъ въ судѣ, обѣщалъ послать въ судіи кого ему угодно. Но Теофилъ ничего не отвѣчалъ. По прошествіи долгаго времени однажды супруга царя проѣзжала по городу, и Аммоній съ соутниками, подошедши къ ней, жаловался на козни Теофила. Она и прежде уже знала, что ихъ преслѣдуютъ кознями, и изъ уваженія къ нимъ оставилась, потомъ, высунувшись изъ царской своей колесницы, дала имъ знакъ головой и сказала: «Благословите и молитесь за царя, за меня, за дѣтей нашихъ и за царство. Я поста-

раюсь въ-скорости созвать Соборъ и пригласить Θεофила». И она дѣйствительно озабочилась этимъ. Между тѣмъ въ Александріи разнесся ложный слухъ, будто Іоаннъ имѣлъ общеніе съ Діоскоромъ и его сопутниками, и готовъ во всемъ помогать имъ; поэтому Θεофилъ придумываетъ, какимъ бы образомъ свергнуть съ епископскаго престола и самаго Іоанна.

ГЛАВА 14.

О злобѣ Θεофила, и объ Епифаніи, какъ онъ, прибывъ въ Константинополь, старался возмутить народъ противъ Іоанна.

Скрывая это въ умѣ и приготавливаясь, Θεофилъ писалъ къ епископамъ городовъ и въ своемъ посланіи осуждалъ сочиненія Оригена. Разсудивъ же, что будетъ весьма полезно для него къ соучастию въ замышляемомъ дѣлѣ склонить саламинскаго въ Кипрѣ епископа Епифанія, мужа уважаемаго за жизнь и славнѣйшаго изъ всѣхъ современниковъ, онъ началъ искать его дружбы, хотя прежде порицалъ его за мнѣніе, что Богъ имѣетъ человѣческій образъ, и какъ бы раскаявшись и узнавъ правоту дѣла, написалъ ему, что держится одинакихъ съ нимъ мыслей, и клеветалъ на сочиненія Оригена, какъ вшивника такого ученія. Епифаній, съ давнихъ поръ не любившій сочиненій Оригена, легко повѣрилъ посланію Θεофила и въ собраніи кипрскихъ епископовъ запретилъ чтеніе Оригеновыхъ книгъ; потомъ

написалъ опредѣленіе объ этомъ и другимъ епископамъ и константинопольскому, убѣждая ихъ созвать Соборы и утвердить тоже самое. Θεофилъ видѣлъ, что гнѣтъ никакой опасности слѣдовать Епифанію, имѣвшему многихъ чтителей, которые изъ уваженія къ добродѣтельной его жизни, дивились образу его мыслей, и потому, собравъ подвѣдомыхъ себѣ епископовъ, постановилъ почти тоже, что и Епифаній. Но Іоаннъ попеченіе объ этомъ не считалъ достойнымъ вниманія и на посланія Епифанія и Θεофила смотрѣлъ, какъ на дѣло второстепенное. Между тѣмъ люди изъ властей и клира, имѣвшіе неприязнь къ Іоанну, освѣдомились, что Θεофилъ заботится о низверженіи его, и тщательно содѣйствуя александрійскому епископу, старались о созваніи въ Константинополь великаго Собора. Узнавъ объ этомъ, Θεофилъ сталъ еще дѣятельнѣе и приказалъ египетскимъ епископамъ отправиться моремъ. О томъ же просилъ онъ письменно Епифанія и другихъ восточныхъ и торопилъ ихъ отъѣздомъ, а самъ отправился сухимъ путемъ. Черезъ нѣсколько времени Епифаній, отплывъ изъ Кипра, первый прибылъ въ предмѣстіе Константинополя на есдымой милѣ и, помолвившись въ здѣшней церкви, отправился въ городъ. Чтобы почтить его, Іоаннъ вышелъ къ нему на встрѣчу со всѣмъ клиромъ. Но Епифаній ясно далъ разумѣть, что вѣрнѣе клеветамъ на Іоанна; ибо бывъ убѣждаемъ остановиться въ церковныхъ зданіяхъ, не согласился и избѣгалъ свиданія съ Іоанномъ, а между

тѣмъ, созывая частно жившихъ въ константинополѣ епископовъ, показывалъ имъ опредѣленіе противъ Оригеновыхъ сочиненій, и нѣкоторыхъ убѣдилъ подписать его. Впрочемъ большая половина ихъ отказалась, а скиѣскій епископъ Θεотимъ даже явно порицалъ Епифанія, говоря, что неблагочестиво—оскорблять давно скончавшагося, хульствовать противъ суда древнихъ и отвергать одобренное ими. При этомъ онъ вынесъ одно изъ сочиненій Оригена, прочиталъ его и, показавъ, что прочитанное полезно Церквамъ, сказалъ: неблагоразумно поступаютъ люди, клеветующіе на это; они подвергаются опасности поносить и то, о чемъ здѣсь говорится. Иоаннъ между тѣмъ все еще сохранялъ уваженіе къ Епифанію и убѣждалъ его совершать богослуженіе и жить вмѣстѣ съ собою. Но тотъ отвѣчалъ, что не будетъ ни жить, ни молиться вмѣстѣ съ нимъ, если онъ не осудитъ сочиненій Оригена и не изгонитъ Діоскора и его сопутниковъ. Поелку же Иоаннъ считалъ несправедливымъ сдѣлать это прежде суда, и отказался; то враги его устроили такъ, чтобы при ипѣющемъ быть собраніи въ церкви, соименной св. Апостоламъ, явился Епифаній и всенародно осудилъ Оригеновы сочиненія и Діоскора съ братією, держащагося его мнѣній, а вмѣстѣ съ тѣмъ оклеветалъ бы и епископа города, какъ ихъ единомышленника. Объ этомъ—то они заботились; ибо такимъ-то образомъ думали привести его въ неприязнь у народа. Въ слѣдующій день Епифаній, ипѣя въ виду эту цѣль, уже

приближался къ церкви, но встрѣченъ былъ посланнымъ отъ Іоанна Серапіономъ; ибо (Іоаннъ) зналъ объ устроенномъ наканунѣ заговорѣ, и чрезъ Серапіона высказалъ Епифанію, что такъ поступать и не справедливо, и не полезно для него самаго, что, возбудивъ тревогу или возмущеніе въ черни, онъ подвергнется опасности, какъ виновникъ происшедшаго безпокойства. Этимъ только остановлено было его предпріятіе.—

ГЛАВА 15.

О снѣ царя и Епифанія, о томъ, что Длинные ходили облысаться съ Епифаніемъ, и что онъ тотчасъ же отплылъ въ Кипръ; также о Епифаніи и Іоаннѣ.

Въ это время случайно заболѣло царское дитя. Мать, боясь какого-либо несчастія, послала къ Епифанію просить его молитвы о болящемъ. Епифаній обѣщалъ, что дитя будетъ живо, если царица оставитъ еретика Діоскора съ его братією. Но она сказала: «если Богу угодно взять мое дитя, пусть будетъ такъ. Господь даровалъ, Господь отниметъ. Еслибы Епифаній способенъ былъ воскрешать мертвыхъ, то не умеръ бы его архиѣаконъ».—А незадолго передъ тѣмъ случилось умереть у него Криспіону, который былъ братъ Фускона и Самана—монаховъ, упомянутыхъ въ исторіи Валента, и котораго изъ своихъ келейниковъ онъ поставилъ въ архиѣакона. Послѣ сего Аммоній и его братья, по желанію самой царицы, явились къ Епифанію. На вопросъ его: кто они?—Аммоній отвѣчалъ: Длинные, отче; и мнѣ пріятно было бы узнать, не встрѣчался ли ты когда либо съ нашими учениками, или сочиненіями?—Нѣтъ, ска-

заль Епифаній.—Изъ чего же заключилъ ты, спросилъ Аммоній, что мы еретики, если не имѣешь никакого основанія къ сужденію о нашемъ образѣ мыслей?—Я слышалъ о васъ, продолжалъ Епифаній.—Но тотъ сказалъ: а мы поступали совершенно напротивъ. Мы часто разсуждали съ твоими учениками и занимались твоими сочиненіями, изъ которыхъ одно озаглавлено *Αχιρωτός* (стояніе на якорѣ), и когда многіе хотѣли порицать тебя и чернить клеветами, будто бы еретика, мы, какъ слѣдовало, подвизались за отца и защищали тебя. Такъ не принадлежало и тебѣ, не зная людей и основываясь только на слухѣ, осуждать ихъ безвинно и такое вознагражденіе назначать тѣмъ, которые хорошо о тебѣ говорили.—Послѣ сего Епифаній, побесѣдовавъ съ ними благосклоннѣе, отпустилъ ихъ, а чрезъ нѣсколько времени и самъ отплылъ въ Кипръ, потому ли, что раскаявался, зачѣмъ призжалъ въ Константинополь, или вѣроятнѣе потому, что Богъ удостоилъ его откровенія и предсказалъ ему смерть; ибо онъ скончался во время плаванія, не достигнувъ Кипра. Разсказываютъ, что вступая на судно, онъ сказалъ провожавшимъ себя до моря епископамъ: оставляю вамъ и городъ и дворецъ, и мѣсто дѣйствія, а самъ удаляюсь и спѣшу,—очень спѣшу. Ходитъ также въ народѣ, какъ извѣстно, и тотъ слухъ, что Іоаннъ предрекъ Епифанію кончину на морѣ, а Епифаній Іоанну—лишеніе епископства. Когда между ними существовало несогласіе, первый сказалъ послѣднему: надѣюсь, что ты не умрешь

епископомъ. Надѣюсь и я, отвѣчалъ послѣдній, что ты не достигнешь своего города.

ГЛАВА 16.

О несогласіи между царицею и Іоанномъ, о прибытіи Θεοφιλα изъ Египта и о халкидонскомъ епископѣ Кириилѣ.

По отплытіи Епифанія, Іоаннъ, бесѣдуя въ церкви, сказалъ обличительное слово вообще противъ женщинъ. Но народъ понялъ его такъ, что будто оно прикровенно касалось супруги царя. Посему непріязненные епископу люди, взявъ самую эту бесѣду, представили ее царицѣ, а та жаловалась на обиду мужу, и побуждала Θεοφιλα ѣхать какъ можно скорѣе и составить Соборъ. Къ тому же содѣйствовалъ и тоже готовлялъ еще не забывшій прежняго огорченія Северіанъ гавальскій. Но случайно ли произнесъ Іоаннъ эту бесѣду, или, какъ нѣкоторые говорятъ, въ слѣдствіе подозрѣнія, что царица убѣдила Епифанія стронуть ему козни, вѣрно сказать не могу.—Чрезъ нѣсколько времени явился въ Халкидонѣ вифинскомъ и Θεοφιлъ, прибыли и другіе изъ многихъ городовъ епископы,—кто по приглашенію Θεοφιла, а кто по указу царя. Съ особеннымъ же усердіемъ съѣзжались тѣ изъ нихъ, которыхъ Іоаннъ въ Азіи лишилъ епископства, либо которые по инымъ причинамъ питали къ нему вражду. Вотъ наконецъ прибыли изъ Египта въ Халкидонъ и корабли, которыхъ ожидалъ Θεοφιлъ. Когда всѣ собрались сюда и начали совѣщаться, какимъ бы образомъ получить желанный усгѣхъ въ нападеніи на Іоанна, — тогдашній пред-

стоятель халкидонской церкви Киринъ, можетъ быть благопріятствуя Теофилу, какъ единоплеменнику, —ибо былъ Египтянинъ,—либо по какимъ инымъ причинамъ недовольный Іоанномъ, долго поносилъ его. Но за это, по видимому, оскорбленіе скоро постигла его и казнь. Пріѣхавшій изъ Месопотаміи, вмѣстѣ съ другими епископами, Маруѳа печально наступилъ ему на одну ногу. Разболѣвшись отъ этого, онъ не переправлялся съ другими іереями въ Константинополь, хотя считался необходимымъ для замысловъ противъ Іоанна. Потомъ болѣзнь его усилилась, и врачи не разъ отрѣзывали ему голень; ибо гнилость, распространяясь далѣе и далѣе, заражала все его тѣло, такъ что чрезъ сообщеніе недуга и другая нога терпѣла тоже самое, и онъ, немного спустя, въ мученіяхъ кончилъ жизнь свою.

глава 17.

О Соборѣ, который составленъ былъ Теофиломъ въ Руфиніаназѣ, объ обвиненіяхъ противъ Іоанна, о томъ, что призываемый Соборомъ и пеламонійскій, Іоаннъ изложилъ имъ.

Когда Теофиль переправился въ Константинополь,—изъ константинопольскихъ клириковъ никто не вышелъ къ нему навстрѣчу; потому что все знали о непріязни его къ епископу: но случившіеся здѣсь александрійскіе моряки съ различныхъ судовъ, а особенно съ хлѣбныхъ, собрались вмѣстѣ и съ восклицаніями усердно приняли его. Миповавъ церковь, онъ вступилъ въ царскій дворецъ, въ которомъ назначена была ему квартира. Здѣсь узнавъ, что многіе питаютъ вражду противъ Іоанна и готовы обвинять его, онъ приготовилъ предварительно все, что

казалось ему нужнымъ, и отправился въ Дубъ. Это-предмѣстіе Халкидона, нынѣ соименное консулу Руфину. Тамъ есть дворецъ и большая церковь, построенная самимъ Руфиномъ въ честь апостоловъ Петра и Павла, и отъ того названная Апостоліею. По близости ея Руфинъ поселилъ монаховъ, которые пополняли клиръ церкви. И тамъ-то Теофиль собралъ всѣхъ епископовъ. Но въ эти засѣданія онъ не упоминалъ о сочиненіяхъ Оригена, а только призывалъ скитскихъ монаховъ къ покаянію, обѣщая не помнить и не дѣлать имъ зла. Между тѣмъ приверженцы Теофила кричали и побуждали ихъ просить прощенія, а сами показывали видъ, будто ходатайствуютъ за нихъ предъ Соборомъ. Монахи приведены были въ смущеніе и, думая, что имъ слѣдуетъ это сдѣлать въ собраніи многихъ епископовъ, когда такой обычай они сохраняли даже въ случаѣ претерпѣваемой ими обиды,—сказали: прости. Послѣ сего Теофиль охотно примирился съ ними и снова принималъ ихъ въ общеніе. Этимъ и кончилось изслѣдованіе объ обидахъ скитскимъ монахамъ. Но не такъ, думаю, случилось бы, если бы вмѣстѣ съ другими монахами были Діоскоръ и Аммоній: ибо первый еще прежде скопчался и погребенъ въ церкви, носящей имя мученика Мокія; а Аммоній передъ самымъ временемъ Собора ослабѣлъ тѣломъ, переправившись же въ Дубъ, еще болѣе разболѣлся и, чрезъ нѣсколько времени кончивъ жизнь, отъ монаховъ, близкихъ къ тому мѣсту, гдѣ теперь почиваетъ,

почтенъ великолѣпнымъ погребеніемъ. Узнавъ о томъ, Ософилъ, говорятъ, заплакалъ и сказалъ предъ всѣми: въ мое время не было ни одного монаха, подобнаго Аммонію, хотя онъ причинилъ мнѣ и много тревогъ. Впрочемъ этотъ случай благопріятствовалъ его намѣренію. Потомъ Соборъ созвалъ всѣхъ константинопольскихъ клириковъ, и грозился низложить непокорныхъ, звалъ также для оправданія и Іоанна, и вмѣстѣ съ нимъ приказывалъ явиться Серапіону, пресвитеру Тигрію и чтену Павлу. Но Іоаннъ, пославъ къ нимъ нѣкоторыхъ приближенныхъ къ себѣ клириковъ и писинунтскаго епископа Димитрія, объявилъ, что онъ не убѣгаетъ отъ суда, и если напередъ узнастъ обвинителей и рассмотреть догосъ, готовъ защищаться на большемъ Соборѣ; ибо не согласится подвергнуть себя чему-либо безразсудному и въ судіяхъ не потерпитъ явныхъ враговъ. Когда же епископы за такое непослушаніе Собору вознегодовали на него; то нѣкоторые изъ посланныхъ Іоанномъ отъ страха уже не возвращались къ нему: возвратились только Димитрій и тѣ, которые предпочитали держаться его стороны. Въ тотъ же день присланы были и изъ дворца скороходъ и скорописецъ и побуждали Іоанна отправиться къ епископамъ, а епископовъ—не медлить судомъ. Но такъ какъ призываемый четырекратно, Іоаннъ всякій разъ требовалъ вселенскаго Собора; то они, не приписывая ему никакой другой вины, кромѣ той, что онъ, будучи званъ, не повиновался, низложили его.

ГЛАВА 18.

О томъ, что народъ, возмущившись противъ Ософила и его Собора, сталъ порицать Державныхъ и что возвращенный поэтому Іоаннъ снова вступилъ на епископскую кафедру.

Константинопольскій народъ, узнавъ о томъ около вечера, пришелъ въ волненіе, а рано утромъ, сбѣжавшись въ церковь, кричалъ между прочимъ, что по дѣлу Іоанна надобно составить большой Соборъ, и людей, назначенныхъ отъ царя для отведенія его въ ссылку, не допустилъ до этого. Опасаясь, какъ бы не выдумали на него новаго обвиненія, будто онъ либо не повинуется царю, либо возмущаетъ чернь, Іоаннъ на третій день по своемъ изложеніи, когда народъ около полудня разсѣялся, скрытно оставилъ церковь. Но и тогда, какъ его уже отводили, (чернь) сильно волновалась, порицала царя и Соборъ, а особенно Ософила и Северіана, двухъ главныхъ пачальниковъ заговора. Северіанъ же, уча въ то время въ церкви, одобрялъ изложеніе Іоанна—даже за одно его высокоуміе, хотя бы и не было за нимъ никакой другой вины; ибо иные грѣхи, говорилъ онъ, Богъ прощаетъ людямъ, но гордымъ противится. Это еще болѣе возбудило негодованіе въ народѣ; онъ возобновилъ свой гнѣвъ и неукротимо волновался, такъ что не успокоивался ни въ церквахъ, ни на площадяхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, испускающая вопли и рыданія, онъ дошелъ даже до царскаго дворца и просилъ объ отозваніи Іоанна. Снизходя къ мольбамъ народа, царица убѣдила

мужа согласиться и, немедленно пославъ вѣрнаго своего свнуха Бризона, возвратила изгнаннаго изъ Пренеты вионнской и объявила ему, что она невинна въ устроенныхъ противъ него замыслахъ и уважаетъ его, какъ Божія служителя и тайноводителя дѣтей ея. Возвратившись, Иоаннъ остановился въ загородномъ дворцѣ самой царицы близъ Анапла и рѣшительно отказывался вступить въ городъ прежде суда большаго Собора, дабы объяснилось, что онъ лишенъ епископства несправедливо. Однакожъ, когда народъ сталъ снова негодовать и порицать Державныхъ; то онъ долженъ былъ вступить по неволѣ. Граждане встрѣтили его съ приготовленными на этотъ случай псаломѣями, причемъ весьма многіе изъ нихъ несли зажженные свѣчи и ввели его въ церковь. Здѣсь, не смотря на отказы и многократныя представленія Иоанна, что осудившіе его должны сперва отмѣнить свое осужденіе, какъ прилично іереямъ, они заставили его однако прекодать народу миръ и возесть на епископскій престолъ. Бывъ вынужденъ, Иоаннъ сказалъ имъ даже и наскоро придуманное слово. Начавъ его прекраснымъ сравненіемъ, онъ показалъ, что подвѣдомственную ему Церковь Θεофилъ покушался оскорбить, какъ египетскій царь, по свидѣтельству еврейскихъ книгъ, хотѣлъ оскорбить супругу патриарха Авраама. Потомъ, какъ и слѣдовало, похвалилъ народъ за усердіе, а Державныхъ—за благорасположеніе къ нему, и этимъ возбуждлъ слушателей къ такимъ рукоплесканіямъ и вос-

кликаніямъ въ честь царя и его супруги, что долженъ быть прервать свое слово на половинѣ.

глава 19.

Объ упрямствѣ Θεофила и враждѣ между Египтянами и Константинопольцами; также о бѣгствѣ Θεофила, о подвижникѣ Иліамонѣ и о Соборѣ по дѣлу Иоанна.

Недоумѣвая, что дѣлать въ настоящихъ обстоятельствахъ, Θεофилъ не осмѣливался, сколько ни желалъ, явно клеветать на Иоанна, будто бы онъ, вопреки законамъ, священнодѣйствовалъ по изложеніи; ибо зналъ, что чрезъ это придется въ столкновеніе съ Державными, которые, по случаю народнаго волненія, сами же принудили Иоанна возвратиться, хотя онъ и отказывался. Итакъ александрійскій епископъ предложилъ обвинителямъ судить Гераклида, котораго на лицо не было, и думалъ въ этомъ найти какъ нибудь благовидную причину къ новому изложенію Иоанна. Но такъ какъ друзья Гераклидовы возражали, что незаконно и не въ обычаѣ Церкви судить отсутствующаго, а приверженцы Θεофила утверждали противное; то къ этотъ споръ вмѣшались съ одной стороны толпы Александрійцевъ и Египтянъ, съ другой—народъ константинопольскій, и попали одни на другихъ такъ, что многіе были ранены, а нѣкоторые даже убиты. Испугавшись этого, Северіанъ и другіе епископы, кромѣ единомышленныхъ съ Иоанномъ, убѣжали изъ Константинополя. Да и самъ Θεофилъ тотчасъ же, нимало

не медля и не смотря на наступленіе зимы, вмѣстѣ съ монахомъ Исаакіемъ, какъ бѣглець, отплылъ въ Александрію. Въ то время морекія волны случайно занесли его въ Герасъ, небольшой городъ, отстоящій стадій на пятьдесятъ отъ Пелузіи. Въ Герасъ тогда случилось умереть епископу, и граждане, какъ я узналъ, рѣшили, чтобы въ ихъ Церкви предстоятельствомъ Ниламмонъ, мужъ добрый и возшедшій на высоту иноческаго любомудрія, жившій близъ города, заключившись въ кельѣ и входъ въ нее заградивши камнями. Такъ какъ Ниламмонъ избѣгалъ священства, то Теофиль самъ пришелъ къ нему и убѣждалъ его принять рукоположеніе. Но тотъ, отрекаясь нѣсколько разъ и не внимая убѣжденіямъ епископа, наконецъ сказалъ: завтра, если угодно тебѣ, отче, сдѣлаю это; а сегодня позволь мнѣ самому распорядиться собою. На другой день тотъ, по условію, пришелъ и приказывалъ отворить дверь. Но помолитесь прежде, сказалъ Ниламмонъ,—и Теофиль, похваливъ его мысль, сталъ молиться. Между тѣмъ во время молитвы отшельникъ оставилъ здѣшнюю жизнь, и этого сначала не зналъ ни Теофиль, ни бывшіе съ нимъ и стоявшіе вѣхъ (кельи). Уже подъ конецъ дня, когда онъ не отвѣчалъ на многократные вопросы званныхъ, люди разобрали лежавшіе предъ дверью камни и пашли его мертвымъ, одѣли, какъ слѣдовало, и почтили его всенароднымъ погребеніемъ. Жители тѣхъ мѣстъ близъ его могилы построили даже молитвенный домъ, и дониндѣ

съ великимъ торжествомъ проводятъ день его кончины. Такъ умеръ Ниламмонъ, если только можно назвать смертію ту смерть, о которой онъ молился и которой просилъ прежде, чѣмъ будетъ ввѣрено ему священство, коего, по скромности права, считалъ себя недостойнымъ. Между тѣмъ по возвращеніи своемъ въ Константинополь, Іоаннъ пріобрѣлъ еще большую любовь народа, и когда сошедшіеся въ то время епископы, числомъ около 60, рѣшили, что все сдѣланное въ Дубѣ не дѣйствительно, и присудили ему епископствовать, то онъ продолжалъ священнодѣйствіе, совершалъ рукоположенія и все, что въ Церкви слѣдуетъ совершать предстоятелямъ. Въ это время поставилъ онъ и Серапіона епископомъ Гераклеи оракійской.

глава 20.

О статуѣ царицы и объ ученіи Іоанна, также о вновь созванномъ противъ него Соборѣ и низложеніи его.

Спустя немного времени, на порфировомъ столбѣ поставлена была серебряная статуя царской супруги, которая и нынѣ стоитъ къ югу отъ церкви, предъ зданіемъ сената на высокомъ подножіи. Здѣсь производились рукоплесканія и всенародныя зрѣлища плясуновъ и лицедѣевъ, какъ было тогда въ обычаѣ при поставленіи царскихъ изображеній. Въ бесѣдѣ къ народу Іоаннъ высказалъ, что все это сдѣлано въ оскорбленіе церкви, и царица, такъ какъ еще прежнія ея неудовольствія были въ живой памяти, снова сочла себя оскорбленною, испол-

пласть гнѣва и тогда же стала заботиться о созваніи Собора. Однакожъ онъ не уступалъ, но тѣмъ легче порицалъ ее въ церкви и воспламенялъ гнѣвъ ся. Въ это импено время произнесъ онъ знаменитое слово, которое начинается такъ: «опять Иродіада бѣснуется, опять пляшетъ, опять старается получить на блюди главу Іоанна.» Вскорѣ прибыли въ Константинополь, кромѣ другихъ епископовъ, Леонтій анкирскій и Акакій берійскій. Когда же насталъ день Рождества Христова, царь не пришелъ, по обычаю, въ церковь, но объявилъ Іоанну, что не будетъ имѣть съ нимъ общенія, пока онъ не оправдается противъ обвиненій. Іоаннъ сказалъ на это, что готовъ оправдываться; но обвинители испугались и не смѣли приступить къ обвиненіямъ. Судьи разсуждали, что изложеннаго какимъ бы то ни было образомъ не должно допускать ко второму суду,—и больше ничего не изслѣдовали, а только требовали, чтобы Іоаннъ защищался противъ этого, почему онъ, бывъ изложенъ, сѣлъ на епископскій престолъ прежде разрѣшенія соборнаго. Іоаннъ ссылался на опредѣленіе епископовъ, вошедшихъ въ общеніе съ нимъ послѣ прежняго Собора; но они не приняли такого оправданія на томъ основаніи, что тѣ епископы по большей части сами же осудили его, а это запрещается церковнымъ правиломъ, и потому изложили его, хотя онъ и настаивалъ, что тотъ законъ постановленъ шовѣрцами. Ибо когда ариане оклеветали Афанасія и отняли у него

александрійскую Церковь; то, боясь переменъ обстоятельствъ, постановили этотъ самый законъ и позаботились, чтобы замыслы противъ него остались безъ изслѣдованія.

глава 21.

О томъ, какъ блудстваніе подвергся народъ по изложеніи Іоанна, и о покушеніи прекратить его жизнь мечемъ.

Бывъ изложенъ, Іоаннъ не дѣлалъ болѣе церковныхъ собраній, но оставался въ епископскомъ домѣ. Вотъ наступилъ уже конецъ чetyрдесятницы, какъ вдругъ въ ту священную ночь, въ которую совершается годовою праздникомъ въ воспоминаніе воскресенія Христова, приверженцы Іоанна изгоняются изъ церкви, войны и враги его нападаютъ на нихъ въ то самое время, какъ они совершали таинство крещенія. Такъ какъ это случилось неожиданно, то въ крещальнѣ произошло великое смятеніе, женщины были перепуганы и вопили, дѣти плакали, а священники и діаконы подвергались побоямъ и въ томъ облаченіи, какое имѣли на себѣ, изгоняемы были изъ церкви. Что кромѣ сего долженствовало произойти при такомъ безпорядкѣ,—посвященнымъ не безизвѣстно, и я по необходимости умолкаю, чтобы и непосвященный кто-либо не прочиталъ написаннаго. Когда объ этомъ умыслѣ узнали и прочіе изъ народа, то на другой день оставили церковь и, перешедши въ общественную, очень просторную баню, называющуюся по имени царя Константина, совершили тамъ Пасху подъ началь-

ствомъ епископовъ, пресвитеровъ и другихъ, кому слѣдовало служить въ церкви, и вмѣстѣ съ народомъ, считались единомышленниками Юанна. Бывъ же изгнаны отсюда, они собирались за городскими воротами въ томъ мѣстѣ, которое царь Константинъ, еще до построения города, очистилъ для копскаго ристалища и обнесъ деревянными стѣнами. Съ того времени собранія ихъ происходили то здѣсь, то въ другихъ мѣстахъ, гдѣ было можно, и собиравшіеся особо назывались Юаннитами. Около тогоже времени поймали съ книжаломъ одного бѣсноватаго, или прикидывавшагося бѣсноватымъ, и открыли, что онъ готовился убить Юанна, но еще не исполнилъ своего замысла. Такъ какъ народъ призналъ его подкупленнымъ для такого поступка, то онъ былъ приведенъ къ префекту. Однакожь Юаннъ послалъ нѣкоторыхъ изъ бывшихъ съ нимъ епископовъ и освободилъ его, прежде чѣмъ онъ подвергнутъ былъ казни. Потомъ опять слуга пресвитера Элидія, который былъ явнымъ врагомъ Юанна, торопливо вбѣжалъ въ епископскій домъ. Но кто-то изъ слычавшихъ тутъ въ эту минуту, узнавъ его, остановилъ и спрашивалъ о причинахъ поспѣшности. На что тотъ, ничего не отвѣчая, вдругъ поразилъ книжаломъ сперва этого самаго человѣка, за тѣмъ другаго, который, увидѣвъ первый ударъ, закричалъ, а наконецъ кромѣ ихъ и третьяго. Когда же бывшіе тутъ подняли шумъ и крикъ, онъ воротился назадъ и убѣжалъ. Однакожь его преслѣдовали и преслѣдовавшіе кри-

чали переднимъ, чтобы схватили бѣгущаго. Но этому кто-то, вымывшись въ банѣ и возвращаясь назадъ, схватилъ его, но, бывъ смертельно раненъ, палъ мертвымъ. Наконецъ онъ былъ однако окруженъ и, едва схваченный народомъ, отведенъ во дворецъ. Тогда все видѣли въ этомъ умыселъ враговъ Юанна и требовали, чтобы преданы были казни и убійца, и тѣ, кто побудилъ его къ убійству. Префектъ взялъ его, какъ бы съ намѣреніемъ подвергнуть суду, и тѣмъ укротилъ гнѣвъ народа.

ГЛАВА 22.

О томъ, что Юаннъ былъ несправедливо лишенъ престола и о происшедшемъ по сему случаю смутеніи, также о низпосланномъ съ неба на церковь огнѣ, и объ изгнаніи Юанна въ Кукузъ.

Съ тѣхъ поръ предантѣйшіе изъ народа стерегли Юанна днемъ и ночью, поочередно окружая домъ епископскій. Но сошедшіеся противъ него епископы жаловались на нарушеніе церковныхъ законовъ и говорили, что за совершенную справедливость суда надъ Юанномъ они ручаются, и приказывали ему выдти изъ города; ибо иначе не укротить народа. Итакъ, когда явился посланный отъ царя и съ угрозою повелѣвалъ сдѣлать это, Юаннъ скрытно отъ поставленной народомъ стражи вышелъ изъ дому и жаловался только на то, что изгоняется вопреки законамъ и насильно, не бывъ удостоенъ суда, который по законамъ дается и человѣкоубійцамъ, и обманщикамъ, и блудникамъ; потомъ на маломъ судѣ немедленно переправился въ Визанцію, откуда немедленно

дленно также пустился въ путь. При этомъ нѣкоторые изъ его злоумышленниковъ, предвидя, что народъ, какъ скоро узнаетъ о его отбытіи, тотчасъ побѣжитъ въ слѣдъ за нимъ и опять принудитъ его возвратиться, послѣшнно заперли двери церкви. И въ самомъ дѣлѣ, когда бывшіе на площадяхъ узнали объ этомъ; то одни быстро бросились къ морю, съ намѣреніемъ настичь его, другіе, испугавшись, обратились въ бѣгство—въ той мысли что при настоящемъ смятеніи и тревогѣ непремѣнно надобно ожидать царскаго гнѣва, а бывшіе у церкви тѣмъ болѣе загоразживали входы, чѣмъ сильнѣе толпились къ нимъ и толкали другъ друга. Едва—едва, съ большимъ усиліемъ отворили они двери, послѣ того какъ одни ударили въ нихъ камнями, а другіе тащили ихъ къ себѣ, отгѣсняя сивою народъ, напиравшій сзади. Въ это самое время церковь неожиданно обняла со всѣхъ сторонъ огонь и разлившись по всему ея пространству, сообщился стоявшему съ южной ея стороны огромному зданію сената. Причину пожара партіи приписывали одна другой: злоумышленники Іоанна обвиняли его приверженцевъ, которые негодовали на опредѣленіе Собора, а послѣдніе утверждали, что это клеветы, что враги вносятъ на нихъ собственное свое дѣло, замысливъ сжечь вмѣстѣ съ церковію и ихъ самихъ. Между тѣмъ какъ огонь отъ вечера до зари распространялся далѣе и далѣе и обхватывалъ оставшіяся еще деревяшныя постройки, одни повели Іоанна въ Кукузу, что въ Арменіи, гдѣ гра-

матою царя назначалось ему мѣсто жительства; другіе заключали въ Халкидонѣ бывшихъ при немъ епископовъ и клириковъ; а нѣкоторые ходили по городу и, схватывая тѣхъ, на кого доносимо было, какъ на единомышленниковъ Іоанновыхъ, отдавали ихъ подъ стражу и принуждали анаѳематствовать изложеннаго епископа.

ГЛАВА 23.

Объ Арзакіи, который рукоположенъ былъ послѣ Іоанна, и о томъ, сколько для сдѣлалъ онъ приверженцамъ Іоанновымъ, также о прѣподобной Никаретѣ.

Немного спустя въ епископы Константинополя рукоположенъ былъ Арзакій, братъ Нектарія, управлявшаго этою епископіею предъ Іоанномъ, мужъ кроткій и благочестивый. Но пріобрѣтенную имъ во время пресвитерства добрую славу помрачили нѣкоторые клирики, дѣлавшіе, что имъ было угодно, и вмѣнявшіе ему свои поступки. Особенно же унизило его то, что случилось послѣ сего съ приверженцами Іоанна. Такъ какъ послѣдніе считали нестерпимымъ для себя имѣть общеніе и молиться вмѣстѣ съ нимъ и съ его сомолитвенниками,—потому что между ними было много враговъ Іоанна—и дѣлали собранія, какъ сказано, сходясь на концахъ города, сами по себѣ; то онъ сообщилъ объ этомъ царю. Въ слѣдствіе сего трибуна, получивъ повелѣніе, наналъ съ воннами на собравшихся, и чернь разогналъ палками и камнями, а тѣхъ, кто былъ познатнѣе и ревностнѣе приверженъ къ Іоанну, заключилъ подъ стражу. При этомъ — что

обыкновенно случается, когда войскамъ даётся свобода,—женщины чрезъ насилие ихъ лишаемы были украшеній; потому что одни изъ нихъ грабили ожерелья, золотые поясы, шейныя цѣпи и браслеты, а другіе вытаскивали изъ ушей, вмѣстѣ съ оконечностями ихъ, серги. Смятеніе и плачь по городу были во всей силѣ, и хотя любовь къ Юаншу не измѣнилась, но всенародныя собранія прекратились. Многіе не смѣли и показываться ни на площадяхъ, ни въ баняхъ, а нѣкоторымъ небезопасно было оставаться и дома. Иные добрые мужья и честныя жены даже обрекали себя на бѣгство и удалялись изъ города. Въ числѣ ихъ находилась Виоинянка Никарета, происходившая отъ знаменитаго рода никомидійскихъ эвнатридовъ и славившаяся постояннымъ дѣвствомъ и добродѣтельною жизнью. Она была незлобивѣе всѣхъ похвальныхъ жещъ, которыхъ мы знаемъ, отличалась, какъ мнѣ извѣстно, добропорядочною нрава, слова и жизни, и до самой смерти предпочтала Божественное жителіскому. Имѣла она равнымъ образомъ довольно мужества и благоразумія для перенесенія трудныхъ обстоятельствъ, такъ что ся негодовація не возбудило даже и то, что у ней несправедливо отняли отцовское богатство. Оставшись съ небольшимъ состояніемъ, она хотя жила до старости, но при отличной экономіи, и сама съ прилежною имѣла все нужное, и другимъ усердно помогала. Бывъ нескренно челоуколюбива и щедродательна, она для бѣдныхъ больныхъ приготовляла всякаго рода лѣ-

карства и ими нерѣдко помогала даже знакомымъ, не получавшимъ никакой помощи отъ врачей обыкновенныхъ, ибо, при Божіемъ конечно содѣйствіи, за что ни бралась, всегда достигла желасмой цѣли. Кратко сказать, изъ достохвальныхъ жещъ нашего времени я не зналъ другой, которая достигла бы до такой степени благопріятія, кротости и прочихъ добродѣтелей. Но бывъ таковою, она скрывалась однакожъ отъ толпы; ибо по смиренію души и любомудрію всегда старалась благодѣлать втайнѣ, такъ что не думала искать степени діакониссы и не согласилась на избраніе себя въ настоятельница ны посвященныхъ дѣвъ, хотя Юаншъ многократно располагалъ ее къ этому. И такъ, когда на всѣхъ паналъ величайшій страхъ и стало извѣстно, что чернь уже не возмущается,—префектъ города явился во всенародное собраніе и, начавъ изслѣдывать дѣло о пожарѣ и сожженіи сената, многихъ предалъ ужасной казни. Бывъ язычникомъ, онъ какъ бы насмѣхался надъ бѣдствіемъ Церкви и даже радовался этому случаю.

ГЛАВА 24.

Объ Евтропій чтець, о блаженной Олимпіадѣ и о пресвитерѣ Титрѣ, чѣмъ потерпѣли они за епископа Юанша, также о патрїархажъ.

Тогда же и нѣкто Евтропій чтець, отъ котораго требовали показанія, кто подложилъ огонь, былъ терзаемъ бичами, палками и погтями по ребрамъ и щекамъ, и кромѣ того переносилъ жженіе тѣла посредствомъ горящаго факела, но

при всей молодости и нежности, свидетельствовалъ, что ничего не знаетъ. Послѣ такихъ мученій онъ заключенъ былъ въ темницу, гдѣ скоро и скончался.—Стоитъ предать письмени и видѣнный о немъ сонъ. Епископу новаціанской ереси Сисинію, когда онъ уже спалъ, представилось, что какой-то мужъ поразительной красоты и величія, стоя у жертвенника ихъ церкви, построшенной Сисиніемъ въ честь перво-мученика Стефана, повидимому скорбѣлъ о скудости въ добрыхъ мужахъ, что онъ обошелъ для этого весь городъ и не нашелъ никого, кромѣ Евтропія. Пораженный этимъ видѣніемъ, Сисиній разсказалъ своей сонъ одному изъ подчиненныхъ себѣ вѣрнѣйшихъ пресвитеровъ и приказалъ ему отыскать этого мужа, кто онъ такой. Пресвитеръ, удачно предположивъ, что такому человѣку естественно быть въ числѣ тѣхъ, которые въ послѣднее время подверглись мученіямъ отъ префекта, сталъ обходить темницы и спрашивать, нѣтъ ли въ нихъ кого-либо Евтропія и, найдши, вступилъ съ нимъ въ разговоръ, потомъ разсказалъ видѣніе епископа и со слезами просилъ молиться за него. Вотъ все, относящееся къ Евтропію. Среди этихъ бѣдствій мужественною явилась и діаконисса Олимпіада; ибо когда по тому же дѣлу она приведена была въ судилище, то на вопросъ префекта, зачѣмъ зашла она въ церковь, отвѣчала: не такова дѣль моей жизни; напротивъ, огромное свое состояніе употребляла я на обновленіе храмовъ Божіихъ.—Знаю

я жизнь твою, сказала префектъ.—Такъ ставъ на мѣсто обвинителя, примолвила она, и пусть другой разсудитъ насъ. Но послѣку обвиненіе было безъ доказательствъ; то префектъ, не находя, за что можно было бы справедливо отрицать ее, сталъ кротче и, перешедши къ другому обвиненію, какъ бы въ видѣ совѣта, осудилъ неразуміе ея и другихъ женщинъ въ томъ отношеніи, что онѣ отказались отъ общенія съ своимъ епископомъ, когда, раскаявшись, можно бы избавится отъ непріятностей. Этимъ словамъ префекта прочіе уступили, а Олимпіада сказала: взятую изъ среды народа по клеветѣ, и не обличенную на судѣ ни въ одной випѣ несправедливо было бы заставлятъ оправдываться въ дѣлахъ, до суда не касающихся. Позволь мнѣ представить защитниковъ противъ прежняго обвиненія; ибо если я, вопреки законамъ, буду принуждена имѣть общеніе, съ кѣмъ не слѣдуетъ, то сдѣлаю, чего не должны дѣлать люди благочестивые.— Не убѣдивъ ее имѣть общеніе съ Арзакіемъ, префектъ въ то время отпустилъ ее какъ бы для того, чтобы она представила защитниковъ; но, на другой день призвавъ ее, осудилъ на большую пеню, ибо чрезъ это думалъ перемѣнить ея мысли. Однакожъ, презирая деньги, она не уступила и, оставивши Константинополь, поселилась въ Кизикъ. Въ это же время и пресвитеръ Тигрій, облаженный, подвергнутый бичеванію по спинѣ, связанный по рукамъ и ногамъ и потомъ растянутый, доведенъ былъ до расслабленія членовъ. Происхо-

диль онъ отъ Варваровъ и былъ евнухъ не отъ рожденія. Служивъ сперва въ домъ одного вельможи и поправившись господину, получили онъ свободу; потомъ, достигши степени пресвитера, мало по малу сдѣлался человекомъ прекраснаго характера, кроткимъ и, какъ едва ли кто другой, заботливымъ о бѣдныхъ и странныхъ. Это-го происходило въ Константинополь. Между тѣмъ послѣ Сирикія, который управлялъ римскою епископіею пятнадцать лѣтъ, и Анастасія, управлявшаго тою же паствою три года, на чреду преемства вступилъ Иннокентій. Тогда же скончался и Флавіанъ, несогласавшійся на изложение Юашна, и преемникомъ его въ антиохійской Церкви былъ Порфирій. Такъ какъ послѣдній подтвердилъ опредѣленія противъ Юашна; то въ Сиріи многіе отъ тамошней Церкви отдѣлились и, составляя особые Соборы, испытали весьма много безпокойствъ и несчастій; ибо для побужденія къ общенію съ Арзакиемъ, этимъ Порфиріемъ и александрійскимъ епископомъ Θεофиломъ, по старанію сильныхъ при дворѣ людей, былъ изданъ законъ, чтобы православные виѣ церквей не собирались, а не имѣющіе съ ними общенія были изгоняемы.

ГЛАВА 25.

О томъ, что, при худомъ положеніи церковныхъ дѣлъ, худо шли и дѣла мірскія, также нечто о военачальникѣ Гоноріи Стиликонѣ.

Въ это время, какъ и всегда, можно было замѣчать, что при разногласіи іеревъ, подвергалось смятеніямъ и волненію самое государ-

ство. Гунны, перешедши Истръ, опустошили Фракію; а исаврійскіе разбойники, собравшись во множествѣ, злодѣйствовали въ городахъ и селеніяхъ даже до Каріи и Фивиніи. Сверхъ того военачальникъ Гонорія, Стиликонъ, мужъ, пользовавшійся такою силою, какою едва ли кто пользовался когда нибудь, и имѣвшій вліяніе на молодыхъ людей изъ Римлянъ и Варваровъ, пошелъ въ враждебныя отношенія съ правительствомъ Аркадія и, замысливъ привести во взаимное столкновеніе оба двора, выхлопоталъ у Гонорія достоинство римскаго военачальника вождю Готтовъ Алариху и направилъ его противъ Иллирійцевъ. Съ своей же стороны, пославъ впередъ повопоставленнаго префекта Ювія, обѣщалъ самъ подоспѣть съ римскими войсками, чтобы тамошнихъ подданныхъ привести также подъ власть Гонорія. Аларихъ, взявъ своихъ подчиненныхъ изъ варварской земли близъ Далмаціи и Панноніи, гдѣ проживалъ самъ, пошелъ въ Эпиръ и, пробывъ здѣсь не мало времени, возвратился въ Италію; потому что Стиликонъ, намѣревавшійся, по условію, выступить, удержанъ былъ граматою Гонорія.—Такъ шли здѣсь дѣла.

ГЛАВА 26.

Два посланія римскаго папы Иннокентія къ Иоанну Златоустому и константинопольскому клиру въ защиту Иоанна.

Римскій епископъ Иннокентій, узнавъ о томъ, что сдѣлано было съ Иоанномъ, огорчился, отвергъ все противъ него опредѣленія и, стараясь созвать вселенскій Соборъ, писалъ Иоанну и особо константинопольскимъ клирикамъ. Я

предлагаю здѣсь оба эти посланія появившіяся мнѣ въ переводѣ съ латинскаго языка. Вотъ онѣ:

«Возлюбленному брату Іоанну—Шинокетій. Хотя невинный всего добраго долженъ ожидать отъ Бога и у Него просить милости; однако и мы, какъ совѣтники незлобія, чрезъ діакона Киріака посылаемъ тебѣ приличную грамоту, чтобы обида не столько удручала силы, сколько добрая совѣсть укрѣпляетъ надежду. Ты—пастырь и учитель столькихъ народовъ—не имѣешь нужды въ томъ, чтобы тебя учили; ты знаешь, что отличные люди всегда и часто искушаются, если сохраняютъ всю силу терпѣнія и не поддаются никакому тяжкому чувству злостраданія. Совѣсть, по истинѣ, есть твердыня противъ всѣхъ незаслуженныхъ бѣдствій. Кто не побѣдитъ ихъ терпѣніемъ, тотъ подастъ поводъ къ худому о себѣ мнѣнію; ибо слушающійся сперва Бога, а потомъ своей совѣсти долженъ переносить все. Добрый и честный человекъ въ терпѣніи сильно упражняться можетъ, но побѣжденнымъ быть не можетъ; потому что помыслы его охраняются Божественнымъ Писаніемъ: а предлагаемая намъ пароду чтенія о дѣлахъ Божественныхъ весьма обильны примѣрами и свидѣльствуютъ, что почти всѣ святые страдали различнымъ образомъ и, постоянно искушаясь, какъ бы на какомъ испытаніи, чрезъ то сподоблялись воспринять вѣнецъ терпѣнія. Итакъ любовь твою, честнѣйшій братъ, да утѣшитъ сама совѣсть, которая въ скорбяхъ обыкновенно утѣшаетъ добродѣтельныхъ; ибо чистая со-

вѣсть, по смотрѣнію Господа І. Христа, приводитъ къ пристанищу мира».

Шинокетій епископъ пресвитерамъ, діаконамъ, всему клиру и народу константинопольской Церкви, подчиненнымъ епископу Іоанну, возлюбленнымъ братіямъ желаетъ здравія.

«Изъ посланія вашей любви, доставленнаго намъ чрезъ пресвитера Германа и діакона Кассіана, я съ болѣзненнымъ безпокойствомъ усмотрѣлъ поставленную предъ вашими глазами скиню золь и, при многократномъ перечитываніи вашей грамоты, увидѣлъ, отъ какой тяготы и болѣзней страдаетъ вѣра. Такое зло врачуется только утѣшеніемъ терпѣнія. Сия скорбь Богъ нашъ скоро положитъ конецъ и поможетъ перенести ихъ. Впрочемъ мы одобряемъ ваше намѣреніе и признаемъ то необходимое утѣшеніе, которое находится въ началѣ посланія вашей любви и предлагаетъ много свидѣтельствъ въ пользу терпѣнія. Вы своею грамотою предупредили утѣху, какую мы должны были предложить вамъ; ибо подаваемое отъ Господа нашего утѣшеніе бѣдствующимъ состоитъ и въ томъ, чтобы, находясь въ скорбяхъ, рабы Христовы сами утѣшали себя, въ той мысли что они терпятъ теже, что и прежде бывало съ людьми святыми. Итакъ мы можемъ предложить вамъ утѣшеніе изъ самаго вашего посланія. Для насъ нечужда ваша скорбь, потому что въ вашемъ мученіи заключается и наше. Кто въ состояніи перенести преступле-

нія тѣхъ, кому всего болѣе надлежало быть блюстителями тишины, мира и единомыслія? Нынѣ дѣла идутъ обратнымъ порядкомъ: лишаются председательства въ церквахъ іереевъ первыя, — и вотъ первый незаслуженно потерялъ братъ нашъ и сослужитель Іоаннъ, вашъ епископъ. Ему даже и не хотятъ внимать; его ни въ чемъ не обвиняютъ и не выслушиваютъ. И какой неслыханный умыселъ! Чтѣбы отклонить поводъ къ суду или изслѣдованію, на мѣста живыхъ іереевъ поставляются другіе, какъ будто о людяхъ, начинающихъ такую несправедливостію, можно думать, что они хороши, или сдѣлали что либо справедливое. Мы не знаемъ, чтобы отцы наши когда нибудь отваживались на это. Напротивъ, они больше препятствовали этому и никому не позволяли мѣсто живаго чрезъ хиротонію отдавать другому; ибо неодобренное рукоположеніе чести у священника отнять не въ состояніи, между тѣмъ какъ несправедливо поставленный епископъ не можетъ быть епископомъ. Что же касается до соблюденія канонівъ, то надобно, говоримъ, слѣдовать тѣмъ, которые постановлены въ Никей: съ ними только должна согласоваться католическая Церковь и ихъ признавать. А когда стали бы представлять другіе, съ канонами никейскими разногласящіе и написанные, какъ извѣстно, еретиками, — католическіе епископы да отвергаютъ ихъ; ибо что выдумали еретики, того къ католическимъ канонамъ присоединять не слѣдуетъ, потому что противорѣчіями и незаконными по-

становленіями они всегда стараются уменьшить важность опредѣленій никейскихъ. Итакъ мы утверждаемъ, что не только не надобно слѣдовать имъ, но и должно осуждать ихъ наравнѣ съ еретическими и раскольническими догматами, что прежде и сдѣлано на сардикскомъ Соборѣ бывшими до насъ епископами. Лучше ужъ осудить хорошее, честнѣйшіе братія, чѣмъ поставленному вопреки канонамъ доставить какую либо твердость. Но что въ настоящемъ случаѣ сдѣлать противъ этого? Необходимо изслѣдованіе соборное: надобно, какъ и прежде говорили мы, созвать Соборъ; — только этимъ способомъ можно утишить порывы такой бури. До созванія же Собора врачеваніе полезно предоставить благоволенію великаго Бога и Христа Его, Господа нашего. Благодатию Его прекратятся все смятенія, воздвигнутыя нынѣ завистію діавола для искушенія вѣрныхъ. Твердость нашей вѣры не принесетъ намъ пользы безъ унованія на Господа. Мы сильно озабочены тѣмъ, какимъ бы образомъ созвать вселенскій Соборъ, который бы при помощи Божіей прекратилъ движеніе смутъ. Будемъ же пока терпѣливы и, оградившись стѣною терпѣнія, ставемъ надеяться, что съ помощію Бога нашего все устроится. О всѣхъ бѣдствіяхъ, какимъ, по вашимъ словамъ, вы подвергаетесь, мы еще прежде узнали, расширявая подробно, хотя и въ разные времена, пріѣхавшихъ въ Римъ епископовъ нашихъ, Димитрія, Киріака, Евлісія и Палладія, которые и теперь живутъ съ нами».

ГЛАВА 27.

О бышихъ послѣ осужденія Іоанна бдствіяхъ, о смерти царицы Евдокіи и Арзакія, и о патріархѣ Атикѣ, откуда онъ и каковъ по характеру.

Таковы посланія Иннокентія. Изъ нихъ можно видѣть, какое мнѣніе имѣлъ онъ объ Іоаннѣ. Въ это время въ Константинополѣ и его предмѣстіяхъ выналь необычайной величины градъ; а въ четвертый за тѣмъ день скончалась супруга царя. Многіе думали, что то и другое случилось въ слѣдствіе гнѣва Божія за Іоанна. Да и халкидонскій епископъ Киригъ, столь сильно поносившій его, незадолго передъ тѣмъ, отъ приключившейся болѣзни въ ногѣ, далъ врачамъ отнять себѣ объ голени и жалкимъ образомъ кончилъ жизнь. Скончался также послѣ недолговременнаго управленія константинопольскою Церковію и Арзакій. Изъ многихъ лицъ, старавшихся сдѣлаться ему преемникомъ, въ четвертый мѣсяцъ по его кончинѣ избранъ и рукоположенъ пресвитеръ изъ константинопольскаго клира Атикъ, принадлежавшій къ числу недоброжелателей Іоанна. Родомъ онъ былъ изъ Севастіи армянской, съ юности учился любомудрію у монаховъ македоніанской ереси, которые въ то время славились этимъ въ Севастіи, какъ ученики Евстафія, по вышесказанному, бывшаго тамоніяго епископа и начальника строгихъ монаховъ. Достигнувъ уже совершенныхъ лѣтъ, Атикъ перешелъ въ католическую Церковь. Человѣкъ умный больше по

природѣ, чѣмъ по образованію, онъ былъ искусенъ въ житейскихъ дѣлахъ и умѣлъ — какъ стронть ковы, такъ и противодѣйствовать имъ. Ирава былъ онъ вкрадчиваго, такъ что правился многимъ; но въ церковныхъ поученіяхъ казался посредственнымъ, такъ что слушатели не находили ихъ достойными записыванія, а изученія — и того менѣе. За то, когда представлялось время, онъ усердно занимался чтеніемъ знаменитѣйшихъ языческихъ писателей и сколь ни мало былъ свѣдуецъ, но разсуждая о нихъ, часто удивлялъ и знатоковъ. Говорили также, что онъ старательно покровительствовалъ единомыслицамъ, а разномыслицамъ внушалъ страхъ, такъ что кого хотѣлъ, могъ легко испугать, но потомъ, вдругъ перемѣнившись, казался кроткимъ. Таковъ былъ Атикъ, по словамъ людей, которые знали его. Между тѣмъ Іоаннъ въ ссылкѣ сдѣлался еще знаменитѣе; ибо, имѣя изобиліе въ деньгахъ, получаемыхъ имъ и отъ другихъ и отъ діакоиссы Олимпіады, выкупалъ у Песаврійцевъ многихъ плѣнныхъ и возвращалъ ихъ роднымъ, доставлялъ также необходимое многимъ бѣднымъ. А кто не пуждался въ деньгахъ, тѣхъ привлекалъ словомъ, чрезъ что вошелъ въ великую любовь и у Армянъ, между которыми жилъ, и у сосѣднихъ туземцевъ. Весьма многіе приходили къ нему даже изъ Антиохіи и изъ прочихъ городовъ Сиріи и Киликіи.

ГЛАВА 28.

О стараніи Инокентія римскаго возвратить изъ ссылки Іоанна при помощи Собора, и посольствъ его съ этимъ наипрениемъ и о кончинѣ Іоанна Златоустаго.

Римскій епископъ Инокентій, согласно съ тѣмъ, что прежде было имъ писано, старался о возвращеніи Іоанна и, вмѣстѣ съ епископами, присланными по этому дѣлу съ востока, отиравилъ отъ себя пятерыхъ епископовъ и двухъ пресвитеровъ римской Церкви къ царямъ Аркадію и Гонорію съ порученіемъ, просить у нихъ Собора и, для созванія его, опредѣленнаго времени и мѣста. Но враги Іоанна въ Константинополѣ распустили клевету, будто это дѣлается въ оскорбленіе здѣшней имперіи, и устроили такъ, что тѣ (послы), какъ обезпокоившіе правительство иностранной державы, съ безчестіемъ были высланы вонъ, а самаго Іоанна, по опредѣленію царя, положено перевести далѣе—въ Питіунтъ. Въ скоромъ времени для выполненія этого опредѣленія прибыли къ нему воины. Говорятъ, что, когда они вели Іоанна, онъ на пути предузналъ день, въ который имѣлъ скончаться; потому что ему въ Команахъ въ Арменіи явился мученикъ Василискъ. Тамъ,—не бывъ уже въ состояніи продолжать путь, потому что страдалъ головою болью, и не могши сносить солнечныхъ лучей, — онъ въ болѣзни отошелъ отъ жизни.

КОНЕЦЪ ОСЬМОЙ КНИГИ ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРИИ.

ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРИИ

ЭРМИЯ СОЗОМЕНА САЛАМИНСКАГО.

КНИГА ДЕВЯТАЯ.

ГЛАВА 1.

О кончинѣ Аркадія, о правленіи Θεодосія Младшаго и сестрахъ его; также о благочестіи, доблестяхъ и дѣствѣхъ царицы Пульхеріи, о богоугодныхъ ея дѣлахъ и о надлежащемъ воспитаніи, какое дала она Θεодосію.

Такъ было съ Іоанномъ. Спустя же не много времени послѣ его кончины, въ третій годъ епископства Агтика въ Константинополѣ, при консулахъ Вассѣ и Филиппѣ, скончался и Аркадій, оставивъ преемникомъ себѣ сына Θεодосія, только что переставшаго итаться молодымъ, и дочерей Пульхерію, Аркадію и Марину—въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ. — При этомъ, кажется мнѣ, Богъ весьма ясно показалъ, что царямъ всего важнѣе благочестіе, безъ котораго и войска, и царскоемогущество, и другія средства не благонадежны. И такъ вседержащая божественная сила, предвидя въ Θεодосіѣ царя благочестивѣйшаго, понеченіе о немъ и объ имперіи ввѣрила сестрѣ его Пульхеріи. Хотя ей не было и 15 лѣтъ, но она не по лѣтамъ обладала умомъ мудрѣйшимъ и какъ бы божественнымъ. Прежде всего и свое дѣвство посвятила она Богу, и къ тому же па-

правляла жизнь своихъ сестеръ — съ намѣреніемъ удалить изъ царскаго дворца всякаго мужчину и чрезъ то уничтожить всякій поводъ къ ревности и кознямъ. А чтобы утвердить свои распоряженія и сдѣлать свидѣтелями своихъ поступковъ Бога, іереевъ и каждаго подданнаго, она въ память своего дѣвства и правленія брата поставила въ церкви Константинопольской священную трапезу, чудное произведеніе, сдѣланное изъ золота и драгоценныхъ камней и прекрасное на видъ, и тоже написала на передней сторонѣ трапезы для всеобщаго свѣденія. Принявъ на себя заботы правленія, Пульхерія римскимъ міромъ управляла прекрасно и весьма благопрично, дѣлала хорошія распоряженія, скоро рѣшала и излагала, что должно, старалась правильно говорить и писать на языкахъ латинскомъ и греческомъ, и славу всего, что дѣлалось, относила къ брату, также старалась дать ему образованіе, сколько можно приличнѣйшее царю, и питала его душу свойственными его возрасту науками. Люди свѣдущіе учили его ѣздить на конѣ, владѣть оружіемъ и сообщали ему познанія въ наукахъ. Сама же сестра давала наставленія, какъ держать себя прилично и по-царски въ выходахъ, показывала, какое слѣдуетъ надѣвать платье, какъ надобно сидѣть и ходить, воздерживаться отъ смѣха, быть то кроткимъ, то строгимъ, смотря по обстоятельствамъ, и прилично спрашивать просителей. Пульхерія не менѣе руководила его и къ благочестію, пріучая постоянно молиться, посѣ-

щать церкви, украшать молитвенные дома приношеніями и драгоценными утварями, почитать іереевъ и другихъ добрыхъ людей, вообще всѣхъ лобомудрствующихъ по закону христіанскому; тщательно и мудро также предотвращала она всякій случай, грозившій Вѣрѣ введеніемъ новыхъ и ложныхъ догматовъ. И если въ наше время нѣтъ новыхъ ересей, то главною причиною того, какъ увидимъ послѣ, была она. А съ какимъ усердіемъ исполняла Пульхерія дѣла благочестія, сколько выстроила великолѣпныхъ храмовъ, сколько завела домовъ для бѣдныхъ и странныхъ, также монашескихъ обителей, назначивъ для содержанія этихъ заведеній постоянную сумму денегъ, а для живущихъ въ нихъ извѣстное количество хлѣба, — перечислять все это было бы долго. Кто, не довѣряя моимъ словамъ, захотѣлъ бы узнать истину на самомъ дѣлѣ, тотъ несомнѣнно убѣдился бы, что я пишу не по пристрастію, когда по этому предмету разсмотрѣлъ бы записки начальниковъ царскаго дворца и потомъ разобралъ написанное мною, согласны ли слова мои съ самымъ дѣломъ.—Кому же для удостовѣренія и этого мало, тотъ пусть повѣритъ самому Богу, который за ея благочестивую жизнь имѣлъ къ ней всегда столь великое благоволеніе, что немедленно внималъ ея молитвамъ и часто предоткрывалъ ей, что надлежало дѣлать. Вѣдь Богъ, вѣроятно, никогда не удостоиваетъ своего благоволенія людей, если они не сдѣлаются того достойными. Впрочемъ я охотно умалчиваю о частныхъ случаяхъ, доказывающихъ,

что сестра царя пользовалась благоволеніемъ Божіимъ, дабы ктонибудь не сталъ обвинять меня, что, занимаясь совѣмъ другимъ предметомъ, я принялъ тошъ панегиристовъ. Скажу здѣсь — хотя это относится и къ позднѣйшему времени—только о томъ, что, по моему мнѣнію, принадлежитъ церковной исторіи и вмѣстѣ служить яснымъ доказательствомъ богоугодной жизни царицы. Дѣло вотъ въ чемъ.

ГЛАВА 2.

Объ обрѣтеніи мощей святыхъ сорока мучениковъ.

Одна жена, именемъ Евсевія, діаконисса македоніанской ереси, имѣла за стѣнами Константинопольскаго дома и сада, гдѣ хранила мощи сорока воиновъ, пострадавшихъ при Ликийѣ въ Севастіи армянской. Передъ смертію выше-сказанное мѣсто завѣщала она единовѣрнымъ съ собою монахамъ и клятвенно просила ихъ погребсти себя на немъ, а въ головахъ надъ самымъ теменемъ ея поставить особый ящикъ, въ которомъ положить вмѣстѣ съ нею мощи мучениковъ и никому о томъ не сказывать. Монахи такъ и сдѣлали. Но, чтобы воздать мученикамъ приличную почесть и вмѣстѣ съ тѣмъ, по завѣщанію Евсевіи, скрыть ихъ отъ людей, они подлѣ ея могилы подъ землею устроили молитвенный домъ, а снаружи поверхъ зданія выстлали землю плитами и отсюда сдѣлали тайный ходъ къ мученикамъ. Послѣ этого, Кесарій, человекъ въ то время сильный, дослужив-

шійся до званія Консула и Претора, похоронилъ свою супругу подлѣ могилы Евсевіи. Эти жеши еще при жизни такъ условились между собою, потому что были очень дружны и держались одного образа мыслей касательно вѣры и догматовъ. Погребеніе супруги подало Кесарію поводъ купить то мѣсто для того, чтобы и самому быть положеннымъ подлѣ нея. Между тѣмъ вышеупомянутые монахи куда-то переселились, не сказавши никому о мученикахъ. Потомъ молитвенный домъ разрушился, — земля и мостовая обвалились, и все то мѣсто сравнялось. Посему Кесаріи воздвигъ тамъ великолѣпный храмъ Богу въ честь мученика Фирса. Миѣ кажется, самъ Богъ хотѣлъ, чтобы выше-сказанное мѣсто тщательно и столь долго было скрываетсямо: чрезъ это Онъ приготовлялъ — для мучениковъ тѣмъ болѣе дивное и славное обрѣтеніе, а для обрѣтшей тѣмъ яснѣйшіе знаки своего благоволенія. А обрѣла ихъ сестра Державнаго, царица Пульхерія. Дивный Фирсъ, явившись ей уже въ третій разъ, сказалъ о скрытыхъ подлѣ землею мученикахъ и повелѣлъ переложить ихъ къ нему, чтобы и они лежали въ одномъ съ нимъ мѣстѣ и пользовались одинакими почестями. Являлись ей и сами сорокъ мучениковъ, облеченные въ свѣтлая ризы. Но это дѣло превосходило всякое вѣроятіе и казалось весьма сомнительнымъ; ибо и самые старѣйшіе изъ клириковъ той Церкви, бывъ часто распрашиваемы, ничего не могли сказать о мученикахъ. Наконецъ, когда

всѣ уже отчаявались, Богъ привелъ на память одному пресвитеру Полихронію, бывшему много лѣтъ тому назадъ слугою въ домѣ Кесарія, что на томъ мѣстѣ жили нѣкогда монахи. Посему, отправившись къ македоніанскимъ клирикамъ, онъ сталъ спрашивать о нихъ и узналъ, что всѣ они уже скончались, оставался только одинъ, сохраненный въ живыхъ какъ-будто нарочно для сообщенія извѣстій объ отыскиваемыхъ мученикахъ. Полихроній просилъ его сказать, видѣлъ ли онъ святыхъ мощи, скрытыя въ такомъ-то мѣстѣ, и когда замѣтилъ, что монахъ по завѣщанію Евсевіа, уклоняется отъ распросовъ, то рассказалъ ему о божественномъ откровеніи, о безножійствѣ царицы и о недоумѣніи всѣхъ. Тогда шокъ сознался, что Богъ открылъ царицѣ истину. Въ то время я былъ еще отрокомъ, говорилъ онъ, и учился монашеской жизни подъ руководствомъ начальныхъ старцевъ, поэтому вѣрно знаю, что мученики лежатъ близъ гроба Евсевіа.—не знаю только, зарыты ли они подъ храмомъ, или гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ, потому что съ тѣхъ поръ прошло много времени и прежній видъ мѣста измѣнился въ другой, вытѣшній.— Но о себѣ я не могу сказать этого, примолвилъ Полихроній. Я помню, что былъ при погребеніи супруги Кесарія, и, судя по близъ-проходящей дорогѣ, догадываюсь, что она положена близъ амвона т. е. возвышеннаго мѣста для чтецовъ. Такъ гроба Евсевіа пужно искать подлѣ супруги Кесарія, подхватилъ шокъ; потому что, бывъ

во многомъ согласны между собою при жизни, онѣ условились лежать вмѣстѣ и по смерти. Теперь оставалось, значитъ, раскопать указанное мѣсто и искать въ немъ святыхъ мощей. Узнавъ объ этомъ, царица приказала приступить къ дѣлу. Когда разрыли землю около амвона, найденъ былъ гробъ супруги Кесарія, какъ догадывался Полихроній; потомъ въ сторону отъ него не подалеку открыта кирпичная пастилка и по величинѣ равная ей мраморная доска. Подъ этою доскою показался гробъ и самой Евсевіа, а близъ него — молитвенный домъ, очень красиво обложенный бѣло-розовымъ мраморомъ. Крышка надъ гробомъ устроена была на подобіе священнои трансезы, а вверху, гдѣ лежали мученики, замѣчено небольшое отверстіе. Нѣкто изъ царскаго дворца, бывший при этомъ дѣлѣ, случайно имѣлъ въ рукахъ тонкую палочку. Вложивъ ее въ отверстіе, потомъ вынувъ назадъ, онъ поднесъ ее къ носу и ощутилъ благовоіе мура. Это обстоятельство подало добрую надежду какъ работавшимъ, такъ и присутствовавшимъ. Открывъ со тцаніемъ гробъ, работники нашли въ немъ тѣло Евсевіа. Въ головахъ ея находился ящикъ, обтесанный на подобіе кивота, и закрывавшійся изнутри особою крышкой, которая по краямъ съ обѣихъ сторонъ прикрѣплена была желѣзомъ, а желѣзо запаляно свинцомъ. Посрединѣ крышки видно было также отверстіе, и служило явнѣйшимъ знакомъ, что внутри находятся мощи мучениковъ. Какъ скоро это сдѣлалось

извѣстнымъ, тотчасъ явились въ храмѣ мученика царица и епископъ. Свѣдущіе люди немедленно сняли желѣзные обручи и крышка безъ труда была поднята. Подъ нею найдено много мура, а въ немъ два серебряные ковчега, въ которыхъ лежали святые мощи. При этомъ царица воздала благодареніе Богу, что удостоилась такого откровенія и присутствовала при обрѣтеніи святыхъ мощей. — Послѣ того, устроивъ для мучениковъ драгоценнѣйшую раку, она помѣстила ихъ близъ угодника Божія Фирса, при чемъ совершенно было общественное празднество, возданы мученикамъ приличныя почести и совершено въ честь ихъ крестный ходъ съ псаломнѣемъ, при которомъ самъ я присутствовалъ. Что все это происходило такъ, могутъ подтвердить бывшіе на праздникѣ,—они почти все живы; потому что это случилось гораздо позднѣе; когда константинопольскою Церковію управляетъ Прокль.

глава 5.

О доблестяхъ Пульхеріи и ея сестеръ, и о Божіемъ къ нимъ благоволеніи.

Говорятъ, что и въ другихъ дѣлахъ Богъ нередко предоткрывалъ царицѣ будущее, и что весьма много было случаевъ, въ которыхъ являлось Его благоволеніе къ ней и къ ея сестрамъ; ибо и сестры ея вели одинаковый съ нею образъ жизни, заботились объ іерусалѣмскихъ и молитвенныхъ домахъ, были щедры къ нуждающимся страшикамъ и бѣднымъ, имѣли всегда

общій столъ, вмѣстѣ дѣлали выходы, вмѣстѣ ночью и днемъ хвалили Бога и, какъ прилично достоуважаемымъ женамъ, занимались тканьемъ и подобными работами. Праздность и роскошь онѣ считали недостойными священнаго дѣвства, которому посвятили себя, а потому изгнали ихъ изъ своей жизни,—не смотря на то, что были царевны, родились и воспитаны въ царскомъ дворцѣ. За это Богъ явно показывалъ къ нимъ свою милость и хранилъ ихъ домъ. А между тѣмъ съ возрастаніемъ Державнаго возрастала и имперія; все козни и войны противъ него прекращались сами собою.

глава 4.

О персидскомъ союзѣ, въ Гоноріи и Стиликонѣ и о событіяхъ въ Римѣ и Далмаціи.

Въ это время Персы, подвигнутые къ войнѣ, заключили съ Римлянами столѣтній союзъ; а военачальникъ Гонорія, Стиликонъ, подозрѣваемый въ стремленіи провозгласить восточнымъ царемъ сына своего Евхерія, убитъ былъ воинами въ Равеннѣ. — За долго до этого времени, еще при жизни Аркадія, заведши вражду съ его полководцами, Стиликонъ старался воспламенить войну между самими имперіями и, съ этою цѣлію выхлопотавъ достоинство римскаго военачальника готескому вождю Алариху, убѣдилъ его занять Иллирію. Пославъ туда предварительно Ювія, котораго сдѣлалъ префектомъ Иллиріи, онъ условился поспѣшить къ нему и самъ съ римскими войсками, чтобы ту-

земных жителей привести подъ власть Гонорія. Аларихъ, вмѣстѣ съ своими Готами вышедши изъ варварской страны близъ Далмаціи и Панноніи, гдѣ жилъ, вступилъ въ Эпиръ, но пробывъ здѣсь долгое время, ничего не сдѣлалъ и возвратился въ Италію; ибо Стиликонъ, хотѣвшій, согласно съ условіемъ, отправиться, удержанъ былъ граматою Гонорія. Но кончивъ Аркадія, Гонорій, изъ любви къ племяннику, намѣревался тотчасъ же ѣхать въ Константинополь и поставить тамъ вѣрныхъ блюстителей безопасности царя и царства; ибо, считая племянника за сына, онъ опасался, какбы по молодости не потерпѣть ему чего нибудь и не сдѣлаться предметомъ козней. Гонорію собирался было уже въ путь, но Стиликонъ убѣдилъ его остаться въ Италіи, говоря, что его присутствіе тамъ необходимо, потому что недавно какой-то Константинъ задумалъ въ Арелатѣ стремиться къ тиранніи. Самъ между тѣмъ, взявъ скипетръ, называемый у Римлянъ Лавромъ, и грамоту царя, позволявшую ему отправиться на востокъ, намѣревался выступить съ четырьмя легіонами войска. Тогда разнесся слухъ, что онъ злоумышляетъ противъ царя и, имѣя спланныхъ соумышленниковъ, готовитъ тираннію своему сыну. Воины возмущились и убили префектовъ Италіи и Галліи, воспачальниковъ и другихъ, занимавшихъ при дворѣ важныя должности. — Убитъ былъ ими въ Равеннѣ и самъ Стиликонъ. Это былъ мужъ, превосходнейшій своимъ могуществомъ всѣхъ когда либо быв-

шихъ сановниковъ, и имѣвшій, такъ сказать, на своей сторонѣ всѣхъ Римлянъ и Варваровъ.— Такъ-то погибъ Стиликонъ, подозрѣваемый въ злоумышленіи противъ царскаго дома. Убитъ былъ и сынъ его Евхерій.

ГЛАВА 5.

О разбитіяхъ, совершившихъ противъ Римлянъ народавъ, изъ которыхъ одни, съ помощію Божіею, были побѣждены, а другіе даже сдѣлались ихъ данниками.

Около того же времени случилось Гуннамъ стоять лагеремъ во Фракіи. Вдругъ они постыдно обратились въ бѣгство, бросивъ весьма многихъ изъ своихъ товарищей, тогда какъ никто не нападалъ на нихъ и не преслѣдовалъ ихъ. Потомъ предводитель жившихъ около Истра Варваровъ, Ульдисъ, переправившись съ многочисленнымъ войскомъ чрезъ эту рѣку, расположился лагеремъ на границахъ Фракіи, взявъ извѣстною мизійскій городъ Кастремартисъ и, дѣлая набѣги на остальную Фракію, по высокомерію не хотѣлъ заключить союза съ Римлянами. Когда префектъ фракійскихъ войскъ переговаривалъ съ нимъ о мирѣ, онъ указалъ на восходящее солнце и сказалъ, что покорить всю эту освѣщаемую землю для него, еслибы вздумалось, не будетъ стоить большаго труда. Но между тѣмъ, какъ онъ дѣлалъ такія угрозы и произвольно назначалъ дань, объявляя, что только подъ этимъ условіемъ согласится на миръ съ Римлянами, въ противномъ же случаѣ пусть ждутъ войны,—въ такой крайности Богъ пока-

заль, какъ много печется Онъ объ этой имперіи. Спустя нѣсколько времени, между слугами Ульдиса и начальниками отрядовъ его войска зашла рѣчь о римскомъ государствѣ и о человеколюбіи римскаго царя, — сколь высокими, то есть, и многими почестями награждаетъ онъ отличныхъ и добрыхъ людей. Конечно, не безъ воли Божіей почувствовалъ въ себѣ сильное желаніе такихъ почестей, тѣ начальники отрядовъ перешли къ Римлянамъ и вмѣстѣ съ своими подчиненными вступили въ ихъ лагерь. Тогда Ульдисъ едва спасся, убѣжавъ на другой берегъ рѣки, при чемъ потерялъ много людей, особенно же такъ называемыхъ Скировъ. — До настоящаго событія этотъ варварскій народъ былъ довольно многочисленъ. Но не посѣвая за прочими во время бѣгства, одни изъ Варваровъ были перебиты, другіе, оставшіеся въ живыхъ, перевязаны и отправлены въ Константинополь. Чтобы, собравшись во множествѣ, они не рѣшились на что либо, правительству пришла мысль разсѣять ихъ. Поэтому нѣкоторые изъ нихъ были проданы за ничтожную цѣну, а нѣкоторые и даромъ отданы въ рабство, подѣлъ только условіемъ, чтобы они никогда не являлись ни въ Константинополь, ни вообще въ Европѣ, но отъ извѣстныхъ себѣ мѣстъ отдѣлены были моремъ. За тѣмъ оставалась еще значительная часть не проданныхъ, и размѣщена была на жительство по разнымъ мѣстамъ. Многихъ я видѣлъ въ Вѣннѣ близъ горы Олимпиа; живутъ они разсѣянно и обрабо-

тываютъ находящіеся тамъ холмы и долины.

глава 6.

О Готѣ Аларихъ, и о томъ, что онъ подступилъ къ Риму и тпсилъ его.

Такъ-то восточная имперія избавилась отъ неприятелей и, — сверхъ всякаго чаянія, ибо царь былъ еще молодъ, — управлялась съ подобающимъ приличіемъ, тогда какъ западная терпѣла не устройства, потому что являлось много тирановъ. Когда Стиликонъ былъ убитъ, вождь готтовъ Аларихъ отправилъ къ Гонорію пословъ для переговоровъ о мирѣ, но, не получивъ успѣха, подступилъ къ Риму и, осадивъ его, расположилъ множество Варваровъ по рѣкѣ Тибру, чтобы городскимъ жителямъ нельзя было доставлять съѣстныхъ припасовъ изъ порта, — такъ называютъ Римляне свою пристань. По прошествіи значительнаго времени отъ начала осады, въ городѣ усплились голодъ и повальныя болѣзни, — и многіе рабы, особенно варварскаго происхожденія, стали перебѣгать къ Алариху. — Тогда сенаторы изъ язычниковъ нашли необходимымъ принести жертвы въ Капитоліѣ и другихъ храмахъ; ибо нѣкоторые Этруски, призванные для того префектомъ города, торжественно обѣщались прогнать Варваровъ молніями и громами, при чемъ хвалились, что они уже сдѣлали это въ этрусскомъ городѣ Ларнціи, мимо котораго проходя на пути къ Риму, Аларихъ не взялъ его. Но что отъ этихъ мѣръ не

могло быть для города никакой пользы,—показало самое дѣло. Благомыслящіе люди видѣли, что гнѣвъ Божій послалъ такое бѣдствіе на Римлянъ въ наказаніе за ихъ несправедливости къ гражданамъ и чужестранцамъ, которыя они прежде дѣлали, увлекаясь чрезмѣрною роскошью и неумѣренностію. — Разсказываютъ, что, когда Аларихъ спѣшилъ къ Риму, одинъ добрый италійскій шокъ просилъ его пощадить городъ и не быть виновникомъ столькихъ золъ. Но Аларихъ отвѣчалъ, что онъ такъ дѣйствуетъ не по своей волѣ, что кто-то никогда ему не дастъ покоя, повелѣвая разорить Римъ, на что онъ наконецъ и рѣшился. — Во время осады получивъ весьма много даровъ, онъ на нѣсколько времени спалъ се, съ тѣмъ условіемъ, что Римляне упрелятъ царя заключить съ нимъ миръ.

глава 7.

О посольствѣ, которое отправилъ къ Алариху епископъ стараго Рима Иннокентій; также о префектѣ Италіи Ювѣ, о посольствѣ къ царю и о томъ, что случилось съ Аларихомъ.

Когда къ царю отправлено было посольство касательно этого дѣла,—недоброжелательствовавшіе Алариху царедворцы препятствовали заключенію мира. Послѣ сего епископъ стараго Рима Иннокентій посылалъ пословъ къ Алариху,—и онъ, склонившись на письмо царя, отступилъ въ городъ Ариминъ, отстоящій отъ Равенны на 210 стадій. Когда подъ стѣнами этого города раскинулъ онъ свои палатки, то прибылъ къ нему для переговоровъ префектъ Ита-

ліи Ювій и потомъ сообщилъ царю требованія Алариха, чтобы почтили его дипломами военачальника обоихъ войскъ. Царь далъ Ювію, какъ префекту Италіи, власть распорядиться доставленіемъ Алариху требуемыхъ имъ денегъ и удовольствія; а что касается до достоинства, отвѣчалъ онъ, то никогда не дастъ его. Тогда Ювій не благоразумно поступилъ въ томъ отношеніи, что, удержавъ царскаго посланца въ палаткѣ Алариха, приказалъ ему прочесть мнѣніе царя въ присутствіи Варваровъ. Отказомъ въ достоинствѣ Аларихъ разгнѣванъ былъ такъ, какъ будтобы получилъ личную обиду, и въ тоже время трубнымъ звукомъ далъ знакъ двинуться къ Риму. Между тѣмъ Ювій, опасаясь, какъ бы царь не сталъ подозрѣвать его въ благожелательствѣ Алариху, поступилъ еще не благоразумнѣе прежняго, то-есть и самъ поклялся безопасностію царя, и другихъ саовниковъ расположилъ покляться, что они никогда не заключатъ мира съ Аларихомъ. Впрочемъ, одумавшись, Варваръ чрезъ нѣсколько времени объявилъ, что ему нѣтъ никакой нужды въ достоинствахъ, но что онъ будетъ союзникомъ царя, если царь даруетъ ему небольшое количество хлѣба, и для поселенія мѣста, не очень нужныя Римлянамъ.

глава 8.

О возмущеніи Аттала, о военачальникѣ Геракліонѣ; и о томъ, что, обратившись въ послѣдствіи времени къ Гонорію, Атталъ получилъ прощеніе.

Аларихъ по этому дѣлу дважды отправлялъ послами какихъ-то епископовъ и, дважды полу-

чивъ отказъ, пошелъ къ Риму и осадилъ его. Взявъ съ одной стороны портъ, онъ заставилъ Римлянъ избрать въ цари бывшего тогда префектомъ города, Аттала. Послѣ того Римляне приступили къ избранію лицъ на другія правительственныя должности, и Аларихъ назначенъ былъ предводителемъ обоюроднаго рода войскъ, а братъ его жены Атаульфъ—вождемъ такъ-называемыхъ домашнихъ всадниковъ. Между тѣмъ Атталъ, созвавъ Сенатъ, говорилъ длинную и блистательно обработанную рѣчь, въ которой обѣщалъ сенаторамъ блюсти отечественныя уставы и покорить Италиі Египетъ вмѣстѣ со всею восточною имперіею.—Такъ хвалился человекъ, которому не пришлось называться царемъ и въ продолженіе одного цѣлаго года. Увлеченный словами какихъ-то прорицателей, обѣщавшихъ ему, что онъ безъ боя овладѣетъ Африкою, Атталъ не послушался ни Алариха, совѣтовавшаго послать не большое войско въ Карфагенъ для истребленія тамъ поставленныхъ Гоноріемъ правителей, еслибы они вздумали противиться,—ни Юанна, имѣвшаго при немъ должность начальника придворныхъ чиновъ, который находилъ нужнымъ, чтобы Константъ получилъ отъ Аттала повелѣніе отпавиться въ Ливію, въ качествѣ посла будтобы Гоноріева, и уполномоченный обыкновенною грамотою, называсемою указомъ, лишилъ власти Геракліона, которому ввѣрено было начальство надъ стоявшими въ Африкѣ войсками.—Последняя мѣра, можетъ быть, и удалась бы, потому, что въ

Ливіи еще неизвѣстно было о правленіи Аттала. Когда же Константъ, равнымъ образомъ по совѣту предвѣщателей, отплылъ въ Карфагенъ, Атталъ до того помѣшался въ умѣ, что не хотѣлъ и сомнѣваться въ успѣхѣ, по согласію съ предвѣщаніями, бывъ убѣжденъ въ покореніи Африки, немедленно двинулся съ войскомъ къ Равеннѣ.—Освѣдомившись, что войска Аттала, состоящая изъ Римлянъ и Варваровъ, достигли уже Аримина, Гонорій пишетъ ему, какъ царю, и отправляя послами людей, занимавшихъ при немъ важнѣйшія должности, объявляетъ, что онъ съ удовольствіемъ принимаетъ его въ товарищи по управленію имперіею. Но Атталъ не хочетъ раздѣлять власти и объявляетъ Гонорію, чтобы онъ выбралъ себѣ какой угодно островъ, или мѣсто, и жилъ на немъ частнымъ человекомъ, удержавъ только принадлежанія царю почести. Дѣла теперь находились въ такомъ положеніи, что у Гонорія были уже приготовлены корабли, чтобы въ случаѣ нужды отплыть къ племяннику, какъ вдругъ ночью пришли къ Равеннѣ съ востока шесть отрядовъ войска, или около 4000 человекъ. Царь поручилъ имъ охраненіе стѣнъ, потому что не довѣрялъ воинамъ туземнымъ, скорымъ на измѣны. Между тѣмъ Геракліанъ, умертвивъ Константа, разставилъ стражу по приставямъ и берегамъ африканскимъ и заградилъ купеческимъ кораблямъ плаваніе къ Риму. Отсюда въ Римѣ открылся голодъ, и Римляне по этому дѣлу отправили пословъ къ Атталу. Не зная,

что предпринять, Атталъ возвратился въ Римъ—подъ тѣмъ предлогомъ, чтобы посоветоваться съ Сенатомъ. Голодъ усилился до того, что вмѣсто хлѣба стали употреблять каштаны, и даже было подозрѣніе, что нѣкоторые ѣли человѣческое мясо. Тогда Аларихъ совѣтовалъ послать противъ Геракліана 500 Варваровъ, но Сенату и Атталу казалось, что Варварамъ ввѣрять Африку не слѣдуетъ. Когда же наконецъ ясно стало, что Богу не угодно правленіе Атталово, то Аларихъ понялъ, что онъ напрасно хлопочетъ о дѣлѣ, выходящемъ за предѣлы его власти и, получивъ отъ Гонорія нѣкоторыя обѣщанія, открылъ съ нимъ переговоры о низверженіи Аттала. Итакъ, по выступленіи всѣхъ за городъ, Атталъ слагаетъ съ себя знаки царскаго достоинства, снимаютъ также поясы и сановники его; а Гонорій, забывая случившееся, даруетъ всѣмъ прощеніе и повелѣваетъ каждому пользоваться тою степенью чести и тѣмъ достоинствомъ, какимъ кто пользовался прежде. Чтоже касается до Аттала, то онъ вмѣстѣ съ сыномъ оставался при Аларихѣ, ибо не считалъ себя въ безопасности между Римлянами.

глава 9.

О волненіи между язычниками и Христіанами по случаю возмущенія Аттала, также о тѣхъ мужественномъ Сартъ, и о томъ, что Аларихъ, хотѣвшій взять Римъ, сохранилъ неприкосновеннымъ храмъ св. Петра.

Такія событія казались довольно непріятными и язычникамъ, и Христіанамъ Арис-

вой ереси. Первые, основывая свои догадки на правилахъ и первоначальномъ воспитаніи Аттала, думали, что онъ открыто приметъ язычество и возстановитъ отеческіе храмы, празднества и жертвы; а послѣдніе надѣялись снова овладѣть церквами, какъ было при Константѣ и Валентѣ, если упрочится власть его: ибо крещенный готскимъ епископомъ Сигисаріемъ, онъ по этому именно благопріятствовалъ всѣмъ Готамъ и Алариху. Спустя не много времени, Аларихъ, занявъ Альпы, мѣстечко, отстоящее на 60 стадій отъ Равенны, вступилъ съ царемъ въ переговоры о мирѣ. Но нѣкто Сартъ, родомъ Варваръ, человекъ, какъ нельзя болѣе опытный въ военномъ дѣлѣ, имѣвшій подъ начальствомъ около 500 воиновъ, людей все надежныхъ и храбрыхъ, и влѣдствіе прежней вражды оставшіяся въ подозрѣніи у Алариха, разсудилъ, что союзъ между Римлянами и Варварами не принесетъ ему пользы, и потому, неожиданно напавъ съ своими подчиненными, убилъ нѣсколькихъ Варваровъ. Разгнѣванный и испуганный этимъ Аларихъ, тѣмъ же путемъ возвратился къ Риму и, осадивъ его, взялъ измѣною. При этомъ онъ далъ позволеніе толпамъ своимъ расхищать, сколько кто можетъ, имущество Римлянъ и грабить всѣ дома; приказалъ только изъ уваженія къ апостолу Петру сохранить неприкосновеннымъ храмъ, въ которомъ находится гробъ его и которымъ занято огромное пространство. Вотъ причина, почему Римъ не совсѣмъ погибъ; ибо спасшихся

въ храмъ жителей было весьма много и они-то впоследствии снова населили городъ.

ГЛАВА 10.

О римской жени, показавшей прилпръ цѣломудрія.

Изъ множества происшествій, при взятіи такого города неизбѣжныхъ, я опишу то, которое показалось мнѣ достойнымъ церковной исторіи; потому что оно свидѣтельствуетъ о благочестивомъ поступкѣ Варвара и мужествѣ римской жены въ сохраненіи цѣломудія. Оба они были Христіане, но не одного исповѣданія; первый держался ереси Арія, а послѣдняя—вѣры Никейской. Увидѣвъ рѣдкую красоту этой жены, одинъ изъ молодыхъ воиновъ Алариха прельстился ею и влекъ ее къ преступленію. Но такъ какъ она противилась и усильно старалась избѣгнуть всего постыднаго, то Варваръ, обнаживъ мечъ, грозилъ ей смертію, а потомъ, щадя ее изъ любви, нанесъ ей только легкую рану на спинѣ. Обливаясь кровію, жена подставила шею подъ мечъ и рѣшилась лучше умереть цѣломудренною, нежели возвратиться къ законному мужу по совокупленіи съ другимъ. Когда Варваръ и при самыхъ страшныхъ нападеніяхъ не болѣе усилъ въ своемъ намѣреніи, то, удивляясь цѣломудрію жены, отвелъ ее въ храмъ апостола Петра, сдалъ церковнымъ стражамъ и, вручивъ имъ для прощанія ея шесть золотыхъ монетъ, приказалъ охранять ее до мужа.

ГЛАВА 11.

О тираннахъ, въ это время возмущавшихся на западъ противъ Гонорія, и о совершенномъ, по Божію благоволенію къ царю, истребленіи всѣхъ ихъ.

Около этого времени въ западной имперіи появлялось много тиранновъ; но они либо надали другъ отъ друга, либо сверхъ всякаго чаянія были схватываемы, и тѣмъ показали необычайное благоволеніе Божіе къ Гонорію. Прежде всего произошло возмущеніе въ войскахъ, занимавшихъ Британію: онѣ провозгласили тиранномъ Марка, а потомъ, убивъ его, облекли этою властію Граціана. Когда же и Граціанъ, спустя не болѣе четырехъ мѣсяцевъ, былъ убитъ ими, то его мѣсто отдали Константину, въ той мысли, что, пося такое имя, онъ прочно утвердитъ власть свою. Кажется, по этойже причинѣ поставляли они и другихъ тиранновъ. Константинъ изъ Британіи перенравился въ Болонію, городъ гальскій, лежащій близъ моря, и склонивъ на свою сторону войска, стоявшія въ Галліи и Аквитаніи, подчинилъ своей власти туземцевъ до горъ, отдѣляющихъ Италію отъ Галліи и называющихся у Римлянъ коттійскими Альпами. Потомъ старшаго своего сына Константа, впоследствии облеченнаго въ санъ царя, провозгласивъ тогда кесаремъ, онъ послалъ въ Испанію. Константинъ, покоривъ народъ, поставилъ надъ нимъ своихъ правителей, а родственниковъ Гоноріевыхъ, Дидима и Вереніана, приказалъ связать и привести къ себѣ. Эти по-

слѣдніе, прежде ссорившіеся между собою, во время опасности соединились и, набравъ войско изъ земледѣльцевъ и рабовъ, общими силами дали битву въ Лузитаніи и истребили множество воиновъ, посланныхъ отъ тирана съ повелѣніемъ захватить ихъ.

ГЛАВА 12.

О Θεодосіолѣ и Лагодіи; о Вандалахъ и Свезахъ; также о смерти Алариха и бѣгствѣ тирановъ Константина и Константа.

Послѣ сего противники, усиленные вспомогательными отрядами, взяли въ плѣнъ Дидима и Вереніана, вмѣстѣ съ ихъ женами, и сослали ихъ, а внослѣдствіи и умертвили. Братья же сосланныхъ Θεодосіолъ и Лагодій, жившіе въ другихъ областяхъ, удалились изъ отечества и укрылись—Θеодосіолъ въ Италиі у царя Гоноріа, а Лагодій на востокъ у Θεодосіа. Устроивъ такимъ образомъ дѣла и оставивъ военную стражу для охраненія входа въ Испанію, Константъ возвратился къ отцу. Онъ не позволилъ охранять его Испанцамъ, которые просили о томъ, основываясь на древнемъ обычаѣ, что и было внослѣдствіи причиною гибели туземцевъ; ибо по паденіи могущества Константинова, варварскіе народы, то-есть Вандалы, Свезы и Алапы, ободрившись, завладѣли входомъ и взяли много крѣпостей и городовъ испанскихъ и гальскихъ вмѣстѣ съ поставленными отъ тирана правителями. Между тѣмъ видя, что кажется все идетъ по желанію, Константъ возвелъ

сына своего Константа изъ кесарей въ цари и намѣревался завоевать Италию. Перешедши коттійскія Альпы, онъ вступилъ въ лигурійскій городъ Верону, но, собиравъ переправляться чрезъ Иридапъ (По), узналъ о смерти Алариха и возвратился прежнимъ путемъ. Алариху, котораго, какъ Гоноріева военачальника, подозрѣвали въ намѣреніи подчинить Константину весь западъ, случилось быть убитымъ тогда, когда онъ, по обычаю, предшествовалъ государю, возвращавшемуся съ какой-то процессіи. За избавленіе свое отъ явнаго злоумышленника, царь, тотчасъ же сошедъ съ лошади, всенародно принесъ благодарное молебствіе Богу. Между тѣмъ Константъ, продолжая бѣгство, занялъ Арелатъ. Съ нимъ соединился и бѣжавшій также изъ Испаніи сынъ его Константъ; ибо по паденіи могущества Константинова, Вандалы, Свезы и Алапы, узнавъ о плодородіи и великомъ богатствѣ Испаніи и пользуясь безпечностію поставленной Константиномъ стражи для защищенія входа въ нее, ободрившись и поспѣшно заняли пиринейскія горы.

ГЛАВА 13.

О Геронтіи, Максимѣ и войскѣ Гоноріа; также о плененіи и умерщвленіи Геронтія и жены его.

Въ это время Константину сдѣлался врагомъ отличнѣйшій изъ его полководцевъ Геронтій. Нашедши годнымъ для видовъ тираніи слугу своего Максима, Геронтій облекъ его въ царскую одежду и приказалъ ему оставаться

въ Тарраковѣ, а самъ двинулся съ войскомъ противъ Константина, стараясь на пути убить сына его Константа, бывшаго въ Виеннѣ. Когда Константинъ узналъ о всемъ касающемся Максима, то полководца своего Эдовиха послалъ за Рейнъ искать помощи у Франковъ и Алеманновъ, а сыну своему Константу ввѣрилъ защиту Виенны и прочихъ лежащихъ въ окружности городовъ. Геронтій дошелъ до Арелата и осадилъ этотъ городъ. Но, спустя нѣсколько времени, противъ тирана отправлено было Гоноріево войско, которымъ предводительствовалъ отецъ царя Валентиціана Констанцій. Тогда Геронтій съ немногими воинами тотчасъ обратился въ бѣгство; ибо большая часть его отряда перешла на сторону Констанція. Испанскіе же воины, презирая его за бѣгство, положили убить его и, собравшись, окружили домъ, въ которомъ онъ остановился. Геронтій, съ однимъ другомъ своимъ Аланомъ и нѣсколькими слугами стрѣляя съ верхней части дома, убилъ около 500 воиновъ. Когда же не стало стрѣль, слуги вышли тайно изъ дома и разбѣжались. Могъ бы такимъ же образомъ спастись и Геронтій, но удержанный любовію своей жены Юстиніи, не захотѣлъ. Поутру воины подожгли къ дому огонь, и запершимся въ немъ не оставалось болѣе надежды на спасеніе. Въ такой крайности Геронтій отсѣкъ голову другу своему Алану, который самъ хотѣлъ этого, а затѣмъ—и своей женѣ, которая со слезами и стопами подставляла себя подъ мечъ, желая уме-

реть лучше отъ руки мужа, чѣмъ понасть во власть другихъ, и умоляя его объ этомъ послѣднемъ дарѣ. Съ такимъ-то мужествомъ, достойнымъ своей вѣры (она была Христианка), умерла эта женщина и навсегда оставила память о себѣ въ потомствѣ. Чтоже касается до Геронтія, то онъ трижды ударялъ себя мечемъ и, все еще не получивъ смертельной рапы, наконецъ извлекъ кинжалъ, который послѣ при себѣ, и имъ пронзилъ свое сердце.

ГЛАВА 14.

О Констанціи и войскѣ Гонорія, также о военачальникѣ Эдовихѣ и о пораженіи, нанесенномъ ему Ульфилою, товарищемъ Константина по начальству надъ войскомъ, и убіеніи его.

Когда Гоноріево войско осадило Арелатъ, Константинъ выдерживалъ эту осаду до тѣхъ поръ, пока не получилъ извѣстія о прибытіи Эдовиха съ многочисленными вспомогательными войсками. Прибытіе его привело въ немалый страхъ военачальниковъ Гонорія, такъ что они рѣшились возвратиться въ Италію и тамъ отвѣститься на войну. Какъ скоро такое намѣреніе было всѣмъ принято, войска ихъ при приближеніи Эдовиха переведены за рѣку (Рону). Констанцій, начальствовавшій надъ нѣхотою, сталъ выжидать встрѣчи съ непріятелемъ, а товарищъ его Ульфила скрылся не въдалекѣ съ коплицею. Какъ скоро непріятель, мнновавъ войско Ульфила, намѣревался броситься на Констанція, вдругъ, по данному знаку, появил-

ся Ульфила и пашалъ на нихъ съ тыла. Сраженіе тотчасъ же приняло другой оборотъ: изъ непріятелей одни побѣжали, другіе были убиты, а большая часть ихъ, положивъ оружіе, просила прощенья и была пощажена. Самъ Эдовихъ, сѣвъ на коня, ускакалъ въ какую-то деревню, принадлежавшую Эдикію, человѣку, получившему отъ него прежде весьма много благодѣній и считавшемуся его другомъ. Но Эдикій, отѣкши ему голову, принесъ ее полководцамъ Гонорія въ надеждѣ получить отъ нихъ большіе подарки и удостойтсѣ великой чести. Констанцій приказалъ взять голову, сказавъ, что государство за постонокъ Эдикія отблагодаритъ Ульфила, и когда тотъ хотѣлъ было остаться при войскѣ, повелѣлъ ему удалиться, считая непримичнымъ для себя и для войска сообщество человѣка, столь не гостепріимнаго. Такимъ образомъ Эдикій, посягнувъ на святотатственное убійство друга и гостя, который искалъ у него убійства въ несчастіи, ушелъ, по пословицѣ, будто песолоно поѣвши.

глава 15.

О томъ, что Константинъ сложилъ съ себя знаки царскаго достоинства и о рукоположеніи его въ пресвитера, также о смерти его и другихъ возставшихъ противъ Гонорія тирановъ.

Послѣ побѣды войско Гонорія тотчасъ же переправилось обратно изъ-за рѣки къ городу. Тогда Константинъ, узнавъ объ убійствѣ Эдовиха, добровольно сложилъ съ себя багряницу

и прочіе знаки царскаго достоинства и, пришедши въ церковь, рукоположенъ былъ въ пресвитера. Осакденные же, взявъ предварительно клятвы, отворили ворота, и все получили прощенье. Съ того времени туземцы снова признали надъ собою власть Гонорія и подчинились поставленнымъ отъ него правителямъ. Между тѣмъ Константинъ, отиравленный вмѣстѣ съ сыномъ своимъ Юліаномъ въ Италію, прежде чѣмъ доѣхалъ туда, былъ убитъ. Не много спустя, неожиданно убиты были и вышеномянутые тираны Ювіанъ и Максимъ, также Саръ и, кромѣ ихъ, весьма многіе другіе, посягавшіе на власть Гонорія.

глава 16.

О Божіемъ благоволеніи къ Самодержцу Гонорію, и кончинѣ его, также о пресланикахъ Гонорія—Валентиніанѣ и дочери Гонорія, и о мирѣ, господствовавшей въ то время по всей землѣ.

Впрочемъ здѣсь неумѣстно перечислять все это. Я долженъ былъ напомнить о тѣхъ событіяхъ, имѣя въ виду одну цѣль—дать знать, что для сохраненія власти государю должно съ ревностію чтить Бога, каковъ дѣйствительно и былъ этотъ царь. Съ нимъ жила и родная его сестра, Галла Плавидія, почти столько же внимательная къ вѣрѣ и Церкви. Она вышла замужъ за Констанція, изложителя Констанциновой тираніи, человѣка весьма мужественнаго и въ воспомѣ дѣль опытнаго. Брачный вѣнецъ съ сестрою царя, багряница и общеніе власти

были ему наградою. Вскорѣ послѣ сего Гоноріи скончался, оставивъ дѣтей—Валентиніана, бывшаго ему преемникомъ, и Гонорію. Въ то же время и восточная имперія, избавившись отъ непріятелей, сверхъ всякаго чаянїя, — ибо государь былъ еще молодъ,—управлялась съ подобающимъ приличіемъ. Изъ всего видно было, что Богу благоугодно настоящее царствованіе; потому что, вопреки ожиданію, Онъ не только привелъ къ такому концу всѣ войны, но и открылъ святія мощи многихъ мужей, прославившихся въ древности своимъ благочестіемъ. Разумѣю случившееся въ то время обрѣтеніе мощей вѣтхозавѣтнаго пророка Захаріи и рукоположеннаго Апостолами діакона Стефана. Но необходимо сказать, какимъ образомъ послѣдовало то и другое дивное и божественное обрѣтеніе.

глава 17.

Объ обрѣтеніи мощей пророка Захаріи и первомученика Стефана.

Пачу съ пророка. Въ окрестностяхъ палестинскаго города Элевѣрополя есть селеніе Хафаръ — Захарія. Управлялъ имъ гѣкто Калимеръ, староста, человекъ предашній владѣльцу, но суровый, упрямый и неправдивый въ отношеніи къ сосѣднимъ земледѣльцамъ. Такому-то человеку предсталъ пророкъ на яву и открылъ себя. Указавъ на одинъ садъ, онъ сказалъ ему: «Копай здѣсь, отмѣривши два локтя отъ садоваго забора по направленію дороги, ведущей

въ городъ Биттеремапъ. Найдешь двойной гробъ внутри деревянный, снаружки обитый свинцомъ, а около гроба стеклянный сосудъ съ водою и двухъ змѣекъ посредственною величиною, кроткихъ и безвредныхъ до того, что они кажутся ручными». Пришедши, по повелѣнію пророка, къ указанному мѣсту, Калимеръ усердно принялся за дѣло. Когда, по вышесказаннымъ признакамъ, открытъ былъ священный гробъ, явился божественный пророкъ, облеченный въ бѣлую ризу, думаю, потому, что онъ былъ священникъ. Въ ногахъ его, въ гроба, лежало дитя, удостоенное царскаго погребенія; ибо на головѣ его былъ золотый вѣнецъ, сандалинъ на немъ также золотыя, одежда драгоценная. Сказываютъ, что когда мудрецы и іереи недоумѣвали, кто былъ это дитя, откуда оно и почему такъ облечено, начальникъ монашеской обители въ Герарасъ Захарій нашель случайно древною еврейскую книгу, не значущуюся въ числѣ признанныхъ Церковію. Изъ этой книги открылось, что, спустя нѣсколько времени по убіеніи пророка Захаріи іудейскимъ царемъ Іоасомъ, царь былъ пораженъ тяжкимъ домашнимъ несчастіемъ; именно въ седьмой день по смерти пророка внезапно скончался любимѣйшій сынъ его. Видя въ этомъ бѣдствіи наказаніе Божіе, Іоасъ повелѣлъ погребсти дитя въ ногахъ пророка, чтобы чрезъ то искупить причиненную ему несправедливость. Такъ я слышалъ объ этомъ. Что касается до пророка, то сколь ни много вѣковъ лежалъ онъ подъ зем-

лею, пидеяъ былъ неповрежденнымъ, волоса у него были обрты, носъ прямой, борода не длинная, голова не большая, глаза не много впалые и закрытые рѣсницами.

АЛФАВІТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

ЛИЦЪ И СОБЫТІЙ, УПОМИНАЕМЫХЪ ВЪ ЦЕРКОВНОЙ
ИСТОРИИ

С О З О Ж Е Н А.

А.

- АВВАСЪ**, ученикъ Ефрема 207.
АВВОСЪ, сирскій подвижникъ 456.
АВДА, епископъ персидскій 110.
АВДАМЕОСЪ, сирскій подвижникъ 456.
АВДИСУСЪ, персидскій діакопъ 109.
АВДИСУСЪ, персидскій епископъ 110.
АВЕДОКАЛАЙ, персидскій пресвитеръ 110.
АВКСЕНТІЙ, ученый царедворецъ, 524.
АВКСЕНТІЙ, епископъ медиоланскій, покушается положить на западѣ начало аріанству 190; на ариминскомъ Соборѣ отвергаетъ единосущіе 262; низлагается 264; не признаетъ единосущія Св. Духа со Отцемъ 421, 423; низлагается 425.
АВРААМЪ—лично угостилъ сына Божія 14.
АВРААМЪ, ученикъ Ефрема 207.
АВРАМІЙ, персидскій епископъ 110.
АВРЕЛІЙ, авендонскій пустышникъ 198.
АГА, персидскій епископъ 110.
АГАНИЙ, аріанскій епископъ въ Ефесѣ 512.
АГДЕЛАЙ, персидскій епископъ 110.
АГЕЛІЙ, новаціанскій епископъ, изгоняется Валентомъ 394; возвращается Граціаномъ и присутствуетъ на Соборѣ константинопольскомъ 494. 496; его смерть 500.

- АДДА**, братъ пресвитера Викентіа 324.
- АДРІАНЪ**, изъ пресвитеровъ епископъ антиохійскій 284; схвачивается акакіанами и ссылается 284.
- АЗАДАПЪ**, персидскій діакопъ 109.
- АЗИЗЪ**, сирскій подвижникъ 437.
- АЗОДЪ**, свухъ Сапора 107.
- АКАКІЙ**, епископъ кесарійскій 166; присутствуетъ на антиохійскомъ Соборѣ 172; излагается западными епископами сардикскаго Собора 188; становится знаменитымъ 202; присутствуетъ на антиохійскомъ Соборѣ съ Евдокіемъ 248; излагаетъ Максима 273; присутствуетъ на Соборѣ селевкійскомъ и защищаетъ символъ сирійскій 279; излагаетъ новый символъ въ выраженіяхъ общихъ 281; излагается селевкійскимъ Соборомъ 283; отправляется ко двору 284; присутствуетъ на Соборѣ антиохійскомъ 383.
- АКАКІЙ**, епископъ берійскій, присутствуетъ на Соборѣ константинопольскомъ 483; рукополагаетъ Флавіана 493. 534; присутствуетъ на второмъ константинопольскомъ Соборѣ 588; отправляется по слову въ Римъ 552.
- АКЕСИМА**, персидскій епископъ 109 сл.
- АКЕСІЙ**, новаціанскій епископъ на никейскомъ Соборѣ 72; пользуется уваженіемъ Константина 137.
- АКИЛИЦЪ**, стрлпчій 86.
- АЛА**, сирскій подвижникъ 456 сл.
- АЛАРИХЪ**, вождь Готевъ 599. 615; осаждаетъ Римъ 619; отступаетъ къ Армину 620; снова осаждаетъ и беретъ Римъ 622. 625.
- АЛАФІОНЪ**, асалеійскій пустышникъ 198.
- АЛАФІОНЪ**, предокъ Созомена 4. 340.
- АЛЕКСАНДРЪ МАКЕДОНСКІЙ** 11.
- АЛЕКСАНДРЪ**, епископъ александрійскій 21; созываетъ клириковъ для словопреній съ Аріемъ 37; отлучаетъ отъ Церкви Арія и его единомышленниковъ 38; пишетъ ко всемъ епископамъ, чтобы они не сообщались съ аріанами 39; присутствуетъ на никейскомъ Соборѣ 62; избираетъ преемникомъ себя Аванасія 116.
- АЛЕКСАНДРЪ**, епископъ африканскій 253.
- АЛЕКСАНДРЪ**, епископъ константинопольскій, связываетъ уста философа 66 сл.; противопоставляетъ образованію аріанскаго Собора въ Константинополѣ 151; его смерть и избраніе преемника 167.

- АЛЕКСІОНЪ**, виагапонскій пустышникъ 198.
- АЛМЛУА** въ Римѣ постя однажды въ годъ 518.
- АМВРОСІЙ**—избирается въ епископа мелиолаискаго 425; рукополагается 426; подвергается гоненію отъ Юстинны 497; не допускаетъ Феодосія къ общенію 531; его подвиги 532 сл.; его переписка съ Нектаріемъ 560.
- АММОНЪ**, одинъ изъ братьевъ Длинныхъ 449. 569. 571; его смерть 581.
- АММОНЪ**, египетскій пустынножитель 438.
- АММОНЪ**, египетскій пустынножитель 52—55; его ученики 53.
- АМФИЛОХІЙ**, епископъ иконійскій 490.
- АМФИЛОХІЙ**, пресвитеръ, 484.
- АМФІОНЪ**, епископъ Епифаніа 39.
- АМФІОНЪ**, епископъ пикомидійскій 72; лишается церкви Евсеіемъ пикомидійскимъ 114.
- АНАНІЙ**, персидскій пресвитеръ 106.
- АНАСТАСІЙ**, епископъ римскій 598.
- АНДРАГАСІЙ**, философъ, наставникъ Іоанна Златоустаго 548.
- АНДРАГАСІЙ**, убійца Граціана 498—501.
- АНОМЕН** (*андромас*), или эксуконты, послѣдователи Аэція 301.
- АНТІОХІЙЦЫ**—низвергаютъ статуи царя и царицы 527.
- АНТІОХЪ**, епископъ итолемеидскій 566 сл.
- АНТОНІЙ**—монахъ 386.
- АНТОНІЙ**, палестинскій подвижникъ 455.
- АНТОНІЙ ВЕЛИКІЙ** 48—50; его ученики 51; его свидѣтельство объ Аванасіѣ 119; его прозѣба за Аванасія 155.
- АНУФЪ**, пустынножитель 196.
- АНФАЛА**, аріанскій епископъ 58.
- АНФАЛА**, персидскій пресвитеръ 109; мученикъ 110.
- АОНЪ**, настоятель обители 456.
- АПЕЛДЕСТЪ**, египетскій пустышникъ 439.
- АПИСТЪ**, александрійскій пресвитеръ 129.
- АППІАНЪ**, епископъ антиохійскій 292.
- АПОЛЛИНАРІЙ**—сирскій 355 сл.; его книги противъ Юліана 357; его защищеніе единосущія Свят. Духа съ Отцемъ и Сыномъ 420; его ересь 427; его церковныя пѣсни 428; знакомится съ Аванасіемъ 429; нагоняется Георгіемъ 430.
- АПОЛЛИНАРІЙ**—пресвитеръ, или старшій 430.
- АПОЛДОНІЙ**, египетскій подвижникъ 443.
- АПОЛДОНІЙ**, египетскій пустынножитель 196.

- АПОЛОСЪ**, евангелскій пустынножительъ 440.
- АРАНАДЪ** славился краснорѣчіемъ 207.
- АРБОГАСТЪ**, воссначальникъ 528; его погибель 530.
- АРГОНАВТЫ** 29.
- АРЗАКІЙ**, армянскій вождь 371.
- АРЗАКІЙ**, епископъ константинопольскій 593; его смерть 604.
- АРЗАКІЙ**, исповѣдникъ 286 сл.; предсказываетъ бѣдствія Никомидіи 236.
- АРИАНЕ** спосится съ епископами городовъ и жалуются на Александра 58; созываютъ Соборъ въ Вионніи 59; возмущаютъ александрійскую Церковь 125; дѣлаютъ успѣхи 176; созываютъ Соборъ противъ Аванасія въ Антиохіи 236; зажигаютъ домъ епископа Нектарія 501; расплзаются на двѣ секты 511; слабѣютъ 544; устанавливають антифонное пѣніе 563.
- АРИЙ**, пресвитеръ 56; высказываетъ въ церкви нѣкоторыя нечлѣны выраженія 57; состязается съ Александромъ 57; отлучается отъ Церкви 58; обращается съ прошеніемъ къ Павлину, Евсеію Памфилову и Патромию 60; возвращается изъ ссылки 114, 144; излагаетъ свою вѣру 145; принимается въ общеніе іерусалимскимъ (тирскимъ) Соборомъ 147; не принятый александрійскою Церковью, прѣбываетъ въ Константинополѣ 150; умираетъ 152.
- АРИЙ**, зрѣанскій пресвитеръ 58.
- АРКАДІЙ**, царь восточной имперіи 543; истребляетъ приведенныхъ Гайною Варваровъ 556; его смерть 607.
- АРКАДІЯ**, дочь Аркадія 607.
- АРМОНИЙ**, озрозанскій церковный писатель 207.
- АРМЯНЕ** приимають Христіанство 99.
- АРСЕНІЙ**, александрійскій клирикъ 130; приводится на тирскій Соборъ по дѣлу Аванасія 138.
- АРСИОНЪ**, египетскій подвижникъ 448.
- АРСИСІЙ ВЕЛИКІЙ**, египетскій подвижникъ 448.
- АРСИСІЙ**, египетскій пустышникъ 192 сл.
- АСКЛЕПА**, епископъ Газскій, низлагается и удаляется въ Римъ 179; оправдывается западными епископами сардикскаго Собора 187; возвращается на свою кафедру 224.
- АСТЕРІЙ**, каппадокійскій софистъ 159.
- АСТЕРІЙ**, префектъ востока 549.
- АСФАЛІЙ**, антиохійскій пресвитеръ, 250.
- АСХОЛІЙ**, солунскій епископъ, креститъ Феодосія 479; присутствуетъ на константинопольскомъ Соборѣ 485.

- АТТАЛЪ**, римскій тиранъ 622; слагаетъ знаки царскаго достоинства 624.
- АТТИКЪ**, епископъ константинопольскій 604.
- АФАНАРИХЪ**, вождь Готтовъ 468.
- АФАНАСІЙ**, александрійскій діаконъ, присутствуетъ на никейскомъ Соборѣ 64; дѣлается преемникомъ александрійскаго епископа Александра 116, 119.; рассказъ о его игрѣ въ дѣтствѣ 117; письмоводитель Александра 119; отвергаетъ арианъ 120; обносится клеветою 127; оправдывается Константиномъ 129; подвергается новымъ клеветамъ 130; ищетъ скрытаго Арсенія и пишетъ царю 131; призывается на тирскій Соборъ и подвергается обвиненіямъ 137, опасается за свою жизнь 139; уходитъ въ Константинополь 140; низлагается тирскимъ Соборомъ 140; жалуются Константину 147; ссылается въ Трирь 150; описываетъ смерть Арія 152; возвращается въ Александрію 164; убѣгаетъ въ Римъ 175; возвращается въ Александрію 179; оклеветывается и скрывается 182; приглашается Юліемъ 183; оправдывается западными епископами сардикскаго Собора 187; призывается Констанціемъ 216; отправляется въ Антиохію и удаляется отъ общенія съ тамошнимъ епископомъ Леонтиемъ 217; прѣбываетъ въ Египетъ 220; составляетъ Соборъ 225; скрывается 228, 240; посылаетъ отъ себя посольство къ царю 238; призывается царемъ, не ѣдетъ 239; убѣгаетъ 239; прозрѣваетъ въ будущее 240 сл.; печально является снова въ своей церкви 322; снова изгоняется 343; ѣдетъ къ Юліану 384; тайно выходитъ изъ города и скрывается 401; вызывается на свою кафедру письмомъ Валента 402; защищаетъ единосущіе Св. Духа со Отцемъ и Сыномъ 420; его смерть 413.
- АФАНАСІЙ**, африканскій епископъ 253.
- АФАНАСІЙ** епископъ анкирскій 294; присутствуетъ на антиохійскомъ Соборѣ 383; присутствуетъ на тискомъ Соборѣ 399.
- АХИЛЛЕСЪ**, мелетіанскій епископъ 137.
- АЗЦІЙ**, діалектикъ и писатель 204; исповѣдуетъ Сына не подобнымъ Отцу 216, 434; посылается въ діакона и явно обнаруживаетъ свое ученіе о Богѣ 246; лишается діаконства заклианами и ссылается 288, 434; вызывается изъ ссылки Юліаномъ 321.
- АЗКСЪ**, газскій любомудрствователь, епископъ восточный 540.

Б.

БЕНЕВОЛЪ, составитель законовъ 498.

БРЕЗОНЪ, царскій внукъ, управлявшій хоромъ церковныхъ пѣснопѣній 564; отправляется для возвращенія Иоанна 584.

БУЗИРИСЪ, анкирскій исповѣдникъ 336.

В.

ВАВИЛА, мученикъ 358 сл.

ВАЛЕНТИАНЪ, сосланный въ ссылку Юліаномъ возвращается при Юліанѣ 388 и провозглашается царемъ 387; избираетъ въ содѣйствители брата Валента 389; отказывается отъ вмѣшательства въ дѣла Церкви 390; повелѣваетъ рукоположить Амвросіа на мелаполитанскую кафедру 426; его смерть 462.

ВАЛЕНТИАНЪ МЛАДШИЙ, провозглашается царемъ 463. 497; убиваетъ изъ Рима въ Фессалонику 499; его смерть 525.

ВАЛЕНТИНЪ, сирскій подвижникъ 458.

ВАЛЕНТИНЪ, второй сирскій подвижникъ 458.

ВАЛЕНТЪ, епископъ мурскій, яже свидѣтельствуеетъ на Аванасіа 141; низлагается западными епископами сардикскаго Собора 188; покушается ввести арианство 190; раскасается въ яже свидѣтельство на Аванасіа 222; присутствуетъ на сирмійскомъ Соборѣ 234; утверждаетъ, что Сынъ не единосущенъ Отцу 253; на арминскомъ Соборѣ отвергаетъ единосущіе 262; низлагается 264; отправляется къ царю 265; уполномочивается царемъ ввести по всю Церковь чтимый имъ въ Армініи символъ 274;

ВАЛЕНТЪ—избирается царемъ востока 389; повелѣваетъ присутствовавшимъ на лимпсакскомъ Соборѣ епископамъ жить въ ссылкѣ 391; преслѣдуетъ противниковъ арианства 392; повелѣваетъ лишить жизни пословъ католической Церкви 405; уважаетъ Василия 408 сл.; запрещаетъ Эдессянамъ собираться даже за городомъ 411; убиваетъ философовъ и совѣтниковъ, которымъ имъ начиналось съ О, 460 сл.; позволяетъ Готамъ селиться во Фракіи 465. 467; раздражается ропотомъ Константинопольцевъ 473; побѣждается Готами и погибаетъ 474.

ВАЛЕРІАНЪ, царь, умираетъ въ цѣлу 413.

ВАЛЕРІАНЪ, епископъ Аппалейскій, 422.

ВАРВАСИМЪ, персидскій епископъ 410.

ВАРГІЙ, сирскій подвижникъ 456.

ВАРДИСАНЪ, озроенскій церковный писатель 207.

ВАРСІЙ, одесскій подвижникъ 437.

ВАСИЛИСКЪ, мученикъ, является Иоанну 606.

ВАСИЛІЙ, пресвитеръ анкирской Церкви, мученикъ 336.

ВАСИЛІЙ, епископъ анкирскій 158; низлагается западными епископами сардикскаго Собора 188; знаменитъ, какъ церковный писатель 202; изгоняется изъ церкви 224; снова вступаетъ на свою кафедру 226; присутствуетъ на сирмійскомъ Соборѣ 234; отправляется посломъ къ царю 250; является на Соборѣ селевкійскомъ 280; низлагается акакіанами 288; домогается у Іовіана неприкосновенности арминскихъ и селевкійскихъ постановленій 382.

ВАСИЛІЙ ВЕЛИКІЙ 199. 356; удивляется учености Еврема сирскаго 206; бывъ въ неприятныхъ отношеніяхъ къ Евсевию кесарійскому, примиряется съ нимъ 406; его воспитаніе 409; отъ основываетъ монашескія обители 410; противоборствуетъ арианству 417; защищаетъ единосущіе Св. Духа со Отцемъ и Сыномъ 420; противоборствуетъ епноміанамъ 433.

ВАССОНІЙ, сирскій подвижникъ 458.

ВАССЪ, сирскій подвижникъ 458.

ВАТФЕЙ, сирскій подвижникъ 456 сл.

ВЕНИАМИНЪ, египетскій пустыжникъ 442.

ВЕРЕНИАНЪ, правитель Испаніи 627.

ВЕТРАНИОНЪ, провозглашается царемъ 225; низводится въ состояніе частлаго человека 228.

ВЕТРАНИОНЪ, епископъ скиѣскій 418 сл.

ВИКЕНТІЙ, пресвитеръ 523 сл.

ВИКЕНТІЙ, пресвитеръ римскій 62.

ВИКТОРЪ, епископъ римскій 517.

ВИНЪ, египетскій пустынножитель 438.

ВИТАЛІЙ, антиохійскій пресвитеръ 427; вступаетъ въ общеніе съ Аполллинариемъ 428.

ВИТОНЪ, пресвитеръ римскій 62.

ВИТЪ, епископъ карскій 456.

ВУОЕРИХЪ, иллирійскій военачальникъ 581.

Г.

ГАВДЕНЦІЙ, епископъ 187.

ГАДДАНА, сирскій подвижникъ 487.
ГАДДІАНЪ, персидскій епископъ 110.
ГАЙНА, римскій восначальникъ, стремится къ тиранніи 582 сл.; старается возмутить Церковь 554; посылаетъ поджечь дворецъ 555; его погибель 557.
ГАЙ, епископъ на ариминскомъ Соборѣ отвергаетъ единосущіе 262; низлагается 264.
ГАЛАТЫ, принимаютъ Христіанство 93.
ГАЛЛА ПЛАКИДИЯ, сестра Гонорія 633.
ГАЛЪ, кесарь, управляетъ Сирією 228; разбиваетъ діокесарійскихъ Іудеевъ 235; умерщвляется 235.
ГЕОРГІЙ, епископъ лаодикійскій 172; низводится западными епископами сардикскаго Собора 188; присутствуетъ на Соборѣ селевкійскомъ 279.
ГЕОРГІЙ, пресвитеръ аргетаскій 122.
ГЕОРГІЙ, епископъ александрійскій со стороны Аріанъ 178; злодѣйствуетъ по удаленіи Аванасія 228; присутствуетъ на сирмійскомъ Соборѣ 231; возвращается въ Александрію, тиранствуетъ и убѣгаетъ къ царю 242; возвращается въ Александрію 243; присутствуетъ на Соборѣ селевкійскомъ 279; низлагается селевкійскимъ Соборомъ 283; преслѣдуетъ въ Александріи Христіанъ и язычниковъ 304; умерщвляется язычниками 324.
ГЕРАКЛІДЪ, епископъ ефесскій 559; подаетъ случай къ враждѣ партій на Соборѣ константинопольскомъ 585.
ГЕРАКЛІДЪ, начальникъ пустынниковъ 415.
ГЕРМИНІЙ, епископъ сирмійскій, утверждаетъ, что Сынъ не единосущенъ Отцу 253; отвергаетъ единосущіе на ариминскомъ соборѣ 262; низлагается 264.
ГЕРОНТІЙ, тиранъ 629 сл.
ГЕРОНТІЙ, епископъ никомидійскій 559.
ГОНЕНИЕ—отъ Сапора 100 — 116; отъ акакіанъ и евдокіанъ 295; отъ Македонія 273 сл.; отъ Юліана 314—322. 362 сл.; отъ язычниковъ 327. 339; отъ Валента 391 сл. 403 сл. 411; отъ аріанъ 413 сл.; отъ готскаго вождя Аванариха 466 сл.
ГОНОРІЙ, сынъ Θεодосія 500; царь западной имперіи 543; его борьба съ тираннами 624 сл. 627 сл. 630 сл.; его смерть 634.
ГОТОБЫ, становятся образованнѣе 93; приближаются къ границамъ восточной имперіи 465; опустошаютъ Фракію 467.
ГРАЦІАНЪ, нарекается Августомъ 395; позволяетъ возвратиться въ

отечество изгнаннымъ за вѣру 478; приглашаетъ на западъ епископовъ восточныхъ по дѣлу Флавіана 493.

ГРАЦІАНЪ, мученикъ 335.

ГРАЦІАНЪ, тиранъ 627.

ГРИГОРІЙ каппадокійскій 356, или Назіанзенъ 440; присутствуетъ на тіанскомъ Соборѣ 399; его воспитаніе 409; онъ дѣлается епископомъ константинопольскимъ 440. 484; противоборствуетъ аріанству 417; защищаетъ единосущіе Св. Духа со Отцемъ и Сыномъ 420; противоборствуетъ Евноміанамъ 493; обвиняетъ Аполлинарія 435; отрекается отъ константинопольской каведры 486.

ГРИГОРІЙ, епископъ александрійскій со стороны Аріанъ 171; присутствуетъ на антиохійскомъ Соборѣ 172; вступаетъ въ Александрію подъ прикрытіемъ военной стражи 178; низводится съ александрійскаго престола 178; отлучается западными епископами сардикскаго Собора 188.

ГРИГОРІЙ, епископъ нисскій 490.

ГРЪХИ—очищаются крещеніемъ и покаяніемъ 24. 26.

ГУННЫ—нападаютъ на Готевъ 464; дѣлаютъ набѣгъ на Арменію 543; опустошаютъ Фракію 599; убѣгаютъ отъ предѣловъ восточной имперіи 617.

Д.

ДАВСА, епископъ персидскій 110.

ДАМАСЪ, епископъ Римскій 420; созываетъ Соборъ противъ Аполлинарія 428.

ДАНИЛЪ, пустыжникъ 199.

ДЕКЕНТІЙ, братъ Магненція 235.

ДЕМОКРИТЪ философъ, 133.

ДЕМОФИЛЪ, епископъ, на ариминскомъ Соборѣ отвергаетъ единосущіе 262; низлагается 264; дѣлается епископомъ константинопольскимъ 403. 481; дѣлаетъ собранія за городомъ 482; присутствуетъ на константинопольскомъ Соборѣ 496.

ДИДИМЪ, церковный писатель, слѣпецъ 203. 248.

ДИДИМЪ, церковный любомудрствователь 377.

ДИДИМЪ, правитель Испаніи 627 сл.

ДИМИТРІЙ, епископъ писинутскій 582.

ДИАЛЕКТИКИ—на никейскомъ Соборѣ 63.

ДІАНИЙ, епископъ Кесаріи каппадокійской 172.

- ДИОГЕНЪ**, пресвитеръ александрійскій 288.
- ДИОДОРЪ**, епископъ тарсійскій, присутствуетъ на Соборѣ константинопольскомъ 485; предлагаетъ избрать епископомъ константинопольскимъ Нектарія 487. 490; рукополагаетъ Флавіана 498.
- ДИОДОРЪ**, наставникъ Іоанна Златоустаго 548.
- ДИОНИСІЙ**, витрійскій настоятель монастыря 452.
- ДИОНИСІЙ**, епископъ Альбы, не соглашается на низложеніе Аванасія на медіоланскомъ Соборѣ 237; нагоняется 238.
- ДИОСКОРЪ**, пресвитеръ, отецъ египетскихъ монаховъ 439.
- ДИОСКОРЪ**, одинъ изъ братьевъ Длинныхъ 449; епископъ Гермополиса 570; его смерть 581.
- ДЛИННЫЕ**—подвергаются ненависти Θεοφιλα 569; удаляются въ Іерусалимъ 572, потомъ въ Константинополь 573; обращаются къ царю 573; объясняются съ Епифаніемъ 577; принимаются въ общеніе Θεοфиломъ 581.
- ДОМНИКА**, супруга Валента 475.
- ДОНАТЪ**, епископъ города Евреи въ Эпирѣ 534.
- ДОРОСЕЙ**, арианскій епископъ въ Константинополь 500.
- ДРАКОНТІЙ**, епископъ пергамскій 288.
- ДУБЪ** мамврійскій и праздникъ близъ него 87 сл.

E.

- ЕВАГРІЙ**—рукополагается въ епископа константинопольскаго и ссылается 404.
- ЕВАГРІЙ**, египетскій инокъ 449 сл.
- ЕВАГРІЙ**, епископъ антиохійскій 501 сл.; его смерть 552.
- ЕВГЕНІЙ**, епископъ никейскій 236.
- ЕВГЕНІЙ**, тиранъ 525.
- ЕВДОКСІЙ**, епископъ Германики 172; отправляется посломъ въ Римъ 185; становится знаменитъ, какъ писатель 202; обманомъ занимаетъ антиохійскую кафедру 247; держится Авціева образа мыслей 248; составляетъ Соборъ въ Антиохіи 248; низлагается Соборомъ селевкійскимъ 283; поставляется въ епископы константинопольскаго 294; первый опытъ его поученій 294; располагаетъ Валента въ свою пользу 391; низлагаетъ Элевсія и возводитъ Евномія 393; его смерть 403.
- ЕВЗОВЪ**, арианскій діаконъ 58; возвращается изъ ссылки 144; вмѣстѣ съ Аріемъ представляетъ Константину исповѣданіе вѣры 145; принимается въ общеніе іерусалимскимъ (тирскимъ) Соборомъ

- 147; дѣлается епископомъ антиохійскимъ 300; хлопочетъ предъ Іовіаномъ о возведеніи на александрійскій престолъ свюха Проватія 385; отправляется въ Александрію, заключаетъ Петра и вѣряетъ Церковь Лукію 413.
- ЕВЛАДІЙ**, епископъ Кесаріи каппадокійскій 290.
- ЕВЛАДІЙ**, епископъ амасійскій 477.
- ЕВЛОГІЙ**, эдесскій подвижникъ и епископъ 457.
- ЕВЛОГІЙ**, пресвитеръ, отецъ египетскихъ монаховъ 440.
- ЕВНОМІАНЕ**—крестятъ въ смерть Христову чрезъ однократное погруженіе 431; раздѣляются на двѣ секты 510 сл.; ослабляютъ 544.
- ЕВНОМІЙ**, епископъ кизикскій 294. 393; крестятъ чрезъ однократное погруженіе 431; испытывается Евдоксіемъ 432; мыслитъ одинаково съ Авціемъ 434; оставляетъ Кизику и живетъ въ Виеніи 483; присутствуетъ на константинопольскомъ Соборѣ 496; ссылается Θεодосіемъ и умираетъ 509.
- ЕВПЛЪ**, мелетіанскій епископъ 137.
- ЕВПСИХІЙ**, кесарійскій пресвитеръ и мученикъ 337.
- ЕВРЕИ**—въ отношеніи къ вѣрѣ во Христа стали позади Эллиновъ 16.
- ЕВСЕВІЙ**, епископъ Маркеллъ лигурійскихъ, не соглашается на низложеніе Аванасія на Соборѣ медіоланскомъ 237; изгоняется 238.
- ЕВСЕВІЙ**, пресвитеръ 292.
- ЕВСЕВІЙ**, епископъ самосатскій 383.
- ЕВСЕВІЙ**, одинъ изъ братьевъ Длинныхъ 449.
- ЕВСЕВІЙ**, епископъ эмисскій 173; убѣгаетъ въ Лаодикию и снова возвращается въ Эмессу 174; присутствуетъ на антиохійскомъ Соборѣ 174; дѣлается знаменитъ, какъ писатель 202. 204.
- ЕВСЕВІЙ**, епископъ никоидійскій, принимаетъ сторону Арія 59, 124; подписываетъ символъ никейскаго Собора 70; не соглашается на низложеніе Арія 71; изгоняется Константиномъ 72; возвращается въ свою Церковь 114; пишетъ Аванасію о привітій Арія 120; изглаживаетъ свою подпись въ актахъ никейскаго Собора 125; обнаруживаетъ дерзость въ бесѣдѣ съ Константиномъ 126; клеветаетъ на Аванасія 127; къ клеветѣ на него возбуждаетъ Мелетіанъ 129; присутствуетъ на тирскомъ Соборѣ 136; привѣщаетъ въ Константинополь 150; искажаетъ никейскій символъ 158; отступаетъ отъ никейскаго ученія 163; дѣлается епископомъ константинопольскимъ 169; присутствуетъ на Соборѣ антиохійскомъ 172; пишетъ римскому епископу Юлію и умираетъ 176.
- ЕВСЕВІЙ ПАМФИЛОВЪ**—на Соборѣ никейскомъ произноситъ царю

рѣчь 68; сперва колеблется, однакожь подписываетъ никейскій символъ 71; спорить о единосущи съ Евстаѣемъ антиохійскимъ 120; отказывается отъ антиохійскаго престола 122; его смерть 166.

ЕВСЕВІЙ, правитель царскаго двора при Констанціи 164; подвергается смертной казни отъ Юліана 321.

ЕВСЕВІЙ, епископъ врекельскій 338; присутствуетъ на александрійскомъ Соборѣ 339; прѣзжаетъ въ Антиохію 340; путешествуетъ по востоку и возвращается въ Италію 341.

ЕВСЕВІЙ, мученикъ при Юліанѣ 327.

ЕВСЕВІЙ, епископъ Кесаріи каппадокійской 399.

ЕВСЕВІЙ, сирскій подвижникъ 456.

ЕВСЕВІЙ, карскій епископъ и любомудрствователь 456.

ЕВСЕВІЯ, супруга Констанція 341.

ЕВСЕВІЯ, македонская діакоинисса 610.

ЕВСТАОІЙ, епископъ сперва берійскій, а потомъ антиохійскій 22; присутствуетъ на никейскомъ Соборѣ 62; спорить о единосущи съ Евсевиемъ Памфиловымъ 120; лишается антиохійскаго престола 121; одобряется какъ писатель 123; рукополагаетъ на константинопольскій престолъ Евагрія и ссылается 404.

ЕВСТАОІЙ, епископъ севастійскій, полагаетъ начало монашеству у Арминъ, Пафлагонянь и Поптянь 99 сл.; отправляется посломъ къ царю 250; низлагается акакіанами 289; его ученіе о Св. Духѣ и о Богѣ Сынѣ 296; онъ открыто признаетъ себя македоніаномъ 342; отправляется посломъ къ Валентиніану 396.

ЕВТИХІАНЪ, подвижникъ 55.

ЕВТИХІЙ, послѣдователь Евномія 432. 510.

ЕВТРОПІЙ, чтець 595 сл.

ЕВТРОПІЙ, свнухъ, посланецъ Феодосія къ подвижнику Іоанну 526; старается о рукоположеніи Іоанна Златоустаго 551; старается о постановленіи закона, запрещающаго искать покровительства церкви 562.

ЕВФРОНІЙ, пресвитеръ каппадокійскій 122; рукополагая въ епископа антиохійскаго 123. 217.

ЕВХЕРІЙ, сынъ Стиликона 615.

ЕДИНОСУЩІЕ, сына со Отцемъ—предметъ спора 120; отличается отъ подобносущія 213; перѣдко сливается съ подобносущіемъ 214. 397; въ некоторымъ отвергается на римскомъ Соборѣ 262; изгоняется Македоніемъ, Элевсіемъ и Маравоніемъ 273.

ЕЛЕНА—путешествуетъ въ Іерусалимъ 77; открываетъ древо креста

77 сл.; построяетъ два храма въ Іерусалимѣ 81; посѣщаетъ восточныя города 81; ея смерть 82.

ЕПИФАНІЙ, софистъ 429.

ЕПИФАНІЙ, палестинскій подвижникъ и кипрскій епископъ 454.

ЕПИФАНІЙ, епископъ кипрскій 536 сл.; осуждаетъ сочиненія Оригена 574; отправляется на константинопольскій Соборъ 575; обнаруживаетъ неприязнь къ Іоанну 575 сл.; уѣзжаетъ изъ Константинополя 578.

ЕФРЕМЪ Сиріанинъ 457; діакопъ и церковный писатель 206; изучаетъ размѣры стихосложенія армоіева 208; избѣгаетъ епископства 209; устроитъ лечебницу 210.

З.

ЗАХАРІЙ, настоятель обители 455.

ЗАХАРІЙ, начальникъ монашеской обители 635.

ЗЕВЕНЪ Эверопольскій 541.

ЗЕМЛЕТРЯСЕНІЕ, разрушившее Никомидію 255 сл.

ЗЕНОНЪ, епископъ маумскій 3. 540.

ЗЕНОНЪ, газскій мученикъ при Юліанѣ 328.

ЗЕНОНЪ, епископъ газскій 329.

ЗЕНОНЪ епископъ тирскій 399.

ЗИНОВІЙ, ученикъ Ефрема 207.

ЗИНОНЪ, сирскій пустычникъ 456.

ЗНАМЕНІЕ креста на шеѣ при епископѣ Кириллѣ 229.

ЗНАМЯ—военное имѣло форму креста 24; предъ нимъ сложились войска 25; оно подносило было къ ослабѣвающимъ отрядамъ 25; его носили особыя копѣйщики, никогда не испытывавшіе неблагоприятной участи 26.

ЗОКОМЪ, сарацинскій патріархъ 471.

И.

ИБЕРІЙЦЫ принимаютъ Христіанство 95—99.

ИЛАРІЙ, епископъ іерусалимскій 302.

ИЛАРІЙ, епископъ пиктавійскій, изгоняется изъ церкви Соборомъ медіоланскимъ 238; возвращается и проповѣдуетъ ученіе никейское 341.

ИЛАРІЙ, пустычникъ 202.

- ИЛАРИОНЪ**, монахъ 4. 346. 484 сл.
ИЛАРИОНЪ, паметинскій преподобный 197.
ИЛАРИОНЪ, монахъ 331.
ИЛЮДОРЪ, сирскій подвижникъ 486 сл.
ИЛЯ, египетскій пустыжникъ 438.
ИЛЯ, сообщникъ Мелетіанъ 131.
ИМЕРІЙ, совѣсть, воспитатель Василія и Григорія 409.
ИНДІЙЦЫ, принимаютъ Христіанство 132.
ИННОКЕНТІЙ, епископъ римскій 578; пишетъ Иоанну и константинопольскому клиру 599; отправляетъ посольство къ Аркадію съ прошеніемъ созвать Соборъ по дѣлу Иоанна 606; отправляетъ посольство къ Алариху 620.
ИПАТІОНЪ, епископъ иракійскій и персійскій 389.
ИРАКЛИДЪ, египетскій пустыжникъ 192 сл.
ИРАКЛІЙ, жрецъ Геркулессова храма 290.
ИРАКЛІЙ, епископъ іерусалимскій 302.
ИРИНИОНЪ, епископъ галскій 388.
ИСААКЪ предобразовалъ крестную смерть Спасителя 14.
ИСААКЪ, епископъ персидскій 110.
ИСААКЪ, мелетіанскій епископъ 137.
ИСАКІЙ, ученикъ преподобнаго Иларіона 198.
ИСАКІЙ, монахъ, предсказываетъ Валенту смерть 473; находится въ разногласіи съ Иоанномъ 565; убѣгаетъ изъ Константинополя 586.
ИСИДОРЪ, пресвитеръ александрійскій 550; отправляется посломъ къ римскому епископу 552.
ИСИДОРЪ, отецъ египетскихъ монаховъ 439.
ИСИХА, палестинскій подвижникъ 454.
ИСТОЧНИКИ ИСТОРИИ, которыми пользовался Созоменъ:
АПОЛЛИНАРІА сиріянина свидѣтельство объ избраніи Аѳанасія въ епископа 116.
АНТІОХІЙСКАГО Собора посланіе Іовіану 383.
АРМИНСКАГО Собора посланіе Констанцію 265.
АѲАНАСІА сказаніе о смерти Арія 152 сл.
ГЕОРГІА лаодикійскаго посланіе нѣкоторымъ епископамъ 240.
ЕВСЕВІА и **ФЕОГНИСА** покающая грамота 114.
ИННОКЕНТІА посланіе Иоанну 600.
ИННОКЕНТІА посланіе клиру и народу 601.
ІЕРУСАЛИМСКАГО Собора посланіе египтянамъ 220.
КОНСТАНТИНА посланіе Аѳанасію 128.
КОНСТАНТИНА посланіе тирскому Собору 147.

- КОНСТАНТИНА** грамота александрійской Церкви 165.
КОНСТАНЦІА посланіе антиохійской Церкви 250.
МАКЕДОНІАНЪ исповѣданіе Ливерію 397.
РИМСКАГО Собора посланіе епископамъ въ Иллирики 422.
УРЗАКІА и **ВАЛЕНТА** посланіе папѣ Юлію 22.
УРЗАКІА и **ВАЛЕНТА** посланіе Аѳанасію 223.
ЮЛІАНА посланіе галатійскому жрецу Арзакію 349.
НОХИРИОНЪ, обвинитель Аѳанасія 187; поставляется епископомъ мареотскимъ отъ Арія и присутствуетъ на Соборѣ сардикскомъ 189.

I.

- ІАКОВЪ** предвозвѣстилъ чаюіе языковъ 4.
ІАКОВЪ, персидскій пресвитеръ 109.
ІАКОВЪ, персидскій епископъ 110.
ІЕРОГЛИФЫ 504.
ІОАННИТЫ—изгоняются изъ церкви и дѣлаютъ особыя собранія 589 сл.; охраняютъ сами домъ Іоанна 591; подвергаются гоненію 592 сл.
ІОАННЪ, пресвитеръ антиохійскій 547; личные его достоинства и воспитаніе 548 сл.; дѣлается епископомъ константинопольскимъ 549; заботится объ исправленіи жизни клириковъ 551; принимаетъ римскаго епископа съ Флавіаномъ 552; говоритъ царю противъ аріанина Гайны 554; привлекаетъ къ себѣ многихъ язычниковъ и еретиковъ 557; низлагаетъ многихъ епископовъ 559; отказываетъ Евтропію въ покровительствѣ церкви 562; учреждаетъ церковныя ходы и антифонное пѣніе 563; возбуждаетъ противъ себя ненависть клириковъ и многихъ монаховъ 566; питаетъ ненависть къ супругѣ царя 566; вступаетъ въ враждебныя отношенія къ Северіану 567; оказываетъ вниманіе Длипымъ 573; показываетъ знаки увяженія Епифанію 575 сл.; говоритъ обличительное слово противъ женщинъ 579; низлагается Соборомъ 582; оставляетъ Церковь 583; возвращается по ходатайству царицы и вступаетъ въ церковь 584; говоритъ бесѣду по случаю поставленной статуи царицѣ 587 сл.; судится и низлагается Соборомъ 589; подвергается опасности лишиться жизни отъ убійцъ 590; отводится въ ссылку 591; жизнь его въ Кукузѣ 605; ссылка его въ Пигіунтъ и смерть 606.
ІОАННЪ, персидскій епископъ 110.

- ЮАННЪ**, персидскій епископъ 110.
ЮАННЪ, мелетіанскій епископъ 125; клевететь на Аѳанасія 127. 137; принимается въ общеніе по опредѣленію тирскаго Собора 140; изгоняется въ ссылку 153.
ЮАННЪ Аркаѣ, монахъ 130.
ЮАННЪ, египетскій авва 442.
ЮАННЪ, египетскій подвижникъ 437; предсказываетъ Феодосію по-бѣду и смерть 526.
ЮАННЪ, епископъ іерусалимскій 500.
ЮВІАНЪ, провозглашается самодержцемъ 380; возвращаетъ права клирикамъ 381; отпускаетъ отъ себя Аѳанасія съ любовію 385; его смерть 386.
ЮВІЙ, римскій префектъ 599. 615; ведетъ переговоры съ Аларихомъ 621.
ЮСИФЪ іудейскій, свидѣтельствуетъ о Христѣ 15.
ІУДЕИ строятъ въ Іерусалимѣ храмъ 368 сл.
ІУЛІЙ, арианскій діаконъ 58.

К.

- КАЛИМЕРЪ**, правитель города 634.
КАЛЛИНИКЪ, епископъ 137.
КАРПОСІЙ, арианскій пресвитеръ 58.
КАРТЕРІЙ, настоятель монастыря 548.
КАЮЩЕСЯ въ Церкви римской 507.
КВИНТИАНЪ, епископъ газскій 179; низлагается западными епископами сардинскаго Собора 188.
КЕЛЛИОТЫ, или штрійскіе отшельники 451.
КЕЛЬТЫ принимаютъ Христіанство 93.
КЕСАРІЙ, консулъ 610.
КИРІАКЪ, епископъ адакскій 491.
КИРІАКЪ, епископъ 187.
КИРИЛЛЪ, епископъ іерусалимскій 202. 273; низлагается акаѳианами 292; спорить съ Акакіемъ о правахъ митрополита 292; для вспоможенія бѣднымъ продаетъ церковное имущество 293; снова вступаетъ на свою кафедру 302; присутствуетъ на константинопольскомъ Соборѣ 485.
КИРИНЪ, епископъ халкидонскій 580. 604.
КОНСТАНТИНОПОЛЬ, его основаніе 83—85.

- КОНСТАНТИНЪ**, царь, располагается къ принятію Христіанской Вѣры крестнымъ знаменіемъ 22 сл.; минная, приводимая язычниками причина его обращенія 26; онъ принимаетъ Христіанскую Вѣру еще управляя Галлією 27; окончательно разбиваетъ Ликинія 31; предписываетъ всѣмъ чтить Христіанскую Вѣру 31, постановляетъ законы въ пользу Христіанъ и дѣвственниковъ 32 сл.; отмѣняетъ многіе языческіе обычаи 33 сл.; строитъ и обновляетъ церкви 34; побѣждаетъ Савроматовъ и Готтовъ 34; устроитъ походную церковь 35; устанавливаетъ храненіе для воскреснаго и пятка 35 сл.; укоряетъ Александра и Арія 60 сл.; отираетъ къ нимъ Осію 62; назначаетъ Соборъ въ Никей 62; отказывается разбирать споры епископовъ и сожигаетъ ихъ прозвбы 63 сл.; открываетъ Соборъ рѣчью 68; примиряетъ мнѣнія разногласящихъ 69; назначаетъ Арію ссылку 71; изгоняетъ Евсевія никомидійскаго и Θεогниса никейскаго 71; призываетъ на Соборъ Аксеія и бесѣдуетъ съ нимъ 72 сл.; празднуетъ двадцатилѣтіе своего царствованія 75; созидаетъ молитвенный домъ въ Іерусалимѣ 77. 81; строитъ храмы и въ другихъ городахъ 83; основываетъ Константинополь 83; очищаетъ мѣсто при дубѣ мамврійскомъ 89 сл.; отбираетъ языческія изваянія 91; разрушаетъ капища 92; награждаетъ за обращеніе въ Христіанство 93; проситъ Сапора о чловѣколюбіи къ Христіанамъ 113; возвращаетъ изъ ссылки Евсевія и Θεогниса 114; усмиряетъ возмущеніе въ Антиохіи 121; пишетъ Евсевію и антиохійскому Собору 122; предписываетъ Аѳанасію ни для кого не заключать церкви 128; оправдываетъ Аѳанасія противъ клеветы 129; приближаетъ къ себѣ пресвитера Констанція 144; вызываетъ Арія 144; пишетъ тирскому Собору 147; ссылаетъ Аѳанасія 150; издаетъ указъ, запрещающій еретикамъ дѣлать особыя церковныя собранія 156; отправляется въ Еленополисъ для пользованія ванными, принимаетъ крещеніе и дѣлаетъ завѣщаніе 160; его смерть и погребеніе 161.
КОНСТАНТИНЪ, тиранъ 627.
КОНСТАНЦІЙ — дозволяетъ Христіанамъ свободно исповѣдывать свою вѣру 28 сл.; посылаетъ трехъ епископовъ къ Константу для совѣщанія объ Аѳанасіи и Павлѣ 184; отступаетъ отъ вѣры никейской 213; исповѣдуетъ подобносушіе 214; созываетъ Соборъ армянскій 215; зоветъ къ себѣ Аѳанасія 216; посылаетъ его въ Египетъ съ грамотою къ начальникамъ Египта 219; провозглашается самодержцемъ 225; низлагаетъ Ветраніо-

на и идетъ на Магвенція 228; созываетъ Соборъ въ Сирміи 231; повелѣваетъ умертвить Галла 238; назначаетъ Соборъ въ Италиі 236; ссылаетъ Ливерія 244 сл.; пишетъ антиохійской Церкви противъ Азціа 250; возвращаетъ Ливерія 253; назначаетъ Соборъ въ Никомидіи 253; переписывается съ Василиемъ объ избраніи мѣста для Собора 259; назначаетъ два современныхъ Собора 262; медлитъ припріятіемъ постовъ ариминскаго Собора 269; повелѣваетъ исповѣдывать Сына подобнымъ Отцу 286; его смерти 303.

КОНСТАНЦІЙ, военачальникъ Гонорія 631.

КОНСТАНТЬ—требуетъ отъ Констанція епископовъ для совѣщанія объ Аванасіи и Павлѣ 184; исповѣдуетъ вѣру никейскую 213; требуетъ отъ Констанція, чтобы онъ возвратилъ престолы Аванасію и Павлу 216; подвергается насильственной смерти 225.

КОНСТАНТЬ, сынъ тирана Константина 629.

КОПРІЙ, египетскій пустынножитель 438.

КРЕСТЪ, символъ победы надъ адомъ 23; основаніе надежды воскресенія 24.

КРЕЩЕНІЕ чрезъ единократное погруженіе 431.

КРИСХЕНТЬ, африканскій епископъ 253.

КРИСПІОНЪ, монахъ 4. 434; архидіаконъ Епифанія 577.

КРИСПЪ, сынъ Константина 26.

КРИТЯНЕ награждаютъ Гомера 9.

КРИНІЙ, пустышникъ 192 сл.

КРОМІОНЪ, египетскій подвижникъ 448.

Л.

ЛАБОРУМЪ, военное знамя 24 см. Знамя.

ЛАГОДІЙ, рождественникъ Генорія 628.

ЛАЗАРЬ, сирскій пустышникъ и епископъ 456.

ЛЕОНА, сановникъ, присутствуетъ на селевкійскомъ Соборѣ 277; отказывается участвовать въ засѣданіяхъ 283.

ЛЕОНТІЙ, пресвитеръ, 250.

ЛЕОНТІЙ, епископъ анкирскій 346; присутствуетъ на константинопольскомъ Соборѣ 388.

ЛЕОНТІЙ, каппадокійскій подвижникъ и епископъ анкирскій 459.

ЛЕОНТІЙ, епископъ антиохійскій 217; его смерть 247.

ЛИВАНИЙ, сирскій софистъ, убіеніе Юліана приписываетъ Христіанамъ 375; учитъ Василия и Григорія 410; отзывъ его о Златоустѣ 547.

ЛИВЕРІЙ, епископъ римскій 236; несоглашается на единомысліе съ аріанскими епископами 244; предлагаетъ Констанцію созвать Соборъ въ Александріи и защищаетъ Аванасія 245; отправляется въ ссылку 245 сл.; возвращается на свою кафедру 253; соглашается, что Сынъ не единосушенъ Отцу 253.

ЛИКНИЙ, притѣсняетъ Христіанъ 30; готовится къ войнѣ съ Константиномъ жертвами и гаданіями 30.

ЛУКІАНЪ, никомидійскій мученикъ 172.

ЛУКІЙ, епископъ адрианоупольскій, проживаетъ въ Римѣ 179; оправдывается западными епископами сардикскаго Собора 188; возвращается на свою кафедру 224; заключается въ темницу умираетъ 226.

ЛУКІЙ, аріанскій пресвитеръ 385.

ЛУКІЙ, епископъ александрійскій со стороны аріанъ 324. 413; нападаетъ на монашескія обители 414; изгоняетъ инокъ на островъ, населенный язычниками 416; обличается сарацинскимъ пресвитеромъ Моисеемъ 469; изгоняется изъ Александріи 472.

ЛЮБОМУДРІЕ—Христіанское 44; его описаніе 44—46; происхожденіе 47.

ЛЮЦИФЕРЪ, епископъ каральскій 338; пріѣзжаетъ въ Антиохію и рукополагаетъ Павлина 339; отправляется въ Сардинію 341.

ЛЮЦИФЕРЪ, церковный писатель 204; не соглашается на низложеніе Аванасія на медіоланскомъ Соборѣ 238; изгоняется 238.

М.

МААРЪ, персидскій епископъ 110.

МАВІЯ, сарацинская царица, заключаетъ союзъ съ Римлянами 468; предлагаетъ условіе мира 469; подаетъ помощь Константинополью 475.

МАГНЕНЦІЙ, римскій военачальникъ 225; его пораженіе и смерть 234 сл.

МАКАРІЙ, епископъ іерусалимскій 21; присутствуетъ на никейскомъ Соборѣ 62; способствуетъ къ открытію креста Господня 79.

МАКАРІЙ младшій, египетскій подвижникъ 443.

- МАКАРІЙ** александрійскій 192. 415.
МАКАРІЙ арианскій діаконь 58.
МАКАРІЙ, александрійскій пресвитерь 129.
МАКАРІЙ, новаціанскій пресвитерь 513.
МАКАРІЙ египетскій 191. 192. 415; обращаетъ язычниковъ въ Христіанство 416; возвращается 417.
МАКЕДОНІАНЕ — образуютъ особую секту и составляютъ Соборъ 342; отправляютъ посольство къ Валентиану 396; призываются на константинопольскій Соборъ вмѣстѣ съ православными 485; не соглашаются исповѣдать единосущіе 485; не имѣютъ епископа и отъ того ослабѣваютъ 544.
МАКЕДОНІЙ — жесвидѣтельствуетъ на Аванасія 141; возводится на константинопольскую кафедрѣ Аріанами 177; изгоняется православными 179; снова возводится на кафедрѣ 182; удаляется и дѣлаетъ частныя собранія 224; снова овладѣваетъ церквами 226; возмущаетъ Константинополь 273; преслѣдуетъ исповѣдниковъ единосущія и новаціанъ 274; производитъ кровопролитную драку въ Магнисиѣ 276; переноситъ гробницу Константина 277; является на Соборъ селевкійскій 280; низлагается акакіанами 288; его смерть 294; его ученіе о Св. Духѣ и Богѣ—Словѣ 296.
МАКЕДОНІЙ, мученикъ 335.
МАКСИМИНЪ, епископъ трирскій 186.
МАКСИМЪ, тираннъ, встаетъ на Граціана 497; убиваетъ его и идетъ въ Италію 499; его гибель 501.
МАКСИМЪ, тайно поставленный въ константинопольскаго епископа 490.
МАКСИМЪ, ефесскій философъ 310.
МАКСИМЪ, епископъ селевкійскій 548.
МАКСИМЪ, епископъ іерусалимскій 39; присутствуетъ Макарію 123; оставляетъ турецкій Соборъ 141; набѣгаетъ антиохійскаго Собора 174; составляетъ Соборъ въ Іерусалимѣ для утвержденія общенія съ Аванасіемъ 220; низлагается Акакіемъ и Патрономъ 273.
МАЛХІОНЪ, монахъ 4. 454.
МАРАСЪ, ученикъ Ефрема 207.
МАРАФОНІЙ, епископъ никомидійскій, помогаетъ Македонію возмущать Церкви 273; отвергаетъ божество Св. Духа 296 сл.
МАРДОНІЙ, правитель царскаго дворца 522.
МАРЕЯ, персидскій епископъ 110.

- МАРИНА**, дочь Аркадія 607.
МАРИНЪ, арианскій епископъ 500.
МАРИСЪ, епископъ халкидонскій, подписываетъ никейскій символъ 70; жесвидѣтельствуетъ на Аванасія 141; присутствуетъ на акакіанскомъ Соборѣ въ Константинополѣ 287; обличаетъ Юліана 318.
МАРКЕЛЛЪ, епископъ Анкиры галатійской 158; его сочиненіе 159 сл.; онъ пріѣзжаетъ въ Римъ 179; оправдывается западными епископами сардикскаго Собора 187; возвращается на свою кафедру 224; снова изгоняется 226.
МАРКЕЛЛЪ, епископъ апамейскій 505.
МАРКІАНЪ, епископъ лампсакскій, македоніанинъ 485.
МАРКІАНЪ, новаціанскій пресвитерь 394; епископъ въ Константинополѣ 500; раскаявается въ рукоположеніи Савватія 513; похваляется какъ добрый предстоитель 545.
МАРКІАНЪ, чтецъ Павла, умерщвляется Македоніемъ 227.
МАРКЪ, епископъ Ареузскій, отправляется посломъ въ Римъ 184; присутствуетъ на сирійскомъ Соборѣ 231; умерщвляется язычниками 333.
МАРКЪ, египетскій пресвитерь 137.
МАРКЪ, тираннъ 627.
МАРКЪ, епископъ римскій 123.
МАРКЪ, египетскій пустышникъ 443.
МАРОЗА, сирскій подвижникъ 458.
МАРСАИДА, персидскій хорезмископъ 110.
МАРТИНЪ, пашонскій инокъ 201; подвергается кознямъ Аксентія 202; дѣлается епископомъ тарракинскимъ 202.
МАРТИРІЙ, ближій и врачъ епископа Нектарія 491; отказывается отъ діаконства 492.
МАРТИРІЙ, епископъ маркіанопольскій 491.
МАРТИРІЙ, иподіаконъ Павла 227.
МАРТИРІЙ, епископъ 185.
МАТРОНА, посвященная Богу дѣва 523 сл.
МЕЛАНЪ, настоятель ринокурусской Церкви 452.
МЕЛЕТІАНЕ сливаются съ Аріанами 125; клеветуютъ на Аванасія 129 сл.
МЕЛЕТІЙ, епископъ севастійскій 294; переводится Евдоксіанами въ Антиохію 298; проповѣдуетъ единосущіе 299; изгоняется изъ Церкви 299; возвращается 340; присутствуетъ на Соборѣ антиохійскомъ 383; изгоняется Валентомъ 391; противоборствуетъ

арианству 417; возвращается въ Антиохію 478; отправляется на константинопольскій Соборъ 479. 485; его смерть и перенесеніе въ Антиохію 492.

МЕЛЕТІЙ, ересеначальникъ, осуждается никейскимъ Соборомъ 74 сл.; проживаетъ въ Ликѣ 124; снова рукополагаетъ 125.

МЕРОПІЙ, философъ, пугешествуетъ въ Индію 134.

МИЛАЪ, персидскій епископъ и мученикъ 111.

МИНА, арианскій діакопъ 38.

МИНОФАНТЪ, епископъ ефесскій, низводится западными епископами сардикскаго Собора 188; присутствуетъ на антиохійскомъ Соборѣ 236.

МОИСЕЙ, еѳіопскій подвижникъ 443.

МОИСЕЙ, пустышникъ, назначается Мавіею для посвященія въ епископа 469; отказывается принять рукоположеніе отъ Лукія 469; распространяетъ Христіанство между Сарацинами 470.

МОИСЕЙ, египетскій подвижникъ 444.

МОИСЕЙ, персидскій епископъ 110.

МОИСЕЙ, египетскій подвижникъ 445.

II.

НАРКИССЪ, епископъ иринопольскій, отправляется посломъ въ Римъ 184; низводится западными епископами сардикскаго Собора 188; присутствуетъ на антиохійскомъ Соборѣ 236.

НЕКТАРІЙ, избирается Соборомъ въ епископа константинопольскаго 487. 490; изучаетъ обязанности священства 491; переводитъ въ Константинополь мощи епископа Павла 492; присутствуетъ на константинопольскомъ Соборѣ 496; отмѣняетъ пресвитера-духовника 506; его смерть 546.

НЕКТАРІЯ, діакоонисса 292.

НЕОНА, епископъ Селевкии исаврійской 291.

НЕПОЦИАНЪ, племянникъ Константина 225.

НЕСТАВЪ, газскій мученикъ 327.

НЕСТОРЪ, исповѣдникъ 329.

НИКАРЕТТА, принадлежавшая къ приверженцамъ Іоанна Златоустаго 594.

НИЛАММОНЪ, геррасскій пустышникъ 586.

НОВАЦИАНЕ — въ содружествѣ съ каеволическими Церквами 157; подвергаются гоненію отъ Македонія и переносятъ свою цер-

ковь 274; располагаются къ соединенію съ каеволическою Церковію 275; празднуютъ Пасху вмѣстѣ съ Іудеями 426; усиливаются доблестію своихъ предстоятелей 544.

НОНИХІЯ, жена тирана Геронтія 630 сл.

O.

ОБРЪТЕНІЕ—честнаго креста 78 сл.; главы Іоанна Крестителя 522; — мощей пророковъ Аввакума и Михея 541;— сорока мучениковъ 610; мощей пророка Захаріи и архидиакона Стефана 634 сл.

ОБЫЧАН Церкви 517—520.

ОЛИМПИАДА, діакоонисса 565. 596.

ОЛИМПІЙ, языческій философъ 503 сл.

ОПТИАНЪ—описалъ въ стихахъ роды рыбъ 9.

ОРИГЕНЪ, египетскій подвижникъ 448.

ОРМИЗДА, епископъ персидскій 110.

ОРЪ, египетскій пустынножитель 438.

ОСИЯ, епископъ кордовскій 39; отправляется въ Александрію для установленія единомыслія 62; низлагается восточными епископами сардикскаго Собора 186. 189; присутствуетъ на сирмійскомъ Соборѣ 323.

ОТРЕЙ, епископъ мелитинскій 491. 399.

II.

ПАВЕЛЪ, епископъ константинопольскій 167. 169; низлагается и ссылается 168. 169; возвращается на константинопольскую кафедру 177; снова изгоняется 178; призывается въ Римъ 179; возвращается въ Константинополь 179; снова изгоняется и отвозится въ ссылку 181; является въ Римъ 183; возвращается въ Константинополь 224; отправляется на вѣчное изгнаніе и умираетъ 226.

ПАВЕЛЪ, константинопольскій чтець 582.

ПАВЕЛЪ, персидскій епископъ 110.

ПАВЕЛЪ, сирскій подвижникъ 458.

ПАВЕЛЪ, епископъ эмесскій 399.

ПАВЕЛЪ, простой 51.

ПАВЕЛЪ, египетскій подвижникъ 445.

ПАВЛИНЪ, епископъ трирскій 238.

ПАВЛИНЪ, епископъ тирскій 121.

- ПАВЛИНЪ**, епископъ антиохійскій 339; противоборствуетъ арианству 417; его смерть 501.
- ПАВЛОНЪ**—славится краснорѣчіемъ 207.
- ПАМВА**, пустышникъ 192 сл. 413.
- ПАНСОФІЙ**, епископъ никомидійскій 560.
- ПАПА**, епископъ 110.
- ПАСХА** празднуется не въ одно время 61; — у Новаціанъ вмѣстѣ съ Іудеями 426. 513—517.
- ПАТРОФИЛЪ**, епископъ синеопольскій, подписываетъ никейскій символъ 70. 121; признается арианствующимъ 124; присутствуетъ на антиохійскомъ Соборѣ 172. 236; низлагаетъ Максима 273; присутствуетъ на селевкійскомъ Соборѣ 279; низлагается селевкійскимъ Соборомъ 283.
- ПАФНУТІЙ**, пустышникъ 192 сл.
- ПАФНУТІЙ**, епископъ египетскій 39.
- ПАФНУТІЙ**, исповѣдникъ 141.
- ПАХОМІЙ**, пустышникъ 192; устанавливаетъ правила монастырскаго житія 194 сл.
- ПАХОМІЙ**, мелетіанскій епископъ 137.
- ПАХОНЪ**, египетскій подвижникъ 445.
- ПЕЛАГІЙ**, епископъ людикійскій, присутствуетъ на Соборѣ антиохійскомъ 383; присутствуетъ на Соборѣ тѣанскомъ 399, 490.
- ПЕРСЫ**, принимаютъ Христіанство 99; заключаютъ столѣтній союзъ съ восточною имперією 615.
- ПЕТРЪ**, архипресвитеръ александрійскій 570.
- ПЕТРЪ** епископъ александрійскій 75.
- ПЕТРЪ**, епископъ александрійскій, преемникъ Аванасія 413; убѣгаетъ въ Римъ 414; присутствуетъ на римскомъ Соборѣ 428; возвращается въ Александрію 472.
- ПИТИРІОНЪ**, пустышникъ 192 сл.
- ПІАММОНЪ**, египетскій авва 442.
- ПІОРЪ**, египетскій подвижникъ 445.
- ПЛАКИЛА**, супруга Θεодоссія 483.
- ПЛАКИТЪ**, епископъ антиохійскій 217.
- ПЛАТОНЪ**, философъ 133.
- ПЛИНОА**, военачальникъ, арианецъ 512.
- ПЛУСІАНЪ**, епископъ египетскій 139.
- ПОЛИКАРПЪ**, епископъ смирнскій 517.
- ПОЛИХРОНИЙ**, константинопольскій пресвитеръ 612.
- ПОРФИРІЙ**, епископъ антиохійскій 598.

- ПРАПИДІЙ**, каппадокійскій подвижникъ и епископъ 459.
- ПРЕДАНИЕ**—о статуѣ Спасителя 154; объ эммаусскомъ источникѣ 365; о деревѣ Персисѣ 366; о родственникѣ Юліана 377; о чудѣ съ македонянкою 558.
- ПРЕСВИТЕРЪ** при дворѣ Констанціи, покровительствуетъ Арію 143; удостоивается довѣренности Константина 143; пользуется довѣренностію Констанція и его супруги 164.
- ПРЕСВИТЕРЪ**—духовникъ 506.
- ПРИНЪ**, египетскій пресвитеръ 130.
- ПРОБІАНЪ**, придворный врачъ 87.
- ПРОВАТІЙ**, евнухъ 385.
- ПРОКОШІЙ**, стремится къ верховной власти 392.
- ПРОТОГЕНЪ**, епископъ сардикскій 187 сл.
- ПРОЗРЕСІЙ** софистъ, наставникъ Василя и Григорія 409.
- ПСАФИРИАНЕ**, отрасль арианства 511.
- ПУЗИКЪ**, начальникъ царскихъ художниковъ 106.
- ПУЛЬХЕРІЯ**, правительница восточной имперіи, дочь Аркадія 607; ея правленіе 608 сл.; обрѣтаетъ сорокъ мучениковъ 611.
- ПУТУВАСТІЙ**, египетскій подвижникъ 448.
- ПУТУВАСТЪ**, пустышникъ 192 сл.

P.

- РОДАНЪ**, епископъ 238.
- РОМА**, епископъ 110.
- РУФИНЪ**, префектъ восточный 543.

C.

- САВИНЪ**, персидскій епископъ 110.
- САВВАТІАНЕ**, 513.
- САВВАТІЙ**, панаціанскій пресвитеръ, празднуетъ Пасху съ Іудеями 513; клянется, что не приметъ епископства 514.
- САЛАМАНЪ**, монахъ 4. 454.
- САПОРЪ**, персидскій царь, преслѣдуетъ Христіанъ 100 — 112; отправляетъ пословъ къ Константину 112.
- САПОРЪ**, персидскій епископъ 110.
- САРАЦИНЫ**, ихъ происхожденіе 470.

САРМАТІЙ, арианскій пресвитеръ, 58,
САРЪ, готскій военачальникъ 625.
СЕВЕРІАНЪ, африканскій епископъ 253.
СЕВЕРІАНЪ, епископъ гавальскій, призываетъ въ Константинополь 566; враждуетъ съ архидіакономъ Серапіономъ 567; питаетъ враждебное чувство къ Іоанну 579; говоритъ въ церкви противъ Іоанна 583; убѣгаетъ изъ Константинополя 585.
СЕВЕРЪ, императоръ, награждаетъ Оппіана 9.
СЕКУНДЪ, епископъ нтолемандскій 70.
СЕЛНА, епископъ готскій, арианецъ 512.
СЕРАПІОНЪ, отецъ египетскихъ монаховъ 439.
СЕРАПІОНЪ, египетскій подвижникъ 448.
СЕРАПІОНЪ, великій, пустынножитель 192 сл.
СЕРАПІОНЪ, архидіакопъ Іоанна Златоустаго 565; возбуждаетъ ревность Іоанна къ Северіану и выражаетъ неуваженіе къ нему 567; призывается на судъ Собора 582; поставляется въ епископа гераклейскаго 587.
САРАПІОНЪ, епископъ тмуцкскій 202; отправляется отъ Аванасія посломъ къ царю 238.
СИЛЬВАНЪ, военачальникъ, 255.
СИЛЬВАНЪ, египетскій монахъ 455.
СИЛЬВАНЪ, епископъ тарскій, присутствуетъ на Соборѣ селевкскомъ 279; низлагается Акакіанами 291; домогается неприкосновенности ариминскихъ и селевкскіихъ постановленій 382; отправляется посломъ къ Валентиніану 396.
СИЛЬВЕСТРЪ, епископъ римскій 21.
СИМВОЛЫ, Аріевъ и Евзоевъ 145; антиохійскій 171; восточныхъ епископовъ, посланныхъ къ западнымъ 185; сирійскаго Собора 231 сл.; ариминскаго Собора 264; селевкскій или акакіанскій 281.
СИМЕОНЪ, епископъ селевкскій 100; претерпѣваетъ мученія 101; получаетъ мученическую смерть 104 сл.
СИМЕОНЪ, пустыжникъ 199; ученикъ Еврема 207.
СИРИКІЙ, епископъ римскій 543.
СИСНИЙ, чтецъ епископа Агелія, впоследствии епископъ 490 сл.; личилъ его достоинства 545 сл.; сохъ его о чтецѣ Евтропій 596.
СОВОРЫ —
АЛЕКСАНДРІЙСКІЙ, для подтвержденія никейскихъ опредѣленій 338; утверждаетъ единосущіе Пресвятой Троицы 339.

АЛЕКСАНДРІЙСКІЙ, для подтвержденія опредѣленій Соборовъ сардикскаго и іерусалимскаго 225.
АНКИРСКІЙ, противъ Евдоксія и Азція 249 сл.
АНТІОХІЙСКІЙ, по случаю спора между Евсевіемъ и Евстаеіемъ 121; низлагаетъ Евстаеія 121.
АНТІОХІЙСКІЙ, арианскій, для искаженія никейскаго символа 170; клевететъ на Аванасія 170; назначаетъ въ Александрію епископомъ Григорія 171; низлагаетъ символъ въ выраженіяхъ неопредѣленныхъ 171; получаетъ посланіе отъ римскаго епископа Юлія 179; отвѣчаетъ на него съ угрозами 180; клевететъ на низложившихъ имя епископовъ 181.
АНТІОХІЙСКІЙ, для подтвержденія вѣры никейской 383.
АНТІОХІЙСКІЙ, арианскій, противъ Аванасія 236.
АНТІОХІЙСКІЙ арианскій, для отверженія единосущія и подобносущія 248.
АНТІОХІЙСКІЙ акакіанскій, отвергаетъ подобносущіе и подобіе и принимаетъ неподобіе 300.
АНТІОХІЙСКО-КАРІЙСКІЙ отвергаетъ единосущіе и защищаетъ символы селевкскій и антиохійскій 400.
АНТІОХІЙСКО-КАРІЙСКІЙ утверждаетъ подобносущіе 477.
АРИМИНСКІЙ, для рѣшенія спорныхъ вопросовъ касательно вѣры 215. 216. 262; постановляетъ ничего не утверждать отличнаго отъ вѣры никейской 263; отправляетъ посольство къ царю 265; потомъ принимаетъ подобносущіе 272.
ВНОИНСКІЙ арианскій, противъ Александра 59.
ІЕРУСАЛИМСКІЙ, для утвержденія общенія съ Аванасіемъ 220.
КОНСТАНТИНОПОЛЬСКІЙ арианскій—востаетъ на Александра епископа константинопольскаго 151; искажаетъ никейскій символъ 158; низлагаетъ епископа Маркелла 158.
КОНСТАНТИНОПОЛЬСКІЙ акакіанскій, для подписанія символа ариминскаго 287; отнимаетъ у Азція санъ діакона 287; низлагаетъ Македонія, Эзелсія, Василія анкирскаго, Зортасія и Драконтія 288.
КОНСТАНТИНОПОЛЬСКІЙ, для подтвержденія никейской вѣры и избранія епископа въ Константинополь 484; рукополагаетъ Нектарія 488; объявляетъ никейскую вѣру господствующею и повелѣваетъ, чтобы епископы жили при

своихъ церквахъ и невмѣшивались въ рукоположенія до нихъ некасающихся 489.

КОНСТАТИНОПОЛЬСКІЙ, для примиренія еретиковъ съ каволическою Церковію 494.

КОНСТАТИНОПОЛЬСКІЙ по случаю рукоположенія Іоанна Златоустаго 549.

КОНСТАТИНОПОЛЬСКІЙ для суда надъ Іоанномъ 575; принимаетъ въ общеніе Длинныхъ 581; низлагаетъ Іоанна 582; раздѣляется на партіи за Гераклида 585.

КОНСТАТИНОПОЛЬСКІЙ противъ Іоанна 588; низлагаетъ Іоанна 589.

ЛАМПСАКСКІЙ, для отмѣненія опредѣленій евдоксіанскихъ и акакіанскихъ и утвержденія подобносушія 390; представляетъ свои опредѣленія Валенту 391.

МЕДИСАНСКІЙ, для соединенія восточныхъ и западныхъ Церквей въ духъ ученія арианскаго 237; предлагаетъ вопросъ о низверженіи Аванасія 237; закрывается не получивъ успѣха 243.

НИКЕЙСКІЙ, противъ Арія 62; признаетъ единосушіе Сына 70; отлучаетъ Арія и его единомышленниковъ 71; постановляетъ совершать Пасху вездѣ въ одно время 72; начертываетъ правила для управленія Церковію 73; разсматриваетъ дѣло Мелетія 74.

ПАЗСКІЙ, повиціанскій, о празднованіи пасхи, 426.

РИМСКІЙ, противъ Аполлиарія 428.

РИМСКІЙ, просивъ Авксентія 421.

САРДИНСКІЙ, для разсужденія о дѣлѣ Аванасія и Павла 185; раздѣляется на двѣ партіи, восточную и западную 186; полагаетъ начало раздѣленія Церкви на восточную и западную 190.

СЕЛЕВКІЙСКІЙ, для рѣшенія спорныхъ вопросовъ касательно вѣры, и споровъ епископскихъ 262; дѣлится на двѣ партіи 278; различаетъ подобіе и подобносушіе 282.

СЕЛЕВСКІЙ, македоніанскій, отвергаетъ акасіанъ и принимаетъ символъ антиохійскій 342.

СИРМІЙСКІЙ, по поводу ереси Фотиневой 231; низлагаетъ Фотина 231; издаетъ три изложенія вѣры 231.

ТИРСКІЙ, противъ Аванасія 137; осуждаетъ и низлагаетъ его 140; пишетъ и посылаетъ свое опредѣленіе Константину

140 сл.; отправляется въ Іерусалимъ 142; принимаетъ въ общеніе Арія и Евзоя 147.

ТИАНСКІЙ, для чтенія посланія Ливеріева 399; полагаетъ собраться въ Тарсѣ 400.

СОЗСМЕНЪ, пишетъ исторію 3—6; посвящаетъ ее Θεодосію Младшему 12; предполагаетъ ея дѣленіе 13; предначертываетъ ея горизонтъ 18; показываетъ основанія, на которыхъ намѣренъ утверждать повѣствованіе 19; устанавливаетъ предметъ и методу 20 сл.

СОДОНЪ, итрійскій подвижникъ 452.

СОНИТРЪ, философъ 26 сл.

СОФРОНІЙ, епископъ помпеопольскій, присутствуетъ на Соборѣ селевкійскомъ 279; встаетъ противъ символа Акакіева 281; низлагается акакіанами 291; открыто признаетъ себя македоніаномъ 342; домогается неприкосновенности ариминскихъ и селевкійскихъ постановленій 382.

СПИРИДОНЪ гримфунтскій находитъ у себя хищниковъ 40; требуетъ отвѣта отъ умершей дочери 41; раздаетъ плоды изъ своей житницы 41; укоряетъ Трифилія 42 сл.; принимаетъ странника 43.

СТЕФАНЪ, епископъ антиохійскій 217.

СТЕФАНЪ, египетскій подвижникъ 44.

СТИЛІКОНЪ, военачальникъ Гонорія 599, 615; удерживаетъ Гонорія отъ путешествія въ Италію и стремится къ тиранніи 615.

Т.

ТАВЕННИСИАНЕ, влоки 193.

ТАРБУЛА, мученица 107.

ТЕРЕНЦІЙ, епископъ города Томи 491.

ТИГРІЙ, пресвитеръ константинопольскій 582, 597.

ТИМОФЕЙ, правитель александрійской Церкви, писатель 441; присутствуетъ на константинопольскомъ Соборѣ 485, 490.

ТВИДАТЪ, армянскій царь, принимаетъ Христіанство 99.

ТИТЪ, епископъ бострійскій 202; по требованію Юліана, изгоняется изъ города 345.

ТРЕВИГАЛЬДЪ, военачальникъ римскій 583.

ТРИФИЛІЙ, епископъ андрійскій 42.

У.

УЛЬДИСЪ, предводитель Варяровъ 617.

УЛЬФИЛА, епископъ готскій, присутствуетъ на Соборѣ акаціанскомъ 287; является посломъ къ царю 468; уклоняется въ арианство 466.

УЛЬФИЛА, военачальникъ Гоноріа 631.

УРАВИЙ, епископъ тирскій присутствуетъ на евдоксіанскомъ Соборѣ 248; присутствуетъ на селевкійскомъ Соборѣ 279; низлагается 283.

УРЗАКІЙ, епископъ стигидонскій, жесвидѣтельствуеъ на Аѳанасіа 141; низлагается западными епископами сардинскаго Собора 188; покушается ввести арианство на западъ 190; раскаивается въ жесвидѣтельствѣ на Аѳанасіа 222; утверждаетъ, что Сынъ не единосущенъ Отцу 253; отвергаетъ единосущіе на арминскомъ Соборѣ 262; низлагается 264; отправляется къ царю 265.

УРСИНЪ, римскій діаконъ 420.

УСОАЗАДЪ, евиухъ, воспитатель Саора 102; его смерть 104.

Ф.

ФЕЛИКСЪ, епископъ римскій, соепископъ Ливерія 254.

ФИЛОСОФЫ языческіе входятъ въ разсужденія съ отцами никейскаго Собора 65; съ Александромъ константинопольскимъ 60; посѣщаютъ востранныя государства 133; посредствомъ деревяннаго треножника стараются опредѣлить имя преемника Валентова 460.

ФЛАВИАНЪ, епископъ антиохійскій 492; своимъ рукоположеніемъ подаетъ поводъ къ несогласію епископовъ 493; отправляется посломъ къ Теодосію и проситъ пощады Антиохійцамъ 527.

ФЛАВИАНЪ, римскій префектъ 526.

ФОТИНЪ, проповѣдуетъ ересь 230; низлагается сирмійскимъ Соборомъ 231; вступаетъ въ состязаніе съ Василиемъ анкирскимъ 233; издаетъ сочиненіе 234.

ФРИГІАНЕ или монтисты 158.

ФРИТИГЕРНЪ, вождь Готтовъ 465.

ФРУМЕНТИЙ проповѣдуетъ Христіанство въ Индіи 132 сл. 134 сл.; отправляется въ Александрію 135; получаетъ санъ епископа и возвращается въ Индію 136.

ФУСКОВЪ, монахъ 4. 454.

X.

ХРАМЫ—мучениковъ въ Іерусалимѣ 77. 142; вилеемскій елеонскій 81; михайловскій въ Константинополѣ 85; антиохійскій 169; эмесскій 212; Софін въ Константинополѣ 294; воскресенія въ Константинополѣ 481; Павла въ Константинополѣ 492; Петра и Павла въ Дубѣ 581; мученика Фирса 611; Петра въ Римѣ 625.

ХРИСТИАНЕ при Ликии не смѣютъ открыто дѣлать собранія 22.

ХРИСТИАНСТВО принимается Кельтами, Галатами и Готами 93; Иберійцами 95, Армянами 99; Персами 99; Индійцами 132; Сарацинами 470 сл.; усиливается и распространяется при Теодосіѣ 520 сл. 544.

ХРИСТЪ, епископъ никейскій 72; лишается церкви чрезъ возвращеніе Теогниса 114.

Ц.

ЦЕРКОВНЫЯ СОБРАНІЯ 519.

Ч.

ЧЕТЫРЕДЕСЯТНИЦА 518 сл.

ЧЕТЫРЕДЕСЯТИДНЕВНИКИ 515.

Э.

ЭДЕССІЙ, сопутствуетъ Меронію въ Индію 134; дѣлается пресвитеромъ въ Тирѣ 185.

ЭЛЕВСІЙ, епископъ виазскій, отправляется посломъ къ царю 250; помогаетъ Македонію возмущать Церковь 273; разрушаетъ въ Виазѣ новаціанскую церковь 275; присутствуетъ на Соборѣ селевкійскомъ 279; низлагается акаціанами 288; его ученіе о Богѣ Сынѣ и Св. Духѣ 296; онъ получаетъ повелѣніе построить разрушенную имъ новаціанскую церковь 321; открыто признаетъ себя македоніаниномъ 342; изгоняется Юліаномъ 343; вступаетъ въ общеніе съ Аріанами и тотчасъ же раскаивается 393; низлагается Евдоксіемъ 393; присутствуетъ на Соборѣ константинопольскомъ 485; предсѣдательствуетъ на Соборѣ константинопольскомъ 496.

ЭЛЛАДІЙ, аріанскій діаконъ 58.

ЭЛЛАДИЙ, епископъ Кесарин каппадокійской 490; посвящаетъ Геронтія 560.

ЭЛЛИЙ, египетскій пустынножительъ 438.

ЭЛПИДИЙ, епископъ саталійскій 291.

ЭЛПИДИЙ, пресвитеръ константинопольскій 590.

ЭМПЕДОКЛЪ, философъ 133.

ЭОРТАСІЙ, епископъ сардскій 288.

Ю.

ЮЛІАНЪ, вѣдесскій пустынникъ 199. 457.

ЮЛІАНЪ, кесарь, побѣждаетъ Варваровъ и провозглашается Августомъ 303; перемѣняетъ вѣру 303. 306; провозглашается Самодержцемъ 305; его происхожденіе, дѣтство, воспитаніе и воинскіе успѣхи 307 сл.; онъ возстановляетъ языческіе храмы и обряды богослуженія 318; питаетъ ненависть къ христіанствующимъ городамъ 314 сл.; лишаетъ клириковъ прежнихъ правъ и преимуществъ 319; иереевъ, сосланныхъ Констанціемъ, вывываетъ изъ ссылки 320; изгоняетъ Аванасія изъ Александріи, Элевсія изъ Кизики 343; Тита изъ Бостры 343; въ богослуженіи и жизни язычниковъ старается ввести благочиніе христіанское 348; мѣры для пріученія Христіанъ къ язычеству 351 сл.; его сочиненіе противъ Антиохійцевъ 358; онъ приказываетъ вынести изъ Дафны гробъ мученика Вавилы 361; низвергаетъ изображенія Христа 364; показываетъ благорасположеніе къ Иудеямъ 367; приказываетъ имъ строить въ Иерусалимѣ храмъ 368; вступаетъ въ войну съ Персами 371; предпринимаетъ отступленіе 374; поражается смертельно 378; бѣдствія въ его царствованіе 379 сл.

ЮЛІАНЪ, правитель Египта 326; съѣдается червями за расхищеніе церковныхъ сосудовъ 327.

ЮЛІЙ, епископъ римскій 62.

ЮЛІЙ II, епископъ римскій 123; пишетъ антиохійскому Собору 179; получаетъ отъ него отвѣтъ съ угрозою 180; снова пишетъ тому же Собору и приглашаетъ къ себѣ Аванасія 183; ходатайствуетъ о немъ и о Павлѣ предъ Константиномъ 184; низлагается восточными епископами сардискскаго Собора 186.

ЮСТИНА, мать царя Валентиціана 497.

Я.

ЯЗЫЧНИКИ—александрійскіе мстятъ Христіанамъ за поруганіе надъ ихъ идолами 502; защищаютъ свои храмы 504; въ большомъ числѣ обращаются въ Христіанство 557.

Ө.

ӨАЛЛІЯ—сочиненіе Арія, запрещенное никейскимъ Соборомъ 71.

ӨЕМИСТІЙ, философъ 468.

ӨЕОГНИСЪ, епископъ никейскій, подписываетъ никейскій символъ 70; несогласуется на низложеніе Арія 71; изгоняется Константиномъ 71; возвращается въ свою Церковь 114; изглаживаетъ свою подпись въ актахъ никейскаго Собора 126; жесвидѣтельствуетъ на Аванасія 141; искажаетъ никейскій символъ 158 отступаетъ отъ никейскаго ученія 163.

ӨЕОДОРЪ, пресвитеръ антиохійскій, хранитель церковныхъ сосудовъ 326.

ӨЕОДОРЪ, мученикъ 362.

ӨЕОДОРЪ, сирскій подвижникъ 458.

ӨЕОДОРЪ, епископъ ираклейскій, жесвидѣтельствуетъ на Аванасія 141; присутствуетъ на антиохійскомъ Соборѣ 172; отправляется посломъ въ Римъ 184; низлагается западными епископами сардискскаго Собора 188; присутствуетъ на антиохійскомъ Соборѣ 236.

ӨЕОДОРЪ, египетскій монахъ 53.

ӨЕОДОРЪ, епископъ мопсуитскій 548.

ӨЕОДОСИЙ, объявляется царемъ восточной имперіи 476; принимаетъ крещеніе отъ Асхолія 479; издаетъ законъ о повсюдномъ исповѣданіи равночестной Троицы 480; созываетъ Соборъ въ Константинополь 484; собираетъ ересеначальниковъ 494; отправляется на войну противъ Максима 500; торжествуетъ побѣду въ Римѣ 501; повелѣваетъ разрушать языческіе храмы 503; переноситъ въ Константинополь главу Іоанна Крестителя 523; идетъ противъ Евгенія и совѣтуется съ пустышникомъ Іоанномъ 526; прощаетъ Антиохійцамъ нанесенное ими оскорбленіе царю 527; объявляетъ царемъ Гоноріа 528; поражаетъ Евгенія 529 сл.; обличенный Θεодосіемъ, сознаетъ свой грѣхъ 531 сл.; впадаетъ въ болѣзнь и умираетъ 542.

БЕОДОСИЙ Младшій вступаетъ на престолъ 607; время его рожденія 537; показываетъ примѣръ воздержанія и великодушія 11; обладаетъ естественными познаніями 10; щедро награждаетъ за словесныя произведенія 8. 9.

БЕОДОСИОЛЪ, родственникъ Гонорія 628.

БЕОДОТЪ, епископъ лаодикійскій 429.

БЕОДУЛЪ, мученикъ 335.

БЕОКТИСТЪ, новаціанскій пресвитерь 513.

БЕОКТИСТЪ, основатель особой отрасли аріанства 511.

БЕОНА, египетскій пустынножитель 438.

БЕОТИМЪ, епископъ Томиса и прочей Скиѳи 535; защищаетъ сочиненія Оригена 576.

БЕОФИЛЪ, епископъ каставальскій, низлагается акакіанами 291; отправляется посломъ къ Валентиніану 396.

БЕОФИЛЪ, епископъ александрійскій 500; противится хиротоніи Іоанна 550; притворно принимаетъ антроморфизмъ 568 сл.; заводитъ ссору съ Длинными 569 сл.; вступаетъ въ вражду съ пресвитеромъ Исидоромъ 570 сл.; злоумышляетъ противъ Іоанна и ищетъ дружбы Епифанія 574; отправляется на константинопольскій Соборъ 575; встрѣча его 580; его судъ надъ Гераклидомъ 585; его бѣгство изъ Константинополя 586.

БЕОФРОНИЙ, ученикъ Евномія 509; дѣлается епископомъ каппадокійскимъ 432.

